Легенды

Стивен КИНГ

Терри ПРАТЧЕТТ

Терри ГУДКАЙНД

Орсон СКОТТ КАРД

Роберт СИЛВЕРБЕРГ

Урсула ЛЕ ГУИН

Тед УИЛЬЯМС

Джордж МАРТИН

Энн МАККЭФФРИ

Раймонд ФЕЙСТ

Роберт ДЖОРДАН

Легенды

Стивен КИНГ

Терри ПРАТЧЕТТ

Терри ГУДКАЙНД

Орсон СКОТТ КАРД

Роберт СИЛВЕРБЕРГ

Урсула ЛЕ ГУИН

Тед УИЛЬЯМС

Джордж МАРТИН

Энн МАККЭФФРИ

Раймонд ФЕЙСТ

Роберт ДЖОРДАН

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Легенды

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

LEGENDS

ЛЕГЕНДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Л33

Серия основана в 1999 году

LEGENDS:
Edited by Robert Silverberg
1998

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Кудрявцева

Иллюстрации и оформление: А. Дубовик, А. Сальников

Печатается с разрешения
Ralph M.Vicinanza Ltd. c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 17.01.02. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 2 500 экз. Заказ № 692.

Легенды: Сб.: Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ»,
Л33 2002. — 717, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-005255-3

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров. Стивена Кинга, создавшего мир «Темной Башни». Урсулу Ле Гуин, создавшую мир «Земноморья». Роберта Джордана, создавшего мир «Колеса времен». Терри Гудкайнда, создавшего мир «Меча Истины». И многих, многих других — тех, что не просто пишут романы-фэнтези, а, подобно демиургам, полетом фантазии творят миры. Тех, которым нет равных. Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников попутешествовать по этим мирам еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны СПЕЦИАЛЬНО для антологии.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Agberg, Ltd., 1998
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Посвящается
Марти и Ральфу.
Они знают — почему

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами книга чудес и видений — одиннадцать сочных, полнокровных историй, созданных самыми известными и заслуженными авторами, работающими сегодня в жанре фэнтези. Каждая из них происходит в той самой воображаемой вселенной, которая прославила своего автора на весь мир.

Фэнтези — это старейшая ветвь фантастической литературы, ровесница человеческого воображения. Легко представить себе, что тот самый артистический импульс, который создал наскальные росписи Альтамиры и Шове пятнадцать, двадцать, а то и все тридцать тысяч лет назад, мог породить удивительные истории о богах и демонах, о талисманах и заклинаниях, о драконах и оборотнях, о чудесных землях за горизонтом — истории, которые одетые в шкуры колдуны рассказывали восхищенным слушателям у костров Европы ледового периода. То же самое происходило в знойной Африке, в доисторическом Китае, в древней Индии, в обеих Америках тысячи, если не сотни тысяч лет назад. Мне нравится думать, что этот сказительный импульс универсален и что сказочники существовали с тех самых пор, как люди стали называться людьми. Сказочники, которые на всем долгом пути нашей эволюции посвящали свой ум, талант и энергию созданию самых невероятных чудес.

Мы, разумеется, никогда не узнаем, что рассказывали кроманьонские сказочники в морозные ночи своей древней Франции — но наверняка в их историях содержалось немало фантастики. В пользу этого свидетельствуют наиболее старые истории, которые дошли все-таки до наших дней. Если определить фэнтези как литературу, описывающую мир, лежащий за пределами обыденной реальности, и борьбу человека за освоение этого мира, — тогда древнейшей фантастической историей, дошедшей до нас, следует считать шумерский эпос о герое Гильгамеше, датируемый 2500 годом до н.э., потому что Гильгамеш ищет бессмертия.

Перевод Н.И. Виленской. ©Перевод. Виленская Н.И., 1999.

Гомерова «Одиссея» изобилует существами, меняющими облик, колдунами, волшебницами, циклопами и многоглавыми людоедами — как и многие другие греко-римские предания. Приближаясь к нашим временам, мы встречаем страшное чудовище Гренделя из англосаксонского «Беовульфа», змею Мидгард, дракона Фафнира и апокалиптического волка Фенриса из норвежских саг, злосчастного, ищущего бессмертия доктора Фауста из немецкой легенды, сонмы чародеев из «Тысячи и одной ночи», небывалых героев валлийского «Мабиногиона» и персидского «Шахнамэ» и бесконечное количество других странных созданий.

Импульс творить в своем воображении чудеса не исчез и в минувшем веке, в эпоху микроскопов и телескопов, паровых машин и железных дорог, телеграфа, фотографии и электричества. Наша завороженность небывалым и небываемым ничуть не уменьшилась из-за того, что многие вещи, считавшиеся прежде невозможными, стали вдруг реальными. Разве это не фантастика — слышать целый симфонический оркестр с тонкого грифельного диска? Или говорить в аппарат, который передает твои слова за десять тысяч миль? Однако тот же век, что подарил нам изобретения Томаса Альвы Эдисона и Александра Грэхема Белла, дал нам две несравненные повести Льюиса Кэрролла о приключениях Алисы в иной реальности, бесчисленные романы Райдера Хаггарда о потерянных цивилизациях и «Франкенштейна» Мэри Шелли.

Даже двадцатый век — век воздушных перелетов, атомной энергии, телевидения и компьютеров, когда хирурги оперируют на открытом сердце и меняют пол человека, не убил в нас вкуса к чудесному. Авторы машинной эры — Дж.Б. Кэбелл, А. Меррит, лорд Дансени, Э. Эддисон, Мервин Пик, Фрэнк Баум, Г. Лавкрафт, Р. Говард и Дж. Толкин — если ограничиться перечнем наиболее видных — щедро снабжали мир чудесными историями.

Впрочем, одна перемена в двадцатом веке все-таки произошла — стала расти популярность научной фантастики, которая с удивительной изобретательностью заставляет невозможное или по крайней мере невероятное казаться реальным. С развитием этой отрасли, порожденной больше ста лет назад Ж. Верном и Г. Уэллсом и продолженной та-

кими писателями, как Р. Хайнлайн, А. Азимов и О. Хаксли, «чистая» фэнтези (то есть фантастика, которая не пытается объяснять свои чудеса) стала считаться чтением для детей, вроде мифов и волшебных сказок.

Старейшая ветвь фантастики, разумеется, не исчезла полностью, но пережила почти пятидесятилетний период затмения — по крайней мере в Соединенных Штатах. Для читателей, состоящих в основном из мальчиков и серьезных молодых людей, интересующихся наукой и техникой, издавалось множество научно-фантастических журналов. Единственным американским журналом, печатавшим то, что мы определяем как фэнтези, был «Уэйрд Тэйлз», основанный в 1923 г., и в нем помещались также произведения, которые мы сегодня к фэнтэзи не относим — например, рассказы ужасов.

Между фэнтези и научной фантастикой не всегда легко провести грань, но кое-какие различия все-таки существуют. Истории, где фигурируют андроиды и роботы, инопланетяне, машины времени, космические вирусы, галактические империи и тому подобное, относят обычно к научной фантастике. Все эти вещи *принципиально возможны* в рамках научных законов, как мы их в настоящее время понимаем. (Хотя такие вещи, как машины времени и корабли, летающие быстрее света, находятся на самой границе возможного, если не за его пределами.) Фэнтези же имеет дело с тем, что в нашей культуре считается *невозможным или несуществующим:* с колдунами и чародеями, эльфами и гоблинами, оборотнями и вампирами, единорогами и зачарованными принцессами, чарами и заклинаниями.

Фэнтези в чистом виде не имела собственного издания до 1939 г., когда Джон Кэмпбелл, очень известный в то время издатель научной фантастики, основал журнал «Анноун» (позднее «Анноун Уорлдз», или «Неизвестные миры»). Этим он расширил кругозор воображения своих авторов, выпустив его за рамки научной фантастики, какой ее понимал. Многие писатели, которые сделали кэмпбелловский «Эстаундинг сайенс фикшн» самым читаемым журналом в этой области: Р. Хайнлайн, Спрэг де Камп, Т. Старджон, Лестер дель Рей, Джек Уильямсон, — стали также столпами «Анноун», и литературная концепция осталась той же: выдвиже-

ние какой-нибудь невероятной идеи и развитие ее до логического конца. Но истории о дурном отношении к водяным гномам или продаже души дьяволу помещались теперь в «Анноун», а о путешествиях во времени и полетах на далекие планеты — в «Эстаундинг».

Однако «Анноун», при всей любви к нему его авторов и читателей, так и не обрел широкой популярности, а нехватка бумаги в военные годы вынудила Кэмпбелла сделать выбор между двумя журналами. В 1943 г. «Анноун» скоропостижно скончался и более уже не воскресал. Ностальгические послевоенные попытки сотрудников «Анноун» вернуть былое не имели успеха. «Бейонд» Г. Голда выдержал десять выпусков, «Фэнтези фикшн» Лестера дель Рея — всего четыре. Только «Мэгэзин оф фэнтези» Энтони Бучера и Фрэнсиса Мак-Комаса сумел утвердиться в качестве постоянного издания, да и тот со второго же номера сменил название на «Фэнтези энд сайенс фикшн». В 50-х годах научная фантастика стала издаваться в мягких переплетах, и фэнтези опять отстала от нее. То немногое, что все-таки вышло в мягком переплете — «Гибнущая Земля» Джека Вэнса, переиздания Лавкрафта и Р. Говарда, — быстро исчезло с прилавков и стало библиографической редкостью.

Положение начало меняться в поздние 60-е, когда вышла в мягкой обложке трилогия Толкина «Властелин колец» (чему прежде препятствовал издатель). Это вызвало у миллионов читателей голод к фэнтези, который столь долго не утолялся. Книги Толкина имели столь громкий коммерческий успех, что издатели бросились разыскивать авторов, способных создавать сказочные трилогии. Мир наводнили толстые «хоббитские» романы, которые шли нарасхват. Книги Р. Говарда о Конане, прежде известные только узкому кругу фанатов, завоевали огромное количество новых поклонников примерно в то же время. Несколько лет спустя в издательстве «Бэллантайн букс», выпустившем в свет Толкина, стала выходить под редакцией Лина Картера серия «Фэнтези для взрослых», открывшая современному читателю таких классиков, как Э. Эддисон, Дж.Б. Кэбелл, лорд Дансени и Мервин Пик. С тех пор фэнтези сделалась доминирующей отраслью в издательском деле. Жанр, пятьдесят лет назад считавшейся побочной ветвью научной фантастики, приобрел невероятную популярность.

Новые авторы вслед за Толкином принялись создавать свои фантастические миры, быстро завоевавшие собственную читательскую аудиторию. В поздних 60-х Урсула Ле Гуин начала свою проникновенную серию «Земноморье», а Энн Маккэфри воскресила древнюю фантастическую тему драконов в романах серии «Перн», где фэнтези граничит с научной фантастикой. Чуть позже Стивен Кинг разгадал архитипические страхи человечества и вложил их в свои истории, принадлежащие к самой темной области фэнтези. Терри Пратчетт, со своей стороны, продемонстрировал комические возможности сатирической фантастики. Орсон Скотт Кард и Раймонд Фейст победили сердца читателей книгами об Алвине Созидателе и Войне со змеями. Некоторое время спустя свое место в пантеоне современной фэнтези заняли Роберт Джордан с «Колесом времен», Джордж Мартин с «Песней льда и огня», Терри Гудкайнд с «Мечом Истины» и Тэд Уильямс с серией «Память, горе и тернии».

Все эти писатели представлены здесь, в обширной антологии, которой любители фэнтези могут наслаждаться целыми неделями. Вы найдете здесь новые истории о Земноморье, Перне и прочих волшебных мирах. Такой книги еще не было. Собрать все эти звезды первой величины под одним переплетом оказалось не так-то просто. Приношу благодарность Мартину Гринбергу, Ральфу Вичинанце, Стивену Кингу, Джону Хелферсу и Вирджинии Кидд, снявших с моих плеч огромную долю издательского бремени. Не говоря уж о том, как я благодарен своей жене Карен за ее неоценимую помощь на каждой стадии этого монументального проекта. Помимо всего прочего, самая блестящая идея во всем этом предприятии принадлежит тоже ей.

Роберт Силверберг,
декабрь 1997

Стивен Кинг

Темная Башня

Stephen King

THE LITTLE SISTERS OF ELURIA

Перевод с английского В. Вебера

© Stephen King, 1998
© Перевод. В.Вебер, 1999

Цикл «ТЕМНАЯ БАШНЯ» включает романы:
«СТРЕЛОК» (1982)
«ИЗВЛЕЧЕНИЕ ТРОИХ» (1987)
«БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ» (1991)
«КОЛДУН И КРИСТАЛЛ» (1997)

В этом цикле, навеянном поэмой Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел», рассказывается история Роланда, последнего из стрелков, цель жизни которого — найти Темную Башню. Причины, позвавшие его в дальний путь, пока известны только автору, но не читателям. Роланд — выходец из некогда процветающего государства, феодального по устройству, но технологически гораздо более развитого, раздираемого внутренними противоречиями и стремительно приходящего в упадок. Кинг блестяще комбинирует элементы фэнтези и научной фантастики, создавая сюрреалистическое полотно, в котором прошлое и настоящее сливаются воедино.

В первой книге, романе «Стрелок», мы знакомимся с Роландом, который преследует человека в черном, колдуна Уолтера. Из этого романа читатель узнает, что Роланд — отпрыск древнего рода из мира Темной Башни, и мир этот, при содействии человека в черном, может быть спасен или уничтожен. Роланд сталкивается со странными обитателями этого мира, в том числе и с Джейком, мальчиком, который, хотя его и убивают в конце первой книги, вновь появляется и играет заметную роль в последующих романах. Роланд настигает человека в черном и узнает от него, что должен найти Темную Башню, чтобы получить ответы на главные вопросы: почему именно он должен взвалить на себя такую ношу и что сокрыто в Темной Башне.

Во второй книге, «Извлечение троих», рассказывается о том, как Роланд набирает «команду» для похода к Темной Башне, «извлекая» трех человек из нашей реальности, современного нам мира. Это Эдди, наркокурьер, работающий на мафию, сам пристрастившийся к героину, Сюзанна, негритянка-калека с ампутированными по колено ногами, страдающая раздвоением личности, и Джейк (его «извлечение» происходит в следующем романе), новая встреча с которым изумляет Роланда: он же пожертвовал Джейком в своем мире ради того, чтобы продолжить поиски Темной Башни. Но Роланд спасает жизнь Джейка в нашем мире и тем самым создает временной парадокс, который едва не сводит его с ума. При этом Роланд должен помогать Эдди и Сюзанне в борьбе с демонами, разрушающими их сознание. Для Эдди это наркотическая зависимость и чувство вины перед братом, которого он не смог уберечь от смерти, для Сюзанны — раздвоение личности: в ней как бы живут две женщины, одна — добрая и мягкая, вторая — фанатичная расистка, готовая уничтожить всех белых. Помогая друг другу, Роланду, Эдди и Сюзанне удается справиться с внутренними проблемами, и уже втроем они отправляются к Темной Башне.

В третьей книге, «Бесплодные земли», устраняется временной парадокс: в Срединном мире появляется третий «извлеченный», Джейк. А наиболее драматические события разворачиваются в руинах древнего города, где Джейка похищает одна из обитающих там банд, возглавляемая неким Флеггом (этот персонаж появляется, в частности, в «Оке дракона» и в некоторых других романах Стивена Кинга, являясь олицетворением зла). Роланд спасает мальчика, и все четверо покидают город на монорельсовом поезде, управляемом искусственным интеллектом, программе которого удалось сохранить работоспособность, заплатив за это высокую цену: компьютер обезумел. Монорельсовый поезд предлагает Роланду и его спутникам поучаствовать в конкурсе загадок. Он заявляет, что знает ответ на любую загадку. И обещает сохранить четверке жизнь лишь при условии, что им удастся опровергнуть это утверждение.

В четвертой книге, «Колдун и кристалл», Роланд, Джейк, Эдди и Сюзанна продолжают поиски Темной Башни. Путь их лежит через пустынную равнину Срединного мира, отда-

лепно напоминающую Америку двадцатого столетия. Они набредают на червоточину, опасный природный феномен, разъедающий пространственно-временные барьеры. Червоточина напоминает Роланду о тех далеких временах, когда он впервые столкнулся с этим явлением. Случилось это во время его путешествия в компании самых близких друзей, Катберта и Алена, путешествия, в которое ему пришлось отправиться не по своей воле, сразу после того, как он заслужил право зваться стрелком. Именно это путешествие, по ходу которого трое юношей раскрывают заговор против законных правителей, а Роланд встречает свою первую любовь, Сюзан Дельгадо, и составляет сердцевину романа «Колдун и кристалл». Юношам удается уничтожить заговорщиков, но Сюзан умирает страшной смертью на костре. События в Хэмбри, родном городе Сюзан, жители которого и стали ее палачами, позволяют Джейку, Эдди и Сюзанне увидеть Роланда в ином ракурсе, показывают, почему он может пожертвовать ими ради достижения главной цели: спасения своего мира. Заканчивается книга тем, что четверка отважных продолжает путь к Темной Башне.

Смиренные сестры Элурии

(Авторское пояснение: Цикл «Темная Башня» начинается с того, как Роланд из Гилеада, последний стрелок исчезнувшего мира, который «сдвинулся», преследует человека в черном, колдуна в черных одеждах. Преследование Уолтера затянулось надолго. В конце первой книги цикла Роланду удается настигнуть колдуна. Предлагаемая ниже история случилась с Роландом, когда он еще шел по следу Уолтера. Поэтому для понимания происходящих событий не обязательно знать, что происходило в четырех уже опубликованных книгах цикла. Надеюсь, вы с интересом (и с удовольствием) прочитаете этот маленький эпизод из жизни Роланда. С.К.)

Глава первая

Полная Земля. Обезлюдевший город. Колокола. Мертвый юноша. Перевернутый фургон. Зеленые человечки

Этот день на Полную Землю, когда Роланд подъехал к воротам маленького городка в Заброшенных горах, выдался таким жарким, что, казалось, высасывал воздух из легких до того, как тело успевало использовать его. Роланд путешествовал один, верхом, хотя с тем же успехом мог идти на

своих двоих. Всю последнюю неделю он безуспешно пытался найти ветеринара, но теперь уже смирился с мыслью о том, что теперь пользы от лошадиного доктора не будет, даже если таковой и обретался в лежащем перед ним городке. Чалый жеребец-двухлетка Роланда доживал последние часы.

Распахнутые ворота — в цветах, оставшихся после какого-то праздника, — приглашали пожаловать в город, но царившая за ними тишина навевала тревожные мысли. Стрелок не слышал ни всхрапывания лошадей, ни скрипа колес фургонов, ни криков торговцев, расхваливающих свой товар на ярмарочной площади. До него доносились лишь монотонное стрекотание сверчков (или каких-то других насекомых, потому что сверчки стрекотали чуть в иной тональности), какое-то странное постукивание, вроде бы чем-то деревянным, да перезвон маленьких колоколов.

Да и цветы в гирляндах, которыми горожане оплели стойки ворот, давно уже засохли.

Топси дважды громко чихнул, и его повело в сторону. Роланд тут же спешился, заботясь как о лошади, так и о себе: не хотелось ему остаться на земле со сломанной ногой, если жеребец выберет этот самый момент для того, чтобы закончить свой жизненный путь и сойти с тропы в пустошь.

В запыленных сапогах, вылинявших джинсах, стрелок стоял рядом с жеребцом, поглаживая его шею да изредка отвлекаясь, чтобы отогнать мух от слезящихся глаз Топси: пусть откладывают свои яйца и выводят личинок после смерти жеребца, но никак не раньше.

Роланд гладил шею жеребца и вслушивался в далекий перезвон колоколов и странное деревянное постукивание. А вскоре перестал озираться по сторонам и пригляделся к распахнутым воротам.

Крест над ними вроде бы чуть отличался от тех, к которым он привык, но в принципе такие же ворота встречали его в любом маленьком городке, а за последние десять месяцев он побывал во многих. Другие ворота, не столь внушительные, стояли и на выезде из каждого городка. Ворота предназначались не для того, чтобы не пускать в город незваных гостей. Стояли они между стен из розового песчаника, но стены эти обрывались в двадцати футах от дороги. Запри ворота, повесь на них тяжелые замки, но все эти уси-

лия могли лишь удлинить путь незваного гостя на несколько десятков футов.

За воротами Роланд видел обычную Главную улицу: гостиница, два салуна (один назывался «Веселый поросенок», вывеска второго совершенно выцвела, так что названия Роланд прочитать не смог), торговая лавка, кузница, Дом собраний. Еще Роланд увидел небольшое, но красивое деревянное здание с колокольней и золотым крестом на двустворчатой двери. Крест, такой же, как и над воротами, подсказал Роланду, что перед ним храм тех, кто поклоняется Иисусу-человеку. Единой религии в Срединном мире не было. Там поклонялись и Баалу, и Асмадею, и сотням других богов. Вера, как и все остальное в этом мире, сдвинулась. Так что, с точки зрения Роланда, Бог Креста стоял в длинном ряду равных себе, а учил он тому, что любовь и убийство неразрывно связаны, чтобы в итоге Бог мог напиться крови.

Насекомые продолжали стрекотать, ну совсем как сверчки, колокола — позвякивать. Никуда не делся и стук. Словно кто-то размеренно колотил кулаком по двери. Или по крышке гроба.

Что-то здесь не так, подумал Роланд. *Берегись, стрелок, за воротами затаилась опасность.*

Но он повел Топси вперед, через ворота с засохшими цветами, на Главную улицу. На веранде торговой лавки, где обычно собираются старики, чтобы обсудить виды на урожай, политику и выходки молодых, стояли лишь пустые кресла-качалки. У одного, словно выпавшая из обессиленной (или отрубленной) руки, лежала курительная трубка. Пустовала и коновязь у «Веселого поросенка». Окна салуна напоминали черные дыры. Одну половинку двери, сорванную с петель, кто-то аккуратно прислонил к стене. Вторая наполовину приоткрылась. На зеленую дверцу щедро плеснули чем-то темно-красным. Роланд решил, что это не краска.

Ворота конюшни стояли нетронутыми, зато от нее самой остались одни головешки. Пожар, должно быть, случился в дождливый день, подумал стрелок, иначе выгорел бы весь город.

Церковь стояла по его правую руку, на полпути к городской площади. Зеленые газоны отделяли ее с одной стороны

от Дома собраний, а с другой — от маленького коттеджа, в котором жили священник и его семья (если, конечно, эта секта Христа разрешала своим шаманам жениться и иметь детей; были и такие, безусловно, ведомые сумасшедшими, которые требовали от священника обета безбрачия). Цветы на газонах, конечно, пожухли, но не завяли. Из этого Роланд сделал вывод, что городок опустел недавно. Учитывая жару, с неделю тому назад, максимум — две.

Топси вновь чихнул, устало поник головой.

Стрелок обнаружил источник звона. Над золотым крестом на двери длинной дугой провисла веревка, на которой висели не меньше двух десятков миниатюрных серебряных колоколов. Ветра практически не было, но и малейших его дуновений хватало для того, чтобы колокольчики пребывали в постоянном движении. Оставалось только гадать, какой стоял шум при достаточно сильном ветре. Роланд даже подумал, что постоянное треньканье, пусть и мелодичное, не могло не действовать на нервы.

— Эй! — позвал Роланд, глядя на вывеску гостиницы «Мягкие постели». — Эй, есть тут кто-нибудь?

Ответа он не получил, лишь позвякивали колокола, стрекотали насекомые, да где-то что-то стучало по дереву. Ни ответа, ни движения... но кто-то тут был. То ли горожане, то ли... кто-то еще. Роланд чувствовал, что за ним наблюдают. И крохотные волоски у него на шее встали дыбом.

Роланд двинулся дальше, к центру городка, ведя за собой Топси. Каждый шаг поднимал облачко пыли: Главную улицу не удосужились вымостить камнем. Вскоре стрелок остановился вновь, на этот раз перед низким зданием (каменный фундамент, деревянные стены, совсем как церковь), фронтон которого украшало короткое слово: «ЗАКОН».

За спиной Роланда все позвякивали колокола.

Он оставил жеребца посреди улицы и поднялся на крыльцо. Колокола звенели, солнце палило, струйки пота текли по бокам. Роланд толкнул закрытую, но не запертую дверь, скорчил гримасу, поднял руку, прикрывая лицо от потока горячего воздуха, хлынувшего в щель. Если в закрытых помещениях такое пекло, подумал он, зерно в амбарах может и загореться. И если не пойдет дождь (пожарных-то тут уже нет), то городок вскорости может исчезнуть с лица земли.

Роланд преступил порог, стараясь всасывать воздух, избегая глубоких вдохов. Тут же услышал гудение мух.

К достаточно просторной комнате примыкала одна камера, пустая, с открытой дверью-решеткой. Пара заляпанных грязью сапог лежала у койки. Один просил каши. Большое пятно на койке цветом не отличалось от брызг на двери салуна «Веселый поросенок». Над пятном и кружили мухи.

На столе Роланд увидел гроссбух в кожаном переплете. Развернул его к себе, прочитал слова, выдавленные в коже:

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КНИГА
ПРАВОНАРУШЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ
ВО СЛАВУ ГОСПОДА НАШЕГО
ЭЛУРИЯ

Вот он и узнал название городка. Элурия. Приятное на слух, но и в чем-то зловещее. Но, резонно рассудил Роланд, в такой ситуации любое название может показаться зловещим. Он повернулся, чтобы уйти, и тут заметил дверь, запертую на деревянный засов.

Шагнул к ней, остановился, потом достал из кобуры большой револьвер. Постоял несколько секунд, задумавшись (Катберт, его закадычный друг, не раз говорил, что соображает Роланд медленно, зато всегда принимает правильное решение), свободной рукой отодвинул засов. Открыл дверь и тут же отступил на шаг, ожидая, что на него вывалится тело (может, и шерифа Элурии) с перерезанным горлом и вырванными глазами, виновник **ПРАВОНАРУШЕНИЯ** и жертва **НАКАЗАНИЯ...**

Никто не вывалился.

За дверью обнаружилось с полдюжины грязных роб, которые, вероятно, полагалось носить арестованным, два лука, колчан со стрелами, старый, ржавый мотор, ружье, из которого уже лет сто как не стреляли... и швабра. То есть, по разумению стрелка, ничего интересного. Чулан как чулан.

Роланд вернулся к столу, раскрыл регистрационную книгу, пролистал. Даже страницы были теплыми, словно лежала книга в духовке. С другой стороны, по температуре кабинет шерифа если и уступал последней, то лишь на несколько градусов. Если бы Главной улицей Элурия отлича-

лась от большинства других городков, Роланд ожидал бы найти в регистрационной книге множество преступлений против религии и, соответственно, записей о наказаниях грешников. Но соседство церкви Иисуса с двумя салунами указывало на то, что церковники мирились с человеческими слабостями.

Поэтому в книге регистрировались обычные правонарушения, в том числе и тяжкие: убийство, кража лошади, недостойное поведение по отношению к даме (вероятно, подразумевалось изнасилование). Убийцу отправили в Лексингворт, где и повесили. Роланд никогда не слышал этого названия. В одной из записей, ближе к концу, указывалось, что *«Зеленых людей выслали прочь»*. Что сие означало, Роланд не понял.

Самая последняя гласила:

12/ПЗ/Суд над Чес. Фриборном, конокрадом.

Суд, как догадался Роланд, состоялся на двенадцатый день Полной Земли (в Элурии, видать, отказались от обычных названий календарных месяцев). Стрелок решил, что запись эту сделали в регистрационной книге незадолго до того, как на койке в камере появилось кровавое пятно, то есть Чес. Фриборн, конокрад, скорее всего уже прошел свою тропу до конца и ступил с нее в пустошь.

Роланд вновь вышел под яркое солнце, к колокольному перезвону. Топси печально взглянул на стрелка и вновь опустил голову, словно надеялся найти в уличной пыли что-то съедобное. Хотя едва ли ему хотелось пощипать травку.

Стрелок взялся за вожжи, стряхнул ими пыль с выцветших джинсов и зашагал дальше. Деревянное постукивание становилось все громче (выходя из кабинета шерифа, Роланд не убрал в кобуру револьвер), и, подходя к городской площади, где в лучшие времена, вероятно, располагался рынок, он наконец-то уловил какое-то движение.

У дальнего конца площади Роланд увидел длинный желоб, выдолбленный из железного дерева (в этих местах оно называлось секвойей). В лучшие времена вода в желоб поступала из ржавой металлической трубы, которая висела над южным краем желоба. С желоба, примерно посередине,

свешивалась нога в штанине из серого материала и изжеванном ковбойском сапоге.

Жевал сапог здоровенный пес, с шерстью чуть более темной, чем парусина штанины. Роланд решил, что пес давно бы стянул сапог, но от жары нога, видать, сильно раздулась, поэтому псу не оставалось ничего другого, как зубами расправляться с препятствием. Пес хватал сапог и тряс из стороны в сторону. То и дело каблук соприкасался с деревянным желобом, и глухой стук разносился по площади, долетая и до ворот. Так что стрелок не сильно ошибся, подумав, что кто-то стучит по крышке гроба.

Почему бы ему не отойти на пару шагов и не запрыгнуть в желоб, удивился Роланд. *Вода больше не течет, значит, пес не может бояться, что утонет.*

Топси в очередной раз натужно чихнул, и, когда пес обернулся на звук, Роланд понял, почему тому приходится жевать сапог: пес сломал переднюю лапу, которая потом неправильно срослась. Он и ходил с трудом, а о прыжках пришлось просто забыть. На груди пса Роланд увидел полоску грязно-белой шерсти. А на ней — крест из черной шерсти. Собака Иисуса, может, пришедшая к дневной проповеди.

Впрочем, Роланд не заметил ничего религиозного ни в рычании, вырвавшемся из пасти пса, ни в злобном взгляде налитых кровью глаз. Пес вскинул морду, оскалив внушающие уважение зубы.

— Остынь, — бросил псу Роланд. — Пока я добрый.

Пес попятился, уперся спиной в свисающую с желоба изжеванную ногу. На приближающегося человека он взирал с опаской, но не собирался сдавать позицию. Револьвер в руке Роланда его не пугал. Стрелка это не удивило: должно быть, пес никогда не видел револьвера и полагал, что он ничем не отличается от дубинки, которую можно бросить только один раз.

— Говорю тебе, проваливай, — добавил Роланд, но пес не шевельнулся.

Роланд мог бы застрелить пса, проку от него не было, собака, вкусившая человечины, ни на что уже не годится, но стрелять не хотелось. Убийство единственного в городе

живого существа (если не считать поющих насекомых) могло накликать беду.

И он выстрелил в пыль у здоровой передней лапы пса. Грохот выстрела разорвал сонную тишину жаркого дня и на какие-то мгновения заглушил насекомых. Пес-таки *мог* бегать, пусть и на трех лапах. В сердце Роланда даже шевельнулась жалость к несчастному животному. Он остановился у перевернутого фургона (на нем вроде бы тоже виднелись следы крови), оглянулся и завыл, отчего волоски на шее Роланда вздыбились еще сильнее. А потом пес обогнул перевернутый фургон и, прихрамывая, затрусил по проходу между домами. Как догадался Роланд, к воротам на выезде из Элурии.

Ведя за поводья умирающего жеребца, стрелок пересек площадь, приблизился к желобу, заглянул в него.

Изжеванный сапог принадлежал не мужчине, а молодому пареньку, на щеках которого только начала пробиваться борода. Тело его действительно раздулось, пролежав не один день под жарким солнцем в девяти дюймах воды на дне желоба.

Глаза юноши, теперь белые бельма, напомнили стрелку глаза статуи. Волосы выцвели от пребывания в воде. Роланд решил, что едва ли ему больше шестнадцати лет. На шее юноши сквозь слой воды поблескивал под лучами солнца золотой медальон.

С явной неохотой, перебарывая себя, Роланд опустил руку в воду, ухватился за медальон, потянул. Цепочка разорвалась, он достал медальон.

Стрелок ожидал увидеть символ Иисуса-человека, который назывался распятием, но вместо этого у него в руке оказался маленький прямоугольник из чистого золота. С выгравированной на нем надписью:

Джеймс
Любимец семьи. Любимец Господа

Роланд, который едва заставил себя сунуть руку в отравленную воду (в более юном возрасте он никогда бы этого не сделал), теперь похвалил себя за решительность. Возможно,

ему не доведется встретиться с теми, что любил Джеймса, но он знал, что пути *ка* неисповедимы, так что случиться могло всякое. В любом случае он поступил правильно. Теперь предстояло похоронить юношу... при условии, что ему удастся достать тело из желоба: оно могло разлезться у него под руками.

Жеребец со стоном повалился на землю. Роланд повернулся и увидел восемь человек, рядком, словно загонщики, направлявшихся к нему. Стрелку бросилась в глаза их необычная зеленая кожа. Люди с такой кожей светились в темноте словно призраки. Роланд не мог сказать, мужчины перед ним или женщины, да и какое это имело значение? То были заторможенные мутанты. Двигались они словно трупы, оживленные злым колдуном.

Пыль, как ковер, заглушала их шаги. И могли подойти вплотную, если бы Топси не оказал Роланду последнюю услугу, своей смертью предупредив о грядущей опасности. Стрелкового оружия Роланд у мутантов не заметил, только дубинки. В основном ножки от стульев и столов, но у одного дубинка была настоящая, с утолщенным концом, утыканным ржавыми гвоздями. Роланд решил, что позаимствовали ее у вышибалы из салуна, возможно, у того, кто следил за порядком в «Веселом поросенке».

Роланд поднял револьвер, взяв на мушку идущего по центру. Теперь он слышал шарканье их ног, свистящее, как при сильном бронхите, дыхание.

Наверное, они пришли сюда прямиком из шахт, подумал стрелок. *Где-то здесь добывали радий. Отсюда и такой цвет кожи. Странно только, что их не убивают солнечные лучи.*

И тут, прямо у него на глазах, идущий с краю, существо с размытыми, словно вылепленными из воска чертами лица, умер... или потерял сознание. У него (Роланд решил, что это мужчина) подогнулись колени, гортанный крик сорвался с губ, он протянул руку, схватился за идущего рядом, мутанта с лысой, шишкастой головой и красными язвами на шее. Лысый даже не повернулся к падающему. Не отрывая мутного взгляда от Роланда, он сбросил руку, чтобы не отстать от остальных.

— Стоять! — крикнул Роланд. — Не приближайтесь ко мне, если хотите дожить до заката! Настоятельно советую не приближаться!

Обращался он главным образом к идущему по центру — мутанту в красных помочах поверх лохмотьев рубашки и грязном котелке. У этого господина остался только один глаз, но глаз этот пожирал Роланда взглядом. Рядом с Котелком шла, судя по всему, женщина (за это, во всяком случае, говорили жалкие грудки, торчащие из жилетки). Она бросила в Роланда ножку стула. Траекторию рассчитала правильно, но переоценила свои силы. Ножка упала в пыль, не долетев до стрелка десять футов.

Роланд взвел курок револьвера и выстрелил вновь. На этот раз пуля взбила пыль у ноги Котелка, а не у собачьей лапы.

Зеленокожие не убежали, как пес, но остановились, не сводя алчных глаз с Роланда. Неужели жители Элурии закончили жизнь в желудках этих тварей? Роланду не хотелось в это верить... хотя он и знал, что каннибализм для заторможенных мутантов — обычное дело (впрочем, о каннибализме речь идти не могла, потому что едва ли эти существа могли считаться людьми). Они слишком медлительные, слишком глупые. Если б они вернулись назад после того, как их прогнал шериф, горожане забросали бы их камнями и забили до смерти.

Не думая о том, что делает, стремясь лишь освободить руку, чтобы выхватить второй револьвер на случай, если мутанты не услышат голоса разума, Роланд сунул медальон, который снял с убитого юноши, в карман джинсов, вместе с разорванной цепочкой.

Они стояли, уставившись на него, отбрасывая странно изогнутые тени. Что дальше? Приказать им убираться восвояси? Роланд не знал, подчинятся ли они. А с другой стороны, ему не хотелось терять их из виду. Еще затаятся и нападут из засады. Одна проблема, правда, благополучно разрешилась: о похоронах Джеймса вопрос больше не стоял.

— Стойте на месте, — произнес он на низком наречии и попятился. — Первый, кто сдвинется...

Прежде чем он закончил фразу, один из них, карлик с широченной грудью, вывернутыми губами и раздутой, как при свинке, шеей, бросился вперед, вереща что-то неразборчивое. Может, смеялся. Размахивая ножкой от рояля, зажатой в правой руке.

Роланд выстрелил. Грудь карлика сложилась, как карточный домик. Он попятился, пытаясь удержаться на ногах, прижав к груди свободную руку. Одна нога в грязно-красном шлепанце зацепилась за другую, и карлик рухнул на землю. В горле у него что-то заклокотало, он выпустил из пальцев дубинку, перекатился на бок, попытался встать, но вновь рухнул в пыль. Яркие солнечные лучи отражались от его широко раскрытых глаз, струйки белого пара начали подниматься от кожи, быстро теряющий зеленый цвет. Что-то зашипело, совсем как вода, если плеснуть ее на раскаленную сковородку.

Надеюсь, одного наглядного урока им хватит, подумал Роланд.

— Сами видите, он был первым, кто сдвинулся с места. Кто хочет стать вторым?

Желающих вроде бы не было. Мутанты стояли, наблюдая за ним, не подходили... но и не отступали. Он подумал (как и о псе), что ему следует их перебить, вытащить второй револьвер и положить одного за другим. На это, при его умении стрелять, ушло бы несколько секунд. Но он не мог заставить себя. Он еще не стал хладнокровным убийцей... пока еще не стал.

Медленно, очень медленно, он начал пятиться. Сначала обошел желоб. А когда Котелок шагнул вперед, Роланд осадил и его, и остальных, вогнав пулю в пыль в дюйме от ноги Котелка.

— Это последнее предупреждение. — Он продолжал говорить на низком наречии, не зная, понимают ли его мутанты. Впрочем, стрелка это не волновало. Язык пуль они понимали наверняка. — Следующая пуля разорвет чье-нибудь сердце. Договариваемся так: вы остаетесь. А я ухожу. Это ваш единственный шанс. Те, кто последует за мной, умрут. Сейчас слишком жарко, чтобы говорить впустую, и я начинаю терять...

— Бух! — раздалось у него за спиной. В голосе слышалось ликование. Боковым зрением Роланд увидел тень, выросшую из тени перевернутого фургона, к которому он приблизился практически вплотную, и осознал, что за фургоном прятался один из зеленокожих.

А когда стрелок начал поворачиваться, дубинка обрушилась на его правое плечо, и рука онемела. Роланд, однако, сумел поднять револьвер и выстрелить, но пуля попала в одно из колес фургона, выбив деревянную спицу. Колесо со скрипом завертелось, а за спиной уже слышались вопли мутантов, устремившихся к фургону.

За фургоном прятался монстр о двух головах. Одна бессильно свисала на грудь, зато вторая, тоже зеленая, жила полнокровной жизнью. Широкие губы расползлись в улыбке, когда мутант поднял дубинку, чтобы ударить вновь.

Роланд левой, не онемевшей, рукой выхватил второй револьвер. Успел всадить пулю в эту идиотскую улыбку. Кровь и зубы брызнули во все стороны, дубинка выпала из ослабевших пальцев. И тут же подоспели остальные мутанты.

Стрелку удалось уклониться от первых ударов, и он уже подумал, что сумеет оторваться от мутантов, ускользнув за фургон, а уж там повернется к ним лицом и расстреляет одного за другим. Конечно же, ему это удастся. Не мог же его поход к Темной Башне бесславно завершиться на залитой жаркими лучами солнца улочке крохотного затерянного на Западе городка. Не могли зеленокожие заторможенные мутанты взять верх над стрелком. Не могла *ка* быть такой жестокой.

Но Котелок достал его своей дубинкой, и Роланд врезался в медленно вращающиеся колеса перевернутого фургона, вместо того чтобы проскользнуть мимо него. Он оказался на четвереньках, еще пытаясь подняться, увернуться от обрушивающихся на него ударов. Он уже видел, что зеленокожих не пять, не десять. А гораздо больше. С Главной улицы на городскую площадь спешили не меньше тридцати мутантов. Не горстка выродков, а целое племя! Да еще ясным днем, под жарким солнцем! Он-то привык считать, что заторможенные мутанты вылезают из своих нор только в темноте, как жабы. А с такими, светоустойчивыми, он никогда не сталкивался. Они...

В красной жилетке действительно была женщина. Ее голые груди стали последним, что увидел Роланд, когда мутанты сжали кольцо. Он еще пытался вскинуть один из больших револьверов (перед глазами плыло, но едва ли это обстоятельство помогло бы мутантам, если б Роланду уда-

лось открыть огонь: Джейми Дикарри говорил, что Роланд может стрелять с закрытыми глазами, потому что его пальцы имеют собственные глаза). Но револьвер вышибли из его руки в пыль. И хотя пальцы второй по-прежнему сжимали рукоятку из сандалового дерева, Роланд понял, что выстрелить ему не удастся.

Он ощущал их запах, тошнотворный запах гниющей плоти. Или так пахли его руки, которые он поднял, чтобы защитить голову? Руки, которые побывали в отравленной воде, когда он снимал медальон с шеи убитого юноши?

Дубинки обрушивались на него со всех сторон, словно зеленокожие хотели не только убить его, но размолотить все кости. И, проваливаясь в темноту, Роланд не сомневался, что это смерть. Он услышал стрекотание насекомых, лай собаки, перезвон колоколов, затем все звуки слились в один. Наконец оборвался и он. Темнота окончательно поглотила Роланда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Возвращение в реальный мир. Между небом и землей. Белоснежная красота. Еще двое болезных. Медальон

Таким путем возвращаться в реальный мир Роланду не доводилось. Приходить в себя после сильного удара (несколько раз случалось и такое) — это одно, пробуждаться от сна — другое. Тут он словно поднимался на поверхность из темных глубин.

Я умер, подумал он в какой-то момент... когда способность думать частично вернулась к нему. *Умер и поднимаюсь в тот мир, где живут после жизни. Так и должно быть. А пение, которое я слышу... это поют мертвые души.*

Чернильная тьма сменилась темной серостью грозовых облаков, затем молочной белизной тумана. Наконец туман начал рассеиваться, изредка сквозь него пробивались сол-

нечные лучи. И все время ему казалось, что он поднимается, подхваченный мощным восходящим потоком.

Но вот ощущение это начало слабеть, яркий свет все сильнее давил на закрытые веки, и только тогда Роланд окончательно поверил, что он все-таки жив. И убедило его в этом стрекотание насекомых. Ибо слышал он не пение мертвых душ, не пение ангелов, о которых иногда рассказывали проповедники Иисуса-человека, а стрекотание насекомых. Маленьких, как сверчки, но таких сладкоголосых. Тех самых, которых он слышал у ворот Элурии.

С этой мыслью Роланд и открыл глаза.

И уверенность в том, что он жив, разом пошатнулась, ибо Роланд обнаружил, что висит между небом и землей в мире ослепительной белизны. Даже подумал, что парит в вышине между белоснежных облаков. Стрекотание насекомых обволакивало его со всех сторон. Слышал он и перезвон колоколов.

Он попытался повернуть голову и качнулся в неком подобии гамака, который тут же протестующе заскрипел. Стрекотание насекомых — точно так же стрекотали они в Гилеаде на закате дня, — ровное и размеренное, словно сбилось с ритма. И тут же в спине Роланда словно выросло дерево боли. Он понятия не имел, куда протянулись жгущие огнем ветви этого дерева, но ствол точно совпадал с его позвоночником. А особенно сильный болевой удар пришелся на одну из ног: оглушенный болью, стрелок даже не мог сказать, на какую именно. *Должно быть, ту, по которой пришелся удар дубинки с гвоздями,* подумал он. Боль отдалась и в голове. Прямо-таки не голова, а яйцо с разбитой скорлупой. Роланд вскрикнул и не поверил: каркающий звук, долетевший до ушей, сорвался с его губ. Вроде бы до него донесся и лай пса, которого он отогнал от убитого юноши, но скорее всего ему это лишь почудилось.

Я умираю? Я еще раз очнулся перед самой смертью?

Рука гладила его по лбу. Он ее чувствовал, но не видел: пальцы скользили по коже, останавливаясь, чтобы помассировать какую-то точку. Нежная рука, желанная, как стакан холодной воды в жаркий день. Он уже начал закрывать глаза, когда голову пронзила ужасная мысль: а если эта рука зеленая и принадлежит она тому чудищу в красной жилетке с болтающимися сиськами?

А если и принадлежит? Что ты можешь с этим поделать?

— Лежи тихо, парень. — Голос молодой женщины... может, даже девушки. Разумеется, первым делом Роланд подумал о Сюзан, девушке из Меджиса.

— Где... где...

— Лежи спокойно. Не шевелись. Еще нельзя.

Боль в спине уже утихала, образ боли — дерево с огненными ветвями — остался, потому что его кожа пребывала в непрерывном движении, словно листья на ветру. Как такое могло быть?

Он отсек этот вопрос, отсек все вопросы, сосредоточившись лишь на миниатюрной прохладной руке, которая гладила его лоб.

— Успокойся, красавчик. Любовь Господа пребывает с тобой. Однако тебе сильно досталось. Лежи тихо. Лечись.

Пес перестал лаять (если до стрелка долетал-таки его лай), а вот скрип послышался вновь. Он напомнил Роланду об упряже... и о веревке, на которой вешают преступников. Но о последней думать как-то не хотелось.

Потом Роланд подумал о гамаке. Вспомнил, как еще мальчишкой видел мужчину, подвешенного над полом в комнатке ветеринара при конюшне за Большим дворцом. Конюх так обгорел, что его не могли положить на кровать. Он все-таки умер, но не сразу, и еще две ночи его крики оглашали конюшню.

Неужели я так обгорел, что меня положили в гамак?

Пальцы остановились на середине лба, разглаживая насупленные брови. Пальцы словно читали его мысли, выхватывая их нежными, мягкими подушечками.

— Если Бог пожелает, все у тебя будет в порядке, сэй, — успокоил его голос. — Но время принадлежит Богу, а не тебе.

Нет, возразил бы Роланд, если б смог. *Время принадлежит Башне.*

А потом он нырнул в глубину, опустившись туда так же легко, как и поднялся на поверхность, оставив наверху и нежную руку, и стрекотание насекомых, и перезвон колоколов.

В какой-то момент ему показалось, что он слышит голос девушки, возвысившийся от ярости или страха, а может, и от того, и от другого. «Нет! — воскликнула она. — Ты не

можешь забрать эту вещь, и ты это знаешь! Иди своим путем и больше об этом не упоминай!»

Когда Роланд вновь пришел в сознание, сил у него не прибавилось, но соображать он стал лучше. Открыв глаза, он увидел, что находится отнюдь не среди облаков, однако первое ощущение *белоснежной красоты,* окружающей его со всех сторон, возникло и на этот раз. Никогда в жизни Роланд не попадал в такое прекрасное место... частично ему так казалось и потому, что он остался в живых, но, главным образом из-за царивших вокруг умиротворенности и покоя.

Роланд находился в огромном зале, длиннющем, с высоченным потолком. Когда он осторожно, очень осторожно повернул голову, то прикинул, что длина зала составляет никак не меньше двухсот ярдов. Ширина, конечно, значительно уступала длине, но теряющийся в вышине потолок создавал особое ощущение простора.

Впрочем, ни стен, ни потолка, к каким привык стрелок, и не было. Если огромный зал что-то напоминал, так это шатер. Над его головой солнечные лучи падали на вздымающиеся полотнища белого шелка. Их-то Роланд и принял за облака. А вот под шелковым пологом царил сумрак. Стены, также из белого шелка, под легким ветерком надувались, как паруса. Вдоль каждой стены на веревках висели колокола. Они соприкасались с шелком и мелодично позвякивали, когда шелковая стена меняла свое положение.

Широкий проход разделял длинный зал на две половины. С каждой стороны прохода стояли десятки кроватей, застеленных чистыми белыми простынями, с подушками в белых наволочках в изголовьях. По другую сторону прохода кроватей было не меньше сорока, все пустовали. Столько же стояло на стороне Роланда. Две были заняты, одна по правую руку стрелка. Этот человек...

Это же юноша, совсем мальчик. Тот, что лежал в желобе.

От этой мысли по рукам Роланда побежали мурашки. Он пристально всмотрелся в спящего юношу.

Не может быть. Ты еще не очухался, вот и все. Такого просто не может быть.

Однако и присмотревшись, Роланд не смог убедить себя в том, что ошибается. На кровати лежал юноша из желоба,

возможно, больной (иначе что ему делать в таком месте), но уж никак не мертвый. Роланд видел, как поднимается и опускается его грудь, как пальцы иногда перебирают простыню.

Конечно, ты не успел как следует разглядеть его. Но после нескольких дней, проведенных в желобе с водой, его бы не признала и родная мать.

Но Роланд нашел и другое подтверждение своей догадки. На груди юноши поблескивал медальон. Перед тем как на Роланда напали зеленокожие, он снял медальон с тела этого юноши и сунул в карман. А теперь кто-то, скорее всего хозяева этого места, колдовскими чарами вернули юноше по имени Джеймс его прерванную жизнь, взяли медальон у Роланда и отдали законному владельцу.

Это сделала девушка с нежными, восхитительно прохладными руками? Не могла она подумать, что Роланд из тех, кто грабит мертвецов? Стрелку очень хотелось надеяться, что нет. Проще смириться с мыслью о том, что юношу воскресили из мертвых, чем выглядеть мародером в глазах этой чудесной девушки.

Дальше по проходу, отделенный от юноши и Роланда Дискейна десятком пустых кроватей, лежал третий пациент. На первый взгляд, в четыре раза старше юноши, в два раза старше стрелка. С длинной бородой, обильно тронутой сединой, загорелым, морщинистым лицом, мешками под глазами. По левой щеке через переносицу тянулась широкая темная полоса. Роланд решил, что это шрам. Бородач то ли спал, то ли был без сознания — Роланд слышал его храп — и висел в трех футах над кроватью, поддерживаемый сложной конструкцией из белых лент, поблескивающих в полумраке. Они перекрещивались, образуя восьмерки, которые облепили тело мужчины. Одет он был в белую больничную рубашку. Одна из лент проходила между его ягодицами, приподнимая мошонку и пенис. Ноги мужчины напоминали темные сучковатые ветки. Оставалось только гадать, во скольких они переломаны местах. И при этом они вроде бы *двигались.* Как такое могло быть, если мужчина лежал без сознания? Возможно, обман зрения, подумал Роланд, игра света и теней. Может, за движения ног он принимал колыхание рубашки. Или...

Роланд отвернулся, посмотрел наверх, на шелковые полотнища потолка, пытаясь успокоить учащенно забившееся

сердце. То, что он видел, не могло быть ни игрой света и теней, ни колыханием рубашки. Ноги мужчины двигались, не двигаясь... точно так же, как, судя по ощущениям, двигалась спина Роланда. Он не знал, какие причины могли вызывать этот феномен, и не хотел знать. Во всяком случае, пока не хотел.

— Я еще не готов, — прошептал стрелок. Губы у него пересохли. Он закрыл глаза, пытаясь заснуть, не желая думать о ногах бородатого мужчины. Но...

Но тебе бы лучше подготовиться.

То был голос, который всегда звучал в голове Роланда, когда он пытался дать себе послабление, увиливал от работы или, если встречалась преграда, искал не самый эффективный, а самый легкий обходной путь. Голос Корта, его старого учителя. Человека, чьей палки все мальчики боялись как огня. Но еще больший страх вызывал его язык. Если они пытались объяснить, почему им не удалось выполнить задание, или начинали жаловаться на жизнь, его насмешки жалили как дикие пчелы.

Стрелок ли ты, Роланд? Если да, то тебе лучше подготовиться.

Роланд вновь открыл глаза, повернул голову влево. И почувствовал, как что-то шевельнулось у него на груди.

Осторожно, очень осторожно приподнял правую руку. Это движение тут же отозвалось болью в спине. Роланд застыл, решил, что сильнее болеть не будет (если, конечно, не делать резких движений), и рука поползла дальше, пока не добралась до груди. Нащупала сотканную материю. Хлопок. Роланд вжал подбородок в шею и увидел, что на нем такая же длинная больничная рубашка, что и на бородатом мужчине.

А в вырезе рубашки пальцы Роланда нашли цепочку. Двинулись дальше и добрались до металлического прямоугольника. Роланд догадался, что́ это за прямоугольник, но ему хотелось удостовериться в собственной правоте. Он вытащил прямоугольник из-под рубашки, все еще двигаясь с великой осторожностью, стараясь не напрягать мышцы спины. Золотой медальон. Несмотря на боль, решился приподнять медальон, чтобы прочитать выгравированные на нем слова:

Джеймс
Любимец семьи. Любимец Господа

Роланд засунул медальон под рубашку, посмотрел на юношу, спящего в соседней кровати, не подвешенного над ней, а лежащего под простыней. Простыня закрывала его лишь до грудной клетки, а медальон лежал на рубашке рядом с ключицей. Такой же медальон, что и у Роланда. Только...

Роланд подумал, что он знает, в чем дело, и от этой догадки на душе у него полегчало.

Он повернул голову к бородатому мужчине, и его ждал очередной сюрприз. Черный шрам, тянувшийся через щеку и переносицу, исчез. Вроде бы осталась розоватая полоска заживающей раны... или едва заметная царапина.

Мне это привиделось.

Нет, стрелок, вновь зазвучал голос Корта. *Привидиться такого не может. И ты это знаешь.*

Усилия, потраченные на то, чтобы достать медальон из-под рубашки и вернуть его на место, безмерно утомили Роланда. А может, его утомили размышления. Стрекотание насекомых и позвякивание колокольчиков слились в колыбельную. Глаза Роланда закрылись, он заснул.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пятеро сестер. Дженна. Доктора Элурии. Медальон. Обещание молчать

Когда Роланд проснулся, он решил, что все еще спит. И ему снится сон. Не просто сон — кошмар.

В свое время, когда он познакомился и влюбился в Сюзан Дельгадо, ему довелось повстречать колдунью по имени Риа, первую настоящую колдунью Срединного мира, с которой столкнула его жизнь. Именно она обрекла Сюзан на страшную смерть, хотя и Роланд сыграл в этом определенную роль. А теперь, открыв глаза и увидев не одну Риа, а целых пять, он подумал: *вот к чему приводят воспоминания. Я вызвал в памяти Сюзан, а следом за ней явилась и Риа с Кооса. Риа и ее сестры.*

Все пятеро были в рясах-балдахонах, таких же белоснежных, как стены и полотнища потолка. Их древние, серые, морщинистые, напоминающие растрескавшуюся от жары землю лица обрамляли белые же накидки, закрывающие шею, подбородок и щеки. На шелковых шнурках поверх накидок висели крохотные колокольчики, которые позвякивали, когда женщины шли или разговаривали. На груди у каждой Роланд увидел вышитую на белом полотне рясы кроваво-красную розу... символ Темной Башни. Эти розы окончательно убедили Роланда, что он проснулся. *Это не сон,* подумал он. *Старухи настоящие!*

— Он просыпается! — неожиданно кокетливым голоском воскликнула одна.

— О-о-о-о!

— О-о-о-о-х!

— Ах!

Они защебетали как пташки. Одна, что стояла по центру, выступила вперед, и тут же их лица начали меняться, прямо на глазах у Роланда. Они совсем не старые, подумал он... среднего возраста, да, но не старые.

Отнюдь. Они — старухи. Ты видишь то, что они хотят тебе показать.

Та, что шагнула к кровати, ростом повыше остальных, наклонилась к Роланду. Звякнули колокольчики. От этого звука стрелку стало не по себе, последние остатки сил разом покинули его. Их словно высосали ее карие глаза. Она коснулась его щеки, и кожа в месте ее прикосновения сразу онемела. Потом она бросила взгляд ему на грудь, на лице отразилась тревога, и руку она сразу же убрала.

— Ты проснулся, красавчик. Проснулся. Это хорошо.

— Кто вы? Где я?

— Мы — Смиренные сестры Элурии, — ответила она. — Я — сестра Мэри. Это сестра Луиза, сестра Микела, сестра Кокуина...

— И сестра Тамра, — представилась последняя. — Очаровательная кошечка двадцати одного года от роду. — Она захихикала. Лицо ее замерцало, пришло в движение, мгновение спустя она вновь превратилась в старуху. Серая кожа, нос крючком. Роланд вновь подумал о Риа.

Они надвинулись на него, сгрудившись вокруг гамака, а когда Роланд отпрянул от них, спину и ногу пронзила такая боль, что он застонал. Гамак заскрипел.

— О-о-о-о!

— Больно!

— Ему больно!

— Так больно, что нет силы терпеть!

Кольцо старух сжалось еще теснее, словно его боль манила их. Теперь Роланд ощущал их запах, запах сухой земли. Сестра Микела протянула руку...

— Уходите! Оставьте его! Разве я вам этого не говорила?

Они отпрянули, словно внезапный окрик их спугнул. В глазах Мэри полыхнула злость. Но и она отступила на шаг, бросив короткий взгляд (в этом Роланд мог поклясться) на медальон, лежащий на груди. Перед тем как заснуть, стрелок убрал медальон под рубашку, но каким-то образом он вновь оказался снаружи.

Появилась шестая сестра, протолкалась между Мэри и Тамрой. Эта действительно выглядела на двадцать один год: раскрасневшиеся щечки, гладкая кожа, черные глаза. А на белой рясе, как и у остальных, кроваво-красная роза.

— Уходите! Оставьте его в покое!

— О, дорогая моя. — В голосе Луизы звучали и смех, и раздражение. — А вот и Дженна, наша младшенькая. Неужели она влюбилась в него?

— Точно влюбилась! — рассмеялась Тамра. — И готова отдать ему свое сердце!

— Воистину так! — согласилась сестра Кокуина.

Мэри повернулась к Дженне, губы ее превратились в узкую полоску.

— Тебе делать тут нечего, маленькая сладострастница.

— А я считаю, что есть, — ответила сестра Дженна. Держалась она уже поувереннее. Черная кудряшка выскользнула из-под накидки и улеглась на лоб. — А теперь уходите. Он еще слишком слаб для ваших шуток и смеха.

— Не указывай нам, потому что мы никогда не шутим. И ты это знаешь, сестра Дженна.

Лицо девушки чуть смягчилось, и Роланд увидел, что она боится.

— Оставьте его, — повторила она. — Еще не время. Разве другие не нуждаются в уходе?

Сестра Мэри задумалась. Остальные смотрели на нее. Наконец она кивнула и улыбнулась Роланду. Лицо ее замерцало, его черты начали расплываться, между ней и Роландом словно возникло марево, какое бывает в жаркий летний день. И то, что увидел Роланд за этим маревом (или подумал, что увидел), повергло его в ужас.

— Отдыхай, красавчик. Попользуйся нашим гостеприимством, и мы тебя вылечим.

Разве у меня есть выбор, подумал Роланд.

Остальные защебетали, словно птички. Сестра Микела даже послала ему воздушный поцелуй.

— Пойдемте, дамы! — воскликнула сестра Мэри. — Оставим Дженну с ним из уважения к ее матери, которую мы все очень любили! — и двинулась по центральному проходу, увлекая за собой остальных.

— Спасибо тебе. — Роланд вскинул глаза на ту, которая касалась прохладной рукой его лба... ибо он знал, что именно она успокаивала его, когда он еще не пришел в себя.

Она взяла его руку в свои, погладила.

— Они не хотели причинить тебе вреда...

Но Роланд видел, что она не верит тому, что говорит. Не поверил и он, осознавая, что над ним нависла смертельная опасность.

— Где я?

— У нас, — ответила она. — В доме Смиренных сестер Элурии. Если хочешь, в монастыре.

— Это не монастырь. — Роланд окинул взглядом пустые кровати. — Это лазарет, не так ли?

— Больница. — Дженна все поглаживала его пальцы. — Мы служим докторам... а они служат нам. — Роланд не мог оторвать глаз от черной кудряшки, уютно устроившейся на молочной белизне ее лба, хотел бы коснуться ее, если б осмелился поднять руку. Только для того, чтобы пощупать ее волосы. Как это красиво: черная, как воронье крыло, прядь на белом фоне. Чисто белый цвет потерял для него свое очарование. — Мы — медицинские сестры... или были ими до того, как мир сдвинулся.

— Вы поклоняетесь Иисусу-человеку?

Она в изумлении взглянула на него, потом рассмеялась.

— Нет, только не это!

— Если вы... медицинские сестры, то кто же доктора?

Она посмотрела на него, потом прикусила губу, словно раздумывая о том, какое принять решение. Сомнения только добавили ей очарования, и Роланд подумал, что впервые после смерти Сюзан Дельгадо, а случилось это достаточно давно (с тех пор весь мир изменился, и не в лучшую сторону), он смотрит на нее как на женщину, пусть и не может шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Ты действительно хочешь знать?

— Да, конечно. — Теперь пришел черед удивляться Роланду. Но вместе с удивлением он почувствовал и смутную тревогу. Он подумал, что сейчас ее лицо начнет мерцать и изменяться, как лица других сестер, но этого не произошло. И не пахло от нее сухой, мертвой землей.

Не торопись с выводами, предостерег он себя. *Здесь никому и ничему нельзя доверять, даже собственным чувствам. Пока нельзя.*

— Наверное, тебе надо это знать, — вздохнула Дженна. Звякнули колокольчики, цветом они были темнее, чем у остальных, пусть и не такие черные, как ее волосы. По звуку Роланд решил, что сделаны они из чистого серебра. — Только обещай мне, что не закричишь и не разбудишь этого мальчика, что лежит рядом с тобой.

— Обещаю, — без малейшего промедления ответил Роланд. — Я уже не помню, красотка, когда кричал в последний раз.

Она зарделась, и розы на ее щечках казались куда как более живыми и естественными, чем вышитая на груди.

— Не называй красоткой женщину, которую еще не разглядел.

— Тогда сбрось с головы накидку.

Ему ужасно хотелось увидеть ее волосы, водопад черных волос в окружающей его белизне. Конечно, она могла их стричь, если того требовал устав их ордена, но почему-то он не сомневался в том, что волосы у Дженны длинные.

— Нет, это не разрешено.

— Кем?

— Старшей сестрой.

— Той, что зовет себя Мэри?

— Да. — Дженна огляделась, дабы убедиться, что никто из сестер не вернулся в белый шатер, вновь посмотрела на Роланда. — Помни о своем обещании.

— Помню. Никаких криков.

Она направилась к бородатому мужчине. В царящем вокруг сумраке, проходя мимо пустых кроватей, она отбрасывала на них едва заметную тень. Остановившись рядом с мужчиной (Роланд подумал, что тот не спит, а лежит без сознания), Дженна вновь посмотрела на стрелка. Он кивнул.

Тогда сестра Дженна шагнула к гамаку с дальней стороны, так, чтобы он оказался между ней и Роландом, положила руки на грудь мужчины, наклонилась над ним... и покачала головой из стороны в сторону, словно что-то отрицая. Колокольчики резко зазвенели, и Роланд снова почувствовал какое-то шевеление у себя на спине, сопровождаемое волной боли. Словно по его телу пробежала дрожь, но ни один мускул не шевельнулся. Словно дрожь эта пробежала во сне.

Случившееся следом заставило бы его вскрикнуть, если бы невероятным усилием воли ему не удалось плотно сжать губы. Опять ноги лежащего без сознания мужчины задвигались... не двигаясь, потому что все движущееся сосредоточилось на коже. Волосатые голени, лодыжки и стопы мужчины торчали из-под больничной рубашки. И теперь с них сбегала черная волна жучков. Они громко стрекотали, совсем как солдаты, марширующие в колонне.

Роланд вспомнил черный шрам, исчезнувший с лица бородатого мужчины. Наверное, решил стрелок, за шрам он принял все тех же жучков, обрабатывающих рану на лице. И жучки обрабатывали его раны! Вот почему он мог дрожать, не шевельнув и мускулом. Они покрывали всю его спину. Врачевали его.

Да уж, сдержать крик ему удалось, но с неимоверным трудом.

Жучки добирались до кончиков пальцев на стопах мужчины, а потом скатывались вниз, словно ныряя с бортика в бассейн. Потом строились в колонну на белоснежной простыне кровати, а перебравшись на пол, растворялись в царящем в тенте сумраке. Роланд не мог как следует разглядеть жучков, все-таки лежал далеко от бородача, но прикинул,

что размерами они раза в два больше муравьев, но поменьше толстых пчел, которые кружились над цветочными клумбами Гилеада.

Они стрекотали и стрекотали.

А вот бородачу стало заметно хуже. Как только полчища жучков, покрывавших его ноги, поредели, он застонал, его начала бить дрожь. Молодая женщина положила руку ему на лоб, чтобы успокоить его, и Роланд, несмотря на отвращение от увиденного, почувствовал укол ревности.

Впрочем, ничего особо ужасного он и не увидел. Лечили же в Гилеаде пиявками при опухолях на голове, под мышками, в паху. А когда дело касалось мозга, пиявкам, внешний вид которых ни у кого не мог вызвать положительных эмоций, всегда отдавалось предпочтение перед трепанацией.

И все-таки чувствовалось в них что-то отталкивающее, может, потому, что он не мог как следует разглядеть жучков, может, от осознания того, что они ползают по его спине, а он, абсолютно беспомощный, подвешен в гамаке. Правда, они не стрекотали. Почему? Потому что ели? Или спали? И ели, и спали одновременно?

Стоны бородача утихли. Колонны жучков исчезли: на белой простыне кровати, над которой висел бородатый мужчина, не осталось ни одной черной точки.

Дженна вернулась к нему, в глазах застыла тревога.

— Ты держался молодцом. Однако я видела, что ты испытал. Твои чувства отражались на лице.

— Доктора, — выдохнул Роланд.

— Да. Их могущество велико, но... — Она понизила голос. — Я думаю, этому бедолаге они не смогут помочь. С ногами у него стало получше, лицо совсем зажило, но есть травмы, до которых доктора не смогут добраться. — Она провела рукой по своему животу, показывая местонахождение этих травм.

— А мне? — спросил Роланд.

— Тебя схватили зеленокожие, — ответила Дженна. — Должно быть, ты сильно их разозлил, раз они сразу не убили тебя. Обвязали тебе ноги веревкой и потащили в свое логово. Тамра, Микела и Луиза собирали травы. Увидели, как зеленокожие тащат тебя, остановили их...

— Мутанты всегда подчиняются вам, сестра Дженна?

Она улыбнулась, возможно, довольная тем, что он запомнил ее имя.

— Не всегда, но часто. В тот раз подчинились, иначе ты бы уже шагнул с тропы в пустошь.

— Скорее всего.

— Кожи на спине у тебя практически не осталось, от самой шеи до ягодиц. Теперь тебе всю жизнь ходить со шрамами, но, спасибо докторам, ты быстро идешь на поправку.

— Понятно. — Роланда вновь чуть не передернуло при мысли о том, что по открытым ранам на спине ползает несметное число жучков. — Я вам признателен и благодарен. Если я могу что-то для вас сделать...

— Скажи мне свое имя. Начнем с этого.

— Я — Роланд из Гилеада. Стрелок. У меня были револьверы, сестра Дженна. Ты их видела?

— Огнестрелов я не видела, — ответила она, но отвела взгляд. И на щеках вновь вспыхнули розы. Роланд подумал, что ухаживать за пациентами она умеет, а вот врать — нет. И порадовался этому. Врунов в этом мире хватало с лихвой. А вот честность стала редким товаром.

Сейчас не стоит уличать ее во лжи, подумал Роланд. *Скорее всего она чего-то боится, потому и говорит неправду.*

— Дженна! — донесся голос из сокрытого сумраком дальнего конца лазарета, который, как показалось стрелку, стал еще длиннее, и сестра Дженна аж подпрыгнула. — Уходи отсюда. Ты заговорила его! Дай ему поспать!

— Иду! — ответила Дженна и посмотрела на Роланда. — Только не говори им, что я показала тебе докторов.

— Я же обещал, что буду молчать, Дженна.

Она замерла, прикусила губу, а потом резким движением сдвинула накидку на затылок. Нежно зазвенели колокольчики. Черные волосы заструились по щекам.

— *Я красивая? Красивая?* Скажи мне правду, Роланд из Гилеада... только не надо льстить. Лесть долго не живет.

— Ты красива, как летняя ночь.

Выражение его лица скорее всего понравилось ей даже больше, чем слова, потому что она ослепительно улыбнулась. Вернула накидку на место, быстро забрав под нее волосы.

— Все на месте?

— Конечно. — Он осторожно поднял руку, указал ей на лоб. — Только одна прядь... там.

— Да. Она всегда ускользает от меня. — С милой гримаской Дженна справилась с ослушницей. Роланд же думал о том, как ему хочется поцеловать эти розовые щечки... да и алые губки.

— Теперь все в порядке, — сообщил он Дженне.

— *Дженна!* — В крике прибавилось требовательности. — Пора медитировать!

— Уже иду! — Девушка подобрала широкие полы рясы, но, прежде чем убежать, в последний раз повернулась к Роланду. Лицо стало очень серьезным. — Золотой медальон... Ты его носишь, потому что он твой. Ты понимаешь меня... Джеймс?

— Да. — Он искоса взглянул на спящего мальчика.

— А это мой брат.

— Если они спросят, да. Другой ответ грозит Дженне большими неприятностями.

Роланд не стал спрашивать, что это за неприятности, да и не ответила бы она, потому что уже спешила по проходу между кроватями, подхватив подол одной рукой. Розы слетели с ее лица, щечки сразу посерели. Стрелок вспомнил, с какой жадностью смотрели на него остальные сестры, сгрудившись у его гамака... как мерцали, неуловимо изменяясь, их лица.

Шесть женщин — пятеро старух, одна молодая.

Доктора, которые стрекочут и уползают, подчиняясь звону колокольчиков.

Об огромной больничной палате, в которой стояла добрая сотня кроватей, с потолком и стенами из белого шелка...

... и о том, что все кровати, кроме трех, пустовали.

Роланд понятия не имел, почему Дженна достала из кармана его джинсов медальон, принадлежащий убитому пареньку, и надела ему на шею, но последняя фраза Дженны подсказала ему, что Смиренные сестры Элурии могли убить девушку, если б узнали о содеянном ею.

Роланд закрыл глаза, и монотонное стрекотание жуков-докторов скоро убаюкало его. Стрелок заснул.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Миска супа. Юноша с соседней кровати. Ночные сиделки

Роланду приснилось, что очень большой жук (возможно, жук-доктор) кружит над его головой и периодически бьет по носу. Удары эти скорее раздражали, чем вызывали боль. Он отгонял жука рукой, однако, хотя всегда славился быстротой реакции, ему не удавалось попасть в жука. А последний хихикал всякий раз, когда стрелок промахивался.

Движения у меня такие медленные, потому что я болен, подумал Роланд.

Нет, попал в засаду. Меня тащили по земле заторможенные мутанты, а потом спасли Смиренные сестры Элурии.

Внезапно перед мысленным взором Роланда возникла тень мужчины, выросшая из тени перевернутого фургона. Он услышал радостный крик: «Бах!»

Просыпаясь, Роланд дернулся с такой силой, что качнул гамак. Женщина, которая стояла рядом, около головы, и хихикала, постукивая деревянной ложкой по носу стрелка, отступила на шаг. Отступила слишком быстро, и миска, которую она держала во второй руке, выскользнула из пальцев.

Руки Роланда метнулись навстречу миске, с реакцией у него все было в порядке, это только во сне он не мог попасть по жуку. Он поймал миску на лету, да так, что из нее вылилось лишь несколько капель. У женщины, сестры Кокуины, от изумления округлились глаза.

Спину, конечно, пронзила боль, но совсем не такая острая, как раньше. И на коже Роланд не чувствовал никакого движения. Возможно, «доктора» спали, но он склонялся к мысли, что они уползли.

Роланд протянул руку за ложкой, которой Кокуина постукивала его по носу (он, кстати, нисколько не удивился тому, что одна из сестер могла так издеваться над спящим и больным человеком; правда, будь это Дженна, он бы удивился), и она тут же отдала ему ложку, еще не придя в себя от изумления.

— Ну и шустрый же ты! — воскликнула она. — Такая реакция, да еще спросонья!

— Не забывай об этом, сэй, — ответил Роланд и попробовал суп. Вроде бы обычный куриный бульон, но изрядно проголодавшемуся Роланду он показался амброзией. Стрелок с жадностью набросился на еду.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Кокуина.

В лазарете стало еще темнее, белые стены окрасились в оранжево-красные закатные тона. При таком освещении Кокуина выглядела молодой и симпатичной... но Роланд не сомневался, что все это лишь видимость, какой-то колдовской трюк.

— Ничего особенного. — Роланд отбросил ложку и поднес миску ко рту. Четыре больших глотка, и она опустела. — Вы были добры ко мне...

— Да, конечно! — В голосе Кокуины слышалось возмущение.

— ...и я надеюсь, что доброта ваша искренняя. Если же нет, сестра, помни о том, какой я шустрый. И должен признаться, я не всегда бываю добрым.

Кокуина не ответила, взяла миску, которую протянул ей Роланд. Очень осторожно, дабы не коснуться его пальцев. Взгляд ее упал на то место, где лежал медальон, теперь упрятанный под больничную рубашку. А Роланд сменил тему, чтобы Кокуина не вспомнила о том, что сейчас он безоружен и лежит в гамаке, потому что его спина не может выдержать веса тела.

— Где сестра Дженна? — спросил он.

— О-о-о... — Кокуина насмешливо изогнула бровь. — Нам она понравилась, не так ли? Она заставила забиться наше сердце, — и она похлопала рукой по вышитой на груди красной розе.

— Отнюдь, отнюдь, — возразил Роланд, — но она очень добра. И я уверен, что она не стала бы будить меня, постукивая ложкой по носу. Не то что некоторые.

Улыбка сползла с лица сестры Кокуины, сменившись злобой и тревогой.

— Не говори об этом сестре Мэри, если она подойдет к тебе. У меня могут быть неприятности.

— А что мне до этого?

— Я могу поквитаться с тем, кто станет причиной моих неприятностей, усложнив жизнь маленькой Дженне. Сейчас она все равно в немилости у Старшей сестры. Сестре Мэри не понравилось, как Дженна говорила с ней насчет тебя... Не нравится ей и то, что Дженна вернулась к нам с черными колокольчиками на накидке.

Едва эти слова сорвались с губ сестры Кокуины, она прикрыла рот рукой, словно поняла, что сболтнула лишнее.

Роланда заинтриговали слова Кокуины, но ему не хотелось, чтобы сестра это заметила. Поэтому он не стал допекать ее новыми вопросами.

— Я буду молчать, если ты не станешь жаловаться на Дженну сестре Мэри.

По лицу Кокуины разлилось облегчение.

— Согласна. — Она доверительно наклонилась к стрелку. — Твоя подружка в Доме размышлений. Это маленькая пещера в холме, где мы медитируем, если Старшая сестра решит, что мы допустили проступок. Она останется там и будет обдумывать свое неподобающее поведение, пока Мэри не выпустит ее. — Она помолчала, а потом выстрелила неожиданным вопросом. — Кто лежит рядом с тобой? Ты знаешь?

Роланд повернул голову и увидел, что юноша уже проснулся и внимательно прислушивается к разговору. Глаза у него были такие же черные, как и у Дженны.

— Знаю ли я? — Роланд надеялся, что в голосе доставало издевки. — Отчего же мне не знать собственного брата?

— Если он — твой брат, почему он такой молодой, а ты — старый? — Еще одна сестра материализовалась из темноты, Тамра, которая не так давно призналась, что ей двадцать один годок. За мгновение до того, как она подошла к кровати, у нее было лицо столетней старухи. Потом оно замерцало, произошли неуловимые изменения, и Роланд уже видел перед собой пышущую здоровьем тридцатилетнюю матрону. Настоящий возраст Тамры выдавали только глаза. С пожелтевшей роговицей, припухшие, настороженные.

— Он — самый младший, я — старший, — ответил Роланд. — Между нами еще семеро наших братьев и сестер и двадцать лет жизни родителей.

— Как интересно. Если он — твой брат, значит, ты знаешь его имя, не так ли? Знаешь очень хорошо.

Прежде чем стрелок успел раскрыть рот и сослаться на провалы в памяти, юноша пришел ему на помощь.

— Они думают, что ты забыл столь простое имя, как Джон Норман. Просто удивительно, что такая мысль могла прийти им в головы, не так ли, Джимми?

Кокуина и Тамра одарили юношу злобными взглядами. На этот раз они потерпели поражение и не скрывали досады.

— Вы уже накормили его своим дерьмом, — продолжил юноша (теперь Роланд знал, что на его медальоне выгравировано: Джон. Любимец семьи. Любимец Господа). — Почему бы вам не уйти, чтобы мы могли поговорить наедине?

— Однако! — негодующе воскликнула Кокуина. — Такую, значит, мы видим от тебя благодарность.

— Я привык благодарить за то, что мне дают, — ответил юноша, глядя Кокуине в глаза, — а не за то, что у меня отбирают.

Тамра фыркнула, резко развернулась и зашагала по проходу. Кокуина задержалась на несколько мгновений, чтобы осадить молодого нахала.

— Придержи язык, а не то уже утром, а не через неделю, ты увидишь того, чей лик будет тебе приятнее моего.

И, не дожидаясь ответа, она последовала за Тамрой.

Роланд и Джон Норман дождались, пока они обе покинут лазарет. Потом юноша повернулся к стрелку и, понизив голос, спросил: «Мой брат... Умер?»

Роланд кивнул.

— Медальон я взял на случай, что встречусь с его родственниками. Он принадлежит тебе. Я очень сожалею, что твоя семья понесла такую утрату.

— Спасибо, сэй. — Нижняя губа Джона Нормана задрожала, но лишь на мгновение. — Я знаю, что зеленокожие сделали с тобой, хотя эти старухи ничего мне не сказали. Они поуродовали многих и уничтожили остальных.

— Может, сестры об этом не знали?

— Они знали. Тут сомнений нет. Они много не говорят, но знают предостаточно. Единственная, кто отличается от остальных, — Дженна. Именно ее имела в виду эта старая карга, говоря «твоя подружка». Так?

Роланд кивнул.

— Она что-то сказала насчет черных колокольчиков. Хотелось бы знать об этом побольше.

— Дженна — не такая, как другие сестры. Вроде принцессы. Ее статус определяется происхождением, кровью. Большую часть времени я лежу и притворяюсь спящим, думаю, так безопаснее, но я слышу их разговоры. Дженна вернулась к ним недавно. Эти черные колокольчики означают что-то особенное... но главная тут по-прежнему Мэри. Я думаю, черные колокольчики — какой-то ритуальный атрибут вроде перстня, который у баронов передавался от отца сыну. Она надела тебе на шею медальон Джимми?

— Да.

— Никогда не снимай его. — Лицо Джона Нормана напряглось, превратилось в маску. — Не знаю, в чем причина, в золоте или Боге, но медальон не подпускает их ко мне. Думаю, только благодаря ему я еще жив. — Тут его голос упал до шепота. — Они — не-люди!

— Слушай, они, конечно, владеют магией и...

— Нет! — С усилием юноша приподнялся на локте. Пристально всмотрелся в Роланда. — Ты говоришь о ведьмах или колдуньях. Они — не ведьмы и не колдуньи. Они — *не-люди!*

— Откуда же они взялись?

— Не знаю.

— А как ты попал сюда, Джон?

Тихим голосом юноша рассказал Роланду о том, что произошло. Он с братом и еще четверо парней, у которых были хорошие лошади, нанялись для охраны каравана из семи фургонов, перевозивших семена, еду, инструменты, почту и четырех невест. Путь они держали в Теджус, городок, расположенный в двухстах милях к западу от Элурии. Охранники разбились на две группы, которые попеременно сопровождали караван или разведывали местность. Норман объяснил, что они с братом находились в разных группах, потому что, находясь рядом, они цапались, как... как...

— Как братья, — предложил Роланд.

Джон Норман натужно улыбнулся.

— Вот-вот.

Тройка, в состав которой входил Джон, уехала в дозор, когда караван угодил в засаду, устроенную в Элурии зеленокожими.

— Сколько ты видел фургонов? — спросил он Роланда.

— Один. Перевернутый.

— А тел?

— Только одно. Твоего брата.

Джон Норман мрачно кивнул.

— Они не забрали его из-за медальона.

— Мутанты?

— Сестры. Мутантам плевать и на золото, и на Бога. А вот эти суки... — Он всмотрелся в темноту, окутавшую лазарет. Роланд чувствовал, что его клонит в сон, но тогда он еще не понимал, что причина тому — суп.

— А другие фургоны? Которые не перевернулись?

— Их забрали мутанты. Вместе с товарами, — ответил Джон. — Золото и Бог им до фонаря, а сестрам не нужны эти товары. Обычную еду они, похоже, не едят. Все у них не как у людей. Взять хотя бы этих жуков...

Когда он и еще двое парней прискакали в Элурию, бой уже закончился. Кого-то убили, но большинство остались в живых. В том числе три невесты. Зеленокожие уводили их из города. Джон Норман запомнил и мутанта в котелке, и его подругу в красной жилетке.

Маленький отряд Нормана вступил в бой. Он увидел, как один из парней упал, пронзенный стрелой, а потом его ударили дубинкой по голове и свет померк у него перед глазами.

Роланд хотел спросить, не крикнул ли нападавший «Бух!» перед тем, как опустить дубинку на голову Джона, но в последний момент передумал и промолчал.

— Очнулся я уже здесь, — продолжил Джон Норман. — Увидел и остальных, которых лечили эти чертовы жуки.

— Остальных? — Роланд оглядел пустые кровати. Белыми островками выступали они в море тьмы. — И много сюда привели людей?

— Не меньше двадцати. Они выздоровели... жуки их вылечили... а потом исчезли один за другим. Засыпаешь вечером, а проснувшись утром, видишь, что на одного человека стало меньше. Один за другим они исчезли, пока не остались только я да этот бородач.

Джон Норман посмотрел на Роланда.

— А теперь появился ты.

— Норман... — Голова у Роланда шла кругом. — Я...

— Я догадываюсь, что с тобой. — Голос Джона Нормана доносился издалека, может, даже из-за горизонта. — Все дело в супе. Но мужчина должен есть. И женщина тоже. Если это обычная женщина. Эти — не обычные. Даже сестра Дженна. Она хорошая, но тоже не человек. — Голос удалялся и удалялся. — И в конце концов она станет такой же, как эти. Помяни мое слово.

— Не могу шевельнуться. — Каждое слово давалось ему с большим трудом. Он словно ворочал огромные валуны.

— Неудивительно. — Норман неожиданно рассмеялся. — В супе не только снотворное. Они добавляют какую-то гадость, которая сковывает движения. Я ведь совсем выздоровел, брат... как по-твоему, почему я здесь?

Голос Джона Нормана доносился теперь не из-за горизонта, а с Луны.

— Я не думаю, что кто-то из нас вновь увидит солнце.

Тут ты ошибаешься, попытался ответить Роланд, но не сумел произнести ни звука. Темная волна накрыла его с головой, поглотив все слова.

Однако полностью контроля над собой он не потерял. Может, сестра Кокуина не доложила в суп «лекарства», может, они никогда не имели дела со стрелком и, не зная, кто попал в их сети, отмерили дозу, рассчитанную для обычного человека.

Речь, разумеется, не шла о сестре Дженне — та *знала.*

И ночью шепот, хихиканье и позвякивание колокольчиков вырвали его то ли из сна, то ли из забытья. А «доктора» продолжали монотонно стрекотать, ни на секунду не прекращая своей работы.

Роланд открыл глаза. Увидел сполохи света, рассекающие темноту лазарета. Хихиканье и шепот приблизились. Роланд попытался повернуть голову, но поначалу у него ничего не вышло. Он полежал, отдохнул, собрал волю в кулак и предпринял вторую попытку. На этот раз голова его повернулась. На чуть-чуть, но и этого хватило.

Пятеро смиренных сестер — Мэри, Луиза, Тамра, Кокуина и Микела — шли по проходу, смеясь, как дети на прогулке. Каждая несла серебряный подсвечник с установленной в нем высокой свечой. Они сгрудились у кровати, над которой висел в гамаке бородатый мужчина. Свет от их свечей

мерцающей колонной поднимался вверх и на полпути к потолку растворялся в темноте.

Потом заговорила сестра Мэри. Роланд узнал ее голос, но не слова: не было таких ни в низком наречии, ни высоком слоге, ни в любом другом языке. Фразу он разобрал полностью: *кан де лах, ми хим ен тоу,* но понятия не имел, что сие означает.

И тут Роланд понял, что слышит только позвякивание колокольчиков: «доктора» затихли.

— *Рас ми! Он, он!* — воскликнула сестра Мэри.

Свечи погасли, темнота скрыла и сестер, и бородача.

Роланд ждал, что за этим последует. Кожа у него похолодела. Он попытался согнуть руки или ноги. Не вышло. Да, он мог повернуть голову на пятнадцать градусов, но тело его словно парализовало. Он напоминал муху, намертво застрявшую в паутине.

В темноте тихонько зазвенели колокольчики... к звону присоединилось чмоканье. Словно кто-то что-то жадно сосал. Едва услышав их, Роланд понял, что ждал именно этого. Какая-то часть его сознания давно уже поняла, кто такие эти Смиренные сестры Элурии.

Если бы Роланд мог поднять руки, он поднес бы их к ушам, чтобы отсечь это жуткое чмоканье. Но руки отказывались подчиняться, поэтому ему оставалось лишь лежать, слушать и ждать, когда все это закончится.

Но сестры никак не могли насосаться кровушки. Чем-то они напоминали свиней, жрущих помои из корыта. Один раз кто-то из них даже рыгнул, а остальные захихикали (смех оборвал окрик сестры Мэри: «Хейс!»). В какой-то момент до Роланда донесся долгий, протяжный стон, несомненно, исторгшийся из горла бородача. Наверное, последний звук, сорвавшийся с его губ на тропе жизни.

Наконец они насытились, чмоканье затихло, и вновь застрекотали «доктора». Послышался шепот, смешки. Зажглись свечи. Роланд теперь лежал, повернув голову в другую сторону. Он не хотел, чтобы они знали, что он видел, чем они занимались. Была и еще одна причина: он не хотел смотреть на сестер и их жертву. Увиденного и услышанного хватало с лихвой.

Но смешки и шепот приблизились. Роланд закрыл глаза, думая о медальоне, который покоился у него на груди. *Не*

знаю, в чем причина, в золоте или Боге, но медальон не подпускает их ко мне, сказал ему Джон Норман. Слова эти где-то подбадривали, но радостный смех приближающихся Смиренных сестер, перешептывания на их странном языке подрывали уверенность в чудодейственной силе медальона.

А когда сестры окружили Роланда, он почувствовал идущий от них резкий неприятный запах гниющего мяса. А какой еще мог идти от них запах?

— Какой красавчик, — задумчиво прошептала сестра Мэри.

— Но какой отвратительный у него медальон, — заметила сестра Тамра.

— Мы его снимем! — заявила сестра Луиза.

— А потом зацелуем его! — добавила сестра Кокуина.

— Зацелуем до смерти! — воскликнула сестра Микела с таким восторгом в голосе, что все рассмеялись.

Роланд обнаружил, что не все его тело парализовано. Голоса сестер пробудили ото сна одну часть, и теперь она стояла столбом. Рука нырнула под больничную рубашку, нащупала взбухший пенис, обхватила, поласкала. Роланд в ужасе замер, имитируя сон, и тут же теплая сперма выплеснулась из него. Рука еще на мгновение оставалась на прежнем месте, большой палец ходил верх-вниз по пенису. А потом рука переместилась на живот, нашла теплую лужицу.

Сестры хихикали.

Колокольчики звенели.

Роланд чуть приоткрыл один глаз, посмотрел на склонившихся над ним смеющихся старух, освещенных мерцающим пламенем свечей: слезящиеся глаза, желтые щеки, торчащие над нижней губой зубы. У сестер Микелы и Луизы появились бородки: на подбородке запеклась кровь бородатого мужчины.

Мэри, сложив одну руку ковшиком, поочередно протягивала ее сестрам. Те что-то слизывали с ее ладони.

Роланд закрыл глаз, дожидаясь, когда же они уйдут. И они-таки ушли.

Теперь мне не заснуть, подумал он, а пятью минутами спустя уже крепко спал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сестра Мэри. Записка. Появление Ральфа. Судьба Нормана. Вновь сестра Мэри

Проснулся Роланд уже при свете дня. Ветер раздувал ослепительно белый шелковый потолок. Доктора-жуки умиротворенно стрекотали. Рядом с ним, вывернув голову так, что небритая щека касалась плеча, спал Норман.

Роланд и Джон Норман остались единственными пациентами. Гамак, в котором лежал бородатый мужчина, исчез. Кровать под ним пустовала, застеленная белоснежной простыней, в изголовье лежала подушка в белоснежной наволочке.

Роланду вспомнились свечи, их свет, сливающийся в колонну, сестры, склонившиеся над бородачом. Их смех. И позвякивание колокольчиков.

И тут же, словно вызванная его мыслями, к нему подошла сестра Мэри. За ней по пятам следовала сестра Луиза с подносом в руках. Луиза явно нервничала. Мэри хмурилась. Чувствовалось, что пребывает она в дурном настроении.

Разве можно злиться после столь сытной трапезы, мысленно упрекнул ее Роланд. *Это не дело, сестра.*

Подойдя к гамаку, сестра Мэри уперлась взглядом в стрелка.

— Я должна поблагодарить тебя, сэй, — безо всякой преамбулы начала она.

— Разве я нуждаюсь в твоей благодарности? — просипел Роланд голосом безмерно уставшего человека.

Мэри пропустила его шпильку мимо ушей.

— Благодаря тебе та, кто ранее вела себя нагло и не желала знать свое место, решилась на открытый мятеж. Ее мать была такой же, из-за этого и умерла вскоре после возвращения Дженны. Подними руку, не жаждущий благодарности.

— Не могу. Не могу шевельнуть и пальцем.

— Кого ты хочешь провести, голубок? Уж я-то знаю, что ты можешь, а чего — нет. А теперь поднимай руку.

Роланд поднял правую руку, всем своим видом показывая, каких усилий стоит ему это простенькое телодвижение.

Про себя он решил, что у него уже достаточно сил, чтобы выбраться из гамака... но что потом? На многочасовую прогулку их не хватит, даже без очередной дозы «лекарства». А за спиной Мэри сестра Луиза уже снимала крышку с миски, наполненной супом. Одного взгляда, брошенного Роландом на полную миску, хватило, чтобы у него заурчало в желудке.

Старшая сестра услышала это урчание и улыбнулась.

— У сильного мужчины аппетит появляется даже от лежания в постели, если, конечно, лежать достаточно долго. Что ты скажешь на это, Джейсон, брат Джона?

— Меня зовут Джеймс. Как тебе хорошо известно, сестра.

— Известно? — Она злобно рассмеялась. — А если я выпорю кнутом твою ненаглядную, выпорю так, что ее спина превратится в кровавое месиво, не услышу ли я от нее другое имя? Разве во время вашей приватной беседы ты не сказал ей, как тебя зовут?

— Прикоснись к ней пальцем, и я тебя убью.

Вновь смех. Лицо сестры Мэри замерцало. Рот превратился в зубастую пасть.

— Смерть ждет скорее тебя, чем нас.

— Сестра, если вы с Дженной терпеть друг друга не можете, почему не освободить ее от обетов и не позволить уйти куда глаза глядят?

— Ни одна из нас не может освободиться от обетов и уйти. Ее мать пыталась, но потом вернулась, уже умирающей, с больной дочерью на руках. Что ж, мы вылечили Дженну, уже после того, как ее мать превратилась в пыль, которую ветер разнес по Крайнему миру, и вот как она нас отблагодарила! Кроме того, она носит черные колокола, символ нашего ордена. Или нашего *ка-тета*. А теперь ешь... твой желудок требует, чтобы его наполнили.

Сестра Луиза протянула ему миску, но ее взгляд то и дело останавливался на медальоне, проступавшем через полотно рубашки. *Не нравится он тебе, не так ли,* подумал Роланд и вспомнил другую Луизу, при свете свечей, с кровью бородача на подбородке, слизывающую его сперму с ладони сестры Мэри.

И отвернулся.

— Ничего не хочу.

— Но ты голоден, — запротестовала Луиза. — Если ты не будешь есть, Джеймс, откуда возьмутся силы?

— Пришлите сюда Дженну. Я съем все, что она принесет.

Сестра Мэри стала мрачнее тучи.

— Ее ты больше не увидишь. Я освободила ее из Дома размышлений после того, как она пообещала мне медитировать в два раза дольше и более не появляться в лазарете. Так что ешь, Джеймс, или как тебя там. Или ты съешь суп, или мы полоснем тебя ножом и вотрем то, что положено в суп, тебе в кровь. Нам это без разницы, не так ли, Луиза?

— Без разницы, — кивнула та. Она все протягивала миску Роланду. Над ней поднимался пар. Пахло наваристым куриным бульоном.

— А вот для тебя разница есть, — усмехнулась Мэри, продемонстрировав неестественно большие зубы. — Доктора кровь не жалуют. Она их нервирует.

Роланд прекрасно знал, что вид крови нервирует совсем не докторов. Но он также понимал, что выбора у него нет. Он взял у Луизы миску, медленно все съел. И многое бы отдал за то, чтобы стереть самодовольную ухмылку с лица сестры Мэри.

— Хорошо, — кивнула она после того, как Роланд вернул ей пустую миску, а она убедилась, что в ней не осталось ни капли. Его рука бессильно упала на гамак, слишком тяжелая, чтобы он мог вновь поднять ее. Роланд почувствовал, что снова проваливается в сон.

Сестра Мэри наклонилась над ним, подол ее рясы коснулся плеча стрелка. Волна идущего от нее запаха, сухости и гнили окатила Роланда. Его чуть не вывернуло наизнанку.

— Сними эту золотую штуковину, когда силы вернутся к тебе... и брось в писсуар под кроватью. Там ей самое место. От одного взгляда на нее у меня начинает болеть голова и перехватывает дыхание.

— Если медальон так тебе не нравится, сними его сама, — собравшись с последними силами, ответил Роланд. — Как я могу помешать тебе, сука?

Вновь сестра Мэри злобно оскалилась. Роланд подумал, что она влепила бы ему затрещину, если б не боялась поднести руку так близко к медальону. Видать, касаться его выше пояса она не решалась.

— Думаю, тебе надо как следует подумать над моим предложением. Я по-прежнему могу высечь Дженну. Она носит черные колокола, но я — Старшая сестра. Вот и прикинь, что к чему.

Она ушла. Луиза — за ней, бросив на Роланда последний взгляд, в котором смешались страх и вожделение.

Я должен выбраться отсюда, подумал Роланд. *Должен.*

Но вместо этого впал в некое отличное от сна состояние. Может, какое-то время он и спал, а какое-то — грезил наяву. Один раз чьи-то пальцы погладили его руки, чьи-то поцеловали ухо и прошептали: «Загляни под подушку, Роланд... но никто не должен знать, что я приходила к тебе».

Прошло еще какое-то время, и, открыв глаза, Роланд ожидал увидеть над собой симпатичное личико сестры Дженны. И водопад черных волос, струящихся из-под накидки. Но никого не увидел. Лишь яркую белизну полотнищ шелка на потолке. Роланд предположил, что уже полдень. То есть прошло как минимум три часа с того момента, как он съел вторую миску супа.

Рядом с ним, негромко посапывая, по-прежнему спал Джон Норман.

Роланд попытался поднять руку и сунуть под подушку. Но рука не желала двигаться. Ему удавалось шевельнуть лишь кончиками пальцев. Он ждал, набираясь терпения, стремясь сохранить спокойствие. Получалось не очень. Из головы не уходили слова Джона Нормана о том, что недавно в лазарете лежали двадцать человек. *Один за другим они исчезали, пока не остались только я да он. А теперь появился ты.*

Девушка не приходила. В его голове прозвучал мягкий голос Алена, одного из давнишних его друзей, который давно уже умер. *Она бы не решилась, остальные сестры следят за ней во все глаза. Тебе все это приснилось.*

Но Роланд полагал, что его друг ошибается.

Прошло еще какое-то время, по изменению яркости полотнищ на потолке Роланд решил, что не меньше часа, и стрелок предпринял вторую попытку. На этот раз ему удалось сунуть руку под подушку. Пухлую, мягкую, поддерживающую не столько голову, как шею. Поначалу он ничего не нашел, но его пальцы забирались все глубже, пока не нащупали какие-то тонкие палочки.

Он выдержал паузу, собираясь с силами (а каждое движение давалось с неимоверным трудом), потянул палочки на себя. Оказалось, что они перевязаны лентой.

Роланд огляделся, дабы убедиться, что в лазарете сестер нет, а Джон Норман спит, и только потом вытащил находку из-под подушки. Шесть засохших цветков с бледно-зелеными стеблями и коричневатыми головками, от которых шел резкий запах пережаренных сухарей. Запах этот напомнил Роланду далекое детство: утренние экспедиции на кухню Большого дворца, инициатором которых обычно выступал Катберт. Из-под широкой белой ленты, перевязывающей стебли, торчал край сложенного куска материи. Естественно, шелка, ничего другого в этом проклятом месте не было.

Роланд тяжело дышал, на лбу выступили капли пота. Однако он по-прежнему был один. Вытащил материю, развернул. Прочитал написанное углем послание:

ЖУЙ ТРАВУ. ПО КУСОЧКУ КАЖДЫЙ ЧАС. МНОГО НЕЛЬЗЯ, БУДУТ СУДОРОГИ ИЛИ СМЕРТЬ. ЗАВТРА НОЧЬЮ. РАНЬШЕ НЕ ПОЛУЧИТСЯ. БУДЬ ОСТОРОЖЕН!

Никаких объяснений, но, с другой стороны, они и не требовались. Роланд и так понимал: оставаться здесь — верная смерть. Им требовалось лишь одно — сорвать с него медальон, а он не сомневался, что сестра Мэри придумает, как это сделать.

Роланд кусанул засушенный цветок, по вкусу он ничем не напоминал те сухари, что он и Катберт выпрашивали на кухне. Во рту появилась горечь, в желудке — жар. А через минуту после того, как он прожевал первую порцию, сердце забилось в два раза чаще. Мышцы ожили, добавив неприятных ощущений: задергались, потом натянулись, свернулись в жгуты. Приступ быстро прошел, и сердцебиение пришло в норму задолго до того, как проснулся Норман, но Роланд понял, чем вызвано предупреждение Дженны: она дала ему очень сильное лекарство.

Роланд вернул букет под подушку, стряхнув с простыни два-три крохотных лепестка, упавших с цветков. Потом боль-

шим пальцем руки растирал написанные углем слова по белому шелку, пока они не превратились в серые пятна. Покончив с этим, убрал под подушку и клочок материи.

Когда Норман проснулся, он и стрелок поговорили о родном городе юноши, Дилейне, который иногда называли Логовом Дракона. Юноша попросил Роланда передать его медальон и медальон брата их родителям, если, конечно, ему удастся выбраться из Элурии, и рассказать им, что произошло с Джоном и Джеймсом, сыновьями Джесса.

— Ты все расскажешь сам, — возразил Роланд.

— Нет. — Норман попытался поднять руку, может, чтобы почесать нос, но ему это не удалось. Рука поднялась дюймов на шесть, а потом, словно полено, упала на простыню. — Думаю, что нет. Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах. Ты мне нравишься.

— А ты — мне, Джон Норман. И то, что мы встретились, уже хорошо.

— Да, но мы могли бы обойтись без этих дам.

Вскоре он снова заснул. И Роланду более не довелось поговорить с ним... хотя он услышал его голос. Да. Роланд лежал в гамаке над кроватью, притворяясь спящим, когда Джон Норман с предсмертным криком сошел с тропы в пустошь.

Сестра Микела принесла тарелку вечернего супа аккурат в тот момент, когда Роланд приходил в себя, в очередной раз вкусив от травки Дженны. Она озабоченно взглянула на раскрасневшееся лицо Роланда, но стрелок убедил ее, что лихорадки у него нет. Она же не смогла заставить себя прикоснуться ко лбу Роланда и определить температуру: ее отпугивал медальон.

Вместе с супом сестра Микела принесла кусок мясного пирога. Мясо было жестким, тесто — пресным, но Роланд с жадностью слупил пирог. Микела наблюдала за ним с самодовольной улыбкой, сложив руки на груди, время от времени кивая. Когда он доел суп, она осторожно взяла миску, следя за тем, чтобы не соприкоснуться с его пальцами.

— Ты выздоравливаешь. Скоро отправишься дальше, Джим, а мы сохраним память о твоем пребывании у нас.

— Неужели? — спросил Роланд.

Она коротко глянула на него, облизала губы, хохотнула и ушла. Роланд же, закрыв глаза, лежал на подушке, чув-

ствуя, как летаргия вновь охватывает его. Ее оценивающий взгляд... язык, облизывающий губы. Точно так же женщины на ярмарке оглядывали общипанную курицу или кусок мяса, прикидывая, что из них можно приготовить.

Тело ужасно хотело спать, но Роланду удалось прободрствовать час, после чего он отправил в рот очередную порцию травы. Наверное, «обездвиживающее снадобье», которое находилось в супе, не позволило бы достать из-под подушки весь букет, но Роланд предусмотрительно вытащил один стебель. *Завтра ночью,* написала Дженна. Если она имела в виду побег, идея казалась абсурдной. В таком состоянии он не мог подняться, не то чтобы идти.

Роланд куснул траву. Энергия мощным потоком хлынула в его организм, напрягая мышцы, ускоряя сердце, но шлюз тут же закрылся: «обездвиживающее снадобье» сестер оказалось сильнее. Так что Роланду оставалось только надеяться... и спать.

Проснулся он в полной темноте и обнаружил, что может двигать как руками, так и ногами. Достал из-под подушки один цветок, осторожно откусил часть головки. Дженна прислала их с полдюжины. Две головки он уже полностью съел.

Стрелок вернул стебель под подушку и тут же начал дрожать, как пес под холодным дождем. *Я съел слишком много,* подумал он. *Только бы не начались конвульсии...*

Сердце его учащенно билось. А тут еще в дальнем конце прохода затеплились свечи. Вскоре он услышал шелест ряс, шарканье шлепанцев.

Боги, ну почему сейчас? Они увидят, как я дрожу, поймут, что...

Смиренные сестры подходили все ближе. На этот раз они не смеялись, не перешептывались. И лишь когда они оказались совсем рядом, Роланд понял, что пришли они не одни: привели некое существо, которое постоянно хлюпало носом.

Стрелок не решался открыть глаза. Сердце его билось, как барабан, по рукам и ногам пробегала дрожь. Одного взгляда хватило бы, чтобы понять: с ним что-то не так. Они не могли этого не видеть...

Но Смиренные сестры смотрели не на него. Пока он их совершенно не интересовал.

— Сорви с него эту штуковину, — заговорила сестра Мэри, так коверкая низкое наречие, что Роланд едва ее понял. — А потом с другого. Давай, Ральф.

— А виски у тебя есть? — спросил хлюпающий. — А табачок?

— Да. Да, будет тебе и виски, и табак, но после того, как ты сорвешь эти бляхи! — нетерпеливо бросила Мэри. Но в ее голосе Роланд уловил и страх.

Стрелок осторожно повернул голову, чуть приоткрыл глаза.

Пять из шести Смиренных сестер Элурии столпились у изножия кровати, на которой спал Джон Норман, с дальней от Роланда стороны. Свечки освещали как спящего юношу, так и их лица. Зрелище было не для слабонервных. Не старухи — трупы, разодетые в белый шелк.

В руке сестра Мэри держала один из револьверов Роланда. Вспышка ненависти полыхнула в Роланде. Он дал себе слово, что отомстит ей за такую наглость.

А незнакомец, которого сестры привели с собой, в сравнении с ними выглядел куда более человечным. То был один из зеленокожих. Роланд сразу узнал Ральфа. Как он мог забыть замусоленный котелок!

Ральф обошел кровать Нормана, оказался между Роландом и сестрами, на мгновение скрыв их от стрелка, потом прошел дальше, к голове юноше.

Медальон Нормана лежал на рубашке, должно быть, юноша вытащил его. Надеялся, что медальон, лежащий на виду, лучше защитит его. Ральф схватился за медальон. Старухи замерли, когда зеленокожий натянул цепочку... но потом вернул медальон на прежнее место. Лица старух разочарованно вытянулись.

— Не нужен он мне! — проскрипел Ральф. — Хочу виски! Хочу табачку!

— Все тебе будет, — успокоила его сестра Мэри. — И тебе, и всему твоему клану. Всем хватит. Но сначала ты должен сорвать с него эту дрянь! Сорвать с них обоих! Понимаешь? И не выводи нас из себя!

— А что будет, если выведу? — Ральф захохотал, и в груди у него засипело и забулькало, как у человека, умирающего от болезни горла и легких. Но Роланд решил, что его смех

куда приятнее, чем хихиканье сестер. — Ты выпьешь мою кровь, сестра Мэри? От моей крови ты упадешь замертво и будешь светиться в темноте.

Мэри подняла револьвер, нацелила на Ральф.

— Сорви эту дрянь. А не то умрешь на месте.

— Или умру после того, как выполню твою просьбу.

Сестра Мэри ничего не ответила. А остальные сестры не отрывали от Ральфа черных глаз.

Ральф наклонил голову, вроде бы задумался. Роланд не сомневался, что способности думать его приятель Котелок не утерял. Старухи, возможно, в это не верили, но Ральф умел шевелить мозгами, иначе не прожил бы так долго. Просто идя к сестрам, он не ожидал увидеть в руке Мэри нацеленный на него револьвер Роланда.

— Напрасно Убивец отдал тебе эти огнестрелы, — пробурчал он. — Отдал и ничего мне не сказал. Ты дала ему виски? Дала ему табачок?

— Не твое дело, — отрезала Мэри. — Или ты немедленно сорвешь кусок золота с груди этого человека, или я прострелю тебе голову.

— Хорошо, — ответил Ральф. — Пусть будет по-твоему, сэй.

Опять он протянул руку и взялся за медальон. Все это он проделал медленно, а вот последующее произошло очень быстро. Одной рукой он дернул за цепочку, порвал ее, отшвырнул медальон в темноту. А ногти второй вонзил в шею Джона Нормана, вскрывая артерии.

Кровь брызнула струей, в свете свечей она казалась скорее черной, чем красной. Женщины вскрикнули, но не от ужаса. От радости. О зеленокожем забыли; о Роланде забыли; старухи забыли обо всем, кроме крови, хлещущей из шеи Джона Нормана.

Они бросили свечи. Мэри выронила револьвер. Стрелок лишь успел заметить, как Ральф юркнул в темноту (должно быть, понял, что сейчас не до виски и табачка: надо спасать свою шкуру), а сестры набросились на юношу.

Роланд лежал в темноте, с гулко бьющимся сердцем, слушая, как эти гарпии высасывают из Джона кровь. Казалось, этот ужас никогда не закончится, но наконец они высосали

все, до последней капли. Зажгли свечи и, шепотом переговариваясь, удалились.

И когда снадобье сестер взяло верх над лекарством Дженны, Роланд испытал разве что чувство благодарности... но впервые ему приснился кошмар.

Во сне он смотрел на раздувшееся тело, лежащее в желобе с водой, и думал о строчке, которую прочитал в книге, где регистрировались **ПРАВОНАРУШЕНИЯ** и **НАКАЗАНИЯ.** *Зеленых людей выслали прочь.* Возможно, тех зеленых людей выслали, но пришло другое племя, куда хуже, чем зеленокожие. Смиренные сестры Элурии, так называли они себя. А годом позже они могут стать Смиренными сестрами Теджуса, или Камберо, или любого другого городка на просторах Запада. Они пришли со своими колокольчиками и жуками... Откуда? Кто знает? Да и так ли важно это знать?

Тень упала на желоб. Роланд попытался повернуться, но не смог. Превратился в статую. Потом зеленая рука ухватила его за плечо и развернула. Ральф. В чуть сдвинутом набок котелке. На шее — медальон Джона Нормана, красный от крови.

— Бух! — выкрикнул Ральф, и его губы разошлись в беззубой улыбке. Он поднял большой револьвер с рукояткой из сандалового дерева. Взвел курок...

...и Роланд проснулся, дрожа всем телом, в холодном поту. Повернул голову налево. Пустая, аккуратно заправленная кровать. Подушка в белоснежной наволочке. И никаких следов Джона Нормана. Эта кровать могла пустовать не один день, месяц, год.

Он — один-единственный оставшийся в живых пациент Смиренных сестер Элурии, славящихся заботой о страждущих. Последний человек в этом ужасном лазарете, последний, в жилах которого текла теплая кровь.

Роланд, лежа в гамаке, сжал в кулаке золотой медальон и долго смотрел на проход между пустыми кроватями, прежде чем достал из-под подушки засушенный цветок и откусил часть головки.

Когда четверть часа спустя к кровати подошла сестра Мэри, стрелок взял миску, имитируя слабость, которой не чувствовал. Вместо супа ему принесли кашу... но главная составляющая осталась прежней.

— Как хорошо ты сегодня выглядишь, сэй, — не преминула отметить Старшая сестра. Она и сама выглядела неплохо, даже лицо мерцанием не выдавало прячущегося в ее обличье древнего вампира. Ночью она хорошо закусила, подзаправилась кровушкой. От этой мысли у Роланда скрутило живот. — Еще немного, и ты сможешь встать на ноги.

— Что ты несешь? — пробурчал Роланд. — Поставь меня на ноги, и тебе же потом придется поднимать меня с пола. Я все думаю, что же ты подкладываешь в еду?

Мэри добродушно рассмеялась.

— Ох уж эти мужчины! Всегда готовы искать причины своей слабости в хитрости женщин! Как же вы нас боитесь! Да-да, виду-то не показываете, но очень боитесь.

— Где мой брат? Мне приснилось, что ночью к его кровати кто-то подходил, а теперь я вижу, что она пуста.

Улыбка Мэри поблекла. Глаза сузились.

— У него началась лихорадка. Мы отнесли его в Дом размышлений, чтобы не допустить распространения инфекции.

Если вы его и отнесли, то в могилу, подумал Роланд. *Может, по-вашему она называется Домом размышлений, но на самом деле это могила.*

— Я знаю, что никакой он тебе не брат, — заметила Мэри, наблюдая, как Роланд ест кашу. Он уже чувствовал, как замешанное в нее снадобье отнимает у него последние силы. — Пусть на груди у вас одинаковые символы, я знаю, что вы — не родственники. Почему ты солгал? Это же грех.

— С чего ты это взяла, сэй? — спросил Роланд. Ему хотелось знать, упомянет ли она про револьверы.

— Старшая сестра знает то, что недоступно остальным. Почему бы тебе не признаться во лжи, Джимми? Говорят, покаяние — бальзам на душу.

— Пришли ко мне Дженну, чтобы я мог скоротать время за приятной беседой, и тогда, возможно, я утолю твое любопытство.

От улыбки не осталось и следа.

— С чего это тебе захотелось поболтать с ней?

— Она — честная. Не то что некоторые.

Мэри ощерилась, обнажив огромные зубы.

— Ты ее больше не увидишь, красавчик. Ты разбередил ей душу, разбередил, вот я и пресекла это безобразие.

Она повернулась, чтобы идти. Роланд протянул ей пустую миску, всем своим видом пытаясь выказать крайнюю слабость.

— А миску ты не возьмешь?

— Надень ее на голову и носи вместо ночного колпака, — огрызнулась Мэри. — Или засунь себе в задницу. Ты еще заговоришь, красавчик. Заговоришь так, что не сможешь остановиться!

С тем она и отбыла, приподняв подол рясы. Роланд слышал, что такие, как она, не выносят солнечного света. Как выяснилось, эта часть легенды не соответствовала действительности. Зато другая полностью подтвердилась: что-то непонятное и аморфное двигалось вдоль ряда пустых кроватей справа от сестры Мэри, но настоящей тени она не отбрасывала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дженна. Сестра Кокуина. Тамра, Микела, Луиза. Пес с крестом на груди. Исчезновение Дженны

Тот день стал одним из самых длинных в жизни Роланда. Он дремал, но ни разу не проваливался в глубокий сон: травка действовала, и у него крепла уверенность в том, что с помощью Дженны он сможет выбраться отсюда. Надеялся он и на то, что Дженна поможет ему добыть револьверы.

Время он коротал, вспоминая старые добрые времена. Гилеад, своих друзей, турнир загадок, который он едва не выиграл на ярмарке Широкой Земли. В итоге гусь достался другому, но у него был шанс на победу. Он думал об отце и матери, он думал об Абеле Ваннее, который прохромал по жизни, сея добро, и о хромоногом Элдреде Джонасе, который воплощал собой зло... пока пуля Роланда не вышибла его из седла.

И, как всегда, он думал о Сюзан.

Если ты любишь меня, люби, сказала ему она... и он ее любил.

Как он ее любил!

Время шло, и по прошествии каждого часа Роланд прикладывался к засушенным цветкам. Теперь уже мышцы не сводило судорогой, а сердце не колотилось как бешеное. Лекарству уже не приходилось вести яростный бой со снадобьем сестер, думал Роланд. Битва завершалась: цветки одерживали решительную победу.

Блеск потолочных полотнищ из белого шелка померк: солнце покатилось к горизонту. Сумрак, который окутывал кровати и ясным днем, начал сгущаться. Западная стена окрасилась закатным багрянцем.

На этот раз обед принесла ему сестра Тамра: суп и кусок мясного пирога. Около его руки она положила лилию. Улыбнулась. Щечки у нее раскраснелись. Сегодня все сестры аж лоснились. Как насосавшиеся пиявки.

— От твоей поклонницы, Джимми, — проворковала Тамра. — Она от тебя без ума. Лилия означает: «Не забудь мое обещание». Что она пообещала тебе, Джимми, брат Джонни?

— Что она придет ко мне и мы поговорим.

Тамра так смеялась, что зазвенели колокольчики на головной накидке. Хлопнула в ладоши.

— Как это мило! О да! — Все еще улыбаясь, она посмотрела на Роланда. — К сожалению, она пообещала тебе то, что нельзя выполнить. Ты никогда не увидишь ее, красавчик. — Она взяла пустую миску. — Так решила Старшая сестра. — Улыбка не сходила с ее губ. — Почему бы тебе не снять эту отвратительную золотую бляшку?

— Что-то не хочется.

— Вот твой брат снял... посмотри. — Роланд проследил за направлением ее пальца и увидел золотую искорку: медальон лежал в центральном проходе между кроватями, там, куда бросил его Ральф.

— Он решил, что все его болезни от этой бляшки, вот и выбросил ее, — продолжила Тамра. — Я надеюсь, у тебя достанет ума последовать его примеру.

— Такого желания у меня нет, — стоял на своем Роланд.

— Дело твое. — Сестра Тамра пожала плечами и ретировалась.

Борясь с сонливостью, Роланд дождался, пока померкнет закат, затем откусил кусочек цветка и почувствовал, как сила, настоящая сила, вливается в его тело. Он взглянул на медальон, лежащий на полу, и дал Джону Норману молчаливое обещание: он возьмет медальон и отдаст его родителям братьев, если *ка* будет угодно, чтобы он встретил их в своих странствиях.

Впервые за долгое время стрелок задремал со спокойной душой. А проснулся уже в темноте. Под пронзительное стрекотание докторов-жуков. Он вытащил из-под подушки цветок, откусил и тут же услышал суровый голос: «Значит, Старшая сестра была права. У тебя есть секреты».

Роланд обмер. Потом повернул голову на голос и увидел сестру Кокуину, вылезающую из-под соседней кровати. Она забралась туда, пока он спал, чтобы шпионить за ним.

— Кто тебе это дал? — спросила она. — Это же...

— Я.

Кокуина развернулась. По центральному проходу шла Дженна. В головной накидке с колокольчиками, но ее полы падали не на рясу, а на клетчатую рубашку. Компанию ей составляли джинсы и сапоги. Она что-то несла в руках. Темнота не позволяла разглядеть, что именно, но Роланду показалось...

— *Ты.* — Голос сестры Кокуины сочился ненавистью. — Когда я расскажу об этом Старшей сестре...

— Ты никому ничего не расскажешь, — оборвал ее Роланд.

В мгновение ока стрелок выпрыгнул бы из гамака, но зацепился за него правой ногой и повалился на кровать и застыл в неестественной позе: плечи на подушке, одна нога, зацепившаяся, поднята к небу, вторая торчит в проходе между кроватями.

Кокуина бросилась к нему, шипя, как разъяренная кошка. Оскалив острые как бритва зубы. Вытянув перед собой руки с длинными ногтями.

Роланд же приподнял с груди золотой медальон. Кокуина отпрянула, по-прежнему шипя, повернулась к Дженне:

— Тогда я разберусь с тобой, паршивая овца!

Роланд изо всех сил пытался освободить ногу, но не получалось. Она угодила в дырку между лентами гамака,

ленты перекрутились и обжимали лодыжку, как затянувшаяся петля.

Дженна подняла руки, и Роланд увидел, что его догадка верна. Она принесла его револьверы вместе с поясом-патронташем и кобурами.

— Пристрели ее, Дженна! Пристрели!

Но вместо этого, все еще держа кобуры с револьверами в руках, Дженна покачала головой, как и в тот раз, когда он попросил ее снять с головы накидку, чтобы он смог увидеть ее волосы. Резко звякнули черные колокольчики.

Черные колокольчики. Символ их ка-тета. Что...

В стрекотании докторов-жуков прибавилось пронзительности, оно превратилось в леденящий душу вой. Руки сестры Кокуины замерли, не добравшись до шеи Дженны. Сама же Дженна стояла как скала, сверля Кокуину взглядом.

— Нет, — прошептала Кокуина. — *Ты этого не сделаешь!*

— *Уже сделала,* — ответила Дженна, и Роланд увидел жуков.

С ног бородатого мужчины спустился батальон. Теперь появилась армия. Будь это люди, а не насекомые, численностью она превзошла бы людей, которые носили оружие за всю долгую и кровавую историю Срединного мира.

Однако не их когорты, марширующие по доскам пола, врезались в память Роланда, не они еще с год снились ему по ночам. Запомнилось другое: как кровати по обе стороны центрального прохода становились черными, словно погашенные фонари.

Кокуина закричала, затрясла головой, зазвенела своими колокольцами. Звон раздался жиденький, хлипкий, не идущий ни в какое сравнение со звоном черных колоколов.

И жуки продолжали маршировать, зачерняя одну пару кроватей за другой.

Дженна проскользнула мимо вопящей сестры Кокуины, бросила револьверы Роланда на пол, схватилась за ленты гамака, стягивающие лодыжку Роланда, растянула их. Стрелок высвободил ногу.

— Пошли, — шепнула ему Дженна. — Я их инициировала, но остановить их — совсем другое дело.

Сестра Кокуина кричала уже не от ужаса, а от боли. Жуки добрались до нее.

— Не смотри. — Дженна помогла Роланду подняться. Какое же это счастье, подумал он, стоять на своих ногах. — Пошли. Надо спешить — она переполошит остальных. Твои сапоги и одежду я сложила у тропы, по которой мы отсюда уйдем. Принесла все, что смогла. Как ты? Силы есть?

— Только благодаря тебе. — Роланд не знала, на сколько ему хватит сил... да сейчас этот вопрос и не требовал ответа. Он увидел, как Дженна схватила два засушенных цветка — вместе с ним они упали на кровать, и они поспешили по центральному проходу, подальше от жуков и сестры Кокуины, крики которой уже перешли в стоны.

Роланд на ходу опоясался ремнем-патронташем. Они миновали только три кровати и уткнулись в полог палатки. Это была палатка, а не огромный лазарет. Шелковые стены и потолок превратились в брезент, износившийся до такой степени, что сквозь него проглядывал диск Целующейся луны. И кровати были не кроватями, а грубо сколоченными койками.

Роланд обернулся и на том месте, где стояла сестра Кокуина, увидел на полу черный шевелящийся бугор. Он тут же вспомнил о своем обещании.

— Я забыл взять медальон Джона Нормана! — воскликнул Роланд и уже бросился назад, но Дженна остановила его, сунула руку в карман джинсов, достала заблестевший под лунным светом медальон.

— Я подобрала его с пола.

Роланд не знал, что порадовало его больше: сам медальон или державшая его рука Дженны. Сие означало, что она не такая, как остальные.

Но радость его длилась недолго.

— Возьми его, Роланд, — выдохнула Дженна. — Я не могу его держать. — И Роланд увидел, как обугливаются под медальоном ее пальцы.

Взял медальон, поцеловал каждый ожог.

— Спасибо, сэй. — Из глаз Дженны брызнули слезы. — Спасибо, дорогой. Так приятно, когда тебя целуют. Ради этого можно выдержать любую боль. А теперь...

Роланд увидел, куда метнулся ее взгляд, повернулся, увидел приближающиеся огоньки свечей: кто-то спускался по горной тропе. А чуть повыше стояло здание, в котором жили

Смиренные сестры Элурии, — не монастырь, а полуразвалившаяся асиенда, простоявшая на холме никак не меньше тысячи лет. Свечей было три, и вскоре Роланд увидел, что им навстречу идут только три сестры: все, кроме Мэри.

Он выхватил револьверы.

— О, да он у нас стрелок! — воскликнула Луиза.

— Как он меня напугал! — Микела.

— Я вижу, он нашел не только свою возлюбленную, но и огнестрелы! — Тамра.

— Свою шлюху! — Луиза.

Все трое злобно рассмеялись. Они не боялись... во всяком случае, его револьверов.

— Убери их, — шепнула Роланду Дженна, а обернувшись, увидела, что револьверы давно уже в кобурах.

Сестры тем временем подошли вплотную.

— Вы только посмотрите, она плачет! — Тамра.

— И сняла рясу! — Микела. — Может, она плачет над порушенными обетами.

— С чего такие слезы, милочка? — Луиза.

— Я плачу, потому что он поцеловал мои обожженные пальцы, — ответила Дженна. — Раньше меня никогда не целовали. Вот я и расплакалась.

— О-о-о!

— Как интересно!

— В следующий раз он сунет в нее свою штучку! Будет еще интереснее.

Дженна спокойно выслушала их насмешки. И заговорила, лишь когда они замолчали.

— Я ухожу с ним. Прочь с дороги.

Сестры вытаращились на нее, пренебрежительный смех обрезало как ножом.

— Нет! — прошептала Луиза. — Ты рехнулась? Ты же знаешь, что произойдет!

— Не знаю, точно так же, как и вы, — ответила Дженна. — А кроме того, мне без разницы. — Она встала вполоборота к сестрам, указала на старую палатку армейского госпиталя. В лунном свете на зеленом брезенте крыши палатки темнел выцветший красный крест. Роланду оставалось только гадать, во скольких городках побывали сестры с этой палаткой, такой маленькой и непритязательной снаружи, такой

огромной и великолепной изнутри. Во скольких городах и за сколько лет?

Только теперь из палатки выползал бесконечный черный язык. Доктора-жуки более не пели. Их молчание наводило ужас.

— Прочь с дороги, а не то я напущу их на вас, — предупредила Дженна.

— Ты не посмеешь! — пискнула Микела.

— Ты уверена? Они уже поужинали сестрой Кокуиной.

Сестры ахнули. Они и представить себе не могли, что такое возможно.

— Тогда ты проклята, — прошептала сестра Тамра.

— Тебе ли говорить о проклятии? Прочь с дороги!

Они расступились. Роланд прошел мимо них, и они отпрянули от него. Но еще больше они отпрянули от Дженны.

— Проклята? — переспросил Роланд, когда они обогнули асиенду и вышли на тропу. Целующаяся луна освещала скалы, мимо которых лежал их путь. В одной Роланд увидел черный зев пещеры. Догадался, что именно ее сестры называли Домом размышлений. — Что значит проклята?

— Не важно. Сейчас у нас другая забота — сестра Мэри. Не нравится мне ее отсутствие.

Она попыталась идти быстрее, но Роланд схватил ее за руку, развернул к себе. Они уходили не только от асиенды, в которой жили Смиренные сестры, но и от Элурии. Компас в голове Роланда не давал сбоев. И стрелок точно знал, что город находится в противоположном направлении. Вернее, то, что осталось от города, мысленно поправился Роланд.

— Скажи мне, о чем они говорили?

— Может, все это ерунда. Не спрашивай меня, Роланд. Что это может изменить? Дело сделано, мост сожжен. Пути назад для меня нет. Да и не хочу я возвращаться. — Она опустила голову, прикусила нижнюю губу, а когда вновь посмотрела на Роланда, по ее щекам катились слезы. — Я ужинала с ними. Иногда деваться мне было некуда... как ты не мог отказаться от этого супа, хотя и знал, что они в него кладут.

Роланд вспомнил слова Джона Нормана: *«Мужчина должен есть... и женщина тоже»*.

Он кивнул.

— Их путем я больше не пойду. Если меня и ждет проклятие, пусть это будет мой выбор — не их. Моя мать желала мне добра, когда привела меня к ним, но в этом она ошиблась. — Она застенчиво, со страхом подняла голову... и встретилась с ним взглядом. — Я хочу пойти твоей дорогой, Роланд из Гилеада. И буду идти по ней, сколько скажешь.

— Добро пожаловать на мою тропу, — улыбнулся Роланд. — Такая компания...

Произнести слова *«только в радость»* он не успел. Потому что с вершины подъема, с того места, где тропа покидала каменистую, без признаков растительности долину, в которой нашли прибежище Смиренные сестры Элурии, раздался голос сестры Мэри: «К сожалению, я должна положить конец столь романтическому приключению. Печально, но факт».

Она вышла из тени. Белая шелковая ряса с вышитой на груди красной розой превратилась в саван. В заваленных глазницах сверкали два раскаленных угля. Изо рта торчали четыре здоровенных зуба.

На лбу сестры Мэри позвякивали колокольчики. Но не черные, отметил Роланд.

— Прочь с дороги, — крикнула Дженна. — Или я напущу на тебя *кан там.*

— Нет. — Сестра Мэри шагнула к ним. — Не получится. Они не могут уйти так далеко от остальных сестер. Тряси своими паршивыми колокольцами сколько хочешь, пока не вывалятся языки, они не придут.

Дженна так и сделала, замотала головой из стороны в сторону. Черные колокола яростно зазвенели, но тональность их изменилась. И доктора-жуки, *кан там,* как назвала их Дженна, не пришли.

Улыбка сестры Мэри стала шире (Роланд подозревал, что и она не знала, откликнутся доктора-жуки на зов Дженны или нет), и она двинулась на них, скользя над землей. Уперлась в него взглядом.

— А это убери.

Роланд опустил глаза и увидел, что держит в руке револьвер. Он не помнил, когда выхватил его из кобуры.

— Если они не освящены и не окроплены какой-нибудь святой жидкостью, кровью, водой, спермой, мне они вреда

не причинят, стрелок. Потому что я скорее дух, чем плоть... хотя и плотское, как ты знаешь, мне не чуждо.

Она подумала, что он все равно выстрелит, он прочитал это в ее глазах. *Огнестрелы — это все, что у тебя есть,* говорили ее глаза. *Без них ты ничто, и место тебе в тенте, который мы «нарисовали» для тебя, в гамаке, где ты будешь ждать, пока мы придем к тебе.*

Неуловимым движением Роланд вернул револьвер в кобуру и бросился на сестру Мэри. Удивленный крик, который слетел с ее губ, тут же и оборвался: пальцы Роланда сжали горло.

Прикосновение к ее шее едва не повергло Роланда в ужас. Шея словно вытекала из его ладоней. Но стрелок не сдавался, усиливая хватку, с твердым намерением покончить со старухой раз и навсегда.

А потом что-то вспыхнуло (не в воздухе, как он потом думал, а у него в голове), и его руки разлетелись в разные стороны. Мгновение он видел зияющие дыры в ее серой плоти, следы его пальцев, а потом стрелка бросило на землю. Он ударился головой о камень, и перед глазами заплясали звезды.

— Нет, красавчик. — Сестра Мэри пренебрежительно ухмыльнулась. — Такую, как я, тебе не задушить. А за свою наглость ты умрешь медленной смертью. Твою кровь я выпью не залпом, а маленькими глотками, смакуя. Но сначала я разберусь с этой девчонкой, нарушившей обеты... И для начала я сорву с ее головы эти колокола.

— Давай поглядим, получится ли у тебя! — воскликнула Дженна вибрирующим от ярости голосом и замотала головой. Черные колокола насмешливо зазвенели.

Ухмылка сползла с лица Мэри.

— Получится. — Она угрожающе ощерилась. Торчащие изо рта зубы поблескивали в лунном свете. — Получится, и сейчас ты в этом...

Откуда-то сверху послышалось рычание. Оно становилось все громче, перешло в лай. Мэри повернула голову, и, прежде чем пес (стрелок уже догадался, с кем предстоит иметь дело сестре Мэри) прыгнул со скалы, на которой стоял, Роланд увидел удивление и замешательство, отразившиеся на лице Старшей сестры.

А потом последовал прыжок, пес растопырил передние лапы, превратившись в некое подобие летучей мыши. Они опустились на плечи женщины, а зубы пса сомкнулись на ее шее.

Издав дикий вопль, сестра Мэри повалилась на спину вместе с псом, вцепившимся в нее мертвой хваткой.

Роланд с трудом поднялся, схватил за руку Дженну, которая как зачарованная смотрела на упавшую сестру.

— Пошли! — крикнул он. — Пока он не решил, что ты ему тоже по вкусу!

И потащил ее мимо пса. Тот не обратил на них ни малейшего внимания. От шеи Мэри осталось совсем ничего, и пес стремился довести дело до конца.

С телом Мэри тоже что-то происходило. Оно начало распадаться, но Роланд не хотел этого видеть. И не хотел, чтобы это видела Дженна.

Они добрались до гребня холма, остановились передохнуть, залитые лунным светом, жадно ловя ртами воздух.

Рычание поутихло, но все еще доносилось до них, когда Дженна повернулась к стрелку и спросила:

— Что это было? Ты знаешь, я поняла это по твоему лицу. Как он смог броситься на нее? Животные всегда подчинялись нашей воли, а ведь она — Старшая сестра.

— Над этим псом она не властна. — Роланд вспомнил несчастного юношу, который лежал на соседней кровати. Норман не знал, почему медальоны отпугивают сестер, в золоте причина или в Боге. Теперь Роланд получил ответ. — Это пес, которого я видел в Элурии. Вроде бы обычный дворовый пес. Я наткнулся на него на площади перед тем, как зеленые мутанты вышибли из меня дух и оттащили к сестрам. Полагаю, все животные, которые могли убежать, убежали. А этот пес — нет. Он мог не опасаться Смиренных сестер Элурии и каким-то образом знал, что они ему не страшны. У него на груди знак Иисуса-человека. Черная шерсть на белом фоне. Я думаю, такой он с рождения. Так уж вышло. В любом случае с сестрой Мэри покончено. Я знал, что он шастает вокруг. Два или три раза слышал его лай.

— Но почему? — прошептала Дженна. — Почему он тут шастал? Почему остался? Почему напал на нее?

На эти и подобные им вопросы Роланд из Гилеада мог дать только один ответ: *«Ка.* Пошли. Постараемся уйти как можно подальше от этого места, прежде чем остановимся на ночлег».

Как выяснилось, пройти они смогли восемь миль. Правда, когда они рухнули на полянку сладко пахнущего шалфея, растущего под высокой скалой, Роланд подумал, что прошли они гораздо меньше. Максимум пять. Именно он не шел, а тащился. И причина того не составляла для него тайны: суп Смиренных сестер Элурии давал о себе знать. Роланд чувствовал, что сил не осталось, и попросил Дженну дать ему засушенный цветок. Она не дала, сказав, что это слишком сильное средство, чтобы принимать его при больших физических нагрузках: сердце может не выдержать.

— А кроме того, — добавила она, когда они присели передохнуть, — преследовать нас не будут. Те, кто остался, Микела, Луиза, Тамра, сейчас собирают вещи. Они знают, когда надо перебираться на новое место. Потому-то сестры до сих пор не исчезли с лица земли. В чем-то мы сильны, но и у нас есть слабые места. Сестра Мэри об этом забыла. Ее погубил не столько пес с крестом на груди, сколько самонадеянность.

За гребнем холма Дженна спрятала не только его сапоги и одежду, но и меньший из заплечных мешков. Когда она начала извиняться за то, что не принесла спальник и второй мешок (она пыталась, но они оказались слишком тяжелые), Роланд остановил ее, приложив палец к губам девушки. Тем более (он ей этого не сказал, но, возможно, она и так это знала) что дорожил только револьверами. Они принадлежали его отцу, а до того — деду, и передавались из поколения в поколение со времен Артура из Эльда, который жил в те далекие годы, когда рыцари сражались с драконами и сбывались мечты.

— С тобой все будет в порядке? — спросил он Дженну, когда они устроились на ночлег. Луна села, но до рассвета оставалось еще три часа. Их окружал сладкий запах шалфея. Пурпурный запах, подумал он тогда. Роланду казалось, что этот запах создает под ним ковер-самолет, чтобы унести его в царство снов. Никогда в жизни не чувствовал он такой усталости.

— Роланд, я не знаю, — ответила она, и потом он пришел к выводу, что все она знала. Один раз мать привела ее назад; теперь мать умерла. И она ела с остальными, вступила в орден Смиренных сестер. *Ка* — это колесо. И одновременно сеть, выскочить из-под которой невозможно.

Но тогда усталость не давала ему думать... да и что было проку от раздумий? Мост сожжен, она сама это сказала. Даже если бы они вернулись в долину, то не нашли бы ничего, кроме пещеры, которую сестры называли Домом размышлений. Оставшиеся в живых наверняка уже сложили свой скарб и вместе с докторами-жуками отправились искать новую долину, где им никто не будет мешать творить черные дела.

Он посмотрел на Дженну, поднял руку (она уже отяжелела), коснулся непокорной кудряшки, которая вновь выскользнула из-под накидки на лоб.

Дженна, смутившись, рассмеялась.

— Ничего не могу с ней поделать. Такая непоседа. Как и ее хозяйка.

Она поднесла руку ко лбу, чтобы убрать кудряшку, но Роланд отвел ее пальцы.

— Она прекрасна. Черная, как ночь, грациозная, как лань.

Стрелок сел с трудом, усталость валила его на землю. Поцеловал кудряшку. Дженна закрыла глаза, умиротворенно вздохнула. Он чувствовал, как она дрожит под его губами. Холодный, просто ледяной лоб, и черный шелк волос.

— Сними накидку, — попросил Роланд. — Как в прошлый раз.

Дженна подчинилась без единого слова. Какие-то мгновения он лишь смотрел на нее. И Дженна не отрывала взгляда от его глаз. Он прошелся рукой по ее волосам (как черный дождь, подумал он), потом положил руки ей на плечи, поцеловал — в одну щеку, в другую. Чуть подался назад.

— Ты поцелуешь меня, как мужчина целует женщину? В губы?

— Да.

И он поцеловал Дженну в губы, как ему и хотелось, когда он еще лежал в гамаке. Она неловко ответила на поцелуй. По-другому и быть не могло, если она и целовалась, то только в грезах. Роланд подумал о том, как она прекрасна, о том, что сейчас они займутся любовью, и заснул, не оторвавшись от губ Дженны.

Ему приснился пес с крестом на груди, который бежал по равнине, заливаясь лаем. Он пошел следом, чтобы посмотреть, с чего столько шума, и на краю равнины увидел Темную Башню, подсвеченную багровым диском заходящего солнца, с поднимающимися по спиралям окнами. При виде Темной Башни пес уселся на задние лапы и завыл.

Пронзительно зазвонили колокола. Черные колокола, он это точно знал, но звонили они серебряным звоном. И от этого звона темные окна Башни осветились изнутри кроваво-красным. И тут же крик невыносимой боли прорезал ночь.

Сон оборвался, а крик звенел и звенел в ночи, переходя в протяжный стон. Роланд раскрыл глаза навстречу заре, вдохнул сладкий запах степного шалфея, выхватил револьверы и вскочил еще до того, как окончательно проснулся.

Дженна пропала. Ее сапоги лежали рядом с заплечным мешком. Чуть дальше Роланд увидел на земле ее джинсы, рубашку. Глаза его широко раскрылись: рубашка была заправлена за пояс. Тут же лежала и накидка с черными колоколами. Стрелок даже подумал, что именно их звон он принял за крик.

Но нет. Колокола молчали, зато стрекотали доктора-жуки. Стрекотали в шалфее, совсем как сверчки.

— Дженна?

Нет ответа... если только ему не ответили жуки. Ибо внезапно стрекотание прекратилось.

— Дженна.

Ничего. Только ветер да запах шалфея.

Не думая, что делает (интуиция редко подводила Роланда, поэтому зачастую он сначала действовал, а уже потом находил логическое объяснение своему поступку), он наклонился, поднял накидку Дженны, потряс. Зазвенели черные колокола.

На мгновение все оставалось как прежде. А потом маленькие черные существа выползли из шалфея, собрались на голой земле. Роланд подумал, что жуки двинутся на него, и отступил на шаг. Но не дальше. Потому что увидел, что жуки не собираются нападать.

В этот момент на него снизошло озарение. Он вспомнил свою неудачную попытку задушить сестру Мэри, слова Дженны: *«Я ужинала с ними...»* Такие, как она, не могли умереть, но могли измениться.

Насекомые вибрировали — темное пятно на белесой, выжженной солнцем земле.

Роланд вновь потряс накидку. Жуки начали перестраиваться. Еще несколько мгновений, и на земле возникла буква С.

Но, приглядевшись, стрелок понял, что перед ним не буква, а кудряшка, та самая непослушная кудряшка со лба Дженны.

Жуки застрекотали, и в их стрекоте Роланд расслышал свое многократно повторяемое имя.

Накидка выпала из руки Роланда, упала на землю, колокола звякнули, и жуки тут же начали расползаться в разные стороны. Роланд подумал о том, чтобы звоном колоколов собрать их вновь... но зачем? С какой целью?

Не спрашивай меня, Роланд. Что это может изменить? Дело сделано, мост сожжен.

Однако она нашла способ прийти к нему в последний раз, подчинив своей воли тысячи жуков. Каких усилий это потребовало?

А жуки уползали в шалфей, залезали в трещины в скале.

Вот исчез последний. Дженна ушла.

Роланд сел, закрыл лицо руками. Думал, что заплачет, но нет, когда он опустил руки, глаза его так и остались сухими, как пустыня, через которую ему предстояло пройти, преследуя Уолтера, человека в черном.

Если меня и ждет проклятие, сказала она, *пусть это будет мой выбор — не их.*

Сам он так мало знал о проклятии... но чувствовал, что ему еще предстоит узнать очень и очень многое.

В заплечном мешке, который принесла Дженна, был табак. Роланд свернул самокрутку и закурил. Докурил ее до крошечного окурка, не сводя глаз с ее одежды, вспоминая взгляд ее черных глаз. Вспоминая ожоги от золотого медальона на ее пальцах. Однако она подняла медальон, зная, что Роланд хочет забрать его с собой. Боль не остановила ее, и теперь на шее Роланда висели два медальона.

Когда поднялось солнце, стрелок двинулся на запад. Он знал, что со временем найдет лошадь или мула, но сейчас он не возражал против пешей прогулки. И целый день у него в ушах стоял звон колоколов. Несколько раз он оглядывался в надежде увидеть черноволосую фигурку, догоняющую его. Но нет, он был один в холмистой стране к западу от Элурии.

Совсем один.

Терри Пратчетт

Плоскомирье

Terry & Lyn Pratchett

THE SEA AND LITTLE FISHES

Перевод с английского Е. Александровой

© Terry & Lyn Pratchett, 1998
© Перевод. Е. Александрова, 1999

«The Colour of Magic» («Цвет волшебства») (1983)
«The Light Fantastic» («Безумная звезда») (1988)
«Equal Rites» («Творцы заклинаний») (1988)
«Mort» («Мор, ученик Смерти») (1989)
«Sourcery» («Посох и шляпа») (1989)
«Wyrd Sisters» («Вещие сестрицы») (1990)
«Pyramids» («Пирамиды») (1990)
«Guards! Guards!» («Стража! Стража!») (1991)
«Eric» («Эрик») (1991)
«Moving Pictures» («Живые картинки») (1992)
«Reaper Man» («Жнец») (1992)
«Witches Abroad» («Ведьмы переходят границы») (1994)
«Small Gods» («Малые боги») (1994)
«Lords and Ladies» («Хозяева») (1994)
«Interesting Times» («Интересные времена») (1995)
«Soul Music» («Соул — музыка души») (1995)
«Maskerade» («Машкерад») (1995)
«Men at Arms» («При исполнении») (1996)
«Feet of Clay» («Глиняные ноги») (1996)
«Hogfather» («Дед Кабан») (1996)
«Jingo» («Патриот») (1997)

Плоскомирье — это планета-диск, которую держат на спинах **четыре слона, стоящие** на панцире огромной черепахи, **вечно** плывущей сквозь космические просторы. Используя в качестве отправной точки эту классическую концепцию, Пратчетт весело и язвительно открывает стрельбу по многочисленным мишеням — Шекспир, теория креационизма, героическая фэнтези и т. д., и т. п. — и ради сбора исходного материала смело вторгается в столь отдаленные царства, как древний Египет, империя ацтеков и Италия эпохи Возрождения. Когда Пратчетт не создает сатиру на исторические периоды или культуры, он сосредоточивает основное действие возле Анк-Морпорка, выдуманного города, который

представляет собой сплав Флоренции эпохи Возрождения, викторианского Лондона и Нью-Йорка наших дней.

В книгах Пратчетта жанр «фэнтези» использован в качестве ярмарочного кривого зеркала, где в искаженном, но узнаваемом виде отражаются заботы и тревоги двадцатого столетия.

Романы можно приблизительно разделить на три группы.

Главный герой цикла, посвященного Ринсвинду («Цвет волшебства», «Безумная звезда», «Посох и шляпа», «Эрик», «Интересные времена»), — трусоватый (или очень рассудительный) горе-волшебник, постоянно пытающийся избежать одной опасности лишь для того, чтобы угодить в другой, стократ худший переплет. Однако как бы жизнь ни била Ринсвинда, он неизменно умудряется выйти из передряг победителем и восстановить в мире Диска некое подобие порядка, как его там понимают. Главный объект сатиры Пратчетта в этом цикле романов — героическая фэнтези со всеми ее штампами: троллями, чародеями и прочей подобной фауной. Так, например, «Посох и шляпа» — это пародия на лавкрафтовские запредельные миры, населенные демонами; а «Эрик» — насмешливый перепев фаустианской темы договора с дьяволом.

В серии романов, посвященных бабане Громс-Хмурри («Творцы заклинаний», «Вещие сестрицы», «Ведьмы переходят границы», «Хозяева», «Машкерад»), впервые появляется один из самых популярных персонажей всех циклов, ведьма с железным характером, стальными моральными устоями и железобетонной гордостью. Бабаня Громс-Хмурри умеет совладать с любой ситуацией. Подобно герою вестернов, она — формально отрицательный герой, творящий добро. В основу «Машкерада» ложится «Призрак оперы», а над «Сном в летнюю ночь» посмеиваются «Хозяева», где вместо деликатных и благовоспитанных фэйри Шекспира появляются высокомерные, недобрые эльфы кельтского фольклора.

Четыре истории, составляющие цикл о Смерти («Мор, ученик Смерти», «Жнец», «Соул — музыка души», «Дед Кабан»), повествуют об испытаниях, выпадающих на долю Смерти, убийственно серьезного духа, который втайне питает слабость к роду человеческому и вызывает подлинную жалость своей неспособностью понять этих самых людей. В

«Ученике Смерти» Смерть уходит в отпуск, перепоручая дела своему еще более мягкосердечному ученику. «Жнец» рассказывает о том, как Смерть — временно — становится смертным и на собственном опыте познает, что такое человечность.

Романы о городской страже («Стража! Стража!», «При исполнении», «Глиняные ноги») сочетают элементы фэнтези с элементами полицейских детективных романов, что дает замечательно живой результат. В «Стража! Стража!» грубоватый, но честный анк-морпоркский Ночной Дозор сражается с драконом, который задумал убить городского голову, Патриция, и посадить на его место нового правителя-марионетку. Герои «При исполнении» выслеживают озверевшего серийного убийцу, завладевшего единственным в Плоскомирье ружьем, сконструированным местным Леонардо да Винчи.

Стоящий особняком роман «Пирамиды» привносит элементы современного мышления в Египет фараонов. «Живые картинки» с помощью набора инструментов «Плоскомирье» исследуют подлинную магию кино. «Малые боги» позволяют с мрачноватым юмором взглянуть на возвышение религии, единственная «истина» которой та, что мир Диска не плоский, а сферический.

В «Море и рыбках» Пратчетт предлагает вниманию читателей новые приключения бабани Громс-Хмурри, натуры чрезвычайно азартной и уверенной, что второе место равносильно проигрышу...

Море и рыбки

Неприятности начались — и не в первый раз — с яблока.

На белом, без единого пятнышка, столе бабани Громс-Хмурри их лежал целый кулек. Красных и круглых, блестящих и сочных. Знай они, что их ждет, они бы затикали, как бомбы.

— Бери все. Старый Гоппхутор сказал, что даст мне еще сколько угодно, — маманя Огг искоса глянула на свою подругу-ведьму. — Вкусные! Чуток сморщенные, но лежать могут хоть сколько.

— *Он* назвал *яблоко* в *твою* честь? — Каждое слово бабани прожигало воздух, как капля кислоты.

— За мои румяные щечки, — пояснила маманя Огг. — А еще в том году я вылечила ему ногу, когда он сверзился с лестницы. И составила притирание для лысины.

— Не больно-то помогло твое притирание, — заметила бабаня. — И ходит он в таком парике, что живому человеку напялить просто грех.

— Зато ему было приятно, что я о нем забочусь.

Бабаня Громс-Хмурри не сводила глаз с кулька. В горах, где лето жаркое, а зимы холодные, фрукты и овощи всегда росли на славу. Перси же Гоппхутор, первейший огородник, как никто другой умел с помощью кисточки из верблюжьей шерсти устроить садовым растениям разнузданные любовные забавы.

— Он свои яблоньки по всей округе продает, — продолжала маманя Огг. — Чудно, как подумаешь, что вскорости маманю Огг испробует тыща народу...

— *Еще* тыща, — едко вставила бабаня. Бурная юность мамани была для нее открытой книгой (в невзрачной, впрочем, обложке).

— Ну спасибо тебе, Эсме. — Маманя Огг на миг пригорюнилась и вдруг с притворной жалостью охнула: — Эсме! Да тебе никак завидно?

— Мне? Завидно? С чего бы? Подумаешь, *яблоко*. Велика важность!

— Вот и я думаю. Это ведь он просто чтобы польстить старухе, — сказала маманя. — Ну а как у тебя дела?

— Хорошо. Просто замечательно.

— Дров на зиму запасла сколько надо?

— Почти.

— Славненько, — протянула маманя. — Славненько.

Они посидели молча. На подоконнике, стремясь вырваться на сентябрьское солнышко, тихо колотилась бабочка, разбуженная неосенним теплом.

— А картошку-то... Выкопала уже? — спросила маманя.

— Да.

— У нас в этот раз богатый урожай.

— Это хорошо.

— А бобы засолила?

— Да.

— Небось ждешь не дождешься Испытаний на той неделе?

— Да.

— Готовишься?

— Нет.

Мамане почудилось, что, несмотря на яркое солнце, в углах комнаты сгустились тени. Сам воздух потемнел. Домишки ведьм со временем становятся очень чувствительны к переменам настроения своих обитательниц. Но маманя не вняла предупреждению. Дураки неудержимо несутся навстречу неприятностям, но в сравнении со старушками, которым уже нечего терять, они просто ползут как улитки.

— Придешь в воскресенье обедать?

— А что будет?

— Свинина.

— С яблочной подливкой?

— Да...

— Нет, — отрезала бабаня.

За спиной у мамани послышался скрип: дверь распахнулась настежь. Обычный человек, чуждый чародейства, непременно нашел бы этому разумное объяснение — просто

сквозняк. И маманя Огг вполне могла бы с этим согласиться, если бы не два очевидных для нее вопроса: почему сквозняк это сделал и как ему удалось откинуть крючок?

— Ну, пора мне, заболталась. — Она проворно поднялась. — В это время года вечно дел по горло, верно?

— Да.

— Так я пошла.

— До свидания.

Маманя заспешила по дорожке прочь от дома. Сквозняк захлопнул за ней дверь.

Ей пришло в голову, что, пожалуй, она малость переусердствовала. Но только малость.

Жизнь ведьмы (есть такое мнение) нехороша тем, что приходится хоронить себя в деревенской глуши. Впрочем, маманю это не удручало. В деревенской глуши было все, чего могла пожелать ее душа, хотя в юности она пару раз жаловалась на нехватку мужчин. Побывать в дальних краях любопытно, но если говорить серьезно, кому они нужны? Там, конечно, незнакомая выпивка и харч диковинный, но вообще-то на чужбину хорошо съездить по делам, чтобы после вернуться домой, туда, где настоящая жизнь. Маманя Огг прекрасно чувствовала себя в маленькой деревушке.

Само собой, размышляла она, пересекая лужайку, вид из окошка у Эсме не тот. Сама маманя жила в поселке, а вот за окнами бабани открывались лес и равнинное приволье — до самой дуги плоскомирского горизонта.

Зрелище, от которого, по мнению мамани, запросто можно спятить.

В свое время ей объяснили: мир, круглый и плоский, летит сквозь просторы вселенной на спинах четырех слонов, стоящих на панцире черепахи, и незачем выискивать в этом смысл. Происходило все упомянутое Где-то Там, с равнодушного благословения мамани: глобальные вопросы не занимали ее до тех пор, покуда у нее сохранялся личный мирок радиусом десять миль, который она носила с собой.

Но Эсме Громс-Хмурри такое крохотное царство не устраивало. Она была из *других* ведьм.

Маманя считала своим священным долгом не давать бабане Громс-Хмурри заскучать. Яблоки, если разобраться, ме-

лочь, ничтожная шпилька, но Эсме непременно требовалось что-нибудь эдакое, чтобы всякий день чувствовать: жизнь проходит не зря. И если это что-нибудь — зависть и досада, пусть так. Теперь бабаня придумает мелкую месть, пустячное унижение, о котором будут знать лишь они с маманей, — и утешится. Маманя отлично знала, что способна поладить с подругой, когда та не в духе. Другое дело, если бабаню Громс-Хмурри одолеет скука. От скуки ведьма способна *на все.*

Расхожее выражение «каждый развлекается как умеет» звучит так, словно это умение сродни некой добродетели. Возможно. Однако нет хуже, чем когда ведьма заскучает и примется сама себя развлекать, ибо есть люди, у которых на редкость превратные представления о веселье. А такой могущественной ведьмы, как Эсме, здешние горы, без сомнения, не видели уже много поколений.

Впрочем, близились Испытания, а это всегда на несколько недель приводило Эсме Громс-Хмурри в порядок. Она кидалась в бой, как форель — на блесну.

Маманя Огг всякий раз с нетерпением ждала Испытаний Ведьм: прекрасный отдых на открытом воздухе плюс большой костер. Слыханное ли дело — Испытания Ведьм без хорошего заключительного костра!

А после можно печь в золе картошку.

День плавно перетек в вечер. Из углов, из-под столов и табуреток выползли тени и слились в одну большую тень.

Тьма беспрепятственно окутывала бабаню, которая тихо покачивалась в кресле. Лицо бабани выражало глубокую сосредоточенность.

Дрова в камине догорели и превратились в угольки, которые гасли один за другим.

Мрак сгущался.

На каминной полке тикали старые часы. Некоторое время тишину нарушали только эти звуки.

Потом послышался слабый шорох. Бумажный кулек на столе шевельнулся и медленно скукожился, точно сдувшийся воздушный шар. В неподвижном воздухе разлился тяжелый запах гнили.

Чуть погодя выполз первый червяк.

* * *

Маманя Огг вернулась домой и наполняла пивом большую кружку, когда в дверь постучали. Она со вздохом поставила кувшин и пошла открывать.

— Кого я вижу! Как это вас занесло в наши края? Да еще в такой холод и поздноту?

И маманя попятилась в комнату, отступая перед тремя ведьмами. Все гостьи были в черных плащах и остроконечных шляпах, как полагается ведьмам, зато именно поэтому их было легче отличить одну от другой. Ничто так не подчеркивает индивидуальность, как униформа: здесь подвернем, там подколем — и вот вам мелочи, которые тем заметнее, чем очевиднее единообразие.

Взять, к примеру, куму Бивис: шляпа у нее с очень плоскими полями и такой острой верхушкой, что ею хоть в ушах ковыряй. Куму Бивис маманя любила. Та хоть и была чересчур грамотная (порой ученость из нее так и перла), зато сама чинила себе башмаки и нюхала табак, а это, по скромному мнению мамани Огг, был первый признак Нашего Человека.

В одежде бабуси Развейли наблюдался определенный беспорядок, словно сетчатка бабусиного внутреннего ока отслоилась и старушка жила сразу в нескольких временах. Когда тронется умом обычный человек, добра не жди, но куда страшнее, если упомянутый ум обращен к сверхъестественному. Оставалось только надеяться, что бабуся Развейли всего лишь путает, куда надевать нижнее белье — под платье или поверх него.

Увы, бабуся Развейли сдавала все сильнее — ее стук в дверь иногда раздавался за несколько часов до появления самой бабуси, а следы на дорожке возникали несколько дней спустя.

При виде третьей ведьмы сердце у мамани ушло в пятки, но не оттого, что Летиция Мак-Рица была дурной женщиной. Совсем напротив, она слыла дамой достойной, порядочной, любезной и доброй (по крайней мере к миролюбивым животным и не слишком чумазым ребятишкам). И всегда была готова оказать ближнему добрую услугу. Беда в том, что при этом Летиция руководствовалась единственно своими представлениями о благе этого ближнего и с ним самим

не советовалась. Итог был печален: все получалось шиворот-навыворот.

Вдобавок Летиция была замужем.

Маманя ничего не имела против замужних ведьм. Правила этого, в общем, не запрещали; она и сама сменила множество мужей — и даже троих законных. Но у почтенного Мак-Рицы, отставного колдуна, водилось чертовски много золота, и маманя подозревала, что Летиция занимается колдовством от нечего делать, как иные светские дамы вышивают подушечки для преклонения колен в церкви или навещают бедняков.

Итак, у госпожи Мак-Рицы были деньги. У мамани не было ни гроша, и поэтому она заочно недолюбливала всех, у кого они есть. На Летиции был такой шикарный черный бархатный плащ, что казалось, будто в окружающем мире вырезали дыру. У мамани такого плаща не было. Никакие шикарные бархатные плащи ей даром не были нужны. Она за роскошью не гналась и не понимала, отчего бы и другим не жить скромнее.

— Здравствуй, Гита. Как делишки? — сказала кума Бивис.

Маманя вынула изо рта курительную трубку.

— Лучше не бывает. Заходите.

— Льет как из ведра, ужас! — пожаловалась бабуся Развейли. Маманя поглядела на небо. Небо было морозное, сизолиловое. Но там, где блуждала бабусина душа, наверняка шел дождь.

— Так входите, обсушитесь, — добродушно предложила маманя.

— И пусть наша встреча пройдет под счастливой звездой, — изрекла Летиция. Маманя понимающе кивнула — Летиция всегда выражалась так, точно книга, по которой она училась колдовству, была написана не слишком даровитым в художественном отношении автором, — и поддакнула:

— Вот-вот.

Под журчание вежливой беседы маманя приготовила чай со сдобными лепешками. Потом кума Бивис тоном, недвусмысленно обозначающим начало официальной части, объявила:

— Маманя, мы здесь в качестве комитета Испытаний.

— Да ну?

— Я полагаю, ты примешь участие?

— Ну да. Исполню свой маленький номер. — Маманя покосилась на Летицию. Та улыбалась, и эта улыбка мамане не очень понравилась.

— В этом году много желающих, — продолжала кума. — В последнее время от девчонок отбою нет.

— Ищут парней, — фыркнула Летиция. Маманя промолчала. По ее мнению, приворот был отличным применением колдовства. В некотором смысле — одним из фундаментальных его проявлений.

— Вот и славно, — сказала она. — Все хорошо, много народу. Но.

— Прошу прощения? — удивилась Летиция.

— Я сказала «но», — пояснила маманя. — Кто-то ведь должен сказать «но», верно? Наша маленькая беседа подходит к большому «но». Вот я его и говорю.

Она знала, что самым возмутительным образом нарушает протокол. Полагалось еще минут семь болтать о пустяках, прежде чем приступать к делу, но присутствие Летиции действовало мамане на нервы.

— Это насчет Эсме Громс-Хмурри, — сказала кума Бивис.

— Ну? — без удивления откликнулась маманя.

— Я думаю, она тоже будет участвовать?

— Не припомню, чтоб хоть раз обошлось без нее.

Летиция вздохнула.

— Я думаю, вы... Не могли бы вы уговорить ее... в этом году воздержаться?

Маманя оторопела.

— Уговорить? — переспросила она. — Ну, разве что топором.

Колдуньи дружно выпрямились на стульях.

— Понимаешь... — слегка смущаясь, начала кума.

— Честно говоря, госпожа Огг, — вмешалась Летиция, — очень трудно найти желающих выступить, когда известно, что будет барышня Громс-Хмурри. Она всегда выигрывает.

— Ну да, — согласилась маманя. — Это ведь состязания.

— Но она *всегда* выигрывает!

— Ну и что?

— В *других* состязаниях, — сказала Летиция, — одному и тому же участнику позволено занимать первое место лишь

три года подряд, а затем он на некоторое время отстраняется от участия.

— Да, но мы-то ведьмы, — напомнила маманя. — У нас свои правила.

— Это как же?

— Их нету.

Летиция разгладила юбку.

— Пожалуй, пора их придумать.

— Ага, — хмыкнула маманя. — И вы собрались пойти и сказать Эсме об этом? Ты тоже, кума?

Кума Бивис отвела взгляд. Бабуся Развейли пристально всматривалась куда-то в прошлую неделю.

— Насколько я понимаю, барышня Громс-Хмурри — очень гордая женщина, — сказала Летиция.

Маманя Огг снова пыхнула трубкой:

— Это все равно что сказать «море полно воды».

Гостьи на минуту примолкли.

— Ценное замечание, — первой нарушила тишину Летиция, — но я не вполне понимаю его смысл.

— Если в море нет воды, это не море, — пояснила маманя Огг, — а всего-навсего здоровущая яма в земле. С Эсме штука в том, что... — Маманя шумно затянулась. — Она — *сама гордость*, понимаете? А не просто *гордая женщина*.

— Ну так, может быть, ей полезно научиться быть чуточку скромнее...

— С чего это она будет скромничать? — вскинулась маманя.

Но Летиция, подобно многим людям, которые снаружи мягкие как персик, внутри имела твердую косточку и без боя не сдавалась.

— У этой особы, несомненно, природный дар, и, поверьте, ей бы следовало благодарить...

Тут маманя Огг бросила слушать. *У этой особы*. Вот, значит, что.

Какое ремесло ни возьми, везде одно и то же. Рано или поздно кого-нибудь осеняет: необходима организация. И будьте уверены, организаторами станут не те, кто, по общему мнению, достиг вершин мастерства, — тем не до этого, они *работают*. Правда, обычно это и не самые худшие — те (а куда деваться!) тоже трудятся в поте лица.

Нет, как правило, организовывать берутся те, у кого достаточно времени и желания бегать и суетиться. И — опять-таки, если не кривить душой, — миру *нужны* те, кто бегает и суетится. Но не обязательно их любить.

По внезапному затишью маманя догадалась, что Летиция наконец высказалась.

— Да что вы говорите! Вот я, к примеру, — подала она голос, — даровита *от природы*. У нас, Оггов, колдовство в крови. Мне чары наслать всегда было раз плюнуть. А Эсме... что ж, капелька способностей и ей досталась, это верно, но очень даже небольшая. Пока заклятие наложит, семь потов сойдет с бедняжки. Она просто работала как проклятая. И теперь вы хотите ей сказать «завязывай, родная»?

— Вообще-то мы надеялись, что это скажете вы, — призналась Летиция.

Маманя открыла рот, чтобы выпустить на волю парутройку крепких словечек, но передумала.

— Вот что, — решила она, — скажете ей *сами*, завтра, а я приду ее поддержать.

Когда они появились на дорожке, бабаня Громс-Хмурри собирала Травы.

Обычные травы, используемые поварами или знахарями, считаются простыми. Травы бабани простыми не были. Они были либо сложными, либо никакими. И всякими легкомысленными штучками, вроде миленьких корзиночек и изящных ножниц, тут не пахло. Бабаня пользовалась ножом. И стулом, который держала перед собой. И кожаной шляпой, перчатками и передником в качестве второй линии обороны.

Даже она не знала родины некоторых Трав. Корешки и семена продавались и обменивались по всему свету, а может, и за его пределами. У одних растений цветки поворачивались вслед прохожему, другие выстреливали шипами и колючками в пролетающих птиц, а третьи приходилось подвязывать к колышкам — не для того, чтобы не полегли, а для того, чтобы на следующий день найти их на прежнем месте.

Маманя Огг, которая отродясь не выращивала никаких трав, кроме тех, которые можно курить или бросить в кури-

ный бульон, услышала, как бабаня бурчит себе под нос: «Так-так, паршивцы...»

— Доброе утро, барышня Хмурри, — громко сказала Летиция.

Бабаня Громс-Хмурри замерла, потом очень осторожно опустила стул и обернулась.

— Не «барышня», а «хозяйка», — поправила она.

— Ну, не важно! — безмятежно откликнулась Летиция. — Надеюсь, у вас все хорошо?

— Было до этой минуты, — ответила бабаня и вялым кивком указала на трех ведьм.

Воцарилась звонкая тишина, которая повергла маманю Огг в смятение. Где же предписанное ритуалом приглашение на чашечку чего-нибудь? Какая невоспитанность — томить людей на улице! Почти (хоть и не совсем) такая же, как называть пожилую незамужнюю ведьму «барышней».

— Вы насчет Испытаний, — сказала бабаня.

Летиция едва не лишилась чувств.

— Откуда...

— Так ведь вы — типичный комитет. Тут и гадать нечего, — ответила бабаня, стаскивая перчатки. — Раньше-то мы обходились без всяких комитетов. Слух пойдет, все и соберутся. А теперь вот пожалуйста: кто-то берется *все устроить*. — На миг лицо бабани отразило ожесточенную внутреннюю борьбу, после чего она небрежно завершила тираду: — Чайник греется. Ступайте в дом.

Маманя успокоилась. В конце концов, возможно, существуют обычаи, которыми не может пренебречь даже бабаня Громс-Хмурри. Даже злейшего врага непременно приглашают в дом и поят чаем с пирожками. Честно говоря, чем злее враг, тем лучше бывает чайный сервиз и вкуснее пирожки. *После* можешь крыть недруга последними словами, но покуда он под твоим кровом — корми его до отвала.

Темные глазки мамани приметили, что кухонный стол еще не просох после мытья.

Когда чай был разлит по чашкам, а обмен любезностями (по крайней мере со стороны Летиции; бабаня встречала их молчанием) завершен, самозваная председательница устроилась на стуле поудобнее и начала:

— В этом году Испытания вызвали большой интерес, барышня... хозяйка Громс-Хмурри.

— Это хорошо.

— Сказать по правде, создается впечатление, что ремесло ведьмы в Бараньих Вершинах переживает своего рода возрождение.

— Чего? Возрождение? Ага.

— Это дает молодым женщинам прекрасную возможность проявить себя, вы не думаете?

Маманя знавала не одну мастерицу срезать собеседника острым словом. Но бабаня Громс-Хмурри умела *убийственно внимать*. Ей достаточно было услышать что-нибудь, чтобы это прозвучало глупо.

— У вас хорошая шляпа, — заметила бабаня. — Бархат, верно? Видать, пошив не местный.

Летиция потрогала поля и деликатно усмехнулась.

— Это от Киккиморо Болотти, из Анк-Морпорка.

— Как? Готовую купили?

Маманя Огг поглядела в угол комнаты, где на подставке высился обшарпанный деревянный конус. К нему были пришпилены куски черного коленкора и ивовые прутья — каркас бабаниной весенней шляпы.

— *Шила на заказ*, — ответила Летиция.

— А булавки какие, — продолжала бабаня. — И полумесяцы, и коты, и...

— Эсме, у тебя ж у самой есть брошка-полумесяц, забыла? — вмешалась маманя Огг, решив, что пришла пора дать предупредительный выстрел. Когда на бабаню накатывало желание язвить, она много чего могла наговорить ведьме про ее украшения.

— Верно, Гита. У меня есть брошка-полумесяц. И держу я ее исключительно ради формы. Полумесяцем очень удобно закалывать плащ. Но этим я ни на что *не намекаю*. Между прочим, ты меня перебила, как раз когда я собиралась похвалить госпожу Мак-Рицу за отличный подбор булавок. *Совсем как у ведьмы.*

Маманя, резко развернувшись всем корпусом, точно болельщица на теннисном матче, воззрилась на Летицию, желая узнать, поразила ли цель отравленная стрела. Но Летиция самым натуральным образом *улыбалась*. Есть, есть все-таки

люди, которым и десятифунтовым молотом не вобьешь в башку очевидное!

— Кстати о ведьмах, — сказала Летиция, в манере прирожденной председательницы переводя разговор в нужное русло. — Я подумала, что стоило бы обсудить с вами ваше участие в Испытаниях.

— Ну?

— Вам... э-э... вам не кажется, что побеждать из года в год несправедливо по отношению к остальным?

Бабаня Громс-Хмурри задумчиво осмотрела пол, потом потолок.

— Нет, — наконец сказала она. — Я лучше их.

— А вам не кажется, что это отбивает у других участниц охоту состязаться?

Вновь последовал внимательный обзор пола и потолка.

— Нет, — сказала бабаня.

Но все с самого начала знают, что первого места им не видать.

— Я тожс.

— Да нет же, вы наверняка...

— Я *имела в виду*, я тоже с самого начала знаю, что первого места им не видать, — уничтожающим тоном перебила бабаня. — А надо им браться за дело с уверенностью, что победы не видать *мне*. Нечего удивляться проигрышу, если не умеешь верно настроиться!

— Но это охлаждает их пыл.

Бабаня, казалось, была искренне удивлена:

— А что им мешает бороться за второе место?

Летиция не сдавалась.

— Вот в чем мы надеемся убедить вас, Эсме: примите почетную отставку. Вы вполне могли бы произнести небольшое напутственное слово, вручить приз и... и, пожалуй, даже... э-э... войти в состав судейской коллегии...

— А будут судьи? — удивилась бабаня. — У нас никогда не было *судей*. Просто все знали, кто победитель.

— Ага, — подтвердила маманя. Ей вспомнились сцены в финалах одного или двух Испытаний. Когда побеждала бабаня Громс-Хмурри, всем это было ясно как день. — Истинная правда.

— Это был бы очень красивый жест, — продолжала Летиция.

— Кто решил, что должны быть судьи? — поинтересовалась бабаня.

— Э-э... комитет... то есть... ну... нас собралось несколько человек. Дабы не пускать на самотек...

— Ага. Понятно, — кивнула бабаня. — А флажки?

— Простите?

— Вы, конечно, развесите гирлянды таких маленьких флажков? И, может быть, организуете продажу каких-нибудь яблок на палочках?

— Разумеется, мы по мере сил украсим...

— Хорошо. Не забудьте про костер.

— Ну, если все пройдет славненько и гладенько.

— Ага. Что ж. Все пройдет очень славненько. И очень гладенько, — пообещала бабаня.

Госпожа Мак-Рица не сумела подавить вздох облегчения.

— Значит, все замечательно устроилось, — сказала она.

— Разве? — спросила бабаня.

— Мне казалось, мы договорились, что...

— Да что вы? Неужто? — Бабаня выхватила из очага кочергу и яростно ткнула ею в огонь. — Я еще подумаю.

— Хозяйка Громс-Хмурри, могу я пойти на откровенность? — спросила Летиция.

Кочерга замерла на полдороги.

— Ну?

— Видите ли, времена меняются. По-моему, теперь я поняла, отчего вам кажется, будто непременно нужно быть властной и суровой, но поверьте мне, если я скажу вам подружески: вам станет гораздо легче, если вы капельку смягчитесь и постараетесь держаться чуточку любезнее — вот как присутствующая здесь наша сестра Гита.

Улыбка мамани Огг окаменела и превратилась в маску. Летиция как будто бы не заметила этого.

— Похоже, все ведьмы на пятьдесят миль в округе трепещут перед вами, — продолжала она. — И надо признать, вы обладаете многими ценными умениями, но, чтобы быть ведьмой, в наши дни вовсе не обязательно притворяться старой злючкой и пугать людей. Я говорю вам это как друг...

— Будете проходить мимо, заглядывайте, — оборвала ее бабаня.

Это был знак. Маманя Огг торопливо поднялась.

— Я полагала, мы обсудим... — заартачилась Летиция.

— Я провожу вас до дороги, — поспешно вызвалась маманя, выволакивая товарок из-за стола.

— Гита! — резко окликнула бабаня, когда компания уже была у дверей.

— Да, Эсме?

— Ты потом вернешься.

— Да, Эсме.

И маманя кинулась догонять троицу, уже шагавшую по дорожке.

Походку Летиции маманя определяла для себя как «решительную». Неверно было бы судить о госпоже Мак-Рице по пухлым щечкам, встрепанным волосам и дурацкой привычке всплескивать ладошками во время беседы. В конце концов, ведьма есть ведьма. Поскреби любую, и... и окажешься нос к носу с ведьмой, которую только что поскреб.

— Несимпатичная особа, — проворковала Летиция. Но это было воркование крупной хищной птицы.

— Вот тут вы попали в точку, — согласилась маманя, — только...

— Пора щелкнуть ее по носу!

— Ну-у...

— Она *ужасно* с вами обращается, госпожа Огг. Безобразно грубо! С замужней женщиной таких *зрелых* лет!

На мгновение зрачки мамани сузились.

— Такой уж у нее характер, — сказала она.

— На мой взгляд, мелочный и гадкий!

— Ну да, — просто откликнулась маманя. — Так часто бывает. Но послушайте, вы...

— Гита, подкинешь чего-нибудь для буфета? — быстро вмешалась кума Бивис.

— Что ж, пожалуй, пожертвую пару бутылок, — ответила маманя, теряя запал.

— О, домашнее вино? — оживилась Летиция. — Славненько!

— Ну да, вроде того. Ну, вот уже и дорога, — спохватилась маманя. — Я только... я только заскочу обратно, скажу спокойной ночи...

— Как вы вокруг нее пляшете! Это, знаете ли, просто унизительно, — поджала губы Летиция.

— Да. Что поделаешь... Такая уж я привязчивая. Доброй ночи.

Когда маманя вернулась в избушку, бабаня Громс-Хмурри стояла посреди кухни, скрестив руки на груди, и лицо ее напоминало неприбранную постель. Одна нога выстукивала дробь.

— А сама выскочила за колдуна, — фыркнула бабаня, едва ее подруга переступила порог. — И не говори мне, что ничего такого в этом нет.

— Но ты же знаешь, колдунам *можно* жениться. Сдай посох и шляпу — и женись на здоровье. Нет такого закона, чтоб колдуну жить холостяком, если он бросил колдовство. А иначе считается, что они женаты на своем ремесле.

— Да уж, быть *ее* мужем — работенка не из легких. — Бабаня скривила губы в кислой усмешке.

— Много нынче намариновала? — спросила маманя, по ассоциации со словом «уксус», только что пришедшим ей в голову.

— Весь лук мушка попортила.

— Жалко. Ты любишь лук.

— Даже мушкам нужно есть, — философски заметила бабаня. Она бросила сердитый взгляд на дверь. — *«Славненько»!*

— У нее в нужнике на крышке вязаный чехол, — сообщила маманя.

— Розовый?

— Да.

— Славненько.

— Она вообще ничего себе, — откликнулась маманя. — Вон в «Локте скрипача» трудится как пчелка. О ней хорошо говорят.

Бабаня фыркнула.

— А обо мне тоже хорошо говорят?

— Нет, Эсме, о тебе говорят *тихо-тихо*.

— И отлично. Видела ее шляпные булавки?

— Честно сказать, мне они кажутся... славненькими.

— Вот до чего докатились ведьмы. Сплошные побрякушки и никаких панталон.

Маманя, которая считала, что и то, и другое — дело вкуса, попробовала воздвигнуть на пути поднимающейся волны гнева гранитную стену.

— А ты бы гордилась тем, что они нипочем не хотят допускать тебя до Испытаний!

— Очень мило.

Маманя вздохнула.

— Иногда и «милое» кое-чего стоит, Эсме.

— Может, я не всегда могу помочь, Гита, но я и вредить не стану. Мне незачем казаться лучше, чем я есть.

Маманя вздохнула. Истинная правда, бабаня была ведьмой старого закала. Она не делала людям добра, она поступала по справедливости. Но маманя знала, что людям не всегда по душе справедливость. Вот, например, давеча старый Поллитт свалился с лошади. Ему *хотелось* болсутоляющего, а *нужны* были несколько мгновений мучительной боли, пока бабаня вправляла вывих. Беда в том, что в памяти остается боль.

Она склонила голову набок. Бабаня по-прежнему притопывала ногой.

— Ты никак что-то задумала, Эсме? Меня не проведешь. У тебя вид такой.

— Это какой же, будь любезна объяснить?

— Ты так смотрела, когда того душегуба нашли на дереве в чем мать родила — он еще ревмя ревел и все твердил про чудище, которое за ним гналось. Странно, что следов лап мы так и не нашли. *Вот.*

— За его подвиги с ним и похлеще стоило обойтись.

— Да... а потом ты так глядела перед тем, как старого Свинли нашли в его же сарае — на нем живого места не было, и он нипочем не желал рассказывать, что стряслось.

— Ты про старого Свинли, который колотит жену? Или про старого Свинли, который теперь по гроб жизни не поднимет руку на женщину? — полюбопытствовала бабаня, и ее губы сложились в некое подобие улыбки.

— А *еще* ты так смотрела, когда дом старого Мельсона завалило снегом — аккурат после того, как он обозвал тебя старой кошелкой и в каждой бочке затычкой... — напомнила маманя.

Бабаня замялась. Маманя ничуть не сомневалась, что все перечисленное имело под собой естественные причины, но полагала, что бабаня знает о ее подозрениях и что сейчас гордость в ее душе борется со скромностью...

— Все может быть, — уронила в пространство бабаня.

— Знаешь, кто так смотрит? Тот, с кого станется пойти на Испытания и... что-нибудь учинить... — решилась маманя.

Под гневным взглядом ее подруги воздух так и зашипел.

— Ах вон что? Вот как ты обо мне думаешь? Говори да не заговаривайся!

— Летиция считает, надо идти в ногу со временем...

— Да? Я и иду в ногу со временем. Мы *должны* идти в ногу со временем. Но кто сказал, что время нужно *подпихивать?* По-моему, тебе пора, Гита. Хочу побыть наедине со своими мыслями!

Мысли мамани, когда та с легким сердцем бежала домой, были о том, что бабаня Громс-Хмурри рекламы ведьмовству не сделает. Да, конечно, она, вне всяких сомнений, одна из *лучших* в своем ремесле. В определенных его областях — определенно. Но, глядя на бабаню, девчонка, едва вступающая в жизнь, непременно скажет себе: так вот что это такое. Пашешь как лошадь, во всем себе отказываешь — а что в награду за тяжкие труды и самоотречение?

Бабаню нельзя было упрекнуть в излишней любезности, зато гораздо чаще, чем симпатию, она вызывала уважение. Впрочем, люди привыкают с уважением относиться и к грозовым тучам. Грозовые тучи необходимы. Но не симпатичны.

Облачившись в три байковых ночных рубашки (заморозки уже нашпиговали осенний воздух ледяными иголочками), маманя Огг отправилась спать. И на душе у нее было тревожно.

Она понимала: объявлена война. Бабаня, если ее разозлить, была способна на жуткие вещи, и то, что кара падет на головы тех, кто ее в полной мере заслужил, не делало их менее жуткими. Маманя знала: Эсме замышляет нечто ужасное.

Сама она не любила побеждать. От привычки побеждать трудно избавиться. К тому же она создает опасную репутацию, которой тяжело соответствовать, и ты идешь по жизни

с тяжелым сердцем, постоянно высматривая ту, у которой и помело лучше, и с лягушками она управляется быстрее.

Маманя заворочалась под горой пуховых одеял.

По мнению бабани Громс-Хмурри, вторых мест не существовало. Либо ты победил, либо нет. Собственно, в проигрыше нет ничего *плохого* — помимо того, конечно, что ты не победитель. Маманя всегда придерживалась тактики достойного проигрыша. Тех, кто продул в последнюю минуту, публика любит и угощает выпивкой, и слышать «она едва не выиграла» гораздо приятнее, чем «она едва не проиграла».

Маманя полагала, что быть второй куда веселее. Но не в привычках Эсме было веселиться.

Бабаня Громс-Хмурри сидела у себя в домике и смотрела, как медленно гаснет огонь в камине.

Стены в комнате были серые — того цвета, какой штукатурка приобретает не столько от пыли, сколько от времени. Здесь не было ни единой бесполезной, ненужной, не оправдывающей хозяйской заботы вещи. Не то что в доме мамани Огг: *там* все горизонтальные поверхности были насильственно превращены в подставки для безделушек и цветочных горшков — мамане то и дело что-нибудь притаскивали. Бабаня упрямо называла это «старье берем». По крайней мере на людях. Какие мысли на этот счет рождались в укромных уголках ее разума, никому не было известно.

Бабаня тихо покачивалась в кресле, пока не потух последний уголек.

В серые ночные часы тяжело свыкнуться с мыслью, что на твои похороны народ соберется только за одним — убедиться в твоей смерти.

На следующий день Перси Гоппхутор, отворив дверь черного хода, встретил прямой немигающий взгляд голубых глаз бабани Громс-Хмурри. Он охнул.

Бабаня сконфуженно кашлянула.

— Почтенный Гоппхутор, я насчет тех яблок, что вы назвали в честь госпожи Огг.

Колени Перси задрожали, а парик пополз с затылка на пол в надежде, что там безопаснее.

— Мне хотелось бы отблагодарить вас за это. Уж очень она радовалась, — продолжала бабаня голосом, который ее

хорошим знакомым, к их великому изумлению, показался бы поразительно мелодичным. — Она много и хорошо трудилась, пришла пора воздать ей должное. Вы замечательно придумали. Вот вам небольшой подарочек... — Гоппхутор отскочил назад: бабанина рука проворно нырнула в карман передника и извлекла оттуда какую-то черную бутылочку. — Это большая редкость — уж очень редкие травы сюда входят. На редкость редкие. Необыкновенно редкостные травы.

Наконец Гоппхутор сообразил, что надо бы взять бутылочку. Он очень осторожно ухватил пузырек за горлышко, словно тот мог свистнуть или отрастить ножки, и промямлил:

— Э... премного благодарен.

Бабаня чопорно кивнула.

— Благословен будь этот дом!

Она развернулась и пошла по тропинке прочь.

Гоппхутор осторожно закрыл дверь, с размаху навалился на нее всем телом и рявкнул на жену, наблюдавшую за ним с порога кухни:

— Собирай манатки!

— Это еще с каких дел? Вся наша жизнь тут прошла! Нельзя все бросить и удариться в бега!

— Лучше в бега, чем обезножеть, глупая ты баба! Чего ей от меня понадобилось? Чего?! От нее сроду никто доброго слова не слыхал!

Но жена Гоппхутора уперлась: она только-только привела дом в приличный вид. К тому же они купили новый насос. Есть вещи, с которыми нелегко расстаться.

— Давай-ка посидим спокойно и подумаем, — предложила она. — Что в этом пузырьке?

Гоппхутор держал бутылочку на отлете.

— Неужто *ты* хочешь это выяснить?

— Да не трясись ты! Она ведь ничем не грозилась, верно?

— Она сказала «благословен будь этот дом»! По мне, так звучит очень даже грозно! Это ж бабаня Громс-Хмурри, не кто-нибудь!

Гоппхутор поставил бутылочку на стол, и супруги уставились на нее, настороженно пригнувшись, готовые в случае чего кинуться наутек.

— Здесь написано «Возстановитель волосъ», — сказала Гоппхуторша.

— Обойдусь!

— Она потом спросит, помогло или нет. Она такая.

— Если ты хоть на минутку возомнила, будто я...

— Можно попробовать на собаке.

— Вот славная скотинка!

Уильям Цыппинг очнулся от грез и оглядел пастбище. Он сидел на доильной скамеечке, а его пальцы словно сами собой теребили коровьи сосцы.

Над изгородью показалась остроконечная черная шляпа. Уильям вздрогнул, да так, что надоил молока себе в левый башмак.

— Что, хороши удои?

— Да, госпожа Громс-Хмурри! — дрожащим голосом промямлил Уильям.

— Вот и славно. Пускай эта корова еще долго дает так же много молока. Доброго тебе дня.

И остроконечная шляпа поплыла дальше.

Цыппинг уставился ей вслед. Потом он схватил ведро и, поскальзываясь на каждом шагу, бегом кинулся в хлев и начал громогласно призывать сына.

— Хламми! Спускайся сию минуту!

На краю сеновала показался Хламми с вилами в руке.

— Чего, папаня?

— Сейчас же веди Дафну на рынок, слышишь?

— Чего-о? Она же лучше всех доится!

— *Доилась*, сын, доилась! Бабаня Громс-Хмурри ее только что прокляла! Продай Дафну побыстрей, покуда у ней рога не отвалились!

— А чего бабаня сказала?

— Она сказала... она сказала... «пущай эта корова еще долго доится»... — Цыппинг замялся.

— Что-то не похоже на проклятие, папаня, — заметил Хламми. — То есть... ты-то клянешь совсем по-другому. А так, по-моему, даже неплохо звучит.

— Ну... штука в том, как... она это сказала...

— А как, папаня?

— Ну... этак... *бодро*.

— Да что с тобой, папаня?

— Штука в том... как... — Цыппинг умолк. — В общем, неправильно это, — обозлился он. — Неправильно! Нет у нее права разгуливать тут такой довольной. Сколько ее помню, рожа у нее всегда была кислая! И *в башмаке* у меня *полно молока!*

В тот день маманя Огг решила посвятить часть времени своей тайне — самогонному аппарату, спрятанному в лесу. Это был самый надежно оберегаемый секрет в королевстве, поскольку все до единого ланкрастерцы точно знали, где происходит винокурение, а секрет, оберегаемый сразу таким множеством народу, — это и впрямь огромный секрет. Даже король знал, но притворялся, будто ему невдомек: это позволяло ему не допекать маманю налогами, а ей — не отказываться их платить. Зато каждый год на Кабаньи Дозоры его величество получал бочонок того, во что превращался бы мед, не будь пчелы убежденными трезвенницами. В общем, все проявляли понимание и чуткость, никому не нужно было платить ни гроша, мир становился чуточку счастливее, и никого не поносили последними словами.

Маманя дремала: приглядывать за самогонным аппаратом требовалось круглосуточно. Но в конце концов голоса, настойчиво выкрикивающие ее имя, ей надоели.

Конечно, никто не сунулся бы на поляну — это было бы равносильно признанию, что местонахождение аппарата известно. Поэтому они упорно бродили по окружающим кустам. Маманя продралась сквозь заросли и была встречена притворным изумлением, которое сделало бы честь всякому любительскому театру.

— Чего вам? — вопросила она.

— Госпожа Огг! А мы гадали, уж не в лесу ли вы... гуляете, — сказал Цыппинг. Прохладный ветерок разносил ароматы едкие, как жидкость для мытья окон. — На вас вся надежда! Ох уж эта хозяйка Хмурри!

— Что она натворила?

— Расскажи-ка, Шпигль!

Мужчина рядом с Цыппингом живо снял шляпу и почтительно прижал ее к груди жестом типа «ай-сеньор-на-нашу-деревню-напали-бандитос».

— Стало быть, сударыня, копаем мы с моим парнишкой колодец, а тут она...

— Бабаня Громс-Хмурри?

— Да, сударыня, и говорит... — Шпигль сглотнул. — Вы, говорит, не найдете здесь воды, добрый человек. Поищите лучше, говорит, в лощине возле старого ореха! А мы знай копаем. *Дак ведь воды-то и впрямь ни капли не нашли!*

— Ага... и тогда вы пошли копать в лощине у старого ореха? — ласково спросила маманя.

Шпигль оторопел.

— Нет, сударыня! Кто знает, *что* мы бы там нашли!

— А еще она прокляла мою корову! — встрял в разговор **Цыппинг.**

— **Правда? Что же** она сказала?

— **Она сказала,** пущай дает молока вволю! — Цыппинг умолк. Вот опять, когда пришлось повторить это вслух... — Штука в том, *как* она это сказала, — неуверенно добавил он.

— А как она это сказала?

— Любезно!

— Любезно?

— Этак с улыбочкой! Да я теперь этого молока в рот не возьму! Мне жить еще не надоело!

Маманя была заинтригована.

— Что-то я не пойму...

— Это вы собаке старого Гоппхутора скажите, — буркнул Цыппинг. — Гоппхутор из-за хозяйки Хмурри робеет прогнать бедолагу! Вся семья с ума спрыгнула! Сам стрижет, жена вострит ножницы, а оба пацана целыми днями носятся по округе, ищут, куда шерсть сваливать!

Терпеливые расспросы мамани помогли пролить свет на ту роль, которую сыграл во всем этом «Возстановитель волосъ».

— И он дал собаке...

— Полбутылки, госпожа Огг.

— Хоть Эсме и написала на этикетке «по махонькой ложечке раз в неделю»? Да ведь даже тогда приходится носить просторные штаны!

— Он сказал, что насмерть перепугался, госпожа Огг! Я это вот к чему: чего ей надо? Наши жены детишек из дому не выпускают. Потому — а ну как она им улыбнется?

— Ну?

— Она же ведьма!

— И я тоже. И я им улыбаюсь, — напомнила маманя Огг. — А они за мной хвостом таскаются, дай да дай конфетку!

— Да, но... вы... то есть... она... то есть... вы не... то есть того...

— Эсме — хорошая женщина, — объявила маманя. Здравый смысл заставил ее добавить: — По-своему. В лощине наверняка *есть* вода, и корова Цыппинга будет отлично доиться, и коли Гоппхутор не желает читать этикетки на бутылках, тогда он медный лоб, а кому пришло в голову, будто Эсме Громс-Хмурри способна проклясть ребенка, у того мозгов не больше, чем у земляного червя. Изругать на все корки — это да, она их с утра до ночи костерит. Но проклясть — нет. Она на такие мелочи не разменивается.

— Да, да, — простонал Цыппинг, — но это *неправильно*, вот что. Ее, вишь ты, любезность одолела, а человек со страху ног под собой не чует!

— И рук, — мрачно добавил Шпигль.

— Ладно, ладно, я разберусь, — пообещала маманя.

— Нельзя обманывать ожидания, — слабым голосом сказал Цыппинг. — Это действует на нервы.

— А мы приглядим за вашим ап... — начал Шпигль и вдруг попятился, держась за живот и тяжело, с хрипом, дыша.

— Не обращайте внимания, это он от расстройства, — сказал Цыппинг, потирая локоть. — Травки собирали, госпожа Огг?

— Угу, — промычала маманя, торопливо углубляясь в завесу листвы.

— Так я пока затушу огонь, ладно? — крикнул Цыппинг.

Когда запыхавшаяся маманя Огг показалась на тропинке, бабаня сидела перед своей избушкой и копалась в мешке со старой одеждой. Вокруг были разбросаны одеяния не первой свежести.

В довершение бабаня напевала себе под нос. Маманя Огг забеспокоилась. Та бабаня Громс-Хмурри, которую она хорошо знала, не одобряла музыку.

При виде мамани бабаня улыбнулась — по крайней мере уголок ее губ пополз вверх. Тут уж маманя встревожилась не

на шутку. Обычно бабаня улыбалась, только если какого-нибудь мерзавца настигала заслуженная кара.

— Ах, Гита, как я рада тебя видеть!

— Эсме, ты часом не приболела?

— Никогда не чувствовала себя лучше, дорогая. — Пение продолжалось.

— Э... тряпки разбираешь? — догадалась маманя. — Собралась наконец сшить одеяло?

Бабаня Громс-Хмурри твердо верила, что в один прекрасный день сошьет лоскутное одеяло. Однако эта работа требует терпения, а потому за пятнадцать лет бабане удалось сметать всего три лоскута. Но она упрямо копила старую одежду. Так делают многие ведьмы. Это их общая слабость. У старых вещей, как и у старых домов, есть душа. И если одежка не ползет под руками, ведьма не в силах с ней расстаться.

Оно где-то здесь, — бормотала бабаня. — Ага, вот...

Она гордо взмахнула платьем. Когда-то оно было розовым.

— Так и знала, что оно тут! Можно сказать, ненадеванное. И мне почти впору.

— Ты хочешь его *носить?* — охнула маманя.

Пронзительный взгляд синих бабаниных глаз обратился на нее. Маманя с огромным облегчением услышала бы в ответ что-нибудь вроде «Нет, с маслом съем, дура старая». Вместо этого ее подруга смягчилась и с легкой тревогой спросила:

— Думаешь, мне не пойдет?

Воротничок был отделан кружевом. Маманя сглотнула.

— Ты обычно носишь черное, — напомнила она. — Даже капельку чаще, чем обычно. Можно сказать, всегда.

— И это — душераздирающее зрелище, — рассудительно ответила бабаня. — Не пора ли принарядиться?

— Да ведь оно такое... розовое.

Бабаня отложила платье в сторону. К ужасу мамани, она взяла ее за руку и серьезно сказала:

— Знаешь, с этими Испытаниями я, пожалуй, повела себя как самый настоящий пес на сене, Гита...

— Сука, — рассеянно обронила маманя Огг.

На мгновение бабанины глаза вновь превратились в два сапфира.

— Что?

— Э... сука на сене, — пробормотала маманя. — В смысле «собака». А не «пес».

— Да? И верно. Спасибо, что поправила. Ну вот я и подумала: пора мне немного уступить. Пора вдохнуть уверенность в молодое поколение. Надо признать, я... была не очень-то любезна с соседями...

— Э-э...

— Я *попробовала* стать любезной, — продолжала бабаня. — Досадно, но приходится признать: я хотела как лучше, а вышло...

— Любезничать ты никогда не умела, — вздохнула маманя.

Бабаня улыбнулась. В ее взгляде, хоть и решительном, маманя не сумела высмотреть ничего, кроме искренней озабоченности.

— Может, со временем научусь, — предположила бабаня.

Она ласково похлопала маманю по руке. Маманя уставилась на свою руку так, словно ту постигло нечто ужасное, и выдавила:

— Просто все привыкли, что ты... с характером.

— Я, пожалуй, сварю для праздника варенье и напеку кексов, — сказала бабаня.

— Угу... Это дело.

— Нет ли в поселке больных, кого нужно навестить?

Маманя уставилась на деревья. Все хуже и хуже! Она порылась в памяти, пытаясь припомнить кого-нибудь, кто занемог достаточно тяжело, чтобы нуждаться в дружеском визите, но еще был бы в силах пережить потрясение от явления бабани Громс-Хмурри в роли ангела-хранителя. По части практической психологии и наиболее примитивных сельских оздоровительных процедур бабане не было равных; честно говоря, последнее удавалось ей даже на расстоянии, ибо многие разбитые болью бедолаги поднимались с постели и отступали — нет, бежали — перед известием, что бабаня на подходе.

— Пока все здоровы, — дипломатично сказала маманя.

— И не требуется ободрить никого из стариков?

Само собой, себя маманя с бабаней к старикам не причисляли: ни одна ведьма девяноста семи лет нипочем не признает себя старухой. Старость — удел *других*.

— Пока все и так бодры, — ответила маманя.

— Может, я могла бы рассказывать сказки детворе?

Маманя кивнула. Однажды бабаня (на нее тогда ненадолго нашло) взялась рассказывать сказки. Что касается детей, результат был превосходный: они слушали разинув рот и явно наслаждались преданиями седой старины. Сложности возникли потом, когда ребятишки разошлись по домам и стали интересоваться, что значит «выпотрошенный».

— Я могла бы сидеть в кресле-качалке и рассказывать, — добавила бабаня. — Помнится мне, что так положено. И еще я могла бы сварить для них мои особые тянучки из яблочной патоки. Вот было бы славно, правда?

Маманя опять кивнула, объятая чем-то вроде почтительного ужаса. Она вдруг отчетливо поняла, что она — единственное препятствие на пути этого безудержного буйства любезности.

— Тянучки, — задумчиво промолвила она. — Это какие же будут? Те, что развалились вдребезги, как стекляшки, или те, из-за которых нашему малышу Пьюси пришлось разжимать зубы ложкой?

— Я, кажется, поняла, где я в тот раз ошиблась.

— Знаешь, Эсме, ты с сахаром не в ладах. Помнишь те твои леденцы «от-рассвета-до-заката»?

— Но их и хватило *до заката*, Гита.

— Только потому, что наш малыш Пьюси не мог их выковырять изо рта, пока мы ему не выдернули пару зубов, Эсме. Лучше держись солений. Вот соленья тебе удаются на славу.

— Но я должна *что-нибудь* сделать, Гита. Не могу я все время ходить злобной каргой. О, знаю! Я стану помогать на Испытаниях. Хлопот-то будет невпроворот, верно?

Маманя про себя улыбнулась. *Вот* оно что.

— Ну конечно, — подтвердила она. — Почтеннейшая Мак-Рица с радостью растолкует тебе, что к чему. — И подумала: *«Так ей, дуре, и надо: ты определенно что-то задумала»*.

— Я с ней поговорю, — пообещала бабаня. — Ведь, наверное, я могла бы много с чем помочь, если б захотела.

— Захочешь как пить дать, — искренне заверила маманя. — Чует мое сердце, с твоей легкой руки все пройдет совершенно иначе.

Бабаня опять принялась рыться в мешке.

— Ты ведь тоже придешь, а, Гита?

— Я? — сказала маманя. — Да я ни за что на свете не пропущу такое зрелище!

Маманя нарочно поднялась ни свет ни заря. В случае какой-нибудь склоки ей хотелось быть в первых рядах зрительного зала.

Дорогу к месту Испытаний украшали гирлянды, развешенные на деревьях нестерпимо яркими цветными петлями. В них было что-то странно знакомое. По идее, если обладатель ножниц берется вырезать треугольник, он не может потерпеть фиаско — но кому-то это удалось. К тому же флажки явно были сделаны из старательно раскроенного старого барахла. Маманя сразу поняла это. Не так уж часто попадаются флажки с воротничками.

На поле для Испытаний устанавливали ларьки и палатки. Под ногами путались дети. Комитет нерешительно стоял под деревом, изредка поглядывая на розовую фигурку на верху высоченной стремянки.

— Она явилась затемно, — пожаловалась Летиция подошедшей мамане. — Сказала, что всю ночь шила флажки.

— Ты про кексы расскажи, — угрюмо посоветовала кума Бивис.

— Эсме испекла *кексы?* — изумилась маманя. — Но она же не умеет стряпать!

Комитет посторонился. Многие дамы внесли свой вклад в продовольственное обеспечение Испытаний — это было и традицией, и своего рода конкурсом. Среди целого моря заботливо прикрытых тарелок, на большом блюде, высилась гора бесформенных лепешек неопределенного цвета. Словно стадо карликовых коров, объевшись изюма, долго маялось животом. Это были пра-кексы, доисторические кексы, увесистые и внушительные. Им не было места среди покрытых глазурью изысканных лакомств.

— Выпечка ей никогда не давалась, — пролепетала маманя. — Кто-нибудь их уже пробовал?

— Ха-ха-ха, — глухо рассмеялась кума Бивис.

— Что, черствые?

— Можно тролля забить до смерти.

— Но она ими так... э-э... *гордилась,* — вздохнула Летиция. — Да, и еще... *варенье.*

Банка была большая. Казалось, она наполнена застывшей лавой.

Цвет... приятный, — оценила маманя. — А варенье кто-нибудь пробовал?

— Мы не можем вытащить ложку, — призналась кума.

— Вот оно что. Что ж, видно...

— А *туда* ее пришлось загонять молотком.

— Что она замышляет, госпожа Огг? Она натура слабая и мстительная, — сказала Летиция. — Вы с ней подруги, — прибавила она тоном не только утвердительным, но и обвиняющим.

— Уж и не знаю, что у нее на уме, госпожа Мак-Рица.

— Я полагала, она оставит нас в покое.

— Она сказала, что хочет помочь нам и ободрить молодежь.

— Она что-то замышляет, — угрюмо повторила Летиция. — Эти кексы имеют целью подрыв моего авторитета.

— Да что вы, Эсме всегда так стряпает, — утешила ее маманя. — Нет у нее таланта к готовке, и все тут. Вашего *авторитета,* говорите?

— С флажками она почти закончила, — доложила кума Бивис. — И теперь ищет новое занятие.

— Что ж... пожалуй, поручим ей «Счастливое уженье».

Маманя непонимающе воззрилась на Летицию.

— Это тот огромный чан с отрубями, где ребятишки шарят наудачу, чего вынется?

— Да.

— Вы хотите доверить это *бабане Громс-Хмурри?*

— Да.

— Чувство юмора у нее не совсем обычное, предупреждаю.

— Доброе всем утро!

Это был голос бабани Громс-Хмурри, знакомый мамане чуть не с рождения. Но в нем опять звучали непривычные нотки. Любезные и дружелюбные нотки.

— А мы тут гадали, не поручить ли вам чан, барышня Громс-Хмурри.

Маманя вздрогнула и сжалась. Но бабаня сказала только:

— С радостью, госпожа Мак-Рица. Очень уж хочется поглядеть на их мордашки, когда они выудят подарочки.

И мне, подумала маманя.

Когда комитет торопливо удалился, она бочком подобралась к подруге.

— Зачем это тебе?

— О чем ты говоришь, Гита, я тебя не понимаю.

— Я видела, как ты взглядом усмиряла жутких тварей, Эсме. Один раз ты при мне поймала *единорога!* Что ты задумала?

— Все равно не понимаю, о чем ты, Гита.

— Ты злишься, потому что они не хотели пускать тебя на Испытания, и замышляешь страшную месть?

Подруги разом посмотрели на поле, которое мало-помалу заполнялось народом. Одни старались выиграть в шары свинью, другие штурмовали натертый салом шест. Ланкрастерский любительский оркестр пытался исполнить попурри из любимых мелодий — жаль только, что все музыканты играли разное. Малышня дралась. День обещал быть жарким. Возможно, это был последний жаркий день в году.

Взгляды подруг притягивал огороженный веревками квадрат посреди поля.

— Ты собираешься участвовать в Испытаниях, Гита? — спросила бабаня.

— Ты не ответила на мой вопрос!

— На какой такой вопрос?

Маманя решила не ломиться в запертую дверь.

— Да чего греха таить, собираюсь, — призналась она.

— Тогда от души надеюсь, что ты победишь. Я бы за тебя поболела, да не хочу обижать остальных. Лучше смешаюсь с толпой и буду сидеть тихо как мышка.

Маманя решилась на коварство. Ее лицо расплылось в широкой розовой улыбке, она ткнула подружку локтем в бок и закивала:

— Ага, ага. Вот только... мне-то ты можешь сказать, правда? Не хочу проворонить главное. Не могла бы ты тихонечко дать мне знак, что *приступаешь*, а?

— Что за намеки, Гита?

— Прах побери, Эсме Громс-Хмурри! Иногда руки чешутся влепить тебе затрещину!

— Ого!

Маманя Огг ругалась (или, лучше сказать, использовала выражения, лежащие за пределами того, что ланкрастерцы

именуют «красноречием») нечасто. Она лишь *производила впечатление* особы, привычной к употреблению нехороших слов и только что придумавшей нечто новое, на редкость удачное. Однако ведьмы, как правило, тщательно следят за своим языком: никогда нельзя знать, какой фортель выкинут слова, оказавшись за пределами слышимости. Но сейчас маманя чертыхнулась себе под нос — и в сухой траве на миг расцвели язычки огня.

Это настроило ее на подходящий для Проклятий лад.

Согласно легенде, давным-давно Проклятия обрушивали на живую, дышащую мишень (по крайней мере поначалу), но для праздника это совсем не годилось, и последующие несколько столетий Проклятиями осыпали Невезучего Чарли, который, как ни крути, всего-навсего огородное пугало. А поскольку цель проклятий почти всегда рассудок и душа проклинаемого, возникли нешуточные трудности, ибо тыкву мало трогает даже «Да чтоб у тебя солома сгнила! Да чтоб у тебя морковка отвалилась!» Впрочем, очки начислялись за стиль и изобретательность.

В общем, сюда народ валом не валил. Все знали, за что дают больше очков. Уж никак не за Невезучего Чарли.

Однажды бабаня Громс-Хмурри заставила-таки тыкву взорваться. Но до сих пор никто не сумел разгадать, как ей это удалось.

Под вечер одна из ведьм покинет Испытания, и, что бы ни выходило по сумме баллов, всем будет ясно: вот победительница. Можно взять приз «Самая остроконечная шляпа» и стать лучшей в выездке помела, но это все для публики. Главное — Коронный Номер, над которым трудишься все лето.

Маманя вытянула последнюю, девятнадцатую, очередь. В этот раз на Испытания собралось немало ведьм. Прошел слух о выходе бабани Громс-Хмурри из состава участниц, а ничто не разносится так быстро, как новости в среде колдунов и чародеев — благо им не приходится плестись по земле. В толпе перемещалось и кивало множество остроконечных шляп.

Обычно ведьмы дружелюбны друг с другом не больше, чем кошки, но — опять-таки как кошки — иногда, в урочное время и в урочном месте, на нейтральной территории,

способны до некоторой степени примириться. Происходящее на поле напоминало медленный, затейливый танец...

Ведьмы прохаживались, обменивались приветствиями, радостно бросались к вновь прибывшим. Неискушенному наблюдателю могло бы показаться, что он присутствует на встрече старых друзей, и отчасти так оно и было. Но маманя, смотревшая на мир глазами ведьмы, подмечала и очень аккуратный выбор позиции, и осторожные прикидки, и незначительную перемену поз, и тщательно выверенную пристальность и долготу взглядов.

А когда ведьма (особенно малознакомая) оказывалась на арене, остальные мигом находили предлог не спускать с нее глаз — и лучше всего украдкой.

Они *действительно* напоминали кошек. Те тоже подолгу внимательно разглядывают друг друга, и, когда доходит до драки, в кошачьей голове попросту заверяется печатью нечто давно решенное.

Все это маманя знала. И еще она знала, что по преимуществу ведьмы добры (по большому счету), щедры (к достойным; недостойные обычно *получают сполна*), ласковы (с робкими и скромными) и в общем и целом очень преданны жизни, щедрой скорее на синяки и шишки, чем на пироги и пышки. Многие жили в леденцовых и пряничных домиках; самые добросовестные из молодых ведьм проводили опыты с разными сортами хрустящих хлебцев. Никто не жарил в печке детей (даже если они того заслуживали). Главным образом ведьмы занимались тем, что повелось от века, — облегчали соседям пришествие в этот мир и отбытие в мир иной, а в промежутке помогали им преодолевать наиболее противные препятствия.

Это требовало особенных качеств. Особого слуха, ибо общаться с людьми приходилось в обстоятельствах, располагающих к откровенности: например, вам вдруг рассказывали, где закопаны деньги, или кто отец ребенка, или откуда под глазом опять синяк. И особого языка — такого, который постоянно остается за зубами. Чужие тайны — это власть. Власть приносит уважение. А уважение — твердая валюта.

Внутри этой семьи сестер (впрочем, трудно назвать семьей сестер это хрупкое объединение закоренелых единоличниц; сборище ведьм — не шабаш, а маленькая война)

испокон века существовала негласная иерархическая лестница, не имеющая никакого отношения к традиционному толкованию положения в обществе. Вслух ни о чем таком никогда не говорили. Но если умирала старая ведьма, товарки-соседки обязательно сходились на ее похороны ради нескольких последних слов и потом в гордом одиночестве отправлялись по домам, а в голове у каждой вертелась коротенькая мыслишка: *«Еще одну спровадила»*.

За новенькими же наблюдали чрезвычайно внимательно.

— С добрым утречком, госпожа Огг, — послышалось у мамани за спиной. — Как поживаете?

— Здравствуйте, хозяйка Трясси. — Маманя обернулась. Картотека в ее голове выдала справку: Яснотка Трясси, проживает близ Редкотени со старенькой мамой, нюхает табак, любит и понимает животных. — Как ваша матушка?

— В прошлом месяце схоронили, госпожа Огг.

Маманя Огг очень хорошо относилась к Яснотке: они редко виделись.

— Ах батюшки... — огорчилась она.

— Но я все равно передам, что вы о ней справлялись. — Яснотка глянула в сторону ринга и спросила: — Что это там за толстуха? Зад как две подушки.

— Это Агнес Нитт.

— А голос очень подходящий для проклятий. Услышишь такой — мигом поймешь, что тебя прокляли.

— Да, повезло девушке, голос ей достался в самый раз для проклятий, — вежливо откликнулась маманя. — Ну и мы с Эсме Громс-Хмурри дали ей пару советов, — добавила она.

Яснотка повернула голову.

На дальнем краю поля возле «Счастливого уженья» одиноко сидела розовая фигурка. Похоже, «Счастливое уженье» не пользовалось бешеным успехом.

Яснотка наклонилась поближе.

— Что она там делает?

— Не знаю, — пожала плечами маманя. — По-моему, ей взбрело в голову стать любезной.

— Эсме? *Любезной?*

— Э... да, — подтвердила маманя. От того, что она поделилась с Яснотькой, легче не стало.

Яснотка уставилась на нее, поспешно сотворила левой рукой ограждающий знак и заторопилась прочь.

Остроконечные шляпы тем временем начали собираться в маленькие стайки по три и по четыре. Заостренные верхушки сближались, сбивались в кучки, заводили оживленную беседу, затем разъединялись, словно лепестки цветка, и повертывались к далекому розовому пятнышку. Потом какая-нибудь из шляп откалывалась от своей группы и устремлялась к другой, где все повторялось сначала. Волнение нарастало. Назревал взрыв.

То и дело кто-нибудь оборачивался и смотрел на маманю, поэтому она поспешила прочь, лавируя между аттракционами, и в конце концов очутилась у ларька гнома Закзака Крепкорука, производителя и поставщика оккультных безделушек для самых впечатлительных. Закзак радостно кивнул ей поверх выставочного стенда с надписью «ПОДКОВЫ НА УДАЧУ, $2 ШТУКА».

— Приветствую, госпожа Огг.

Маманя вдруг взволновалась.

— На удачу? А что в них такого? — Она взяла подкову.

— Как что?! Каждая подкова — две монеты в мой карман! — ответил Крепкорук.

— Но *почему* они приносят удачу?

— Завернуть вам штучку, госпожа Огг? Знал бы я, что торговля пойдет так бойко, прихватил бы еще ящик. Нашлись такие дамы, что брали по две!

«Дамы» было сказано со значением.

— Ведьмы покупают подковы на удачу? — изумилась маманя.

— Так метут, будто завтра конец света, — ответил Закзак. Он нахмурился. Все-таки *ведьмы*... — Э... но ведь ничего такого не будет? — прибавил он.

— Я в этом почти уверена, — ответствовала маманя.

Закзака это, похоже, не успокоило.

— Обережные травы тоже расхватали, — припомнил он. И, как истинный гном, для которого Потоп — дивная возможность устроить распродажу полотенец, добавил: — Позволите предложить вам кое-что интересное, госпожа Огг?

Маманя помотала головой. Если беде суждено было нагрянуть именно с той стороны, откуда все ее ждали, то ве-

точка руны едва ли могла помочь. Может, большой дуб еще помог бы, да и то вряд ли.

Атмосфера менялась. Небо оставалось бледно-голубым и просторным, но на горизонтах мысли погромыхивал гром. Ведомы испытывали неприятное беспокойство. При таком их скоплении на небольшом клочке земли нервозность перекидывалась с одной участницы Испытаний на другую и, многократно усиленная, передавалась всем и каждому. И оттого даже самых обычных людей, твердо уверенных, будто руны — это овечья шерсть, постепенно охватывала та глубокая необъяснимая тревога, что заставляет кричать на детей и гонит в кабак.

Маманя заглянула в просвет между ларьками. Розовая фигура по-прежнему терпеливо сидела позади чана. От нее веяло унынием.

Тогда маманя, перебегая от одной палатки к другой, перебралась туда, откуда была видна буфетная стойка. Там уже шла оживленная торговля. В центре застеленного скатертью прилавка возвышалась груда чудовищных кексов. И банка с вареньем. Какой-то олух приписал сбоку мелом: «ВЫНЬ ЛОЖКУ ИЗ БАНКИ! НА ПЕННИ — ТРИ ПОПЫТКИ!»

Маманя вроде бы приложила все усилия к тому, чтобы остаться незамеченной, однако позади вдруг зашуршала солома. Комитет выследил ее. Тогда она спросила:

— Вы это написали, госпожа Мак-Рица? Сердца у вас нет! Не по-людски это...

— Мы решили, что вы должны поговорить с барышней Громс-Хмурри, — объявила Летиция. — Пусть прекратит!

— Что прекратит?

— Она всем что-то внушает! Она ведь явилась сюда *воздействовать* на всех нас, верно? Ни для кого не секрет, что она не гнушается магической обработкой умов! Мы все это *чувствуем!* Она портит праздник!

— Она просто сидит возле чана, — возразила маманя.

— Да, но *как* она сидит, позвольте вас спросить?!

Маманя опять выглянула из-за ларька.

— Ну как... обыкновенно. Сами знаете... поясница согнута, коленки...

Летиция сурово погрозила ей пальцем:

— Послушайте, Гита Огг...

— Уж если вам надо, чтобы она ушла, ступайте и сами ей скажите! — вспылила маманя. — А я по горло сыта этими вашими...

Раздался пронзительный детский крик.

Ведьмы переглянулись и ринулись через поле к «Счастливому уженью».

По земле, захлебываясь слезами, катался маленький мальчик.

Это был Пьюси, маманин младшенький внук.

Маманя похолодела. Подхватив карапуза на руки, она обожгла бабаню свирепым взглядом.

— Что ты с ним сделала, ты... — начала она.

— *Ни-хач-чу-у-у-*куклу-у-у-у! *Ни-хач-чу-у-у-*куклу-у-у-у! Хач-чу-у-*СОЛДАТИКА-А-А-А!*

Тут только маманя заметила, что в липкой ручонке Пьюси зажата тряпичная кукла, а маленькое личико (та его часть, что виднелась по краям разинутого рта) залито слезами ярости и разочарования...

— Оййхаччухачухачу *СОЛДАТИКА-А-А!*

...Она поглядела на товарок, на бабаню Громс-Хмурри — и почувствовала, как всю ее, от пяток до макушки, пронизывает нестерпимый леденящий стыд.

— Я объясняла, что можно бросить куклу обратно и снова попытать счастья, — робко сказала бабаня. — Но он и слушать не захотел.

— ...хаччууухаччууу *СОЛДА...*

— Пьюси Огг, если ты сию же минуту не угомонишься, бабушка тебе... — и маманя с ходу сочинила самое страшное наказание, какое могла придумать: — ...никогда больше не даст конфетку!

Напуганный такой невообразимой угрозой, Пьюси закрыл рот и замолчал. После чего, к ужасу мамани, Летиция Мак-Рица, решительно выпрямив стан, заявила:

— Барышня Громс-Хмурри, вам лучше уйти.

— Разве я мешаю? — удивилась бабаня. — Надеюсь, что нет. Я вовсе не хотела мешать. Просто он попробовал выловить подарок и...

— Вы... всем действуете на нервы.

Ну, сейчас начнется, подумала маманя. Вот сейчас Эсме вскинет голову, прищурится, и, если Летиция не отойдет на пару шагов, стало быть, она куда смелей меня.

— А нельзя мне остаться посмотреть? — спокойно спросила бабаня.

— Я знаю, что за игру вы ведете, — продолжала Летиция. — Решили все испортить! Вам невыносимо думать, что вас обставят, и вы замыслили какую-то гадость.

Три шага назад, подумала маманя. Иначе и костей не соберешь. Вот *сейчас*...

— Нет, мне не хотелось бы, чтобы все думали, будто я что-то порчу, — всполошилась бабаня. Она со вздохом поднялась. — Пойду домой...

— Нет, не пойдешь! — Взбешенная маманя Огг толкнула подругу обратно на стул. — А ты, Берил Развейли, *ты*-то что думаешь? А ты, Летти Паркин?

— Все они... — начала Летиция.

— Я не с вами разговариваю!

Ведьмы, столпившиеся позади госпожи Мак-Рицы, прятали глаза.

— Да нет, не в том дело... я хочу сказать, мы не думаем... — неловко начала Берил. — То есть... я всегда очень уважала... но... ну... короче, это ради *общего блага*...

Голос ее звучал все тише и наконец замер. Летиция торжествовала.

— М-да? Тогда мы, пожалуй, *и впрямь* пойдем, — скривилась маманя. — Не нравится мне здешнее общество. — Она огляделась. — Агнес! А ну-ка помоги мне отвести бабаню домой...

— Честное слово, не надо... — начала бабаня, но маманя с Агнес подхватили ее под руки и бережно, но решительно повлекли сквозь толпу. Народ перед ними расступался, а потом поворачивался и смотрел им вслед.

— Вероятно, в сложившихся обстоятельствах это лучший выход, — подвела итоги Летиция.

Кое-кто из ведьм избегал смотреть ей в лицо.

Весь пол бабаниной кухни был усеян лоскутками. С края стола капал загустевший джем, образуя каменно-неподвижный холмик. Таз для варки варенья отмокал в каменной раковине, хотя было ясно, что железо проржавеет быстрее, чем варенье размякнет.

Рядом выстроились в шеренгу пустые банки из-под маринадов.

Бабаня села и сложила руки на коленях.

— Хочешь чаю, Эсме? — спросила маманя Огг.

— Нет, голубушка, спасибо. Возвращайся на Испытания. Обо мне не беспокойся, — сказала бабаня.

— Точно?

— Я тихонько посижу тут, и все. Не тревожься.

— Я обратно не пойду! — свистящим шепотом сказала Агнес, когда они вышли из избушки. — Мне не нравится, как Летиция улыбается...

— Однажды ты сказала, что тебе не нравится, как Эсме *хмурит брови*, — напомнила маманя.

— Да, но когда *хмурят брови*, сразу понятно, чего ждать. А... вы ведь не думаете, что она выдыхается, правда?

— Если и так, никто никогда об этом не пронюхает, — сказала маманя. — Нет, ты вернешься вместе со мной. Она *наверняка* что-то задумала. — «Ах, кабы знать *что*, — подумала она. — Не знаю, можно ли еще ждать».

Они еще не дошли до поля, когда маманя ощутила нарастающее напряжение. Конечно, напряжение возникало всегда, Испытания есть Испытания, но у этого был какой-то неприятный кислый привкус. Аттракционы еще работали, однако деревенские жители уже расходились по домам, напуганные предчувствиями, которые не поддавались определению, но тем не менее вполне определенно пронимали до печенок. Что же касается ведьм, те походили на персонажей фильма ужасов за две минуты до развязки, когда уже известно, что сейчас чудовище сделает роковой прыжок, и неясно лишь, за которой оно дверью.

Участницы обступили Летицию. До мамани долетали голоса — разговор шел на повышенных тонах. Она толкнула в бок знакомую ведьму, уныло наблюдавшую за происходящим.

— Винни, что там такое?

— А-а, Рина Козырь наколдовала свиное ухо, и ее подружки заявили, будто ей положена вторая попытка, потому как она вся на нервах.

— Досадно.

— А Меггера Джонсон убежала — напортачила с погодным заклинанием.

— Что, увязла в собственном облаке?

— А у меня все из рук валилось. Тебе стоит попытать счастья, Гита.

— Да я за призами не гонюсь, Винни, ты же знаешь. Мне выступать нравится.

Винни косо глянула на маманю и хмыкнула:

— Ты всегда так правдоподобно врешь.

К ним торопливо подошла кума Бивис.

— Давай, Гита, — велела она. — Уж постарайся, ладно? Пока что опасаться стоит только тетки Сплетти с ее лягушкой-свистуньей, но та жутко врет мелодию. Бедняжка вся — комок нервов.

Маманя Огг пожала плечами и вышла на огороженную веревками площадку. Где-то поодаль с кем-то случилась истерика. Сквозь рыдания и икоту изредка пробивалось озабоченное посвистывание.

В отличие от магии колдунов магия ведьм обычно не требует больших затрат чистой волшебной силы. Разница та же, что между молотом и рычагом: ведьмы, как правило, стараются отыскать ту точку, незначительное воздействие на которую приносит значительный результат. Чтобы вызвать лавину, можно либо сотрясти гору, либо уронить снежинку на правильно выбранное место.

В этом году маманя, не особенно утруждаясь, готовила к показу Соломенного Человека. Для нее это был идеальный номер: забавный, с намеком и вовсе не такой трудный, как можно было подумать. Он давал понять, что маманя намерена участвовать в состязаниях, но вряд ли мог принести лавры победительницы.

Проклятие! Она так рассчитывала, что эта лягушка ее обскачет! Летними вечерами маманя не раз слышала, как она красиво насвистывает...

Маманя сосредоточилась.

Солома с шорохом поползла по стерне. Требовалось лишь умело пользоваться ветерками, гулявшими по полю, позволяя им дуть то в одну, то в другую сторону, подниматься по спирали и...

Маманя попыталась унять дрожь в руках. Она проделывала этот фокус тысячу раз и теперь могла навязать из проклятой соломы *морских узлов*. Но перед глазами стояло лицо Эсме Громс-Хмурри, сидящей у чана, и ее недоуменный, затравленный взгляд, обращенный к подруге, готовой в тот миг на убийство...

Мамане удалось должным образом слепить ноги и наметить руки и голову. Зрители захлопали. Но не успела маманя сосредоточиться на первом шаге своего человечка, как какой-то бродячий сквознячок закружил фигуру и рассыпал по земле охапками бесполезной соломы.

Лихорадочно жестикулируя, маманя попыталась поднять свое творение. Соломенный затрепыхался, запутался в руках и ногах и затих.

Вновь зазвучавшие аплодисменты были жидкими и тревожными.

— Прошу прощения... что-то я нынче не в форме, — пробормотала маманя, покидая поле.

Судьи собрались для совещания.

— По-моему, лягушка выступила *вполне прилично*, — заметила маманя громче, чем требовалось.

Ветер, только что доказавший свою строптивость, задул резче. Сумерки духа, если можно так выразиться, усугубила подлинная мгла.

На дальнем краю поля темнел высокий силуэт будущего костра. Никому пока еще не хватило духу разжечь огонь. Почти все не-ведьмы удалились восвояси. День давно утратил всякую прелесть.

Судейский кружок рассыпался, и к встревоженной толпе вышла улыбающаяся госпожа Мак-Рица. Только уголки губ у нее словно приморозило.

— Ах, если бы вы знали, как *нелегко* далось нам решение, — бодро заговорила она. — Но как чудесно все повернулось! Поверьте, нам *чрезвычайно трудно* было сделать выбор...

«Между мной и лягушкой, которая посеяла свисток и застряла лапой в банджо», — фыркнула про себя маманя и покосилась на сестриц-ведьм. Некоторых она знала уже лет по шестьдесят. Имей маманя Огг привычку читать, сейчас она читала бы по лицам коллег, как по книге.

— Мы все знаем, кто победил, госпожа Мак-Рица, — вклинилась она в словесный поток.

— О *чем* вы, госпожа Огг?

— Сегодня ни одна из нас не сумела путем сосредоточиться, — сказала маманя. — И почти все накупили талисманов на счастье. Ведьмы скупают талисманы!

Кое-кто потупился.

— Не знаю, почему все здесь так боятся барышни Громс-Хмурри! *Я* вот не боюсь! Вы что же, вообразили, будто она наложила на вас заклятие?

— Да, и судя по всему, еще какое крепкое! — ответила маманя. — Послушайте, госпожа Мак-Рица, сегодня победительницы нет, уж больно убого мы выступали. Все это понимают. Так давайте просто разойдемся по домам.

— Ни в коем случае! Я заплатила за этот кубок десять долларов и намерена вручить его...

Жухлая листва на деревьях затрепетала.

Ведьмы сбились в тесную кучку.

Зашелестели ветки.

— Это *ветер*, — усмехнулась маманя Огг. — Всего-навсего...

И тут бабаня просто оказалась среди них. Словно все это время ее просто не замечали. Умела она стушеваться и отступить на второй план.

— Я просто подумала, вернусь посмотрю, кто выиграл, — объяснила она. — Похлопаю вместе со всеми, ну и так далее...

Летиция, вне себя от ярости, двинулась на бабаню.

— Вы вторгались в людские умы! — взвизгнула она.

— Да как же я сумела бы, госпожа Мак-Рица? — смиренно возразила бабаня. — При стольких-то амулетах!

— Вы лжете!

Маманя Огг услышала, как ведьмы со свистом втянули воздух сквозь зубы, и громче всех — она сама. Ибо главный капитал ведьмы — ее честность.

— Я никогда не лгу, госпожа Мак-Рица.

— Значит, вы *отрицаете*, что намеренно испортили мой праздник?

Ведьмы, стоявшие с края, тихонько попятились.

— Конечно, мое варенье не каждому придется по вкусу, но я никогда... — скромненько начала бабаня.

— Вы на всех *воздействовали!*

— ...я только хотела помочь, спросите кого хотите...

— А-а, хотели! Признавайтесь! — Голос у госпожи Мак-Рицы был пронзительный, как у чайки.

— ...и, конечно, я ничего не...

От пощечины голова бабани мотнулась в сторону.

На миг все замерли, затаив дыхание.

Бабаня медленно подняла руку и потерла щеку.

— *Вы знаете, что для вас это пустяк!*

Мамане почудилось, будто истошный вопль Летиции эхом раскатился в горах.

Кубок выпал из рук председательницы и со стуком приземлился на стерню.

Тогда участницы немой сцены ожили. Две ведьмы, выступив вперед, положили руки на плечи Летиции и аккуратно оттащили ее от бабани. Летиция не сопротивлялась.

Все ждали ответного хода бабани Громс-Хмурри. Та вскинула голову.

— Надеюсь, с госпожой Мак-Рицей все в порядке, — сказала она. — Мне показалось, она немного... не в себе.

Ответом была тишина. Маманя подобрала позабытый кубок и пощелкала по нему ногтем.

— Гм, — заметила она. — Наверняка посеребренный. Неужто бедняжка отдала за него десять долларов? Грабеж средь бела дня! — Маманя перебросила кубок куме Бивис, и та ловко поймала его на лету. — Отдашь ей завтра, Бивис?

Кума кивнула, стараясь не встречаться взглядом с бабаней.

— И все-таки нельзя, чтобы это испортило нам праздник, — бодро сказала бабаня. — Давайте-ка закончим день как положено. По обычаю. Печеной картошечкой, пастилой и давнишними историями у костра. А кто старое помянет, тому глаз вон.

Маманя почувствовала, как над полем разворачивается веер внезапного облегчения. Едва чары (которых бабаня, кстати, и не думала насылать) рассеялись, ведьмы словно вновь вернулись к жизни. Спины распрямились, плечи расправились, и даже возникла небольшая толчея — всем хотелось поскорее добраться до своей седельной сумки, притороченной к помелу.

— Старый Гоппхутор отвалил мне целый мешок картошек, — похвалилась маманя, когда вокруг уже кипела оживленная беседа. — Пойду притащу. Сумеешь развести огонь, Эсме?

Внезапная перемена в атмосфере заставила ее поднять голову. Глаза бабани блестели в темноте.

Маманя, наученная горьким опытом, ничком кинулась на землю.

Рука бабани Громс-Хмурри мелькнула в воздухе словно комета. С пальцев с треском сорвалась искра.

Костер заполыхал. Синевато-белое пламя вырвалось из гущи аккуратно сложенных веток и танцуя устремилось к небу. Резкие тени превратили лес в гравюру. Пламя посрывало шляпы, перевернуло столы, соткало фигуры и замки, и сцены знаменитых сражений, и сплетенные в пожатии руки — и заплясало по кругу. Оно оставило на сетчатке глаз жгучие пурпурные отпечатки...

И унялось. И превратилось в обычный костер.

— На *забывчивость* я никогда не жаловалась, — буркнула бабаня.

На рассвете бабаня Громс-Хмурри и маманя Огг по щиколотку в тумане возвращались домой. Ночь в целом удалась.

Маманя сказала:

— Нехорошо ты с ними обошлась.

— Да я ничего такого не сделала.

— Ну вот чего не сделала, то и нехорошо. Все равно как выдернуть из-под человека стул, когда он уже садится...

— Кто не смотрит, куда садится, тому и сидеть незачем, — огрызнулась бабаня.

В листве выбил короткую дробь один из тех очень недолгих ливней, какие возникают, когда несколько отдельных капель не хотят идти в ногу со всеми.

— Ну ладно, — не стала спорить маманя. — Но обошлась ты с ними круто.

— Верно, — согласилась бабаня.

— А поразмыслить, так и гнусно.

— Мгм.

Маманю пробрала дрожь. Мысли, промелькнувшие у нее в голове в те несколько первых мгновений, когда Пьюси хлопнул...

— Я тут ни при чем, — продолжала бабаня. — Я никому не внушала *ничего* такого, чего вы уже не внушили бы себе сами.

— Прости, Эсме.

— Да ладно.

— Вот только... Летиция *не хотела* тебя с грязью мешать, Эсме. Она, конечно, злыдня, и ума не большого, и любит покомандовать, но...

— Ты ведь меня с детства помнишь, так? — перебила бабаня. — Мы ведь с тобой прошли огонь, воду и медные трубы?

— Само собой, но...

— Но ты никогда не опускалась до всяких там «я говорю вам это как друг», верно?

Маманя помотала головой. Довод был веский. Ни один дружелюбно настроенный человек так не скажет.

— А кстати, какие такие радости сулит ведьмовство? — спросила бабаня. — Слово-то какое дурацкое!

— Без понятия, — отозвалась маманя. — *Я*, если честно, подалась в ведьмы ради ухажеров.

— Думаешь, я не знаю?

— А твой какой был интерес, Эсме?

Бабаня остановилась и поглядела сперва на морозное небо, а потом вниз, на землю.

— Не знаю, — наконец призналась она. — Наверное, такой же.

То-то и оно, подумала маманя.

Возле бабаниной лачуги они спугнули оленя.

У черной двери красовалась аккуратно сложенная поленница, а на парадных ступеньках лежали два мешка. В одном была большая головка сыра.

— Похоже, тут побывали Гоппхутор с Цыппингом, — заметила маманя.

— Хм. — Бабаня поглядела на испещренный старательными каракулями листок, прикрепленный ко второму мешку: «Любезная Хозяйка Громсъ-Хмурри, буду весьма признателен, если Вы дозволите мне назвать этот самоновейший призовой Сортъ «Эсме Громсъ-Хмурри». Ваш уповающий на доброе Здравие Перси Гоппхуторъ». Так-так. Интересно, кто это его надоумил?

— И не представляю, — сказала маманя.

— Я так и думала.

Бабаня с подозрением принюхалась, развязала мешок и вытащила оттуда Эсме Громс-Хмурри.

Округлую, слегка приплюснутую с одного конца и заостренную с другого... Луковица!

Маманя Огг сглотнула.

— Я же *велела* ему не...

— Что-что?

— Так... ничего...

Бабаня Громс-Хмурри вертела луковицу в пальцах, а мир в лице мамани Огг ждал, пока вершилась его судьба. Но вот бабаня как будто пришла к решению, которое ее вполне устраивало.

— Очень нужный овощ — лук, — промолвила она наконец. — Крепкий. Злой.

— Для организма полезный, — подхватила маманя.

— Хорошо хранится. Придает вкус.

— Пикантный и распаляющий, — брякнула маманя, от громадного облегчения теряя нить рассуждений и запутываясь в эпитетах. — С сыром — пальчики оближешь...

— Не стоит заходить так далеко, — остудила ее пыл бабаня, бережно убирая луковицу в мешок. Тон был почти дружелюбный. — Не зайдешь попить чайку, Гита?

— Э... мне вообще-то пора...

— Ну ладно.

Бабаня стала затворять черный ход, но вдруг вновь приоткрыла дверь. Маманя увидела в щелку внимательный синий глаз.

— А все-таки я *была* права, — заметила бабаня. Это не был вопрос.

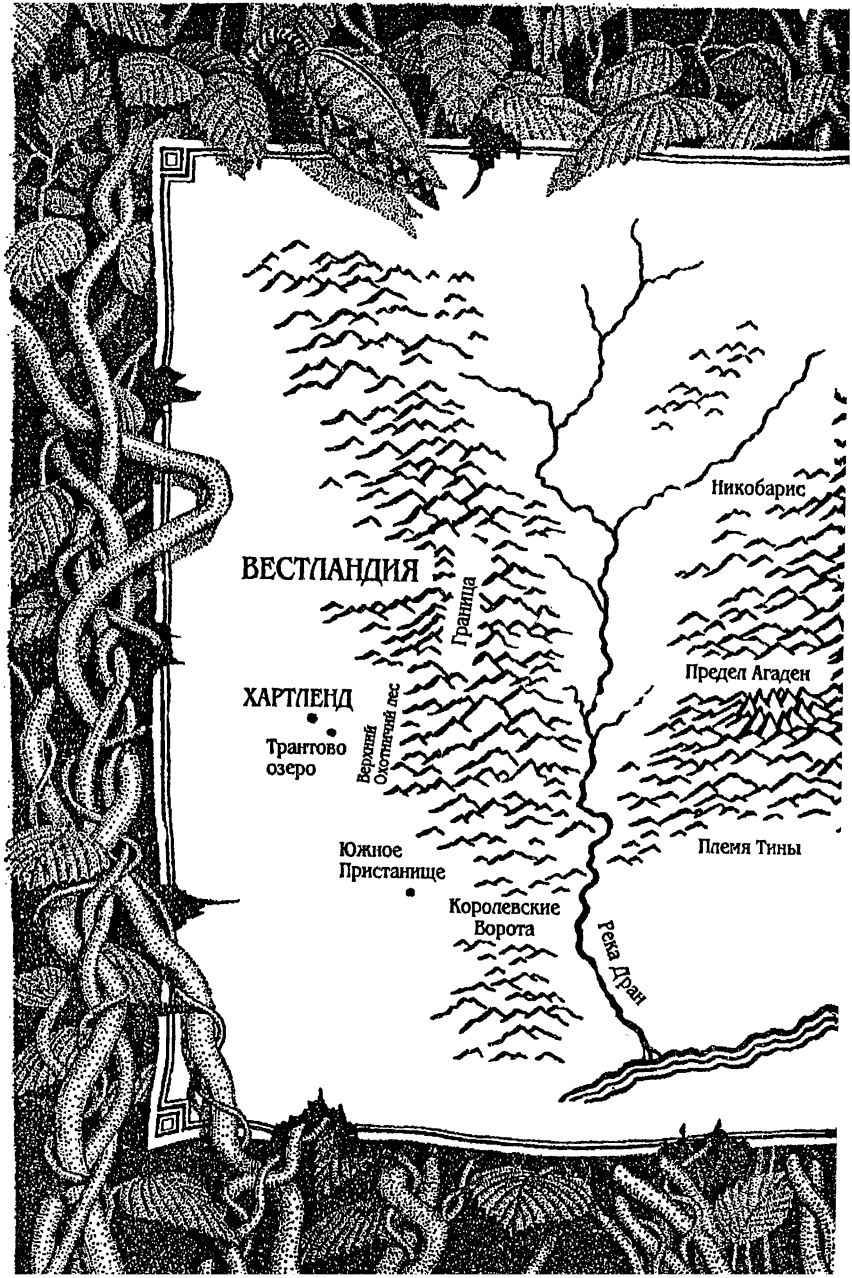
Маманя кивнула.

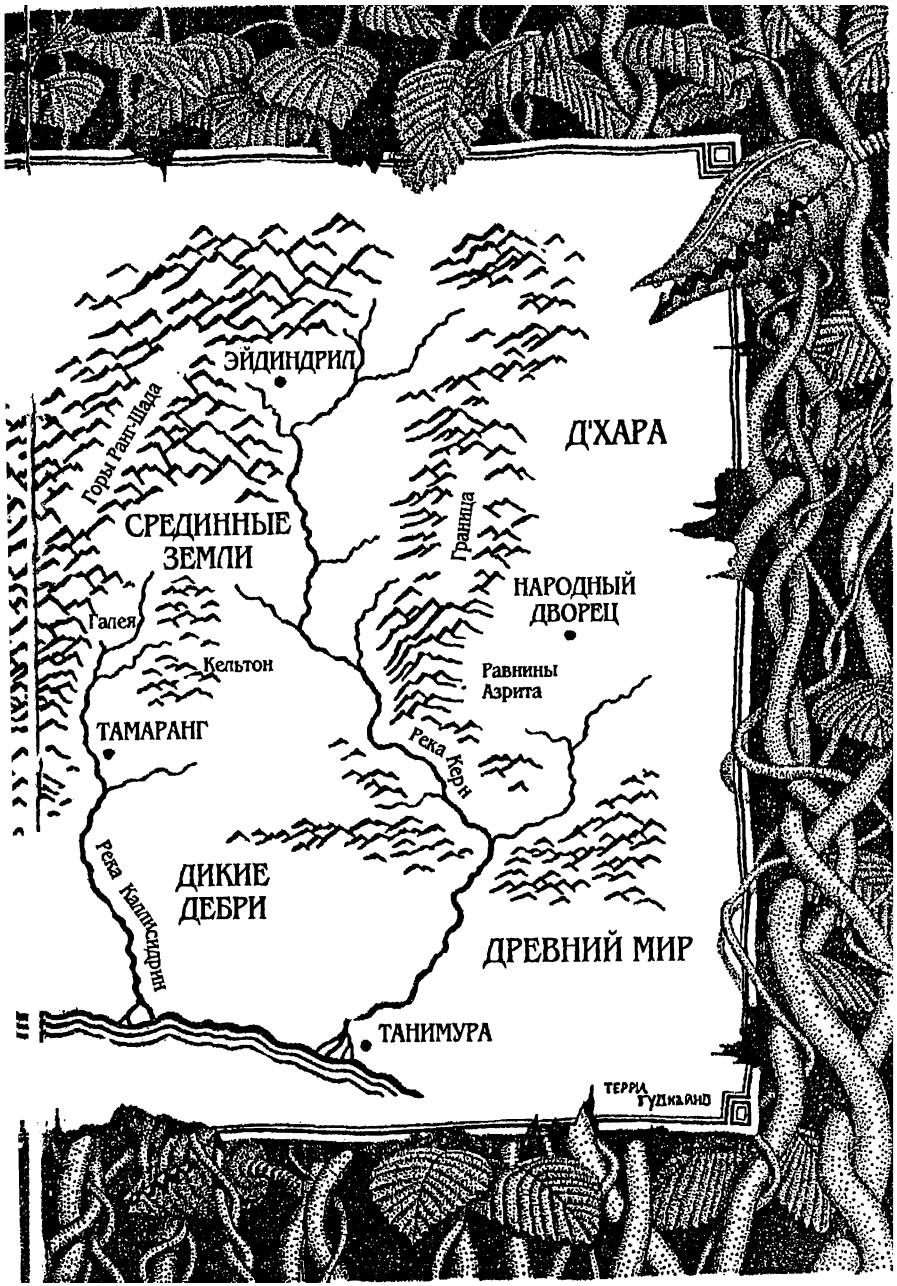
— Ага.

— Славненько!

Терри Гудкайнд

Меч Истины

ВЕСТЛАНДИЯ
Граница
ХАРТЛЕНД
Трантово
озеро
Верхний
Охотничий лес
Южное
Пристанище
Королевские
Ворота
Река Дран
Никобарис
Предел Агаден
Племя Тины

ЭЙДИНДРИЛ
Горы Ранг-Шада
СРЕДИННЫЕ ЗЕМЛИ
Галея
Кельтон
ТАМАРАНГ
Река Каппискдрин
ДИКИЕ ДЕБРИ
Д'ХАРА
Граница
НАРОДНЫЙ ДВОРЕЦ
Равнины Азрита
Река Керн
ДРЕВНИЙ МИР
ТАНИМУРА
ТЕРРА ТУДИКАНД

Terry Godkind
DEBT OF BONES
Перевод с английского О. Косовой

© Terry Godkind, 1998
© Перевод. О. Косова, 1999

«Первое Правило Волшебника» (1994)
«Камень Слез» (1995)
«Защитники паствы» (1996)
«Храм Ветров» (1997)

Терри Гудкайнд ворвался в мир фэнтези в 1994 году, когда был опубликован роман «Первое Правило Волшебника», повествующий о Ричарде Сайфере, юноше, узнавшем, что он является ключевой фигурой в борьбе со злым колдуном Даркеном Ралом, жаждущим поработить все страны и народы.

Вышедшие вслед за первым еще три романа серии вывели Терри Гудкайнда в список авторов бестселлеров.

Ричард, встретив Кэлен, очень привлекательную, но загадочную женщину, за которой гонятся убийцы, и представления не имеет, что эта встреча перевернет всю его жизнь — жизнь простого лесного проводника. Ричард помогает Кэлен встретиться с волшебником, которого та разыскивает, но, когда рушатся границы между странами, сам оказывается втянут в борьбу с Даркеном Ралом, который силой оружия и силой магии стремится завоевать и поработить Срединные Земли. У Ричарда с Кэлен остается очень мало времени, чтобы найти способ ему помешать. Ричард, который постепенно глубоко привязывается к Кэлен, начинает понемногу уяснять пути, какими зло может проникать в мир. Став обладателем главного в этой борьбе оружия — Меча Истины, — Ричард узнает, что ставки в этой борьбе гораздо выше, чем просто жизнь или смерть, и что в выборе между добром и злом людьми зачастую руководят равнодушие, невежество и жадность.

Во втором романе серии «Камень Слез» Ричард учится управлять своим волшебным даром, но обнаруживает, что эти попытки угрожают его жизни. Чтобы спасти Ричарда, Кэлен в отчаянии отсылает его с сестрами Света, которые обещают научить его управлять даром. Сестры увозят Ричарда во Дворец Пророков, расположенный в Древнем мире, отделенном от Нового Долиной Заблудших. Кэлен в это время предпринимает полное опасностей путешествие, чтобы отыс-

кать их друга и учителя Зедда, Волшебника Первого Ранга. Во время путешествия она обнаруживает, что жители одного из городов Срединных Земель вырезаны войсками Имперского Ордена, и создает из горстки новобранцев ядро будущей армии, способной не только остановить нашествие, но и отомстить Ордену за Эбиниссию. Среди же учителей Ричарда во Дворце Пророков оказались некоторые из тех сестер, что присягнули Владетелю Подземного мира. Сестры Тьмы намеревались использовать Ричарда в своих целях. Ричард уже и так невольно помог им в этом, использовав свой волшебный дар и разорвав завесу, отделявшую царство мертвых от мира живых. Единственная надежда Ричарда спасти мир живых — найти Камень Слез, но для этого ему необходимо одолеть сестер Тьмы и покинуть Дворец Пророков.

В третьем романе — «Защитники Паствы» — глава Имперского Ордена жаждет захватить Срединные Земли и искоренить магию во всем мире. Император, сам владеющий магией сноходца, захватывает сестер Тьмы и использует их против Ричарда с Кэлен, пока люди, именующие себя Защитниками Паствы, затевают собственный захватнический поход на Срединные Земли. Ричард должен объединить разобщенные страны, иначе Имперский Орден лавиной зальет мир, и последние огоньки свободы погаснут навеки.

В романе «Храм Ветров» император Джеган подсылает к Ричарду убийцу и одновременно насылает на Срединные Земли чуму. Ричард и Кэлен отчаянно ищут способ остановить эпидемию. Для этого им нужно отыскать Храм Ветров и решить, согласны ли они заплатить ужасную цену за возможность войти в этот храм.

Нижеследующая история произошла задолго до событий, описанных в «Первом Правиле Волшебника».

Долги предков

— Что у тебя в котомке, милочка?

Эбби смотрела, как вдалеке парит лебединая стая. Белые грациозные птицы кружились над освещенными заходящим солнцем парапетами, бастионами, башнями и мостами замка и яркими пятнами выделялись на фоне его темных стен. Весь день Эбби вместе с другими просителями прождала у моста, и ей постоянно казалось, что Замок неотрывно следит за ней мрачными провалами бойниц. Она повернулась к сгорбленной старухе, которая остановилась рядом.

— Простите, вы что-то спросили?

— Я спросила, что у тебя в котомке. — Сгорая от любопытства, старуха наклонилась вперед и высунула наружу кончик языка. — Драгоценности?

Эбби крепче прижала к груди джутовую котомку и слегка отодвинулась.

— Просто кое-какие мои вещи.

Из-под тяжелой решетки огромных ворот вышел офицер в сопровождении помощников, советников и охранников. Толпа просителей раздалась в стороны, хотя дорога и без того была свободной. Офицер прошествовал мимо, мрачно глядя перед собой, и, казалось, даже не заметил, что стражники у моста отдали ему честь.

Весь день по мосту сновали солдаты из разных стран Срединных Земель и гвардейцы Внутренней Гвардии города Эйдиндрила, расположенного внизу. У многих солдат мундиры были в грязи и в крови: они приехали сюда прямо с поля сражения. Эбби увидела двух офицеров со своей родины, из Пендисан Рич. Они выглядели почти мальчиками — но мальчиками, повзрослевшими до поры, слишком рано

расставшимися с иллюзиями молодости и уже получившими в душе незаживающие шрамы.

А еще Эбби видела множество людей, занимающих в Срединных Землях высокое положение: колдуний, советников, и даже Исповедницу, которая пришла в Замок из дворца Исповедниц в Эйдиндриле. Поднимаясь к Замку, Эбби с каждого поворота дороги любовалась беломраморным великолепием дворца Исповедниц. Там жили Исповедницы и заседал Совет Срединных Земель во главе с самой Матерью-Исповедницей.

За всю предыдущую жизнь Эбби лишь один раз довелось видеть Исповедницу, когда та приходила к ее матери. Эбби, которой в ту пору было всего десять лет, не могла глаз оторвать от длинных волос Исповдницы. В крошечном городке Конни Кроссинг, где они жили, ни одна женщина, за исключением матери Эбби, не занимала достаточно высокого положения, чтобы носить волосы хотя бы до плеч. У самой Эбби густые темно-каштановые волосы лишь едва прикрывали уши.

По пути через Эйдиндрил ей стоило огромных усилий не пялиться на аристократок с волосами до плеч и даже длиннее, но у Исповедницы, облаченной в традиционное черное атласное платье, волосы спускались чуть ли не до пояса.

Эбби очень хотелось рассмотреть ее получше, но, как и все просители, она опустилась на колено и, как и все, боялась поднять голову, чтобы не встретиться взглядом с Исповедницей. Поговаривали, что тот, кто встретится взглядом с Исповедницей, если повезет, лишится разума, а если нет — души. Правда, мать всегда говорила Эбби, что это пустые россказни, но Эбби, особенно в этот день, не хотела рисковать и на собственном опыте проверять достоверность этих слухов.

Старуха в темной шали и в окрашенной хной верхней юбке поверх полосатых нижних проводила глазами проходивших солдат и наклонилась поближе к Эбби.

— Лучше бы ты принесла мощи, милочка. Я слыхала, что внизу, в городе, продают как раз такие, которые тебе нужны. И по сходной цене. Волшебники не берут сало за свои услуги. Сала у них и так хватает. — Она огляделась, не прислушивается ли кто к их разговору. — Продай-ка свои

вещички, и, может быть, вырученных денег хватит на мощи. Волшебникам ни к чему подношения деревенских девчонок. Добиться от них услуги нелегко. — Старуха посмотрела на солдат, которые уже достигли дальнего конца моста. — Похоже, даже тем, кто согласен на их условия.

— Я просто хочу поговорить с волшебником, только и всего.

— Судя по тому, что я тут слышала, сало не поможет тебе добиться и этого. — Эбби непроизвольно протянула руку, чтобы прикрыть гладкий круглый предмет в котомке, и старуха, заметив это, хихикнула. — И кувшин, который ты сделала своими руками, тоже. У тебя ведь в котомке кувшин, верно ведь, милочка? — Ее карие глаза, окруженные глубокими морщинами, глянули на Эбби с неожиданной проницательностью. — Да?

— Да, — ответила Эбби. — Кувшин, который я сама сделала.

Старуха насмешливо хмыкнула и спрятала под шерстяной платок выбившуюся седую прядь. Потом схватила скрюченными пальцами Эбби за рукав алого платья и приподняла ее руку повыше.

— Может, за этот браслет тебе дадут достаточно денег, чтобы хватило на мощи.

Эбби посмотрела на браслет в виде двух переплетенных колец.

— Мне дала его моя мать. И он представляет ценность лишь для меня.

Обветренные губы старухи раздвинулись в медленной улыбке.

— Духи считают, что нет силы мощнее, чем желание матери защитить свое дитя.

Эбби осторожно высвободила руку.

— И духи знают, что это чистая правда.

Эбби стало неуютно под изучающим взглядом старухи, и она отвела глаза. Если смотреть вниз, в провал под мостом, у нее кружилась голова, а на замок Волшебника она глядеть опасалась. Поэтому Эбби притворилась, будто ее внезапно заинтересовал кто-то в толпе просителей, большую часть которых составляли мужчины, и, отвернувшись, принялась

грызть остатки хлеба, который утром купила в Эйдиндриле на рынке.

Эбби чувствовала себя неловко среди толпы. За всю свою жизнь она не видела столько людей, да еще к тому же еще и чужих. В Конни Кроссинге она знала каждого. Ее пугал Эйдиндрил, ее пугал замок Волшебника, но еще страшнее была та причина, которая заставила ее прийти сюда.

Эбби очень хотелось домой. Но она понимала, что, если не сделает того, зачем пришла, дома у нее уже никогда не будет. Во всяком случае, не будет того, ради чего стоило бы туда возвращаться.

Раздался стук подков, и все просители дружно повернулись к воротам. Из замка выехал отряд всадников на больших гнедых и вороных конях. Таких огромных коней Эбби отродясь не видала. Всадники, облаченные в сверкающие панцири и вооруженные пиками, пришпорили коней и, взметая клубы пыли, промчались по мосту. Сандарийские уланы, судя по описаниям, которые Эбби доводилось слышать. Трудно представить себе врага, у которого хватило бы мужества противостоять таким воинам.

У Эбби сжалось сердце. Она вдруг сообразила, что нет необходимости прибегать к воображению, чтобы представить такого врага, и нет смысла возлагать надежду на этих уланов. Ее единственной надеждой был волшебник, и чем дольше она торчала здесь, у входа в замок, эта надежда все больше таяла. Но ничего другого, кроме как ждать, ей не оставалось.

Эбби снова повернулась к замку — как раз вовремя, чтобы увидеть стройную женщину в простом платье, которая вышла к мосту. У нее была очень светлая кожа и разделенные пробором прямые черные волосы до плеч. Все разговоры в толпе сразу утихли. Четверо часовых у моста расступились, давая женщине дорогу.

— Колдунья! — прошептала Эбби старуха.

Эта подсказка была излишней. Простое льняное платье, украшенное по вороту желто-красной вышивкой в виде древних символов, было Эбби отлично знакомо. Она помнила, как в детстве, сидя на коленях у матери, она трогала пальчиками такую же вышивку, как на платье у этой женщины.

Колдунья слегка поклонилась ожидающим людям и улыбнулась.

— Пожалуйста, простите, что мы заставили вас ждать целый день. Это не в наших обычаях и отнюдь не проявление неуважения к вам. Но идет война, и такого рода предосторожности, к сожалению, неизбежны. Мы надеемся, что никто из вас не воспримет эту задержку как оскорбление.

Толпа дружно забормотала, что, конечно же, нет. Эбби и не сомневалась, что ни у кого не хватит духу заявить обратное.

— Как идет война? — поинтересовался мужчина, стоящий неподалеку от Эбби.

Ясный взгляд колдуньи обратился к нему.

— С помощью добрых духов она скоро закончится.

— Да будет гибель Д'Хары угодна добрым духам! — вознес молитву мужчина.

Колдунья молча обвела взглядом лица просителей, желая выяснить, не хочет ли еще кто-нибудь что-то сказать или спросить. Желающих не нашлось.

— Пожалуйста, идите за мной. Заседание Совета закончилось, и двое волшебников примут каждого из вас.

Едва колдунья повернулась и двинулась обратно в замок, как трое мужчин из толпы протолкались вперед и встали перед старухой. Она схватила одного из них за рукав камзола.

— Да кто ты такой, чтобы лезть вперед меня, когда я простояла здесь с самого утра?

Мужчина, облаченный в дорогой пурпурный камзол, с расшитыми золотом рукавами, был, видимо, каким-то аристократом, а двое других — его советниками или телохранителями.

— Но ты ведь не возражаешь? — Он выразительно взглянул на старуху.

Эбби это даже не показалось вопросом.

Старуха убрала руку и замолчала, а аристократ перевел взгляд на Эбби. В его глубоко посаженных глазах сверкал вызов. Эбби проглотила комок в горле и не проронила ни слова. У нее тоже не было возражений. Во всяком случае, таких, которые хотелось бы произнести вслух. Она не могла позволить себе рисковать, особенно сейчас, когда цель была так близка.

Внезапно Эбби почувствовала покалывание, исходящее от браслета. Она не глядя обхватила запястье пальцами. Браслет оказался теплым. Такого с ним не случалось ни разу с тех пор, как умерла мать, но здесь вокруг была магия, и Эбби не очень этому удивилась. Толпа двинулась вслед за колдуньей.

— Злые они, — прошептала старуха через плечо. — Злые, как зимняя ночь, и такие же холодные.

— Эти мужчины? — тоже шепотом спросила Эбби.

— Нет. Колдуньи. — Старуха покачала головой. — И волшебники тоже. Вот кто. Все, кто родился с волшебным даром. И лучше бы у тебя в котомке было бы что-то ценное, не то волшебники обратят тебя в пыль только потому, что твое подношение им не понравится.

Эбби крепче прижала к себе котомку. Самым дурным поступком, который ее мать совершила за всю свою жизнь, было то, что она умерла до рождения внучки.

Эбби проглотила слезы и мысленно взмолилась добрым духам, чтобы старуха оказалась не права в отношении волшебников, чтобы те были такими же добрыми, как колдуньи, и помогли ей. И еще она молилась, чтобы добрые духи поняли и простили ее.

Колдунья, трое мужчин, старуха, Эбби, а за ними и все остальные прошли под решеткой высоких ворот. Оказавшись по другую сторону толстых стен замка, Эбби с удивлением обнаружила, что, несмотря на холодный осенний день, во дворе замка воздух по-весеннему теплый и ароматный.

В замок вел единственный путь: по серпантину дороги, через каменный мост над пропастью, и дальше — в ворота с подъемной решеткой. Добраться сюда иным способом могли только птицы — по воздуху.

Хотя внутри замка было тепло, Эбби все равно дрожала всем телом, как на морозе. Это место нагоняло на нее страх и тоску. Она постепенно начинала склоняться к мысли, что старуха была права насчет волшебников. Жизнь в Конни Кроссинге была простой и протекала вдали от магии. Эбби никогда не видела волшебников и не знала никого, кто с ними встречался, — за исключением своей матери. А мать никогда не рассказывала о них ничего, кроме того, что, имея

дело с волшебниками, нужно держать ухо востро и не доверять даже тому, что видишь собственными глазами.

Вслед за колдуньей толпа поднялась по четырем гранитным ступеням, стертым за многие сотни лет множеством ног, и через дверь под портиком из черного мрамора вошла непосредственно в замок. Колдунья подняла руку и коснулась чего-то, невидимого в темноте. Лампы вдоль стен вспыхнули одна за другой.

Это была самая простейшая магия — не слишком впечатляющая демонстрация дара — но по толпе сразу пополз тревожный шепоток. Эбби подумала, что если эти люди испугались такой малости, то они, пожалуй, зря решили беспокоить волшебников.

Зал, по которому они шли, поражал своими размерами. Колонны из красного мрамора уходили далеко вверх, арочный потолок терялся в вышине, многоярусные балконы на таком расстоянии казались крошечными. Посередине зала находился фонтан. Вода била на три человеческих роста и каскадом стекала по чашам в виде ажурных раковин. Офицеры и колдуньи сидели на белых мраморных скамьях и о чем-то переговаривались, но шум фонтана заглушал голоса.

Колдунья привела просителей в гораздо меньшее по размерам помещение и жестом предложила всем садиться на дубовые скамьи, стоящие вдоль стены. Эбби устала до смерти и была счастлива, что может наконец сесть.

Солнечный свет из окон падал на три гобелена, висящих на противоположной стене. Гобелены занимали почти всю стену и изображали какое-то торжественное шествие. Гобелены были очень красивы, но Эбби, снедаемая своими страхами и тревогами, почти не замечала их красоты.

На полу из светлого мрамора медью был выложен круг. В круг был вписан квадрат, а в этот квадрат — еще один круг. Внутри центрального круга была изображена восьмиконечная звезда, от которой расходились лучи, пересекая оба круга и квадрат.

Этот символ назывался Благодатью; его часто рисовали те, кто владел магией. Внешний круг символизировал начало бесконечности мира духов, лежащего за его пределами, квадрат — границы, отделяющие мир духов — Подземный мир, мир смерти — от внутреннего круга, обозначающего

границы мира живых. А звезда в центре символизировала Свет — то есть Создателя.

Благодать представляла собой наглядное изображение протяженности волшебного дара: от Создателя через жизнь в смерть, за границы вечности, в царство Владетеля. Но этот символ отражал и надежду — надежду человека пребывать в Свете Создателя не только в течение жизни, но и после нее, в Подземном мире.

Говорили, что только духам тех, кто при жизни совершил величайшее злодеяние, будет после смерти отказано в Свете Создателя. Эбби знала, что ей уготована именно эта участь. Но знала также, что у нее нет выбора.

Колдунья сложила руки на груди.

— За каждым из вас придет сопровождающий. Каждого из вас примет волшебник. Но бушует война; будьте краткими. — Она обвела взглядом сидящих людей. — Принимая просителей, волшебники выполняют долг чести тем, кому мы служим, но пожалуйста, постарайтесь понять, что личные нужды порой идут вразрез с общим благом. Даже в мирное время волшебники редко удовлетворяют мелкие нужды просителей. А в военное время, как сейчас, этого почти не бывает. Прошу вас, поймите, что отказ в просьбе является не следствием нежелания помочь кому-то лично, а основывается на понимании того, что есть более важные и необходимые вещи, которые должны быть сделаны.

Она еще раз оглядела просителей, но никто не выразил желания встать и уйти. Эбби, во всяком случае, уж никак не собиралась этого делать.

— Что ж, хорошо. Итак, двое волшебников согласились уделить вам время. Они поговорят с каждым.

Колдунья повернулась, чтобы уйти, но Эбби поднялась и остановила ее:

— Простите, госпожа, можно мне сказать?

Колдунья бросила на нее холодный взгляд.

— Говори.

Эбби шагнула вперед.

— Мне необходимо видеть лично Волшебника Первого Ранга. Волшебника Зорандера.

Колдунья выгнула бровь.

— Первый Волшебник — очень занятой человек.

Эбби пошарила в котомке и достала шейную ленту с платья матери. Ступив в центр Благодати, она поцеловала желто-красную вышивку ленты.

— Я Абигайль, дочь Хельзы. Во имя Благодати и души моей матери прошу дать мне возможность увидеть волшебника Зорандера. Пожалуйста. Я не ради собственного каприза проделала столь долгий путь. От этого зависит жизнь многих людей.

Колдунья молча смотрела, как Эбби убирает ленту обратно в котомку.

— Абигайль, дочь Хельзы, — повторила она. Ее глаза встретились с глазами Эбби. — Я передам твои слова Первому Волшебнику.

— Госпожа, мне бы тоже хотелось поговорить с Волшебником Первого Ранга.

Эбби обернулась и увидела, что старуха тоже встала.

Встали и трое мужчин. Старший окинул колдунью вызывающим взглядом.

— Я встречусь с волшебником Зорандером.

Колдунья посмотрела на него, потом — на остальных просителей.

— Волшебник Первого Ранга завоевал себе прозвище «ветер смерти». И многие из нас боятся его не меньше, чем наши враги. Есть ли еще желающие испытать судьбу?

Ни у кого не хватило мужества встретиться с ее грозным взглядом. Все отрицательно покачали головами.

— Будьте добры подождать, — сказала колдунья. — Вскоре за вами придут и отведут к волшебнику. — Она еще раз внимательно оглядела Эбби, старуху и троих аристократов. — Вы абсолютно уверены, что вам необходимо встретиться именно с Волшебником Первого Ранга?

Эбби кивнула, старуха тоже. Мужчины смотрели в упор на колдунью.

— Значит, быть по сему. Следуйте за мной.

Аристократ и его сопровождающие встали впереди Эбби. Старуха, казалось, была вполне довольна тем, что оказалась в хвосте. Колдунья повела их в глубину замка по коридорам и залам. Одни коридоры были темными и узкими, другие — ярко освещенными и пышными. Повсюду Эбби видела сол-

дат Внутренней Гвардии в красных, отороченных черным мундирах, надетых поверх доспехов и в полном вооружении.

Поднявшись вслед за колдуньей по широкой беломраморной лестнице, Эбби оказалась в большой приемной, отделанной дубовыми панелями. На панелях висели лампы с серебряными отражателями. На треножнике стояла двойная стеклянная лампа в виде чаши. Ее яркий свет смешивался с мягким светом настенных ламп. Пол был укрыт толстым синим ковром.

Двойные двери, ведущие в зал, охраняли два могучих гвардейца. Колдунья кивком указала на мягкие кожаные кресла, стоящие у стены. Эбби подождала, пока не рассядутся остальные, и уселась отдельно. Котомку она положила на колени и прикрыла ее руками.

Колдунья расправила плечи.

— Я сообщу Первому Волшебнику, что его ждут просители.

Один из гвардейцев распахнул перед ней двери. Колдунья быстро прошла в них, но Эбби успела мельком заметить, что находилось внутри: огромный светлый зал, залитый солнечным светом, голые каменные стены со множеством дверей и невероятное количество людей, мужчин и женщин, снующих туда-сюда.

Когда дверь за колдуньей закрылась, Эбби отвернулась в сторону и погладила котомку на коленях. Она не боялась, что мужчины заговорят с ней, но старуха опять могла привязаться с беседами, а это ей было совсем ни к чему. Эбби не хотела ни на что отвлекаться. Она мысленно проговаривала то, что скажет волшебнику Зорандеру.

Во всяком случае, пыталась проговорить. Ей не давали покоя слова колдуньи о том, что Волшебника Первого Ранга называют «ветром смерти» не только д'харианцы, но и жители Срединных Земель. Эбби знала, что это не выдумка, чтобы отпугнуть просителей от занятого человека. Эбби своими ушами слышала, как люди, перешептываясь о Первом Волшебнике, называют его «ветром смерти». И произносят эти два слова с ужасом.

У Д'Хары были все основания бояться этого человека; Эбби слышала, что он уничтожил бессчетное количество д'харианских воинов. Конечно, если бы д'харианцы не вторг-

лись в Срединные Земли, им бы не пришлось испытать на себе опаляющий жар ветра смерти.

Если бы они не вторглись сюда, Эбби не сидела бы сейчас в замке Волшебника. Она была бы дома, и всем, кто ей дорог, ничто бы не угрожало.

Эбби снова почувствовала странное покалывание и опять непроизвольно коснулась браслета. Теплый. И это неудивительно, раз где-то рядом столь могущественный волшебник. Мать в свое время велела Эбби никогда его не снимать и сказала, что в один прекрасный день он ей пригодится. Эбби не знала, каким образом браслет может ей пригодиться, а мать умерла, не успев ничего объяснить.

Все знали, что колдуньи обожают таинственность и тщательно оберегают свои секреты даже от собственных детей. Быть может, если у Эбби от рождения был бы волшебный дар...

Она украдкой бросила взгляд на других. Старуха, свободно откинувшись в кресле, не сводила глаз с двери. Телохранители аристократа невозмутимо осматривали приемную.

А вот сам аристократ вел себя странно. На его пальце была намотана прядь светлых волос и он, поглаживая этот локон, неотрывно смотрел на дверь.

Эбби хотелось, чтобы волшебник побыстрей ее принял, но время тянулось невыносимо медленно. Внезапно она поймала себя на том, что в глубине души желает, чтобы он ей отказал, и тут же одернула себя. Нет, это совершенно невозможно. Не важно, что она боится, не важно, что ей это противно, — она должна это сделать. Неожиданно дверь внезапно распахнулась. Из зала вышла колдунья и направилась к Эбби.

Аристократ немедленно вскочил.

— Я пойду первым! — В голосе его звучала ледяная угроза. — Это не просьба.

— Это наше право — идти первыми! — не задумываясь, возразила Эбби. Колдунья выжидательно скрестила руки на груди, и Эбби решила, что надо объяснить. — Я жду с самого рассвета. Эта женщина — единственная, кто был передо мной. А эти мужчины пришли в конце дня.

Она двинулась вперед, но скрюченные пальцы старухи вцепились ей в рукав.

Почему бы нам не пропустить этих господ вперед, милочка? Не важно, кто пришел первым, важно, у кого более серьезное дело.

Эбби хотелось крикнуть, что ее дело очень серьезное, но вовремя сообразила, что старуха, вероятно, пытается уберечь ее от больших неприятностей. Она неохотно кивнула колдунье. Та повела мужчин в зал; Эбби смотрела им вслед и, чувствуя, как глаза старухи буравят ей спину, повторяла себе, что осталось уже недолго, что мужчины скоро выйдут и тогда волшебник примет ее.

Пока они ждали, старуха молчала, и Эбби была ей за это благодарна. Она изредка поглядывала на дверь и молила добрых духов о помощи. Но она понимала, что ее молитвы тщетны. В таком деле добрые духи ни за что помогать не станут.

Из-за дверей донесся странный звук. Он был похож на свист стрелы или бича, только громче и резче. Потом раздался треск, и из щелей по контуру створок вырвался яркий свет. Дверные петли жалобно заскрипели.

Когда звук оборвался, от внезапной тишины у Эбби зазвенело в ушах. Немного опомнившись, она обнаружила, что сидит, судорожно вцепившись в подлокотники кресла.

Двери распахнулись. Из зала вышли телохранители аристократа и колдунья. Все трое остановились в приемной. Эбби ахнула и едва не задохнулась.

Один из телохранителей нес на согнутой руке голову своего господина. На мертвом лице застыл ужас, рот был раскрыт в немом крике. На ковер капала кровь.

— Выброси их вон, — прошипела сквозь зубы колдунья одному из гвардейцев.

Стражник копьем указал телохранителям на лестницу и пошел за ними следом, подталкивая их в спину наконечником. На белые мраморные ступени падали алые капли. Эбби сидела, не в силах пошевелиться.

Старуха медленно поднялась с кресла.

— Пожалуй, сегодня я не стану беспокоить Волшебника Первого Ранга. Приду в другой раз, если понадобится. — Она наклонилась к Эбби. — Меня зовут Мариска. Пусть добрые духи даруют тебе удачу. — Она на мгновение нахмурилась и медленно пошла вниз, держась за мраморные перила. Колдунья щелкнула пальцами, и второй гвардеец

заторопился вслед за старухой, чтобы ее проводить. Колдунья повернулась к Эбби.

Волшебник Первого Ранга ждет тебя.

Эбби, хватая ртом воздух, неловко поднялась с кресла.

Что произошло? Почему Первый Волшебник так поступил?

— Этот человек пришел по поручению другого человека, чтобы задать вопрос Первому Волшебнику. Волшебник Первого Ранга дал свой ответ.

Эбби прижала к груди котомку. Она не могла оторвать глаз от кровавых пятен на полу.

— И на мой вопрос он может дать такой же ответ?

— Я не знаю, о чем ты собираешься спрашивать. — Впервые за все это время выражение лица колдуньи немного смягчилось. — Если хочешь, я провожу тебя вниз. Ты можешь поговорить с другим волшебником или еще раз обдумать свою просьбу и прийти в другой день, если все же сочтешь, что это необходимо.

Эбби проглотила слезы отчаяния. Выбора у нее нет. Она покачала головой.

— Я должна его увидеть.

Колдунья глубоко вздохнула.

— Ну хорошо. — Она взяла Эбби под руку, словно хотела поддержать девушку. — Волшебник Первого Ранга ждет тебя.

Эбби, по-прежнему прижимая к груди котомку, вошла в зал. Факелы в железных подставках еще не горели. Предвечернее солнце стояло достаточно высоко и хорошо освещало зал сквозь большие застекленные окна. Пахло смолой, лампадным маслом, жареным мясом, сырым камнем и застоялым потом.

В зале царила суета и гам. Повсюду сновали люди, и все, казалось, говорили одновременно. Столы, стоящие по всей комнате, были завалены книгами, свитками, картами, уставлены погасшими лампами, горящими свечами и тарелками с недоеденным мясом. Эбби заметила множество непонятных и странных предметов, начиная от мотков ниток и кончая полупустыми мешками с песком. У столов толпились люди; одни мирно беседовали, другие ожесточенно

спорили; кто-то листал книги, кто-то просматривал свитки, кто-то переставлял на картах флажки.

Колдунья, по-прежнему держа Эбби под руку, наклонилась к ней.

— Разговаривая с тобой, Волшебник Первого Ранга будет в то же время беседовать с другими людьми. Пусть тебя это не смущает. Просто не обращай на это внимания и говори то, что хочешь сказать. Он тебя услышит.

— Услышит, разговаривая с другими? — недоверчиво переспросила Эбби.

— Да. — Она почувствовала, что колдунья слегка сжала ей руку. — Постарайся говорить спокойно и не думать о том, что произошло с предыдущими просителями.

То есть об убийстве. Вот что имеет в виду колдунья. Не думать о том, что мужчина пришел задать вопрос Первому Волшебнику и за это его убили. Значит, она просто-напросто должна выбросить это из головы? Посмотрев под ноги, Эбби увидела, что идет по кровавой дорожке. Обезглавленного тела нигде не было видно.

Кожу на запястье снова стало покалывать, и Эбби погладила теплый браслет. Колдунья остановилась. Подняв голову, Эбби увидела перед собой толпу людей. Кто-то подходил, кто-то, наоборот, отходил. Одни, оживленно размахивая руками, что-то громко доказывали, другие говорили едва ли не шепотом. Стоял такой галдеж, что Эбби не могла разобрать ни слова. У нее было полное впечатление, что она видит перед собой человеческий улей.

Внезапно ее внимание привлекла стоящая сбоку женщина в белом платье. Увидев длинные волосы и встретив взгляд фиалковых глаз, Эбби на мгновение застыла, а потом, сдавленно вскрикнув, упала на колени и против собственной воли склонилась в глубоком поклоне. Она вся дрожала от страха.

Белое платье женщины было такого же покроя и с таким же вырезом, как черные платья, знакомые всем. Длинные волосы говорили сами за себя. Эбби никогда прежде не видела этой женщины, но точно знала, кто она такая. Ее нельзя было спутать ни с кем. Только одна из всех Исповедниц носит атласное белое платье.

Сама Мать-Исповедница.

Эбби слышала голоса над собой, но боялась вслушиваться, опасаясь услышать смертный приговор.

— Встань, дитя мое, — раздался ясный голос.

Эбби узнала традиционное обращение Матери-Исповедницы к своим подданным. И не сразу сообразила, что это не угроза, а просто приветствие. Эбби уставилась на кровавую лужу на полу, не зная, что делать дальше. Мать не учила ее, как надо себя вести при встрече с Матерью-Исповедницей. Никто из жителей Конни Кроссинга ни разу не только не разговаривал с Матерью-Исповедницей, но даже не видел ее. Впрочем, никто из них и волшебников тоже ни разу не видал.

— Встань! — сердито прошептала над ее головой колдунья.

Эбби поднялась с колен, но не отрывала взгляда от пола, хотя вид крови вызывал у нее тошноту. Она чувствовала ее запах — так же, бывало, пахло, когда дома резали свинью. Судя по длинной кровавой полосе, тело вытащили из зала через дверь в дальней стене.

Не обращая внимания на общий гомон, колдунья спокойно заговорила:

— Волшебник Зорандер, это Абигайль, дочь Хельзы. Она хочет с тобой говорить. Абигайль, это Волшебник Первого Ранга Зеддикус Зу'л Зорандер.

Эбби несмело подняла голову. И увидела глядящие на нее ореховые глаза.

Вокруг толпились люди: офицеры, среди которых, наверное, были и генералы. Старики в длинных балахонах, одни — в простых, другие — в расшитых. Мужчины в дорогих кафтанах. Три колдуньи. И Мать-Исповедница.

Спокойно стоящий посреди этого хаоса мужчина с ореховыми глазами ничуть не был похож на человека, которого Эбби ожидала увидеть. Она думала, что увидит ворчливого седого старца. А этот волшебник был молод. Возможно, даже не старше ее самой. Худой, но жилистый, в простом балахоне из ткани едва ли лучшего качества, чем дерюжка, из которой была сшита котомка Эбби. Признак его высокого ранга.

Эбби никак не ожидала, что Волшебник Первого Ранга окажется таким. Она вспомнила, что говорила ей мать: когда дело касается волшебников, даже собственным глазам верить нельзя.

Люди вокруг что-то ему говорили, спорили с ним, кто-то даже кричал, но волшебник молча смотрел на Эбби. У него было довольно приятное лицо, на вид даже доброе, несмотря на густые лохматые брови, только глаза... Эбби никогда не видела таких глаз. Казалось, они все видят и замечают, знают все и все понимают. В то же время они были воспаленными и припухшими, словно он не спал уже много суток. И еще в них была затаенная боль. И все же он сохранял полное спокойствие посреди царящего вокруг хаоса, и пока его внимание было сосредоточено на Эбби, девушке казалось, что, кроме них двоих, в зале никого нет.

Светлый локон, который Эбби видела на пальце того аристократа, теперь был обернут вокруг пальца волшебника. Он провел им по губам.

— Мне сказали, что ты дочь колдуньи. — На фоне окружающего шума его голос казался спокойным журчанием ручья. — У тебя тоже есть дар, дитя?

— Нет, господин...

Пока она отвечала, волшебник повернулся к офицеру.

— Я же говорил, что если вы это сделаете, то мы рискуем их потерять. Передайте — я хочу, чтобы он шел на юг.

Офицер всплеснул руками.

— Но его разведчики доносят, что д'харианцы движутся от него к востоку.

— Это не важно, — ответил волшебник. — Главное — перекрыть дороги на юг. Именно туда движутся их основные силы. Среди них есть владеющие магией. Прежде всего нужно уничтожить их.

Офицер прижал кулак к груди, а волшебник тем временем повернулся к пожилой колдунье.

— Да, правильно, сначала — три заклинания. Прошлой ночью я нашел точные указания.

Колдунья отошла, и ее место тут же занял мужчина, который забормотал что-то на иностранном языке, одновременно разворачивая свиток и протягивая его волшебнику. Тот пробежал свиток глазами, потом отдал какой-то приказ на том же языке, и мужчина ушел.

— Значит, ты — пропущенное звено? — спросил волшебник у Эбби.

Она покраснела.

— Да, волшебник Зорандер.

— Тут нечего стыдиться, дитя, — ответил он, пока Мать-Исповедница что-то шептала ему на ухо.

Но Эбби все равно было стыдно. Волшебный дар не перешел к ней от матери. Пропустил ее.

Жители Конни Кроссинга зависели от матери Эбби. Она помогала больным и немощным. Давала советы по делам управления городом и улаживала семейные неурядицы. Иногда помогала утроить счастливый брак. Учила некоторых умуразуму. Она была колдуньей. Владела магией. Защищала жителей Конни Кроссинга.

Многие открыто ей поклонялись. А кое-кто боялся и тайно ненавидел ее.

Хельзу уважали за то, что она делала для людей. А боялись ее потому, что она обладала волшебным даром, владела магией. Некоторые люди ненавидят магию и больше всего на свете хотят быть от нее подальше.

Эбби магией не владела и не могла лечить болезни и раны. Ей очень этого хотелось, но она не могла. Когда Эбби как-то спросила у матери, почему она не обращает внимания на неблагодарность некоторых людей, та ответила, что возможность помочь ближнему — уже сама по себе награда, и не следует ждать за это благодарности. Человек, который делает добро с корыстными целями, сказала она, проживет очень несчастную жизнь.

Пока мать была жива, к Эбби относились настороженно; после смерти Хельзы настороженность переросла в открытую неприязнь. Жители Конни Кроссинга ждали, что Эбби станет служить им так же, как служила ее мать. Обычные люди мало знают о волшебном даре и уверены, что он передается по наследству всегда. Поэтому они считали Эбби равнодушной и черствой эгоисткой.

Волшебник тем временем объяснял колдунье, как надо творить заклинание. Закончив, он перевел взгляд на Эбби. Ей нужна его помощь. Немедленно.

— О чем ты хотела просить меня, Абигайль?

Эбби сжала в руках котомку.

— Это насчет моего города, Конни Кроссинга. — Она замолчала, потому что волшебник начал что-то указывать в протянутой ему кем-то книге, но он жестом велел ей продол-

жать, и она заговорила снова: — У нас творятся ужасные вещи. Через Конни Кроссинг прошли д'харианские войска и...

Волшебник Первого Ранга повернулся к пожилому человеку с длинной седой бородой, который, судя по его простому балахону, тоже был могущественным волшебником.

— Я уже говорил тебе, Томас, — это вполне осуществимо, — решительно заявил Зорандер. — Я не утверждаю, что согласен с Советом, а просто сообщаю тебе, что мне удалось выяснить. И хотя не могу сказать, что до тонкостей понимаю, как это действует, но я довольно тщательно изучил вопрос. Сделать это можно. Но мне еще нужно решить, согласен ли я с решением Совета о том, что я должен это сделать.

Томас провел ладонью по лицу.

— Я слышал, что говорят об этом, но до этой минуты не верил. Ты действительно считаешь, что это возможно? Ты что, из ума выжил, Зорандер?

— Я обнаружил это в одной из книг в анклаве Первого Волшебника. Она написана еще до войны с Древним Миром. И видел это собственными глазами. Я даже сплел несколько пробных коконов, чтобы удостовериться. — Он вновь повернулся к Эбби. — Да, там прошел легион Анарго. Конни Кроссинг находится в Пендисан Рич.

— Верно, — ответила Эбби. — Значит, д'харианская армия пришла и...

— Пендисан Рич отказался присоединиться к остальным Срединным Землям и подчиняться единому командованию, чтобы оказать сопротивление Д'Харе. Держась за свой суверенитет, твои соотечественники предпочли сражаться с противником сами. И теперь им придется самим расхлебывать последствия этого решения.

Старый волшебник теребил седую бороду.

— И все же ты твердо уверен? Ведь этой книге больше трех тысяч лет. За это время многое могло измениться. Результаты приблизительных опытов — довольно ненадежное доказательство.

— Я знаю об этом не хуже тебя, Томас, — но еще раз повторяю, это вполне реально, — сказал волшебник Зоран-

дер. Его голос упал до шепота. — Да смилуются над нами добрые духи, это вполне можно сделать.

Сердце Эбби отчаянно колотилось. Ей хотелось все ему рассказать, но она не могла найти слов. Он должен ей помочь! Это единственная надежда.

Из дальней двери в зал влетел офицер и протолкался к Первому Волшебнику.

— Волшебник Зорандер! Мне только что сообщили! Мы протрубили в рога, которые вы прислали, и все получилось отлично! Армия Ургланда бежит!

Несколько человек замолчали. Остальные — нет.

— Им самое малое три тысячи лет, — сообщил Волшебник Первого Ранга бородатому Томасу. Потом положил руку на плечо офицеру. — Передайте генералу Брайнарду, пусть разделит свою армию. Половина пусть останется у реки Керн — будем надеяться, что Ургланду не удастся найти замену своему полевому чародею, — а другую половину пусть Брайнард отведет на север и перекроет путь к отступлению войскам Анарго. Это наша основная цель, но мосты через Керн сжигать не надо: возможно, нам еще придется преследовать Ургланда.

Офицер побагровел.

— Остановиться у реки? Но почему?! Враг бежит. Сейчас самое время добить их, прежде чем они успеют очухаться и соединиться с другой армией!

Ореховые глаза волшебника сверкнули.

— А вы знаете, что ждет нас по ту сторону границы? Сколько людей погибнет, если Паниз Рал приготовил какой-нибудь очередной сюрприз? Сколько наших солдат погибнет, сражаясь с д'харианцами на их территории, которую они знают как свои пять пальцев, а мы — нет?

— А сколько людей погибнет, если они вернутся и снова обрушатся на нас? Паниз Рал никогда не уймется. Мы должны догнать их и перебить всех д'харианцев, как бешеных псов!

— Я думаю, как это сделать, — кратко ответил волшебник Зорандер.

Старый Томас потеребил седую бороду и саркастически хмыкнул.

— Ну да, он считает, что сумеет обрушить на них Подземный мир!

Офицеры, две оставшиеся колдуньи и трое других волшебников замолкли и уставились на Зорандера с откровенным недоверием.

Колдунья, которая привела Эбби на аудиенцию, наклонилась к девушке.

— Ты пришла поговорить с Первым Волшебником. Так говори. А если струсила, я выведу тебя отсюда.

Эбби провела языком по пересохшим губам. Она не понимала, как можно вторгаться в такое серьезное обсуждение, но знала, что должна говорить. И она заговорила:

— Господин, я не знаю, в чем провинилась моя родина, Пендисан Рич. Я с королем не знакома, я ничего не понимаю в войне и понятия не имею, какие решения принимает Совет. Я родом из маленького городка и знаю лишь, что его жителям угрожает опасность. На д'харианцев движется войско Срединных Земель.

Эбби испытывала неловкость, разговаривая с человеком, который одновременно беседует с десятком других людей. Но еще острее она чувствовала злость и отчаяние. Ее соотечественники погибнут, если ей не удастся убедить Зорандера оказать помощь.

— Сколько там д'харианцев? — спросил волшебник.

Эбби открыла рот, чтобы ответить, но ее перебил один из офицеров:

— Легион Анарго основательно потрепан, но подобен разъяренному раненому быку. Они уже недалеко от своей родины, но с севера их отсекает Сандерсон, а с юго-запада жмет Мардейл. Анарго допустил ошибку, пойдя через Кроссинг. Теперь он будет вынужден либо биться с нами, либо отступать на свою территорию. Мы должны с ним покончить. Другой такого удобного случая может и не представиться.

Волшебник Первого Ранга потер гладко выбритый подбородок.

— И все же точно их численности мы не знаем. Разведчики не вернулись. Вероятно, они погибли. И вообще почему Анарго пошел через Кроссинг?

— Ну, это кратчайший путь в Д'Хару, — ответил офицер.

Первый Волшебник повернулся к колдунье, чтобы ответить на вопрос, которого Эбби не расслышала.

— Не вижу, как это можно сделать. Передай, что я сказал «нет». На основании столь зыбких предположений я не стану плести для них такую сеть и никому не позволю.

Колдунья кивнула и торопливо ушла.

Эбби знала, что у колдуний сетью называются особые заклинания. Судя по всему, волшебники тоже пользовались этим названием.

— И все же, если такая штука возможна, — гнул свою линию бородатый Томас, — мне хотелось бы увидеть твою интерпретацию текста. Основываться на книге, которой больше трех тысячелетней, — большой риск. Знания, которыми обладали волшебники древности, почти все утрачены, и у нас нет никаких ключей к тому, как...

Впервые за время беседы в глазах Волшебника Первого Ранга загорелся гнев.

— Так ты, Томас, хочешь увидеть то, о чем я говорю? Все заклинание?

Тон, каким были сказаны эти слова, заставил окружающих сразу умолкнуть. Первый Волшебник развел руки, вынуждая всех отступить. Мать-Исповедница жестом велела всем расступиться. Колдунья, которая привела Эбби, сделала несколько шагов назад и потащила за собой девушку.

Волшебник Зорандер слегка кивнул, и один из мужчин протянул ему маленький мешочек с песком. Только сейчас Эбби заметила, что песок был не просто рассыпан по столам — на нем были начертаны символы. Ее мать иногда творила заклинания с помощью песка, но в основном пользовалась другими вещами, например, мощами или сушеной травой. На песке она, как правило, упражнялась: заклинания, настоящие заклинания, должны выписываться очень точно, в строгом порядке и без единой ошибки.

Первый Волшебник присел на корточки, взял из мешка пригоршню песка и тонкой струйкой начал сыпать его на пол.

Его рука двигалась с уверенностью, выработанной годами. Он завершил круг, потом зачерпнул еще песка и начертил еще один круг внутри первого. Похоже, он рисовал Благодать.

Мать Эбби всегда вторым рисовала квадрат. Все по порядку, от внешнего к внутреннему, а потом, в самую последнюю очередь, лучи. Волшебник Зорандер сразу нарисовал

внутри малого круга восьмиконечную звезду, а затем лучи — все, кроме одного.

Ему еще предстояло изобразить квадрат, означающий границу между мирами. Он был Волшебником Первого Ранга, поэтому Эбби решила, что он имеет полное право рисовать иначе, чем простая колдунья из маленького городка вроде Конни Кроссинга. Но другие волшебники, а также обе колдуньи, обменялись серьезными взглядами.

Зорандер нарисовал две стороны квадрата, взял еще песка и начал вырисовывать две оставшиеся стороны.

Но вместо прямой он нарисовал дугу, уходящую в глубь внутреннего круга — того, который символизировал мир живых, — и пересекающую внешний круг. Потом она начертил вторую дугу, тоже уходящую за пределы внешнего круга, и соединил их в том месте, где остался ненарисованным один луч Света. В отличие от остальных точек квадрата она располагалась за внешним кругом — то есть в мире мертвых.

Все вокруг дружно ахнули. На мгновение повисла тишина, а потом те, кто владел волшебным даром, начали тревожно перешептываться.

Волшебник Зорандер выпрямился.

— Ты удовлетворен, Томас?

Лицо Томаса стало таким же белым, как его борода.

— Да хранит нас Создатель! — Он в упор посмотрел на Зорандера. — Совет не понимает, с чем имеет дело. Это просто безумие!

Волшебник Зорандер отвернулся от него и спросил Эбби:

— Сколько д'харианцев ты видела?

— Три года назад на наши поля обрушилась саранча. Все холмы вокруг Конни Кроссинга были коричневыми от нее. Так вот. Мне кажется, что д'харианцев я видела больше, чем саранчи.

Волшебник Зорандер недовольно крякнул и посмотрел на нарисованную им Благодать.

— Паниз Рал не успокоится. И сколько еще это продлится, Томас? Сколько пройдет времени, прежде чем он изобретет что-нибудь новенькое и снова нашлет на нас Анарго? — Он оглядел столпившихся вокруг людей. — Сколько лет мы прожили в страхе, что нас уничтожит орда завоевателей из Д'Хары? Скольких людей Рал убил своей магией?

Сколько жизней унесла чума, которую он на нас наслал? Сколько тысяч человек истекли кровью, соприкоснувшись с людьми-тенями, которых он сотворил? Сколько городов, больших и малых, сколько деревень он стер с лица земли? — Никто не ответил, и волшебник Зорандер продолжал: — У нас ушли годы на то, чтобы поднять страну из пепла, но наконец в войне произошел перелом, и враг бежит. Теперь у нас есть три варианта. Первый — дать ему возможность отступить и надеяться на то, что больше он к нам не сунется. Лично я полагаю, что на это рассчитывать просто смешно и всерьез можно обсуждать только две возможности. Либо мы будем преследовать д'харианцев до самого их логова и покончим с ними навсегда ценой жизни десятков, а может, и сотен тысяч солдат. Либо я положу конец Д'Харе.

Волшебники и колдуньи с беспокойством посмотрели на нарисованную на полу Благодать.

— В нашем распоряжении есть и другая магия, — сказал один из волшебников. — Мы можем воспользоваться ею и обойтись без такой катастрофы.

— Волшебник Зорандер прав, — возразил другой. — Как и Совет. Враг заслужил свою судьбу. Мы должны это сделать.

Вновь разгорелся яростный спор. Волшебник Зорандер поглядел Эбби в глаза, и в его взгляде она прочла приказ поторопиться с изложением просьбы.

— Мои соотечественники захвачены в плен. Прошу вас, волшебник Зорандер, вы должны мне помочь! Я спряталась и слышала, как колдунья д'харианцев разговаривала с офицерами. Они хотят использовать пленников как живой щит, прикрыться ими не только от копий и стрел, но и от магии, которую вы на них обрушите. А если они решат контратаковать, то погонят пленных перед собой. Волшебник Зорандер, вы должны их спасти!

Никто даже не посмотрел в ее сторону. Все были заняты своими спорами, словно жизнь людей, о которых говорила Эбби, была таким пустяком, на который не стоило обращать внимания.

У Эбби на глаза навернулись слезы.

— Погибнут ни в чем не повинные люди! Пожалуйста, волшебник Зорандер, нам нужна ваша помощь!

Он бросил на нее быстрый взгляд.

— Мы ничем не можем помочь твоим землякам.

Эбби едва удерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Среди пленных мой отец. И мой муж. И моя дочь. Ей нет еще и пяти. Если вы прибегнете к магии, они все погибнут. Если завяжется бой — тоже. Вы должны либо спасти их, либо отказаться от атаки.

Казалось, волшебник искренне огорчен.

— Прости. Я ничем не могу им помочь. Да позаботятся о них добрые духи и возьмут их души к Свету.

Он хотел отвернуться, но Эбби вскричала:

— Нет! — Двое мужчин замолчали, но другие лишь недовольно покосились на нее и продолжали беседу. — Моя дочь! Вы не можете!.. — Она сунула руку в котомку. — У меня есть мощи...

— А у кого их нет, — перебил ее Зорандер. — Я не в состоянии тебе помочь.

— Но вы обязаны!

— Это значит — предать общее дело. Мы должны уничтожить войско д'харианцев, и твои соотечественники, какими бы невинными они ни были, мешают мне в этом. Я не могу допустить, чтобы затея д'харианцев увенчалась успехом, иначе они станут прибегать к ней повсюду, и тогда погибнет еще больше ни в чем не повинных людей. Враг должен понять, что ничто не заставит нас свернуть с выбранного пути!

— НЕТ! — взвыла Эбби. — Она ведь еще ребенок! Вы обрекаете на смерть мою малышку! Там есть и другие дети! Да что же вы за чудовище?!

Никто, кроме волшебника, уже не слушал ее, все были заняты своими разговорами.

Голос Зорандера перекрыл гвалт и обрушился на Эбби, как топор палача.

— Я — человек, вынужденный принимать такие решения. В просьбе отказано.

Эбби сдавленно вскрикнула, понимая, что потерпела поражение. Ей даже не дали возможности показать ему...

— Но это долг! — закричала она. — Священный долг!

— И он не может быть выплачен прямо сейчас.

Эбби не выдержала и разрыдалась. Колдунья хотела отвести ее в сторону, но девушка вырвалась и выбежала из

зала. Она понеслась по лестнице, из-за пелены слез ничего не видя перед собой.

Внизу силы оставили ее, и она, всхлипывая, рухнула на пол. Он не поможет. Он отказался помочь беспомощному ребенку. Ее дочке предстоит умереть.

Эбби почувствовала на плече чью-то ладонь. Ласковые руки обняли ее. Нежные пальцы гладили ей волосы, пока она рыдала, уткнувшись женщине в колени. Другая рука коснулась ее спины, и Эбби ощутила успокаивающее воздействие магии.

— Он убивает мою дочь! — всхлипнула она. — Ненавижу его!

— Ничего-ничего, Абигайль, — произнес голос над ее головой. — Этих слез тебе не нужно стыдиться. Мы понимаем твою боль.

Эбби вытерла щеки и подняла голову. Рядом с ней на ступеньке сидела колдунья.

Эбби посмотрела на женщину, которая обнимала ее. Это оказалась сама Мать-Исповедница, но теперь Эбби было все равно. Она не боялась ни ее взгляда, ни ее прикосновения. Какое это теперь имеет значение? Что теперь вообще имеет какое-либо значение?

— Он чудовище! — вскричала Эбби. — Правильно его называют. Он — злобный ветер смерти. Только на сей раз он убивает моего ребенка, а не врагов!

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, Абигайль, — спокойно произнесла Мать-Исповедница. — Только это неправда.

— Как вы можете так говорить! Моя дочка даже еще не начала жить, а он ее убивает! Мой муж умрет. И мой отец тоже. Только он успел прожить жизнь, а моя девочка — нет!

Она снова зарыдала, и Мать-Исповедница опять ласково обняла ее. Но Эбби было не нужно ее утешение.

— У тебя только один ребенок? — спросила колдунья.

Эбби всхлипнула и кивнула.

— У меня был еще сын, но он умер сразу после рождения. Повитуха сказала, что у меня больше не будет детей. Моя маленькая Яна — единственное, что у меня есть. — Острая боль пронзила Эбби. — А он ее убивает. Как того

мужчину передо мной. Волшебник Зорандер — чудовище! Да пошлют ему смерть добрые духи!

Колдунья отбросила волосы Эбби со лба.

— Ты не понимаешь. Ты видишь лишь часть. И сама не знаешь, что говоришь.

Но Эбби отлично знала, что говорит.

— Будь у вас...

— Делора все понимает, — кивнув на колдунью, сказала Мать-Исповедница. — У нее есть сын и десятилетняя дочь.

Эбби поглядела на колдунью. Та сочувственно улыбнулась и кивнула, подтверждая эти слова.

— У меня тоже есть дочь, — продолжала Мать-Исповедница. — Ей двенадцать лет. И Делора, и я понимаем, как тебе больно. И Волшебник Первого Ранга тоже.

— Да откуда ему понять! — Эбби сжала кулаки. — Он сам почти еще мальчишка! И хочет убить мою девочку! Он — ветер смерти и думает только о том, как убивать людей!

Мать-Исповедница похлопала по ступеньке рядом с собой.

— Присядь-ка со мной, Абигайль. Разреши мне рассказать тебе об этом человеке.

Продолжая всхлипывать, Эбби уселась на ступеньку. Мать-Исповедница была старше ее лет на двенадцать — четырнадцать; у нее были приятные черты лица и притягательные фиалковые глаза. Густые волосы достигали талии. Улыбка у нее была очень теплой. Эбби никогда не думала о Матери-Исповеднице как об обычной женщине, но именно обычную женщину она сейчас видела перед собой. И этой женщины она не боялась. Все равно она не могла причинить Эбби большего зла, чем волшебник Зорандер.

— Я присматривала за Зеддикусом, когда он был еще карапузом, а я лишь входила в пору зрелости. — Взгляд Матери-Исповедницы устремился вдаль, губы тронула задумчивая улыбка. — Он был сущим наказанием, но не потому, что у него был вредный характер, а оттого, что он был непоседой и ужасно любопытным ребенком. Из него вырос настоящий мужчина. Когда началась война с Д'Харой, волшебник Зорандер довольно долго оставался в стороне. Он не хотел сражаться, не хотел убивать людей. Только после того, как Паниз Рал, Владыка Д'Хары, начал использовать магию, Зедд встал на нашу защиту, понимая, что с

волшебниками могут сражаться лишь волшебники. Возможно, Зеддикус Зу'л Зорандер и кажется тебе чересчур молодым, но он необычный чародей. Зедд — сын волшебника и колдуньи. Он был необычайно одаренным ребенком. Даже его учителя не всегда понимают, как ему удается постигать загадки древних книг и справляться с могуществом, которое он черпает оттуда. У него ясный ум, но все мы отлично знаем, что у него чистое сердце. Он думает не только головой, но и сердцем тоже. Во многом его избрали Волшебником Первого Ранга именно за это — хотя и других причин было достаточно.

— Не сомневаюсь, — кивнула Эбби. — Он очень талантливый ветер смерти.

Мать-Исповедница слегка улыбнулась.

— Мы — те, кто действительно хорошо его знает, — зовем его Ловкачом. Ловкач — вот прозвище, которое он на самом деле заслужил. А «ветер смерти» — это прозвище для других, в основном для врагов, чтобы вселить ужас в их души. Некоторые из наших людей тоже приняли это прозвище близко к сердцу — но, может быть, раз у тебя мать была колдуньей, ты понимаешь, что люди порой совершенно без оснований боятся тех, кто владеет магией?

— А иногда, — упрямо возразила Эбби, — те, кто владеет магией, действительно самые настоящие чудовища, которым наплевать, сколько людей они уничтожат.

Мать-Исповедница посмотрела Эбби в глаза долгим взглядом и предостерегающе подняла палец.

— То, что я расскажу тебе сейчас о Зеддикусе Зу'л Зорандере, — тайна. И если ты когда-нибудь кому-нибудь это перескажешь, я никогда не прощу тебе того, что ты не оправдала моего доверия.

— Я никому не скажу, но не понимаю, какое это...

— Просто слушай.

Эбби замолкла, и Мать-Исповедница начала рассказ.

— Зедд был женат. Эрилин была чудесная женщина. Ее все любили, но никто не любил ее так сильно, как Зедд. У них родилась дочь.

Эбби вся превратилась в слух.

— И сколько ей лет?

— Примерно столько, сколько и твоей дочери, — ответила Делора.

Эбби сглотнула комок.

— Понятно.

— Когда Зедд стал Волшебником Первого Ранга, дела пошли скверно. Паниз Рал создал людей-теней.

— У нас в Конни Кроссинге никогда не слышали о людях-тенях.

Мать-Исповедница горько вздохнула.

— Их так называют, потому что они действительно напоминают тени в воздухе. У них нет четкой формы, и сражаться с ними обычным оружием — все равно что сражаться с дымом. От людей-теней нельзя укрыться. Они плывут к тебе через поле или через лес. И рано или поздно находят тебя. Когда они прикасаются к человеку, его тело начинает раздуваться и в конце концов лопается. Люди умирают в чудовищных муках. Даже магия не в силах помочь тому, кого коснулся человек-тень. Когда д'харианцы шли в атаку, их волшебники посылали вперед людей-теней. Наши солдаты гибли целыми батальонами. Мы почти потеряли надежду. Это был самый черный период в нашей жизни.

— И волшебник Зорандер смог их остановить? — спросила Эбби.

Мать-Исповедница кивнула.

— Он изучил древние книги и создал боевые роги. Их магия развеивает людей-теней, как ветер развеивает дым. Кроме того, магия рога устремляется по следу магии, породившей людей-теней, находит волшебника, который их сотворил, и убивает его. Впрочем, эти роги тоже не безупречны, и Зедд вынужден все время изменять их магию, потому что противник тоже меняет способ создания людей-теней. С помощью магии Паниз Рал насылал на нас эпидемии ужасных болезней и туман, вызывающий слепоту. Зедд работал дни и ночи, но сумел справиться и с тем, и с другим. А пока Паниз Рал разрабатывал новую магию, мы могли воевать обычным способом. Таким образом, благодаря волшебнику Зорандеру удалось переломить ход войны.

— Все это, конечно, замечательно, но...

Мать-Исповедница подняла руку, призывая к молчанию. Эбби тут же прикусила язык и стала слушать дальше.

— Разумеется, Паниз Рал пришел в бешенство. Он пытался убить Зедда, но у него ничего не вышло. И тогда он послал квод, которому было поручено убить Эрилин.

— Квод? А что такое квод?

— Квод, — ответила колдунья, — это отряд из четырех специально обученных убийц, действующих под защитой заклинания, наложенного на них тем, кто их послал. То есть Панизом Ралом. Их задача не просто убить свою жертву, но сделать ее смерть как можно более мучительной и страшной.

Эбби сглотнула.

— И они... Убили его жену?

Мать-Исповедница придвинулась ближе.

— Хуже. Они переломали ей все кости и бросили так. Еще живую.

— Живую? — прошептала Эбби. — Почему они оставили ее в живых? Они же должны были ее убить?

— Чтобы Зедд нашел ее, истекающую кровью. Она смогла лишь прошептать ему слова любви. — Мать-Исповедница наклонилась еще ближе, и Эбби почувствовала ее дыхание на своем лице. — Он попытался с помощью магии исцелить ее и этим запустил ползучее заклинание.

Эбби усилием воли заставила себя моргнуть.

— Ползучее заклинание?

— Ни один волшебник не способен его обнаружить. — Мать-Исповедница сложила руки перед животом Эбби и вывернула ладони, жестом изобразив разрыв. — Это заклинание разорвало ей внутренности. Из-за любящего прикосновения Зедда она умерла в страшных муках, а он мог только беспомощно стоять рядом с ней на коленях.

Эбби непроизвольно коснулась своего живота.

— Какой ужас!

Фиалковые глаза Матери-Исповедницы приобрели стальной блеск.

— А еще квод забрал их дочь. Дочку, которая видела все, что они делали с ее матерью.

Эбби почувствовала, что слезы опять жгут ей глаза.

— И с его дочкой они сделали то же самое?

— Нет, — ответила Мать-Исповедница. — Они держат ее в плену.

— Но она жива? Значит, еще есть надежда?

Мать-Исповедница откинулась на мраморную балюстраду и сложила руки на коленях. Ее атласное платье тихо зашелестело при этом движении.

— Зедд отправился по следам квода. Он нашел их, но к тому времени они уже передали его дочь другим, а те следующим, и так далее, поэтому первый квод представления не имел, где она и у кого.

Эбби посмотрела на колдунью, затем снова на Мать-Исповедницу.

— Что волшебник Зорандер сделал с кводом?

— То же, что с ними сделала бы я. — Лицо Матери-Исповедницы превратилось в маску ледяной ярости. — Он заставил их пожалеть, что они вообще родились на свет. Он заставил жалеть их об этом очень долго.

Эбби отшатнулась.

— Понятно...

Мать-Исповедница сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и рассказ продолжила колдунья.

— Пока мы тут беседуем, волшебник Зорандер использует заклинание, которого никто из нас не понимает. Оно не позволяет Панизу Ралу покинуть его дворец в Д'Харе и мешает ему использовать магию против нас. Поэтому наши войска и теснят его армию. Разумеется, Паниз Рал исходит яростью и ненавидит человека, который разрушил его планы завоевать Срединные Земли. Не проходит и недели, чтобы на волшебника Зорандера не было совершено покушение. Паниз Рал присылает мерзавцев всех сортов, чтобы расправиться с ним. Даже Морд-Сит.

Эбби затаила дыхание. Это слово она уже слышала.

— Кто такие Морд-Сит?

Колдунья пригладила свои блестящие густые волосы. В глазах ее загорелся гнев.

— Морд-Сит — это женщины, которые носят красные кожаные одежды и длинную косу. Алая одежда и коса — отличительный признак их профессии. Их с детства учат мучить и убивать тех, кто владеет магией. Если тот, у кого есть дар, попытается сражаться с Морд-Сит при помощи волшебства, она перехватит его магию и использует ее против него же. От Морд-Сит убежать невозможно.

— Но, наверное, такой могущественный маг, как волшебник Зорандер...

— Даже он не справился бы с Морд-Сит, — снова вступила в разговор Мать-Исповедница. — Морд-Сит можно одолеть лишь обычным оружием, но магией — никогда. Только магия Исповедниц против них эффективна. Я сама убила двух. Морд-Сит взяли в плен нескольких наших волшебников и колдуний. Попав к ним в руки, эти несчастные не могли ни убежать, ни покончить с собой. Перед тем, как умереть, они рассказали обо всем, что им было известно, и Паниз Рал узнал наши планы. Мы, в свою очередь, сумели захватить нескольких высокопоставленных д'харианцев. Исповедницы допросили их, и теперь мы знаем, что именно известно Панизу Ралу. К сожалению, время работает против нас.

Эбби вытерла взмокшие ладони о подол платья.

— Но тот человек, который вошел к Первому Волшебнику передо мной, не мог быть убийцей. Его телохранителям разрешили уйти.

— Нет, он не был убийцей. — Мать-Исповедница скрестила руки на груди. — Несомненно, Панизу Ралу стало известно о заклинании, найденном волшебником Зорандером, и о том, что это заклинание способно стереть Д'Хару с лица земли. Естественно, Паниз Рал отчаянно пытается не допустить этого.

Эбби отвела взгляд и потеребила завязку котомки.

— Все равно не понимаю, какое это имеет отношение к тому, что он отказался спасти мою дочь. У него самого есть дочь. Разве он сам не пошел бы на все ради ее спасения? Не сделал бы все возможное, чтобы вернуть ее?

Мать-Исповедница, чуть склонив голову, потерла пальцами лоб, словно пыталась унять боль.

— Тот человек, что был перед тобой, — гонец. Послание, которое он привез, прошло через много рук, чтобы нельзя было отследить источник.

У Эбби по спине пробежали мурашки.

— И что это за послание?

— Локон волос дочери Зедда. Паниз Рал предлагает жизнь дочери Зедда в обмен на то, чтобы Зедд сдался ему.

Эбби судорожно вцепилась в котомку.

— Но разве любящий отец не пойдет даже на это ради спасения дочери?

— Но какова цена? — прошептала Мать-Исповедница. — Сколько людей погибнет без его помощи? Он не может так поступить даже ради жизни той, кого любит больше всего на свете. Перед тем, как отказать тебе в просьбе, он отверг предложение Паниза Рала и этим обрек свою собственную дочь на смерть.

Эбби почувствовала, как надежда, затеплившаяся в ее душе, снова гаснет. Она подумала о своей маленькой Яне, и по ее щекам опять заструились слезы.

— Но ведь я не прошу его пожертвовать всеми ради ее спасения!

Колдунья ласково коснулась ее плеча.

— Если дать легиону Анарго уйти, то потом д'харианцы перебьют гораздо больше невинных людей, чем погибнет в битве.

Эбби ухватилась за последнюю соломинку.

— Но у меня есть мощи!

Колдунья вздохнула.

— Абигайль, едва ли не у каждого, кто приходит сюда, есть с собой мощи. Шарлатаны, которые ими торгуют, заверяют всех, что они настоящие, и отчаявшиеся люди вроде тебя их покупают. Люди, как правило, просят волшебников обеспечить им жизнь, в которой нет места магии. Навидавшись ужасов, которые д'харианцы творят с помощью волшебства, люди возненавидели магию и готовы отдать все на свете, лишь бы ее вообще никогда больше не было, — сказала Мать-Исповедница. — Большинство людей боится волшебства, и я опасаюсь, что теперь, с учетом того, каким образом д'харианцы используют магию, многие вообще готовы отдать все на свете, чтобы никогда больше не видеть никакого волшебства. Забавно, что об этом они просят тех, у кого есть дар, и пытаются прибегнуть к помощи вещей, наделенных магией.

Эбби моргнула.

— Но я их не покупала! Это истинный священный долг. Моя мать на смертном одре сказала мне об этом. Она сказала, что этим долгом повязан сам волшебник Зорандер!

Колдунья недоверчиво прищурилась.

— Абигайль, истинный священный долг встречается крайне редко. Может быть, у нее просто были мощи, а ты подумала...

Эбби приоткрыла котомку и позволила колдунье заглянуть внутрь. Колдунья кинула взгляд и замолкла. Мать-Исповедница тоже посмотрела в котомку.

— Я знаю, что сказала мне мама, — настаивала Эбби. — И еще она говорила, что волшебник может проверить мощи. И тогда он узнает правду, потому что этот долг перешел к нему от его отца.

Колдунья погладила вышивку на вороте платья.

— Он может произвести проверку и узнать правду. Но даже если это действительно священный долг, из этого не следует, что он может быть выплачен по первому требованию.

Эбби упрямо уставилась на колдунью.

— Моя мама сказала, что это истинный долг и должен быть выплачен сразу. Делора, прошу вас! Ведь вы разбираетесь в этом! Я так растерялась, потому что вокруг все шумели, что не попросила его проверить мощи. — Она повернулась и схватила Мать-Исповедницу за руку. — Пожалуйста, помогите мне! Расскажите волшебнику Зорандеру об этих мощах и попросите его провести проверку!

Некоторое время Мать-Исповедница размышляла. Наконец она заговорила:

— Это долг предков, связанный магией. Такие вещи требуют серьезного подхода. Я поговорю с волшебником Зорандером и попрошу его предоставить тебе личную аудиенцию.

Эбби плотно сжала веки, чтобы удержать снова полившиеся слезы.

— Спасибо вам!

Зарывшись лицом в ладони, она расплакалась от облегчения. Огонек надежды разгорелся опять.

— Я сказала лишь, что попробую! — Мать-Исповедница обняла ее за плечи. — Он может отказать мне в просьбе.

Колдунья безрадостно рассмеялась.

— Вряд ли. Я тоже выверну ему ухо. Но, Абигайль, это не значит, что нам удастся убедить его помочь тебе, независимо от того, есть у тебя мощи или нет.

— Я понимаю. — Эбби вытерла слезы. — Спасибо вам. Спасибо за понимание и поддержку.

Колдунья пальцем смахнула слезинку с подбородка Эбби.

— Как говорится, дочь колдуньи — дочь всех колдуний.

Мать-Исповедница поднялась и поправила платье.

— Делора, может быть, ты отведешь Абигайль в гостиницу, где селятся женщины? Ей надо отдохнуть. У тебя есть деньги, дитя мое?

— Да, Мать-Исповедница.

— Хорошо. Делора покажет тебе, где ты можешь переночевать. Возвращайся в замок перед рассветом. Мы встретим тебя и скажем, удалось ли нам уговорить Зедда проверить мощи, которые ты принесла.

— Я буду молиться добрым духам, чтобы волшебник Зорандер принял меня и помог моей дочери. — Эбби вдруг стало стыдно. — И помолюсь за его дочь тоже.

Мать-Исповедница потрепала Эбби по щеке.

— Молись за всех нас, дитя. Молись, чтобы волшебник Зорандер обрушил свою магию на Д'Хару прежде, чем будет поздно для всех людей в Срединных Землях — и стариков, и детей.

По пути в город Делора разговорами пыталась отвлечь Эбби от забот и тяжелых мыслей. Это напомнило девушке беседы с матерью. Колдуньи избегали говорить о магии с теми, кто был лишен волшебного дара, даже если это были их собственные дочери. Эбби их понимала: наверное, им было так же неловко вести с непосвященными такие беседы, как было неловко ей, когда Яна спросила, каким образом у мамы в животе заводится ребеночек.

Несмотря на довольно поздний час, улицы были полны. Делора отвела Эбби на рынок и заставила купить пирог с мясом. Эбби была не голодна, но колдунья взяла с нее обещание съесть все до последней крошки, и девушка, не желая навлекать на себя ее неудовольствие, пообещала, что съест.

Гостиница располагалась на узенькой улочке, где дома стояли вплотную друг к другу. Шум рынка разносился по всей улице, обтекал дома и проникал в крошечные дворики. Эбби недоумевала, как люди могут жить в такой тесноте и не видеть из окон ничего, кроме других домов и людей.

Она не представляла себе, как ей удастся уснуть под эти незнакомые звуки и шум. Впрочем, с тех пор как Эбби покинула дом, она и так почти не спала, несмотря на тишину полей.

Колдунья пожелала Эбби спокойной ночи и передала ее на попечение немногословной спокойной женщины, которая проводила Эбби в комнату в дальнем конце коридора и оставила там, предварительно взяв с нее серебряную монетку за постой. Эбби присела на краешек кровати и в тусклом свете единственной лампы, стоящей рядом на полке, оглядела крошечную комнатушку. Осматриваясь, она потихоньку отщипывала от пирога кусочки. Мясо оказалось жестким и жилистым, но пахло приятно и было обильно приправлено солью и чесноком.

Поскольку окна в комнате не имелось, то здесь было не так шумно, как опасалась Эбби. Задвижка на двери отсутствовала, но хозяйка гостиницы сказала, что бояться нечего, поскольку мужчин сюда не пускают. Отложив недоеденный пирог, Эбби умылась из тазика, стоящего у стены, и поразилась, какой грязной стала вода.

Гасить лампу она не стала, а лишь слегка прикрутила фитиль. В незнакомых местах Эбби не любила спать в темноте. Лежа в постели и глядя в потолок с рыжими потеками воды, она горячо молилась добрым духам, хотя прекрасно понимала, что на ее просьбу они не обратят внимания. Потом Эбби закрыла глаза и помолилась за дочку волшебника Зорандера.

Эбби не знала, долго ли она пролежала так, терзаясь страхами и вознося молитвы. Внезапно она почувствовала чье-то присутствие и открыла глаза. К кровати приближалась сгорбленная фигура. Эбби сразу поняла, что это не хозяйка гостиницы. Она вцепилась в покрывало, готовясь накинуть его на голову незваной гостье и выбежать в коридор.

— Не пугайся, милочка. Я просто пришла узнать, успешным ли оказался твой визит к Первому Волшебнику.

Эбби села на кровати, судорожно хватая ртом воздух.

— Мариска? — Это оказалась та самая старуха, которая вместе с Эбби дожидалась приема в замке Волшебника. — Ты напугала меня до смерти!

Тусклый огонек лампы осветил сморщенное лицо. Старуха пристально разглядывала Эбби.

— У тебя есть о чем поволноваться, кроме собственной безопасности.

— О чем ты?

Мариска улыбнулась. Это была отнюдь не ободряющая улыбка.

— Ты добилась того, чего хотела?

— Я говорила с Первым Волшебником, если ты это имеешь в виду.

— И что он сказал, милочка?

Эбби спустила ноги с кровати.

— Это мое дело.

Улыбка старухи стала шире.

— О нет, милочка. Это наше дело.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Отвечай на вопрос. У тебя осталось мало времени. У твоей семьи осталось мало времени.

— Откуда ты... — Эбби вскочила, но старуха схватила ее за руку и выкручивала запястье до тех пор, пока девушка не села обратно.

— Что сказал Первый Волшебник?

— Сказал, что ничем не может мне помочь. Пожалуйста, отпусти. Мне больно!

— Ой, милочка, какая скверная новость! Очень скверная новость для твоей крошки Яны.

— Как... Откуда ты о ней знаешь? Я никогда...

— Значит, волшебник Зорандер отклонил твою просьбу. Скверно, скверно. — Старуха поцокала языком. — Бедная несчастная малютка Яна. Тебя предупреждали. И тебе известна цена неудачи.

Она отпустила Эбби и направилась к двери. Эбби отчаянно пыталась что-то придумать.

— Нет! Постой! Завтра я снова должна встретиться с ним. На рассвете.

— Зачем? — бросила через плечо Мариска. — Почему он согласился принять тебя завтра, если сегодня уже отклонил твою просьбу? Ложью ты не купишь своей дочери лишних дней жизни.

— Это правда! Клянусь душой моей матери! Я говорила с колдуньей, той, что нас сопровождала. С ней и с Матерью-Исповедницей, уже после того, как волшебник Зорандер отклонил мою просьбу. Она согласились уговорить его предоставить мне личную аудиенцию.

— Почему? — Старуха недоверчиво выгнула бровь.

Эбби показала на котомку, лежавшую в изножье кровати.

— Я показала им то, что принесла.

Скрюченным пальцем Мариска приоткрыла котомку. Некоторое время она молча рассматривала содержимое, а потом, словно змея, скользнула к Эбби.

— Значит, тебе только предстоит показать это волшебнику Зорандеру?

— Да. Он даст мне аудиенцию. Я уверена. Завтра он меня примет.

Мариска достала из-за широкого кушака кинжал и медленно провела им перед лицом Эбби.

— Нам начинает надоедать дожидаться тебя.

Эбби провела языком по губам.

— Но я...

— Утром я уезжаю в Конни Кроссинг. Уезжаю, чтобы повидать твою перепуганную крошку Яну. — Старуха схватила Эбби за волосы и оттянула ей голову назад. — Если ты притащишь его сразу следом за мной, то ее освободят.

Кивнуть Эбби не могла.

— Привезу. Клянусь. Я его уговорю. Он повязан долгом.

Мариска поднесла нож так близко к лицу Эбби, что острие коснулось ресниц. Эбби боялась моргнуть.

— Если опоздаешь, я выколю глазик малютке Яне. Один. А второй оставлю, чтобы она видела, как я вырежу сердце ее отцу, и знала, как это больно, потому что потом я сделаю с ней то же самое. Ты поняла, милочка?

Эбби сдавленно пробормотала, что поняла. Слезы душили ее.

— Хорошая девочка! — Лицо Мариски было так близко, что Эбби чувствовала запах перца в ее дыхании. — Если мы заподозрим какой-то подвох, они умрут.

— Никакого подвоха. Я поспешу. И привезу его.

Мариска поцеловала Эбби в лоб.

— Ты замечательная мать. — Она выпустила волосы Эбби. — Яна тебя любит. И плачет день и ночь напролет, скучая по тебе.

Когда дверь за Мариской закрылась, Эбби, дрожа, свернулась калачиком и заплакала, кусая кулак.

Они шли по широкому крепостному валу. Делора наклонилась к Эбби.

— У тебя неважный вид, Абигайль. Что-то случилось?

Отбросив со лба челку, Эбби посмотрела вниз на город, который только-только начинал выплывать из предрассветной дымки, и молча вознесла молитву духу матери.

— Нет. Просто провела скверную ночь. Никак не могла уснуть.

Мать-Исповедница положила руку ей на плечо.

— Мы все понимаем. Во всяком случае, он согласился предоставить тебе аудиенцию. Держись. Он хороший человек. Правда хороший.

— Спасибо, — проговорила Эбби, стыдясь самой себя. — Спасибо вам обеим за помощь.

На крепостном валу ждали люди — волшебники, колдуньи, офицеры и прочие. Когда три женщины проходили мимо, все сразу же замолкали и склонялись перед Матерью-Исповедницей в поклоне. Многих Эбби узнала. Она видела их вчера. Среди них был и волшебник Томас. Он выглядел встревоженным и, что-то бормоча себе под нос, нетерпеливо листал бумаги, испещренные магическими символами.

Пройдя вал до конца, они подошли к каменной круглой башенке. Покатая крыша низко нависала над дверью. Колдунья постучала и распахнула дверь, не дожидаясь ответа. Краем глаза она заметила, как Эбби изумленно подняла брови.

— Он редко слышит стук, — негромко пояснила колдунья.

Комната была небольшой, но довольно уютной. Одно круглое окошко выходило на простиравшийся внизу город, а второе — на темные стены замка, зубцы которых уже окрасились в розовый цвет под первыми лучами зари. В красивом кованом канделябре горели свечи, заливая помещение мягким желтым светом.

Волшебник Зорандер стоял, опираясь руками на стол, целиком поглощенный изучением лежащей перед ним книги. Спутанные каштановые волосы падали ему на лицо. Женщины остановились.

— Волшебник Зорандер, мы привели Абигайль, дочь Хельзы, — объявила колдунья.

— Проклятие, женщина, — буркнул волшебник, не поднимая головы. — Я слышал твой стук, как и всегда.

— Не смей на меня рычать, Зеддикус Зу'л Зорандер! — цыкнула на него Делора.

Волшебник не обратил на ее выступление ни малейшего внимания. Потирая выбритый подбородок, он не отводил глаз от книги.

— Добро пожаловать, Абигайль.

Эбби открыла котомку, но тут же опомнилась и вежливо ответила:

— Спасибо, что согласились принять меня, волшебник Зорандер. Мне необходимо получить вашу помощь. Как я уже говорила, под угрозой жизнь невинных детей.

Волшебник Зорандер соизволил наконец поднять взгляд. Довольно долго он пристально смотрел на Эбби, потом выпрямился.

— И где грань?

Эбби поглядела сперва на колдунью, потом на Мать-Исповедницу. Обе женщины молчали.

— Прошу прощения, волшебник Зорандер? Грань?

Волшебник нахмурился.

— Ты говоришь, что юная жизнь ценнее. Так где та грань, мое дорогое дитя, после которой жизнь теряет ценность? Где она пролегает?

— Но ребенок...

Он предостерегающе поднял палец.

— И не надейся сыграть на моих чувствах, утверждая, что жизнь ребенка ценится выше из-за нежного возраста. С какого момента жизнь становится менее ценной? Где грань? В каком возрасте? Кто это определяет? — Он помолчал. — Жизнь любого человека бесценна. А смерть есть смерть, независимо от возраста. Не пытайся воздействовать на меня слезливыми лозунгами, как какой-нибудь болтун перед безмозглой толпой.

Эбби на мгновение потеряла дар речи. Волшебник тем временем повернулся к Матери-Исповеднице:

— Кстати о болтунах. Что там решил Совет?

Мать-Исповедница сложила ладони вместе и тяжело вздохнула.

— Я передала им твои слова. Коротко говоря, им наплевать. Они хотят, чтобы это было сделано.

Волшебник недовольно хмыкнул.

— Хотят, вот как? — Ореховые глаза на мгновение вспыхнули. — Похоже, Совету наплевать на жизнь детей, когда речь идет о д'харианских детях. — Он потер уставшие глаза. — Не могу сказать, что не понимаю, чем они руководствуются, или что я не согласен с ними. Но, добрые духи, ведь не им предстоит это делать! Это будет сделано моими руками.

— Я все понимаю, Зедд, — тихо промолвила Мать-Исповедница.

Тут он, казалось, опять заметил стоящую перед ним Эбби и поглядел на нее долгим взглядом, словно усиленно размышляя о чем-то. Эбби невольно поежилась. Потом волшебник протянул руку и пошевелил пальцами.

— Давай глянем, что там у тебя.

Эбби подошла ближе к столу и открыла котомку.

— Если совесть не может убедить вас помочь невинным людям, то, возможно, это будет иметь для вас большее значение.

Она достала из котомки череп своей матери и положила его в раскрытую ладонь волшебника.

— Это священный долг. И я предъявляю его к оплате.

Кустистая бровь выгнулась.

— Обычно принято приносить лишь крошечный кусочек кости, дитя.

Эбби вспыхнула.

— Я этого не знала! — сказала она. — Я хотела быть уверенной, что наверняка хватит для проверки... Чтобы не было разногласий.

Волшебник нежно погладил череп.

— Для этого достаточно кусочка размером с песчинку. — Он заглянул Эбби в глаза. — Разве твоя мать тебе этого не говорила?

Эбби покачала головой.

— Она лишь сказала, что это долг, перешедший к вам от вашего отца. И что он должен быть выплачен по первому требованию.

— И это действительно так, — тихо проговорил он, поглаживая рукой череп.

На черепе еще оставались остатки земли, и он был серым и тусклым, а не белым, как думала Эбби, когда его выкапывала. Она была в ужасе от того, что ей пришлось потревожить останки матери, но у нее не было выбора.

Под пальцами волшебника череп начал мерцать янтарным светом. Эбби затаила дыхание. Воздух задрожал, будто сами духи что-то шептали волшебнику. Колдунья теребила вышивку на вороте, Мать-Исповедница закусила губу. Эбби молилась.

Волшебник Зорандер положил череп на стол и повернулся к стоявшим женщинам спиной. Янтарное свечение исчезло.

Поскольку он ничего не говорил, Эбби осмелилась нарушить тяжелое молчание.

— Ну? Вы удовлетворены? Ваша проверка подтвердила, что долг — истинный?

— О да... — спокойно ответил он, не оборачиваясь. — Это действительно истинный священный долг, связанный магией до тех пор, пока не выплачен.

Эбби бессознательно теребила завязки котомки.

— Я же вам говорила! Моя мать не стала бы мне лгать! Она сказала, что, раз он не выплачен при ее жизни, то после ее смерти переходит к потомкам.

Волшебник медленно повернулся к девушке.

— А она сказала тебе о происхождении этого долга?

— Нет. — Эбби кинула быстрый взгляд на Делору. — Колдуньи тщательно оберегают свои секреты и с большой неохотой делятся ими с другими. — Лукавая улыбка мелькнула на губах волшебника. Он хмыкнул в знак согласия. — Она сказала лишь, что этим долгом повязаны ваш отец и она и что до тех пор, пока долг не выплачен, он будет переходить из поколения в поколение.

— Твоя мать сказала правду. Но это все же не означает, что он непременно должен быть выплачен сейчас.

— Это истинный священный долг. — От страха Эбби говорила резким тоном и от этого еще больше боялась. — И я предъявляю его к оплате! Вы обязаны выполнить обязательства!

Колдунья и Мать-Исповедница делали вид, что внимательно изучают стены. Им было неловко от того, что лишенная волшебного дара женщина осмеливается поднять голос на самого Волшебника Первого Ранга. Эбби вдруг подумала, что он может убить ее на месте за такую наглость. Но какое это имеет значение, если он откажется ей помочь?

Мать-Исповедница, видимо, понимая состояние Эбби, решила вмешаться:

— Зедд, а твоя проверка позволяет узнать о происхождении этого долга?

— Безусловно, — ответил он. — Мой отец тоже о нем упоминал. Это именно тот долг, о котором он говорил, и у женщины, которая стоит сейчас передо мной, второй конец волшебных уз.

— Так откуда он взялся? — спросила колдунья.

— Извини, вылетело из памяти, — развел руками волшебник. — Последнее время я что-то стал забывчив.

— И ты еще смеешь обвинять колдуний в скрытности! — фыркнула Делора.

Волшебник Зорандер некоторое время смотрел на нее, а потом подмигнул Матери-Исповеднице.

— Совет хочет, чтобы это было сделано, так? — Он хитро улыбнулся. — Значит, так тому и быть.

— Зедд... — Мать-Исповедница склонила голову набок. — Ты уверен?

— В чем? — спросила Эбби. — Вы собираетесь выплатить долг или нет?

— Ты же предъявила его к оплате. — Волшебник пожал плечами и, взяв со стола маленькую книжку, сунул ее в карман балахона. — Кто я такой, чтобы возражать?

— Добрые духи! — пробормотала себе под нос Мать-Исповедница. — Зедд, только потому, что Совет...

— Я всего лишь волшебник, выполняющий волю народа, — оборвал он.

— Но ехать туда — это огромный риск. И к тому же совершенно ненужный.

— Я должен быть рядом с границей, иначе эта штука заберет и часть Срединных Земель. Конни Кроссинг — вполне подходящее место, чтобы разжечь пожар.

Не помня себя от облегчения, Эбби едва слышала, что он говорит.

— Спасибо вам, волшебник Зорандер! Огромное спасибо!

Он обошел стол и сжал ей плечо тонкими, но неожиданно сильными пальцами.

— Мы с тобой связаны, ты и я. Связаны священным долгом. Наши жизненные пути пересекаются. — Его улыбка была одновременно приветливой и печальной. Он вложил в руку Эбби череп. — Пожалуйста, Эбби, зови меня Зеддом.

Она, чуть не плача, кивнула:

— Спасибо, Зедд.

На крепостном валу, который уже купался в ранних солнечных лучах, их окружили люди. Волшебник Томас, размахивая бумагами, протолкался вперед.

— Зорандер! Я изучил записи, которые ты мне дал. Мне нужно с тобой поговорить.

— Ну так говори, — ответил Первый Волшебник, не сбавляя шага. Толпа бежала за ним.

— Это безумие!

— А я никогда и не утверждал обратного.

Волшебник Томас потряс бумагами.

— Ты не можешь этого сделать, Зорандер!

— Совет постановил, что это должно быть сделано. Война должна закончиться до того, как Паниз Рал изобретет что-то такое, с чем мы не сможем справиться.

— Да нет, я не имею в виду, что этого безнравственно, просто ты не сумеешь этого сделать. Мы не понимаем магии, которой владели волшебники тех времен. Я просмотрел все, что ты мне дал. Даже при простой попытке создать эту штуку выделится невероятное количество тепла.

Зедд остановился, повернулся к Томасу и выгнул бровь в деланном изумлении.

— Пра-авда, Томас? Ты так думаешь? Заклинание огня, которое разорвет ткань мира живых, может вызвать нестабильность элементов?

Он вновь зашагал вперед, и Томас устремился за ним.

— Зорандер! У тебя не получится подчинить это своей воле! Даже если сумеешь запустить эту штуку — а я не утверждаю, что верю в такую возможность, — то создашь дыру в мироздании. Заклинание использует тепло, и дыра будет его подпитывать. Это будет лавина. Никто не в состоянии ее удержать!

— Я в состоянии, — пробормотал Первый Волшебник.

Томас гневно потряс кулаком с зажатыми в нем бумагами.

— Зорандер, из-за твоей самоуверенности мы все погибнем! Однажды созданная, пелена начнет расти и поглотит все живое! Я требую показать мне книгу, в которой ты нашел это заклинание. Я требую дать мне ее на изучение. Всю целиком, а не частично!

Волшебник Первого Ранга приостановился и поднял палец.

— Томас, если бы книга предназначалась тебе, то ты был бы Волшебником Первого Ранга и имел доступ в анклав. Но ты не Первый Волшебник и войти туда не можешь.

Томас побагровел.

— Это не что иное, как просто шаг отчаяния!

Волшебник Зорандер щелкнул пальцами. Бумаги вылетели из руки старого волшебника, загорелись и обратились в пепел, который тут же подхватил ветер.

— Иногда, Томас, единственное, что остается, — это пойти на отчаянный шаг. Я — Волшебник Первого Ранга и сделаю то, что должен сделать. И точка. Больше ничего не желаю слышать. — Он повернулся и схватил за рукав ближайшего офицера. — Поднимайте улан. Соберите всю кавалерию. Мы немедленно отправляемся в Пендисан Рич.

Офицер прижал кулак к груди и мгновенно исчез. Другой офицер, постарше и явно выше рангом, откашлялся.

— Волшебник Зорандер, могу ли я узнать, каковы ваши планы?

— Этот Анарго, — ответил волшебник, — который является правой рукой Паниза Рала, сеет смерть на нашей земле. Если говорить просто, я собираюсь посеять смерть на их земле.

— Отправив улан в Пендисан Рич?

— Да. Анарго засел в Конни Кроссинге. С севера к Пендисан Рич движется генерал Брайнард. С юга на соединение с ним идет генерал Сандерсон, а с юго-запада наступает Мар-

дейл. Мы придем туда с уланами и присоединим к их силам всю кавалерию.

— Анарго не глуп. Мы не знаем, сколько при нем волшебников и вообще людей, наделенных даром, но нам отлично известно, на что они способны. Они не раз заставляли нас отступать. — Офицер тщательно подбирал слова. — Наконец, мы нанесли им сокрушительный удар. Почему, по-вашему, они выжидают? Почему просто не уберутся обратно в Д'Хару?

Зедд уперся рукой в стенку и поглядел на огромный город внизу.

— Анарго обожает играть. Он задумал отличный спектакль. Он хочет, чтобы мы решили, будто их потери серьезны. Пендисан Рич — единственное место в горах, где армия может пройти быстрым маршем. Конни Кроссинг — большой плацдарм, но недостаточно широкий, чтобы мы могли быстро маневрировать и зажать их с флангов. Он пытается заманить нас в ловушку.

Офицер даже не удивился.

— Но почему?

Зедд через плечо глянул на офицера.

— Совершенно очевидно, что он надеется разбить нас в решающем сражении. Он знает, что мы не допустим, чтобы его армия и впредь угрожала нам оттуда, и ему известны наши планы. Он надеется заманить туда меня, убить и таким образом покончить с угрозой, источником которой являюсь лично я.

— Значит, — начал вслух рассуждать офицер, — вы считаете, что, с точки зрения Анарго, игра стоит свеч?

Зедд опять устремил взор на Эйдиндрил.

— Если Анарго окажется прав, он может выиграть в Конни Кроссинге всю войну. Прикончив меня, он спустит с цепи своих чародеев, которые перебьют наши основные силы, а затем, уже не встречая серьезного сопротивления, двинется к сердцу Срединных Земель — Эйдиндрилу. Анарго намерен еще до снегов покончить со мной, уничтожить все наши войска, заковать народы Срединных Земель в цепи и торжественно вручить кнут Панизу Ралу.

Офицер озадаченно уставился на волшебника.

— И вы собираетесь сделать именно то, на что он рассчитывает, и едете туда, чтобы столкнуться с ним?

Зедд пожал плечами.

— А у меня есть выбор?

— Но если вам ясен его план, можно хотя бы что-то предпринять.

— Боюсь, что нельзя. — Зедд смущенно махнул рукой и повернулся к Эбби. — У улан быстрые кони. Надеюсь, что мы прискачем туда вовремя — и тогда покончим с нашим делом.

Эбби только кивнула. Она была рада, что ее просьба удовлетворена, и вместе с тем ей было стыдно от того, что ее молитвы услышаны. Она обливалась потом от ужаса, думая о том, что натворила. Ей-то как раз планы д'харианцев были известны отлично.

Над высохшими разлагающимися внутренностями роились жирные мухи. Это было все, что осталось от призовых свиней Эбби. А весь племенной скот, подаренный родителями ей на свадьбу, забрали захватчики.

Мужа Эбби выбрали родители. Филип был уроженцем небольшого городка Линфорд, где мать с отцом купили свиней. Эбби места себе не находила от волнения, думая, кого же родители выберут ей в мужья. Она надеялась, что он окажется человеком легкого и веселого нрава и будет способен с улыбкой встречать жизненные невзгоды.

А впервые увидев Филипа, она решила, что он самый серьезный мужчина в мире. Его лицо, казалось, вообще не знает, что такое улыбка. И всю ночь после этой встречи Эбби проплакала в подушку из-за того, что ей предстоит прожить жизнь с таким унылым мужем.

Только потом Эбби выяснила, что Филип — очень трудолюбивый человек и смотрит на жизнь с веселой ухмылкой. Просто в их первую встречу он старался сохранять серьезное выражение лица, чтобы ее родители не посчитали его разгильдяем, недостойным их дочери. Очень быстро Эбби убедилась, что Филип — мужчина, на которого можно полностью положиться. Когда родилась Яна, она уже крепко любила его.

И вот теперь жизнь Филипа, как и жизнь многих других людей, зависит от нее.

Забросав могилу матери землей, Эбби встала и отряхнула руки. Изгородь, которую Филип так часто чинил под любопытным взглядом Яны, была вся переломана. Вернувшись в дом, Эбби обнаружила, что двери амбара выбиты и все, что могли съесть люди и звери, исчезло. Эбби не могла припомнить, чтобы в ее доме когда-либо царил такой беспорядок.

Это не имеет значения, сказала она себе. Лишь бы Яна вернулась к ней живой и здоровой. Изгородь можно починить. Свиней когда-нибудь купить. А вот Яну заменить нельзя никогда и никем.

— Эбби, — спросил Зедд, оглядываясь по сторонам, — как получилось, что твоего мужа и дочь и всех остальных взяли в плен, а тебя — нет?

Эбби прошла в разбитую дверь, размышляя о том, что никогда ее дом не казался ей таким крошечным. До того, как она попала в замок Волшебника, ей представлялось, что больше ее дома и быть не может. Здесь часто звучал смех Филипа. Присутствие мужа делало дом уютным и радостным. А на камине он угольком рисовал для дочки всяких зверушек.

— Под этой крышкой — погреб, — показала Эбби. — Там я и была, когда услышала то, о чем вам рассказывала.

Зедд носком сапога ткнул металлическое кольцо, за которое поднимался люк.

— Они уводили с собой твою семью, а ты сидела там? И не побежала на помощь дочке, когда та плакала и звала тебя?

— Я понимала, что если вылезу, — голос Эбби взлетел, — то меня они тоже схватят. И знала, что единственная надежда спаси своих близких — переждать, а потом идти за помощью. Моя мать часто говорила, что даже колдунья будет полной дурой, если станет действовать в одиночку. И всегда учила меня сначала думать, а потом что-то делать.

— Мудрый совет. — Зедд повесил на гвоздь продырявленный ковш, а потом ласково положил руку Эбби на плечо. — Я понимаю, как тебе было тяжело слышать плач дочери, но все же сохранить выдержку и поступить правильно.

— Твоими устами говорят добрые духи, — прошептала Эбби. Потом она показала пальцем в левое окно: — Там, по ту сторону реки Конни, находится город. Они забрали Яну с Филипом, а потом увели всех оттуда. У них есть и другие

пленные, которых они захватили раньше. Их войско расположилось лагерем на холмах за городом.

Зедд подошел к окну и бросил взгляд на холмы.

— Скоро, я надеюсь, этой войне придет конец. Добрые духи, пусть она закончится!

Помня предупреждение Матери-Исповедницы, Эбби ни разу не спросила волшебника о его дочери и погибшей жене. Всю дорогу до Конни Кроссинг она рассказывала ему о Яне и о том, как дочь ее любит. Сейчас Эбби думала, что эти разговоры, наверное, причиняли ему сильную боль — ведь он при этом вспоминал о своей дочке, которую сам обрек на смерть, чтобы спасти жизни многих людей.

Зедд открыл дверь в спальню.

— А здесь что?

Эбби очнулась от задумчивости.

— Спальня. Задняя дверь ведет в сад, к амбару.

Зедд вышел из спальни как раз в ту минуту, когда в проеме входной двери бесшумно возникла Делора.

— Как и говорила Абигайль, город за рекой разрушен, — доложила колдунья. — Всех жителей увели.

Зедд пригладил ладонью волосы.

— Далеко до реки?

— Да вот она. — Эбби махнула в сторону окна. Уже темнело. — Минут пять ходьбы.

Река Конни, впадающая в Керн, в долине замедляла течение и становилась широкой, но мелкой, и ее можно было перейти вброд. Поэтому здесь даже не было моста — дорога просто кончалась у реки и снова начиналась на другом берегу. Хотя в ширину река была чуть ли не в полмили, едва ли в ней было место, где вода доходила бы до колен. Лишь иногда весенние паводки создавали некоторые сложности при переправе. Городок Конни Кроссинг стоял в двух милях от противоположного берега, на склоне холма, и разлив ему не угрожал. Скотный двор Эбби был тоже построен на возвышении.

Зедд взял Делору за локоть.

— Поезжай назад и прикажи привести войска в боевую готовность. Если что-то пойдет не так... Ну, тогда пусть атакуют. Легион Анарго должен быть уничтожен, даже если за ним придется гнаться в самую глубину Д'Хары.

Делоре это явно не понравилось.

— Перед отъездом Мать-Исповедница взяла с меня обещание проследить, чтобы ты никогда не оставался один.

Эбби тоже слышала этот приказ. Когда они ехали по мосту от замка, Эбби оглянулась и увидела на валу Мать-Исповедницу. Она смотрела им вслед. Мать-Исповедница помогла ей, когда Эбби думала, что все потеряно. Интересно, что с ней станет?

И тут Эбби сообразила, что ей-то как раз гадать об этом не нужно. Она точно знает ее судьбу.

Волшебник только отмахнулся от слов колдуньи.

— Я помогу Эбби и тоже отправлю ее назад. Я не хочу, чтобы кто-то оказался поблизости, когда я буду творить заклинание.

Делора схватила его за воротник и притянула к себе. Казалось, она вот-вот отвесит ему оплеуху. Но колдунья лишь крепко обняла волшебника.

— Пожалуйста, Зедд, — прошептала она, — не вздумай лишить нас Волшебника Первого Ранга в твоем лице!

— И оставить вас на Томаса?! — Зедд хихикнул и погладил ее по темным волосам. — Да ни за что!

Еще не улеглась пыль из-под копыт лошади, уносившей Делору в темноту, а Зедд с Эбби уже спускались к реке. Эбби повела его по тропинке среди высокой травы под тем предлогом, что в отличие от дороги здесь можно пройти скрытно. И мысленно возблагодарила духов, что он не стал спорить.

Пока они шли, она обшаривала глазами глубокие тени по обе стороны тропинки. Сердце ее бешено колотилось. Всякий раз, как под ногами трещала ветка, Эбби вздрагивала.

Все произошло именно так, как она боялась. Впрочем, она знала это заранее.

Из темноты выскочила фигура в длинном плаще с глубоким капюшоном. Сильная рука отшвырнула Эбби в сторону. Зедд сбил противника с ног, и Эбби увидела блеск клинка. Волшебник присел и положил руку на плечо Эбби.

— Лежи!

На кончиках его пальцев заплясали огоньки. Он творил заклинание. Именно этого-то они от него и добивались.

Жгучие слезы навернулись на глаза девушки. Она схватила волшебника за рукав.

— Зедд, не пользуйся магией! — От боли, стиснувшей грудь, она едва могла говорить. — Не...

Из кустов выпрыгнула темная фигура. Зедд выбросил вперед руку, и ночь озарилась молнией.

Но закричал от боли и упал на землю он, а не его противник. Женщина встала над ним и грозно посмотрела на Эбби.

— Твоя работа закончена. Убирайся!

Эбби отползла в траву. Женщина отбросила капюшон и распахнула плащ. В темноте Эбби разглядела длинную косу и красную кожаную одежду. Это была одна из тех женщин, о которых Эбби рассказывала Мать-Исповедница. Морд-Сит.

Женщина с удовлетворением посмотрела на стонущего от боли волшебника.

— Так-так! Похоже, Волшебник Первого Ранга только что допустил большую ошибку! — Она склонилась над ним, скрипнув кожаными ремнями. — Мне подарили целую ночь, чтобы заставить тебя пожалеть о том, что ты осмелился оказать нам сопротивление. Я разрешу тебе полюбоваться, как наши войска уничтожат твою армию. А потом я отвезу тебя к Магистру Ралу, тому самому, который приказал убить твою жену. И ты будешь умолять его отдать приказ прикончить тебя. — Она ткнула Зедда носком сапога. — Ты будешь молить о смерти, глядя, как твою дочь убивают на твоих глазах.

Зедд лишь сдавленно вскрикнул от ужаса и боли.

Эбби отползла подальше и смахнула слезы, чтобы лучше видеть. Она была в ужасе, что является свидетелем того, как терзают человека, который согласился помочь ей всего лишь потому, что у него был долг перед ее матерью. В отличие от тех, кто заставил Эбби служить им, взяв в заложники ее дочь.

Внезапно Эбби увидела кинжал, который Зедд выбил из руки Морд-Сит. Кинжал был нужен Морд-Сит лишь для того, чтобы его разозлить, — а истинным оружием этой ужасной женщины была магия.

Эбби велели привести сюда Зедда, чтобы Морд-Сит могла его захватить. И она подчинилась. У нее не было выбора.

Но какую дань по ее вине придется заплатить другим!

Как она могла даже сделать попытку спасти жизнь своей дочери ценой гибели стольких людей? И Яна будет расти в рабстве у тех, кто уже убил многих и убьет еще больше? И жить с матерью, которая допустила такое? Яна будет расти,

униженно кланяясь Панизу Ралу и его прихвостням? Или, хуже того, будет довольна своей рабской участью, вырастет, не зная, что такое свобода, честь и достоинство?

Все это она ясно себе представила, и в голове у нее помутилось.

Она схватила кинжал. Зедд кричал от боли. Торопливо, чтобы не утратить решимости, Эбби двинулась к стоящей спиной к ней Морд-Сит.

Эбби приходилось резать свиней. И она твердила себе, что это ничуть не труднее. Это же не люди, а звери. Она замахнулась.

И тут ей рот закрыла чья-то рука. Вторая рука перехватила ее запястье.

Эбби сдавленно пискнула, возмущенная тем, что ей помешали положить конец этому безумию, но кто-то шепотом приказал ей замолчать.

Отчаянно вырываясь, Эбби повернула голову и увидела фиалковые глаза. В первое мгновение она не могла понять, каким образом эта женщина оказалась здесь, если Эбби своими глазами видела, что она осталась в замке. Но это действительно была Мать-Исповедница.

Эбби замерла. Мать-Исповедница выпустила ее и быстрым движением руки приказала отойти назад. Эбби, не задавая лишних вопросов, отступила в кусты, а Мать-Исповедница бросилась к женщине в красном. Морд-Сит была полностью поглощена своим грязным делом и не замечала, что происходит у нее за спиной.

Издалека доносилось пение сверчков. Громко квакали лягушки. Мягко плескалась река. Знакомые, успокаивающие звуки родного дома.

А потом воздух вздрогнул. Прогремел беззвучный гром, и этот удар едва не лишил Эбби сознания. Каждую косточку ее прожгло болью.

Никакой молнии — только воздушный удар. Мир на мгновение замер.

Трава полегла, словно под сильным ветром. Эбби никогда не доводилось этого видеть, но она точно знала — это Мать-Исповедница воспользовалась своей магией. Хельза рассказывала дочери, что эта магия полностью разрушает разум человека, не оставляя ничего, кроме безграничной

преданности Исповеднице. Потом Исповеднице оставалось только спросить, и человек рассказывал все, что от него хотели узнать.

— Приказывай, госпожа, — жалобно простонала Морд-Сит.

Эбби, постепенно приходя в себя, смотрела, как корчится в траве женщина в алой одежде. Внезапно кто-то схватил Эбби за руку. Это оказался волшебник.

Другой рукой он стер кровь с разбитых губ. Дыхание его было тяжелым.

— Предоставь это ей.

— Зедд... Я... Прости меня. Я хотела предупредить тебя, чтобы ты не пользовался магией, но ты не услышал.

Ему было очень больно, но он сумел выдавить из себя улыбку.

— Я тебя отлично слышал.

— Тогда почему?..

— Я не сомневался, что в конце концов ты все же окажешься неспособной на предательство. — Он потащил Эбби прочь, подальше от душераздирающих воплей. — Мы использовали тебя. Мы хотели, чтобы они считали, будто им удалась их затея.

— Ты знал, что я собираюсь сделать?! Знал, что я должна привести тебя сюда, чтобы они тебя схватили?!

— Ну, вообще-то да. С самого начала было понятно, что за всем этим скрывается нечто большее, чем ты хотела показать. Знаешь, из тебя никудышный шпион и предатель. С той минуты, как мы сюда приехали, ты шарахалась от каждой тени и вздрагивала от каждого комариного писка.

К ним подбежала Мать-Исповедница.

— Зедд, как ты?

— Выживу. — Он положил руку ей на плечо. В глазах его еще отражался ужас. — Спасибо, что не опоздала. На какое-то мгновение я испугался...

— Знаю. — На губах Матери-Исповедницы мелькнула улыбка. — Будем надеяться, что твоя уловка сработает. У тебя есть время до рассвета. Она сказала, что ей предоставили возможность мучить тебя всю ночь. Их разведчики сообщили Анарго о прибытии наших войск.

Морд-Сит в кустах кричала так, будто с нее заживо сдирают кожу.

Эбби передернулась.

— Они услышат ее и поймут, что произошло.

— Даже если они и услышат что-нибудь на таком расстоянии, то подумают, что это она мучает Зедда. — Мать-Исповедница вынула кинжал из руки Эбби. — Я рада, что ты оправдала мою веру в тебя и в конечном итоге предпочла не становиться на их сторону.

Эбби вытерла ладони о платье. Ей было отчаянно стыдно за то, что она сделала, за то, что собиралась сделать. Ее начало трясти.

— Вы убьете ее?

Мать-Исповедница выглядела полностью измотанной после волшебного прикосновения к Морд-Сит, но в глазах ее по-прежнему горела железная решимость.

— Морд-Сит отличаются от других людей. Прикосновение Исповедницы их убивает. Она будет чудовищно страдать, пока не умрет. Смерть наступит под утро. — Она оглянулась туда, откуда доносились вопли. — Она рассказала все, что нам нужно было узнать, а Зедду необходимо получить обратно свою магию. Пожалуй, так даже лучше.

— И тогда я сделаю то, что должен. — Волшебник взял Эбби за подбородок и повернул ее лицо в сторону от криков. — А ты можешь попытаться вызволить Яну. У тебя есть время до утра.

— У меня есть время до утра? Что ты хочешь сказать?

— Я объясню. Но мы должны поспешить, если ты хочешь успеть. Раздевайся.

Время стремительно утекало.

Эбби шла по д'харианскому лагерю, стараясь держаться прямо и гордо, хотя на самом деле была в полном отчаянии. Всю ночь она вела себя так, как велел ей волшебник: сохраняла на лице высокомерное выражение, каждого, кто обращал на нее внимание, обливала холодным презрением, а тех, кто стремился с ней заговорить, гневно обрывала.

Впрочем, немногим хватало смелости привлечь к себе внимание женщины, облаченной в красное платье Морд-Сит. Зедд также велел ей сжимать в кулаке оружие Морд-Сит. Это был ничем не примечательный маленький красный стержень, и Эбби представления не имела, как он действует.

Волшебник ограничился сообщением, что тут задействована магия и что Эбби не сможет призвать ее. Но и без магии стержень отлично выполнял свое предназначение: увидев его, любопытные солдаты быстренько исчезали в темноте, стараясь убраться подальше от света костров и от самой Эбби. Даже стражники, заметив косу, которую Зедд вплел в волосы Эбби, отворачивались, не желая связываться с Морд-Сит.

Д'харианцы боялись ее — но они и понятия не имели, как отчаянно колотится ее сердце и как она благодарна, что под покровом ночи не видно, как у нее трясутся колени. Блуждая по лагерю, Эбби наткнулась на двух настоящих Морд-Сит — но обе, хвала добрым духам, спали. Вряд ли Эбби удалось бы так легко обвести вокруг пальца подлинных Морд-Сит.

Зедд дал ей время до рассвета. И это время стремительно подходило к концу. Еще волшебник предупредил ее, что если она не вернется вовремя, то погибнет.

Эбби была рада, что хорошо знает местность, иначе она давным-давно уже заблудилась бы среди множества палаток, костров, фургонов, лошадей и мулов. Повсюду остриями вверх стояли сложенные шалашиком копья и пики, в воздухе висел дым от костров и стоял невообразимый шум — кузнецы и прочие ремесленники ковали железо и обрабатывали дерево, изготовляя всякую всячину — от осей для фургонов до луков и стрел. Эбби не понимала, как можно спать в таком грохоте, но солдаты тем не менее спали как убитые.

Впрочем, скоро огромный лагерь проснется, готовый к новому дню. Готовый к сражению — делу, которое солдаты лучше всего умеют делать. Они хорошо выспятся и, полные свежих сил, приступят к уничтожению вражеской армии. Судя по тому, что Эбби доводилось слышать, д'харианские солдаты отлично справлялись со своей работой.

Эбби искала всю ночь, но так и не нашла ни мужа, ни отца, ни дочери. Но она не собиралась сдаваться, хотя в душе смирилась с мыслью, что если не найдет их, то умрет вместе с ними.

Она видела пленных, связанных между собой и прикрученных к деревьям или вбитым в землю кольям, чтобы не убежали. Многие были скованы цепями. Некоторых Эбби узнала, но в основном эти люди были ей незнакомы.

И за все время Эбби ни разу не попался на глаза хоть один заснувший на посту стражник. Когда они смотрели на нее, она делала вид, что ищет кого-то и что, когда найдет того, кто нужен, тому жизнь медом не покажется. Зедд четко объяснил ей, что ее жизнь и жизнь ее близких зависит от того, насколько убедительно она сыграет свою роль. Эбби мысленно представляла, как эти люди мучают ее дочь, и ей не составляло труда изображать кипящую ярость.

Но отпущенное ей время подходило к концу. Она понимала, что Зедд ждать не станет. Слишком многое поставлено на карту. Это она тоже теперь понимала.

Эбби откинула полог очередной палатки и обнаружила спящих солдат. Присев на корточки, она заглянула в лица привязанных к фургонам пленников и встретила взгляды, полные ужаса. Дети, спасаясь от кошмаров, крепко прижимались друг к другу во сне. Но Яны среди них не было. Лагерь простирался на несколько миль, и отыскать в нем девочку было все равно что найти иголку в стоге сена.

Проходя мимо очередной линии палаток, Эбби почесала запястье и, только пройдя еще несколько шагов, сообразила, что рука чешется из-за того, что браслет нагрелся. Она пошла дальше, но уже медленнее. Браслет нагрелся сильнее, потом начал остывать. Эбби нахмурилась, развернулась и пошла обратно.

Там, где между палатками дорожка сворачивала в сторону, браслет опять нагрелся. Эбби остановилась, вглядываясь во тьму. Небо только-только начинало розоветь на востоке. Потом она пошла между палатками, повернула назад, когда браслет остыл, и выбрала другое направление.

Мать велела Эбби никогда не снимать браслет и сказала, что в один прекрасный день он ей пригодится. Эбби подумала — не заключена ли в браслете какая-то магия, которая поможет ей отыскать Яну? Близился рассвет, и это была ее последняя надежда.

Браслет, продолжая нагреваться, привел ее к большой палатке, окруженной спящими на земле солдатами. Часовые, как всегда, сделали вид, что не замечают Морд-Сит.

Не имея никакого представления, что делать дальше, Эбби шагала между спящими солдатами. Возле палатки браслет полыхнул жаром.

Из-под полога палатки выбивался свет. По всей вероятности, внутри горела свеча. Чуть в стороне Эбби заметила спящую женщину и, подойдя ближе, узнала ее. Мариска.

Старуха во сне тихо похрапывала. Эбби застыла. Стражники уставились на нее.

Не дожидаясь, пока они начнут задавать вопросы, Эбби решительно двинулась к палатке, метнув на часовых разъяренный взгляд. Она старалась не шуметь. Солдаты могут принять ее за Морд-Сит, но Мариску ей обмануть вряд ли удастся. Гневного взгляда хватило, чтобы часовые предпочли смотреть в другую сторону.

Сердце стучало так, словно вот-вот вырвется из груди. Эбби взялась за полог. Она знала, что там, в палатке, ее Яна. Она мысленно приказала себе не плакать, когда увидит дочь, и напомнила, что должна тут же зажать дочке рот ладонью, чтобы та не закричала от радости, иначе их схватят прежде, чем они успеют удрать.

Браслет раскалился так, что едва не жег кожу. Эбби нырнула под полог.

На подстилке дрожала маленькая девочка в рваном шерстяном плаще. Эбби едва не задохнулась от боли. Это была не Яна.

Девочка и Эбби уставились друг на друга. В свете свечи Эбби видела, как на лице девочки страх борется с надеждой: свеча освещала и Эбби. Поэтому ребенок мог ее хорошо разглядеть и понять, что она не та, за кого себя выдает.

Наконец девочка пришла к решению и умоляюще протянула руки.

Эбби непроизвольно упала на колени и обняла ее.

— Помоги мне! Пожалуйста! — всхлипнула малышка Эбби на ухо.

Эбби хорошо успела рассмотреть ее личико. Никаких сомнений быть не могло. Это дочь Зедда.

— Я пришла, чтобы тебе помочь, — успокоила девочку Эбби. — Меня прислал Зедд.

Малышка радостно пискнула.

Эбби чуть отодвинула девочку и посмотрела ей в глаза.

— Я отведу тебя к папе, но никто не должен догадаться, что я спасаю тебя. Ты должна мне помочь. Сможешь прикинуться пленницей, чтобы я смогла вывести тебя отсюда?

Девчушка кивнула. У нее были такие же волнистые волосы, как у Зедда, и такие же глаза, только серые, а не ореховые.

— Вот и отлично! — прошептала Эбби и погладила девочку по щеке. Она не могла отвести взгляда от этих пронзительных серых глаз. — Тогда доверься мне, и мы с тобой выберемся отсюда.

— Я тебе верю, — раздался тоненький голосок.

Эбби схватила валявшуюся возле подстилки веревку и набросила девочке на шею.

— Я не сделаю тебе больно, но часовые снаружи должны поверить, что ты — моя пленница.

Девочка с опаской глянула на веревку, словно эта веревка была ей хорошо знакома, а потом кивнула.

Выйдя из палатки, Эбби выпрямилась и вытащила за собой на веревке малышку. Стражники посмотрели на нее. Эбби ответила гневным взглядом.

Один из часовых подошел ближе и нахмурился.

— Что происходит?

Эбби остановилась и ткнула красным стрежнем чуть ли не в нос солдату.

— Ее призывают. И кто ты такой, чтобы задавать мне вопросы? Убирайся с дороги, не то я прикажу тебя выпотрошить и вычистить мне на завтрак!

Солдат побледнел и сразу же отступил. Не давая ему времени опомниться, Эбби быстро двинулась вперед, волоча за собой понурую девочку.

Никто не стал их догонять. Эбби хотелось побежать, но она понимала, что этого делать нельзя. Ей хотелось взять девочку на руки, но и этого она не могла. Все должно выглядеть так, будто Морд-Сит ведет куда-то пленницу.

Вместо того чтобы пойти кратчайшим путем, Эбби поднялась к холмам выше по реке, где деревья доходили почти до самой кромки воды. Зедд объяснил ей, где перейти реку, и предупредил, чтобы она не вздумала идти другой дорогой. Он повсюду устроил магические ловушки, чтобы д'харианцы внезапно не атаковали с холмов и не помешали ему сделать то, что он собирался.

По пути к реке Эбби увидела чуть в стороне висящую низко над землей полоску тумана. Зедд строго-настрого за-

претил ей приближаться к какому-либо туману или дымке. Эбби подозревала, что это какое-то ядовитое облако, которое он наколдовал.

По шуму воды она поняла, что река уже близко. Розовеющее небо уже достаточно освещало землю, чтобы Эбби смогла разглядеть воду, когда подошла к краю леса. Оглянувшись, она увидела огромный лагерь на холмах позади и, лишний раз убедившись, что их с малышкой никто не преследует, сняла с шеи девчушки веревку. Потом она взяла ее на руки и крепко прижала к себе.

— Держись крепче и сиди тихо.

Девчушка кивнула. Эбби положила ее голову себе на плечо и что было сил побежала к реке.

Было светло, но это был не рассвет. Эбби впервые обратила на это внимание, когда перебралась на другой берег. Еще до того, как она увидела источник света, Эбби поняла, что магия, которую творит Зедд, не имеет ничего общего с тем волшебством, какое ей когда-либо доводилось видеть. Над рекой позади нее пронесся пронзительный тихий звук. Запахло так, будто горел сам воздух.

Девчушка цеплялась Эбби за шею; по щекам ее текли слезы, но она даже не всхлипнула, боясь, вероятно, что если издаст хоть малейший звук, то все растает как сон. Эбби чувствовала, что и сама плачет.

Дойдя до излучины, она увидела волшебника. Он стоял посреди реки на камне, которого Эбби тут никогда прежде не видела. Камень чуть возвышался над водой, и казалось, что волшебник стоит прямо на волнах.

Лицо его было обращено к Д'Харе. Перед волшебником плавали темные тени, протягивая к нему руки и жадные пальцы, похожие на струйки дыма.

Вокруг волшебника танцевал свет. Одновременно темный и нестерпимо яркий, он сливался с колышущимися в воздухе черными силуэтами. Это было и самое чудесное, и самое пугающее зрелище, какое Эбби видела за всю свою жизнь. Магия ее матери не шла ни в какое сравнение с этим.

Но страшнее всего был предмет, висящий в воздухе перед волшебником. Огненная сфера, раскаленная, светящаяся изнутри. Поверхность ее переливалась жидким огнем. Из

реки бил в небо фонтан, и вода сверху поливала раскаленную сферу.

Касаясь ее поверхности, вода с шипением испарялась, и легкий ветерок уносил облачка пара. Сфера на мгновение темнела, но тут же от внутреннего жара раскалялась вновь, булькая и бурля. Пульсирующая, наводящая ужас опасность.

Не сводя с нее глаз, Эбби опустила девочку на вязкую землю.

— Папа! — закричала малышка, протягивая руки к волшебнику.

Зедд стоял слишком далеко, чтобы услышать, но все же услышал.

Он повернулся. Он стоял, огромный, как сама жизнь, посреди клубящейся магии, которую Эбби видела, но была не в состоянии осознать, и в то же время маленький в своей человеческой уязвимости. Он посмотрел на дочь, и глаза его наполнились слезами. Этот человек, который, казалось, совещается с самими добрыми духами, выглядел так, будто впервые воочию лицезрел явление духа.

Зедд спрыгнул с камня и помчался по воде к берегу. Оказавшись в его объятиях, малышка заревела, выплескивая накопившийся страх.

— Ну-ну, солнышко, — утешал ее Зедд. — Папа с тобой!

— Ой, папа, — рыдала она, уткнувшись ему в шею, — Они били маму! Они такие злые! Они так ее били...

— Я знаю, солнышко. Знаю, — ласково успокаивал дочку волшебник.

Только сейчас Эбби заметила стоящих в стороне колдунью и Мать-Исповедницу. Они тоже прятали слезы, растроганные зрелищем. Эбби была рада за волшебника, но эта сцена напомнила ей о том, что она сама потеряла. Девушка зарыдала от невыносимой душевной боли.

— Ну-ну, солнышко, — повторял Зедд дочери. — Ты теперь в безопасности. Папа больше не даст тебя в обиду. Тебе ничто не грозит.

Он повернулся к Эбби и благодарно улыбнулся ей сквозь слезы. Девочка внезапно уснула у него на руках.

— Небольшое заклинание, — объяснил Зедд, когда брови Эбби изумленно поползли вверх. — Ей нужно отдохнуть. А мне — закончить начатое.

Он передал дочку Эбби.

— Ты не отнесешь ее к себе домой? Пусть она поспит там, пока я не закончу. Пожалуйста, положи ее в кровать и укрой чем-нибудь, чтобы она не замерзла. Она будет спать довольно долго.

Эбби смогла лишь кивнуть. Она была рада за Зедда и даже гордилась тем, что спасла его дочь, но от этого ее боль за своих близких меньше не становилась.

Эбби уложила спящую малышку на свою кровать, задернула на окне занавеску и, не удержавшись, перед тем как уйти, погладила мягкие волосы девочки и поцеловала ее в лобик.

Потом Эбби помчалась обратно по склону к реке. Она хотела попросить Зедда дать ей еще хоть капельку времени. От страха за Яну ее сердце бешено колотилось. На волшебнике лежит долг, перешедший к нему от отца, и он этот долг еще не выплатил.

Тяжело дыша, Эбби остановилась у кромки воды. Волшебник снова стоял на камне посередине реки, и вокруг него плясали свет и тени. Эбби была достаточно хорошо знакома с магией, чтобы ей хватило ума не приближаться к нему. Она слышала, как он произносит какие-то слова. Хотя Эбби таких слов никогда не слыхала, она сразу узнала напевный речитатив заклинания, вызывающего к действию могучие силы.

На земле возле нее была нарисована та необычная Благодать, которую Зедд тогда рисовал в замке. Та самая, где был прорыв между миром жизни и смерти. Благодать была нарисована сверкающим чистым белым песком, ярко выделявшимся на темной глине. Эбби содрогалась от одного взгляда на нее, хотя и представления не имела, что она означает. Вокруг Благодати тем же белым песком были тщательно выписаны строгие формы магических рун.

Эбби уже собиралась окликнуть волшебника, но тут к ней подошла Делора.

— Не сейчас, Абигайль, — сказала колдунья. — Не отвлекай его.

Эбби неохотно починилась. Мать-Исповедница тоже приблизилась. Эбби, закусив губу, смотрела, как волшеб-

ник воздел руки. Клубящиеся тени утонули в потоке разноцветных искр.

— Но мне нужно! — упрямо сказала Эбби. — Я не смогла отыскать свою семью. Он должен мне помочь. Должен их спасти. Это священный долг, и он обязан его заплатить.

Колдунья и Мать-Исповедница переглянулись.

— Эбби, — сказала Мать-Исповедница, — он дал тебе время. Он попытался тебе помочь. Он сделал все, что мог, но теперь он должен думать о других.

Мать-Исповедница взяла за руку рыдающую Эбби, а колдунья обняла девушку за плечи. Эбби едва почувствовала их прикосновения. Отчаяние обрушилось на нее как каменная стена.

За д'харианским лагерем над холмами показалось солнце. Здесь река была не такой широкой, как в других местах, и Эбби могла видеть, что происходит за деревьями. К реке продвигались люди, но туман, окутавший противоположный берег, не давал им выйти из леса.

А потом на том берегу появился еще один волшебник и тоже начал творить заклятия. Как и Зедд, он стоял на камне, и с его рук срывались яркие молнии.

Больше сдерживаться Эбби не могла.

— Зедд! — закричала она. — Зедд! Пожалуйста! Ты же обещал! Я нашла твою дочь! А как же моя? Прошу тебя, не делай этого, пока я ее не спасу!

Зедд повернулся и посмотрел на нее словно из какого-то другого мира. Руки темных фигур ласкали его. Пальцы черного дыма коснулись его щеки, требуя внимания, но волшебник смотрел на Эбби.

— Прости. — Несмотря на расстояние, Эбби отчетливо расслышала эти слова, произнесенные шепотом. — Я дал тебе время. Больше я откладывать не могу, иначе другие матери будут оплакивать своих детей — и те матери, что живы, и те, что уже в мире духов.

Он вернулся к своей магии, и Эбби завыла в голос. Колдунья и Мать-Исповедница пытались успокоить ее, но Эбби не хотела, чтобы ее утешали в таком горе.

По холмам прокатился раскат грома. К небу взметнулись языки света, и они были ярче самого солнца. Магия, противостоящая Зедду, расползалась все дальше и дальше.

Ослепительные языки клубились, как дым, переплетаясь со светом, окутавшим Зедда. Туман на том берегу внезапно растаял.

Зедд в ответ шире развел руки. Сверкающее горнило кипящего огня громыхнуло. Фонтан, бьющий из реки, превратился в струю пара. Воздух застонал, словно бы протестуя.

На том берегу из леса появились д'харианские солдаты, толкая перед собой пленников. Люди с воплями ужаса попытались остановиться перед магией Зедда, но их тут же подтолкнули вперед наконечниками копий.

Эбби видела, как те, кто отказался идти вперед, пали под ударами мечей. Услышав их предсмертные крики, остальные пленники ринулись вперед, как овцы от стаи волков.

Если Зедду не удастся совершить задуманное, на долину обрушится армия Срединных Земель. И пленники окажутся между двумя армиями.

На противоположный берег выбежала какая-то женщина, волоча за собой ребенка. Эбби внезапно облилась холодным потом. Это была Мариска. Эбби быстро оглянулась на свой дом. Этого не может быть! Она снова вгляделась в противоположный берег.

— Не-е-ет!!! — закричал Зедд.

Мариска держала за волосы его дочь.

Каким-то образом Мариска выследила Эбби и нашла спящего в ее доме ребенка. Поскольку за девочкой никто не присматривал, старуха выкрала малышку.

Мариска поставила девочку перед собой, чтобы Зедд хорошо ее видел.

— Остановись и сдавайся, Зорандер, иначе она умрет!

Эбби вырвалась из рук Делоры и Матери-Исповедницы и побежала к камню, сражаясь с течением. Зедд повернулся и посмотрел ей в глаза.

Под его взглядом Эбби застыла.

— Прости! — Ее голос звучал как предсмертный стон. — Я думала, что она в безопасности!

Зедд решительно кивнул. Он ничего не мог поделать. Он вновь повернулся лицом к врагу и воздел руки, словно приказывал всем замереть — и людям, и магии.

— Отпусти пленных! — крикнул Зедд волшебнику д'харианцев. — Отпусти их, Анарго, и я подарю вам жизнь!

Хохот Анарго разнесся над рекой.

— Сдавайся, — прошипела Мариска, — или ей конец!

Старуха выхватила кинжал, который носила за кушаком, и прижала лезвие к горлу ребенка. Девочка кричала от ужаса и тянула руки к отцу.

Эбби двинулась вперед, громко умоляя Мариску отпустить девочку Зедда. Старуха обратила на ее слова не больше внимания, чем на слова Зедда.

— Последняя возможность! — крикнула Мариска.

— Ты ее слышал, — рявкнул Анарго с того берега. — Сдавайся немедленно, или она умрет!

— Ты знаешь, что я не поставлю свои интересы превыше интересов моего народа! — ответил Зедд. — Это наш с тобой поединок, Анарго! Опусти их!

Смех Анарго эхом разнесся по реке.

— Ты глупец, Зорандер! Ты упустил возможность! — Его лицо исказилось в бешеной ярости. — Убей ее! — приказал он Мариске.

Зедд сжал кулаки и яростно закричал.

Мариска подняла девочку за волосы и одним взмахом перерезала ей горло.

Девочка обмякла. Кровь заливала корявые пальцы Мариски. Наконец она нанесла последний удар, и обезглавленное тельце ребенка упало на землю. Эбби почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Глина на берегу стала красной.

С победным криком Мариска подняла вверх отрезанную голову. С обрубка шеи свисали лоскутья кожи и капала кровь. Рот навечно остался открытым в безмолвном вопле.

Эбби обняла колени Зедда.

— О добрые духи, прости! Зедд, прости меня!

— Ну а теперь, дитя, что, по-твоему, я должен сделать? — раздался у нее над головой хриплый голос Зедда. — Хочешь, чтобы я дал им возможность победить, дабы избавить твою Яну от той участи, которая постигла мою дочь? Скажи, дитя, что мне делать?

Эбби не могла молить о спасении своей семьи ценой того, что чудовища, которые стоят за рекой, захватят ее родину. Ее измученное сердце не могло этого допустить. Разве может она погубить всех остальных только ради того, чтобы выжили те, кто ей дорог?

Тогда она будет ничем не лучше этой Мариски, убившей невинное дитя.

— Убей их всех! — крикнула Эбби волшебнику. Она указала рукой на Мариску и ненавистного волшебника Анарго. — Прикончи ублюдков! Уничтожь их всех до одного!

Руки Зедда взлетели вверх. Громыхнул громовой раскат, и кипящая сфера погрузилась в воду, будто волшебник отпустил невидимую веревочку. Земля содрогнулась. В небо ударил гигантский гейзер, и поверхность реки вспенилась.

У Эбби подкосились ноги, и она села на дно, погрузившись в воду по грудь. Зедд повернулся, схватил ее за руку и втащил на камень.

Здесь был другой мир.

Неясные фигуры потянулись и к Эбби. Потянулись к ней из мира мертвых. И от их прикосновений боль утихла, Эбби овладели пугающая радость и умиротворение. Свет наполнил ее тело, как воздух наполняет легкие, и взорвался мириадами разноцветных искр перед ее внутренним взором. Потом ее оглушил низкий рев магии.

Зеленый свет распорол поверхность реки. Анарго на том берегу рухнул на землю. И камень, на котором он стоял, разлетелся на тысячи острых осколков. Воздух вокруг вражеских солдат наполнился дымом и вспышками света.

— Бегите! — завопила Мариска. — Бегите, пока не поздно! Спасайтесь! — Сама она уже неслась к холмам. — Бросьте пленников, пусть подыхают! Спасайтесь сами! Бегите!

Толпа на берегу всколыхнулась. Солдаты побросали оружие, отшвырнули веревки и цепи, на которых вели пленников, и, меся ногами глину, развернулись и побежали. В одно мгновение грозная армия превратилась в стадо испуганных коз.

Уголком глаза Эбби видела, как Мать-Исповедница с колдуньей кинулись через реку на другой берег. Хотя вода едва достигала колен, женщины вязли в ней, как в грязи.

Эбби воспринимала происходящее как сон. Она плавала в окружающем ее свете. Боль и удовольствие смешались в одно. Свет и тьма, звук и тишина, печаль и радость — все стало одним, всем и ничем, слившись в котле клокочущей магии.

На другом берегу д'харианская армия исчезла за деревьями. Взметнулись клубы пыли — это д'харианцы удирали кто

верхом, кто в фургонах, кто пешком. А Мать-Исповедница с колдуньей, добравшись до берега, гнали пленников в воду, что-то яростно крича им — впрочем, Эбби не слышала слов, настолько она была поглощена странной гармонией проносившихся в мозгу разноцветных видений, затмевающих то, о чем пытались ей поведать ее глаза.

У нее промелькнула мысль, что она умирает. И вслед за ней мелькнула другая — что это не имеет значения. А потом ее разум снова погрузился в холодный свет и горячий свет, барабанный ритм магии и слов слились в единый ритм. В объятиях волшебника она чувствовала себя так, будто ее снова обнимают материнские руки. Может быть, так оно и было.

Потом Эбби осознала, что на берег на стороне Срединных Земель выбираются люди и бегут, подгоняемые Матерью-Исповедницей и колдуньей. Они исчезали в кустарнике, а потом Эбби увидела их снова уже вдалеке, за высокой травой, бегущими вверх по холму, подальше от рвущейся из реки магии.

Мир загрохотал. Подземный толчок отозвался в груди Эбби острой болью. Утренний воздух разорвал звон, будто переломился гигантский клинок. Вода бурлила и клокотала.

Горячий пар обжег Эбби ноги. Даже воздух побелел от жара. По ушам ударил такой грохот, что она зажмурилась. Но и с закрытыми глазами она видела смутные тени, кружащиеся в изумрудном сиянии. Все смешалось у нее в голове, мысли разбегались. Зеленая ярость пронзила ее тело и душу.

Эбби стало больно, будто внутри что-то разорвалось. Ахнув, она открыла глаза. От того места, где стояли они с Зеддом, по направлению к противоположному берегу катился чудовищный вал зеленого пламени. Вода встала стеной, словно в ливень — только этот ливень обрушился не с неба на землю, а наоборот. Над поверхностью реки переплетались молнии.

И когда этот вал достиг берега, земля раскололась. Из разлома, будто кровь, брызнули фиолетовые молнии.

Но страшнее всего был вой, который раздался сразу же вслед за этим. Эбби не сомневалась, что это выли мертвецы. Ей казалось, что ее душа стонет от сочувствия к крикам, наполнившим воздух. В уходящем все дальше зеленом вале

мерцающего огня кружились и извивались тени. Они кричали, молили и пытались вырваться из мира мертвых.

И тут Эбби поняла, что это за стена зеленого пламени. Это была смерть, вторгнувшаяся в мир жизни.

Волшебник прорвал границу между мирами.

Эбби понятия не имела, сколько прошло времени. В том странном мире света, в котором она купалась, времени не существовало, как не существовало и ничего прочного и материального. Не было ни одного знакомого ощущения, за которое можно было бы зацепиться, чтобы осознать происходящее.

Эбби показалось, что зеленый вал остановился среди деревьев на склоне холма. Деревья, по которым он прокатился, и те, что она видела за мерцающим занавесом, почернели и скорчились от прикосновения самой смерти. Даже трава, по которой прошел этот жуткий огонь, пожухла и почернела, будто выжженная солнцем.

На глазах у Эбби стена помутнела. А потом стала то исчезать, то снова появляться — иногда как мерцающий зеленый отблеск, а иногда — лишь как слабая дымка вроде тумана, только что севшего на землю.

И она росла в длину, эта стена смерти, пересекшая мир живых.

Потом Эбби осознала, что снова слышит шум реки, знакомое, успокаивающее журчание, которое она слышала всю жизнь и которое обычно не замечала.

Зедд спрыгнул с камня и помог слезть Эбби. Перед глазами у нее все кружилось, и в голове была странная звенящая пустота.

Зедд щелкнул пальцами, и камень, на котором они только что стояли, подпрыгнул в воздух. Эбби ахнула от испуга, а в следующее мгновение — она даже не проверила своим глазам — Зедд поймал камень, который стал совсем крошечным, не больше яйца. Сунув камень в карман, волшебник подмигнул Эбби, и она подумала, что это еще более странно, чем даже здоровенный валун, ставший крошечным камешком и лежащий теперь у него в кармане.

На берегу их ждали Мать-Исповедница и колдунья. Протянув руки, они помогли Эбби выбраться из воды.

— Зедд, почему она не движется? — мрачно спросила колдунья.

На взгляд Эбби, это прозвучало скорее как обвинение, чем вопрос. Впрочем, Зедд все равно пропустил слова Делоры мимо ушей.

— Зедд, — пробормотала Эбби, — Прости меня! Это моя вина! Я не должна была оставлять ее одну. Мне нужно было остаться. Прости.

Волшебник, не слушая, смотрел на стену смерти на противоположном берегу. Он провел согнутыми пальцами по груди, будто призывая что-то внутри себя.

И вдруг, сотрясая воздух, у него в руках заревел огонь. Зедд вытянул руки перед собой, словно преподносил подарок. Эбби заслонила лицо от нестерпимого жара.

Зедд поднял над головой ревущий клубок жидкого пламени. Клубок рос в его руках, вращаясь и дрожа, ревя и шипя от ярости.

Женщины отошли назад. Эбби знала, что это за огонь. Как-то раз она слышала от матери слова «огонь волшебника». Даже тогда, не видя и не зная, как он выглядит, эти шепотом произнесенные слова заставили Эбби содрогнуться. Огонь волшебника — это смерть, им пользуются, чтобы уничтожить врага. И то, что Зедд держал в руках, не могло быть ничем иным.

— За то, что ты убил мою любимую, мою Эрилин, мать нашей дочери, и возлюбленных многих ни в чем не повинных людей, я шлю тебе, Паниз Рал, этот дар смерти, — прошептал Зедд.

Он развел руки. Жидкое сине-желтое пламя, повинуясь своему господину, с ревом понеслось, набирая скорость, к Д'Харе. Миновав реку, оно помчалось, как разъяренная, бешено ревущая молния, оставляя за собой тысячи ярких искр.

Огонь волшебника пролетел над растущей зеленой стеной, чуть задев ее край. Зеленое пламя всколыхнулось, и клочки его потянулись за желто-синим огнем волшебника, как дым за бегущим пламенем. Смертельная смесь с ревом унеслась к горизонту. Все стояли замерев и смотрели вслед огненному шару, пока последний отблеск не растаял вдали.

Зедд, бледный и усталый, повернулся к ним. Эбби схватила его за балахон.

— Зедд, прости меня. Я не...

Он прижал палец к ее губам, и она замолчала.

— Тебя кое-кто ждет.

Он показал кивком головы. Эбби обернулась. Возле кустов стол Филип, держа за руку Яну. Эбби чуть не задохнулась от счастья. Филип улыбнулся знакомой улыбкой. Рядом с ним стоял отец Эбби и, тоже улыбаясь, одобрительно кивал дочери.

Эбби, вытянув руки, помчалась к ним. Яна сморщилась и спряталась за спину отца. Эбби упала на колени перед дочкой.

— Это мама, — сказал Филип Яне. — Просто у нее другая одежда.

Эбби сообразила, что Яна испугалась красного кожаного платья, которое было на ней, и улыбнулась сквозь слезы.

— Мама! — закричала Яна, увидев ее улыбку.

Эбби обняла дочку и почувствовала на плече ласковое прикосновение руки Филипа. Поднявшись, Эбби обвила его рукой за талию. Другой рукой она продолжала обнимать дочь. Отец ласково потрепал ее по спине.

Зедд, Делора и Мать-Исповедница повели их на холм, где ждали остальные бывшие пленники. Там же стояли военные, главным образом офицеры, некоторых из которых Эбби узнала, и волшебник Томас. Среди освобожденных были жители Конни Кроссинга, люди, которые не слишком жаловали Эбби, дочь колдуньи. Но это были ее земляки, ее соотечественники, люди, которых она хотела спасти.

Зедд положил руку Эбби на плечо. Эбби с внезапным ужасом заметила, что его волнистые каштановые кудри стали белее снега. И ей не понадобилось зеркала, чтобы понять — после соприкосновения с миром мертвых ее волосы стали такими же.

— Это Абигайль, дочь Хельзы, — громко произнес волшебник, обращаясь к собравшимся. — Она пришла в Эйдиндрил, чтобы заручиться моей помощью. Хотя сама она и не владеет магией, но благодаря ей вы обрели свободу. Она достаточно хорошо заботится о вас, чтобы решиться потребовать от меня спасти вам жизнь.

Эбби посмотрела сначала на волшебника, потом на колдунью и Мать-Исповедницу. Мать-Исповедница улыбнулась. Эбби подумала, что это бессердечно, учитывая, что дочку Зедда только что зарезали у них на глазах, и не заметила, как прошептала вслух эти слова.

Улыбка Матери-Исповедницы стала еще шире.

— Ты не помнишь? — наклонившись ближе, спросила она. — Забыла, как мы его называем?

Эбби, в полной растерянности от всего, что произошло, никак не могла сообразить, о чем она говорит. И когда Эбби прямо в этом призналась, Мать-Исповедница с колдуньей поманили ее в сторону и повели за собой мимо могилы, где Эбби похоронила череп матери, к ее дому.

Мать-Исповедница толкнула дверь спальни. Там, на кровати, уютно укрытая одеялом, по-прежнему мирно спала дочь Зедда. Эбби уставилась на нее, не веря своим глазам.

— Ловкач, — напомнила Мать-Исповедница. — Я ведь говорила тебе, какое мы ему дали прозвище.

— И не очень-то лестное, — буркнул Зедд, входя в комнату следом за ними.

— Но... Как?.. — Эбби сжала пальцами виски. — Ничего не понимаю...

Зедд махнул рукой, и тут Эбби впервые заметила лежащее за дверью тело. Это был труп Мариски.

— Когда ты показывала мне спальню, — объяснил Зедд, — я оставил тут несколько ловушек на случай, если кто-то придет сюда со злыми намерениями. И эта женщина погибла, потому что явилась сюда для того, чтобы унести мою дочь, пока она спит.

— Ты хочешь сказать, что все это была лишь иллюзия? — глупо переспросила Эбби. — Но ведь это жестоко? Как ты мог?!

— Я — объект мести, — пояснил волшебник. — И я не хочу, чтобы моей дочери пришлось расплачиваться той же ценой, которую недавно заплатила ее мать. Поскольку заклинание убило эту женщину тогда, когда она пыталась причинить зло моей дочке, я смог создать иллюзию, что ей это удалось. Враги эту женщину знали и знали, что она служит Анарго. Так что я лишь воплотил то, что они хотели увидеть, чтобы убедить их, напугать и заставить бежать, бросив пленников. Я наложил на дочку заклятие видимой смерти,

чтобы все решили, будто видели, как ее убивают. Таким образом, теперь противник считает, что дочка мертва, и у него нет причины охотиться за ней. Я сделал это, чтобы защитить ее от опасности в будущем.

Колдунья сердито глянула на него.

— Будь на твоем месте кто-то другой, Зеддикус, я позаботилась бы, чтобы ты предстал перед судом за такое заклинание, как заклятие видимой смерти! — И тут же она заулыбалась. — Отличная работа, Волшебник Первого Ранга!

Офицеры дружно выразили желание узнать, что происходит.

— Сегодня не будет битвы, — сообщил им Зедд. — Я покончил с войной.

Раздались восторженные крики. Эбби подумала, что, не будь Зедд Волшебником Первого Ранга, его бы принялись качать. Никто так не радуется миру как те, чья работа заключается в том, чтобы сражаться за него.

Волшебник Томас, у которого теперь был куда более почтительный вид, откашлялся.

— Зорандер, я... я просто не могу поверить тому, что видели мои глаза. — Тут к нему наконец вернулся привычный сердитый взгляд. — Но люди уже готовы поднять бунт из-за магии. А когда известие о том, что случилось, распространится, станет еще хуже. С каждым днем все больше людей требуют избавить их от магии, а ты подливаешь масла в огонь. С этой стеной мы запросто можем получить восстание.

— А я по-прежнему хочу знать, почему эта стена не движется, — прорычала из-за спины Зедда Делора.

Зедд сделал вид, что не слышал, и обратился к старому волшебнику:

— Томас, у меня есть для тебя работа.

Он жестом приказал нескольким офицерам и чиновникам из Эйдиндрила приблизиться. —У меня есть работа для всех вас. Неудивительно, что люди боятся магии. Сегодня мы видели одно из самых смертельных ее проявлений. И мне понятны их страхи. Если они хотят жить без магии — что ж, я удовлетворю их желание.

— Что?! — вскинулся Томас. — Ты не можешь покончить с магией, Зорандер! Даже ты не в состоянии осуществить такой парадокс!

— Не покончить с ней, а предоставить им место, где ее нет, — сказал Зедд. — Я хочу, чтобы вы сформировали официальную делегацию, которая объехала бы все страны Срединных Земель и оповестила людей о том, что все, кто хочет покинуть земли, где есть магия, должны отправиться на запад. Там они смогут начать новую жизнь в мире, где магии не будет. Я позабочусь, чтобы магия не тревожила их мирную жизнь.

— Да как же ты можешь давать такое обещание! — всплеснул руками Томас.

Зедд ткнул пальцем себе за спину, где к небу возносилась стена зеленого пламени.

— Я установлю вторую стену смерти, через которую никто не сможет пройти. По ту сторону будет земля, лишенная магии. И там люди будут жить без нее. Я хочу, чтобы вы позаботились о том, чтобы об этом стало известно всем. Томас, а ты обеспечишь, чтобы туда не проник ни один человек, обладающий даром. У нас есть книги, с помощью которых мы можем очистить ограниченную территорию от малейших следов магии. Весной, когда все те, кто захочет, уедут на новую родину, я поставлю вторую стену. И да присмотрят за ними добрые духи, и да не придется им раскаяться в том, что их желание осуществилось.

Томас ткнул пальцем в стену, которую Зедд уже привел в этот мир.

— А как насчет этой? Если люди наткнутся на нее в темноте? Они же погибнут!

— И не только в темноте, — спокойно ответил Зедд. — Когда она стабилизируется, то станет почти невидимой. Придется создать приграничную полосу и поставить людей ее охранять.

— Людей? — переспросила Эбби. — Ты хочешь сказать, что намереваешься создать корпус стражей границы?

— Да, — Зедд поднял брови, — вот именно. Отличное название! Стражи границы.

После этих слов воцарилась тишина. Все помрачнели, понимая серьезность возникших сложностей. Эбби не могла себе представить место, где нет магии, но знала, как страстно многие желают жить в таком мире.

Наконец Томас кивнул.

— Зедд, — сказал он, — на сей раз я считаю, что ты прав. Иногда нам приходится служить людям, не оказывая им помощи.

Остальные выразили одобрение, хотя, как и Эбби, находили это решение слишком суровым.

Зедд приосанился.

— Итак, решено.

Повернувшись, он объявил толпе о том, что войне конец, и о том, что волшебники наконец удовлетворят желание тех, кто годами просил об одном и том же: за пределами Срединных Земель они создадут край, где не будет никакой магии.

Пока в толпе обсуждали неожиданную новость и радостными криками приветствовали окончание войны, Эбби шепотом велела Яне подождать минуточку вместе с папой и, улучив минутку, оттащила Зедда в сторону.

— Зедд, можно с тобой поговорить? У меня вопрос.

Зедд улыбнулся и, взяв Эбби под локоть, подтолкнул к ее дому.

— Я хочу проведать дочку. Пошли со мной.

Отбросив былые страхи, Эбби схватила за руки Мать-Исповедницу и Делору и потащила их за собой. У них тоже есть право это узнать.

— Зедд, — начала Эбби, как только они отошли подальше от толпы, — могу ли я узнать, как твой отец оказался в долгу перед моей матерью?

Зедд ухмыльнулся:

— Мой отец ничего не был должен твоей матери.

Эбби нахмурилась.

— А как же священный долг, перешедший от твоего отца к тебе, а от моей матери ко мне?

— О, этот долг действительно был. Только не твоей матери были должны, а она осталась в долгу.

— Что?! — Эбби застыла на месте. — Что ты хочешь этим сказать?

Зедд улыбнулся.

— У твоей матери были трудные роды. Вы обе могли умереть. Мой отец с помощью магии спас ее. Хельза умоляла его спасти и тебя тоже. Чтобы сохранить тебе жизнь, отец, не думая о своей безопасности, трудился очень долго, гораз-

до дольше, чем можно ждать от волшебника. Твоя мать была колдуньей и понимала, чего ему стоило спасение твоей жизни. В знак признательности она поклялась, что отныне в долгу перед ним. А когда она умерла, ее долг перешел к тебе.

Эбби уставилась на него, не веря своим ушам. Ее мать никогда не говорила, каков этот долг.

— Но... но получается, что теперь я в долгу перед тобой? Ты хочешь сказать, что этот священный долг висит на мне?

Зедд открыл дверь в спальню и, улыбаясь, заглянул внутрь.

— Долг выплачен, Эбби. В браслете, который тебе дала мать, была заключена магия, связывающая тебя с долгом. Благодарю тебя за спасение моей дочери.

Эбби глянула на Мать-Исповедницу. Вот уж действительно Ловкач!

— Но почему ты помог мне, раз у тебя не было передо мной священного долга? Если на самом деле, наоборот, я была перед тобой в долгу?

— Мы не ждем наград за помощь. И никогда не знаем, каким образом будем вознаграждены — если вообще будем. Возможность помочь — сама по себе награда. И другая награда не нужна — да и едва ли может быть награда лучше.

Эбби посмотрела на девочку, мирно спящую в соседней комнате.

— Я благодарна добрым духам, что смогла помочь сохранить ее жизнь в этом мире. Хотя у меня и нет волшебного дара, но я предвижу, что она сыграет немаловажную роль не только в твоей судьбе.

Зедд лениво улыбнулся, глядя на спящего ребенка.

— Похоже, у тебя есть провидческий дар, дорогая, потому что она уже сыграла немаловажную роль в окончании войны и таким образом спасла жизнь многим людям.

— Я все же хочу знать, почему эта штука, — колдунья показала в окно, — стоит на месте? Предполагалось, что она пронесется по Д'Харе и уничтожит там все живое, убьет их всех до одного за то, что они натворили. — Ее взгляд стал грозным. — Почему она никуда не движется?

— Война окончена, — Зедд развел руками, — и этого достаточно. Стена является частью Подземного мира, мира мертвых. Д'Хара не сможет пойти на нас войной, пока стоит такая граница.

— И сколько она продержится?

— Ничто не вечно. — Зедд пожал плечами. — Но пока будет мир. Убийствам конец.

Колдунья не казалась довольной.

— Но они хотели нас всех уничтожить!

— Ну так теперь у них это не выйдет. Делора, в Д'Харе тоже есть люди, которые ни в чем не виноваты. То, что Паниз Рал желал завоевать и поработить нас, вовсе не означает, что все д'харианцы — мерзавцы. Многие жители Д'Хары страдают под тяжелым гнетом. Какое право я имел убить всех, включая и тех, кто не причинил нам никакого зла и кто сам стремится прожить жизнь в мире и спокойствии?

Делора провела ладонью по лицу.

— Зеддикус, иногда я тебя совсем не понимаю. Порой ветер смерти из тебя довольно никудышный.

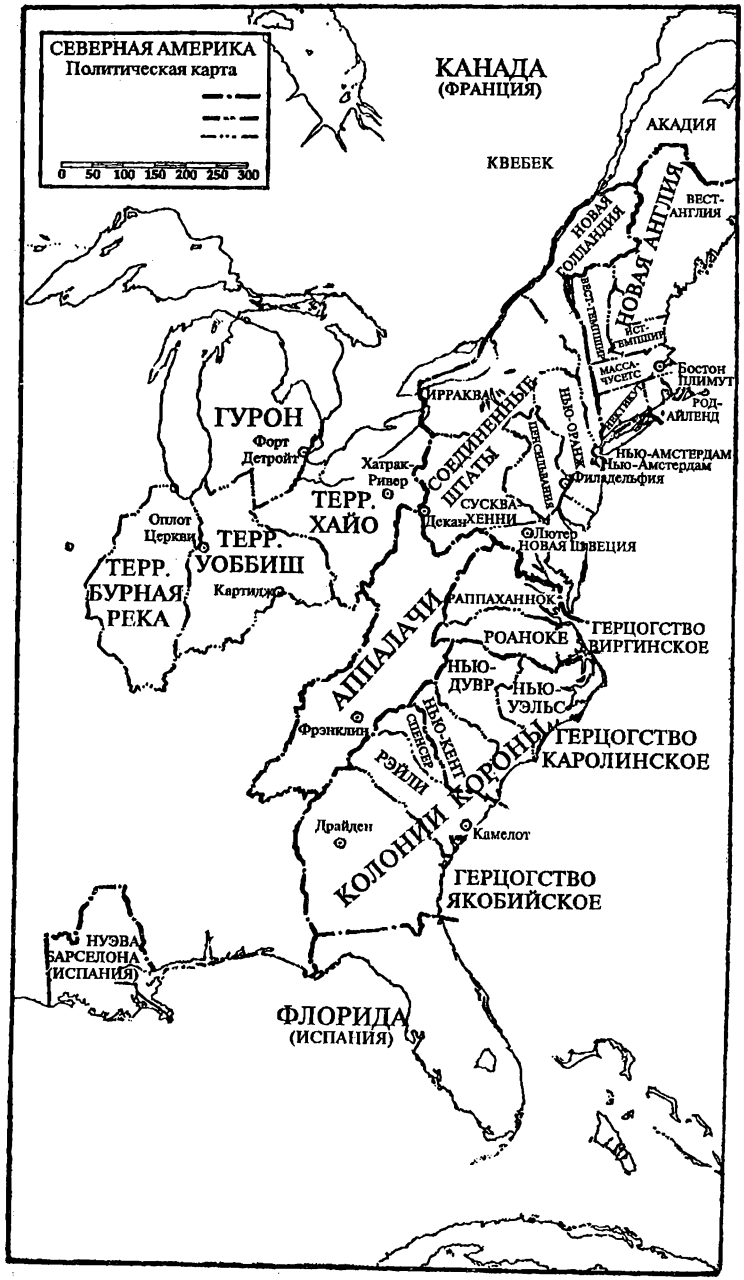
Мать-Исповедница стояла у окна, глядя в направлении Д'Хары. Она повернулась к волшебнику.

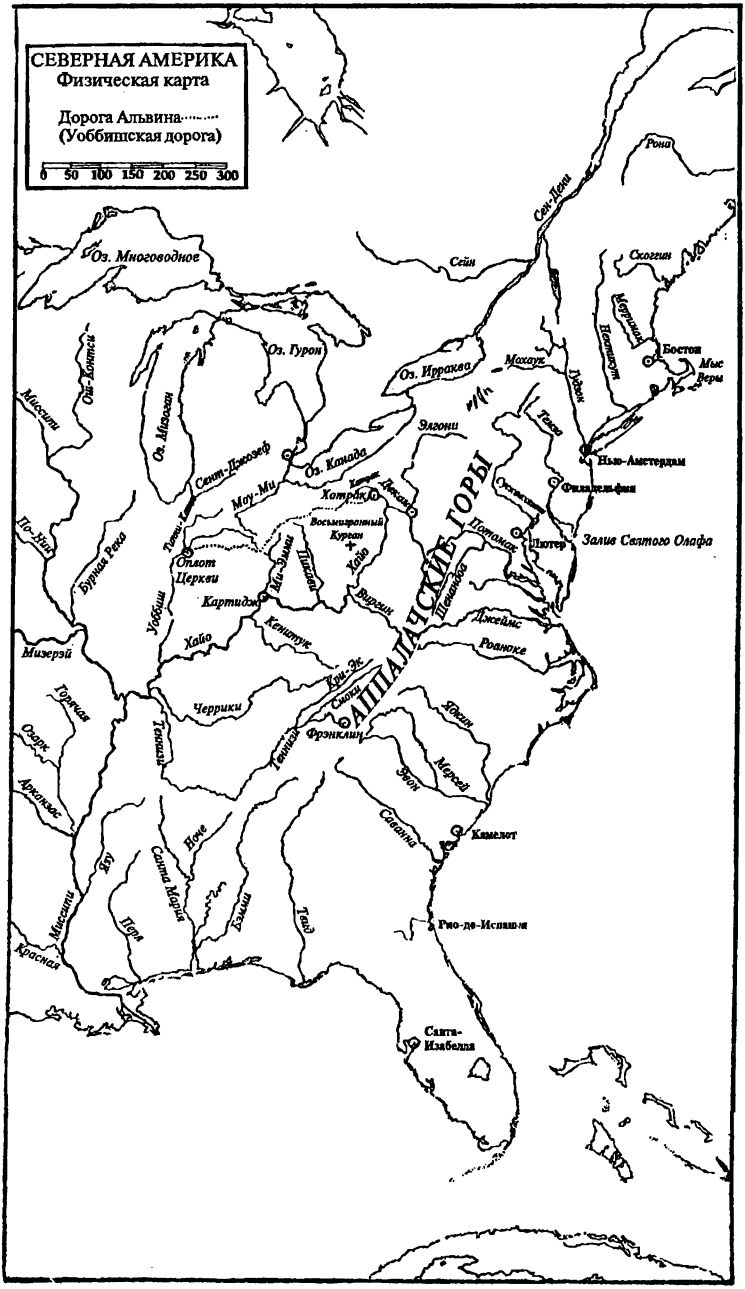
— Но там есть и те, кто из-за этой стены на всю жизнь затаит на тебя злобу, Зедд. Ты нажил себе непримиримых врагов. И оставил их в живых.

— Враги — это цена чести, — ответил волшебник.

Орсон Скотт Кард

Альвин Созидатель

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА
Политическая карта
0 50 100 150 200 250 300
КАНАДА
(ФРАНЦИЯ)
АКАДИЯ
КВЕБЕК
НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ
НОВАЯ АНГЛИЯ
ВЕСТ-АНГЛИЯ
ВЕСТ-ГЕМПШИР
ИСТ. ГЕМПШИР
МАССА-ЧУСЕТС
Бостон
ПЛИМУТ
РОД-АЙЛЕНД
КОННЕКТИКУТ
ГУРОН
Форт Детройт
ИРРАКВА
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ
НЬЮ-ОРАНЖ
ПЕНСИЛЬВАНИЯ
НЬЮ-АМСТЕРДАМ
Нью-Амстердам
Филадельфия
Хатрак-Ривер
ТЕРР. ХАЙО
СУСКВА-ХЕННИ
Декан
Лютер
НОВАЯ ШВЕЦИЯ
Оплот Церкви
ТЕРР. УОББИШ
ТЕРР. БУРНАЯ РЕКА
Картилидж
РАППАХАННОК
АППАЛАЧИ
РОАНОКЕ
ГЕРЦОГСТВО ВИРГИНСКОЕ
НЬЮ-ДУВР
НЬЮ-УЭЛЬС
Фрэнклин
НЬЮ-КЕНТ
СПЕНСЕР
РЭЙЛИ
ГЕРЦОГСТВО КАРОЛИНСКОЕ
КОЛОНИИ КОРОНЫ
Драйден
Камелот
ГЕРЦОГСТВО ЯКОБИЙСКОЕ
НУЭВА БАРСЕЛОНА (ИСПАНИЯ)
ФЛОРИДА
(ИСПАНИЯ)

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА
Физическая карта
Дорога Альвина
(Уоббишская дорога)
0 50 100 150 200 250 300
Оз. Многоводное
Сейн
Сен-Дени
Рона
Скоггин
Мерримак
Бостон
Мыс Верды
Оз. Гурон
Оз. Иррахво
Мохаук
Дэвон
Элгони
Тенси
Нью-Амстердам
Филадельфия
Оз. Канада
Сент-Джозеф
Мау-Ми
Хатрэк
Джемисон
Восьмигранный Курган
Потомак
Потер
Залив Святого Олафа
Отлот Церкви
Ми-Эмми
Пиджон
Хайо
Картидж
Вирджин
Кентук
Джеймс
Роанокс
Кин-Эк
Смоки
Черрики
Фрэнклин
Юпин
Мерсей
Эрон
Камелот
Рио-де-Испания
Санта-Изабелла
Мизерэй
Горькая
Озарк
Арканзас
Теннесси
Миссури
Ред
Санта Мария
Пэрл
Бэмми
Техо
Красная
Оз. Мичиган
Ош-Хонтси
Бурная Река
Убиши
Тенн-Ки
По-Хатт
Миссисипи

Orson Scott Card
GRINNING MAN
Перевод с английского Н. Виленской

© Orson Scott Card, 1998
© Перевод. Н. Виленская, 1999

«Седьмой сын» (1987)
«Красный пророк» (1988)
«Альвин в подмастерьях» (1989)
«Странствия Альвина» (1996)
«Огонь души» (1998)

В книгах об Альвине Созидателе Орсон Скотт Кард показывает нам, какой могла бы стать история Америки в том случае, если бы Американской революции не произошло, а чародеи существовали бы на самом деле.

Америка у Скотта разделена на несколько провинций, а Испания и Франция сохраняют прочную позицию в Новом Свете. Научная революция, разворачивающаяся в Европе, побудила многих людей с магическим даром эмигрировать в Северную Америку. В книгах серии описывается жизнь Альвина. Он седьмой сын седьмого сына, что само по себе наделяет его незаурядной силой. Альвину предназначено стать Созидателем, адептом, который рождается лишь раз в тысячу лет. Но на каждого Созидателя есть свой Разрушитель, воплощение сил зла. Он противостоит Альвину и использует против него его брата Кальвина.

В своих странствиях Альвин исследует окружающий его мир, где сталкивается с проблемами рабства, постоянной вражды между поселенцами и с коренными жителями Америки, удерживающими за собой западную половину континента. В последующих книгах Альвин, очевидно, должен наконец сразиться с Разрушителем, и эта встреча решит судьбу всего континента, а быть может, и всего мира.

Человек с ухмылкой на лице

Первая встреча Альвина Созидателя с этим человеком произошла на лесистых взгорьях восточного Кенитука. Альвин шел со своим учеником Артуром Стюартом, беседуя то ли о философии, то ли о наилучшем способе приготовления бобов — не помню уж хорошенько — и вышел на поляну, где сидел на корточках человек, глядя вверх, на дерево. Если не считать ненатуральной ухмылки у него на лице, в то время и в том месте он ничем особенным не выделялся. Одет в оленью кожу, на голове енотовая шапка, под рукой наготове лежит мушкет — тогда много таких молодых парней охотилось за дичью в незаселенных лесах.

Впрочем, если подумать, восточный Кенитук в ту пору стал не столь уж диким, и многие мужчины сменили оленью кожу на хлопок, исключая разве что самых бедных. Поэтому, возможно, отчасти и одежда незнакомца побудила Альвина остановиться и посмотреть на него. Артур же Стюарт, само собой, поступал так же, как Альвин, если не имел веской причины поступить по-иному — поэтому он тоже остановился на краю луга и молча стал смотреть.

Человек с ухмылкой не сводил глаз с ветвей старой корявой сосны, которую вскоре должны были заглушить лиственные деревья. Но свою ухмылку он адресовал вовсе не дереву, а медведю.

Медведь медведю рознь, это всякий знает. Мелкие бурые мишки обычно не опаснее собак — иначе говоря, если ты стукнешь такого палкой, то получишь свое, а если не тронешь его, то и он тебя не тронет. Но есть такие черные

медведи и гризли, у которых шерсть на спине щетинится наподобие игл дикобраза — это значит, что они напрашиваются на драку, и стоит сказать такому слово поперек, он сразу откусит тебе голову и высосет из тебя твой завтрак. Ни дать ни взять лодочник, который дует самогон из горлышка.

Вот такой медведь и сидел на дереве. Он был пожалуй, малость староват, но щетина на нем топорщилась будь здоров, и на дерево он залез не потому, что боялся, а за медом — меда там было полно, и пчел тоже. Они, стараясь прокусить свалявшуюся медвежью шерсть, лишались жал и падали мертвыми, зато жужжали вовсю, словно прихожане, позабывшие слова гимна — только пчелы, видать, и мотив подзабыли.

А человек все сидел и скалился на медведя — медведь же показывал зубы ему.

Альвин с Артуром стояли там уже с минуту, а картина все не менялась. Человек ухмылялся медведю, медведь человеку. При этом ни один и виду не показывал, что заметил Альвина и Артура.

Поэтому Альвин заговорил первым:

— Не знаю, кто из вас начал эту игру, зато знаю, кто победит.

Человек, не переставая ухмыляться, процедил сквозь зубы:

— Извините, что не подаю вам руки — я слишком занят.

Альвин вдумчиво кивнул и сказал:

— Медведь, сдается мне, тоже занят.

— Ничего, — сказал человек с ухмылкой. — Сейчас он слезет.

Артур Стюарт по молодости лет был поражен.

— Слезет? Из-за вашей улыбки?

— Смотри, как бы я тебе не улыбнулся. Неохота платить твоему хозяину за такого умного черномазого — дорого, поди.

Все, как правило, принимали Артура Стюарта за раба — ведь он был наполовину черный, а к югу от Хайо лежали рабовладельческие края, где черный человек непременно принадлежит, принадлежал или обязан принадлежать кому-то. Поэтому Альвин во избежание осложнений никого не разубеждал. Пусть люди думают, что у Артура Стюарта уже есть хозяин, и не стремятся занять свободное место.

— Сильная же, должно быть, у тебя улыбка, — сказал Альвин. — Меня зовут Альвин, и я странствующий кузнец.

— Кузнец в этих краях не так уж нужен. На западе дела обстоят получше, там больше поселенцев — попытай счастья там. — Человек по-прежнему говорил сквозь зубы.

— Может, и попытаю. А как зовут тебя?

— Стойте, где стоите, — сказал человек с ухмылкой. — Не двигайтесь. Он слазит.

Медведь зевнул, слез вниз по стволу и стал на четвереньки. Он мотал головой в такт какому-то неведомому медвежьему мотиву, морда у него блестела от меда и была утыкана дохлыми пчелами. Подумав о чем-то своем, он, видимо, пришел к какому-то выводу, потому что встал на задние лапы и разинул пасть, точно ребенок, показывающий маме, как хорошо он глотает.

Человек с ухмылкой тоже встал, и растопырил руки, и раскрыл рот. Зубы у него были хороши для человека, но медвежьим все-таки уступали. Однако медведя это зрелище, как видно, убедило. Он снова спустился на четвереньки и закосолапил в лес.

— Теперь это мое дерево, — сказал человек.

— Не слишком завидное имущество, — заметил Альвин.

— А мед он весь съел, — добавил Артур Стюарт.

— Дерево мое и вся земля вокруг тоже, — сказал человек.

— Но что ты намерен с ней делать? На фермера ты не похож.

— И намерен спать здесь, и чтобы никакие медведи при этом не тревожили мой сон. Я просто должен был показать ему, кто здесь хозяин.

— Значит, ваш талант нужен только для того, чтобы заставить медведей убраться с дороги? — спросил Артур Стюарт.

— Зимой я сплю под медвежьей шкурой. Я улыбаюсь медведю, а он скалит зубы на меня, пока я не сделаю с ним все, что захочу.

— А ты не боишься, что когда-нибудь встретишь медведя под стать себе? — мягко осведомился Альвин.

— Нет, приятель, не боюсь. Моя ухмылка — королева всех ухмылок.

— Император ухмылок, — сказал Артур Стюарт. — Наполеон!

Ирония Артура была недостаточно тонка, чтобы ускользнуть от человека с ухмылкой.

— У твоего мальчишки слишком длинный язык, — сказал он.

— Это помогает мне коротать время, — сказал Альвин. — Ну, раз уж ты оказал нам услугу и прогнал медведя прочь, здесь, пожалуй, можно построить каноэ.

Артур Стюарт посмотрел на него, как на безумного.

— Зачем нам каноэ?

— Я ленив и хочу спуститься вниз по течению в нем.

— Мне все равно, что вы с ним будете делать, — сказал незнакомец. — Плывите, тоните, несите его над головой, съешьте его на ужин — только здесь вы ничего строить не будете. — Ухмылка так и не сходила с его лица.

— Ты только погляди, Артур, — сказал Альвин. — Этот парень даже имени своего назвать не хочет и теперь скалит зубы на нас.

— Ничего не выйдет, — сказал Артур Стюарт. — На нас скалились политиканы, проповедники, колдуны и крючкотворы — у тебя зубов не хватает, чтобы нас напугать.

Тут незнакомец направил свой мушкет прямо в сердце Альвину.

— Ну, тогда я больше не буду улыбаться.

— Я вижу, в этих краях не принято строить каноэ, — сказал Альвин. — Пойдем-ка отсюда, Артур.

— Не спешите так, — сказал незнакомец. — Мне думается, что я окажу услугу всем своим соседям, не дав тебе сойти с этого места.

— Начнем с того, что никаких соседей у тебя нет.

— Каждый человек — мой сосед и ближний. Так сказал Иисус.

— Мне помнится, он особо выделил самаритян — а самаритянам меня нечего опасаться.

— Я вижу перед собой человека с котомкой, которую он прячет от меня.

Это была правда, потому что Альвин носил в котомке свой золотой лемех и старался прятать ее за спиной, чтобы люди не заметили, как лемех шевелится, что тот проделывал время от времени. Но в ответ на слова незнакомца Альвин перенес мешок вперед.

— От человека с ружьем мне нечего прятать.

— Приходит человек с котомкой и говорит, что он кузнец. Но единственный его спутник — мальчишка, слишком тощий и хилый, чтобы обучаться такому ремеслу. Зато он как раз пролезет в чердачное окошко или в щель под кровлей. А взрослый поднимает мальчишку высоко своими сильными руками, чтобы тот пролез в дом и открыл вору дверь. Поэтому, пристрелив тебя на этом самом месте, я окажу большую услугу миру.

— Было бы чем поживиться взломщику в этом лесу, — фыркнул Артур Стюарт.

— Ну, дуракам закон не писан.

— Ты лучше направь свое ружье в другую сторону, — посоветовал Артур Стюарт. — Если хочешь и дальше им пользоваться.

Вместо ответа незнакомец нажал на курок. Дуло полыхнуло пламенем и взорвалось, разлетевшись на куски, словно ручка старой метлы. Пуля медленно выкатилась из него и шлепнулась в траву.

— Посмотри, что ты сделал с моим ружьем, — сказал незнакомец.

— Не я нажимал на курок, — сказал Альвин. — И тебя предупреждали.

— Но ухмыляться ты так и не перестал, — заметил Артур Стюарт.

— Такой уж я веселый парень, — сказал незнакомец и достал большой нож.

— Нравится тебе этот нож? — спросил Артур Стюарт.

— Мне его дал мой друг Джим Бови. Я ободрал им шесть медведей, а бобров и не сосчитать.

— Тогда посмотри сперва на дуло своего мушкета, а потом на нож, которым так гордишься, и подумай как следует.

Человек с ухмылкой посмотрел на мушкет, потом на нож.

— Ну и что?

— Думай, думай. Авось дойдет потихоньку.

— И ты позволяешь ему говорить с белыми таким образом?

— С человеком, который целит в меня из ружья, Артур Стюарт может говорить, как ему угодно, — сказал Альвин.

Человек подумал еще, а потом ухмыльнулся еще шире, если это только возможно, убрал нож и протянул руку.

— Ты большой умелец, — сказал он Альвину.

Альвин сжал его руку в своей. Артур Стюарт уже знал, что будет дальше, поскольку видел это не раз. Хотя Альвин объявил, что он кузнец, и всякому, у кого есть глаза, видно, какие у него сильные руки, этот улыбчивый сейчас попытается побороть его и повалить.

Впрочем, Альвин и сам был не прочь побороться. Он позволил человеку с ухмылкой дергать, тянуть и выкручивать ему руку, сколько душе угодно. Это могло сойти за настоящий поединок, если бы у Альвина при этом не было такого вида, будто он вот-вот уснет.

Наконец он стиснул пальцы, а человек с ухмылкой вскрикнул, упал на колени и стал просить отдать ему руку назад.

— Не то чтобы она мне еще на что-то пригодилась, но надо же надевать куда-то вторую перчатку.

— Мне твоя рука без надобности, — заверил Альвин.

— Я знаю, но вдруг тебе вздумается оставить ее тут, на лугу, а меня отправить в другое место.

— Ты что, никогда не перестаешь ухмыляться?

— Даже и пробовать не хочу. Со мной всегда случается что-то худое, когда я не улыбаюсь.

— Было бы куда лучше, если б ты хмурился, зато ружье держал дулом вниз, а руки в карманах.

— Ты сделал из четырех моих пальцев один, а большой вот-вот отвалится. Я готов сдаться.

— Готов — так сдавайся.

— Сдаюсь, — сказал человек с ухмылкой.

— Ну нет, так не пойдет. Мне нужны от тебя две вещи.

— Денег у меня нет, а если ты заберешь мои капканы, я покойник.

— Все, что мне нужно — это твое имя и разрешение построить здесь каноэ.

— Мне сдается, скоро меня станут звать Однорукий Дэви, но пока что я Крокетт, как и мой отец. Кажется, я ошибался насчет этого дерева. Оно твое. И я, и тот медведь — мы ушли далеко от дома, и нам еще немало надо пройти, пока не стемнело.

— Можешь остаться, — сказал Альвин. — Места всем хватит.

— Только не для меня, — сказал Дэви Крокетт. — Моя рука, если я получу ее назад, здорово увеличится в объеме — не думаю, что она поместится на этой поляне.

— Мне будет жаль, если ты уйдешь. Новый друг — большая ценность в этих краях. — Альвин разжал руку, и Дэви со слезами на глазах принялся ощупывать свою ладонь и пальцы, словно проверяя, не отвалилось ли что.

— Рад был познакомиться с вами, мистер странствующий кузнец. И с тобой тоже мальчик. — Дэви покивал головой, ухмыляясь, как трактирщик. — Мне сдается, вы и правда не взломщик. И не тот кузнечный подмастерье, что украл золотой лемех у своего хозяина и сбежал.

— Я в жизни ничего не крал, — сказал Альвин. — Но у тебя больше нет ружья, а стало быть, не твое дело, что лежит у меня в котомке.

— Вручаю тебе все права на эту землю, на минералы, что лежат под ней, на дождь и на солнце, на лес и на все шкуры, которые в нем есть.

— Ты не законник ли, часом? — подозрительно спросил Артур Стюарт.

Дэви вместо ответа повернулся и побрел с поляны, как прежде медведь — в ту же сторону. Он шел тихо, хотя, похоже, хотел бы побежать — но бег причинил бы боль его пострадавшей руке.

— Я думаю, мы никогда больше его не увидим, — сказал Артур Стюарт.

— А я думаю, увидим еще, — сказал Альвин.

— Почему?

— Потому что я изменил кое-что у него внутри, чтобы он стал чуть больше похож на медведя. И медведя тоже изменил, чтобы он стал чуть больше похож на Дэви.

— Нельзя вмешиваться в чужое нутро.

— Что поделаешь — черт попутал.

— Ты же в него не веришь.

— Нет, верю. Только, мне кажется, он выглядит не так, как все думают.

— Да ну? А как же тогда?

— Он как я, только умнее.

И Альвин с Артуром принялись строить каноэ. Они срубили дерево нужной величины — на два дюйма шире, чем

Альвин в бедрах — и стали выжигать древесину, выгребая золу и вгрызаясь все глубже. Это была медленная, потогонная работа, и чем дольше они трудились, тем больше недоумевал Артур Стюарт.

— Я вижу, ты это умеешь, — сказал он Альвину, — только каной нам ни к чему.

— Каноэ, — поправил Альвин. — Мисс Ларнер была бы недовольна тем, как ты выражаешься.

— Начнем с того, что Тенква-Тава научил тебя бегать по лесу, как краснокожий — быстрее всякого каноэ, да и работать не надо.

— Я не чувствую охоты бежать.

— Во-вторых, вода использует каждый удобный случай, чтобы разделаться с тобой. По словам мисс Ларнер, ты чуть не утонул шестнадцать раз еще до того, как тебе исполнилось десять.

— Дело не в воде, а в Разрушителе. И теперь он, похоже, отказался от воды. Теперь он вознамерился уморить меня при помощи дурацких вопросов.

— В-третьих — на случай, если ты считаешь — у нас назначена встреча с Майком Финком и Верили Купером, а из-за твоего каноэ мы вряд ли поспеем туда вовремя.

— Этим двоим не помешает научиться терпению, — спокойно ответил Альвин.

— В-четвертых, — Артур Стюарт становился все привередливее с каждым ответом Альвина, — в-четвертых и в-последних, ты Созидатель, разрази меня гром! Стоит тебе приказать этому дереву стать полым, и оно поплывет по воде, как перышко. Если уж тебе так приспичило построить каноэ, хотя оно тебе ни к чему, и есть где плыть на нем без опаски, хотя это вовсе не так, ты не должен был заставлять меня делать эту работу руками!

— Ты что, так сильно утомился? — спросил Альвин.

— Лишняя работа всегда лишняя.

— Лишняя для кого? Ты прав: я строю это каноэ не для того, чтобы плыть вниз по реке и не для того, чтобы ускорить наш путь.

— Для чего же тогда? Или у тебя уже вошло в привычку делать все без причины?

— Я вообще не строю каноэ.

Артур Стюарт зарылся по локти в выжженное дерево.

— Что же это, по-твоему — дом?

— Это ты строишь каноэ. И мы поплывем в нем вниз по реке. Но я его не строю. Артур Стюарт снова приналег на работу и через пару минут сказал:

— Я знаю, что ты делаешь.

— Вот как?

— Ты заставляешь *меня* делать то, что нужно тебе.

— Тепло.

— Ты используешь меня, чтобы превратить это дерево в нечто другое, и в то же время используешь дерево, чтобы превратить в нечто другое меня.

— И во что же я хочу тебя превратить?

— Я думаю, что ты думаешь, будто превращаешь меня в созидателя. Но строитель каноэ — не то же самое, что всесторонний созидатель вроде тебя.

— Надо же с чего-то начинать.

— Ты-то ни с чего не начинал. Ты от рождения все умеешь.

— Да, я родился с талантом. Но я не знал, как, куда и зачем его приложить. Я научился любить созидание ради него самого. Я научился любить камень и дерево, с которыми работал, а через это научился видеть их изнутри, чувствовать, как они, понимать, как они устроены, что держит их вместе и как расщепить их наилучшим образом.

— Что-то я ничему такому не научаюсь.

— Пока.

— Нет, сэр. Я ничегошеньки не вижу изнутри. Ничего не чувствую, кроме боли в спине и пота, который льет с меня градом, и мне все досаднее выполнять работу, которую ты можешь сделать, стоит тебе только глазом моргнуть.

— Ну вот, это уже что-то. Ты учишься видеть изнутри себя.

Артур Стюарт поскреб дерево еще немного, весь кипя от возмущения.

— Когда-нибудь мне надоест твоя заносчивость, и я не буду больше сопровождать тебя.

— Артур Стюарт, в этот раз я не хотел брать тебя с собой, если помнишь.

— Вот, значит, в чем дело? Ты наказываешь меня за то, что я пошел с тобой вопреки твоей воле?

— Ты сам сказал, что хочешь научиться всему, что умеет созидатель. А когда я пытаюсь тебя научить, то слышу в ответ нытье и стоны.

— Я еще и работаю. Работаю не переставая, пока мы говорим.

— И то правда.

— И есть еще кое-что, о чем ты не подумал. Строя каноэ, мы в то же время уничтожаем дерево.

— Так всегда бывает, — кивнул Альвин. — Нельзя сделать что-то из ничего. Что-то всегда создается из чего-то другого. Новая вещь всегда перестает быть тем, чем была раньше.

— Значит, каждый раз, когда ты создаешь что-то, ты также и разрушаешь.

— Вот почему Разрушитель всегда знает, где я и что я делаю. Потому что, делая свое дело, я всегда немного работаю и за него.

Артуру Стюарту это не показалось правильным, но он не мог придумать нужного ответа и потому продолжал выжигать и долбить, пока — гляди-ка! — не получилось каноэ. Они дотащили его до ручья, спустили на воду, сели в него, и оно сразу перевернулось. Искупавшись три раза, Альвин наконец сдался и поправил каноэ так, чтобы оно держалось на воде.

Артур Стюарт тогда посмеялся над ним.

— Ну и чему же я в итоге научился? Как строить плохие каноэ?

— Заткнись и греби, — сказал Альвин.

— Мы плывем по течению, и грести мне не обязательно. Притом все, что у меня есть — это палка, которая ничуть не похожа на весло.

— Тогда используй ее, чтобы не врезаться в берег, а это непременно случится, если ты будешь болтать.

Артур Стюарт отвел каноэ от берега, и так они доплыли до ручья покрупнее, а там и до реки. Все это время Артур думал о том, что сказал ему Альвин и о том, чему тот пытался его научить — и, как всегда, ничего не мог понять. Но ему невольно казалось, что он все-таки чему-то научился, хотя и не понимает пока, чему.

Люди всегда селятся на берегах рек, и если ты плывешь по течению, то рано или поздно увидишь какой-нибудь городок — это и произошло с нашими путниками однажды

утром, когда туман еще висел над рекой, а глаза не хотели открываться. Городок был так себе, но и река тоже была не из важных, да и лодка оставляла желать лучшего. Они причалили, вытащили каноэ на берег, Альвин вскинул мешок с лемехом на плечо, и они зашагали в город, жители которого как раз пробуждались для дневных трудов.

Им хотелось найти постоялый двор, но городок был слишком мал и слишком нов для этого. Дюжина домиков и дорога, которой так мало пользовались, что трава росла от одной парадной двери до другой. Но это не означало, что здесь нельзя надеяться на завтрак. Если рассвело, кто-то наверняка уже встал и принялся за дела. Проходя мимо одного дома с хлевом позади, они услышали журчание — это доили корову в жестяное ведро. В другом доме женщина выходила из курятника с только что собранными яйцами, и это выглядело многообещающе.

— Не найдется ли чего-нибудь для прохожих людей? — спросил Альвин.

Женщина смерила их взглядом и молча ушла в дом.

— Не будь ты таким страшным, она пригласила бы нас войти, — сказал Артур Стюарт.

— Зато ты у нас ангел.

Тут они услышали, как открывается парадная дверь.

— Может, она просто хотела поскорее сварить нам яиц, — сказал Артур Стюарт.

Но вместо женщины из дому вышел мужчина, который явно не успел одеться как следует. Штаны у него, во всяком случае, падали, и путники уж верно поспорили бы, как скоро они упадут на крыльцо, если бы он не целил в них из весьма внушительного ружья.

— Проваливайте, — сказал мужчина.

— Уже идем. — Альвин закинул котомку за спину и зашагал мимо крыльца. Дуло ружья следовало за ними. Как только они поравнялись с хозяином дома, штаны, само собой, упали. Хозяин, злой и сконфуженный, опустил ружье, и дробь градом посыпалась на крыльцо. Мужчина растерялся.

— Надо быть внимательней, когда заряжаешь такое большествольное ружье, — сказал Альвин. — Я всегда в таких случаях кладу бумажный пыж.

— Я положил, — сердито бросил хозяин.

— Я знаю, — сказал Альвин. Дробь на крыльце противоречила его словам, но Альвин говорил чистую правду. Пыж так и остался в стволе, но Альвин велел бумаге прорваться, и дробь высыпалась.

— У вас штаны упали, — сказал Артур Стюарт.

— Проваливайте, — побагровел хозяин. Его жена наблюдала за происходящим с порога.

— Мы уже уходим — но, раз уж в ближайшее время вы нас наверняка не убьете, могу я задать вам пару вопросов?

— Нет. — Хозяин поставил ружье и подтянул штаны.

— Для начала я хотел бы узнать, как называется этот город. Мне думается, его именуют Радушным или Приветным.

— Нет, не так.

— Значит, не угадал. Отгадывать дальше или вы откроете мне эту тайну?

— Может, «Спущенные Штаны»? — предположил Артур Стюарт.

— Это Вествилль в Кенитуке, — сказал мужчина. — А теперь проваливайте.

— Теперь второй вопрос: раз уж вы так бедны, что вам нечем поделиться с путником, нет ли тут кого побогаче, который уделил бы нам немного еды в обмен на серебро?

— Тут вам никто ничего не продаст.

— Теперь я понимаю, почему ваша улица заросла травой. Зато ваше кладбище, должно быть, переполнено путешественниками, которые умерли от голода, так и не получив завтрака.

Хозяин не ответил — он стоял на коленях и собирал дробь, зато хозяйка высунула голову в дверь и доказала, что все-таки умеет говорить.

— Мы соблюдаем гостеприимство не хуже других, вот только взломщиков да вороватых подмастерьев не принимаем.

Артур Стюарт тихо присвистнул.

— Спорим, что здесь прошел Дэви Крокетт.

— Я в жизни ничего не украл, — сказал Альвин.

— А в котомке у тебя что? — спросила женщина.

— Хотел бы я, чтобы там лежала голова человека, который наставлял на меня ружье в прошлый раз — но, к

несчастью, я оставил эту голову на шее, и теперь она клевещет на меня.

— Стыдно небось показать золотой лемех, который ты украл?

— Я кузнец, мэм, и в мешке у меня инструмент. Можете посмотреть, если хотите. — Альвин обратился к другим горожанам, которые тем временем собрались на улице, кое-кто при оружии. — Не знаю, что вам обо мне наговорили, но подходите и смотрите все. — Он раскрыл мешок, и все увидели молоток, клещи, меха и гвозди. Никакого лемеха не было.

Горожане смотрели во все глаза, точно опись составляли.

— Может, ты и не тот, о ком нам говорили, — сказала женщина.

— Нет, мэм, тот самый, если вам говорил обо мне некий траппер в енотовой шапке по имени Дэви Крокетт.

— Значит, ты признаешь, что и есть тот самый подмастерье, который украл лемех? И вор-домушник при этом?

— Нет, мэм, я признаю только, что встретился с траппером, способным оболгать человека за глаза. — Альвин завязал свой мешок. — А теперь, если хотите меня прогнать — гоните, но не думайте, что прогоняете вора, потому что это не так. Вы угрожали мне ружьем и не дали поесть ни мне, ни этому голодному мальчику — без суда и следствия, на основе одних только слов человека, который здесь такой же чужой, как и я.

Эта обвинительная речь застала горожан врасплох, но одна старушка нашлась сразу:

— Ну, Дэви-то мы знаем. А вот тебя видим впервые.

— И больше не увидите, уверяю вас. Теперь везде, где ни придется побывать, я буду рассказывать о городе Вествилле, где человеку отказывают в еде и считают его виновным без суда.

— Если это неправда, откуда ты тогда знаешь, что это Дэви Крокетт говорил нам о тебе? — спросила старушка. Прочие закивали и загудели, как будто этот вопрос был решающим.

— Потому что Дэви Крокетт высказал свое обвинение мне в лицо, и только ему одному пришло в голову, что мы с мальчиком — воры. Я скажу вам то же самое, что сказал ему.

Если мы воры, почему мы тогда не промышляем в большом городе, где много богатых домов? Да в таком нищем городишке, как у вас, взломщик с голоду помрет.

— Мы не нищие, — сказал мужчина на крыльце.

— У вас даже еды лишней нет. И двери в домах не запираются.

— Вот видите! — вскричала старушка. — Он уже попробовал наши двери, чтобы прикинуть, легко ли их будет взломать!

— Есть люди, которые видят грех в ласточках и злой умысел в ивах, — покачал головой Альвин. Он взял Артура Стюарта за плечо и повернул в ту сторону, откуда они пришли.

— Постой, незнакомец! — крикнул кто-то сзади. Они обернулись и увидели всадника, который медленно ехал по дороге. Горожане расступались перед ним.

— Ну-ка, Артур — кто это такой? — шепнул Альвин.

— Мельник, — ответил Артур.

— Доброе утро, мистер мельник! — крикнул тогда Альвин.

— Откуда ты знаешь, кто я?

— Это мальчик отгадал.

Мельник подъехал поближе, глядя на Артура Стюарта.

— Но как он сумел отгадать?

— Говорите вы важно, ездите верхом, и люди перед вами расступаются, — сказал Артур. — В таком маленьком городишке это означает, что вы мельник.

— А если бы город был побольше?

— Тогда вы были бы стряпчим или политиком.

— Умный мальчишка, — заметил мельник.

— Да нет, просто у него язык длинный, — сказал Альвин. — Я уж и бил его, да все без толку. Его можно заткнуть, только набив ему рот чем-нибудь, предпочтительно оладьями, но сойдут и яйца — всмятку, вкрутую или поджаренные.

— Пошли ко мне, засмеялся мельник. — Дом в той стороне, где река — ярдах в пятнадцати за выгоном.

— Между прочим, мой отец тоже мельник, — сказал Альвин.

— Почему же тогда ты не занялся его ремеслом?

— Я далеко не первый из восьми сыновей. Мы не могли все сделаться мельниками, вот я и пошел в кузнецы. Но я и с мельничным снаряжением обращаться умею, если вы дадите мне случай отработать свой завтрак.

— Поглядим, на что ты способен, — сказал мельник. — А на этих людишек ты не смотри. Если какой-нибудь прохожий скажет им, что солнце сделано из масла, они попытаются намазать его себе на хлеб. — Горожане не оценили его шутки, но мельника это не смутило. — У меня кузня есть, так что, если не возражаешь, сможешь подковывать лошадей.

Альвин кивнул в знак согласия.

— Тогда ступайте ко мне домой и ждите меня. Я тут долго не задержусь — вот только белье заберу из стирки. — Он посмотрел на жену мужчины с дробовиком, и она тут же скрылась в доме, чтобы принести белье.

Отойдя подальше от горожан, Альвин стал смеяться.

— Чего ты? — спросил Артур.

— Да вспомнил этого малого — как он стоит со спущенными штанами, и дробь сыплется у него из ружья.

— Не нравится мне этот мельник, — сказал Артур Стюарт.

— Он хочет покормить нас завтраком — значит, не так уж плох.

— Он просто выставляется перед горожанами.

— Ты извини, но я не думаю, чтобы это повлияло на вкус оладий.

— Мне его голос не нравится, — сказал Артур.

Это заставило Альвина насторожиться. Артур имел талант по части голосов.

— С ним что-то неладно?

— Он способен на подлость.

— Очень может быть. Но лучше уж потерпеть немного подлеца, чем кормиться орехами да ягодами или высматривать белку на дереве.

— Или рыбу ловить, — скорчил гримасу Артур.

— Мельники всегда слывут негодяями. Людям надо где-то молоть свое зерно, но они всегда думают, что мельник запрашивает слишком много. Мельники уже привыкли к тому, что на них смотрят косо — может, это самое ты и услышал в его голосе.

— Может быть. — И Артур сменил разговор: — А как ты сумел спрятать лемех, когда открыл котомку?

— Я проделал дыру в земле под котомкой, и лемех ушел туда.

— Ты и меня научишь делать такие штуки?

— Постараюсь, если будешь прилежным учеником.

— А как ты заставил дробь высыпаться из ружья?

— Я прорвал бумагу, но дуло опустил он сам, когда потерял штаны.

— А штаны не по твоей вине упали?

— Если бы он надел подтяжки, его штаны остались бы на месте.

— Но ведь это все разрушительные дела? Высыпать дробь, уронить штаны, заставить людей устыдиться того, что не приняли тебя.

— Было бы лучше, если бы они прогнали нас прочь без завтрака?

— Мне и раньше случалось обходиться без завтрака.

— Ну, на тебя не угодишь. С чего это ты вдруг начал придираться ко мне?

— Ты заставил меня построить каноэ собственными руками, чтобы научить меня Созиданию. Вот я и хочу посмотреть, как будешь созидать ты — а ты только и знаешь, что разрушать.

Альвин принял это близко к сердцу. Он не разозлился, но впал в задумчивость и не говорил почти ничего до самой мельницы.

Через неделю Альвин уже работал на мельнице — впервые с тех пор, как покинул отчий дом в Оплоте Церкви и стал кузнечным подмастерьем в Хатрак-Ривер. Он испытал удовольствие, увидев снова жернова и хитрое переплетение передач. Артур Стюарт заметил, что все части, к которым прикасался Альвин, начинали работать с меньшим трением, отчего сила вращения водяного колеса лучше передавалась на жернов. Тот тоже заработал быстрее и глаже, без толчков и перекосов. Рэк Миллер, как звали мельника, тоже заметил это, но он следил за Альвином не столь пристально и счел, что это делается с помощью инструментов и смазки.

— Жестянка с маслом и острый глаз творят чудеса, — сказал Рэк, и Альвин вынужден был согласиться.

Но прошло несколько дней, и счастье Альвина стало тускнеть, потому что он начал замечать то, что Артур Стюарт понял с самого начала: Рэк вполне оправдывал дурную славу, которая закрепилась за мельниками. Действовал он очень

хитро. Принесет кто-нибудь смолоть мешок кукурузы, а Рэк швыряет зерно пригоршнями на жернов и после ссыпает из лотка в тот же мешок. Так поступают все мельники. Никто не дает себе труда взвешивать мешок до и после — ведь всем известно, что при помоле часть зерна теряется.

С Рэком дело обстояло немного по-иному, поскольку он держал гусей. Они хозяйничали повсюду — на мельнице, во дворе, на пруду, а по ночам, как поговаривали, и в доме у Рэка. Рэк называл их своими детками, но так говорить было негоже, поскольку всего только пара несушек да пара гусаков оставались в живых после каждой зимы. Артур Стюарт заметил сразу, как эти гуси кормятся — до Альвина же это дошло, лишь когда миновал первый порыв его любви к мельнице. Некоторые зерна, как ни старайся, падают на пол, об этом никто не спорит. Но Рэк всегда держал мешок не за верх, а за низ, так что зерна сыпались во все стороны, и гуси кидались на них, как... как гуси на зерно. А на жернов он кидал кукурузу большими горстями, так что многие зерна попадали не на верхушку, а вбок и, понятное дело, летели в солому на полу, где гуси тут же их подбирали.

— Они теряют добрую четверть своего зерна, — сказал Альвин Артуру Стюарту.

— Ты что, считал зерна? Или взвешивал их в уме?

— Нет, на глаз прикинул. Уж никак не меньше десятой доли.

— Наверное, он полагает, что ворует не он, а гуси.

— Мельник может получать свою десятину, но не вдвое или втрое больше, чтобы откармливать этим гусей.

— Я полагаю, бесполезно указывать тебе, что это не наше дело.

— Из нас двоих взрослый я, а не ты.

— Это ты так говоришь, но я, глядя на тебя, сомневаюсь. Я, к примеру сказать, не мотаюсь по белу свету, оставив беременную жену в Хатрак-Ривер. Меня не сажают в тюрьму и не грозят застрелить из ружья.

— Ты хочешь сказать, что я, видя вора, должен молчать?

— А ты думаешь, тебе кто-то скажет спасибо?

— Может, и скажет.

— За то, что мельник окажется в тюрьме? Где же они будут тогда молоть зерно?

— Ну, мельницу-то в тюрьму не посадят.

— Ага, так ты намерен остаться здесь? И управлять мельницей, пока не обучишь кого-то другого? Может, это буду я? Держу пари, они будут рады платить мельничную десятину вольному негру-подмастерью. О чем ты только думаешь?

Вот именно, о чем? Никто не знал по-настоящему, о чем думает Альвин. Говорил он большей частью правду и не стремился кого-то надуть — но он умел также держать язык за зубами, вот никто и не знал, что у него в голове. Никто, кроме Артура Стюарта. Артур, конечно, был всего лишь мальчик, хотя последнее время рос как на дрожжах — особенно быстро увеличивались у него руки и ноги — но один предмет он изучил досконально, и этим предметом был Альвин, странствующий кузнец, а попутно лозоходец, старатель, тайный изготовитель золотых лемехов и преобразователь вселенной. И Артур знал, что Альвин уже придумал, как положить конец воровству, никого не сажая в тюрьму.

И Альвин улучил свой час. Близилась жатва, а в это время люди стараются подчистить всю прошлогоднюю кукурузу, чтобы освободить место для новой. Поэтому многие горожане и окрестные фермеры стояли в очереди, чтобы смолоть свое зерно. А Рэк Миллер особенно щедро делился им с гусями. Но когда он вручил очередному помольщику мешок, более четверти которого осталось в гусином зобу, Альвин взял откормленную гуску и отдал ее клиенту вместе с зерном.

И Рэк, и помольщик смотрят на него, как на безумного, но Альвин, как бы ничего не замечая, говорит помольщику:

— Рэк Миллер сказал мне, что гуси слишком много едят — вот он и раздает их своим постоянным клиентам. Зерно-то, которое они ели, было ваше. По-моему, Рэк поступает как честный человек, а по-вашему?

Что Рэк мог сказать после этого? Он только улыбался, стиснув зубы, да смотрел, как Альвин раздает его гусей одного за другим. А люди знай таращат глаза и благодарят — вот, мол, благодетель мельник, обеспечил их птицей к Рождеству, которое настанет через четыре месяца. До того, мол, времени гуси так разжиреют, что смотреть будет страшно.

Видя, как обстоит дело, Рэк — Артур Стюарт это заметил — сразу стал держать мешки за верхушку и бросать кукурузу помалу, так что редкое зернышко падало на пол. Он

сделался прямо-таки образцовым мельником, и в мешке, который он возвращал хозяину, недоставало только положенной десятины. Ясно было, что Рэк Миллер не намерен откармливать гусей, которых зимой съест кто-то другой!

Когда день подошел к концу, все молодые гуси были розданы — остались только два гусака да пять несушек. Рэк посмотрел Альвину в глаза и сказал:

— Я не желаю, чтобы у меня работал лжец.

— Лжец? — повторил Альвин.

— А кто сказал этим дурням, будто это я раздаю гусей?

— Когда я сказал это впервые, это еще не было правдой, но когда ты ничем мне не возразил, это стало правдой — не так ли? — И Альвин усмехнулся, ни дать ни взять Дэви Крокетт при виде медведя.

— Нечего умничать. Ты преотлично знал, что ты делаешь.

— Конечно. Я осчастливил твоих клиентов впервые с тех пор, как ты появился здесь, а заодно сделал из тебя честного человека.

— Я и без того честный. Я брал только то, что мне положено по праву в этом забытом Богом месте.

— Прошу прощения, приятель, но Бог этого места не забывал, хотя кое-кто из живущих здесь, возможно, забыл Бога.

— С меня довольно, — заявил Рэк. — Можешь убираться на все четыре стороны.

— Но я еще не видел весов, на которых ты взвешиваешь повозки, — сказал Альвин. Рэк не спешил показать их ему — это громоздкое сооружение использовалось только во время жатвы, когда фермеры привозили все зерно, которое собирались продать. Повозка сначала въезжала на весы полной, потом разгружалась и взвешивалась пустой — полученная разница и составляла вес зерна. Когда приезжали покупатели, они сначала взвешивали пустую повозку, потом груженую. Хитрой штуковиной были эти весы, и неудивительно, что Альвин хотел с ними ознакомиться.

Но Рэк придерживался иного мнения.

— Мои весы тебя не касаются, незнакомец, — сказал он.

— Я ел за твоим столом и спал под твоей кровлей — какой же я после этого незнакомец?

— Человек, который раздает моих гусей, для меня навсегда останется незнакомцем.

— Хорошо, я уйду. — И Альвин, продолжая улыбаться, сказал ученику: — Пошли, Артур Стюарт.

— Ну нет, сэр, — сказал мельник. — За эти шесть дней я кормил вас тридцать шесть раз. И твой черномазый ел никак не меньше, чем ты. Вы должны мне отработать.

— Я работал на тебя все это время. Ты сам сказал, что у тебя все стало крутиться куда лучше.

— Ты не сделал ничего, что я не мог бы сделать сам при помощи жестянки с маслом.

— Но ты этого не сделал, а я сделал и этим оплатил наше содержание. Мальчик тоже работал — и подметал, и мешки носил.

— Мальчик должен отработать еще шесть дней. Скоро жатва, и мне нужны лишняя пара рук и крепкая спина. Он хороший работник и как раз подойдет.

— Тогда оставь на три дня нас обоих. Я не стану больше раздавать гусей.

— Было бы что раздавать — одни несушки остались. И никакой сын мельника мне тут не нужен — нужен только мальчик для черной работы.

— Мы заплатим тебе серебром.

— На что мне ваше серебро? Тут его все равно некуда тратить. Ближайший приличный город — это Картидж по ту сторону Хайо, и туда редко кто ездит.

— Я не позволю, чтобы Артур Стюарт оплачивал мои долги. Он не...

Артур Стюарт мигом смекнул, что скажет сейчас Альвин: он скажет, что Артур не его раб. И это будет самая большая глупость, на которую Альвин способен. Поэтому Артур выпалил, не дав Альвину договорить:

— Я с удовольствием отработаю этот долг. Только я не думаю, что это возможно. За шесть дней я съем еще восемнадцать порций и задолжаю еще три дня, а за три дня я поем девять раз и буду должен полтора дня — так мне никогда не расплатиться.

— Верно, — сказал Альвин. — Парадокс Зенона.

— А ты еще говорил, что от этой «философической нудьги» нет никакой практической пользы, — сказал Артур Стюарт. Это был их давний спор, когда они оба учились у мисс Ларнер, пока она не стала миссис Альвин Смит.

— О чем вы, ребята, толкуете, ради всего святого? — спросил Рэк Миллер.

Альвин попытался объяснить:

— Каждый день, который Артур Стюарт на тебя работает, к его долгу прибавляется еще половина. Поэтому он всегда находится на полпути к расплате. Половина, половина и половина, а до конца добраться нельзя.

— Ничего не понимаю, — сказал Рэк. — В чем тут загвоздка-то?

Но тут в голову Артуру пришла еще одна мысль. Как ни злился Рэк Миллер из-за гусей, он все-таки оставил бы Альвина, если бы вправду нуждался в помощи во время жатвы — стало быть, у мельника есть какая-то причина Альвина отсюда убрать. Есть что-то, чего мельник не хочет показывать Альвину. Рэк не предусмотрел одного: что черный мальчишка тоже вполне способен его раскусить. И Артур сказал Альвину:

— Я хочу остаться и посмотреть, как разрешится этот парадокс.

Альвин посмотрел на него очень пристально.

— Артур, я хочу найти человека, который водится с медведями.

Это немного поколебало решимость Артура Стюарта. Если Альвин найдет Дэви Крокетта, там будут события, которые Артур тоже хотел бы видеть. С другой стороны, мельница тоже таит какую-то тайну, и когда Альвин уйдет, Артуру представится случай разрешить ее самостоятельно. Одно искушение пересиливало другое.

— Счастливого пути, — сказал наконец Артур Стюарт. — Я буду скучать по тебе.

— Я не оставлю тебя здесь на милость человека, который питает к гусям любовь особого рода.

— А этим ты что хочешь сказать? — Рэк все больше проникался уверенностью, что эти двое над ним насмехаются.

— Ты называешь их своими детками, а сам съедаешь. Кто же пойдет за тебя замуж? Жена просто побоится оставить тебя одного с детьми.

— Убирайся с моей мельницы! — взревел Рэк.

— Пошли, Артур Стюарт.

— Нет, я хочу остаться. Оставил же ты меня как-то у того школьного учителя — хуже уже ничего быть не может. (Это уже другая история, и здесь мы ее рассказывать не станем.)

Альвин посмотрел на Артура Стюарта очень внимательно. Не будучи Светочем, в отличие от своей жены Альвин не мог заглянуть в душевный огонь Артура и увидеть, что там таится. Но что-то все-таки побудило его согласиться с решением Артура.

— Хорошо, я уйду, но через шесть дней вернусь и рассчитаюсь с тобой, мельник. Не смей поднимать на мальчика ни руку, ни палку, корми его и обращайся с ним хорошо.

— За кого ты меня принимаешь? — спросил Рэк.

— За человека, который получает то, что хочет.

— Хорошо, что ты это понял.

— Это все понимают. Беда в том, что ты не всегда правильно выбираешь то, что тебе следует хотеть. — Тут Альвин усмехнулся, приподнял шляпу и ушел.

Рэк заставлял Артура Стюарта работать день-деньской, чтобы подготовиться к жатве. Из-за дождей она задержалась, и на мельнице это время использовали с толком. Зато ел Артур досыта и спал вволю, хотя ночевал теперь не в доме, а на чердаке мельницы. В дом он допускался только как личный слуга Альвина, но Альвин ушел, и черному больше там спать не полагалось.

Артур заметил, что окрестные жители стали охотно бывать на мельнице, особенно в дождь, когда нельзя было работать в поле. Рассказ о гусях разошелся по всей округе, и люди поверили, что это придумал Рэк, а не Альвин. Поэтому Рэк, привыкший к холодной вежливости со стороны своих соседей, стал слышать дружеские приветы; с ним шутили и обменивались сплетнями. Для Рэка такое было вновь, и Артур видел, что такая перемена мельнику по душе.

За день до того, как Альвин должен был вернуться, началась жатва, и фермеры, жившие за много миль окрест, стали свозить на мельницу свою кукурузу. Каждое утро они выстраивались в очередь, и первый загонял свою телегу на весы. Фермер выпрягал лошадей, и Рэк взвешивал повозку. Потом лошадей опять запрягали, повозка съезжала вниз, ожидающие фермеры помогали ее разгрузить — это делалось охотно, потому что ускоряло движение очереди — после чего

повозка въезжала обратно и взвешивалась уже пустой. Рэк записывал разницу между двумя цифрами — это и был вес кукурузы.

Артур Стюарт проверял результаты в уме — с арифметикой Рэк не плутовал. Артур следил, не становится ли Рэк на весы, когда взвешивается пустая повозка — но ничего такого не происходило.

Потом, уже ночью, Артур вспомнил, как ворчали фермеры, вкатывая пустую телегу обратно на весы: «Почему бы не поставить весы прямо на разгрузочной площадке, тогда бы не пришлось катать телегу туда-сюда». Артур Стюарт не понимал еще, в чем тут дело, но ему вспомнилось также, как один фермер попросил взвесить свою полную повозку, пока разгружалась предыдущая. Рэк набросился на него: «Если хочешь все делать по-своему, построй себе собственную мельницу».

Вот она в чем хитрость: Рэку нужно, чтобы каждая повозка взвешивалась два раза подряд. Такой же порядок соблюдается и в обратном случае, когда скупщики приезжают с пустыми повозками, чтобы везти зерно в большие восточные города. Телега взвешивается пустой, загружается и взвешивается снова.

Когда Альвин вернется, Артур Стюарт будет уже недалек от разгадки.

Между тем Альвин углубился в лес, разыскивая Дэви Крокетта, человека, благодаря которому ему пришлось стоять под дулом ружья два раза подряд. Но Альвином двигала не месть, а желание спасти.

Альвин знал, что он сделал с Дэви и с медведем, и шел на огонь их душ. Он не умел читать эти огни так, как это делала Маргарет, но различать их мог. Альвин знал также и то, что ни одно ружье не застрелит его и ни одна тюрьма не удержит, поэтому он намеренно явился в город Вествилль, где Дэви Крокетт только что побывал — а медведь шел за ним, хотя Дэви в ту пору еще этого не ведал.

Но теперь-то Дэви понял. Тогда, перед уходом с мельницы, Альвин увидел, что Дэви и медведь встретились снова, и на этот раз встреча обещала пойти несколько по-иному. Ведь Альвин проник в обоих глубоко и самое большое дарование медведя передал Дэви, а самое большое дарование Дэви —

медведю. Теперь они оба сравнялись, и Альвин знал, что отвечает за то, чтобы никто из них не пострадал. Ведь это Альвин был отчасти виноват в том, что у Дэви не стало ружья для защиты. Дэви, конечно, был виноват больше, но Альвину не обязательно было портить ружье, взорвав его ствол.

Альвин пробежался по лесу, перескочил через пару ручьев, задержался на земляничной полянке и пришел на место задолго до сумерек, так что имел время осмотреться. Медведь и Дэви, как он и ожидал, находились на поляне. Их разделяло не более пяти футов, и они скалились друг на дружку, не двигаясь с места. Медведь весь ощетинился, но не мог одолеть Дэви; и Дэви не мог одолеть медведя, но держался стойко, хотя уже отсидел себе зад и обезумел от недосыпания.

Как только солнце село, Альвин вышел на поляну позади медведя и спросил.

— Ну что, Дэви, нашла коса на камень?

Дэви не мог отвлечься, чтобы вымолвить хоть слово, и продолжал ухмыляться.

— Этот медведь, по всему видно, тебе на шубу не пойдет.

Дэви ухмылялся.

— Я думаю так: кто из вас первый уснет, тот и проиграет. А медведи за зиму так высыпаются, что летом сон вроде как им не к чему.

Ухмылка.

— Зато у тебя глаза слипаются — а рядом сидит медведь с улыбкой, полной любви и преданности.

В ухмылке появляется оттенок отчаяния.

— Вот ведь какая штука, Дэви. Медведи в большинстве своем лучше людей. Встречаются, конечно, и плохие медведи, и хорошие люди, но если брать в среднем, медведь чаще, чем человек, поступает так, как считает правильным. Остается догадаться, что сочтет правильным этот медведь, когда тебя переборет.

Ухмылка — вот и весь ответ.

— Медведям человечья шкура ни к чему. Им, правда, нужно накопить жир на зиму, но мясо они для этого, как правило, не едят. Они едят рыбу, но ты-то не рыба, и медведь это знает. Кроме того, этот медведь не смотрит на тебя,

как на мясо, иначе он бы тебе бы не ухмылялся. Он смотрит на тебя, как на соперника, как на равного. Как же он поступит? Разве тебе не интересно? Разве не хотелось бы получить ответ на этот вопрос — ну хотя бы из любопытства?

Стало смеркаться, и у Дэви с медведем было мало что видно, кроме белых зубов да глаз.

— Одну ночь ты уже продержался. Хватит тебя на другую или нет? Я думаю, что нет. Я думаю, что скоро тебе придется изведать степень медвежьего милосердия.

Только тогда Дэви, одолеваемый сном, осмелился заговорить:

— Помоги мне.

— Каким же это образом?

— Убей этого медведя.

Альвин обошел медведя и положил руку ему на плечо.

— Зачем? Он-то на меня ружье не наставлял.

— Тогда мне конец, — прошептал Дэви. Ухмылка пропала с его лица, он склонил голову, повалился ничком и свернулся на земле, ожидая смерти.

Но ничего такого не случилось. Медведь обошел его, обнюхал и повалял туда-сюда, не обращая внимания на жалобные звуки, издаваемые Дэви. Потом лег рядом, обхватил Дэви лапой и задремал.

Дэви, не веря своему счастью, лежал тихо, испуганный, но вновь преисполненный надежды. Если бы продержаться и не уснуть еще чуток!

Но то ли медведь летом и правда спал одним глазом, то ли Дэви закопошился слишком рано — словом, как только человек потянулся к ножу у пояса, медведь тут же, как бы шутя, шлепнул его по руке.

— Пора спать, — сказал Альвин. — Ты заслужил отдых, медведь тоже, а утром тебе все покажется намного лучше.

— Но что со мной будет?

— Тебе не кажется, что это зависит от медведя?

— Ты им как-то управляешь. Это все твоя работа.

— Он сам собой управляет. — Второго обвинения Альвин опровергать не стал, зная, насколько оно правдиво. — И тобой тоже. Вы для того и ухмылялись так долго, чтобы решить, кто чей хозяин. Теперь твой хозяин — медведь, и ут-

ром мы, полагаю, узнаем, как обращаются медведи с прирученными людьми.

Дэви забормотал молитву, а медведь тяжелой лапой зажал ему рот.

— Богу помолились, легли и укрылись, — пропел Альвин. — Баюшки-баю, спи-засыпай.

Вот так Альвин и вернулся в Вествилль сразу с двумя друзьями — Дэви Крокеттом и большим, старым медведем-гризли. Люди, конечно, всполошились, увидев медведя в городе, и схватились за ружья. Но медведь улыбался им, и они не стали стрелять. Потом медведь вытолкнул вперед Дэви, и тот сказал:

— Мой друг не очень хорошо владеет американским языком, но он не хотел бы, чтобы в него целились из ружья. Он также не отказался бы от миски кукурузной каши или от кукурузных лепешек, если у вас найдется.

Так медведь и кормился всю дорогу через Вествилль. Для этого ему и лапой шевельнуть не пришлось, разве чтобы подталкивать Дэви, а люди даже не спорили, такое это было диво — человек, подающий медведю кашу и лепешки. И это еще не все. Дэви прилежно выбирал колючки из шерсти медведя, особенно из задней части, а когда медведь начинал поскуливать, Дэви ему пел. Дэви пропел все песни, которые слышал хотя бы по разу. Ничто так не освежает память, как тычки, которыми награждает тебя одиннадцатифутовый гризли — а когда Дэви совсем уж ничего не мог припомнить, он придумывал, и медведь, не будучи особенно разборчивым, оставался довольным.

Альвин же то и дело прерывал пение и спрашивал Дэви, правда ли, что он, Альвин, взломщик и похититель золотого лемеха. А Дэви отвечал — нет, неправда, он, Дэви, это выдумал, потому что был зол на Альвина и хотел с ним посчитаться. И каждый раз, когда Дэви говорил эти правдивые слова, медведь одобрительно ворчал и гладил его лапой по спине — а у Дэви едва хватало отваги терпеть эти нежности, не обмочившись.

Только проследовав через весь город и обойдя близлежащие дома, процессия двинулась к мельнице, где порядком напугала лошадей. Но Альвин поговорил с животными и ус-

покоил их, а медведь, набивший брюхо кукурузой в разных ее видах, свернулся и уснул. Однако Дэви не отходил далеко, потому что медведь даже во сне чуял, здесь Дэви или нет.

Но Дэви, будучи человеком гордым, держался как ни в чем не бывало.

— Чего не сделаешь ради друга, а этот медведь — мой друг, — говорил он. — Я больше не ставлю капканы, как вы можете догадаться, и ищу такую работу, которая помогла бы моему приятелю подготовиться к зиме. То есть мне надо заработать побольше кукурузы, и я надеюсь, что у вас найдется какое-нибудь дело для меня. А за свою скотину можете не опасаться, ручаюсь.

Люди, понятное, дело, слушали — как не послушать человека, который умудрился попасть в услужение к медведю-гризли, но ни у кого и в мыслях не было пустить медведя к своим свинарникам и курятникам, тем более что он не выказывал никакого намерения честно заработать свой хлеб. Они полагали, что он станет попрошайничать, а там и воровать — кому это нужно?

Альвин и Артур тем временем, пока медведь спал, а Дэви толковал с фермерами, совещались между собой, и Артур делился своими открытиями.

— Что-то в весах работает так, чтобы недовешивать, когда повозка полная, и показывать больше, когда она пустая — так фермеров и обжуливают. А потом Рэк, ничего не меняя, делает так, что пустые повозки скупщиков кажутся легче, чем есть, а полные — тяжелее, чем есть, и наживается на продаже будь здоров.

Альвин кивнул.

— Ты уже проверил правильность своей теории?

— Он не следит за мной, только когда темно, а в темноте я ничего не вижу. Да и опасно это — шмыгать ночью около весов, еще поймает.

— Отрадно видеть, что мозги у тебя работают.

— И это говорит человек, который то и дело попадает в тюрьму.

Альвин скорчил ему гримасу, а сам направил свое старательское чутье в механизм весов под землей. И, ясное дело, там оказался храповик, который при первом взвешивании перемещал рычажок, делая вес меньше, чем на самом деле,

а при втором отцеплялся, и рычаг становился на место, показывая большой вес. Неудивительно, что Рэк не хотел допускать Альвина к весам.

Альвин пришел к достаточно простому решению. Он велел Артуру Стюарту держаться поближе к весам, но на них не становиться. Рэк записал вес пустой повозки, а когда она съехала с весов, стал подсчитывать разницу. Как только повозка оказалась внизу, Альвин во всеуслышание накинулся на Артура Стюарта:

— Ты что, дурак, делаешь? Зачем ты залез на весы?

— Не делал я этого! — закричал Артур.

— Да, вроде бы не делал, — говорит один из фермеров. — Я опасался этого, потому что он стоял очень близко, и глаз с него не спускал.

— А я говорю — он на них встал, — говорит Альвин. — И теперь хозяин потеряет столько же, сколько весит этот мальчишка!

— Да не становился он туда, — говорит Рэк, оторвавшись от своих вычислений.

— Ну что ж, проверить это очень просто, — говорит Альвин. — Давайте загоним телегу обратно на весы.

Тут Рэк забеспокоился и говорит фермеру:

— Послушай, давай я просто учту вес мальчишки при подсчете.

— А достаточно ли чувствительны эти весы, чтобы показать его точный вес? — спрашивает Альвин.

— Не знаю. Можно и на глаз прикинуть.

— Ну уж нет! — кричит Альвин. — Этому фермеру чужого не надо, но и обвешивать его не годится. Ставьте повозку обратно, и взвесим заново.

Рэк хотел было возразить, но тут Альвин сказал:

— Если, конечно, эти весы работают как надо. Они ведь правильно показывают, да?

Рэк перекосился, но что он мог сказать на это?

— Конечно, правильно, — буркнул он.

— Тогда взвесим повозку сначала без парня, потом вместе с ним.

Ну и сами понимаете: повозка, въехав обратно на весы, оказалась чуть ли не на сотню фунтов легче, чем была в первый раз. Свидетели оторопели.

— Я мог бы поклясться, что мальчишка не вставал на весы, — говорит один.

— А я бы в жизни не поверил, что он весит сто фунтов, — говорит другой.

— У него кости тяжелые, — пояснил Альвин.

— Нет, сэр, — не кости, а мозги, — поправил Артур, вызвав общий смех. А Рэк, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, вставил:

— Это тянет еда, которую он слопал за моим столом, — ее там не меньше пятнадцати фунтов.

И вес зерна, которое привез фермер, увеличился на сто фунтов.

Следующей взвешивалась полная повозка, а весы были настроены показать большой вес. Напрасно Рэк пытался прикрыть лавочку пораньше — Альвин предложил поработать за него, а фермеры, мол, проследят, чтобы записи велись правильно.

— Зачем людям ждать лишний день, чтобы продать свое зерно? — сказал Альвин. — Отпустим их всех!

И до конца дня они взвесили еще тридцать повозок, а фермеры не переставали дивиться, какой в этом году хороший урожай — куда больше, чем в прошлом. Один, правда, стал ворчать, что на этот раз его повозка весит куда меньше, чем бывало; но Артур тут же внес ясность:

— Это не важно, сколько она весит, — важна разница между полной повозкой и пустой, а поскольку весы те же самые, то итог верен.

Фермеры поразмыслили и сочли это правильным, хотя Рэк не мог толком объяснить, почему так получается.

Артур Стюарт прикинул в уме и понял, что Альвин не совсем восстановил справедливость. Теперь убытки терпел Рэк — получающаяся разница была отнюдь не в его пользу. И Альвину, и Артуру было ясно, что к завтрашнему дню Рэк попытается настроить весы по-старому — недовес для полных повозок, перевес для пустых.

Однако оба весело распрощались с Рэком, делая вид, что не видят, как ему не терпится избавиться от них.

Ночью фонарь Рэка Миллера двинулся, качаясь, через двор между домом и мельницей. Рэк закрыл дверь мельницы

за собой и направился к люку, ведущему в механизм весов. Но на люке, к его удивлению, лежало что-то, и это был медведь. А с ним в обнимку лежал Дэви Крокетт.

— Надеюсь, вы не будете возражать, — говорит Дэви, — но медведю взбрендило в голову лечь именно тут, а я с ним спорить не намерен.

— Так вот, ему здесь спать нельзя.

— Ну так скажите ему об этом сами. Меня он не слушает.

Мельник и говорил, и кричал, но медведь и ухом не повел. Тогда Рэк взял длинную палку и стал тыкать ею в медведя, но тот только открыл один глаз, вырвал палку у Рэка и перекусил ее, точно сухарик. Рэк посулил принести ружье, но тут Дэви достал нож.

— Тебе придется и меня убить вместе с медведем — если ты его тронешь, я тебя зарежу, как рождественского гуся.

— Буду рад доставить тебе это одолжение, — говорит Рэк.

— Тогда тебе придется объяснить, отчего я умер — если ты, конечно, убьешь медведя с одного выстрела. Есть такие медведи — получат с полдюжины пуль, а потом отрывают охотнику голову и преспокойно идут на рыбалку. У них полно жира и мускулов тоже. Как ты, кстати, стреляешь — метко?

Поэтому на следующее утро весы продолжали показывать величины, противоположные чаяниям Рэка, и так продолжалось до конца жатвы. Каждый день медведь и его прислужник ели свою кукурузную кашу, заедали кукурузным хлебом, запивали кукурузной самогонкой и валялись в тенечке, а народ сходился посмотреть на такое диво. В итоге посторонние ошивались на мельнице целый день, да и почью далеко не отходили. Так происходило и тогда, когда начали съезжаться скупщики за кукурузой.

История о медведе, который приручил человека, привлекла не только праздных зевак. Все больше фермеров приезжало к Рэку продать урожай только для того, чтобы посмотреть на эту пару, да и скупщиков съехалось больше, чем обычно, так что дела шли раза в полтора бойчее против прежнего. В конце сезона жатвы счетная книга Рэка показала огромные убытки. Он получил от скупщиков недостаточно, чтобы расплатиться с фермерами, и разорился вчистую.

Он стал глушить самогон кувшинами и совершать дальние прогулки, а к концу октября совсем отчаялся. Это заставило его приставить пистолет к виску и нажать на курок, но порох по какой-то причине не воспламенился. Рэк попытался повеситься, но узел все время скользил. Не сумев даже убить себя, он оставил свои попытки и как-то ночью ушел, бросив мельницу вместе со счетной книгой. Собственно говоря, он хотел мельницу поджечь, но огонь никак не хотел разгораться — пришлось ему оставить и эту затею. В конце концов он ушел, в чем был, взяв под мышки двух гусей, но они так гоготали, что он бросил их еще в пределах города.

Когда стало ясно, что Рэк ушел не просто погулять, горожане и самые видные окрестные фермеры собрались на мельнице и просмотрели счетную книгу. Итоги ревизии дали им понять, что Рэк Миллер вряд ли вернется. Фермеры разделили убытки поровну, и выяснилось, что никто ничего не потерял. Всем, конечно, досталось меньше, чем значилось у Рэка в книге, но гораздо больше, чем в предыдущие годы, так что в накладе они не остались. А когда начали осматривать хозяйство, то в весах обнаружили храповик, и дело прояснилось окончательно.

Все сошлись на том, что счастливо избавились от Рэка Миллера, а некоторые подозревали, что к разоблачению мельника приложил руку Альвин Смит со своим черным мальчишкой. Пытались даже отыскать Альвина, чтобы отдать ему мельницу в награду. Кто-то слышал, что родом он из Оплота Церкви в Уоббише. Послали туда письмо и получили ответ от отца Альвина. «Мой сын так и думал, что вы ему это предложите, и поручил мне предложить вам нечто лучшее. Он говорит, что если тот человек оказался таким плохим мельником, то, может, медведь подойдет лучше — особенно если у него в услужении имеется человек, способный вести книги».

Сначала люди посмеялись над этим предложением, но потом оно пришлось им по сердцу, а Дэви с медведем не стали возражать. Медведь получал кукурузы, сколько хотел, притом без всяких забот — разве что представлял перед народом во время жатвы — а зимой спал в тепле и сухости. Когда он вступал в брак, на мельнице становилось малость тесновато, но медвежата всех забавляли, а медведицы, хотя

и проявляли подозрительность, тоже вели себя терпимо. Уж с ними-то Дэви справлялся все так же легко и усмирял их своей ухмылкой в случае нужды.

Книги Дэви вел честно, а весы, освобожденные от храповика, показывали правильно. Со временем его так полюбили в Вествилле, что хотели избрать мэром. Но Дэви, конечно, отказался — ведь он был не хозяин сам себе. Он предложил вместо себя медведя, обязавшись служить ему секретарем и переводчиком. Так и было сделано. Через пару лет пребывания медведя в мэрах город переименовали в Баерсвилль, Медвежий Город, и в нем царило благоденствие. Когда Кенитук впоследствии вступил в Соединенные Штаты, нетрудно угадать, кто был избран в Конгресс от этого округа. Медведь семь сроков подряд клал лапу на Библию вместе со всеми конгрессменами и потом укладывался спать на всю сессию, а его секретарь, некий Дэви Крокетт, голосовал за него и произносил речи, неизменно заканчивая их словами: «По крайней мере так думает об этом старый медведь-гризли».

Роберт Силверберг

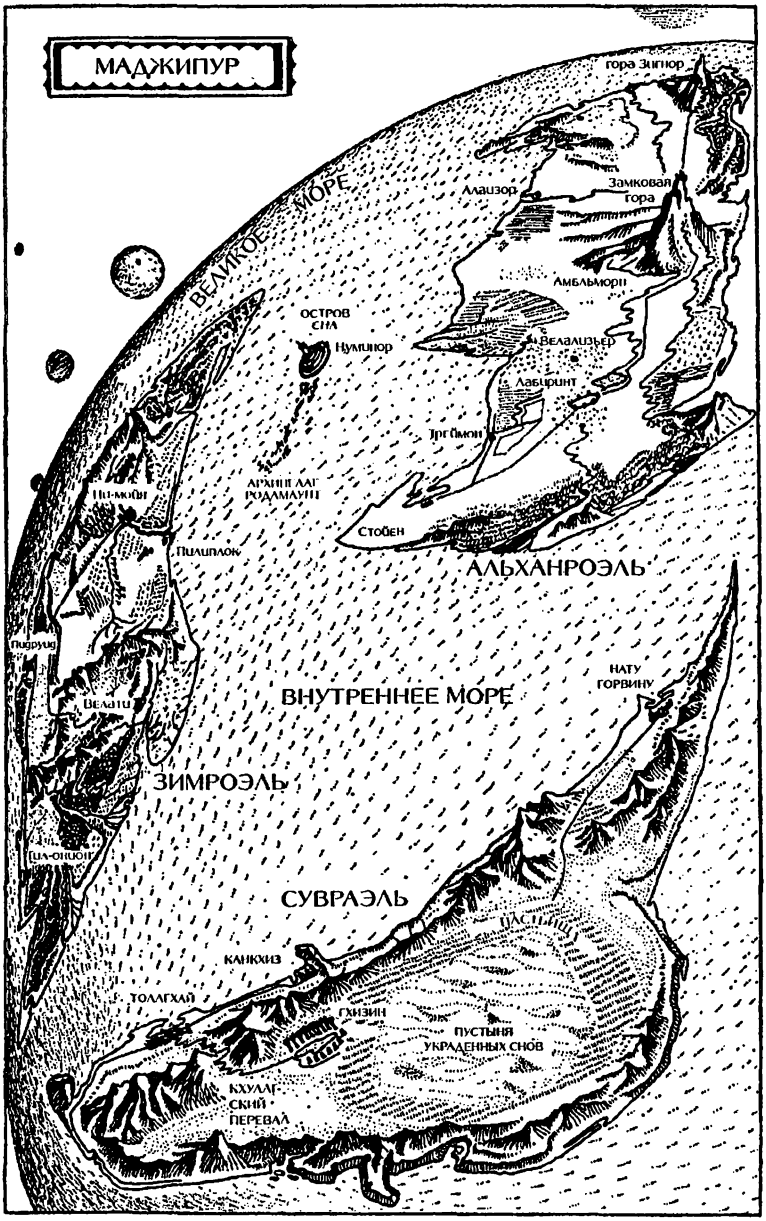
Маджипур

Robert Silverberg

THE SEVENTH SHRINE

Перевод с английского Н. Виленской

© Agberg, Ltd, 1998
© Перевод. Н. Виленская, 1999

МАДЖИПУР
ВЕЛИКОЕ МОРЕ
гора Зигнор
Замковая гора
Лаизор
Амбьмюрп
ОСТРОВ СИНА
Нуменор
Велаализьер
Лабиринт
Эргамон
Арамп Лаг Родмаупп
Пи-мойи
Пилиплок
Стойен
АЛЬХАНРОЭЛЬ
Пидруид
Велати
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
НАТУ ГОРВИНУ
ЗИМРОЭЛЬ
Ци-онуон
СУВРАЭЛЬ
ПЛАСТИНЫ
КАНКХИЗ
ТОЛАГХАЙ
ГХИЗИН
ПУСТЫНЯ УКРАДЕННЫХ СНОВ
КХУЛАГ-СКИЙ ПЕРЕВАЛ

«Замок лорда Валентина» (1980)
«Маджипурские хроники» (1981)
«Понтифик Валентин» (1983)
«Горы Маджипура» (1995)
«Колдуны Маджипура» (1997)
«Лорд Престимион» (1999)

Гигантская планета Маджипур, чей диаметр раз в десять больше, чем у нашей Земли, в далеком прошлом была заселена колонистами-землянами. Коренными жителями планеты были пьюриварры, разумные существа, которых пришельцы прозвали перевертышами или метаморфами за их способность менять свой физический облик. Маджипур — необычайно красивая планета с благодатным климатом, изобилующая зоологическими, ботаническими и географическими чудесами. Здесь все фантастично, все волшебно.

На протяжении нескольких тысячелетий трения между людьми и пьюриварами привели к затяжной войне и поражению туземцев, которые были загнаны в огромные резервации в отдаленных районах планеты. За эти годы на Маджипуре поселились и другие разумные виды — маленькие гномоподобные врооны, большие, косматые четверорукие скандары, двухголовые су-сухерисы и некоторые другие. Врооны и су-сухерисы были наделены экстрасенсорными способностями, что давало им возможность заниматься различными видами магии. Но люди за все тысячелетия своей маджипурской истории оставались преобладающим видом. Они процветали, множились и, в конце концов, стали исчисляться биллионами, проживая большей частью в больших городах на десять-двадцать миллионов населения.

Система правления планетой, выработавшаяся за эти годы, представляет собой разновидность ненаследственной двойной монархии. Старший правитель, именуемый понтификом, избирает себе младшего правителя, коронала. Коронал считается приемным сыном понтифика и по смерти последнего занимает его место на главном троне, избирая

себе нового коронала. Оба правителя проживают в Альханроэле, самом крупном и населенном из трех континентов Маджипура. Имперская резиденция понтифика помещается на самом нижнем уровне огромного подземного города, называемого Лабиринт, откуда правитель выходит лишь в редких случаях. Коронал, в противоположность ему, живет в колоссальном замке на вершине Замковой горы, тридцатимильного пика, где с помощью сложной аппаратуры поддерживается вечная весна. Время от времени коронал спускается со своих высот и совершает Большой Выход — событие, долженствующее напомнить Маджипуру о могуществе его правителей. Это путешествие, которое при маджипурских расстояниях занимает несколько лет, неизменно приводит коронала в Зироэль, второй континент, где гигантские города перемежаются огромными реками и обширными девственными лесами. Иногда коронал посещает и третий континент, знойный Сувраэль, почти весь занятый пустынями, подобными Сахаре.

Со временем в маджипурское правительство вошло еще два лица. Развитие всемирной сети телепатической связи позволило передавать по ночам на любые расстояния различные предсказания и врачебные советы. За это отвечает мать правящего коронала, носящая титул Владычицы Острова Снов. Ее резиденция помещается на острове размером с континент между Альханроэлем и Зироэлем. Чуть позже появился еще один правитель-телепат — Король Снов. Он занимается выявлением и наказанием преступников и прочих граждан, чье поведение не соответствует маджипурским нормам. Этот сан переходит по наследству к представителям сувраэльской семьи Барьязидов.

Первый из маджипурских романов, «Замок лорда Валентина», повествует о заговоре, в результате которого законный коронал, Валентин, был свергнут и заменен другим. Валентина, лишенного памяти, доставляют в Зироэль, где он ведет жизнь бродячего жонглера, но со временем вспоминает, кто он такой, и после успешной кампании возвращает себе трон. В следующем романе, «Понтифик Валентин», герой, уже зрелый муж и пацифист в душе, вынужден подавлять восстание метаморфов, вознамерившихся изгнать наконец ненавистных захватчиков из своего мира. Валентин

одерживает победу и восстанавливает мир с помощью гигантских морских существ, известных как драконы моря, о чьих интеллектуальных способностях прежде не знали на Маджипуре.

Сборник рассказов «Маджипурские хроники» знакомит нас с различными эпохами и социальными кругами маджипурской жизни, освещая детали, не вошедшие в романы. Повесть «Горы Маджипура», чье действие происходит через пятьсот лет после правления Валентина, переносит повествование в ледяные полярные земли, где давно уже существует отдельная варварская цивилизация. Последний роман серии, «Колдуны Маджипура», кладет начало трилогии, действие которой происходит за тысячу лет до Валентина, когда Маджипуром правила магия. Коронал Престимион, смещенный с трона сыном прежнего коронала при помощи магов и чародеев, приводит своих сторонников к победе, сам прибегнув к некромантии. В продолжении, «Лорд Престимион», герой столкнется с проблемами управления миром, заряженным магией.

Представленная здесь повесть рассказывает об эпизоде из жизни понтифика Валентина. Война с метаморфами закончилась несколько лет назад, но процесс примирения еще не завершился.

Седьмое святилище

Неровная, усеянная камнями дорога пошла на последний крутой подъем перед спуском на равнину Велализьера. Валентин, ехавший во главе отряда, остановился на вершине, с изумлением глядя вниз. Ему показалось, что лежащая перед ним земля подверглась невероятным переменам со времени его последнего визита сюда.

— Подумать только, — растерянно произнес понтифик. — Это место изобилует сюрпризами, и вот один из них.

Под ними простиралась широкая плоская чаша засушливой равнины. Со своего наблюдательного пункта они должны были увидеть на востоке, на месте археологических раскопок, скопище занесенных песком руин. Некогда здесь стоял могучий метаморфский город, где в древние времена произошло чудовищное святотатство. Но теперь на том месте — это, конечно же, только иллюзия? — переливалась водная гладь, бледно-розовая по краям и жемчужно-серая в середине. Большое озеро, невесть откуда взявшееся.

Все прочие, кто был в отряде понтифика, тоже, разумеется, заметили это явление. Но понимают ли они, что это только мираж? Случайная комбинация солнечного света, пыли и палящего зноя над мертвым Велализьером создала это озеро, затопившее внезапно древний город.

Оно начиналось недалеко от холма, на котором стояли путники, и тянулось до стены из голубовато-серых каменных глыб, отмечавшей западную границу города. Самого Велализьера не было видно. Ни разрушенных храмов, ни дворцов, ни базилик, ни красных базальтовых блоков арены, ни голубого камня обширных жертвенных платформ, ни платков археологов, работающих здесь с прошлого года

по указанию Валентина. Только верхушки шести узких пирамид, самых высоких сохранившихся сооружений доисторической столицы метаморфов, торчали над водой, словно острия кинжалов, воткнутых рукоятками в дно.

— Колдовство, — прошептал Тунигорн, старейший друг Валентина, занимавший при дворе понтифика пост министра внешних дел, чертя в воздухе священный знак. С годами Тунигорн стал очень суеверен.

— Вряд ли, — улыбнулся Валентин. — По-моему, это только игра света. И тут, словно по велению понтифика, налетевший с севера ветер развеял дымку, и озеро исчезло, словно призрак, каковым и было. Валентин и его спутники, оказавшись под голым, беспощадно голубым небом, увидели под собой настоящий Велализьер — унылые бурые развалины среди груд щебня и песка, все, что осталось от покинутого некогда метрополиса.

— Вышло, что вы были правы, ваше величество, — сказал Тунигорн, — но я уж предпочел бы колдовство. Озеро было красиво, а эти камни безобразны.

— Озеро или камни, все едино, — сказал герцог Насимонте Эберсинульский. Он проделал долгий путь из своего поместья на дальней стороне Лабиринта, чтобы присоединиться к экспедиции. — Это нехорошее место и всегда было таким. На месте вашего величества я построил бы плотину через реку Клайг, направил бы поток сюда и похоронил бы этот проклятый город с его мерзкой историей на глубине двух миль.

Валентин отчасти признавал, что это здравая идея. Легко было поверить, что мрачные чары древности все еще висят над этим местом, сохраняя свою власть.

Но он, разумеется, не мог отнестись к предложению Насимонте всерьез.

— Затопить священный город метаморфов? Прекрасно! Превосходный дипломатический ход, Насимонте. Чудесный способ установления гармонии между двумя расами!

Сапфировые глаза восьмидесятилетнего Насимонте, худощавого и крепкого, ярко сверкали под широким морщинистым лбом.

— Из ваших слов мы видим то, что и так известно, ваше величество: хорошо, что понтифик вы, а не я. Мне недоста-

ет вашей доброты и милосердия — особенно когда речь заходит о поганых перевертышах. Я знаю, вы их любите и хотите вывести из ничтожества, но по мне они всего лишь черви — и притом ядовитые.

— Полно, — сказал Валентин, улыбаясь по-прежнему, но уже с легким раздражением. — Восстание давно закончилось. Пора забыть былую ненависть раз и навсегда.

Насимонте в ответ только пожал плечами.

Валентин отвернулся, глядя на руины. Там их ждут тайны более глубокие, чем недавний мираж. Здесь произошло событие, не менее жуткое, чем те, что таились в печальном прошлом Велализьера: убийство.

Насильственная смерть от руки другого на Маджипуре была незаурядным происшествием. Для расследования этого случая Валентин и прибыл в Велализьер.

— Едем, — сказал он, пришпорив своего скакуна, и остальные последовали за ним вниз по каменистой дороге.

Руины вблизи выглядели менее мрачными, чем в два предыдущие посещения Валентина. Зимние дожди, вероятно, были обильнее, чем обычно, и на серых дюнах, среди перевернутых камней расцвели дикие цветы. Казалось, что эти желтые, красные, голубые и белые огоньки наполняют пространство музыкой. Стайка хрупких, яркокрылых келебекко порхала над цветами, насыщаясь нектаром, и мириады комаров-фершей кружили густыми роями, сверкая в воздухе, как серебристая пыль.

Но не только цветы и насекомые существовали здесь. По дороге к Велализьеру в воображении Валентина замелькали странные, фантастические образы, словно вспыхивающие в воздухе за пределами его зрения. Поющие без слов о неоглядном прошлом Маджипура, они слетали с каменных глыб, маняще кружились вокруг и скакали как безумные над губчатой известковой почвой. Легкое малахитово-зеленое свечение, незаметное издали, шло отовсюду: должно быть, это яркий полдневный свет как-то взаимодействовал со светящимися минералами скал. Но это было волшебное зрелище, какие бы причины его ни вызывали.

Эта нежданная красота подняла понтифику настроение, которое было непривычно мрачным с тех самых пор, как он неделю назад получил известие о страшной и загадочной

смерти заслуженного метаморфского археолога Гуукаминаана среди этих самых руин. Валентин возлагал такие надежды на работы по раскопкам и восстановлению древней столицы — а теперь это убийство все испортило.

На низком песчаном плато впереди показались палатки археологов, пестрящие зелеными, темно-красными и алыми полосками. Сами ученые уже ехали к Валентину по каменистым улицам на тяжеловесных верховых животных; их было около полудюжины с главным археологом Магадоне Самбисой во главе.

— Ваше величество, — сказала она, спешившись и приветствовав понтифика особым почтительным жестом, — добро пожаловать в Велализьер.

Валентин с трудом узнал ее. Не прошло и года, как она представлялась ему в Лабиринте. Тогда это была энергичная, уверенная в себе женщина, крепкая и цветущая, с круглыми щеками и каскадом вьющихся рыжих волос, ниспадающим на спину. Теперь она как бы ссохлась, плечи ее поникли, глаза потускнели и ввалились, на исхудалом пожелтевшем лице прорезались морщины, волосы поредели и утратили свой блеск. Миг спустя Валентин уже справился со своим изумлением, но она успела заметить и выпрямилась, стараясь, видимо, проявить хотя бы частицу былой энергии.

Валентин хотел представить ее герцогу Насимонте, принцу Мириганту и остальным, но Тунигорн, выступив вперед, взял эту задачу на себя.

Было время, когда граждане Маджипура могли общаться с понтификом лишь при посредстве придворного, носившего титул верховного посредника. Валентин быстро отменил этот обычай, как и многие стеснительные правила этикета, но Тунигорн, консерватор по натуре, так и не смирился с этими переменами. Старик делал все, что мог, для сохранения священного ореола, окутывавшего некогда понтификов. Валентин находил это забавным и только изредка раздражался.

Археологов-метаморфов среди встречающих не было. Магадоне Самбиса взяла с собой только пятерых людей и одного гхайрога. Такое исключение метаморфов казалось странным. Тунигорн официально представил всех археологов Валентину, порядком исковеркав их имена — и лишь

тогда отошел назад, позволив понтифику вступить в разговор с начальницей экспедиции.

— Как шли ваши раскопки — успешно? — спросил Валентин.

— Вполне, ваше величество — до тех пор, пока... — И она сделала головой и руками жест, выражавший разом горе, шок, непонимание и беспомощность.

Это убийство для нее и для всех здесь казалось неожиданной, страшной потерей, невосполнимой, как смерть близкого родственника.

— Да, я понимаю.

Валентин расспрашивал ее ласково, но твердо. Не было ли в последнее время сделано каких-либо важных открытий? Не вскрылись ли новые улики? Не считают ли кого-то виновным в убийстве? Есть ли подозреваемые? Не угрожали ли археологам дальнейшими покушениями?

Но ничего нового не произошло. Убийство Гуукаминаана так и осталось вопиющей неожиданностью, нарушившей мирную жизнь лагеря. Убитого передали его соплеменникам для погребения, сказала Магадоне Самбиса, невольно содрогнувшись при этом всем телом. Теперь археологи стараются позабыть о своем горе и продолжить работу.

Ей явно тяжело было говорить об этом, и она переменила разговор, как только смогла.

— Вы, должно быть, устали с дороги, ваше величество. Позвольте проводить вас в ваше жилище?

Для понтифика и его свиты поставили три новых палатки. Путь к ним лежал через зону раскопок. Валентину приятно было видеть, как хорошо движется работа по расчистке города от цепких ползучих сорняков, которые столько лет оплетали эти древние камни.

По дороге Магадоне Самбиса без умолку трещала о достопримечательностях этого места, как будто Валентин был туристом, а она — его гидом. Вон там виден полуразрушенный, но все еще величественный акведук. Там — выщербленная овальная чаша арены. А вот большой церемониальный бульвар, вымощенный гладкими зеленоватыми плитами.

На этих плитах и спустя двадцать тысяч лет виднелись иероглифы метаморфов, загадочные витиеватые символы,

врезанные глубоко в камень. Даже сами метаморфы не могли расшифровать их теперь.

Женщина изливала поток археологических и мифологических подробностей, едва успевая переводить дыхание. В этом чувствовалась неловкость почти панического свойства, вызванная присутствием понтифика Маджипура. Валентин уже привык к таким вещам, но Велализьер он посещал не впервые и был знаком почти со всем, о чем она рассказывала. А Магадоне Самбиса выглядела такой усталой и подавленной, что ему жаль было видеть, как она тратит столько сил на эти сумбурные речи.

Но она не умолкала. В это время они шли мимо огромного и очень ветхого здания — казалось, чихнешь, и оно обрушится.

— Это называется дворцом Последнего Царя. Название, возможно, неверное, но так его зовут пьюриварры, и мы тоже пользуемся этим именем за неимением лучшего.

Она сказала «пьюриварры», отметил про себя Валентин. Ученые всегда пользуются этим словом, никогда не называют коренных жителей планеты перевертышами или метаморфами, как обыкновенные люди. Надо будет запомнить.

У руин дворца Магадоне Самбиса изложила им легенду о мифическом Последнем Царе, при котором и произошло кощунство, заставившее древних метаморфов покинуть свой город. Могла бы и не рассказывать — кто же не знает этой жуткой истории?

Однако все вежливо выслушали ее рассказ о том, как много тысяч лет назад, задолго до появления на Маджипуре первых человеческих поселенцев, метаморфы Велализьера в припадке необъяснимого безумия выловили из океана двух живых морских драконов, разумных существ громадной величины и невероятной интеллектуальной мощи, которых сами же считали богами. Жителей моря взвалили на жертвенные платформы, изрезали ножами на куски и сожгли на костре перед Седьмой пирамидой, как подношение еще более могущественным богам, в которых царь и его подданные с недавних пор уверовали.

Легенда гласила, что простой народ дальних провинций, узнав об этой ужасающей бойне, двинулся на Велализьер и сравнял с землей храм, у которого совершилось кощунствен-

ное жертвоприношение. Пришельцы предали смерти Последнего Царя, разрушили его дворец, а согрешивших горожан изгнали в пустыню. Акведук тоже был разрушен; реки, снабжавшие город водой, загорожены плотинами, и Велализьер превратился в проклятое место, на протяжении веков населенное лишь ящерицами и пауками.

Дальше Валентин и его спутники двигались молча. Показались шесть заостренных пирамид, самые известные памятники Велализьера. Ближайшая стояла за самым дворцом Последнего Царя, остальные пять располагались по прямой линии, ведущей на восток.

— Была и Седьмая пирамида, — сказала Магадоне Самбиса, — но ее разрушили сами пьюривары перед уходом из города. От нее осталась только груда камней. Мы думали начать там работу на прошлой неделе, но тогда как раз... — Женщина запнулась и отвела взгляд.

— Да, — мягко сказал Валентин. — Конечно.

Их дорога теперь пролегала между двумя колоссальными платформами из гигантских глыб голубого камня, которые современные метаморфы называли Столами Богов. Даже и теперь, заваленные мусором двадцати тысячелетий, они возвышались над равниной на десять футов, и на них могли разместиться многосотенные толпы.

— Вы знаете, что это такое, ваше величество? — тихим похоронным голосом спросила Магадоне Самбиса.

— Да, — кивнул он. — Алтари для жертвоприношений. Здесь и произошло Кощунство.

— Верно. И Гуукаминаана тоже убили здесь. Я могу показать вам это место — это недолго.

Чуть дальше по дороге виднелась лестница, сложенная из того же голубого камня, что и сами платформы. Она вела на вершину западного помоста. Магадоне Самбиса спешилась и быстро поднялась наверх. На верхней ступеньке она подала Валентину руку, хотя понтифик поднимался без труда, сохранив почти всю бодрость своих молодых лет. Однако из учтивости он подал ей руку, она же — решив, возможно, что простой женщине не подобает прикасаться к понтифику — в последний момент убрала свою. Валентин с усмешкой все-таки удержал ее и взошел наверх.

Старый Насимонте резво поднялся следом, за ним кузен и доверенный советник Валентина принц Миригант, у которого на плече сидел маленький вроонский мудрец Аутифон Делиамбер. Тунигорн остался внизу, не желая, видимо, иметь ничего общего с местом бойни и святотатства.

Поверхность алтаря, выщербленная временем, поросшая сорной травой, испещренная красными и зелеными пятнами лишайника, простиралась далеко. Трудно было представить, как даже великое множество метаморфов, этих хрупких, словно бескостных существ, могло нагромоздить такое количество каменных блоков.

Магадоне Самбиса указала на метку из желтой ленты в форме шестиконечной звезды, прикрепленную к камню в дюжине футов от них.

— Мы нашли его здесь. Точнее, часть его. А другую часть вот тут. — Еще одна метка виднелась слева, футах в двадцати от первой. — И тут. — Третья желтая звезда.

— Так труп был расчленен? — поразился Валентин.

— Да. Видите, пятна крови видны повсюду. — Магадоне Самбиса помедлила, и Валентин заметил, что она дрожит. — Мы нашли все, кроме головы. Голова отыскалась в другом месте, в руинах Седьмой пирамиды.

— Стыда у них нет, — выпалил Насимонте. — Хуже зверей. Надо было вывести их всех под корень.

— Кого это? — спросил Валентин.

— Вы знаете, о ком я говорю, ваше величество. Очень хорошо знаете.

— Ты думаешь, эта работа перевертышей?

— О нет, ваше величество! — ехидно запротестовал Насимонте. — Как я мог подумать такое? Это, конечно, кто-то из наших. Из профессиональной зависти, скажем, из-за того, что покойник совершил какое-то открытие, которое наши хотели присвоить себе. Вы ведь так полагаете, Валентин? Вы верите, что найдется человек, способный на такое зверство?

— Мы для того и приехали, чтобы разобраться в этом, мой друг, — примирительно сказал Валентин. — Пожалуй, еще рано делать какие-то выводы.

Глаза Магадоне Самбисы чуть не вылезли из орбит — так потрясла ее дерзость Насимонте, посмевшего спорить с самим понтификом.

— Быть может, проедем теперь в лагерь? — спросила она.

Как странно, думал Валентин, пока они ехали мимо груд камня, как странно очутиться опять среди этих чуждых, колдовских руин. Зато он, по крайней мере, вырвался из Лабиринта. Хуже Лабиринта, по его мнению, не было уже ничего.

Это был его третий визит в Велализьер. Первый состоялся давно, когда Валентин еще был короналом, в тот странный период его жизни, когда узурпатор Доминин Барьязид захватил его трон. Тогда Валентин остановился здесь с горсточкой сторонников — Карабеллой, Насимонте, Слитом, Эманаром, Делиамбером и другими — во время своего похода на север, к Замковой горе, с целью отнять свой трон у ложного коронала.

Валентин был молод тогда, а теперь уже нет. Он понтифик Маджипура вот уже девять лет, а до того четырнадцать был короналом. В его золотистых волосах появились белые нити, и он, хотя и сохранил мускулы и выправку атлета, уже чувствует первые признаки возраста.

В тот первый раз в Велализьере он поклялся, что расчистит руины от сорных трав и пришлет сюда археологов для исследования и восстановления древних зданий. Он собирался привлечь к этой работе и вождей метаморфов. Таким образом туземцы, презираемые и гонимые в прошлом, могли занять более значительное место в жизни Маджипура. Валентин знал, что метаморфы кипят от гнева и что их нельзя больше держать в резервациях, где вынуждали их жить его предшественники.

Он сдержал свою клятву и вернулся в Велализьер годы спустя — посмотреть, каких успехов добились археологи.

Но метаморфы, возмущенные вторжением Валентина на их запретную территорию, наотрез отказались участвовать в экспедиции, чего он совершенно не ожидал.

Скоро он убедился, что метаморфы вовсе не против восстановления Велализьера, но намерены сделать это сами — когда прогонят человеческих захватчиков и прочих чужаков с Маджипура и вновь возьмут планету в свои руки.

Восстание метаморфов, тайно подготавливаемое в течение многих лет, разразилось вскоре после того, как Валентин вернул себе трон. Первая группа археологов, посланная Валентином в Велализьер, успела лишь предварительно рас-

чистить кое-какие участки и набросать карты местности. На время войны работы пришлось прекратить.

Боевые действия закончились победой Валентина. Составляя мирный договор, он постарался отменить как можно больше ограничений, вызывавших недовольство метаморфов. Данипьюр — таков был титул их королевы — была допущена к власти как полноправная правительница наряду с понтификом и короналом. Сам Валентин как раз тогда переместился с трона коронала на трон понтифика и вспомнил о своем плане восстановления Велализьера. Но теперь он позаботился, чтобы это происходило в тесном сотрудничестве с метаморфами. Их археологи должны были работать бок о бок с учеными из северного Аркилонского университета, которым он поручил эту задачу.

За прошлый год было сделано немало, чтобы поднять руины из забвения, в котором они столь долго пребывали. Но теперь это уже не радовало Валентина. Ужасная смерть, постигшая маститого метаморфского археолога на древнем алтаре, показывала, что в этом месте действуют какие-то злые силы. Гармония, которую, как он полагал, принесло миру его правление, оказалась куда более шаткой, чем ему представлялось.

К тому времени, как Валентин обосновался в своей палатке, стало смеркаться. По обычаю, против которого он был бессилен, его поселили одного, а его супруга Карабелла на этот раз осталась в Лабиринте. Она и его всеми силами пыталась удержать от поездки. Тунигорн, Миригант, Насимонте и вроон заняли вторую палатку, а в третьей разместилась охрана.

Валентин вышел в вечерний сумрак. Зажглись ранние звезды, и на горизонте виднелось зарево Большой Луны. Воздух был сух до треска — казалось, его можно разорвать руками, как бумагу, и на пальцах останется пыль. Странный покой царил здесь, нездешняя тишина.

Зато здесь он под открытым небом и смотрит на настоящие звезды, и здешний воздух, хоть и сухой, тоже настоящий, а не искусственный, как в городе понтификов. Валентин был благодарен за это.

Вообще-то ему не полагалось покидать Лабиринт.

Его место как понтифика там, глубоко под землей, где многочисленные ярусы укрывают его от обыкновенных смертных. Коронал, младший правитель, живущий в замке на сорок тысяч комнат на заоблачной вершине Замковой горы, — вот активная фигура, представляющая собой монархическую власть Маджипура. Но Валентин терпеть не мог сырой Лабиринт, где высокий сан вынуждал его жить, и пользовался каждым случаем, чтобы улизнуть оттуда.

А в этом случае его вмешательство было прямо-таки обязательным. Убийство Гуукаминаана — серьезное дело, требующее расследования на высочайшем уровне, а коронал Хиссьюн как раз отбыл на далекий континент Зимроэль. Пришлось понтифику заменить его.

— Любишь смотреть на небо, да? — Герцог Насимонте приковылял из своей палатки и стал рядом. В его хриплом голосе слышались нежные ноты. — Понимаю дружище. Хорошо понимаю.

— Я редко вижу звезды, Насимонте, там, где мне приходится жить.

— Приходится? — хмыкнул герцог. — Самый могущественный человек на свете — всего лишь узник? Сколько в этом иронии! Как печально!

— Я знал с того самого дня, как стал короналом, что когда-нибудь мне придется жить в Лабиринте. И я попытался примириться с этим. Ты же знаешь, я никогда и не думал быть короналом. Если бы Вориакс остался жив...

— Да, Вориакс... — Брат Валентина, старший сын верховного советника Дамиандана, которого с детства готовили к тому, чтобы занять трон Маджипура. Насимонте пристально посмотрел на Валентина. — Ведь это метаморф сразил его тогда в лесу? Теперь-то доказано?

— Какая теперь разница, кто убил его? — неохотно сказал Валентин. — Он умер, и его трон перешел ко мне, как к другому сыну нашего отца. Я никогда и не мечтал носить эту корону. Все знали, что она предназначена Вориаксу.

— Но его ждала иная судьба. Бедный Вориакс.

— Да, бедный Вориакс. Стрела поразила его, когда он охотился в лесу на восьмом году своего корональства — стрела из лука какого-то метаморфа, затаившегося в чаще. Приняв корону своего погибшего брата, Валентин обрек себя на неиз-

бежное сошествие в Лабиринт, когда старый понтифик умрет и он, коронал, займет его место.

— Ты верно сказал — так распорядилась судьба. И теперь я понтифик. Но я просто не могу все время сидеть под землей — и не стану.

— Да кому какое дело? Понтифик может поступать, как ему угодно.

— Да, но не выходя за рамки закона и обычая.

— Ты сам творишь закон и обычай, Валентин. Ты всегда так поступал.

Валентин понимал, что Насимонте имеет в виду. Понтифик всегда был не совсем обычным монархом. Во время своего изгнания он скитался по свету как бродячий циркач, забыв о своем титуле из-за амнезии, которой наделили его сторонники узурпатора. Эти годы изменили его необратимо, и он, даже вернув себе свои права, продолжал вести себя так, как немногие короналы до него: общался с народом, весело проповедуя мир и любовь — и это в то время, когда метаморфы готовили свою тщательно выношенную войну против ненавистных завоевателей.

И когда война наконец вынудила Валентина принять сан понтифика, он тянул сколько мог, прежде чем сдать верхний мир своему протеже Хиссьюну и спуститься в подземное царство, столь чуждое его солнечной натуре.

За девять лет своего понтификатства он пользовался любым предлогом, чтобы выйти наружу. Все понтифики до него покидали Лабиринт разве что раз в десять лет, и то лишь затем, чтобы присутствовать на торжественной церемонии в замке коронала. Но Валентин убегал при малейшей возможности и шатался по свету, как будто по-прежнему должен был совершать Выходы, входившие в обязанности коронала. Хиссьюн в таких случаях проявлял большое терпение, но Валентин не сомневался, что молодого коронала раздражает столь частое появление старшего монарха на публике.

— Я меняю то, что считаю нужным, — сказал Валентин. — Но ради Хиссьюна я обязан лезть на глаза как можно реже.

— Ну, теперь, во всяком случае, ты вылез из-под земли!

— Так-то оно так, но на этот раз я охотно бы остался. Только потому, что Хиссьюн в Зимроэле...

— Как же, как же. У тебя просто не было выбора. Кроме тебя, это следствие никто провести не мог. — Они помолчали. — Скверное дело — это убийство, — сказал наконец Насимонте. — Подумать только — раскидали куски этого бедолаги по всему алтарю! Тьфу!

— А с ним, боюсь, пришел конец и нашим стараниям наладить отношения с метаморфами.

— Ты думаешь, тут замешана политика?

— Кто его знает. Но я опасаюсь худшего.

— Ты? Неисправимый оптимист?

— Правильнее было бы назвать меня реалистом, Насимонте. Реалистом.

— Как будет угодно вашему величеству, — засмеялся старый герцог. И снова наступила пауза, еще длиннее предыдущей. Потом Насимонте заговорил уже спокойнее: — Я должен попросить у тебя прощения, Валентин. Я был слишком резок сегодня, говоря о перевертышах как о гадах, которых следует истребить. Ты же знаешь, в самом-то деле я так не думаю. Я старый человек и могу порой ляпнуть такое, что сам себе удивляюсь.

Валентин кивнул, но промолчал.

— И еще мне не следовало говорить, что археолога убил кто-то из его сородичей. Ты верно сказал — выводы делать еще рано. Мы еще и не начинали собирать улики. Непростительно с моей стороны утверждать...

— Напротив, Насимонте. Очень даже простительно.

— Ваше величество? — растерялся герцог.

— Не будем играть в игры, дружище. Здесь нет никого, кроме нас с тобой, и мы можем говорить правду без прикрас, не так ли? Да, я сказал тебе, что рано делать выводы, но этот вывод так очевиден, что напрашивается сам собой. Нет никакой рациональной причины, чтобы кто-то из археологов-людей — или гхайрогов, если на то пошло, — вздумали убить одного из своих коллег. Впрочем, я не вижу, зачем это могло бы понадобиться кому бы то ни было. Убийство — такая редкость, Насимонте. Нам не понять мотивов того, кто способен это совершить, — однако кто-то тем не менее это сделал.

— Верно.

— А чьи мотивы нам понять труднее всего? По моей логике, убийцей почти наверняка должен быть перевертыш —

участник экспедиции или тот, кто пришел извне с заранее обдуманным намерением убить.

— Да, это резонно. Но зачем было перевертышу убивать одного из своих?

— Даже представить себе не могу. Потому мы и приехали сюда в качестве следователей. И у меня такое чувство, что ответ, когда мы его найдем, не доставит мне удовольствия.

Археологи ужинали на открытом воздухе, под ясным черным небом с ослепительными звездами, льющими холодный свет на таинственные руины. Валентин познакомился со всей командой Магадоне Самбисы. В ней было семнадцать археологов: шесть человек, двое гхайрогов и восемь метаморфов. Все они казались мирными существами, настоящими учеными. Воображение Валентина отказывалось представить, чтобы кто-то из них мог убить и расчленить своего почтенного коллегу.

— Это единственные лица, которые имели доступ в зону раскопок? — спросил понтифик Магадоне Самбису.

— Днем там, разумеется, работают землекопы.

— Ага. А где они теперь?

— У них своя деревня — там, за последней пирамидой. Они уходят туда на закате и возвращаются только к началу рабочего дня.

— Понятно. И много их там?

Магадоне Самбиса посмотрела через стол на бледного длиннолицего метаморфа с сильно скошенными внутрь глазами. Это был ее помощник Каастисиик, отвечавший за рабочую силу.

— Как по-вашему? Около сотни?

— Сто двенадцать. — И Каастисиик стиснул свой маленький щелистый рот, весьма гордясь собственной точностью.

— И большинство из них пьюривары? — спросил Валентин.

— Они все пьюривары, — ответила Магадоне Самбиса. — Мы сочли за лучшее использовать только туземных рабочих, поскольку мы не только раскапываем город, но в каком-то смысле восстанавливаем его. Пьюривары не возражают против присутствия чужих археологов, но восстановление города человеческими руками крайне обидело бы их.

— Вы нанимали их прямо здесь, на месте?

— В непосредственной близости от руин нет никаких поселений, ваше величество. Да и в близлежащих провинциях живет не так много пьюриваров. Их пришлось везти издалека — многих из самого Пьюрифайна.

Валентин поднял брови. Из Пьюрифайна?!

Пьюрифайн был далекой зимроэльской провинцией, очень далекой, по ту сторону Внутреннего моря. Восемь тысяч лет назад землянин-завоеватель Стиамот, сокрушивший все надежды пьюриваров сохранить свою независимость, загнал уцелевших метаморфов во влажные джунгли Пьюрифайна и учредил там резервацию для них. Хотя старые ограничения давно уже были отменены и метаморфам разрешали селиться, где они пожелают, большинство из них так и осталось в Пьюрифайне. В этих субтропических краях и зародилось подпольное движение мятежного Фараатаа, и оттуда же восстание, словно поток раскаленной лавы, хлынул на мирный Маджипур.

— Полагаю, вы их всех опросили? — осведомился Тунигорн. — Выяснили, кто где был в момент убийства?

— Разве я должна была рассматривать их как подозреваемых? — растерялась Магадоне Самбиса.

— Они и есть подозреваемые, — заметил Тунигорн.

— Это простые землекопы и чернорабочие, принц Тунигорн. Убийц среди них нет — я это точно знаю. Они преклонялись перед доктором Гуукаминааном. Видели в нем хранителя своего прошлого, почти священную особу. Невозможно поверить!

— В этом самом месте двадцать лет назад, — заговорил Насимонте, глядя в пространство, — здешний царь, как вы нам сами напомнили, велел забить на платформах двух огромных морских драконов. Из ваших собственных слов явствует, что тогдашние перевертыши почитали морских драконов еще более, чем ваши рабочие доктора Гуукаминаана. Их называли «водяными царями», давали им, если я правильно помню, имена, относились к ним, как к старшим братьям, и обращали к ним молитвы. Тем не менее здесь, в Велализьере, состоялось кровавое жертвоприношение, которое сами же перевертыши по сей день именуют Кощунством. Разве не так? Позвольте мне тогда предположить, что если царь мог поступить таким образом, то нет ничего неве-

роятного в том, что и ваши рабочие по какой-то причине решили поступить так же со злосчастным доктором Гуукаминааном на том же алтаре.

Магадоне Самбиса казалась ошеломленной, как будто Насимонте нанес ей удар по лицу. Она ответила не сразу, и голос ее звучал хрипло:

— Как можно использовать древний миф, легенду против группы невинных, безобидных...

— Стало быть, это миф и легенда, когда вам нужно защитить своих безобидных, как вы говорите, рабочих, — и неоспоримый исторический факт, когда вы хотите внушить нам почтение к этой куче старых камней?

— Прошу вас, герцог. — Валентин бросил гневный взгляд на Насимонте и спросил Магадоне Самбису: — В какое время суток произошло убийство?

— Поздней ночью — после полуночи, судя по всему.

— Я был последним, кто видел доктора Гуукаминаана, — сказал один из метаморфов, хрупкий, с кожей красивого изумрудного оттенка. Его звали Во-Симифон, и Магадоне Самбиса представила его как специалиста по древней пьюриварской письменности. — Мы поздно засиделись в нашей палатке, обсуждая надпись, найденную накануне. Буквы были очень мелкими. Доктор Гуукаминаан пожаловался на головную боль и сказал, что пойдет прогуляться, а я лег спать. Больше он не вернулся.

— Отсюда до жертвенных платформ путь неблизкий, — заметил Миригант.

— Нужно не меньше получаса, чтобы добраться до них, а то и больше для существа его лет. Он ведь был уже стар?

— Но если кто-то встретил его около лагеря, — добавил Тунигорн, — и *заставил* дойти до платформ...

— Лагерь кто-нибудь охраняет ночью? — спросил Валентин.

— Нет. Мы не видели в этом необходимости.

— А сами раскопки? Они ничем не огорожены?

— Нет.

— Тогда любой мог уйти из рабочей деревни, когда стемнело, — сказал Валентин, — и ждать на дороге, когда доктор Гуукаминаан выйдет. — Понтифик посмотрел на Во-Симифона. — Покойный имел привычку гулять перед сном?

— Нет, насколько я помню.

— Но если бы он все-таки решил прогуляться ночью, разве он предпринял бы такую дальнюю прогулку?

— Он был вполне крепок для своего возраста — но, конечно, вряд ли стал бы уходить так далеко.

— Скорее всего. — Валентин снова обратился к Магадоне Самбисе: — Боюсь, нам придется опросить ваших рабочих. И всех ученых тоже. Вы же понимаете, что в данный момент мы не можем исключить никого.

— Я тоже нахожусь под подозрением, ваше величество? — сверкнула глазами она.

— Пока что не подозревается никто — и в то же время все. Не хотите же вы внушить мне, что доктор Гуукаминаан покончил с собой, расчленив свое тело и разбросав его куски по всей платформе.

Ночь была прохладной, но утром солнце взлетело на небо с невероятной быстротой, и воздух почти сразу же начал дрожать от зноя. Магадоне Самбиса сказала, что надо поскорей приступать к работе, поскольку к полудню жара станет совсем уж невыносимой.

Валентин был уже готов, когда она зашла за ним вскоре после рассвета. По его просьбе его сопровождали только телохранители, без придворных. Тунигорн ворчал по этому поводу, и Миригант тоже. Но она стояла на своем: она предпочитает, чтобы сегодня понтифик сопровождал ее один — когда же он увидит то, что она хочет ему показать, он сможет поделиться информацией с остальными.

Она повела Валентина к Седьмой пирамиде — вернее, к тому, что осталось от нее, то есть к урезанному основанию, квадратному сооружению со сторонами по двадцать футов и пяти-шести футов высотой. Пирамида была сложена из того же красноватого базальта, что арена и многие другие общественные здания. Восточнее постамента валялись разбитые куски верхней части, разбросанные на обширном пространстве, точно какой-то рассерженный великан хлопнул по западной грани пирамиды своей ручищей и разбил ее вдребезги. На расстоянии примерно пятисот футов виднелась острая верхушка нетронутой Шестой пирамиды, торчащая над купой низеньких корявых деревьев, а дальше выстроились остальные пять, ведущие к царскому дворцу.

— Согласно пьюриварским преданиям, — сказала Магадоне Самбиса, — жители Велализьера каждую тысячу лет устраивали большой праздник и каждый раз строили пирамиду в честь этого события. Это не расходится с истиной, насколько нам удалось установить возраст шести сохранившихся пирамид. Эта, как нам известно, была последней в ряду. Если верить легенде, — и она многозначительно посмотрела на Валентина, — ее построили в честь того самого празднества, на котором произошло Кощунство. Постройка только-только завершилась, когда в город вторглись жители провинций, пришедшие наказать горожан за совершенное ими преступление.

Магадоне Самбиса провела Валентина на северную сторону разрушенной пирамиды. Отойдя футов на пятьдесят от основания, она остановилась. Верхний слой почвы здесь был аккуратно срезан, и Валентин увидел прямоугольное отверстие, достаточно широкое для человека, а за ним ход, ведущий обратно к пирамиде.

К большому камню слева от раскопа была прикреплена метка из желтой ленты в форме звезды.

— Это здесь вы нашли голову? — спросил Валентин.

— Не здесь. Внизу. Не желаете ли спуститься, ваше величество?

Валентина к пирамиде сопровождали шестеро охранников: великанша-воительница Лизамон Гультин, его личный телохранитель, сопутствовавшая ему во всех путешествиях еще с его цирковых дней; двое громадных косматых скандаров; пара гвардейцев, которых он унаследовал от своего предшественника, и даже один метаморф, Ааризиим, перешедший к Валентину от мятежного Фараатаа в последние часы восстания. Все шестеро выказали намерение спуститься вниз вместе с понтификом, хотя Лизамон и скандары были слишком велики, чтобы пролезть в отверстие. Но Магадоне Самбиса энергично потрясла головой, и Валентин, улыбнувшись, сделал им знак остаться наверху.

Женщина зажгла фонарик и спустилась в лаз. Крутые земляные ступени вели вниз на глубину девять-десять футов, где проход неожиданно становился ровным и начинался пол, вымощенный плитами гладкого зеленого камня. Магадоне Самбиса посветила на одну из плит, и Валентин

увидел глубоко врезанные иероглифы вроде тех, что украшали церемониальный бульвар у царского дворца.

— Это наше крупное открытие, — сказала Магадоне Самбиса. — Оказалось, что под каждой из семи пирамид существуют святилища, о которых прежде никто не подозревал. Около полугода назад мы работали у Третьей пирамиды, стараясь укрепить ее фундамент, и обнаружили одно из них. Оно было разграблено скорее всего еще в древности. Но это все равно была выдающаяся находка, и мы принялись искать такие же святилища под остальными пятью уцелевшими пирамидами. И нашли их, тоже разграбленные. Мы не стали тогда раскапывать седьмое святилище, сочтя, что ничего интересного там не увидим: ведь его, вероятно, разграбили в то же время, когда разрушили пирамиду. Но потом мы с Гуукаминааном решили, что не помешает проверить, и проложили ход, в котором мы сейчас находимся. Примерно через день мы докопались до этих плит. Пойдемте.

Они углубились в подземный ход, где могли уместиться в ряд четверо человек. Стены, выложенные тонкими пластинами черного камня, похожими на корешки книг, восходили к сводчатому потолку из того же камня. Это была искусственная работа, явно выполненная руками древних мастеров. Даже воздух здесь был древний, затхлый, безжизненный. Он оставлял мертвенный вкус в ноздрях Валентина.

— Такие помещения называются у нас церемониальными камерами, — пояснила Магадоне Самбиса. — Вероятно, жрецы использовали его для принесения жертв.

Луч ее фонарика упал на белую стену, загораживающую проход прямо перед ними.

— Это что, фундамент пирамиды? — спросил Валентин.

— Нет. Это стена святилища, примыкающая к фундаменту. Сама пирамида находится по ту ее сторону. Остальные святилища примыкают к своим пирамидам точно таким же образом. Вся разница в том, что все прочие святилища были взломаны, а это не тронуто.

Валентин тихо присвистнул.

— И что же, по-вашему, находится там, внутри?

— Мы не имеем об этом ни малейшего представления. Мы откладывали вскрытие святилища, ожидая, когда коронал Хиссьюн вернется из своего путешествия в Зимроэль,

чтобы и вы, и он могли присутствовать при этом событии. Но потом... это убийство...

— Да-да. Но не странно ли, что разрушители снесли Седьмую пирамиду до основания, а святилище под ней не тронули? По логике, они должны были разграбить его дочиста.

— Ну, а если там было замуровано что-то, чего они не хотели касаться? Это, конечно, только гипотеза. Мы, возможно, никогда не узнаем правды, даже когда откроем святилище — *если* откроем.

— Если?

— С этим могут быть проблемы, ваше величество. Я имею в виду политические проблемы. Мы обсудим их позднее — сейчас не время.

Валентин кивнул и посмотрел на ряд ниш дюймов девять глубиной и фут высотой, выдолбленных в стене примерно в восемнадцати дюймах над полом.

— Они предназначены для жертвоприношений?

— Совершенно верно. — Магадоне Самбиса осветила ниши справа налево. — В нескольких мы нашли микроскопические следы засохших цветов, в других были черепки и яркие камешки — они и сейчас там лежат. И останки животных. — Она помолчала. — А вон там, в крайней левой нише... — Фонарик задержался на желтой звезде, прикрепленной к задней стенке углубления.

— Значит, это там? — ахнул Валентин.

— Да, там лежала голова Гуукаминаана. Аккуратно помещенная в центр ниши, лицом наружу. Приношение своего рода, я полагаю.

— Но кому? И зачем?

Магадоне Самбиса пожала плечами.

— Вернемся, ваше величество. В этом воздухе лучше не оставаться долго. Я просто хотела показать вам, где расположено святилище. И где мы нашли недостающую часть доктора Гуукаминаана.

Позже, когда к ним присоединились Насимонте, Тунигорн и остальные, Магадоне Самбиса показала Валентину еще одно важное открытие, сделанное экспедицией: необычное кладбище, где древние обитатели Велализьера хоронили своих мертвых.

Вернее, фрагменты своих мертвых.

— Видимо, ни в одной из могил нет цельного мертвого тела. В каждом вскрытом нами погребении мы находили только крошечные частицы — палец там, ухо здесь, губу, палец ноги. Или какой-нибудь внутренний орган. Каждый кусочек тщательно набальзамирован, помещен в красивый каменный ларец и захоронен под своим надгробным камнем. Часть целого, вид метафорического погребения.

Двадцатитысячелетнее кладбище метаморфов было одним из самых удивительных зрелищ, какие Валентин видел среди множества диковин, на которые столь щедр Маджипур.

Оно занимало участок не более ста футов в длину и шестидесяти в ширину среди пустынных, заросших травами дюн в конце одного из мощеных бульваров, пересекающих город с севера на юг. На этом клочке земли помещалось около десяти тысяч могил, плотно стиснутых вместе. Могильные камни напирали один на другой, перекошенные в разные стороны так, что в глазах рябило.

В свое время, вероятно, каждый камень любовно ставился под прямым углом над ларцом, вмещавшим избранную для погребения частицу усопшего. Но с течением веков могил на маленьком кладбище становилось все больше и больше, и в конце концов им стало тесно. На каждом квадратном ярде помещалось несколько дюжин.

Камни продолжали воздвигаться, невзирая на соседние, и более старые клонились набок. Теперь они напоминали лес, пострадавший от жестокой бури или сильнейшего землетрясения. Здесь не было и двух надгробий, которые стояли бы под тем же углом.

На каждой из маленьких стел из бурого песчаника, с ладонь шириной и около пятнадцати дюймов высотой, точно на треть от вершины был вырезан один-единственный иероглиф, затейливый и сложный — такие встречались и в других частях города. Ни один из них не походил на другой. Что это было — имена покойных? Молитвы, обращенные к давно забытому богу?

— Мы не имели представления о том, что оно находится здесь, — сказала Магадоне Самбиса. — Это первое место захоронения, обнаруженное в Велализьере.

— Могу это засвидетельствовать, — весело подмигнул Насимонте. — Я ведь и сам пробовал копать здесь когда-то. Охотился за сокровищами — в то время ложный Валентин прогнал меня с моей земли, и я жил, как бандит, в этой пустыне. Но ни одной могилы я так и не нашел. Ни единой.

— Вот и мы не находили, как ни старались, — сказала Магадоне Самбиса. — На это место мы наткнулись по чистой случайности. Оно было укрыто под десятью-двадцатью футами песка, и никто не подозревал о его существовании. Но однажды зимой над равниной пронесся ужасающий смерч. Он с полчаса стоял над этой частью города, а когда прошел, то оказалось, что целая дюна сметена, а под ней открылась вот эта коллекция надгробий. Вот посмотрите.

Став на колени, она разгребла тонкий слой песка под одним из камней, и показалась крышка из полированного серого камня. Магадоне Самбиса отковырнула ее и отложила в сторону.

Тунигорн издал звук, выражающий отвращение. Валентин заглянул в ящичек и увидел там нечто вроде сморщенного куска темной кожи.

— И так везде. Символическое захоронение, требующее минимального пространства. Очень эффективно, если учесть, какое огромное население должен был иметь Велализьер в период своего расцвета. Здесь помещалась лишь частица мертвого тела, обработанная столь искусно, что все они сохранились до наших дней. Остальное, насколько нам известно, выбрасывалось на холмы за городом, где подвергалось естественному разложению. Тела пьюриваров разлагаются очень быстро — мы до сих пор не нашли никаких следов.

— А как это соотносится с современным погребальным ритуалом метаморфов? — спросил Миригант.

— Мы почти ничего не знаем о современном погребальном ритуале пьюриваров. Вы же знаете, какая это скрытая раса. Сами они никогда не рассказывают о таких вещах, нам вежливость не позволяет расспрашивать, поэтому это до сих пор остается загадкой.

— Но ведь у вас в экспедиции есть свои метаморфы, — сказал Тунигорн. — Разве вежливость запрещает консультироваться с коллегами? Какая польза учить перевертышей на археологов, если вы так опасаетесь задеть их чувства,

что не можете получить от них сведений об их собственном народе?

— Вообще-то я обсуждала эту находку с доктором Гуукаминааном. Расположение кладбища и плотность захоронений явились для него неожиданностью, как мне показалось, но он не выразил никакого удивления по поводу захоронения частей тела вместо цельных трупов. Он дал мне понять, что это не слишком отличается от современных похоронных обычаев пьюриваров. Тогда у нас не было времени входить в подробности, и мы оставили эту ему. А теперь...

Ее лицо снова приняло беспомощный, растерянный вид человека перед лицом насильственной смерти, который приобретало всякий раз, когда речь заходила об убийстве Гуукаминаана.

«Это не слишком отличается от современных похоронных обычаев пьюриваров», — повторил про себя Валентин.

Он подумал о расчлененном теле Гуукаминаана, разбросанном по жертвенной платформе, о голове, унесенной в подземелье под Седьмой пирамидой и аккуратно помещенной в одну из ниш святилища.

В этом жутком акте сквозило нечто столь чуждое, что Валентин снова пришел к необъяснимому и неприятному, но неизбежному выводу, который напрашивался с первых же минут его прибытия сюда. *Убийца археолога-метаморфа — тоже метаморф.* Как сразу отметил Насимонте, в этом кровавом преступлении просматривался ритуальный аспект, носивший все признаки деяния метаморфов.

Но это по-прежнему не имело смысла. Валентин не мог поверить, чтобы старика убил кто-то из его соплеменников.

— Каким он был, Гуукаминаан? — спросил понтифик Магадоне Самбису. — Я не был с ним знаком. Не грешил ли он вспыльчивостью? Сварливостью?

— Ни в коей мере. Он был славный, добрый. Блестящий ученый. Здесь нет никого, будь то люди или пьюривары, кто не любил бы его и не восхищался им.

— Но один, по крайней мере, нашелся, — ехидно вставил Насимонте. Эту идею стоило исследовать, и Валентин спросил:

— А не было ли у вас какого-нибудь научного соперничества? Спора о том, кому принадлежит то или иное открытие, жарких дискуссий на предмет какой-то теории?

Магадоне Самбиса посмотрела на понтифика, как на безумного.

— Вы полагаете, что мы способны убить друг друга из-за таких вещей, ваше величество?

— Признаю, что сказал глупость, — улыбнулся Валентин. — Ну хорошо: предположим, что Гуукаминаан во время раскопок нашел какой-то ценный предмет, какое-то сокровище, способное принести большие деньги на рынке древностей. Не могло ли это стать причиной для убийства?

Снова непонимающий взгляд.

— Во время раскопок, ваше величество, мы находим статуэтки из песчаника и кирпичи с надписями, а не золотые тиары или изумруды величиной с яйцо гихорны. Все, что можно было украсть отсюда, украдено давным-давно. И продавать свои находки мы склонны не более, чем... чем убивать друг друга. Все находки делятся поровну между университетским музеем в Аркилоне и пьюриварским хранилищем в Иллиривойне. Во всяком случае... но нет, это даже обсуждать не стоит. Совершенно абсурдная мысль. — Внезапно она вспыхнула. — Простите меня, ваше величество, я не хотела проявить неуважения.

Валентин отмахнулся.

— Я просто пытаюсь нащупать какой-нибудь правдоподобный мотив преступления. Надо же с чего-то начать.

— Я дам вам этот мотив, — внезапно сказал Тунигорн. Его лицо, обычно открытое и дружелюбное, исказила хмурая гримаса, и тяжелые брови сошлись в сплошную черную линию. — Нельзя забывать, что над этим местом тяготеет проклятие. Вы это знаете не хуже меня. *Проклятие.* Перевертыши сами наложили его на этот город, одному Божеству ведомо сколько тысячелетий назад, когда разрушили его за убиение морских драконов. Они хотели, чтобы это место осталось покинутым навсегда. С тех пор здесь обитали только призраки. Вы, ваше величество, прислав сюда археологов, нарушили покой этих призраков, прогневали их, и они нанесли ответный удар. Смерть старого Гуукаминаана — это только начало. Будут и другие, помяните мое слово!

— Так ты полагаешь, что призраки способны разрезать кого-то на пять или шесть кусков и раскидать эти куски во все стороны?

Но Тунигорн отказывался понимать шутки.

— Я не знаю, на что призраки способны, а на что нет, — сказал он упрямо. — Я поделился с вами своей мыслью, вот и все.

— Спасибо, дружище, — ласково сказал Валентин. — Мы рассмотрим эту идею со всем вниманием. Я тоже хочу поделиться с вами своей мыслью, — сказал он Магадоне Самбисе. — Она пришла ко мне после всего, увиденного здесь и в святилище пирамиды. Это преступление очень похоже на ритуальное убийство, отмеченное характерными чертами пьюриварского культа. Я не утверждаю, что произошло именно это, — просто говорю, что сходство есть.

— И что же?

— Да то, что это дает нам нашу отправную точку. Пора переходить к следующей фазе расследования. Пожалуйста, соберите сегодня всех археологов. Я хочу поговорить с ними.

— Поочередно или со всеми вместе?

— Сначала со всеми вместе — а там посмотрим.

Но ученые были разбросаны по всей огромной зоне раскопок, поскольку каждый занимался своим проектом, и Магадоне Самбиса упросила Валентина не созывать их до конца рабочего дня. Пока отыщут их всех, говорила она, наступит самое знойное время дня, и им придется тащиться по руинам в самую жару, вместо того чтобы пережидать ее в каком-нибудь темном погребе. Начальница просила дать им закончить дневную работу и встретиться с ними на закате.

Это выглядело разумно, и Валентин согласился.

Но сам он оказался не в силах терпеливо дожидаться заката. Это убийство потрясло его до глубины души. Вот еще один симптом зла, пришедшего в мир уже при его жизни. При всей своей огромности Маджипур долго был мирной планетой, где жизненных благ хватало на всех и преступления всякого рода случались крайне редко. Но на памяти ныне живущих произошло убийство коронала Вориакса, а за этим последовал дьявольский заговор, на время лишивший трона преемника Вориакса — Валентина.

И, как теперь стало известно всем, за обоими этими злодеяниями стояли метаморфы.

Когда Валентин вернул себе трон, метаморф Фараатаа поднял восстание, принесшее с собой чуму, голод, всемирную панику и великую разруху. В конце концов Валентин покончил с мятежом, лично лишив Фараатаа жизни; мягкий по натуре, он смотрел на этот подвиг с ужасом, но все-таки совершил его, потому что так было надо.

А когда Валентин, став понтификом, положил начало новой эре мира и гармонии, на него обрушивается зверское убийство всеми любимого и уважаемого ученого-метаморфа. Гуукаминаан убит здесь, в городе, священном для самих метаморфов, во время раскопок, которые Валентин и начал-то для того, чтобы продемонстрировать уважение человеческого населения Маджипура к столь долго угнетаемым аборигенам. И все, по крайней мере на данной стадии, указывает на то, что убийство совершил другой метаморф.

Но ведь это безумие.

Быть может, Тунигорн прав и все это — следствие какого-то древнего проклятия. Валентину тяжеловато было это проглотить — он не верил в такие вещи. И все же... все же...

Он беспокойно бродил среди руин в самые жаркие часы, увлекая за собой своих несчастных спутников. Зеленовато-золотой глаз солнца беспощадно глядел вниз. Воздух дрожал от зноя. Мелкие кусты с кожистыми листьями, растущие на руинах, скукожились под палящими потоками света. Даже бесчисленные ящерицы унялись и перестали шмыгать туда-сюда.

— Можно подумать, что нас перенесли в Сувраэль, — сказал Тунигорн, отдуваясь, но не покидая понтифика. — Это климат пустыни, а не нашего благодатного Альханроэля.

Насимонте сардонически усмехнулся.

— Еще один пример зловредности перевертышей, любезный мой Тунигорн. В былые времена вокруг города росли зеленые леса, и воздух был свеж и прохладен. Но потом реку обратили вспять, леса засохли, и здесь не осталось ничего, кроме голого камня, который днем впитывает жару и хранит ее, как губка. Спросите нашу археологиню, если мне не верите. Этот край намеренно обратили в пустыню, чтобы наказать грешников, которые жили здесь.

— Тем больше причин убраться отсюда, — проворчал Тунигорн. — Но делать нечего: наше место рядом с Валентином, ныне и присно.

Валентин почти не обращал внимания на то, что они говорили. Он брел бесцельно от одного заросшего переулка до другого, мимо упавших колонн и разрушенных фасадов, мимо пустых скорлупок того, что было раньше лавками и тавернами, мимо величественных некогда дворцов. Здесь не имелось табличек, и Магадоне Самбисы больше не было рядом, чтобы многословно повествовать о каждом здании. Это были куски погибшего Велализьера, части скелета древнего метрополиса.

Даже Валентину легко было представить это место обиталищем призраков. Стеклянный блеск, идущий от груды поваленных колонн — скребущий звук, донесшийся оттуда, где заведомо нет ничего живого — шорох песка, который движется словно по собственной воле...

— Каждый раз, как я посещаю эти руины, — сказал он Мириганту, оказавшемуся ближе всех к нему, — меня поражает их древность. Груз истории, который давит на них.

— Истории, которую никто не помнит, — сказал Миригант.

— Но груз остается.

— Это не наша история.

Валентин одарил кузена презрительным взглядом.

— Это ты так думаешь. Разве история Маджипура — не наша история?

Миригант пожал плечами и промолчал.

Есть ли смысл в том, что я только что сказал, подумал Валентин? Или это жара действует мне на мозг?

При этой мысли что-то словно взорвалось у него в голове, и перед ним возникла картина Маджипура во всей его необъятности. Огромные континенты, многоводные реки, сверкающие моря, непроходимые джунгли и жаркие пустыни, высоченные леса и горы, населенные невиданными существами, многомиллионные города. Память Валентина переполнили ароматы тысячи цветов и тысячи специй, воспоминания о вкусе тысячи тонких блюд и тысячи вин. Бесконечно богатым и разнообразным миром был этот его Маджипур.

И он, Валентин, по праву наследования и по воле судьбы, сразившей его брата, стал сначала короналом, а потом понтификом этого мира. Двадцать биллионов населения

признают его своим императором. Его лицо чеканят на монетах, ему воздают хвалы, его имя навечно внесено в список монархов в Палате Летописей — он вошел в историю этого мира.

Но были времена, когда здесь не было ни понтификов, ни короналов. Когда не существовало таких городов, как Ни-Мойя и Алаизор, и пятидесяти больших поселений Замковой горы. И нога человека еще не ступала на Маджипур, а город Велализьер уже стоял.

По какому праву он называет своим этот город, мертвый и заброшенный тысячи лет уже тогда, когда первые колонисты прибыли сюда из космоса, несомые потоком собственной истории? По правде говоря, пропасть между *их* и *нашим* Маджипуром почти непреодолима, подумал Валентин.

Как бы там ни было, он не мог избавиться от чувства, будто все призраки этого места, верит он в них или нет, сгрудились вокруг него, дыша неутоленным гневом. Придется и ему иметь дело с этим гневом, который, по всей видимости, уже вырвался наружу в форме злодеяния, стоившего жизни безобидному старому ученому. Логика, неотъемлемая от натуры Валентина, отказывалась признать нечто подобное, но он знал, что его судьба, а возможно, и судьба его мира, зависит от того, разгадает ли он тайну происшедшего здесь.

— Прошу прощения, ваше величество, — прервал его раздумья Тунигорн, когда перед ними открылся новый лабиринт разрушенных улиц, — но если я ступлю еще хоть шаг по этой жаре, то начну бредить, как умалишенный. У меня уже мозг плавится.

— Тогда, Тунигорн, тебе следует поскорее поискать укрытия и охладиться. Остатками мозгов рисковать нельзя, дружище. Ступай в лагерь — а я, пожалуй, еще поброжу.

Он сам не знал, зачем ему это надо, но какая-то сила влекла его через эти занесенные песком, спаленные солнцем руины с только ей ведомой целью. Спутники под тем или иным предлогом постепенно покинули его, и только неутомимая Лизамон Гультин осталась. Эта беззаветно преданная великанша защищала его от опасностей Мазадонского леса до того, как он вернул себе трон коронала. Она же побывала с ним в брюхе морского дракона, который прогло-

тил их в море близ Пилиплока, когда они потерпели крушение на пути из Зимроэля в Альханроэль — это она прорезала выход наружу и вынесла Валентина на поверхность. Вот и теперь она осталась с ним, готовая шагать весь день, всю ночь и весь следующий день, если так будет надо.

Но мало-помалу даже и Валентин утомился. Солнце давно миновало зенит, и зубчатые тени стали ложиться вокруг — розовые, пурпурные и густо-черные. У него слегка кружилась голова, зрение устало сражаться с невыносимо резким светом, и каждая улица походила на предыдущую. Пора было возвращаться. За что бы он ни наказывал себя, предпринимая эту изнурительную прогулку через обитель смерти и разрушения, кара уже совершилась. Опираясь на руку Лизамон Гультин, он повернул к палаткам.

Магадоне Самбиса, следуя уговору, собрала восьмерых археологов-метаморфов; Валентин, выкупавшись, отдохнув и немного перекусив, встретился с ними сразу после заката в своей палатке. При нем был только маленький вроон, Аутифон Делиамбер. Валентин хотел составить себе мнение об этих метаморфах без помех со стороны Насимонте и остальных, но магические способности Делиламбера он ценил высоко: это маленькое, снабженное множеством щупалец существо может прозреть своими золотистыми глазищами то, что недоступно человеческому зрению Валентина.

Метаморфы сидели полукругом лицом к Валентину, вроон поместился слева от него. Понтифик обвел взглядом всю группу от распорядителя раскопок Каастисиика на одном конце до палеографа Во-Симифона на другом. Они смотрели на него спокойно, почти равнодушно, эти пьюриары с резиновыми лицами и раскосыми глазами, пока он рассказывал им о том, что видел днем — о кладбище, о разрушенной пирамиде и святилище под ней, о нише, куда убийца столь бережно поместил отрезанную голову Гуукаминаана.

— Вам не кажется, что это убийство носит ритуальный характер? — сказал он. — Расчленение тела на куски, помещение головы в нишу для жертвоприношений? — Его взгляд задержался на Тиууринен, специалистке по керамике, миниатюрной метаморфийке с красивой малахитово-зеленой кожей. — Что вы об этом думаете? — спросил он.

— Как керамист, я ничего не могу сказать, — с полнейшей невозмутимостью ответила она.

— Я спрашиваю вашего мнения не как керамиста, а как участника экспедиции. Коллеги доктора Гуукаминаана. Не кажется ли вам, что помещение головы в нишу означает принесение жертвы?

— То, что эти ниши использовались для жертвоприношений, — всего лишь гипотеза, — чопорно произнесла Тиуринен. — Это не мой профиль.

Вот именно, не ее. То же самое скажет и Каастисиик, и Во-Симифон, и стратиграф Памикуук, и хранительница древностей Хиээкраад, и Дриисмиил, специалист по архитектуре, и Клеллиин, эксперт по пьюриварской палеотехнологии, и Виитаал-Твуу, металлург.

Вежливо, мягко и упорно они отводили гипотезу Валентина о ритуальном убийстве. Не является ли расчленение тела доктора Гуумиканаана возвращением к похоронным обрядам древнего Велализьера? Не была ли голова, установленная в нише, искупительной жертвой некоему божеству? Не входит ли в пьюриварские традиции убийство, совершенное именно таким образом? Они не могли сказать. Или не хотели. Валентин не узнал ничего и о том, были ли у покойного враги здесь, на раскопках.

Они лишь пожимали плечами на пьюриварский лад, когда он спрашивал, не было ли у них борьбы за обладание какой-либо ценной находкой и не имел ли места более абстрактный спор, связанный с задачами экспедиции. И никто не выказывал негодования по поводу того, что он способен подозревать кого-то из них в убийстве старого Гуукаминаана на основе подобных мотивов. Они держали себя так, как будто сама мысль о деянии такого рода превышала их понимание и была им совершенно чужда.

Во время разговора Валентин изыскал случай задать по крайней мере один прямой вопрос каждому из них, но результат всегда был один и тот же. Они не желали ему помогать, хотя и не увиливали открыто. Они были необщительны, не выказывая при этом особой хитрости или замкнутости. В их отказе от участия в следствии не было ничего, вызывающего откровенное подозрение. Они были в точности тем, кем и казались: учеными, посвятившими себя раскрытию

тайн прошлого своего народа и ничего не знающими о таинственном событии, происшедшем в их среде. Да Валентин и сам не чувствовал, что кто-то из присутствующих здесь — убийца.

И все же... все же...

Они перевертыши, а он понтифик, предводитель завоевавшей их расы, занявший спустя восемь тысяч лет место полулегендарного короля-воителя Стиамота, навеки лишившего их независимости. Даже эти восемь мягких, незлобивых ученых в глубине души не могут не чувствовать гнева против своих хозяев, людей. У их нет причин помогать ему, и они не видят необходимости говорить ему правду. Интуиция — а может быть, тайные, глубоко укоренившиеся расовые предрассудки? — подсказывала Валентину, что здесь ничего нельзя принимать на веру. Как можно полагаться на впечатление об их кажущейся невиновности? Как может человек разгадать, что скрывается за непроницаемой внешностью метаморфов?

— Ну, что скажешь? — спросил он Делиамбера, когда археологи ушли. — Убийцы они или нет?

— Эти скорее всего нет, — ответил вроон. — Слишком мягкие, слишком обходительные. Но они что-то скрывают, я уверен.

— Значит, ты тоже почувствовал?

— Безусловно. Известно ли вам, ваше величество, что значит вроонское слово «хсиртиур»?

— Не думаю.

— Его не так просто перевести. Это ощущение испытываешь, когда говоришь с кем-то, кто не хочет лгать тебе, но и правды не скажет, если ты сам до нее не докопаешься. Ты не можешь избавиться от чувства, что под словами, которые тебе говорят, скрывается нечто важное, но ты никогда не узнаешь, что это, пока не задашь единственно верный вопрос. Но для того, чтобы задать нужный вопрос, ты должен обладать той самой информацией, которую ищешь. Это очень досадное ощущение, хсиртиур, почти болезненное. Точно бьешься клювом о каменную стену. Я сам сейчас пребываю в состоянии хсиртиура — и вы, очевидно, тоже, ваше величество.

— Очевидно, — ответил Валентин.

* * *

Оставалось совершить еще один визит. День был долгий, и Валентин устал до крайности, но чувствовал потребность покончить со всеми основными моментами сразу. Поэтому, как только стемнело, он попросил Магадоне Самбису проводить его в рабочую деревню.

Ей это совсем не улыбалось.

— Мы стараемся не вторгаться к ним, когда они заканчивают работу и уходят к себе, ваше величество.

— Убийства у вас тоже не каждый день случаются. Как и визиты понтифика. Уж лучше я поговорю с ними сегодня, чем завтра прерывать их работу.

Его опять сопровождал Делиламбер, а Лизамон Гультин сама вызвалась идти. Тунигорн слишком устал — полдневная прогулка по руинам его докопала, а Мириганта лихорадило от легкого солнечного удара, но крепкий старый герцог охотно согласился ехать с понтификом, несмотря на свои годы. Последним в их отряде стал Аарисиим, метаморф-охранник. Валентин взял его с собой не столько для защиты — с этим Лизамон Гультин могла справиться сама, — сколько из-за проблем, связанных с хсиртиуром.

Аарисиим, хотя и перебежчик в прошлом, казался Валентину не менее достойным доверия, чем всякий пьюривар. С опасностью для жизни он выдал Валентину своего хозяина Фараатаа, когда вождь мятежников, перейдя все границы, угрожал убить королеву метаморфов. Возможно, он и теперь будет полезен и сможет обнаружить то, чего даже проницательный взор Делиамбера не смог разгадать.

Рабочий поселок представлял собой скопище плетеных хижин невдалеке от центрального сектора раскопок. Эти хлипкие временные строения напомнили Валентину Иллириволн, метаморфскую столицу в джунглях Зимроэля, где он побывал когда-то. Но это место казалось еще более удручающим, чем Иллириволн. Там метаморфы, по крайней мере, могли строить свои жилища из молодых деревьев и лиан, а здесь в их распоряжении не было ничего, кроме скрюченных кустов, растущих на равнине. И хижины тоже получились кривыми и жалкими.

Рабочих кто-то предупредил о прибытии понтифика, и когда Валентин подъехал, они уже толпились перед хибара-

ми группами по восемь-десять душ. Это были тощие, оборванные, голодного вида создания, разительно отличающиеся от культурных, образованных археологов. Валентин спросил себя, где же они берут силы, чтобы заниматься своим тяжелым трудом в этом негостеприимном климате.

Как только появился понтифик, они устремились вперед и окружили пришельцев так плотно, что Лизамон Гультин зашипела и схватилась за свой вибромеч.

Но они, видимо, не замышляли ничего дурного — просто толпились вокруг и, к удивлению Валентина, выказывали ему самые раболепные знаки внимания: толкали друг друга, чтобы поцеловать край его одежды, падали на колени в песок, даже простирались ниц.

— Не нужно этого, — растерянно крикнул Валентин.

Магадоне Самбиса отзывала рабочих назад, а Лизамон Гультин с Насимонте отталкивали наиболее рьяных. Великанша делала это спокойно и без суеты, Насимонте же злился, и на лице его читалось отвращение. Когда передние отходили, их место занимали задние, рвущиеся вперед с яростной решимостью.

Эти изнуренные труженики так старались выразить свое почтение понтифику, что Валентин не мог не усмотреть в их рвении откровенной фальши. Они явно перегибали палку. Возможно ли, чтобы какая-то группа пьюриваров, пусть даже самого простого звания, вдруг ощутила искреннюю радость при виде понтифика Маджипура? Или так слаженно, по доброй воле, выражала свой восторг?

Некоторые, и мужчины и женщины, изъявляли свое почтение, копируя облик гостей, и перед ним предстало с полдюжины расплывчатых, искаженных Валентинов, пара Насимонте и гротескное, в половину натуральной величины, изображение Лизамон Гультин. Валентину оказывали эту своеобразную честь и раньше, при его визите в Иллириволн — тогда это взволновало и неприятно поразило его. Сейчас он испытал сходное чувство. Пусть меняют обличье, если хотят, раз уж они наделены этим свойством — но есть что-то зловещее в том, как они отражают лица посетителей.

Толкотня сделалась еще ожесточеннее, и Валентин помимо воли почувствовал некоторую тревогу. Их здесь боль-

ше сотни, а пришельцев только горстка. Дело может обернуться плохо, если не принять мер.

Но тут чей-то властный голос прокричал:

— Назад! Назад! — Толпа перевертышей отхлынула от Валентина, словно под ударами кнута, и воцарились тишина и спокойствие. Из недвижимых теперь рядов вышел метаморф необычайно высокого роста и крепкого сложения. Низким рокочущим голосом, которого Валентин еще не слышал ни у одного метаморфа, он объявил: — Я Ватиимераак, начальник работ. Добро пожаловать к нам, понтифик. Мы ваши покорные слуги.

Но ничего услужливого в нем не наблюдалось. Напротив, он держал себя, как лицо, облеченное властью. Он кратко извинился за неподобающее поведение своих подчиненных, объявив, что это простые крестьяне, ошеломленные посещением верховного правителя и выражающие на свой лад преклонение перед ним.

— Я этого парня знаю, — шепнул Аарисиим на ухо Валентину.

Но прояснить этот вопрос до конца не удалось: Ватиимераак махнул рукой, и все вокруг опять закипело. Одни рабочие несли гостям блюда с колбасами и чаши с вином, другие тащили из хижин криво сколоченные столы и скамейки. Жители деревни снова сгрудились вокруг Валентина, настойчиво предлагая отведать их угощение.

— Они отдают нам свой собственный ужин! — запротестовала Магадоне Самбиса и велела Ватиимерааку прекратить это, но начальник сказал, что это обидит рабочих и ничего поделать нельзя: придется сесть за стол и отведать все, что они принесли.

— Позвольте, ваше величество, — сказал Насимонте, когда Валентин потянулся за чашей вина. Герцог пригубил вино и лишь потом передал Валентину. Попробовал он и колбасу, и вареные овощи, поданные понтифику.

Валентину не пришло в голову, что рабочие могут отравить его, но он позволил старому Насимонте осуществить свой очаровательный рыцарский ритуал без возражений. Он слишком любил старика, чтобы испортить ему красивый жест.

Через некоторое время Ватиимераак сказал:

— Полагаю, это смерти доктора Гуукаминаана мы обязаны посещением вашего величества?

Прямота распорядителя работ ошеломляла.

— А если я приехал просто взглянуть на раскопки? — добродушно ответил Валентин.

Но Ватиимераак не смутился.

— Я сделаю все, что потребуется, чтобы помочь вам найти убийцу, — заявил он, стукнув по столу в подтверждение своих слов. На миг очертания его широкого, с тяжелым подбородком лица заколебались, как будто под действием невольной метаморфозы. Валентин знал, что у пьюриваров это служит признаком сильных эмоций. — Я питал величайшее уважение к доктору Гуукаминаану. Считал за честь работать рядом с ним. Я часто сам копал для него, когда участок был слишком сложен, чтобы доверить его менее умелым рукам. Сначала он утверждал, что так делать не подобает, но я сказал: нет, доктор, сделайте мне это одолжение — и он понял и разрешил мне. Чем я могу помочь вам в розысках злодея?

Он держался с таким пафосом, прямотой и откровенностью, что Валентин невольно насторожился. Звучный голос Ватиимераака и безупречно правильное построение фраз казались донельзя театральными, а его проникновенная искренность отдавала таким же притворством, как неумеренное ликование его рабочих, все эти коленопреклонения и целования одежд: то, что перехлестывает через край, всегда кажется неубедительным.

Ты слишком подозрительно относишься к ним, сказал себе Валентин. Просто этот метаморф говорит так, как, по его мнению, полагается говорить с понтификом. Во всяком случае, он может быть полезен.

— Что вам известно об убийстве? — спросил понтифик.

Ватиимераак ответил без промедления, как будто долго репетировал ответ.

— Я знаю, что это случилось поздно ночью неделю назад, где-то между часом гихорны и часом шакала. Убийца или несколько убийц выманили доктора Гуукаминаана из палатки и отвели к Столам Богов, где он был умерщвлен и разрезан на куски. Поутру мы нашли части его тела на западной платформе — все, кроме головы. Голову мы обна-

ружили позже в тот же день, в нише у основания Храма Крушения.

Это был стандартный рассказ, за исключением одной мелкой детали.

— Храм Крушения? — сказал Валентин. — Впервые слышу это название.

— Я говорю о святилище Седьмой пирамиды. О невскрытой стене, которую нашла доктор Магадоне Самбиса. Так мы называем это место между собой. Заметьте, я не сказал, что она открыла его. Мы всегда знали, что оно там, под разрушенной пирамидой. Но нас никто не спрашивал, вот мы и не говорили.

Валентин посмотрел на Делиамбера, который едва заметно кивнул. Опять хсиртиур, ясное дело.

Но что-то здесь было не так.

— Доктор Магадоне Самбиса сказала мне, — заметил Валентин, — что они с доктором Гуукаминааном нашли седьмое святилище вместе. И упомянула о том, что он был удивлен не меньше ее. Выходит, вы знали о святилище, а он нет?

— Нет такого пьюривара, который не знал бы о существовании Храма Крушения, — веско ответил Ватиимераак. — Оно было замуровано во времена Кощунства, и в нем содержится, как мы верим, свидетельство самого Кощунства. Если у доктора Магадоне Самбисы создалось впечатление, что доктор Гуукаминаан не знал о нем, это впечатление неверное. — Контуры лица начальника работ снова заколебались. Он с тревогой посмотрел на Магадоне Самбису и сказал: — Я не имел в виду ничего обидного, доктор.

— Я не обижаюсь, — с некоторой резкостью ответила она. — Но если Гуукаминаан и знал о святилище в тот день, когда мы его нашли, мне он об этом не сказал ни слова.

— Возможно, он надеялся, что его не найдут, — сказал Ватиимераак.

При этих словах Магадоне Самбиса не сумела скрыть свой испуг, и Валентин почувствовал, что это надо выяснить до конца. Однако они отвлеклись от основной темы.

— Мне нужно вот что, — сказал Валентин: — знать, где был каждый из ваших рабочих в часы, когда совершилось убийство. — Заметив реакцию Ватиимераака, он быстро добавил: — Мы вовсе не утверждаем пока, что Гуукаминаана

убил кто-то из вашей деревни. В данный момент мы никого не подозреваем, но должны принять во внимание всякого, кто присутствовал тогда в зоне раскопок или где-то поблизости.

— Сделаю, что смогу.

— Ваша помощь будет неоценимой, я уверен, — сказал Валентин.

— Вам понадобится также помощь нашего кивanивода. Сейчас его нет с нами. Он удалился в другой конец города, чтобы помолиться об очищении души убийцы, кем бы тот ни был. Я пришлю его к вам, когда он вернется.

Еще один маленький сюрприз.

Кивanивод — это пьюриварский святой, нечто среднее между священником и колдуном. Они не так уж часто встречаются среди современных метаморфов, и весьма примечательно, что один из них оказался в этом захолустье. Быть может, это духовные вожди пьюриваров решили поместить его тут на время раскопок, чтобы они производились с надлежащим уважением к священному месту? Странно, что Магадоне Самбиса не упомянула о том, что здесь имеется кивanивод.

— Да, — с легким замешательством ответил Валентин. — Пришлите его ко мне. Непременно.

Когда они выехали из рабочей деревни, Насимонте сказал:

— Валентин, мне горько сознаться в этом, но я вынужден снова оспорить твое суждение.

— Сколько страданий я тебе причиняю, — с мимолетной улыбкой ответил Валентин. — Говори же, Насимонте: где я оплошал на сей раз?

— Ты взял этого Ватиимерааka себе в помощники. И обращался с ним так, как будто он доверенный блюститель порядка.

— По мне, он достаточно надежен. И рабочие его боятся. Какой будет вред, если он их опросит? Если мы начнем допрашивать их сами, они замкнутся, как устрицы, а в лучшем случае будут угощать нас небылицами. Ватиимерааk — как раз тот, кто способен выудить из них правду — по крайней мере, часть ее.

— Если только он сам не убийца, — сказал Насимонте.

— Ах, вот в чем дело? Ты уже раскрыл эту загадку, друг мой? Виновный — Ватиимераак?

— Очень может быть.

— Объяснись, будь любезен.

Насимонте кивнул Аарисииму.

— Скажи ему.

— Я уже говорил вашему величеству, что Ватиимераак показался мне знакомым. И это действительно так, хотя я не сразу вспомнил, откуда его знаю. Он родственник мятежника Фараатаа. В те дни, когда я находился с Фараатаа в Пьюрифайне, Ватиимераак был при нем.

Для Валентина это было неожиданностью, но он не показал виду и спокойно сказал:

— Разве это так важно? Мы объявили амнистию, и все восставшие, обязавшиеся сложить оружие после падения Фараатаа, были прощены и восстановлены в гражданских правах. Уж тебе-то, Аарисиим, нет нужды об этом напоминать.

— Но это еще не значит, что все они как по волшебству превратились в законопослушных граждан, — отозвался Насимонте. — Очень возможно, что Ватиимераак, кровная родня Фараатаа, до сих пор испытывает сильные чувства...

Валентин посмотрел на Магадоне Самбису.

— Вы знали, что он родственник Фараатаа, когда брали его на работу?

— Нет, ваше величество, разумеется, нет, — смутилась она. — Но я знала, что он участвовал в восстании и попал под амнистию. И у него были прекрасные рекомендации. Ведь амнистию объявили не просто так, верно? Теперь, когда с восстанием покончено, его раскаявшимся участникам должно быть разрешено...

— И вы полагаете, что он раскаялся? — спросил Насимонте. — Как знать. На мой взгляд, это первостепенный лицемер. Этот раскатистый голос! Эта высокопарная речь! Эти уверения в глубочайшей преданности понтифику! Притворство, сплошное притворство. А что касается убийства, то стоит только посмотреть на него. Думаете, так легко было изрезать того беднягу на куски? Между тем Ватиимераак сложен, как буйвол бидлак. Среди этих заморышей он торчит, как дерево двикка на ровном месте.

— То, что он физически способен совершить преступление, еще не значит, что он его совершил, — с долей раздражения ответил Валентин. — А что до его родства с Фараатаа — какое оно может иметь отношение к убийству безобидного пьюриварского археолога? Нет, Насимонте, нет. Я знаю, вы с Тунигорном мигом обрекли бы этого парня на пожизненное заключение в Сангаморских темницах под Замком — но чтобы объявить кого-то убийцей, нужны доказательства. Ну, а киванивод? — сказал он Магадоне Самбисе. — Почему нам не сказали, что в этой деревне живет киванивод?

— Он ушел сразу после того, как произошло убийство, — с испугом ответила она. — Сказать по правде, я совсем о нем забыла.

— Что это за личность? Опишите мне его.

Она пожала плечами.

— Старый, грязный, одержимый суевериями, как все эти туземные шаманы. Что еще сказать о нем? Мне не нравилось его присутствие здесь — но полагаю, что это плата за разрешение вести здесь раскопки.

— Он доставлял вам какие-то хлопоты?

— В некотором смысле. Все время вынюхивал, волновался, как бы мы не совершили какого-нибудь святотатства. Святотатство в городе, который сами же пьюриварыразрушили и прокляли! Какой вред могли причинить ему мы после того, что сделали они?

— Эта была их столица, — сказал Валентин, — и они могли поступать с ней, как им угодно. Но это не значит, что наше копание в здешних руинах доставляет им удовольствие. Пытался ли он открыто помешать вашей работе, этот киванивод?

— Он против того, чтобы мы вскрыли Храм Крушения.

— Ага. То-то вы упомянули о каких-то политических проблемах. Он выразил официальный протест, не так ли? — Соглашение о раскопках в Велализьере, заключенное Валентином, предусматривало, что пьюриварымогут наложить вето на любой вид работы, который их не устроит.

— Пока что он просто заявил, что не хочет открывать святилище. Мы с доктором Гуукаминааном хотели встретиться с ним на прошлой неделе и попытаться выработать компромисс — хотя не знаю, какой может быть средний вари-

ант между решением открывать святилище и не открывать его. Но эта встреча так и не состоялась по причине известного трагического события. Возможно, вы, ваше величество, разрешите этот спор, когда Торккинууминаад вернется оттуда, куда ушел.

— Торккинууминаад? Так зовут кивanивода?

— Да.

— Уж эти мне их имена — язык сломаешь, — проворчал Насимонте. — Торккинууминаад! Ватиимераак! Гуукаминаан! Клянусь Божеством, парень, — обратился он к Аарисиму, — неужто вам так уж необходимо называть себя так, что произнести невозможно, хотя с тем же успехом...

— В системе имен есть своя логика, — спокойно пояснил Аарисиим. — Удвоение гласных в первой части имени означает...

— Приберегите эту дискуссию для другого раза, — с резким жестом сказал Валентин и попросил Магадоне Самбису: — Скажите так, любопытства ради, каковы были отношения кивanивода с доктором Гуукаминааном? Трудные? Напряженные? Считал ли святой муж святотатством удаление сорняков и восстановление части зданий?

— Ни в коей мере. Они работали рука об руку. И относились друг к другу с величайшим уважением, хотя одному Божеству известно, как мог доктор выносить общество этого старого грязного дикаря. Почему вы спрашиваете, ваше величество? Уж не думаете ли вы, что убийца — Торккинууминаад?

— Разве это так уж невероятно? Вы сами до сих пор не сказали о нем ни одного доброго слова.

— Он надоедливый тип и препятствовал нашей работе — по крайней мере, в вопросе о святилище. Но убийство? Даже я, ваше величество, не стала бы заходить так далеко. Всякий видел, что он и Гуукаминаан были очень привязаны друг к другу.

— Тем не менее мы должны его допросить, — сказал Насимонте.

— Это так, — подтвердил Валентин. — Завтра надо будет заняться его розысками. Он ведь где-то в руинах, верно? Пусть его найдут и приведут сюда. Если это нарушит его

паломничество, делать нечего. Скажите, что понтифик желает его видеть.

— Я позабочусь об этом, — сказала Магадоне Самбиса.

— А теперь понтифик устал и хочет спать, — завершил Валентин.

Оставшись наконец один в своем роскошном шатре после бесконечных трудов этого хлопотливого дня, Валентин с неожиданной силой ощутил, как ему недостает Карабеллы, этой маленькой, худощавой женщины, делившей с ним судьбу чуть ли не с самого начала того странного времени, когда он оказался в Пидриуде, на краю чужого континента, лишенный памяти и не знающий, кто он такой. Это она, полюбив его таким, как есть, и не ведая, что он коронал, лишенный трона, помогла ему вступить в цирковую труппу Залзана Каволя. Вскоре их жизни соединились, и когда он начал свой удивительный обратный путь к высотам власти, она последовала за ним на вершину мира.

Валентин жалел, что ее нет с ним сейчас. Они бы сели рядом и поговорили, как всегда делали перед сном. Он рассказал бы ей о всех перипетиях этого сложного дела, с которыми столкнулся днем, а она помогла бы ему разобраться в тайнах мертвого города — да просто побыла бы с ним, наконец.

Но Карабелла не поехала с ним в Велализьер. Это пустая трата времени, сказала она, — ехать лично расследовать это убийство. Пошли Тунигорна, пошли Миригатта, пошли Слита, пошли любого из высших чинов понтификата. Зачем ехать самому?

«Но это мой долг, — сказал Валентин. — Я взял на себя ответственность за приобщение метаморфов к жизни планеты, и раскопки Велализьера — важная часть этой программы. Убийство археолога наводит меня на мысли, что некие заговорщики пытаются помешать раскопкам». — «Притянуто за уши», — ответила Карабелла. «Пусть так. Но ты же знаешь, как мне хочется вырваться из Лабиринта, хотя бы на недельку-другую. Я поеду в Велализьер». — «А я — нет. Терпеть не могу это место. Там пахнет смертью и разрушением. Я была там дважды, и никаких нежных чувств оно мне не внушило. Если хочешь ехать, поезжай один». — «Да, Карабелла, я хочу поехать». — «Что ж, ступай, если должен».

И она поцеловала его в нос, потому что ссориться и даже спорить было у них не в обычае. Но так и не поехала с ним. Сейчас она там, в их покоях внутри Лабиринта, а он здесь, в своей роскошной, но пустой палатке, в иссушенном солнцем, населенном призраками городе.

Ночью эти призраки явились ему во сне.

Видение было настолько ярким, что ему подумалось, будто кто-то хочет передать ему вполне определенное послание под видом сна.

Ничего подобного с ним раньше не случалось. Стоило ему сомкнуть глаза, как он увидел себя среди разрушенных зданий древнего Велализьера. Каждый камень излучал колдовской, призрачный свет. Весь город пульсировал яблочно-зеленым и лимонно-желтым сиянием, и светящиеся лица призраков насмешливо ухмылялись в воздухе. Даже солнце описывало петли и вензеля в небе.

В земле перед ним разверзалась темная дыра. Он, не колеблясь, вошел в нее и спустился по длинной, обросшей лишайником лестнице с древними рунами на ступенях. Каждый шаг давался ему с трудом. Хотя он сходил вниз, ощущение было таким, как будто он поднимается. Прикладывая усилия, он спустился еще глубже, но ему по-прежнему казалось, что он восходит вверх, преодолевая напор воздуха, поднимается на какую-то перевернутую пирамиду — не стройную, как те, что украшали город, а невероятно объемную и массивную. Он словно карабкался по склону горы — но эта гора уводила вниз, в недра земли. И он знал, что там его ждет лабиринт куда более мрачный, чем тот, в котором он жил.

Призрачные лица наплывали на него и улетали прочь. Скрипучий смех раздавался во тьме. Жаркий воздух был влажным и затхлым. Тяжесть давила на плечи. Он спускался с одного из бесконечных ярусов на другой, и вспышки ослепительного желтого света показывали ему подземные ходы, разбегающиеся во все стороны в немыслимых ракурсах, выпуклых и вогнутых одновременно.

Внезапно все озарилось новым, ошеломляющим светом. Пульсирующий огонь подземного солнца шел из глубин, жестокий и грозный.

Беспомощного Валентина тянуло на этот свет, и вдруг он вместо подземелья оказался на Велализьерской равнине — он стоял на одной из платформ из голубого камня, известных как Столы Богов.

В руке у него был длинный изогнутый нож, сверкающий, как молния, на полуденном солнце.

А по равнине с востока, со стороны далекого моря, к нему приближалась процессия: тысячи народу, сотни тысяч, словно муравьиное войско на марше. Нет, два войска: идущие делились на две огромные параллельные колонны. В конце каждой из них, далеко на горизонте, виднелись громадные повозки на гигантских колесах. К ним были привязаны крепкие канаты, и сонмы народа со стонами, напрягаясь, влекли их вперед, к центру города, с каждым рывком продвигаясь на пару футов.

На каждой из повозок лежал связанный водяной царь, морской дракон чудовищной величины. Исполинские существа свирепо смотрели на своих обидчиков, но при всей своей силе не могли освободиться от пут. И повозки с каждым рывком приближались к двум платформам, именуемым Столами Богов.

К месту жертвоприношений.

К месту, где предстояло совершиться страшному, безумному Кощунству, где Валентин, понтифик Маджипура, ждал с длинным сверкающим ножом в руке.

— Ваше величество! Ваше величество!

Валентин заморгал и с усилием пробудился. Над ним стоял метаморф, высокий и тощий, как скелет, с глазами раскосыми и такими узкими, что могло показаться, будто их вовсе нет. Валентин привскочил в тревоге, но тут же узнал Аарисиима.

— Вы кричали, — сказал метаморф. — Я шел, чтобы сообщить вам одну любопытную новость, и услышал ваш крик. Все в порядке, ваше величество?

— Да. Это всего лишь сон. Дурной сон. — И сон этот не желал уходить. Валентин вздрогнул и попытался освободиться от его власти. — Который час, Аарисиим?

— Час хайгуса, ваше величество.

Значит, половина ночи уже прошла и близится рассвет.

Валентин заставил себя проснуться окончательно и широко раскрыл глаза, глядя в практически лишенное черт лицо.

— Новость, говоришь? Что за новость?

Метаморф сменил окраску с бледной на густо-зеленую, и глаза-щелки моргнули несколько раз.

— Я говорил с одной из археологов — с Хиээкраад, хранительницей древностей. Ее привел ко мне начальник работ Ватиимераак. Кажется, они любовники.

— Ближе к делу, Аарисиим, — беспокойно задвигался Валентин.

— Я как раз перехожу к нему, ваше величество. Хиээкраад рассказала Ватиимерааку нечто такое, чего он, как простой распорядитель работ, иначе бы не узнал. А он передал это мне.

— И что же?

— Они лгали нам, эти археологи, ваше величество — намеренно скрывали правду. Умалчивали о важном открытии. Ватиимераак, узнав, как вас обманывают, заставил женщину прийти ко мне вместе с ним и повторить мне свой рассказ.

— Продолжай.

— Дело было так. — Аарисиим помедлил немного, как будто на краю бездны. — Доктор Гуукаминаан за две недели до смерти открыл захоронение, которого прежде никто не касался. Оно находилось на пустом месте у западного края города. Магадоне Самбиса присутствовала при этом. Захоронение относится к историческим временам, когда город уже был покинут. К эпохе, идущей за правлением Стиамота.

— Но как это возможно? — нахмурился Валентин. — Не говоря уж о такой малости, как наложенное на город проклятие, которого не посмел бы нарушить ни один пьюривар, на нашем континенте в то время вообще не осталось пьюриваров. Стиамот согнал их всех в зимроэльские резервации, и тебе это прекрасно известно. Здесь что-то не так.

— Но там похоронен не пьюривар, ваше величество.

— Что такое?

— Там похоронен человек. *Понтифик,* если верить Хиээкраад.

Валентин был поражен не меньше, чем если Аарисиим взорвал бы что-нибудь у него под носом.

— Понтифик! Здесь, в Велализьере?

— Так говорит Хиээкраад. Опознание не вызывает сомнений. Знаки на стене гробницы — символ Лабиринта и все такое прочее, церемониальные предметы, найденные рядом с телом, надписи — все указывает на то, что это могила понтифика, и ей несколько тысяч лет. Так она говорит — по-моему, это правда. Ватиимераак все это время стоял у нее над душой, и она слишком боится его, чтобы решиться солгать.

Валентин встал и заметался по палатке.

— Клянусь Божеством, Аарисиим! Если это правда, мне должны были сообщить об этом, как только узнали. Или хотя бы при моем прибытии сюда. Чтобы от меня скрывали могилу древнего понтифика? Невероятно. Невероятно!

— Это Магадоне Самбиса запретила рассказывать об открытии. О нем не собирались объявлять публично. Даже рабочим ничего не сказали. Только археологи были посвящены в тайну.

— Это тоже Хиээкраад говорит?

— Да, ваше величество. Говорит, Магадоне Самбиса отдала такой приказ в тот же день, как гробницу обнаружили. А доктор Гуукаминаан, мол, с ней не соглашался — они даже поссорились, но в конце концов он сдался. А потом случилось это убийство и стало известно, что вы собираетесь в Велализьер. Тогда Магадоне Самбиса собрала весь свой штат и снова повторила, что вам ничего говорить нельзя. Каждому, кто знал, особо наказали скрывать эту тайну от вас.

— Невероятно, — пробормотал Валентин.

— Когда начнете разбираться, не выдавайте Хиээкраад, ваше величество, — серьезно попросил Аарисиим. У нее будут большие неприятности, если Магадоне Самбиса узнает, что это она проговорилась о гробнице.

— Не у одной Хиээкраад будут неприятности, — Валентин сбросил ночную сорочку и стал одеваться.

— Еще одно, ваше величество. Этот киванивод, Торккинууминаад, сейчас как раз там, у гробницы. Там он творит свои молитвы. Я узнал это от Ватиимераака.

— Превосходно. — Голова у Валентина шла кругом. — Деревенский киванивод бормочет пьюриварские молитвы у гробницы понтифика! Просто великолепно. Приведи ко мне Магадоне Самбису, Аарисиим.

— Ваше величество, сейчас совсем еще рано...

— Ты слышал, что я сказал?

Метаморф низко поклонился и отправился за Магадоне Самбисой.

— Вы находите гробницу древнего понтифика, Магадоне Самбиса, и умалчиваете об этом? И когда ныне царствующий понтифик приезжает к вам на раскопки, вы и от него скрываете это известие? Право же, мне трудно в это поверить.

До рассвета оставался еще час. Магадоне Самбиса, поднятая с постели, казалась еще более бледной и изнуренной, чем вчера, и в глазах у нее появился страх. Однако она сохранила часть той несгибаемой воли, которая вознесла ее на высоты своей профессии, и в голосе слышался даже некоторый вызов:

— Кто рассказал вашему величеству об этой гробнице?

Валентин пропустил дерзкий вопрос мимо ушей.

— Ведь это по вашему приказу все хранили молчание?

— Да.

— Вопреки настойчивым возражениям доктора Гуукаминаана, как я слышал?

Ярость исказила ее черты.

— Я вижу, вам все успели рассказать. Кто это был? Кто?

— Позвольте напомнить вам, госпожа, что это я здесь задаю вопросы. Так это правда, что Гуукаминаан был против сохранения тайны?

— Да, — очень тихо ответила она.

— Почему?

— Он смотрел на это, как на преступление против истины, — все так же тихо сказала Магадоне Самбиса. — Вы должны понять, ваше величество — доктор Гуукаминаан был беззаветно предан своей работе. А она, как и у всех нас, заключалась в раскрытии неизвестных сторон нашего прошлого с помощью археологических методов. Он посвятил этому всего себя, он был ученым в полном смысле слова.

— Следует понимать, что вы не настолько преданы своему делу?

Магадоне Самбиса покраснела и пристыжено отвела глаза.

— Признаю, что мои действия могут привести к такому выводу. Но иногда даже истина должна, хотя бы на время,

уступить тактическим соображениям. Вы как понтифик, конечно, не станете этого отрицать. У меня были причины, достаточно веские, на мой взгляд, не спешить с обнародованием открытия гробницы. Доктор Гуукаминаан не соглашался с моей позицией, и мы с ним долго и упорно сражались. Это был первый случай, когда мы, два руководителя экспедиции, не сошлись во мнениях.

— И в конце концов возникла необходимость его убрать? Потому что он сдался с большой неохотой, и вы не были уверены, что он будет молчать?

— Ваше величество! — в приступе шока вскричала она.

— Мотив довольно весомый, не так ли?

Она беспомощно воздела руки, обратив ладони вверх, и смогла ответить далеко не сразу. Но, начав говорить, она овладела собой.

— Предположение вашего величества для меня оскорбительно. Да, я виновна в том, что умолчала о гробнице. Но клянусь вам — к смерти доктора Гуукаминаана я не имею никакого отношения. Не могу передать, как я восхищалась этим ученым. У нас бывали профессиональные разногласия, но... — Она с опустошенным видом потрясла головой и добавила еле слышно: — Я его не убивала и не имею представления, кто это сделал.

Валентин решил на время удовлетвориться этим. Ему трудно было поверить, что она всего лишь разыгрывает свое горе.

— Хорошо, Магадоне Самбиса. Объясните, однако, почему вы решили скрыть находку гробницы?

— Сначала мне придется рассказать вам старую пьюриварскую легенду, которую я услышала от киванивода Торккинууминаада в тот самый день, когда мы нашли гробницу.

— Это так необходимо?

— Совершенно необходимо.

— Хорошо, рассказывайте, — вздохнул Валентин. Магадоне Самбиса облизнула губы и перевела дух.

— Был один понтифик, и жил он в те времена, когда Стиамот уже завоевал пьюриваров. Юношей понтифик сам участвовал в войне. Ему поручили охранять пленных пьюриваров, и он слышал то, что они рассказывали вечерами у костров. Так он узнал о Велализьерском Кощунстве — о том, как Последний Царь принес в жертву двух морских драко-

нов и о разрушении города, последовавшем за этим. Услышал он также о снесенной Седьмой пирамиде и о святилище под ней, которое пьюривары называли Храмом Крушения. Они говорили, что там со дня Кощунства замурованы некие предметы — если пользоваться ими умеючи, они дадут своему обладателю божественную власть над силами пространства и времени. Юноша запомнил этот рассказ и после, когда стал понтификом, приехал в Велализьер с намерением найти святилище Седьмой пирамиды, Храм Крушения, и открыть его.

— Чтобы найти эти волшебные предметы и с их помощью приобрести божественную власть над силами пространства и времени?

— Именно так.

— Я уже начинаю понимать, к чему это привело.

— Возможно, ваше величество. Легенда далее гласит, что он пришел к разрушенной пирамиде, прорыл траншею и прошел по каменному коридору к стене святилища. А потом он приготовился взломать эту стену.

— Но вы сказали мне, что седьмое святилище осталось нетронутым. Никто не входил в него с тех пор, как город был покинут — так вы по крайней мере думали.

— Так оно и есть.

— Значит, этот понтифик...

— Уже совсем собрался взломать стену, когда пьюривар, укрывшийся ночью в тоннеле, выскочил из мрака и пронзил его сердце мечом.

— Погодите-ка. *Пьюривар?* Я уже говорил об этом с Ааристимом. Не говоря уж о том, что в Альханроэле тогда не осталось ни одного пьюривара, потому что Стиамот выселил их всех в Зимроэль — над этим местом тяготело проклятие, и никто из аборигенов сюда бы и близко не подошел.

— Никто, кроме хранителей святилища, которых проклятие не касалось.

— Хранители? Что еще за хранители? Впервые слышу о них.

— Я тоже не слышала, пока Торккинууминаад не рассказал. Но в дни разрушения города, видимо, было решено оставить здесь небольшой отряд караульщиков, чтобы никто не смог вломиться в седьмое святилище и завладеть его

сокровищами. Хранители несли свою службу на протяжении столетий и все еще были здесь, когда понтифик явился разграбить святилище. Один из них спрятался в тоннеле и убил понтифика, не дав пробить стену.

— И слуги понтифика похоронили его прямо здесь? Но почему?

— Чтобы замять дело, естественно, — улыбнулась Магадоне Самбиса. — Посудите сами, ваше величество: понтифик приезжает в Велализьер, чтобы найти запретное сокровище, и его убивает пьюривар, неведомо откуда взявшийся в давно покинутом городе. Весьма неприглядная история, вы не находите?

— Да, пожалуй.

— Чиновники из свиты понтифика, конечно же, не хотели предавать огласке тот факт, что понтифика убили прямо у них на глазах. Не желали они разглашать и историю о тайном святилище — ведь могли найтись и другие охотники. И, само собой, им не хотелось рассказывать, что понтифик погиб от руки пьюривара — это открыло бы заново раны недавней войны и могло привести к новым гонениям.

— Поэтому они все скрыли, — заключил Валентин.

— Совершенно верно. Они выкопали могилу в дальнем углу руин, похоронили понтифика с подобающими, насколько было возможно, обрядами, вернулись в Лабиринт и сообщили, что правителя в древнем городе сразила какая-то неизвестная болезнь и они сочли за благо похоронить его там же на месте. Его звали Горбан. Так гласит надпись в гробнице. Понтифик Горбан, четвертый после Стиамота. Он действительно существовал. Я проверяла в Палате Летописей. Там есть его имя.

— Я такого не помню.

— Что ж, он ведь ничем не прославился. И разве возможно упомнить их всех? За минувшие тысячелетия их были сотни и сотни. Горбан пробыл понтификом недолго, и единственное примечательное событие его правления осталось неизвестным. Я говорю о его поездке в Велализьер.

Валентин кивнул. Он довольно часто останавливался у большого щита близ Палаты Летописей в Лабиринте и смотрел на длинный список своих предшественников, читая имена этих почти позабытых монархов: Мейк, Спурифон, Геслейн,

Кандибаль и так далее, и так далее. Возможно, в свое время они были великими мужами, но с тех пор прошли тысячи лет. Без сомнения, среди них есть и Горбан, раз Магадоне Самбиса так говорит; сначала он был короналом и царил на Замковой горе, а с годами сделался понтификом и вздумал посетить этот проклятый город, где умер и был похоронен и предан забвению.

— Занятная история, — сказал Валентин. — Но я не вижу в ней ничего такого, что заставило бы вас умолчать об открытии гробницы Горбана.

— Я сделала это по той же причине, по которой приближенные Горбана скрыли истинные обстоятельства его смерти. Вы, конечно, знаете, что большинство населения и так уже боится этого города. Страшная история Кощунства, проклятие, все эти разговоры о здешних призраках, мрачная слава этого места — вы же знаете, ваше величество, как это действует на простые умы. Я побоялась, что если выйдет наружу вся эта история с Горбаном — тайное святилище, поиски волшебного клада забытым всеми понтификом, убийство этого понтифика пьюриваром — в обществе поднимется такая кампания против раскопок в Велализьере, что их придется прекратить. Вот и все, ваше величество. Я хотела сохранить свою работу — ничего более.

Эта исповедь далась ей нелегко. Столь энергичная при пересказе легенды, теперь она говорила вяло, почти безразлично. Поэтому Валентин не усомнился в ее искренности.

— А доктор Гуукаминаан не соглашался с тем, что открытие гробницы может стать угрозой вашей работе здесь?

— Нет, он тоже понимал это, но ему было все равно. Правда для него всегда стояла на первом месте. Он принял бы как данность то, что общественное мнение заставило бы закрыть раскопки и здесь никто бы не работал лет пятьдесят, или сто, или все пятьсот. Его убеждения не позволяли скрыть столь примечательный исторический факт. Мы долго боролись, и наконец я вынудила его уступить. Вы уже видели, какой я способна быть упрямой. Но я его не убивала. Захоти я убить кого-то, это был бы не доктор Гуукаминаан. Это был бы киванивод, который как раз и хотел закрыть раскопки.

— Вот как? Вы сказали, что они с Гуукаминааном работали рука об руку.

— В основном да. Я уже говорила вчера, что расходились они только в одном: открывать святилище или нет. Вы знаете, что мы с Гуукаминааном собрались вскрыть стену, как только сможем пригласить вас и коронала Хиссьюна. Но киванивод был категорически против, хотя все прочие наши работы здесь не вызывали у него возражения. Храм Крушения — это святая святых, говорил он, и должен остаться неприкосновенным.

— В этом он, возможно, был прав.

— Вы тоже думаете, что святилище открывать не надо?

— Я думаю, что некоторым влиятельным пьюриварским вождям это было бы крайне нежелательно.

— Но ведь сама Данипьюр дала нам разрешение работать здесь! И она, и все пьюривары высокого ранга понимали, что мы хотим восстановить город — исправить, насколько возможно, вред, причиненный веками забвения. Это не вызвало у них возражений. А чтобы совсем уж увериться в том, что наша деятельность не оскорбит национальных чувств пьюриваров, мы согласились, что среди археологов будет поровну пьюриваров и представителей других рас и что мы с доктором Гуукаминааном будем равноправными руководителями.

— Но когда между вами возник крупный спор, вы оказались более равноправной, чем он?

— В вопросе о могиле Горбана, один-единственный раз — да, — слегка смутилась Магадоне Самбиса. — Но никогда больше. Во всем остальном мы были полностью согласны — например, в том, что святилище следует открыть.

— Но киванивод оспорил ваше решение. Наложил свое вето.

— Он не вправе накладывать вето на что-либо, ваше величество. В соглашении говорится, что любой пьюривар, возражающий против какого-либо вида работ по религиозным мотивам, может обратиться к Данипьюр, которая и решит дело, посоветовавшись с вами и кораналом.

— Да, я сам составлял этот договор.

Валентин на мгновение закрыл глаза и соединил кончики пальцев. Он должен был предвидеть, что проблема наподобие этой рано или поздно возникнет. У этого города

слишком трагическая история. Здесь произошли страшные события, и ореол пьюриварской магии все еще висит над этим местом спустя многие тысячи лет.

Он надеялся рассеять эту пелену, посылая сюда ученых, а вместо этого сам запутался в ее темных складках.

Через некоторое время он поднял глаза и сказал:

— Я узнал от Аарисиима, что место, куда удалился для молитв ваш киванивод, и есть гробница Горбана, которую вы так хотели скрыть от меня, и сейчас он находится там. Это так?

— Полагаю, что да.

Понтифик подошел к выходу из палатки и выглянул наружу. Первые бронзовые полосы рассвета пустыни уже прорезали небосвод.

— Вечером я просил вас послать гонцов на его поиски, и вы пообещали это сделать. Вы не сказали, разумеется, что знаете, где он. Но поскольку вы это знаете, прошу вас дать указания своим гонцам. Утром я первым делом хочу поговорить с ним.

— А если он откажется прийти, ваше величество?

— Тогда пусть его приведут силой.

Магадоне Самбиса не преувеличивала: киванивод оказался крайне неприятным субъектом, хотя, возможно, угрозы охранников Валентина притащить его силой повлияли на него в худшую сторону. Лизамон Гультин доставила его к понтифику, невзирая на протесты и проклятия. Пьюриварского колдовства она не боялась и ясно дала понять кивановоду, что лучше ему пойти с ней добром.

Метаморфский шаман был древним, высохшим старцем, и всю его одежду составляли пучки сухой травы вокруг пояса. С шеи на засаленном шнурке свисал амулет отвратительного вида, сплетенный из ножек насекомых и прочего в том же роде. Он был так стар, что кожа его из зеленой превратилась в тускло-серую, а глаза-щелки, горящие от ярости, смотрели на Валентина из толстых складок резинчатой кожи.

— Прошу прощения за то, что помешал вашим благочестивым размышлениям, — примирительно начал Валентин. — Но перед возвращением в Лабиринт я должен уладить кое-какие срочные дела, для чего ваше присутствие необходимо.

Киванивод промолчал, и Валентин продолжил:

— Начнем с того, что в зоне раскопок произошло тяжкое преступление. Убийство доктора Гуукаминаана — это оскорбление не только правосудию, но и науке. Цель моего приезда — выявить и наказать убийцу.

— А я-то здесь при чем? — угрюмо осведомился киванивод. — Ищите убийцу и наказывайте, если считаете это своим долгом. Зачем нарушать силой священное уединение служителя Сущих Богов? Только затем, что так приказал понтифик Маджипура? — Киванивод язвительно рассмеялся. — Понтифик! Что мне его приказы? Я служу только Сущим Богам.

— Вы служите также и Данипьюр, — спокойно ответил Валентин. — А Данипьюр и я вместе правим Маджипуром. — Понтифик указал на Магадоне Самбису и других археологов, людей и метаморфов, стоящих поблизости. — Эти ученые работают здесь по разрешению Данипьюр, и вы находитесь в Велализьере по ее же указанию, в качестве духовного советника для представителей своего народа.

— Я здесь потому, что Сущие Боги потребовали этого — иных причин нет.

— Пусть так. Однако сейчас вы стоите перед вашим понтификом и должны отвечать на его вопросы.

Шаман ответил злобным взглядом исподлобья.

— В руинах Седьмой пирамиды было обнаружено святилище, — продолжал Валентин. — И покойный доктор Гуукаминаан, как я слышал, намеревался его вскрыть. Вы же усиленно возражали против этого — так?

— Так.

— На каком основании?

— Это священное место, и нечистые руки не должны касаться его.

— Как оно может быть священным, если на город наложено проклятие?

— Тем не менее это место священно.

— Хотя никто не знает, что находится там, внутри?

— Я знаю, что лежит там.

— Вы? Каким образом?

— Я — хранитель святилища. Это знание передается из поколения в поколение.

По спине у Валентина прошел холодок.

— Ага, — произнес он. — Хранитель. Законный преемник того, кто несколько тысяч лет назад убил здесь понтифика. Мне сказали, что свои молитвы вы вершили у могилы этого самого понтифика. Это правда?

— Да.

— В таком случае, — Валентин позволил себе улыбнуться уголками губ, — мне придется сказать своим охранникам, чтобы они пристально следили за вами. Потому что я незамедлительно намерен, друг мой, отдать Магадоне Самбисе приказ о вскрытии седьмого святилища. И не хочу, чтобы с вашей стороны мне что-то угрожало.

Это потрясло киванивода. Он стал менять свои очертания, то сокращаясь, то удлиняясь — контуры его тела таяли и восстанавливались с умопомрачительной скоростью.

Даже археологи — и люди, и двое гхайрогов, и тесная кучка метаморфов — смотрели на Валентина так, словно никак не могли постичь смысл его слов. Тунигорн, Миригант и Насимонте тоже стояли, как громом пораженные. Тунигорн сказал что-то Мириганту — и тот в ответ лишь пожал плечами, и растерянный Насимонте повторил его жест.

— Вы серьезно, ваше величество? — сдавленным голосом произнесла Магадоне Самбиса. — Ведь совсем недавно вы говорили, что святилище лучше оставить в покое.

— Я? — Валентин покачал головой. — О нет. Как скоро вы сможете приступить к работе?

— Сейчас... — И она забормотала себе под нос: — Техника записи, свет, инструменты... Мы можем подготовить все через полчаса.

— Хорошо, приступайте.

— Нет! Не бывать этому! — в ярости завопил Торккинуминаад.

— Так будет, — сказал Валентин. — И мы с вами будем присутствовать при этом. — Он поманил к себе Лизамон Гультин. — Поговори с ним, Лизамон, и объясни, что ему лучше сохранять спокойствие.

— Неужели вы это серьезно, понтифик? — недоверчиво повторила Магадоне Самбиса.

— О да. Серьезнее некуда.

* * *

Казалось, что день тянется целых сто часов.

Каменную стену в любом случае не так легко взломать. Вскрытие же этой стены было столь символично и столь чревато политическими осложнениями, что все делалось с утроенной осторожностью.

Первую стадию работ Валентин переждал наверху. Ему объяснили, что в подземелье сейчас протягивают осветительные провода и вентиляционные трубы, а также выясняют с помощью дефектоскопических приборов, не рухнет ли потолок, если стена будет сломана, и нет ли с внутренней стороны самого святилища чего-либо, что может пострадать в процессе вскрытия.

Все это заняло несколько часов, и наконец наступил решающий момент.

— Желаете присутствовать, ваше величество? — спросила Магадоне Самбиса.

Несмотря на вентиляцию, Валентину трудно дышалось в подземелье. Даже во время его первого визита здесь было достаточно жарко и душно, теперь же, когда вокруг толпилось столько народу, казалось, что воздуха вовсе нет, и приходилось напрягать легкие, чтобы в голове не мутилось.

Археологи, расступившись, пропустили его вперед. Стена святилища ярко белела при сильном свете. Около нее работали пятеро — трое пьюриварэв и двое человек. Крепкий Ватиимераак сверлил, археолог Каастисиик, отвечающий за организацию раскопок, помогал ему. Позади стоял Дриисмиил, специалист по древней архитектуре, и представительница человеческой половины Шимраин Гельвойн, тоже архитектор, как видно. Магадоне Самбиса тихо отдавала распоряжения.

Стену разбирали медленно, камень за камнем. Над самыми жертвенными нишами сняли уже около трех квадратных футов белой облицовки. За ней открылась грубая кирпичная кладка толщиной всего в один ряд. Ватиимераак, бормоча что-то по-пьюриварски, уже отбивал первый кирпич. Тот отвалился, и показалась еще одна стена, сложенная из таких же черных блоков, что и все подземелье.

Наступила длинная пауза, во время которой многослойную стену замеряли и фотографировали. Потом Ватиимера-

ак возобновил работу. Валентин чувствовал дурноту в этой затхлой атмосфере, но держался.

Ватиимераак остановился, чтобы Каастисиик мог убрать обломки черного камня. Двое архитекторов, выйдя вперед, осмотрели проем, потом посовещались друг с другом и с Магадоне Самбисой. Ватиимераак снова взялся сверлить.

— Дайте кто-нибудь фонарик! — воскликнула Магадоне Самбиса.

Ей передали его по цепи. Она посветила им в отверстие и ахнула.

— Ваше величество, не хотите ли взглянуть?

И Валентин при слабом свете разглядел большое прямоугольное помещение, совершенно пустое, если не считать квадратной глыбы темного камня. Последний очень походил на черный опал, пронизанный рубиновыми жилами — из такого же был изваян Конфалюмский трон в замке коронала.

На камне лежали какие-то предметы, но их нельзя было рассмотреть на таком расстоянии.

— Сколько понадобится, чтобы расширить отверстие и пройти? — спросил Валентин.

— Часа три.

— Даю вам два. Я подожду наверху. Позовите меня, когда будет готово. И смотрите, чтобы до меня туда никто не входил.

— Положитесь на меня, ваше величество.

Даже сухой воздух пустыни показался ему восхитительным после сырой духоты внизу. По теням, заполнившим впадины далеких дюн, Валентин определил, что день близится к вечеру. Тунигорн, Миригант и Насимонте расхаживали в руинах разрушенной пирамиды, вроон Делиамбер стоял чуть поодаль.

— Ну что? — спросил Тунигорн.

— В стене пробили отверстие. Внутри что-то есть, но мы пока не знаем, что.

— Сокровища? — с алчной усмешкой спросил Тунигорн. — Кучи изумрудов, алмазов и яшмы?

— Да. Все это и еще больше. Несметные сокровища, Тунигорн. Нет ли у тебя с собой вина, Насимонте?

— Как не быть, друг мой. Отменное, мульдемарское.

Герцог подал флягу понтифику, и тот стал пить жадно, будто воду, даже не стараясь распробовать букет.

Тени сгущались, и одна из малых лун показалась над горизонтом.

— Ваше величество, не угодно ли спуститься? — позвал археолог Во-Симифон, и Валентин последовал за ним вниз.

Пролом в стене расширили, и в святилище можно стало пройти. Магадоне Самбиса дрожащей рукой вручила Валентину фонарик.

— Я вынуждена просить ваше величество ничего там не трогать. Вы, безусловно, имеете привилегию войти туда первым, но не забывайте, пожалуйста, что это научная экспедиция. Мы должны заснять все в первозданном виде, прежде чем тронуть что-то хоть пальцем.

— Я понимаю, — заверил Валентин.

Он осторожно переступил через каменную кромку и вошел.

Пол святилища был выложен гладким блестящим камнем, возможно, розовым кварцем. На нем лежал тонкий слой пыли. По этому полу никто не ходил двадцать тысяч лет, подумал Валентин. А человеческая нога здесь вообще не ступала.

Он подошел к черному постаменту в середине и посветил на него фонариком. Да, это опал с рубиновыми жилами — камень Конфалюмского трона. На его блестящей поверхности, лишь едва тронутой пылью, лежала тонкая золотая пластина с затейливыми пьюриварскими иероглифами, украшенная кабошонами берилла, сердолика и лапис-лазури. Точно в ее середине, бок о бок, лежали два длинных продолговатых предмета, похожие на кинжалы из белого камня.

Валентина пронзил благоговейный трепет. Он знал, что это такое.

— Ваше величество! Ваше величество! — позвала Магадоне Самбиса. — Пожалуйста, скажите нам — что вы видите?

Но Валентин не ответил, как будто и не слышал. Он погрузился в воспоминания. Это было восемь лет назад, в решающий час войны с повстанцами.

Тогда он держал в руке такую же вещь и чувствовал ее странную прохладу, под которой ощущался раскаленный стержень, и слышал идущую из нее тихую музыку, от которой кружилась голова.

То был зуб морского дракона. Его таинственная власть связала Валентина с разумом дракона Маазмоорна, водяного царя далекого Внутреннего Моря. Это Маазмоорн помог Валентину убить на расстоянии вождя повстанцев Фараатаа и прекратить затянувшийся мятеж.

Кому же принадлежат зубы, лежащие здесь?

Валентин, кажется, уже понял, кому. Это Храм Крушения, алтарь Кощунства. Когда-то недалеко отсюда, на платформах из голубого камня, были убиты двое водяных царей. Это не миф. Это было в действительности. Валентин не сомневался в этом, ибо Маазмоорн показал ему это событие как нельзя более ясно. Он знал даже имена убитых царей: одного звали Низнорн, другого Домситор. Один зуб, вероятно, взят у Низнорна, другой у Домситора.

Двадцать тысяч лет.

— Ваше величество! Ваше величество!

— Минуту, — словно с другого конца света ответил Валентин.

Он взял левый зуб, стиснул его в руке и зашипел, когда леденящий холод обжег ладонь. Закрыл глаза и позволил волшебной силе овладеть его разумом. И дух его полетел вдаль, на встречу с морским драконом — то ли с Маазморном, то ли с кем-то другим из этих гигантских существ. Все это время ему слышался колокольный звон, призывная музыка драконова разума.

И вот перед Валентином предстала картина жертвоприношения двух водяных царей, известного как Кощунство.

Валентин знал еще с прошлой своей встречи с Маазморном, что это название неверное. Не было никакого кощунства. Жертва была добровольной — таким образом морские драконы доказали миру свою веру в Сущего, величайшую из всех сил во вселенной.

Именно с этой целью драконы отдались в руки жителей древнего Велализьера. Сами велализьерцы, возможно, и понимали, что они делают, но жители далеких провинций этого знать не могли, поэтому происшедшее нарекли Кощунством. Последний Царь Велализьера был предан смерти, Седьмая пирамида снесена, весь город разрушен и проклят навеки. Но коснуться священных зубов никто не посмел.

Валентин, держа зуб, еще раз увидел, как происходило жертвоприношение. Морские драконы и не думали корчиться от ярости в своих путах, как привиделось ему в кошмарном сне. Церемония приношения в дар живой плоти шла благостно и торжественно. Когда же сверкнули ножи, и громадные существа умерли, и их темные тела были преданы сожжению, волна торжествующей гармонии достигла границ вселенной.

Валентин положил зуб на место и взял другой, сжал его в руке и отдался его власти.

На сей раз музыка была менее стройной, и он увидел перед собой человека средних лет, в старинных одеждах, выдающих сан понтифика. Он шел при свете дымного, мерцающего факела по тому самому проходу, что вел в комнату, где толпились теперь археологи Магадоне Самбисы. Валентин смотрел, как этот понтифик былых времен подходит к белой, незапятнанной стене святилища, как прижимает к ней ладонь и толкает ее, точно надеясь пройти сквозь камень. А после, отвернувшись, делает знак рабочим с кирками и заступами.

Тогда из мрака возник метаморф, длинный, тощий и угрюмый, сделал скользящий шаг вперед и вогнал свой нож снизу вверх прямо в сердце человека в расшитых одеждах понтифика.

— Ваше величество, прошу вас!

Голос Магадоне Самбисы, исполненный муки.

— Да, — отозвался Валентин голосом человека, грезящего наяву. — Иду.

Довольно с него видений. Он положил фонарик на пол, направив его к пролому в стене, чтобы осветить себе путь, и взял драконьи зубы. Держа их на ладонях, чтобы не подпасть под влияние их чар, он двинулся к выходу.

Магадоне Самбиса смотрела на него с ужасом.

— Я же просила, ваше величество, ничего не трогать в святилище, ничего не тревожить...

— Да. Я знаю. Но вам придется простить меня.

Археологи поспешно расступились перед ним, когда он направился к выходу из подземелья. Все взоры были прикованы к предметам, лежащим на ладонях Валентина.

— Приведи сюда кивanивода, — тихо приказал он Ааристиму. Дневной свет почти угас, и руины стали еще таинственнее, как всегда по ночам, когда лунный свет танцует на древних камнях.

Охранник поспешно удалился. Валентин не хотел допускать кивanивода к святилищу, пока ломали стену, и Торккинууминаада, несмотря на его громкие протесты, оставили в лагере археологов под охраной других телохранителей Валентина. Теперь двое огромных волосатых скандаров привели его к пирамиде, держа за руки.

Шаман испускал гнев и ненависть, как болото испускает черный газ. И Валентин, глядя в его узкое зеленое лицо, ощутил мощную волну древней магии, зародившуюся в те времена, когда Маджипур был юным и метаморфы одни, никем не тревожимые, бродили по огромной, полной чудес планете.

Понтифик поднял вверх драконьи зубы.

— Знаешь ли ты, Торккинууминаад, что это такое?

Резинчатые веки разошлись, и в узких глазах вспыхнул желтый огонь ярости.

— Ты совершил самое страшное святотатство из всех, какие есть, и за это умрешь страшной смертью.

— Стало быть, ты знаешь, что это?

— Это величайшая святыня! Ты должен сейчас же вернуть их туда, где взял!

— Зачем ты убил доктора Гуукаминаана, Торккинууминаад?

Единственным ответом был очередной злобный взгляд.

«Он и меня убил бы своим колдовством, если бы мог, — подумал Валентин. — Я знаю, что я такое в глазах Торккинууминаада. Я правитель Маджипура и потому представляю собой весь Маджипур. Если бы он мог одним движением обречь на гибель нас всех, он бы это сделал».

Да. Валентин был воплощением Врага, который спустился с неба и отнял у пьюриваров их мир, настроил свои гигантские города на месте девственных лесов и полян, вторгся своими биллионами в тонкую ткань пьюриварской жизни. Поэтому кивanивод охотно убил бы его, символически убив тем самым весь заселенный человеком Маджипур.

Но магию можно побороть другой магией.

— Смотри, смотри на меня, — сказал Валентин шаману. — Смотри прямо в глаза, Торккинууминаад.

И понтифик сжал в руках два талисмана, взятые из святилища.

Двойная мощь зубов нахлынула на него с ужасающей силой, и в мозгу замкнулась цепь. Он разом испытал весь диапазон ощущений, усиленных даже не вдвое, а многократно — но устоял на ногах и направил свой ум на встречу с разумом киванивода.

Он вошел туда, проник в память шамана и быстро нашел то, что искал.

Полночная тьма. Слабый свет луны. На небе пылают звезды. Кто-то выходит из палатки археологов — пьюривар, очень худой, движущийся с присущей возрасту осторожностью.

Доктор Гуукаминаан, очевидно.

Тощая фигура поджидает его на дороге: тоже метаморф, такой же старый и худой, одетый в причудливые лохмотья.

Это явно киванивод — такой, каким он себя видит.

Какие-то тени возникают позади него — пять, шесть, семь фигур. Все метаморфы — рабочие, судя по виду. Старый археолог их как будто не видит. Он беседует с киваниводом, который размахивает руками. Видно что они о чем-то спорят. Гуукаминаан качает головой. Новые взмахи рук. Спор продолжается. Судя по жестам, они приходят к согласию.

Валентин смотрит, как они вдвоем идут по дороге, ведущей в сердце руин.

Рабочие выходят из мрака, в котором таились. Они окружают старика, хватают его, затыкают ему рот. Киванивод подходит к ним.

В руке у него нож.

Валентину не было нужды видеть остальное. Он не имел желание наблюдать за чудовищной церемонией расчленения тела на каменной платформе и за последующим возложением головы в нишу святилища.

Он разжал пальцы и с величайшей осторожностью опустил зубы морских драконов на землю рядом с собой.

— Итак, — сказал он киваниводу, чей едва сдерживаемый гнев сменился выражением, почти сходным с покорно-

стью, — думаю, притворяться больше незачем. За что ты убил доктора Гуукаминаана?

— За то, что он хотел открыть святилище. — Кивanивод говорит совершенно ровно, без всяких эмоций.

— Да, разумеется. Но Магадоне Самбиса тоже хотела его открыть. Почему же ты не убил ее?

— Он был один из наших и предал нас. Она не в счет. Он был намного опаснее. Мы знали, что ее можно остановить, если настаивать достаточно сильно. Его бы не остановило ничто.

— Однако святилище все равно открыли.

— Да, но только потому, что приехал ты. Если бы не это, раскопки прекратились бы вовсе. Смерть Гуукаминаана показала бы всему миру, что проклятие, тяготеющее над этим местом, остается в силе. Ты приехал и открыл святилище — но проклятие еще настигнет тебя, как настигло когда-то понтифика Горбана.

— Никакого проклятия нет, — спокойно сказал Валентин. — Есть город с трагической судьбой — но проклятия нет. Только нагромождение недоразумений.

— Кощунство...

— И Кощунства не было — было только жертвоприношение. Жители провинций совершили огромную ошибку, разрушив город.

— Ты хочешь сказать, что знаешь нашу историю лучше нас, понтифик?

— Да, хочу. — Валентин отвернулся от шамана и сказал начальнику работ: — Ватиимераак, в твоем поселке живут убийцы. Я знаю, кто они. Ступай туда и объяви всем: если виновные раскаются в своем грехе, они будут прощены, когда пройдут обряд очищения душ. — Лизамон Гультин он сказал: — Что до кивanивода, пусть его передадут правосудию Данипьюр. Это ее ответственность. А затем...

— Ваше величество, осторожнее! — крикнул кто-то.

Валентин обернулся. Скандары отступили от кивanивода, глядя на свои дрожащие руки так, как будто сильно обожглись. Освобожденный кивanивод обратил к Валентину лицо, полное дьявольской злонамеренности.

— Понтифик, — прошептал он, — смотри на меня! Смотри!

Захваченному врасплох Валентину нечем было защититься. Странное оцепенение сковало его, а зубы драконов лежали на земле. Торккинууминаад менял форму, с одуряющей быстротой проходя через ряд гротескных превращений — то у него отрастала целая дюжина конечностей, то полдюжины тел. И от него шли какие-то чары. Они оплели Валентина, как тенета муху. Воздух впереди сгустился и замерцал, откуда ни возьмись налетел ветер. Валентин старался оторвать взгляд от бешеных глаз киванивода — и не мог. Не мог он также заставить себя нагнуться и взять драконьи зубы. Он стоял как скованный. В голове шумело, в груди жгло, и даже перевести дыхание стоило труда.

Ему казалось, что вокруг толпятся призраки.

Дюжина метаморфов — сто — тысяча...

Гримасничающие лица. Горящие глаза. Зубы, когти, ножи. Целая орда дико скачущих убийц окружила его, освистывая, высмеивая, презрительно окликая...

Он погибал в водовороте древней магии.

— Лизамон! — крикнул он. — Делиамбер! На помощь! — Но он не был уверен, что произнес эти слова вслух.

Однако его телохранители и сами поняли, что дело неладно. Делиамбер первый раскинул свои многочисленные щупальца и стал ворожить в ответ, противопоставляя свою духовную мощь чарам Торккинууминаада. И пока паутина вроонского колдовства опутывала пьюриварского шамана, с другой стороны к кивaниводу приблизился Ватиимераак. Он храбро схватил Торккинууминаада, невзирая на чары, и поставил его на колени, заставив коснуться лбом земли у ног Валентина.

Понтифик почувствовал, что колдовская власть отступает, и наконец освободился полностью. Умственная связь между ним и киваниводом порвалась с почти явственным щелчком.

Ватиимераак отпустил колдуна и отошел назад, Лизамон Гультин угрожающе нависла над поверженным, но напряженный момент уже миновал. Шаман оставался на месте, не шевелясь, и мрачно смотрел в землю, признавая свое поражение.

— Спасибо, — просто сказал Валентин Делиамберу и Ватиимерааку и добавил: — Уведите его.

Лизамон Гультин перекинула шамана через плечо, как мешок с калимботами, и зашагала прочь.

После долгого ошеломленного молчания Магадоне Самбиса отважилась тихо спросить:

— Ваше величество не пострадали?

Валентин только мотнул головой в ответ.

— А раскопки? — с беспокойством продолжила она. — Их не закроют?

— С какой стати? — ответил Валентин. — Здесь еще много работы. — Он отошел немного в сторону и потрогал грудь и горло, все еще чувствуя хватку безжалостных невидимых рук. Но Магадоне Самбиса не оставила его в покое.

— А это? — спросила она, указав на зубы морских драконов. Энергия и уверенность мало-помалу возвращались к ней. — Могу я теперь взять их, ваше величество?

— Да, возьмите. А потом отнесите их назад в святилище и заделайте пробитое вами отверстие.

Она уставилась на него так, словно он на ее глазах превратился в пьюривара, и с негодованием произнесла:

— Как же так, ваше величество? Доктор Гуукаминаан погиб из-за этих зубов! Находка этого святилища была вершиной его деятельности. Если мы замуруем стену опять...

— Доктор Гуукаминаан был истинным ученым, — сказал Валентин, уже не стараясь скрыть свою усталость. И любовь к истине стоила ему жизни. Вы, насколько я вижу, преданы истине не столь беззаветно и потому исполните мой приказ.

— Умоляю вас, ваше величество...

— Нет. Мольбы не помогут. Я сам не претендую на ученость, но свою ответственность понимаю. Есть вещи, которым лучше оставаться погребенными. Эти зубы предназначены не для того, чтобы изучать их и выставлять в музее. Это место — святыня пьюриваров, даже если они сами не понимают всей его святости. Не надо было нам вовсе его трогать. На всей остальной территории раскопки могут продолжаться, но зубы верните на место, а святилище замуруйте и держитесь от него подальше. Ясно?

Она посмотрела на него, не находя слов, и кивнула.

— Хорошо.

Вокруг совсем уже стемнело, и Валентин чувствовал, как парят около него сонмы велализьерских призраков. Костлявые пальцы цеплялись за его одежду, свистящие голоса шептали в уши губительные заклинания.

Ему не терпелось поскорее убраться из этих руин. Он насытился ими до конца дней своих.

— Вели готовиться к отъезду, дружище, — сказал он Тунигорну.

— Прямо сейчас, Валентин? В столь позднее время?

— Прямо сейчас, Тунигорн. — Понтифик улыбнулся. — Ты знаешь, это место почти примирило меня с Лабиринтом! Я чувствую сильнейшее желание вернуться к удобствам повседневной жизни. Пойдем собираться в дорогу. Мы и без того слишком долго пробыли здесь.

Урсула Ле Гуин

Земноморье

Ursula K. Le Guin
DRAGONFLY
Перевод с английского Ян Юа

© Ursula K. Le Guin, 1998
© Перевод. Ян Юа, 1998

Архипелаг
Земноморье
Гонт
Ора-
нея
Еа
Эрея
К Западному
пределу
К Землям
Каргад
Тор-
хевен
Эскел
Хавнор
Великий
Порт
Хавнор
Путь
Кембер-
моут
Омер
Фелк-
вэй
Арк
Шелиет
Госк
Внутреннее
море
Плиен
Висс
Остров
Рок
Твил
Камери
Закрытое море
Восточный
предел
Уни
Уотхорт
Намиен
ИКЛ

«Маг Земноморья» (1968)
«Гробницы Атуана» (1971)
«Самый далекий берег» (1972)
«Техану, или Последняя книга Земноморья» (1990)

Островной мир Земноморья населяют люди и драконы. Драконы — огромны и опасны, и их родной язык — это Язык Созидания. Некоторые события и рассказы (в «Техану») могут навести на мысль, что в прежние времена драконы и люди были одним племенем, но некогда их пути разошлись, и они перестали понимать друг друга. Среди людей магия — дар, с которым рождаются очень немногие, но магии все равно нужно учиться, как наукам или искусству. По сути, чтобы пользоваться магией, достаточно знать хотя бы несколько слов на Языке Созидания, на котором все вещи и существа называются истинными именами. Лишь узнав чье-то истинное имя, ведьма, колдун или маг обретают власть. А власть, разумеется, можно использовать во благо или во зло.

События «Мага Земноморья» начинаются на острове Гонт. Крестьянский мальчишка Джед с великим магическим даром едет в Школу Магов на острове Рок. Там, пытаясь утвердить свое превосходство над другим учеником, он вызывает существо-тень из мира мертвых в мир живых. Тень преследует его на всех островах, неся с собой опасность и зло. В конце концов, по совету своего учителя Огиона он поворачивается лицом к тени и сам становится преследователем, он гонит тень на край мира через барьер смерти. Вступив там в схватку, Джед и его тень обнаруживают, что на самом деле они — одно существо; так Джед исцеляется, и обретает власть над собой.

События «Гробниц Атуана» происходят на одном из четырех островов народа Каргов, чей язык и обычаи отличают их от населения Архипелага. Ребенка по имени Тенар забирают от родителей, дают новое имя — Арха, Пожранная — и

учат быть Великой Жрицей Гробниц, древнего заброшенного святилища на Атуане, приходить в которое могут лишь женщины и скопцы. Когда Арха почти закончила обучение, в подземном Лабиринте, в самом центре священного места она встречает чужестранца, мужчину. Это — Джед, ныне могущественный маг, он ищет пропавшую половину Кольца Эррет-Акбе, на котором вырезана Руна Мира. Долг юной жрицы убить его. Но разговаривая со своим пленником, Арха начинает чувствовать себя пленницей Гробниц, связанной жестокими и бессмысленными ритуалами. Джед возвращает ей истинное имя — Тенар. И равно как он освобождает ее, так и она дарит ему свободу: она выводит Джеда из Лабиринта, и они вдвоем бегут, унося с собой возрожденное Кольцо Мира. В Хавноре, Городе Королей Земноморья, чествуют Тенар, но Джед увозит ее с собой на Гонт. Он хочет, чтобы она жила там и училась у Огиона.

В книге «Самый дальний берег» Джед, теперь Архимаг острова Рок и самый могущественный человек на Архипелаге, вместе с юным Арреном, принцем Энлада, отправляется в путешествие, чтобы выяснить, почему магия теряет свою мощь. После странного и далекого путешествия на юг они прибывают на острова драконов, и на Селидоре, самом западном из этих островов, путь приводит их в мир мертвых, землю мрака и засухи. Там они встречают мага Паута, который в жажде бессмертия пробил брешь в стене между жизнью и смертью. Джед забирает силу Паута и исцеляет раны мира, но растрачивает на это свою собственную магическую силу. Аррен, который должен унаследовать трон Земноморья, пустующий пять веков, выводит Джеда в мир живых. Дракон Калессин переносит обоих на остров Рок, где Джед приветствует Аррена как нового короля. После чего Калессин уносит Джеда домой, на Гонт.

Хотя «Техану» была написана через семнадцать лет после «Самого дальнего берега», события этой книги разворачиваются в эпоху, следующую за временами путешествия Джеда и Аррена. Тенар из Гробниц не остается с Огионом, а выходит замуж за фермера Авгита, рожает ему двух детей и вот уже тридцать лет живет жизнью крестьянки. Умирая,

Огион призывает ее. После смерти старого мага Тенар остается в его доме вместе со своей приемной дочерью. Много лет назад люди, которые сопровождали ее настоящую мать в путешествии, напали на них, изнасиловали девочку и бросили умирать. Теперь эта девочка, Терру, не может говорить, она полна страха и непостижимой силы. Дракон приносит Джеда на Гонт. Больной, изможденный, утративший магическую силу Джед терзает себя стыдом, он прячется даже от Аррена, который часто навещает его. Чернолоз, ученик Паута, замышляет на Гонте зло; Ловкач — человек, который надругался над Терру, — вновь появляется в округе. Юный король сопровождает Тенар обратно, на ферму ее мужа. Там Ловкач и его банда пытаются убить Тенар и ее ребенка; но вовремя появляется Джед, чтобы отбить их у разбойников. Эту зиму Джед проводит на ферме вместе с Тенар, у него нет больше магической силы, зато он наконец обретает силу как мужчина, он может жить с Тенар, как обычный человек. По весне Чернолоз заманивает Джеда и Тенар в дом Огиона, и раз они не владеют магией, то защиты от магии Чернолоза у них нет. Маг унижает их и собирается убить обоих. И тогда обезображенная, беспомощная девочка Терру находит свое истинное имя — Техану — и обретает силу. На языке драконов, Языке Созидания, она призывает дракона Калессина. Дракон убивает Чернолоза и приветствует Терру как свою дочь. Пока она останется жить с Джедом и Тенар, но позже уйдет к драконам. «Я отдаю вам свое дитя, — говорит Калессин Джеду. — Как вы отдадите мне ваших».

Ящерка

1. Ириа

Предки ее отца владели обширной богатой землей на столь же обширном и богатом острове Путь. В дни королей они не предъявляли права ни на титул, ни на привилегии при дворе, хотя в темные дни после падения Махариона управляли народом и землей твердой рукой, возвращали прибыток земле, поддерживали справедливость, как ее понимали, и сражались с сопредельными тиранами. Когда по слову мудрых людей с острова Рок мир и порядок вернулись на Архипелаг, семья по-прежнему продолжала процветать, равно как деревни и фермы, принадлежащие ей. Красота заливных лугов, горных пастбищ и коронованных дубами холмов стала притчей, люди кругом говорили: «упитанный, как корова с Ириа» или «удачливый, как житель Ириа». Ремесленники и арендаторы этой земли добавляли ее название к своему имени, именуя себя — Ириан. Фермеры и пастухи от лета к лету, от года к году, от поколения к поколению богатели и крепли, словно дубы в рощах Ириа, но в последние годы семья, владевшая землями, истощилась, как пересохший родник.

Братья ссорились из-за наследства. Один из них потерял состояние от жадности, второй — из-за глупости. Один выдал дочь за купца и пытался отсудить ее деньги у города. Внуки второго поссорились вновь, перекроив уже разделенные земли. К тому времени, когда родилась девочка по име-

ни Ящерка, земли Ириа по-прежнему оставались самым прекрасным во всем Земноморье уголком: холма, поля и луга. Но на них кипели раздоры и тяжбы. Поля заросли сорняками, в домах обрушивались крыши, никто не пользовался загонами для скота, а пастухи гнали стада через горы на пастбища получше. Старый хозяйский дом на вершине холма в окружении дубов практически стоял в руинах.

Владел им один из тех четырех человек, что называли себя Хозяевами Ириа. Остальные трое звали его Хозяином Старого Ириа. Юность и остатки наследства он растерял в судах и приемных Лордов Пути в Шелиете, когда отстаивал права на всю землю, — ту землю, какой она была раньше, столетия назад. Успеха он не добился и, вернувшись назад, топил свою горечь в крепком красном вине с последнего виноградника, да изредка обходил границы поместья со сворой неухоженных, полуголодных собак — охотился на браконьеров и контрабандистов.

В Шелиете он ухитрился жениться. О его жене в Ириа никто не знал ничего, поскольку родом она (как говорили) была с некоего дальнего острова, расположенного где-то на западе архипелага. Ее даже не видел никто, потому что умерла она при родах еще в городе. Вот поэтому, когда Хозяин Старого Ириа вернулся домой, с собой он привез трехлетнюю дочь. Он препоручил дочь прислуге и напрочь забыл про нее. Но иногда во время попоек он вспоминал про ее существование. Если в те мгновения ему случалось отыскать дочь, он заставлял ее стоять возле кресла или сидеть у него на коленях и слушать о всех несправедливостях, какие судьба обрушила на него и его старый дом. Он ругался и плакал, заставлял дочь прикладываться к бокалу, умоляя чтить свое происхождение и быть верной Ириа. Вино девочке нравилось, но она ненавидела пьяные слезы, проклятия и мольбы, и слюнявые ласки, следующие за ними. Если ей везло, она убегала, уходила к собакам, скоту и лошадям и клялась им, что будет хранить верность — матери, о которой никто ничего не знал, не чтил и не был предан. Кроме нее.

Когда девочке стукнуло тринадцать лет, виноградарь и служанка, присматривающая за усадьбой (все, что осталось от домочадцев в поместье), сообщили Хозяину Ириа, что пора устраивать для дочери день поименования. Они спро-

сили, не послать ли за колдуном куда-нибудь на Западный Окоем или позволить все сделать ведьме из их деревни. Хозяин Ириа пришел в страшную ярость.

— Деревенская ведьма? — кричал он. — Полуграмотная карга даст истинное имя дочери Ириа? Или лизоблюды, предатели, прислужники тех, кто украл Западный Окоем у моего деда? Если хоть один из этих хорьков ступит на мою землю, я спущу на них свору собак, пусть вырвут им печень, идите и передайте им слово в слово, если так хочется!

И далее в том же духе. Старуха Беллис вернулась на кухню, виноградарь Лепус — к виноградным лозам, а тринадцатилетняя Ящерка выбежала из дома и припустила вниз по холму, отцовскими ругательствами отгоняя собак, которые взбудоражились от криков хозяина и погнались за ней.

— Назад, грязная сука! — верещала Ящерка. — Иди домой, блюдолиз и предатель!

И собаки умолкли и, поджав хвосты, потрусили обратно.

Деревенская ведьма была занята важным делом, она вытаскивала пиявок из раны на крестце у овцы. Ведьму звали Розой, как и многих женщин на Пути и прочих островах Хардикского архипелага. Люди, что сохраняли в тайне дающие силу и власть имена, — как бриллиант хранит в себе солнечный свет, — на людях пользовались словами, часто обыкновенными и своеобычными.

Роза бормотала заклинания, но основную работу делали ее руки и короткий острый нож. Овца терпеливо сносила мучения, только изредка переступала и тихо вздыхала. Ее янтарного цвета глаза пялились в пустоту. Роза вытащила очередную пиявку, бросила наземь и растоптала. Ящерка подошла к овце и привалилась к теплому боку, овца прижалась к девочке и обеим стало уютно и хорошо. Роза вытащила пиявку, бросила и растоптала. Сказала:

— Подай мне вон то ведро.

Она омыла рану соленой водой. Овца тяжко вздохнула и вдруг побрела со двора в сторону дома. Видимо, посчитала, что на ее долю сегодня пришлось слишком много врачебных услуг. Роза крикнула:

— Оленек!

Из-под куста вылез заспанный грязный парнишка и побрел вслед за овцой. Предполагалось, что он несет за нее

ответственность, хотя каждому было ясно, что овца старше, больше, сытнее кормится и, вероятно, умнее своего провожатого.

— Говорят, что ты дашь мне имя, — сказала Ящерка. — Отец в бешенстве. Так-то вот.

Ведьма не произнесла ничего. Она знала, что девочка права. Раз уж Хозяин Ириа сказал, что позволит или не позволит чему-то свершиться, то, непреклонный в гордыне, решения он не переменит. Ведь только слабый сначала говорит «да», а потом — «нет».

— Почему я сама не могу дать себе истинное имя? — поинтересовалась Ящерка, пока Роза отмывала в соленой воде нож и руки.

— Нельзя.

— Отчего ж? Обязательно нужно быть ведьмой? Колдуном? А как ты это *делаешь?*

— Ну, — Роза выплеснула воду на грязный дворик возле своего дома. Дом, подобно большинству обиталищ ведьм, стоял в стороне от деревни. — Ну...

Ведьма выпрямилась и огляделась вокруг, словно искала ответ. Или овцу. Или полотенце.

— Видишь ли, нужно кое-что знать, — сказала она наконец и посмотрела на Ящерку одним глазом. — Знать о силе.

Второй Розин глаз смотрел в сторону. Иногда Ящерке казалось, что ведьмин взгляд живет в левом глазу Розы, временами — что в правом, но всегда один ее глаз смотрел прямо, тогда как второй разглядывал что-то в другой стороне. За углом. Где-то там.

— Что за сила?

— Вот эта, — промолвила Роза.

И, как только овца скрылась из виду, вошла в дом. Ящерка поспешила за ней, но лишь до порога. Без приглашенья к ведьме не заходят.

— Ты говоришь, что сила у меня есть, — сказала Ящерка в дымные сумерки хижины.

— Я говорила: в тебе сила есть, великая сила, — откликнулась ведьма из тьмы. — Тебе это тоже известно. Я не знаю, что ты будешь с этим делать. Ты — тоже. Потом станет ясно. Но силой достаточной, чтобы дать себе имя, ты не владеешь.

— Почему? Что может быть более твоим, чем собственное истинное имя?

Длительное молчание.

Потом ведьма вышла на свет с клубком грязной шерсти и веретеном из мыльного камня. Ведьма устроилась на скамье возле входа, веретено закрутилось. Она намотала примерно ярд серо-бурой пряжи, прежде чем решила ответить.

— Мое имя — моя суть. Истина такова. Но какова же суть имени самого по себе? Имя — как меня называют другие. Если нет вокруг никого, только я, зачем же мне имя?

— Но... — сказала Ящерка и замолчала, удивленная доводом ведьмы.

Затем спросила:

— Значит, имя должно стать подарком?

Роза кивнула.

— Дай мне имя.

— Твой отец сказал: нет.

— Но я говорю: да.

— Здесь — он Хозяин.

— Он может позволить мне жить в бедности и неведении. Он может не давать мне быть кому-нибудь нужной. Но не дать мне имени он не может!

Ведьма по-овечьи вздохнула, горестно и тяжело.

— Ночью, — произнесла Ящерка. — У нашего родника под Холмом Ириа. То, чего он не знает, ему не повредит.

Ее голос звучал хрипло и дико.

— Для имени нужен день, — сказала ведьма. — Подходящий день, праздник, танцы. Имя дают на рассвете. А потом — музыка, пиршество и все прочее. А красться в ночи, чтоб никто не узнал...

— Я буду знать. Роза, а как же ты узнаёшь, какое имя назвать? Вода говорит тебе?

Ведьма качнула седой головой.

— Не могу рассказать.

Но ее «не могу» не значило «не расскажу». Ящерка подождала.

— Я говорила тебе, это — сила. Имя просто приходит, и все.

Роза бросила пряжу, обратив один глаз к западным облакам; второй глаз смотрел скорее на север.

— Ты — там, в воде, вместе с ребенком, вдвоем. Ты забираешь детское имя. Люди и дальше могут им пользоваться в обиходе, но ребенка больше так не зовут, и никогда не называли. Дитя больше уж не дитя, имени ему нет. И тогда нужно ждать. Просто ждать. Распахнуть свои мысли, как... как двери, чтобы впустить в дом ветер. И имя придет. Твой язык произнесет его. Дыхание слепит его. И ты передашь имя ребенку, имя, дыхание. Имя придумать нельзя. Имя нужно впустить. Имя должно перейти от тебя к ребенку, которому будет принадлежать. Вот, что такое сила, вот так она действует. Так действует всё. Сделать самому нельзя. Нужно знать, как позволить свершиться. Вот, что такое мастерство.

— Маги могут и больше, — сказала Ящерка.

— Никто не может большего, — возразила Роза.

Девочка покрутила головой, потянулась, пока не хрустнули позвонки, размяла затекшие руки и ноги.

— И ты? — спросила она.

Роза кивнула.

Они встретились во тьме ночи на лугу у подножья Холма Ириа. После заката прошло много времени, но рассвета ждать было слишком долго. Роза сотворила тусклый призрачный огонек, достаточный чтобы пройти по болоту, не рискуя свалиться в трясину, притаившуюся в тростниках.

В холодном мраке под редкими звездами и черным изгибом холма они сорвали с себя одежду и погрузились в темную воду, ноги их утонули в мягкой, как бархат, грязи. Ведьма коснулась руки девочки со словами:

— Я забираю у тебя имя, дитя. Больше ты не дитя. Имени тебе нет.

Все вокруг замерло.

И в неподвижности и тишине прошуршал шепот ведьмы:

— Женщина, прими имя. Ты — Ириан.

Мгновением дольше продержалось затишье; затем ночной ветер ударил их по обнаженным плечам. Дрожа, они выбрались обратно на берег, как сумели, обтерлись ладонями, босиком, цепляясь за спутанные корни и острые листья тростника, вышли вновь на лужайку. И там Ящерка заговорила яростным, злобным шепотом:

— Ты ошиблась. Это не мое имя. Я думала, что мое имя сделает меня мной. Но стало только хуже. Ты неправильно выбрала. Ты — только ведьма. Ты сделала все неправильно. Это *его* имя. Пусть он его и носит. Он так гордится ими — своим дурацким поместьем, своим глупым дедом. Мне это имя не нужно. Я не буду носить его. Это не я. Я по-прежнему не знаю, кто я. Я — не Ириан! — И, произнеся свое имя, она вдруг замолчала.

Ведьма ей не ответила. Бок о бок они шли в темноте. Наконец испуганным умоляющим голосом Роза сказала:

— Имя пришло так...

— Скажешь кому-то — убью! — отозвалась Ящерка.

Ведьма застыла на месте. Прошипела, как разозленная кошка:

— ***Скажешь*** кому-то?

Ящерка тоже остановилась. Замешкалась. Пробурчала:

— Прости. Но я чувствую себя так... словно ты предала меня.

— Я лишь сказала тебе твое истинное имя. Оно было не тем, каким я ожидала. И мне совсем не легко. Как будто я что-то не доделала, не завершила. Но это — твое имя. Если оно предает тебя, значит, такова истина, — ведьма помедлила, потом заговорила чуть менее сердито, чуть более холодно. — Если тебе нужна сила, чтобы предать меня, Ириан, я тебе ее предоставлю. Мое имя — Этаудис.

Вновь поднялся ветер. Женщины задрожали, стуча зубами. Они стояли лицом к лицу на темной поляне, едва различая друг друга во мраке. Ящерка слепо протянула ладонь вперед и наткнулась на ведьмино запястье. И они обвили друг друга руками в яростном, долгом объятии. Затем заторопились домой; ведьма — в хижину на отшибе, наследница Ириа — вверх по холму, в свой разрушенный дом, где собаки, всегда пропускавшие ее без единого звука, проводили девочку таким бешеным лаем, что разбудили всех, но только не Хозяина, отупевшего от вина и своего замерзшего сердца.

2. Слоник

Хозяин Ириа на Западном Окоеме Граб не владел старым домом, но зато он владел центральной и самой богатой землей бывшей старой усадьбы. Его отца больше интересовали виноградники и сады, чем свары с родней, и он оставил Грабу большое наследство. Граб нанял людей для работ на фермах, винодельнях, бондарнях, конюшне и прочих участках своего большого хозяйства, и теперь наслаждался собственным благополучием. Он женился на застенчивой дочери младшего брата Лорда Путевого Пролива. Ему нравилось думать, что в жилах его дочерей теперь тоже течет знатная кровь. Ну а если стремишься жить среди знати, делать нечего: необходимо иметь на службе мага, настоящего мага, с посохом, в сером плаще, с выучкой на Острове Мудрых... Так что Хозяин Ириа на Западном Окоеме заполучил себе мага с острова Рок. Он подивился: как легко добиться желаемого, если хорошо заплатить.

Молодого человека звали Слоник, и, по правде сказать, ни посоха, ни плаща при нем не было. Он объяснил, что стоит ему вернуться на Рок, как его посвятят в высшие маги. Что учителя послали его набраться опыта, поскольку никакие уроки в Школе не дадут того опыта, какой необходим человеку для того, чтобы стать настоящим магом. Тут Граб усомнился в возможностях приобретения, но Слоник заверил его, что учеба на острове Рок предоставила в его распоряжение любую магию, какую ни пожелай, и в доказательство сотворил стадо оленей, прошествовавших через обеденный зал. Следом летели лебеди, чудесным образом появлялись они из одной стены дома и растворялись в другой. А посреди стола вдруг возникла чаша фонтана. Чаша была серебряной. И когда Хозяин с семейством подставили кубки под струи фонтана, там оказалось сладкое золотистое вино. «Вино из Андрад», — сообщил молодой человек со скромной улыбкой. Жена и дочери были сражены наповал. А Граб решил, что юнец достоин той платы, что он выложил за него, хотя и предпочитал красное сухое фаньянское с собственного виноградника. Граб считал, что если упиться фаньянским, то потом будешь пьян, а желтую жидкость держал за медовую водицу. Но промолчал.

Если юный волшебник и жаждал набраться жизненного опыта, то выбрал, явно, не тот город. Когда бы ни приезжали к Хозяину гости — из Кембермоута или соседних поместий, — на столе неизменно являлся фонтан с золотистым вином, а по залу бродили олени и летали лебеди. Иногда случалось быть фейерверку — весенними теплыми вечерами. Но когда приходили управляющие виноградниками и садами и спрашивали, не сделает ли уважаемый маг что-нибудь для того, чтобы груши в этом году уродились богаче, или черная гниль не коснулась корней фаньянской лозы, Граб отвечал, что негоже магу с самого Рока опускаться до подобных вещей. «Идите к деревенским колдунам, пусть займутся своими делами!» И когда младшая дочь слегла с сильным кашлем, жена Граба не осмелилась потревожить юного мудреца, а послала за Розой из Старого Ириа и попросила ее пропеть над девочкой заклинания. И пройти попросила через заднюю дверь. Слоник даже не заметил, что девочка поправилась, как не замечал ни грушевых деревьев, ни виноградной лозы. Он был сам по себе, как и следует быть человеку великого мастерства и глубоких познаний. Дни напролет он проводил, разъезжая на гнедой красивой кобылке. Кобылку ему предоставил наниматель, когда Слоник дал понять, что не для того он прибыл с Рока, чтобы таскаться пешком в пыли и грязи деревенских дорог.

В этих поездках случалось ему проезжать мимо старого дома на гребне холма среди огромных дубов. Однажды он свернул на дорожку, ведущую вверх по холму, и тут же его облаяла свора тощих и злобных псов. Лошадь боялась собак и могла понести, так что впредь Слоник старался держаться на расстоянии от странного места. Но, неравнодушный к прекрасному, все же любил смотреть, как дремлет старый дом, нежась под летним солнцем.

Слоник расспросил Граба.

— Это Ириа, — сказал тот. — Старый Ириа, — поправился хозяин. — Я владею тем домом по праву. Спор идет уже не первый век, вот мой дед и решил отдать этот дом, чтобы уладить распрю. Но с тамошним Хозяином мы спорили бы и до сих пор, если бы он хоть на пару дней мог воздержаться от пьянства. Не видел его, пожалуй, несколько лет. Кажется, у него есть дочь.

— Зовут Ящеркой, и она делает всю работу по дому, я видела ее как-то раз. Высокая и красивая, как цветущее дерево, — сказала младшая из дочерей, Роза. И замолчала, закашлявшись. Ее мать настороженно посмотрела на мага, в ее глазах была боль. Может, на этот раз он обратит внимание на кашель? Маг улыбнулся маленькой Розе, сердце матери потеплело. Ведь не стал бы он улыбаться, если бы кашель был очень серьезен?

— С нами они не желают знаться, все сидят в старой усадьбе, — сказал с отвращением Граб.

Тактичный Слоник больше ни о чем не спрашивал. Но ему захотелось увидеть девушку, прекрасную, как цветущее дерево. Он регулярно стал проезжать мимо старого Ириа. Он попытался остановиться в деревне у подножья холма, чтобы задать пару-тройку вопросов, но там негде было останавливаться и некому задавать вопросы. Ведьма, чьи глаза были словно два наглухо закрытых окна, только раз посмотрела на Слоника и убралась в свою хижину. Подниматься на холм означало встретиться со сворой злобных собак и, возможно, с пьяницей-стариком. Но попробовать стоило, решил Слоник. Он устал от скучной жизни На Западном Окоеме и любил рисковать. Он поехал на холм и не останавливался, пока свора собак не набросилась на него, в ярости кусая лошадь за бабки. Лошадка рвалась и лягалась, и Слоник мог удержать ее только лишь силой рук и сдерживающего заклинания. Псы прыгали и хватали зубами уже ноги Слоника, и он был совсем готов задать стрекача, когда кто-то разметал злую свору, выкрикивая в их адрес ругательства и раздавая удары ремнем. Когда Слонику удалось успокоить взмыленную перепуганную кобылку, он увидел девушку, прекрасную, как цветущее дерево. Она была очень высокого роста, покрыта потом и пылью, и у нее все было крупное — ноги, руки, рот, нос и глаза, а волосы на голове были грязны и неухожены. Девица истошно орала на скулящих, поджавших хвосты собак:

— Прочь! В дом, вы, падаль, сукины дети, предатели!

Слоник прижал руку к правой икре. Собачьи зубы разорвали штанину и кожу на голени, и теперь из нее текла кровь.

— Она ранена? — спросила дикарка. — Ну вы, крысоеды и паразиты!

Она ощупала ногу, но не его — лошадиную. Ладони ее испачкались в замешанном на крови поту.

— Ну-ну, ты же храбрая девочка, ты отважное сердце...

Лошадка облегченно опустила голову и задрожала.

— Ты почему не позволил ей сбежать от собак? — негодующе поинтересовалась девица.

Она стояла на коленях у лошадиных ног и смотрела на Слоника снизу вверх, а он разглядывал ее сверху вниз, сидя в седле, и чувствовал себя глупым коротышкой. Ответа дикарка решила не ждать.

— Я отведу ее, — сказала она, поднимаясь с колен и берясь за поводья.

Слоник сообразил, что девица считает, что он должен спешиться. Он так и сделал, спросив:

— Все так плохо?

Он уставился на ногу лошадки, но видел там лишь ярко-кровавую пену.

— Идем со мной, любовь моя, — сказала дикарка. Но не ему.

Лошадка доверчиво пошла следом за ней. Слоник пристроился в хвост процессии. Они поднялись по тропе, ведущей вверх по холму к старой конюшне, где в стойлах не было лошадей. Строение заселяли лишь ласточки, свившие гнезда под крышей, они носились над их головами, обсуждая событие.

— Подержи ее, — приказала девушка и ушла, бросив Слоника цепляться за поводья кобылы в безлюдной пустыне. Вскоре она вернулась, волоча бадью с водой и принялась обмывать ногу лошади.

— Расседлай ее, ты, дурак! — сердито сказала она, и Слоник повиновался, одновременно заинтересованный и обиженный грубой юной великаншей.

Ему вовсе не показалось, что она напоминает цветущее дерево, но девушка была прекрасна на особый яростный лад. Кобыла слушалась ее беспрекословно. «Подвинь ногу», — сказала девица, и лошадь послушно переступила. Юная великанша обтерла лошадку, накрыла попоной и убедилась, что лошадь стоит не в тени.

— С ней все будет в порядке, — сказала она. — Там глубокая рана, но если промоешь соленой водой — в день раз

пять, можно четыре — все заживет. Прости меня, — голос у нее был честный, хотя и ворчливый, как будто она никак не могла взять в толк, как ему удалось заставить собаку напасть на лошадь. Девушка впервые посмотрела ему в глаза. У нее самой глаза были странного цвета, коричневато-оранжевые, как темный топаз или янтарь. Странные были глаза, и ей не приходилось запрокидывать голову, чтобы смотреть Слонику прямо в лицо.

— Я тоже прошу прощения, — сказал молодой человек, стараясь говорить легко и беззаботно.

— Среди кобыл Западного Окоема она — просто Ириан, — непонятно ответила девушка. — Так значит, ты маг?

Он поклонился:

— Слоник из Великого Порта Хавнора, к вашим услугам. Не могу ли я...

Она перебила:

— Я полагала, ты — с острова Рок.

— Так и есть, — сказал он, возвращая себе хладнокровие.

Мгновение девушка рассматривала его странными глазами: взгляд их столь же трудно читаем, как и взгляд овцы, подумал Слоник. А потом она не сдержалась:

— Ты там жил? Там учился? Ты знал Архимага?

— Да, — сказал он с улыбкой. Затем поморщился и нагнулся, чтобы прижать ладонь к саднящей ноге.

— Ты ушибся?

— Пустяк, — сказал он. И правда, порез уже не кровоточил.

Девушка вновь посмотрела ему прямо в лицо.

— И каково это... ну, на что похоже... на Роке?

Легонько прихрамывая, Слоник подошел к обломку скалы и уселся. Вытянул ногу, чтобы не так болело, и посмотрел на девушку.

— Понадобится много времени, чтобы суметь рассказать, на что похож Рок, — сказал он. — Но я с удовольствием...

— Этот человек — маг или что-то вроде того, — произнесла ведьма Роза. — Маг с Рока! Не спрашивай его ни о чем!

Она была перепугана.

— Ничего, он не обиделся, — заверила ее Ящерка. — Только едва ли он смог бы ответить.

— Конечно же, нет!

— Почему нет?

— Потому что он — маг! Потому что ты — женщина, не владеющая ни искусством, ни знаниями, ни познанием!

— Ты могла бы меня научить! Но ведь ты не учила!

Роза щелкнула пальцами, прогоняя все, чему она научила девочку или могла научить.

— Что ж, придется мне поучиться у него, — сказала Ящерка.

— Маги женщин не учат. Ты сдурела.

— Вы с Ракитником обмениваетесь заклинаниями.

— Ракитник — деревенский колдун. А этот — мудрый. Он учился Высокому искусству в Великом Доме на острове Рок!

— Он сказал мне, как это бывает, — сказала Ящерка. — Ты идешь через город, город Твил. В стене открывается дверь. Вернее, дверь закрыта. И похожа на самую обыкновенную дверь...

Ведьма слушала, не в силах противиться соблазну тайны и яду страстного желания.

— Ты стучишь, и к тебе выходит старик. Он похож на самого обыкновенного старика. И задает тебе задачу. Нужно произнести особое слово, пароль, и тогда он пропускает тебя. Если не знаешь слова, то внутрь тебе не попасть. Но если он пропустит тебя, то увидишь, что с той стороны, изнутри дверь — совершенно иная. Она сделана из кости, и на ней вырезано дерево, а дверная рама сделана из зуба... из цельного драконьего зуба. Дракон этот жил давно-давно, до Эррет-Акбе, до Морреда, до людей Земноморья. В начале начал, когда существовали лишь драконы. Этот зуб отыскали на Хавноре, на горе Онн, в центре мира. А листья на том дереве вырезаны столь тонко, что сквозь них светит солнце, но дверь столь крепка, что если Привратник закроет ее, то нет такого заклинания, что могло бы открыть дверь. А потом Привратник проводит тебя по коридору, затем по другому, пока у тебя не начинает кружиться голова, а потом ты вдруг оказываешься под открытым небом. Во Дворе с Фонтаном, в самом центре Большого Дома. И там тебя встретит Архимаг, если, конечно, в это время он окажется там...

— Продолжай, — прошептала ведьма.

— Вот и все, что он мне сказал, — Ящерка будто очнулась.

Они с Розой все так же сидели на знакомой лужайке, день был теплый, весенний, а девять овец общипывали траву Холма Ириа, увенчанного бронзовой кроной дубов.

— Когда речь заходила о Мастерах, он был так осторожен...

Роза кивнула.

— Но он рассказал мне о некоторых учениках.

— Полагаю, вреда в этом нет.

— Не знаю, — сказала Ящерка. — Было очень здорово слушать о Великом Доме, и я думала, что же за люди должны жить там... не знаю. Конечно, они всего лишь дети, мальчишки... в основном. Но я думала, что они...

Ящерка посмотрела на стадо овец на холме, на лице ее была написана озадаченность.

— Некоторые из них дрянны и глупы, — сообщила она тихим голосом. — В школу они попали лишь потому, что у них много денег. И учатся лишь для того, чтобы раздобыть еще больше денег или добиться власти.

— Разумеется, так, — ответила Роза, — для чего же еще?

— Ты сама говорила, власть вовсе не то, что заставить людей исполнять любые желания... или платить...

— Неужели?

— Конечно!

— Если словом можно лечить, значит, словом можно и ранить, — промолвила ведьма. — Раз рука убивает, то может и исцелить. Плоха та телега, что знает лишь одно направление.

— Но на Роке учатся силе не для выгоды, не для вреда.

— Я бы сказала, что все происходит ради какой-нибудь выгоды. Людям хочется жить. Но что я могу знать об этом? Всю свою жизнь я лишь делала то, что умела. Я не путалась ни с Великим искусством, ни с опасным ремеслом, как, например, вызов мертвых, — Роза сотворила охранный знак.

— Все опасно, — теперь Ящерка разглядывала не овец, не холм, не деревья, она смотрела в бесцветную пустоту предрассветного неба.

А Роза разглядывала ее. Она знала, что даже ей неизвестно, кем является Ящерка на самом деле, или кем она может являться. Крупная, сильная, невежественная и невинная, наводящая страх, сердитая женщина, да. Но с ее детских лет Роза видела в ней нечто большее, нечто, скрывающееся за внешним обликом. И когда Ириан отворачивалась от мира вот так, как сейчас, то казалось, будто она удаляется в края, а может быть, времена, а может быть, состояния, о котором Роза не знала ровным счетом ничего. И тогда Роза пугалась ее и пугалась за нее.

— Береги себя, — мрачно промолвила ведьма. — Все опасно, а путаться с магами — пуще всего.

Из любви, уважения и доверия Ящерка не пропускала мимо ушей предупреждений Розы, но поверить, что Слоник мог быть опасен... нет, не могла. Да, она его не понимала, но мысль о том, что его — лично его! — нужно бояться, не удерживалась в голове. Она пыталась его уважать, безуспешно. Она думала, как он умен и красив, но мысли шли лишь о том, что он мог рассказать. Он знал то, что ей хотелось узнать, пересказывал по кусочкам, но при этом говорил совсем не о том, а ей хотелось знать больше и больше. Он был терпелив с ней, и за это она была ему благодарна, потому что соображал Слоник гораздо быстрее нее, и она это знала. Иногда его веселило ее неведение, он улыбался, но не насмехался и не дразнил. Как и ведьме, ему нравилось отвечать на вопросы вопросом; но ответы на Розины вопросы Ящерка всегда знала, а ответами на вопросы Слоника были вещи, которые Ящерка не могла даже вообразить. Это пугало, причиняло странную боль, меняло все, во что она верила раньше.

День за днем во время бесед на конюшне, где они привыкли встречаться, Ящерка задавала вопросы, а Слоник отвечал, неохотно, всегда отрывочно, неполно; она думала, что юноша покрывает своих Мастеров, защищает яркий образ острова Рок, пока как-то раз он не сдался и впервые не заговорил без обиняков.

— Там есть хорошие люди, — сказал он. — Архимаг, тот определенно был мудр и велик. Но он ушел. А Мастера... Некоторые держатся в стороне, следуют тайным знаниям, пытаясь узнать все больше имен, все больше образов, но они тратят знания впустую. Есть другие, что под серым плащом прячут амбиции. Остров Рок — уже давно не средоточие силы и власти Средиземья. Сила теперь живет на Хавноре при Королевском дворе. А Рок живет лишь своим прошлым, охраняемый тысячами заклинаний от внешнего мира. А что же внутри магической стены, что же там?! Страх новизны, боязнь молодости, бросающей вызов засилию стариков. А внутри — ничего. Пустой двор. Архимаг никогда не вернется.

— Откуда ты знаешь? — прошептала Ящерка.

Слоник глянул сурово:

— Дракон унес его прочь.

— Ты видел? Ты сам это видел? — Ящерка стиснула ладони, вообразив тот полет.

Лишь долгое время спустя она вновь очутилась на конюшне, где царили солнечный свет, ее мысли и тайны.

— Хорошо, он исчез, — сказала она. — Пусть так. Но не могут же все Мастера быть дураками?

На губах Слоника заиграла тень меланхоличной улыбки.

— Видишь ли, стоит при свете дня посмотреть на тайны и мудрость Мастеров, то увидишь, как мало они значат. Фокусы, милые сердцу иллюзии. Кто может винить их? В жизни так мало воистину ценного и прекрасного.

И в качестве иллюстрации к сказанному он взял камешек, обломок брусчатки, и подбросил в воздух, пробормотав под нос слово — камень стал бабочкой с синими хрупкими крыльями. Слоник вытянул палец, бабочка опустилась ему на руку и упала на землю лишь камнем.

— В моей жизни прекрасного нет совсем, — сказала Ящерка, разглядывая выложенный камнем пол старой конюшни. — Я умею лишь управляться с хозяйством, стараться выжить и говорить правду. Но если бы я решила, что на острове Рок — только фокусы и вранье, я бы стала всех их ненавидеть за то, что дурачат меня, дурачат всех нас. Не может все это быть ложью. По крайней мере не все. Архимаг вошел в лабиринты Беловолосых и вернулся к нам с Кольцом Мира. Он вошел в страну мертвых с молодым королем, победил волшебника-паука и вернулся. Нам об этом рассказывал сам король. Даже здесь арфисты поют песни, а сказители рассказывают легенды...

Слоник печально кивнул.

— Но Архимаг потерял свою силу во владениях смерти. Может быть, тогда и ослабла магия?

— Заклинания Розы работают как обычно, — решительно заявила Ящерка.

Слоник улыбнулся. Ничего не сказал, но Ящерка поняла, как забавны тому, кто познал великую силу, кому подвластны деянья героев, дела деревенской колдуньи. Ящерка вздохнула и сказала от всего сердца:

— Ах, если бы только я не была женщиной!

Слоник улыбнулся опять.

— Ты красивая женщина, — сказал он, но не пытаясь заигрывать с ней. Один раз он уже попытался, и она дала понять, что ей это противно. — Зачем тебе быть мужчиной?

— Я смогла бы поехать на Рок! Увидеть и научиться! Ну почему туда пускают только мужчин?

— Так повелел самый первый из Архимагов столетья назад, — сказал Слоник. — Но я тоже часто задавал себе этот вопрос...

— Правда?

— Часто. День за днем в Великом Доме, во всех закоулках Школы видишь только юношей и мужчин. Знаешь, ни одной горожанке не дозволено даже ступить на землю острова Рок. Может быть, раз в год какой-нибудь знатной даме разрешат ненадолго зайти во внешний двор... Почему так? Что, все женщины — неспособные дуры? Или же мастера боятся их, боятся, что их развратят и испортят... нет, боятся признать, что женщины могут изменить правила, над которыми они так трясутся... чистоту этих правил...

— Женщины могут жить, не совокупляясь, как и мужчины, — грубовато откликнулась Ящерка.

Она знала, что простовата и недалека, там где Слоник проявлял чудеса утонченности и рассудка, но не знала другого способа жить.

— Конечно, — согласился Слоник с блистательнейшей из улыбок. — Но ведьмы далеко не всегда целомудренны, верно?.. Может быть, именно этого так боятся все Мастера? Может быть, целомудрие вовсе не так обязательно, как учит нас Правило Рока? Может быть, и не надо хранить силу для себя самого, в чистоте и неприкосновенности? Не считаться с женщинами, не считаться с теми, кто не согласен стать евнухом ради величия... Кто знает? Женщина-маг! Вот кто опрокинет все правила и изменит порядок, все переменит!

Ящерка видела, как его мысли несутся легкой рысью далеко впереди ее размышлений, как Слоник играет идеями, превращает их то в одно, то в другое, как когда-то превратил камешек в мотылька. Ящерка не могла станцевать вместе с ним этот танец, не могла играть вместе с ним в эти игры, и поэтому была лишь восторженным зрителем.

— Ты могла бы отправиться на остров Рок, — возвестил Слоник, чьи глаза сияли от возбуждения, озорства, детской

смелости. Поскольку ответом ему было недоверчивое молчание, Слоник повторил, — Ты могла бы. У тебя — храбрость, воля и сердце мужчины. Ты могла бы войти в Великий Дом. Я уверен.

— И что мне там делать?

— Что и прочим. Жила бы одна в каменной келье и училась, как стать очень мудрой! Может быть, это не совсем то, о чем ты мечтала, но этому тебя тоже научат.

— Я не могу. Они все узнают. Я не смогу даже войти внутрь, там привратник, ты говорил. Я не знаю нужного слова...

— Да, пароль. Но я мог бы тебя научить.

— Правда, мог бы? Это можно?

— А мне наплевать на запреты, — сказал Слоник с хмурой миной; Ящерке не приходилось видеть его таким. — Архимаг сам говорил: правила созданы для того, чтобы их нарушать. Несправедливость пишет законы, смелость их нарушает. У меня хватит смелости, если хватит у тебя!

Ящерка лишь разглядывала его. Говорить она не могла. Потом встала и вышла наружу, спустилась с холма по тропинке. Одна из собак, любимица, крупная, тяжелоголовая и уродливая гончая, увязалась за ней. Ящерка остановилась на обрыве над родником, в котором десять лет назад Роза отыскала ей имя. Собака уселась рядом и стала смотреть хозяйке в лицо. В голове у Ящерки было пусто, ни одной мысли, лишь вертелись все время слова «я могла бы поехать на остров Рок и выяснить там, кто же я...»

Она посмотрела на запад: тростники и ракитник, а дальше — холмы. И небо, прозрачное до пустоты. Ящерка замерла, и душа ее улетела, казалось, на небо, и она лишилась души.

Она услышала шорох, мягкий топот копыт вороной лошадки. Тогда Ящерка вновь стала сама собой, и окликнула Слоника, и побежала навстречу ему.

— Я поеду, — сказала она.

В планы Слоника не входило подобное путешествие, не собирался он уезжать, тем более на Рок, но затея была столь безумна, что захватила его сильнее, чем ему того хотелось. Перспектива долгой, серой зимы на Западном Окоеме угнетала и камнем ложилась на сердце. Здесь его ничего не держало, лишь девчонка по имени Ящерка, о которой он только

и думал. Его поражала невинная, невероятная сила ее, и он делал то, что хотела она, потому что когда-нибудь она сделает то, что захочется уже ему, и игра, он считал, стоит свеч. Если Ящерка убежит вместе с ним, то игра уже оправдает себя, это будет его победа. Если же, шутки ради, ей все же удастся пробраться в Школу на Роке... что ж, шансов мало, но он будет рад щелкнуть по носу Мастеров и их лизоблюдов. А если вообще все получится, если он действительно сможет провести женщину через дверь — пусть на мгновенье — как сладка будет месть!

Деньги были проблемой. Девчонка, конечно же, вообразила, будто он — величайший из магов — щелкнет пальцами, и они поплывут по волнам на магической лодке, подгоняемые наколдованным ветром. Но когда Слоник сообщил, что им следует оплатить переезд через море, Ящерка просто сказала:

— У меня есть сырные деньги.

Он ценил ее грубоватую и простую манеру решать все вопросы. Иногда Ящерка просто пугала его, и он негодовал. В его грезах она никогда не поддавалась ему, это он уступал ее яростной, разрушительной нежности, утопал в обжигающих страстных объятиях. В этих снах она была существом, стоявшим выше всякого понимания и разумения, а он был ничем и никем. Он пробуждался от снов, пристыженный и потрясенный. При свете дня, когда он смотрел на ее крупные руки, когда слышал ее деревенскую речь, он вновь возносился над неотесанной простушкой. Ему лишь хотелось, чтобы среди его друзей и подружек на Хавноре нашелся хотя бы один, который сумел бы так просто отдать «сырные деньги», деньги, заработанные на продаже сыра...

— У меня есть сырные деньги, — повторил Слоник, когда возвращался на Западный Окоем верхом, и рассмеялся. — Действительно есть.

Вороная лошадка дернула ухом.

Слоник сказал Грабу, что получил послание от учителя, что должен как можно скорее уехать, что, конечно, обязан молчать о цели поездки, но вернется он скоро, через месяц, две недели туда, две — обратно, сев еще не начнется, а он будет здесь. И он намерен просить Хозяина Граба выдать деньги вперед для оплаты отдельной каюты на корабле и

пропитание, ибо магу с острова Рок не пристало пользоваться обстоятельством, что он может заставить людей повиноваться себе, нет, он должен платить, как обычные люди. Граб согласился и выдал Слонику кошелек. Это были первые настоящие деньги, что Слоник подержал в руках за этот год — десять пластинок слоновой кости, на одной стороне была вырезана фигурка Выдры из Шелиета, с другой — Руна мира как знак Короля Лебаннена.

— Привет, тезки, — сказал Слоник этим пластинкам, как только остался с ними наедине. — Рад вас видеть. Вы и сырные деньги неплохо сложитесь.

При Ящерке он не стал распространяться о планах, в основном потому, что он их не строил, полагаясь скорей на удачу и собственный ум — они его редко когда подводили. Да и Ящерка задала лишь пару вопросов. Первый:

— Пока мы не ступим на остров Рок, я все время буду мужчиной?

— Да, — кивнул Слоник, — но пока я не буду накладывать чар подобия, ты просто переоденешься.

— А я думала, чары Изменения...

— Это было бы не слишком мудро, — ответил он, неплохо имитируя выразительную торжественность речи Мастера Перемен. — Разумеется, коли придет необходимость, я применю эти чары. Но тебе надо знать, что маги лишь изредка прибегают к столь мощным чарам. На то есть причина.

— Равновесие, — откликнулась Ящерка, привычно воспринимая его слова самым простым и незатейливым образом.

— И еще потому, может быть, что заклятия уже не имеют той силы, что имели когда-то, — сказал он. Слоник сам не понимал, зачем ему так было нужно ослабить ее веру в магию; может быть, потому что любая брешь в ее силе, в ее целостности, для него оборачивалась выгодой. Он начал с того, что решил затащить девчонку в постель, уж в эту игру он играть обожал. Игра превратилась в соревнование, этого он не ожидал, но остановиться уже не мог. И тогда он решил: не выиграть у Ящерки, но победить. Он не мог отдать ей победу. Он обязан был доказать и ей, и себе самому, что в его снах не было ни малейшего смысла.

Однажды ему стало так невтерпеж, что он сотворил заклинание, колдовское заклятье влечения, к которому отно-

сился с презрением, но не брезговал пользоваться при случае. Потому что знал, насколько оно действенно. Он положил на Ящерку чары, когда та чинила подойник. Результат превзошел ожидания и сильно отличался от того, что Слоник получал на Хавноре и Твиле. Ящерка погрузилась в молчание. Она перестала расспрашивать о Роке и не отвечала, когда к ней обращались. Когда Слоник осторожно взял ее за руку, она так ударила его по голове, что там все помутилось. Потом встала и зашагала прочь так и не вымолвив ни словечка, а уродливая собака, любимица, потрусила следом за ней. На пороге собака оглянулась на Слоника и оскалила зубы.

Ящерка пошла по дорожке к старому дому. Когда в ушах перестало звенеть, Слоник прокрался за ней, надеясь, что чары сработали, и происходящее — лишь неуклюжая попытка пригласить его в спальню. У самого дома он услышал, как бьется посуда. Потом из дверей выбежал сам Хозяин, пьяный, испуганный и смущенный, а следом раздался громкий и хриплый крик Ящерки:

— Прочь отсюда, вонючий предатель! Пьяная рожа! Гнилой потаскун!

— Она отобрала у меня мою кружку, — сказал Хозяин Ириа незнакомцу, хныча словно щенок, в то время как собака прыгала вокруг них. — И разбила ее!

Слоник убрался восвояси. Дня два он не показывался на холме, а на третий — в качестве эксперимента — проехал мимо Старого Ириа. Ящерка выскочила навстречу.

— Прости, Слоник! — сказала она, глядя снизу вверх глазами цвета дымчатого янтаря. — Я не знаю, что на меня нашло. Я так разозлилась. Но не на тебя. Прости меня.

И он милостиво даровал ей прощение. Но не предпринимал попыток повторить заклинание.

Вскоре — так он решил — заклинания не понадобятся. Он получит над Ящеркой власть. Настоящую власть. Она сама подарит ее ему. Ее сила и воля невероятны, но, по счастью, она глупа, а он — нет.

Граб отсылал в Кембермоут телегу с шестью бочками десятилетнего фаньянского для тамошних виноторговцев. Он был рад, что маг отправится вместе с грузом, потому что вино было ценное, а на дорогах по-прежнему грабили, хотя юный король и старался уладить дела побыстрее. Так что

Слоник выехал с Западного Окоема на огромной телеге, запряженной четверкой тяжеловозов. У подножья холма с обочины неуклюже поднялся человек и попросился в телегу.

— Я не знаю тебя, — возница взялся за кнут, но Слоник остановил его.

— Пусть едет, добрый человек. От него не будет вреда, покуда я рядом.

— Тогда присматривайте за ним, господин.

— Хорошо, — кивнул Слоник и подмигнул Ящерке.

Одетая в старые фермерские штаны и рубаху, вымазанная в грязи, в надвинутой на глаза отвратительной войлочной шапке, Ящерка не подмигнула в ответ. Она продолжала играть свою роль, даже когда они со Слоником сидели бок о бок, свесив ноги за борт телеги, а между ними и сонным возницей возвышалась гора бочек с вином. Мимо плыли холмы и поля. Слоник попытался ее успокоить, но Ящерка лишь покачала в ответ головой. Может быть, ее испугала их выходка, и теперь она пожалела, что ввязалась в эту затею? Трудно было понять. Ящерка мрачно молчала. Слоник подумал, что если ему хоть когда-то удастся подмять эту женщину под себя, это будет достаточно утомительно. Такая мысль беспокоила Слоника, но он покосился на Ящерку, и мысль умерла, не развившись в уверенность.

На дороге, пересекавшей то, что когда-то звалось доменом Ириа, не было ни одной гостиницы. Когда солнце зависло над западными равнинами, они устроились на ночь в фермерском доме, чей хозяин смог предложить стойло для лошадей, навес для телеги и солому в конюшне для ездоков. На сеновале было темно и душно, а солома подгнила. У Слоника даже мысли не появилось о флирте, хотя Ящерка лежала всего в трех шагах от него. Она так вошла в роль мужчины, что практически убедила и Слоника. Может быть, думал он, ей в конце-то концов и удастся одурачить напыщенных стариков с острова Рок. Слоник ухмыльнулся и крепко заснул.

На следующий день их пару раз настигала гроза, а на закате они добрались до Кимбермоута, портового города, огороженного длинной стеной. Они распрощались с возницей и пешком добрались до гостиницы у причалов. Ящерка озиралась по сторонам, но молчала, и молчание могло

означать как страх, так и неодобрение, а скорее всего — флегматичность.

— Симпатичное поселение, — сказал Слоник, — но в мире есть лишь один город — Великий Порт Хавнора.

Бесполезно. Попытка хоть чем-нибудь поразить Ящерку провалилась. Она лишь сказала:

— Корабли ведь не часто заходят на Рок? Мы не скоро найдем тот, что отвезет нас туда, ты как думаешь?

— Скоро, если при мне будет посох, — откликнулся Слоник.

Ящерка огляделась по сторонам и вновь зашагала вперед, о чем-то задумавшись. Она была грациозна и очень красива.

— Ты хочешь сказать, что все повинуются магу? Но ты — не маг.

— Это формальность. Мы, волшебники классом пониже, имеем право носить посох, если заняты делом острова Рок. А я занят именно этим.

— Тем, что везешь меня в Школу?

— Тем, что везу туда ученика. И талантливого при этом.

Больше вопросов у Ящерки не оказалось. Она никогда не спорила: одна из ее добродетелей.

Но этой же ночью, после ужина в местной гостинице Ящерка с робостью поинтересовалась:

— У меня есть талант?

— Я считаю, что — да, — сказал Слоник.

Ящерка поразмыслила — разговор с ней частенько был делом нескорым — и вдруг сказала:

— Роза всегда говорила, что я владею силой, но не знала, какого рода. А я... я не знаю, что это такое, но знаю, что это так.

— Так вот, ты и едешь на остров Рок, чтобы все разузнать, — сказал Слоник, поднимая бокал. Спустя какое-то время Ящерка подняла свой бокал и улыбнулась так ослепительно и нежно, что Слоник вдруг сказал:

— И пусть то, что ты найдешь, будет единственным, что ты ищешь!

— Если я и найду, то спасибо только тебе, — ответила Ящерка.

В это мгновение Слоник полюбил ее за чистоту и отрекся бы от любой мысли о ней, только как о товарище в опасном мероприятии; галантная шутка.

Им пришлось делить комнату в переполненной гостинице еще с двумя путешественниками, но мысли Слоника были чисты, хоть он и смеялся тайком над собой.

На утро он взял в огороде при кухне стебель травы и превратил его в тонкий посох, окованный медью, длинный, примерно в свой рост.

— Что это за дерево? — полюбопытствовала Ящерка, как только увидела посох, и Слоник ответил со смехом:

— Розмарин.

Ящерка засмеялась. Они прогулялись вдоль пристани, спрашивая о корабле, который шел бы на юг и мог отвезти мага с учеником на Остров Мудрости, и очень скоро отыскали такой — груженый торговец, что собирался в Уотхорт, его капитан был согласен принять на борт мага за просто так и ученика за полцены. Половина цены составляла как раз половину всех сырных денег, но зато они смогли позволить себе великую роскошь — каюту, поскольку «Калан» был двухмачтовым кораблем, у него была даже палуба.

Пока они вели переговоры, на пристань заехала знакомая телега, с которой стали сгружать бочки с фаньянским.

— Это наши, — сообщил Слоник, а капитан добавил:

— В город Хорт.

А Ящерка пробормотала:

— Из Ириа.

А затем оглянулась назад. Так впервые Слоник увидел, чтобы Ящерка обернулась.

Перед самым отплытием на борт поднялся корабельный колдун, не маг с Рока, а просто парень в сером плаще и с обветренным и обожженным солнцем лицом. В знак приветствия Слоник изобразил посохом изысканную завитушку. Колдун оглядел его с макушки до пяток и буркнул:

— На этой посудине только один человек колдует погоду. Если это не я, я пошел.

— Я здесь пассажир, мастер Торговец. И с радостью оставлю ветра под вашим присмотром.

Колдун глянул на Ящерку, та стояла с прямой, словно струнка, спиной и молчала.

— Хорошо, — промолвил колдун.

И это были последние слова, с которыми он обратился к Слонику.

Тем не менее с Ящеркой он говорил. Слоника это пугало. Доверчивость и невежество его спутницы могли подставить ее под удар, а следовательно, и его. О чем они могли говорить? Он спросил, она не скрывала:

— О том, что с нами произойдет.

Он удивился.

— С нами всеми. С людьми с острова Путь, и с Фелквэя, и с Хавнора, и Уотхорта, и с Рока. Со всех островов. Он сказал, что когда прошлой осенью был коронован Король Лебаннен, то король послал на остров Гонт за Архимагом, чтобы тот возложил корону на голову короля. Но Архимаг не пришел. И нового не избрали. Так что король взял и короновал себя сам. И некоторые говорили, что так неправильно, что так нельзя было делать. А другие сказали, что сам король — архимаг. Но он же не маг, всего лишь король. Так что идут разговоры, будто вернутся темные времена, когда правила несправедливость, а магией пользовались во зло.

Слоник помолчал и сказал:

— Это все рассказал тебе старый мастер погоды?

— Об этом все говорят, я так думаю, — откликнулась Ящерка в своеобычной манере.

Но свое ремесло колдун знал отлично. «Калан» резво мчался на юг; на пути их ждали и летние шквалы, и бурное море, но только не шторм и не встречный ветер. Они заходили в порты и брали грузы на северной оконечности О и на островах Илиен, Камери и О Порт, а потом повернули на запад, чтобы доставить пассажиров на остров Рок. И глядя в ту сторону, Слоник ощущал пустоту в животе, слишком уж хорошо ему было известно, как охраняется Рок. Он знал, что ни он, ни мастер погоды не сумеют справиться с ветром Рока, если он дунет навстречу. А если так вдруг случится, Ящерка спросит — а почему? Почему ветер дует нам прямо в лицо?

Он был почти счастлив, когда увидал, что колдун волнуется точно так же, что колдун стоит возле кормчего и все время поглядывает на верхушку мачты, чтобы отдать команду спустить парус при малейшем намеке на западный ветер. Но ветер дул с севера. Ветер нес запах шквала, и Слоник спустился в каюту. Ящерка предпочла остаться на палубе. Она призналась, что боится воды. Она не умела плавать, она сказала:

— Утонуть так ужасно... должно быть. Не дышать воздухом...

Ее передернуло от такой мысли. Это был единственный раз, когда она показала, что чего-то боится. Но каюта, душная, тесная, ей не нравилась тоже, и она целый день проводила на палубе, даже спала там, если ночь была теплой. Слоник даже не пробовал заманить ее вниз. Он уже понял, насколько неэффективен обман. Чтобы обладать Ящеркой, он должен стать ей хозяином; так и будет, если им суждено добраться до острова Рок.

Слоник вновь вышел на палубу. Сквозь скопившиеся на западе тучи, пробилось солнце, золотом высветив небо над высоким горбом скалы.

— Это Скала Рока, приятель, — сказал Ящерке мастер погоды. — Мы войдем в залив Твил. Там дует лишь тот ветер, который заказывают ***они.***

К тому времени, как «Калан» вошел в бухту и бросил якорь, стемнело, и Слоник сообщил капитану:

— Завтра утром я сойду на берег.

В крошечной каюте его ждала Ящерка, молчаливая, как обычно, лишь глаза сияли от возбуждения.

— Завтра утром, — повторил Слоник, и она кивнула в ответ.

Потом спросила:

— Как я выгляжу?

Слоник сел на скамью и стал смотреть на подругу, как та сидит напротив него; им было сложно смотреть друг другу в лицо, потому что колени не помещались в оставшемся между скамьями пространстве. В О Порте Ящерка — по предложению Слоника — купила себе поношенные штаны и рубаху чтобы более походить на кандидата в Школу. Лицо девушки было обожжено солнцем и ветром и отмыто дочиста. Волосы заплетены в косу, а коса подвязана, как и у Слоника. Руки Ящерка тоже отдраила, и сейчас они лежали у нее на коленях, большие сильные руки, так сильно напоминающие мужские.

— На мужчину ты не очень похожа, — сказал Слоник. Ящерка погрустнела. — Но это только для меня. Мне ты никогда не напоминала мужчину. Но не беспокойся. Для них ты — сойдешь.

Ящерка согласно кивнула, но лицо оставалось печальным.

— Первое испытание — самое сложное, — сказал Слоник. — Каждую ночь, лежа в каюте, он планировал разговор. — Нужно войти в Великий Дом. Нужно пройти через дверь.

— Я обдумывала этот вопрос, — торопливо и честно откликнулась Ящерка. — Может быть, просто сказать, кто я есть? Ты поручишься за меня, скажешь, ну и пусть, что я женщина, у меня есть сила... а я поклянусь принять обет и чары целомудренности, буду жить отдельно от всех, если так им приспичило...

Слоник качал головой в течение всей ее речи.

— Нет, нет, нет. Безнадежно. Не выйдет. Совсем...

— Даже если ты...

— Даже если я заступлюсь за тебя. Они не станут слушать. Правила Рока запрещает учить женщин любому из высших искусств, даже одному единственному слову на Языке Созидания их нельзя научить. Так было всегда. Нас просто не станут слушать. Им следует показать как надо! И мы им покажем, ты и я. Мы проучим их. Но ты должна быть отважной, Ящерка. Не поддавайся слабости, не думай, что будет, если ты скажешь себе: «а вдруг, если я попрошу, они впустят меня?» Они делают, что хотят. Откройся им, и они накажут тебя. И меня — заодно.

Слоник как-то уж слишком выделил последнюю фразу, а потом пробурчал:

— Чур меня...

Ящерка долго разглядывала собеседника. Потом медленно произнесла:

— Так что же мне делать?

— Ты доверяешь мне?

— Да.

— Тогда ты должна сказать мне то слово, которое скажешь Привратнику.

Ящерка удивилась.

— Я думала... это ты скажешь мне слово... пароль.

— Он спросит, как твое истинное имя.

Слоник дал ей переварить эту новость, потом продолжал:

— Чтобы применить к тебе заклинание, и чтобы чары были прочны, и чтобы даже Мастера Рока видели бы тебя мужчиной, я должен знать твое имя, — он вновь помолчал.

Пока он говорил, ему самому казалось, что истинно каждое слово, и голос его тек так мягко и плавно.

— Я давно мог узнать твое имя. Но решил, что это нечестно. Я хотел, чтобы ты доверяла мне так, что сама сказала его.

Теперь Ящерка разглядывала свои руки. И ресницы опущенных глаз отбрасывали легкую тень в красноватом тлении лампы. Потом Ящерка подняла взгляд, посмотрела на Слоника в упор.

— Меня зовут Ириан, — сказала она.

Слоник улыбнулся. Ящерка — нет.

Он ничего не сказал. Вообще-то он пребывал в затруднении. Если бы только он знал, как легко узнать ее имя, он заставил бы ее сделать все, что хотелось ему, еще день назад, неделю назад, целый месяц... и не пришлось бы придумывать этот безумный заговор! Не пришлось бы отказываться от денег и положения в обществе, не пришлось плыть по морю, возвращаться на остров Рок! Он понимал, насколько глуп его план. Не существовало способа одурачить Привратника, пусть даже и на мгновение. Попытка унизить Мастеров в отместку за то, что когда-то они унизили его — лунный блеск на воде, и не больше. Он так увлекся, обманывая эту девчонку, что попался в ловушку, расставленную для нее. С горечью он признался себе, что все это время верил в собственную ложь, угодил в силки, которые сам же столь тщательно сплел. Уже раз сваляв дурака на Роке, он все же вернулся, чтобы все повторилось опять. И Слоник разозлился.

— Что случилось? — спросила Ящерка.

И ласковый, хрипловатый голос лишил его мужества окончательно. Слоник спрятал лицо в ладонях, борясь со слезами.

Ящерка положила ладонь ему на колено. В первый раз она прикоснулась к нему. Ему захотелось ударить ее, вырвать из невежественной доброты, но когда он смог хоть что-то сказать, то сказал:

— Я всего лишь хотел с тобой переспать!

— Правда? — спросила она.

— Ты что думаешь, я — евнух? Что я, кастрировал сам себя с помощью заклинаний и теперь могу быть святым? Как ты думаешь, почему у меня нет посоха? Как ты дума-

ешь, почему я не в Школе? Ты что, веришь во все, что бы я ни говорил?

— Да, — сказала она. — Извини.

Ее ладонь осталась лежать у него на колене. Ириан сказала:

— Прости. Мы можем заняться любовью, если только ты хочешь.

Он сел прямо, сидел неподвижно.

— Что ты такое? — в конце концов спросил он.

— Я не знаю. Потому мне и надо на Рок. Чтобы выяснить.

Он снял с колена ее руку, встал, сгорбившись; под низким потолком каюты им обоим было не встать в полный рост. Он то стискивал кулаки, то разжимал их. Он встал подальше от Ириан, как сумел, встал спиной к ней.

— Ничего ты не выяснишь. Там все — ложь. Старичье играет словами. Я не стал играть в их игры, я ушел. Знаешь ты, что я сделал? — он повернулся к ней, оскалившись в триумфальной ухмылке. — Я привел девушку, горожанку, прямо в комнату. В свою келью. Мою маленькую холостяцкую келью. Там было окно, оно выходило на улицу. Никакой магии, что ты, там нельзя и пальцем пошевелить! Но девушка захотела войти и вошла, и я сделал веревочную лестницу, сбросил ее из окна, и девушка влезла по ней. И нас там застукали! Ну, я показал этим старикам, кто такой Слоник! И если бы я смог сделать так, чтобы они впустили тебя в Школу, я показал бы им еще раз, я преподал бы им ***их*** урок!

— Что ж, попробуем, — сказала она.

Он посмотрел на нее.

— У меня другая причина, не такая, как у тебя, — сказала Ящерка. — Но я все еще хочу попробовать. Мы преодолели долгий путь почти до самого конца. И тебе известно мое имя.

Это было верно. Он знал ее имя: Ириан. Уголек в костре, горящая искра в ночи его мыслей. Его память не могла удержать ее имени. Его разум не мог воспользоваться именем. Язык — произнести.

Ящерка подняла взгляд; ее сильное, резко слепленное лицо смягчил свет лампы.

— Если ты привел меня сюда лишь для того, чтобы заняться любовью, Слоник, мы займемся. Если ты все еще этого хочешь.

Он не нашел нужных слов и просто качнул головой. Лишь спустя какое-то время он смог рассмеяться.

— Я думаю, мы потеряли в прошлом... такую возможность...

Она смотрела на него без сожаления, упрека или стыда.

— Ириан, — и на этот раз он произнес ее имя легко, и для его пересохшего рта оно показалось свежей, прохладной водой. — Ириан, вот что ты должна сделать, чтобы войти в Великий Дом...

3. Азвер

Они расстались на углу улицы, узкой, темной улицы, что поднималась между невыразительными стенами к деревянным воротам, прорезанным в высокой стене. Он оставил на Ящерке заклинание, и теперь она выглядела мужчиной, но совсем не ощущала себя таковым. Они со Слоником попрощались за руку, потому что в конце-то концов они были друзьями, товарищами, и все это он сделал ради нее.

— Смелей! — сказал он и ушел.

Ящерка прошла вверх по улице и встала перед воротами. Она оглянулась, но Слоника уже не было видно.

Она постучала.

Спустя какое-то время изнутри послышался звук отодвигаемого засова. Ворота открылись. В них стоял человек средних лет и средней внешности.

— Что я могу сделать для вас? — спросил он.

Он не улыбнулся, но голос его был приятен.

— Пропустите меня в Великий Дом, господин.

— Вам известна дорога туда? — взгляд его миндалевидных глаз был внимателен, и все равно казалось, что смотрит он издалека, как будто мили и годы разделяли их друг от друга.

— Вот он, путь, господин.

— Вам известно, чье имя должны вы назвать мне до того, как я пропущу вас туда?

— Мое собственное, господин. Ириан.

— Неужели?

Ящерка решила, что самое время сделать паузу. После паузы она сообщила:

— Это имя дала мне ведьма Роза из моей деревни на Пути к родниковой воде под холмом Ириа.

Соврать она не рискнула.

Привратник смотрел на нее — очень долго, ей показалось, что вечность.

— Значит, таково твое имя, — сказал он. — Но может быть, это не полностью твое имя. Мне кажется, у тебя есть другое.

— Я не знаю его, господин.

Прошла еще одна вечность, и Ящерка произнесла:

— Может быть, здесь я узнаю его.

Привратник качнул головой. Тень улыбки обозначила полукруги морщин у него на щеках. Он шагнул в сторону:

— Входи, дочь моя.

Ящерка перешагнула порог Великого Дома.

Заклинание Слоника распалось, как паутина, задетая ветром. Ящерка снова была и выглядела сама собой.

Вслед за привратником она прошла по коридору. Только в самом конце его ей пришло в голову обернуться и посмотреть на солнечный свет, проникавший сквозь тысячи листьев, вырезанных в высокой белой, как кость, двери.

Юноша в сером плаще, спешивший куда-то, остановился и посмотрел на них, когда Ящерка и Привратник шли мимо. Он смотрел на Ириан, потом с коротким кивком пошел дальше. Ириан оглянулась. Он — тоже.

По коридору на уровне глаз плыл огненный дымно-зеленый шар, очевидно, следовавший за молодым человеком. Привратник махнул на него рукой, и шар обогнул их. Ириан отпрыгнула в сторону и пригнулась, но все же почувствовала, как холодный огонь продрейфовал мимо. Привратник оглянулся, и его улыбка стала явственней. Он ничего не сказал, но Ириан чувствовала, что она ему не безразлична. Она выпрямилась и пошла за ним следом.

Он привел ее к дубовой двери. Он не постучал, вместо этого посохом — легким посохом из сероватого дерева — нарисовал то ли знак, то ли руну на ней. Дверь распахнулась, как только глубокий голос того, кто находился внутри, произнес:

— Заходи!

— Если ты не против, подожди здесь, Ириан, — сказал Привратник и вошел в комнату, но дверь за собой не закрыл.

Ириан разглядела книжные полки и книги, стол ломился от книг, записей и бумаг. За столом сидели двое, а может быть, трое, ребят и седовласый коренастый старик. С ним-то и заговорил Привратник. Ириан видела, как изменилось лицо старика, видела, как он мельком испуганно посмотрел в ее сторону, видела, как он что-то спрашивает у Привратника почти шепотом, но очень страстно.

Потом они оба вышли к ней.

— Мастер Перемен с Рока... Ириан с Пути, — Привратник представил их друг другу.

Мастер Перемен, не таясь, рассматривал Ириан. Он оказался ниже ее ростом. Потом он посмотрел на Привратника, потом — вновь на нее.

— Прошу прощения, что приходится говорить при вас, юная госпожа, — сказал он, — но я должен... Мастер Привратник, вам известно, что я никогда не оспариваю вашего выбора, но Правило гласит ясно. Мне придется спросить, что заставило вас нарушить его и впустить ее.

— Она попросила, — ответил Привратник.

— Но...

— Когда в последний раз было так, чтобы женщина просила впустить ее в Школу?

— Они знают, что Правило им не позволяет.

— Тебе это было известно, Ириан? — спросил Привратник.

— Да, господин.

— Так что же привело тебя, Ириан? — Мастер Перемен был по-прежнему суров, но не скрывал любопытства.

— Мастер Слоник говорил, что я смогу сойти за мужчину. Хотя я думала, что мне следовало открыться. Я буду хранить целибат точно так же, как все остальные.

На щеках Привратника вновь появились морщинки, обозначив улыбку. Лицо Мастера Перемен осталось строгим, но он вдруг моргнул и сказал спустя какое-то время:

— Я уверен... да... честным быть лучше. О каком Мастере идет речь?

— Слоник, — подсказал Привратник. — Парень из Большого Порта Хавнора. Я впустил его три года назад, а в прошлом году выпустил, если ты помнишь.

— Слоник! Тот мальчишка, что учился у Мастера Руки? Он тоже здесь? — спросил Мастер Перемен у Ириан.

Та промолчала.

— Не в Школе, — с улыбкой ответил Привратник.

— Он одурачил вас, юная госпожа. Выставил дурой, пытаясь выставить дураками нас.

— Я воспользовалась им, — произнесла Ириан, — чтобы попасть сюда и чтобы узнать, что ответить Привратнику. Я никого не собираюсь выставлять дураком. Я хочу лишь узнать то, что нужно.

— Я часто задавал себе вопрос, зачем я впустил сюда этого мальчика, — сказал Привратник. — Теперь начинаю понимать.

Мастер Перемен взглянул на него, о чем-то поразмышлял, потом спокойно спросил:

— Что ты задумал, Привратник?

— Я думаю, что Ириан с острова Путь может войти к нам, чтобы не только она узнала, что нужно ей, но и мы узнали, что нужно нам, — голос Привратник был так же спокоен, но он больше не улыбался. — Я думаю, нам, девяти, нужно все обсудить.

Мастер Перемен принял его слова в изумлении, но не оспорив. Он лишь сказал:

— Но не при учениках.

Привратник кивнул головой, соглашаясь.

— Она может поселиться в городе, — сказал Мастер Перемен с некоторым облегчением.

— Пока мы будем говорить за ее спиной?

— Но ты не можешь ввести ее в Залу Совета! — недоверчиво сказал Мастер Перемен.

— Архимаг привел туда мальчишку Аррена.

— Но... но Аррен — это король Лебаннен...

— А Ириан?

Мастер Перемен помолчал, а потом произнес с уважением:

— Друг мой, что ты хочешь узнать? Что такое она, раз ты просишь для нее такой чести?

— А кто мы? — ответил Привратник, — Кто мы такие, что отказываем ей, не зная, кто же она?

— Женщина, — сказал Мастер Зова.

Ириан ждала много долгих часов в комнатке у Привратника, светлой, пустой комнате с низким потолком и решетчатыми окошками, выходящими на огороды Великого Дома — ухоженные, с ровными грядками, созревающими овощами, зеленью, а за всем этим расположились ягодники и сады. Ириан увидала темнокожего толстяка и двух мальчиков, что пропалывали эти грядки. Смотреть на их неторопливые передвижения было приятно. Ириан захотелось помочь им. Она тяжело переносила ожидание и отчуждение. Один раз явился Привратник, принес блюдо с холодным мясом, хлебом и луком. Ириан поела, потому что Привратник сказал, чтобы она это съела, но жевать и глотать было трудно. Садовник с помощниками ушел, смотреть стало не на кого, разве что наблюдать, как растет капуста и прыгают воробьи, а высоко в небе стрелой мчится сокол, и ветер лениво ерошит ветви деревьев.

Вернулся Привратник, сказал:

— Идем, Ириан. Пора тебе повстречаться с Мастерами острова Рок.

Сердце вновь припустило тяжелым галопом. Вслед за магом Ириан шла лабиринтом в комнату с темными стенами и чередой остроконечных окон. Там стояли мужчины, и каждый из них повернулся, чтобы взглянуть на нее, как только вошла Ириан.

— Ириан с острова Путь, мои господа, — известил их Привратник и жестом предложил девушке пройти в центр комнаты. — С Мастером Перемен ты знакома.

Он назвал всех остальных, но она запуталась в их специальностях и запомнила только Мастера Трав, которого приняла за садовника, и самого молодого из всех, высокого с красивым, суровым лицом, как будто вырезанным из темного камня, это был Мастер Зова. Он и подал голос, когда замолчал Привратник.

— Женщина! — сказал он.

Привратник кивнул.

— И ради этого ты собрал Девятерых? Ради этого, и не больше того?

— Ради этого, — ответил Привратник. — И не больше.

— Над Внутренним морем летают драконы. На Роке нет Архимага, а у островов — истинного короля. Вот чем нам

нужно заняться, — сказал Мастер Зова, и голос его был точно камень, холоден и тяжел. — Когда мы возьмемся за дело?

Повисло молчание, потому что Привратник не стал отвечать. Наконец заговорил ясноглазый и стройный маг в красной тунике под серым плащом:

— Мастер Привратник, ты ввел женщину в Великий Дом. Ты считаешь, ей можно учиться?

— Если бы так, вам пришлось бы решать — одобрить или не одобрить мой выбор.

— А это так? — чуть-чуть улыбнулся маг в красной тунике.

— Мастер Руки, — ответил Привратник. — Она попросила впустить ее для учебы, и я не вижу причин для отказа.

— Тут хватает причин, — сказал Мастер Зова.

Мужчина с низким и чистым голосом произнес:

— Не нам судить, но есть Правило Рока, мы клялись не нарушать его.

— Сомневаюсь, чтобы Привратник стал нарушать закон, — сказал некто, кого Ириан не заметила, пока он не подал голос, хотя голос принадлежал высокому человеку, чьи волосы были седы, а лицо покрывали морщины.

— Я — Курремкармеррук, — сообщил он Ириан. — Я — Мастер Имен, а посему свободен от их власти, включая и свое собственное. Кто дал тебе имя, Ириан?

— Ведьма Роза из нашей деревни, мой господин, — ответила девушка, выпрямляясь, как струнка.

Голос ее прозвучал сипло и резко.

— У нее что-то с именем? — спросил Мастер Привратник.

Курремкармеррук покачал головой.

— Нет. Но...

Мастер Зова, который все время стоял к ним спиной, глядя в холодный очаг, повернулся:

— Нас не должны волновать имена, которыми награждают друг друга ведьмы. — Если эта женщина интересна тебе, Привратник, выйди за наши стены, за ту дверь, которую ты дал обет охранять. Здесь ей не место и никогда ей здесь места не будет. Она принесет лишь разлад и смятение. Мы и далее будем слабеть. Больше я ничего не скажу, а в ее присутствии — тем более. Единственный ответ на сознательное совершение ошибки — это молчание.

— Молчания не достаточно, мой господин, — сказал тот, кто раньше молчал. По мнению Ириан он выглядел стран-

но, кожа его была бледно-розовой, волосы — блеклыми, а узкие глаза — цвета льда. Речь его так же была необычна, не правильна и не так быстра.

— Молчание есть ответ на все, — сказал он. — И ни на что.

Мастер Зова поднял холеное смуглое лицо и посмотрел на бледного мага, но ничего не сказал. Без звука, без жеста он отвернулся опять и вышел вон. Ириан отодвинулась, когда он прошел мимо. Он был похож на могилу, что еще не зарыта, могилу, выкопанную зимой, холодную, мокрую, темную. Дыхание замерзло в груди Ириан. Когда же она очнулась, то поняла, что маг с бледным лицом и Мастер Перемен не спускают с нее глаз.

Маг с голосом, подобным колоколу, тоже смотрел на нее, а потом обратился к ней сурово, но без злобы:

— Как я понимаю, человек, который привел тебя к нам, мыслил причинить вред. Но ты — нет. И все же, ты вредишь самим присутствием здесь, Ириан. Все, что не на своем месте, только вредит. Нота, пропетая не во время, как бы чисто не была спета, разрушит мелодию в целом. Женщин учат женщины. Ведьмы познают ремесло от других ведьм и колдунов, не от магов. Речь, которой мы учим здесь, не для женского языка. Юное сердце восстает против этих законов, называет их спорными и несправедливыми. Но эти законы истинны, они основаны не на том, чего нам хочется. Справедливы они или нет, глупы они или мудры, но мы обязаны их выполнять, или же наши жизни будут потрачены понапрасну.

Мастер Перемен и еще один маг, тощий, с худым лицом, в знак согласия одновременно кивнули. Мастер Руки сказал:

— Прости нас, Ириан. Слоник — мой ученик. Если я и учил его плохо, то еще хуже то, что я отослал его прочь. Я думал: он пустышка, безвреден. Но он солгал тебе и обманул тебя. Не чувствуй стыда. Вина на Слонике, не на тебе.

— Я не стыжусь, — сказала Ириан.

Она обвела взглядом собравшихся магов. Ей показалось, что следует поблагодарить их за оказанную любезность, но слова на ум не приходили. Тогда Ириан натянуто кивнула присутствующим, повернулась и вышла.

Привратник догнал ее на перекрестье двух коридоров. Ириан не знала, куда идти.

— Сюда, — сказал ей Привратник и спустя какое-то время, — сюда.

И вскоре они оказались перед дверьми. Эти двери не были вырезаны из рога и кости. Простые дубовые двери, темные и тяжелые, железный запор истерся за долгие годы.

— Это черная дверь, — сказал маг, отпирая ее. — Врата Медры, так называют ее. Я стерегу обе двери.

Дневной свет ударил в лицо. Когда Ириан проморгалась, то увидала тропу, убегающую от двери сквозь сады и поля за садами; за полями виднелись большие деревья, а правее горбом поднимался сама Скала Рока. Но на тропинке стоял и как будто ждал их беловолосый мужчина с раскосыми узкими глазами.

— Рисующий Образ, — промолвил Привратник, вовсе не удивившись.

— Куда ты шлешь эту ж-шенщину? — спросил Мастер Образа, и странной была его речь.

— Никуда, — ответил Привратник. — Я выпускаю ее, как впустил, лишь по ее желанию.

— Ты пойдешь со мной? — спросил Мастер Образа у Ириан.

Ириан посмотрела на него, потом на Привратника и ничего не сказала.

— Я не ж-шиву в этом доме. Ни в каком доме, — сказал Рисующий Образ. — Я ж-шиву там. В Роще... Агх-х, — добавил он, вдруг повернувшись.

За его спиной, на тропе, стоял долговязый седоволосый Курремкармеррук, Мастер Имен. До того, как светлокожий маг произнес свое «агх-х», на тропе никого не было. Ириан в замешательстве переводила взгляд с одного на другого.

— Это только мое виденье, представитель, посланник, — сообщил ей старый маг. — Я вообще живу не здесь. Далеко-далеко, — он указал на север. — Можешь пойти туда, когда закончишь разговоры с Мастером Образа. Мне хотелось бы больше узнать о твоем имени.

Он кивнул двум другим магам, и вот посланник исчез. Там, где он стоял, с натужным гудением пролетел шмель.

Ириан уставилась в землю. Прошло много времени, прежде чем она откашлялась, не поднимая взгляд:

— Это верно, что, находясь здесь, я наношу вред?

— Я не знаю, — ответил Привратник.

— В Роще не будет никакого вреда, — сказал Рисующий Образ. — Пойдем. Там есть старый дом, хижина. Старая, грязная. Тебе ведь нет разницы, так? Останься там ненамного. Ты увидишь.

Он направился вдаль по тропинке между петрушкой и горохом. Ириан покосилась на Привратника. Тот улыбался. И тогда она пошла по тропинке следом за человеком с блеклыми волосами.

Они прошли около полумили. Освещенный западным солнцем утес поднялся справа от них. Позади по склону холма расползлось здание Школы, серое, с многими крышами. А перед ними высилась роща. Ириан увидела дуб и ракиту, орех и ясень, и высокие вечнозеленые кедры. Из простреленного солнечным светом сумрака между деревьями выбегал веселый ручей, берега его были зелены от травы, только кое-где вытоптаны до бурой земли там, где на водопой подходили овцы и крупный скот. Им пришлось пересечь пастбище, где пятьдесят, а может шестьдесят овец щипали короткую свежую травку, а теперь подбирались поближе к воде.

— Вон тот дом, — сообщил маг, указав на низкую, мшистую крышу, прятавшуюся среди деревьев в полуденной тени. — Останься там на ночь. Останешься?

Он просил, не приказывал. Ириан смогла лишь кивнуть головой.

— Я принесу еду, — сказал он и зашагал прочь, убыстряя шаг, так что вскоре исчез среди света и тени деревьев, хотя и не так внезапно, как Мастер Имен.

Ириан смотрела вслед, пока он не исчез совсем, а потом пробралась через высокую траву и сорняки к маленькому дому.

На первый взгляд дом казался древним, как мир. Его достраивали и перестраивали, и так без конца. Такое он создавал впечатление. Но впечатление было приятным, так, будто тот, кто спал здесь, спал мирно. А что до обшарпанных стен, мышей, паутины и недостатка удобств, так все это Ириан было совсем не впервой. Она отыскала плешивый веник и подмела немного. Раскатала свое одеяло на голой кровати. В шкафу с перекошенной дверцей нашла треснувший кувшин и набрала воды из ручья, что бежал всего в десяти шагах от порога. Все это Ириан проделала будто в

трансе, а закончив, уселась в траву, прислонилась спиной к хранящей солнечный жар стене дома и заснула.

Когда же проснулась, возле нее сидел Мастер Образа, а на траве между ними стояла корзинка.

— Г-холодна? Ешь.

— Господин, я поем позже, — откликнулась Ириан. — Спасибо.

— Я г-хочу есть сейчас, — сказал маг, достал из корзинки сваренное вкрутую яйцо, очистил и съел. — Этот дом зовут Домом Выдры, — сказал он потом. — Очень старый. Как Великий Дом. Тут все старое. Мы тож-ше стар — Мастера.

— Ты не старый, — сказала Ириан. Ей казалось, что ее собеседнику между тридцатью и сорока годами, сложно было сказать. Она продолжала думать о его волосах как о седых, потому что они не были темными.

— Мили могут равняться годам. А я зашел далеко. Я — Карг из Карего. Ты знаешь?

— Беловолосые Люди! — Ириан распахнула глаза, вспомнив баллады о Беловолосых, что плыли с востока и оставляли за спиной разоренные земли, и поднимали на копьях невинных младенцев.

А еще она вспомнила рассказ о том, как Эррет-Акбе потерял Кольцо Мира, и новые песни, и Рассказ Короля, как Архимаг Перепелятник пропал среди Беловолосых Людей и вернулся с кольцом...

— Беловолосый? — удивился Мастер Образа.

— Заиндевелый. Седой, — сказала она и отвернулась, смутившись.

— Агх, — сообщил Мастер Образа после долгого размышления. — Мастер Зова не старый...

И Ириан поймала быстрый взгляд странных, узких глаз цвета льда. Она ничего не сказала.

— Я думаю, ты боишься его.

Ириан кивнула. Когда она вновь промолчала, прошло какое-то время, потом Мастер сказал:

— В тени этих деревьев никому и ни от кого не будет вреда. Только истина.

— Когда он проходил мимо меня, — тихо сказала Ириан, — я увидела могилу.

— Агх, — согласился Рисующий Образ. Он смел скорлупки в кучку, потом выстроил из белых осколков кривую, замкнул ее в круг. — Да, — сказал он, изучая рисунок скорлупок. Потом вырыл ямку и закопал скорлупу. Отряхнул пыль с ладоней. И вновь взгляд его глаз искоса метнулся к Ириан, а потом — прочь.

— Ты была ведьмой, Ириан?

— Нет.

— Но ты кое-чшто знаешь.

— Нет. Не знаю. Роза не стала учить меня. Сказала, что не осмеливается. Потому что во мне есть сила, но она не смогла определить, в чем она.

— Твоя Роза — мудрый цветок, — сказал маг без улыбки.

— Но я знаю, что у меня есть... я должна что-то сделать, кем-то стать. Вот поэтому мне захотелось приехать сюда. Выяснить. На Острове Мудрых.

На этот раз ей удалось посмотреть магу прямо в лицо и прочесть выражение. Ей подумалось, что маг выглядит грустным. А манера произносить слова — резко, быстро и сухо... и миролюбиво.

— Люди этого Острова не все мудры, так? — сказал он. — Может, Привратник.

Теперь он смотрел на нее не украдкой, не искоса, но прямо в глаза.

— Но здесь. В лесу. Среди деревьев. Здесь ж-шивет старая мудрость. Не способная постареть. Не могху научить тебя. Могху повести в Рощу, — в ту же минуту он встал. — Да?

— Да, — неуверенно отозвалась Ириан.

— Дом — г-хорошо?

— Да...

— Завтра, — сообщил он и ушел прочь.

Примерно полмесяца или меньше жарких летних дней Ириан спала в Доме Выдры, там было спокойно, и ела то, что приносил ей в корзине Рисующий Образ — яйца, сыр, зелень и фрукты, копченое мясо. Каждый полдень они проводили вместе в роще с высокими деревьями, тропинками, которым не лежалось на месте, — они вечно оказывались не там, где ей помнилось, и уводили порой далеко за пределы леса. Они с Мастером Образа бродили в молчании, говорили редко, только во время отдыха. Маг вообще не был скло-

нен болтать. Нельзя было сказать, что он никогда не сможет разозлиться, но маг никогда не демонстрировал Ириан буйство чувств, с ним все было ясно и просто, как в тени деревьев, в которой бродили четвероногие обитатели Рощи и пели редкие птицы. Он сказал, что не будет учить Ириан, так и сделал. Когда она спросила о Роще, он рассказал, что и Роща, и Скала находятся здесь с тех времен, как Сегой создал острова этого мира, и что в корнях этого леса гнездится магия, и что корни этих деревьев сплетены с корнями деревьев всех на свете лесов, где те есть или могут быть. «Иногда Роща здесь, — сказал он. — Иногда в друг-хом месте. Но всегда.»

Ириан так и не увидела, где он живет. Он спал там, где его заставала теплая летняя ночь, решила она. Она спросила его, откуда берется еда; он рассказал, что то, что Школа не может себе обеспечить, привозят окрестные фермеры, считая, что их поля, сады и стада находятся под защитой Мастеров. В этом был смысл. На Пути фраза «маг без миски с овсянкой» означала нечто неслыханное, небывалое до сих пор. Но сама Ириан не была магом и, решив отработать свою овсянку, как сумела отремонтировала Дом Выдры, одолжив у фермера инструменты, а гвозди и известь купив в городе Твил, так как при ней еще оставалась половина ее сырных денег.

До полудня Рисующий Образ ее не тревожил, так что утром она была предоставлена сама себе. К одиночеству Ириан было не привыкать, но она скучала по Розе, по Беллис и Лепусу, по горластым и глупым собакам, по работе, которую она выполняла по дому, чтобы не дать Ириа развалиться и чтобы каждый вечер иметь еду на столе. Так что она неторопливо трудилась все утро, пока не замечала, как из тени деревьев выходит маг, и его светлые волосы ярко вспыхивают, окрашенные летним солнцем в огненный цвет.

А в Роще не было мыслей о заработке, о службе, даже об учебе. Быть там — достаточно, больше не надо ничего.

Ириан спросила его, приходят ли сюда ученики из Великого Дома, маг сказал:

— Иногда.

А в другой раз сказал:

— Мои слова — нич-што. Слушай листья.

Вот и все, что можно было назвать обучением. На прогулках Ириан слушала листья, когда ветер ими шуршал или рвал кроны деревьев; Ириан наблюдала, как тени играют в траве, и размышляла о том, как корни деревьев уходят в мрачные недра земли. Она была безгранично довольна. И все-таки чувствовала, что ожидает чего-то. И когда она покидала гостеприимную Рощу и видела над головой чистое ясное небо, молчаливое ожидание становилось особенно сильным.

Однажды, когда они вдвоем долго бродили между деревьев — сумрачных хвойных деревьев с неизвестным ей именем, что возносились в небо над ними — Ириан услышала зов. То ли звук рога, то ли оклик, далеко, на самом пределе слышимости. Она застыла на месте, прислушавшись к западному ветру. Маг прошел дальше и обернулся только, когда осознал, что Ириан остановилась.

— Я услышала... — начала Ириан и не смогла объяснить, что же именно.

Маг прислушался. В конце концов они продолжили путь сквозь тишину, ставшую глубже от того далекого зова.

Без Мастера Образа Ириан в Рощу не заходила, и прошло много дней, прежде чем он решился оставить ее там одну. Но одним жарким днем на поляне, окруженной дубами, маг сказал:

— Подож-шди меня здесь, — и ушел, неслышно и быстро ступая по траве, и почти мгновенно исчез в пестрых сумерках леса.

Ириан не испытывала никакого желания исследовать рощу самостоятельно. Покой этого места призывал посидеть неподвижно, послушать и посмотреть. А еще ей было известно хитросплетенье тропинок, а еще то, что Роща, как говаривал маг, «внутри обширнее, чем снаруж-ши». Ириан устроилась в тени, пронизанной солнечными лучами, и принялась наблюдать, как тень от листвы ложится на землю. На дубах было много желудей, и хотя Ириан не видела здесь кабанов, она нашла их следы. Потом уловила запах лисицы. Мысли текли легко и спокойно, как ветер, играющий светом и тенью.

Обычно ее голову заполняли только запахи и шорохи леса, для мыслей там места не оставалось, но сегодня воспо-

минания осаждали ее. Она вспомнила Слоника и подумала, что больше его не увидит, интересно, нашел ли он лодку, чтобы добраться до Хавнора. Он сказал, что на Западный Окоем не вернется: значит, направиться мог лишь в Великий порт, Королевский город, а все, что влекло его на Путь, могло лечь на дно моря столь же глубокого, как Солеа. Но сама Ириан вспоминала с любовью поля и дороги Пути. Вспоминала Старый Ириа, родник средь болот у подножья холма, старый дом на холме. Вспоминала, как зимними вечерами престарелая Беллис пела баллады, в такт притоптывая башмаками. И как старик Лепус ходит по винограднику с острым, как бритва ножом, и показывает, как по всем правилам подрезать лозу, «вот так, чтобы в ней закипела жизнь». И как ее Роза — ее Этаудис — шепчет заговоры над сломанной детской рукой, пытаясь облегчить боль. Я была знакома с мудрыми людьми, вдруг подумала Ириан. Отца вспоминать не хотелось, но движение листьев и тени заворожило ее. И она увидала отца, вечно пьяного и ругающегося. Ощутила прикосновение его трясущихся рук. Увидела, как он плачет, слабый, жалкий, и грусть родилась и растаяла, как тает боль. Отец значил для Ириан еще меньше, чем мать, которой она не знала.

Ириан потянулась, почувствовала, как легко ее телу в тепле, и вновь вспомнила Слоника. Ей в жизни не приходилось испытывать к кому-то желание. Когда юный маг впервые проехал мимо нее верхом на вороной кобыле, такой высокомерный и щеголеватый, ей захотелось его пожелать; но она не пожелала и не смогла разбудить в себе это желание, и решила, что Слоник под защитой чар. Роза объясняла ей, как работают подобные заклинания, «ни тебе, ни ему даже в голову не приходит, потому что такое дело забирает частицу их силы, так они говорят». Но Слоник, бедолага Слоник, был таким беззащитным. Если кто-то и был под заклятием воздержания, так, должно быть, она, потому что при всей привлекательности и красоте юного мага она ничего в нем не находила, она жаждала лишь узнать то, чему он мог бы ее научить.

В тишине рощи Ириан думала о себе. Птицы смолкли, ветер утих, листья безвольно повисли. Может быть, я заколдована? Может быть, я стерильна, и не женщина в полном

смысле этого слова? Ириан спрашивала себя и рассматривала сильные обнаженные руки, почти незаметные холмики грудей в вырезе рубахи.

Она подняла голову и увидела, как из темного прохода между дубами выходит Беловолосый. Маг встал перед ней. И Ириан ощутила, что румянец заливает ей щеки, лицо, шея горели, зудели, чесались, звенело в ушах. Ириан спешно взялась искать слова, придумывать, что бы сказать, чтобы отвлечь внимание от себя, и ничего не смогла отыскать. Маг сел возле нее на траву. Ириан уперла взгляд в землю, делая вид, что изучает остов листа, умершего в прошлом году.

Чего я хочу? Спросила она у себя, и ответ нашелся, но не облеченный в слова, ответило тело, ответила душа: огня, огня большего, чем этот, полета, сжигающего полета...

Она вновь стала собой в неподвижном воздухе под деревьями. Рядом сидел Беловолосый. Голову он опустил, и Ириан вновь подумала, каким легким и хрупким он кажется ей, каким печальным и тихим. Страха не было. Не было боли.

Он посмотрел на нее.

— Ириан, — сказал он, — ты слышишь листья?

Легкий ветер промчался над ними; Ириан расслышала негромкий шепот дубовой рощи.

— Немного, — сказала она.

— Ты слышиш-шь слова?

— Нет.

Она ничего не спросила, а он ничего не сказал. Он поднялся, Ириан — тоже, они вместе прошли по тропе, которая — раньше или позже — вывела бы их на опушку леса возле Твилбурн и Дома Выдры. Они туда вышли к концу дня. Беловолосый спустился к потоку и выпил воды из него там, где река появлялась из леса. Ириан поступила так же. И усевшись в высокую прохладную траву на берегу, Беловолосый заговорил:

— Мой народ, Карги, они почитают богов. Братьев, богов-близнецов. Король — тож-ше бог. Но до богов, раньше, были потоки воды. Камни, пещеры, г-холмы. Деревья. Земля. Мрак земли.

— Древние Силы, — поддакнула Ириан.

Беловолосый кивнул.

— Наши ж-шенщины знают Древние Силы. Здешние ведьмы — тож-ше. А знание — зло... так?

Когда он добавлял свое «так?» или «м-мм?», он всегда заставал Ириан врасплох. Вот и сейчас она не ответила, удивившись.

— Тьма — есть зло, — сказал Мастер Образа. — Так?

Ириан глубоко вздохнула и попыталась заглянуть Беловолосому в глаза.

— Только во тьме — свет... — сказала она.

— Агх-х, — вздохнул он и отвернулся, так что Ириан не смогла прочитать выражения его глаз.

— Мне нужно уйти, — сказала она. — Я могу гулять по Роще, но не жить здесь. Это не мой... не мой дом. И Мастер Заклятий сказал, что здесь я наношу вред самим существованием.

— Все мы наносим вред своим собственным существованием, — сказал Мастер Образа.

И как часто он делал раньше, он положил на песок перед собой упавший лист, стебель травы и несколько камешков. Он изучил их и переложил в другом порядке.

— Поговорим о вреде, — сказал он, — сейчас.

Он начал не сразу. Сначала он выдержал долгую паузу.

— Тебе известно, что дракон принес с берегов смерти г-хосподина нашего Перепелятника и юного короля. Затем дракон унес Перепелятника в его дом, потому чш-то тот не владел больше силой и не был магом. А в этой роще, как обычно, сошлись Мастера Рока, чтобы выбрать нового Аргхимага. Но все было не как обычно. До того, как прилетел дракон, из царства смерти вернулся Мастер Зова, он можшет ходить там, куда заводит его дар. Там он видел нашего повелителя и юного короля, в той стране, что находится по ту сторону стены из камней. Он сказал: они не вернутся. Он сказал: наш г-хосподин Перепелятник приказал ему вернуться к нам, к ж-шивым, и передать те слова. И мы стали оплакивать нашего господина. Но потом прилетел дракон, Калессин, и принес его, и он был ж-шив. Мастер Зова был среди нас, когда мы стояли на Скале и смотрели, как Аргхимаг преклонил колени перед Королем Лебанненом. А потом дракон унес нашего друга прочь, и Зовущий рухнул там, где стоял. Он леж-шал, как если бы умер, его сердце не билось,

он был холодный и все же дышал. Травник использовал весь свой талант, но не смог привести его в чувство. «Он мертв, — сказал Травник. — Он дышит, но он умер». И мы стали оплакивать друга. А потом, поскольку в наших сердцах воцарился уж-шас и страгх, а все мои образы говорили об опасностях и переменах, мы вновь собрались, чтобы выбрать нового Г-Хранителя Скалы, нового Аргхимага, который бы направлял нас. И на совете мы посадили на место Мастера Зова юного короля. Нам показалось, что так будет верно. Только Мастер Перемен воспротивился поначалу, но потом согласился. И вот мы собрались, мы сидели и не могли никого выбрать. И мы говорили то о том, то об этом, но имени не произносили. А потом я...

Беловолосый вновь помолчал.

— Потом на меня снизошло то, что мой народ зовет *эдуевану*, другхое дыхание. На меня снизошли слова, и я произнес их. Я сказал: *«Хама Гондун!»* А Курремкармеррук перевел остальным: «Ж-шенщина с острова Гхонт». Но я очнулся и не смог объяснить, что ж-ше значило откровение. И мы разошлись, а Аргхимаг не был избран. Вскоре уехал король, и с ним Мастер Ветров. До коронации они заехали на остров Гхонт и искали нашего господина, чтобы выяснить, что ж-ше значат слова «ж-шенщина с острова Гхонт». Агх? Но они не нашли его, только ж-шенщину из моей страны, Тенар Гхранительницу Кольца. Он сказала, что она — не та, кого они ищут. И они никого не нашли, ничего не узнали. И король Лебаннен решил, что, должно быть, свершилось пророчество. И поехал на Гхавнор, где на него возложили корону. Травник и я решили, что Зовущий мертв. Мы подумали, что дыхание сохранилось из-за заклятия, из-за его таланта, который нам не понять, точно так ж-ше, как у вызванных магией змей сердца бьются и после их смерти. Он был холоден, кровь не текла, и душа оставила тело, но тело дышало, мы боялись похоронить его. Но еще больше мы побоялись не хоронить его. Так что мы приготовились к погребению. Опустили тело в могилу, и вот там Мастер Зова открыл глаза. Шевельнулся, заговорил. Он сказал: «Я вновь вызвал сам себя к ж-шизни, чтобы свершить то, что должно быть совершено».

Мастер Образа перемешал камешки на песке. Голос его вдруг стал резче.

— Вот вернулся Мастер Ветров, и нас вновь было девять. Но мы разделились. И все из-за того, что Зовущий сказал, что мы должны встретиться и выбрать себе Арг-химага. Королю не было места среди нас, сказал он. И «ж-шенщине с Гонта», кто бы она ни была, нечего делать среди муж-шчин острова Рок. Мастер Ветров, Мастер Заклятий, Мастер Перемен, Мастер Руки сказали, что он прав. И раз уж-ш король Лебаннен вернулся из мертвых, и этим исполнил пророчество, пусть Аргхимагом тож-ше станет тот, кто вернулся из мертвых. Так сказали они.

— Но, — Ириан замолчала.

— Знаешь, его дар — звать из тьмы... это очень опасно. Это страшно. Здесь, — он вгляделся в золотисто-зеленый сумрак древесных крон, — здесь ничего звать не нуж-шно. Некого переводить через стену. Нет стены.

У него было лицо воина, но когда он смотрел на деревья, оно становилось мягче, грустнее.

— А теперь, — сказал он, — Мастер Зова хочет сделать тебя причиной для нашей встречи. Но я не пойду в Великий Дом. Меня вызвать нельзя.

— А сюда он не придет?

— Я думаю, он не смеет ступить в эту Рощу. Или на Скалу. На Скале все таково, каково оно есть.

Ириан не совсем поняла, что он хотел сказать, но спросила совсем о другом:

— Ты сказал, что он сделал меня причиной для вашей встречи?

— Да. Нуж-шно девять магов, чтобы выслать с острова одну ж-шенщину, — улыбался он редко, но когда улыбался, улыбка была короткой и яростной. — Нам нуж-шно встретиться, чтобы восстановить Правило Рока. А значит, выбрать себе Аргхимага.

— Если бы я ушла... — Ириан заметила, как он качнул головой. — Я могла бы пойти к Тому, кто дает Имена...

— Тебе безопаснее здесь.

Ириан беспокоило то, что она может причинить вред, но мысль о том, что сама подвергается опасности, ей в голову не приходила. Эта мысль казалась ей непостижимой.

— Со мной все будет хорошо, — сказала она. — Значит, Мастер Имен, и ты... и Привратник?

— ...мы не гхотим, чтобы Торион стал Аргхимагом. И Мастер Трав тож-ше не хочет, хоть и предпочитает возиться в земле и лишнего не говорить, — он заметил, что Ириан изумлена. — Торион, Мастер Зова, называет себя истинным именем. Он ведь умер, так?

Ириан было известно, что король Лебаннен тоже открыто пользуется своим именем. Он тоже вернулся из мертвых. И все же тот факт, что и Мастер Зова поступал точно так же, продолжал ввергать ее в шок и вызывал тревожные мысли.

— А... ученики?

— Тож-ше разделились на две группы.

Ириан думала о Школе, в которой побывала совсем недолго. Отсюда, из глубин Рощи, Школа казалась стеной, отгораживающей одних живых существ от других, словно клетка, словно загон. Как можно поддерживать равновесие в подобном месте?

Мастер Образа сложил на песке короткую линию из четырех камешков и сказал:

— Как мне гхочется, чтобы Перепелятник не покидал нас. Как мне хочется прочитать то, что пишут мне тени. Но все, что я слышу, это листья, шепчущие о Перемене... Все меняется, кроме них.

Он посмотрел на деревья, и лицо его было печальным. Солнце клонилось с закату. Беловолосый встал, пожелал Ириан доброй ночи и ушел, затерялся среди деревьев.

Ириан осталась сидеть на берегу Твилбурн. Ее беспокоило то, что ей рассказали, и то, что думала она сама в этой роще, и то, что она чувствовала. И еще ее беспокоило то, что чувства и мысли ее беспокоят. Она пошла к дому, приготовила ужин из копченого мяса, хлеба и лука и съела все, не распробовав вкуса. Потом вновь побрела на берег потока. Спустилась к воде. Вечер был теплый и тихий, лишь несколько звезд разгорелись в молочной дымке над головой. Ириан быстро разделась, бросила мужские штаны и рубаху на берег, и обнаженная скользнула в прохладную воду. Раньше ей не приходилось плавать в ручьях и реках в Ириа. Холодное, серое море она ненавидела, но этот быстрый поток ей понравился. Она плескалась в воде, ладони скользили по

шелковым подводным камням и шелковой коже голого тела, водоросли ласкали ее голые ноги. Вода смыла тревоги, унесла беспокойные мысли, пока Ириан подставляла себя ласкам ручья и смотрела в белое неяркое пламя звезд над головой.

Озноб пробежал меж лопаток. Вода стала холодной. Ириан огляделась — собранно, но пока еще не напряженно — и увидела на берегу над собой черный мужской силуэт.

Ириан выпрямилась во весь рост.

— Убирайся! — закричала она. — Прочь, предатель, прогнивший развратник, или я вырву у тебя печень!

Она бросилась к берегу, ухватилась за прочные ветки и вскарабкалась на песок. На берегу не было никого. Ириан дрожала от ярости. Она схватила одежду, натянула ее на себя, все еще продолжая ругаться:

— Трусливый колдун! Предатель! Сукин сын!

— Ириан?

— Он был здесь! — закричала она. — Это тухлое сердце, ваш Торион!

Она налетела на Мастера Образа, который вышел под звездный свет.

— Я купалась в потоке, а он стоял там и смотрел на меня!

— Это призрак... всего лишь виденье. Он не причинил бы тебе вреда, Ириан.

— Виденье с глазами, виденье, которое видит! Мог ли он...

Она замолчала. Нужное слово не приходило на ум. Ей стало плохо. Ириан задрожала, сглотнула горькую влагу, наполнявшую рот.

Мастер Образа взял ее за руку. Ладони его были такие теплые, а Ириан было так холодно, словно в сумраке могилы, что она прижалась к Мастеру в поисках тепла. Они так стояли какое-то время, отвернувшись друг от друга, но стиснув руки и крепко прижавшись друг к другу. Наконец, Ириан отодвинулась, отбросила мокрые волосы за спину.

— Спасибо тебе, — сказала она. — Я замерзла.

— Знаю.

— Я никогда не мерзну. Это был он.

— Говорю, Ириан, он не мож-шет прийти сюда, он не мож-шет здесь причинить тебе вред.

— Он нигде не может мне навредить, — сказала она, и огонь вновь побежал по ее венам. — Если он попытается, я уничтожу его.

— Агх, — вздохнул Рисующий Образ.

Ириан посмотрела на него в свете звезд и сказала:

— Скажи мне свое имя — нет, не истинное — просто скажи, как мне тебя называть. Когда я буду думать о тебе — как?

Он мгновенье молчал. Потом произнес:

— В Карего-Ат, когда я был варваром, я был Азвером. На Хардике это — ***Знамя Войны.***

— Спасибо, — сказала она.

Ириан лежала без сна в маленьком доме и ощущала, как становится вязким воздух, как давит на нее потолок. Потом вдруг уснула, быстро и глубоко. И так же внезапно проснулась, когда на востоке чуть посветлело. Ириан подошла к двери, чтобы увидеть то, что любила больше всего — небо перед рассветом. Оторвавшись от созерцания, она увидела, что Азвер, Мастера Образа, крепко спит на земле у порога, завернувшись в серый плащ. Без звука Ириан спряталась в доме. Спустя какое-то время она вновь увидала его, идущего к лесу, Азвер ступал немного неловко и почесывал голову, как делают люди, когда они еще не совсем проснулись.

Ириан поручили работу — соскрести старую грязь с внутренних стен, подготовить их для штукатурки. Но прежде, чем солнце успело заглянуть в окна, в открытую дверь постучали. Снаружи стояли двое. Один, которого она приняла за садовника, Мастер Травник, надежный и прочный, как рыжий бык, а рядом с ним — мрачный и изможденный старый Мастер Имен.

Ириан вышла к ним и пробормотала приветствие. Они устрашали ее, эти Мастера острова Рок, а еще их присутствие означало, что мирное время прошло, закончились дни прогулок в тихом летнем лесу вместе с Рисующим Образ. Прошлой ночью все это кончилось. Она это знала, но знать не хотела.

— За нами послал Мастер Образа, — сказал Травник. Ему было не слишком уютно. Он заметил побег под окном и сказал:

— Это велвер. Не знал, что на острове есть хоть один экземпляр. Наверное, его посадил кто-нибудь с Хавнора, —

он внимательно изучил растеньице, а потом сорвал несколько семенных коробочек и спрятал в сумку.

Ириан с не меньшим вниманием и интересом изучала Мастера Имен, пытаясь увидеть, что он такое — виденье, как он говорил, или созданье из плоти и крови. Ничего в нем не было призрачного, но ей все равно казалось, будто он находится где-то не здесь, а когда он шагнул под солнечный свет и не отбросил тени, узнала это наверняка.

— Господин, путь оттуда, где вы живете, так долог? — спросила она.

Он кивнул.

— Оставил себя на полпути, — сказал Мастер Имен. Он оглянулся, к ним приближался Мастер Образа, теперь уже проснувшийся окончательно.

Азвер поприветствовал гостей и спросил:

— Привратник придет?

— Сказал, что уж лучше посторожит дверь, — сказал Травник. Он осторожно закрыл свою сумку с множеством отделений и карманов и оглядел остальных. — Я не знаю, сумеет ли он удержать крышку на муравейнике.

— В чем дело? — спросил Курремкармеррук. — Я читал о драконах. И не обратил внимания. Но все мальчики, которых я учил в Башне, ушли.

— Вызваны, — сухо сказал Мастер Травник.

— И что? — сказал Мастер Имен еще более сухо.

— Я могу лишь рассказать, как все это понимаю я, — неохотно сказал Мастер Травник.

Ему было совсем неуютно.

— Говори, — сказал старый маг.

Травник все не решался.

— Госпожа не входит в совет, — сказал он наконец.

— Она со мной, — сказал Азвер.

— Она пришла в это место и в это время, — сказал Мастер Имен. — А в это место и в это время никто не приходит случайно. Каждый из нас знает, что это значит для нас. За именами стоят имена, господин мой Целитель.

Темноглазый маг склонил голову и сказал:

— Хорошо.

И ему стало определенно спокойнее, что кто-то принял решение за него.

— Торион много времени проводил с Мастерами и с учениками. Тайные встречи, внутренние круги. Слухи, шепоты. Младшие ученики напуганы, некоторые спрашивали у меня и у Привратника, нельзя ли им уйти. И мы отпустили их. Но в порту нет кораблей, а кроме того, что привез тебя, госпожа, и на следующий день отплыл в Уатхорт, никто не приплывал. Мастер Ветров никого не пускает на Рок. Даже если прибудет король, на остров Рок ему не ступить.

— Пока ветер не переменится, так? — сказал Мастер Образа.

— Торион говорит, что Лебаннен — не настоящий король, раз его короновал не Архимаг.

— Чушь! История не подтверждает! — сказал старый Мастер Имен. — Первый Архимаг появился спустя столетия после последнего короля. Рок правил в отсутствие королей.

— Агх! — сказал Мастер Образа. — Тяж-шело управителю домом отдать ключи, когда вернулся гхозяин.

— Кольцо Мира воссоединено, — терпеливым, но тревожным голосом произнес Мастер Травник. — Пророчество свершилось, сын Морреда коронован, но мира по-прежнему нет. Что мы делаем не так? Почему мы не можем найти равновесия?

— Каковы намеренияТориона? — спросил Мастер Имен.

— Привезти Лебаннена сюда, — сказал Мастер Травник. — Один из учеников говорил об «истинной короне». О второй коронации. Здесь. Архимагом Торионом.

— Чур меня! — Ириан сотворила знак, мешающий слову стать делом. Никто не улыбнулся, а Травник запоздало повторил ее жест.

— Как он может удерживать всех? — спросил Мастер Имен. — Травник, ты был здесь, когда Перепелятник и Торион были вызваны Ириотом. Дар Ириота был так же велик, как дарТориона. Он пользовался им, чтобы держать людей в узде, контролировать их. Торион поступает так же?

— Я не знаю, — ответил Целитель. — Могу лишь сказать, что когда я рядом с ним, когда я в Большом Доме, то чувствую, будто ничего нельзя сделать, свершится лишь то, что свершится. Ничто не изменится. Ничто не будет расти. Какие бы лекарства я ни использовал, все болезни закончатся смертью. — Он оглядел их, словно раненый бык. — И

мне кажется, это правда. Нет способа обрести Равновесие, можно лишь сидеть неподвижно. Мы зашли так далеко. То, что Архимаг и Лебаннен ушли к мертвым и вернулись, — это был неправильно. Они нарушили закон, который нельзя нарушать. И вот Торион вернулся, чтобы восстановить закон.

— Как? Отправив их обратно к мертвым? — спросил Мастер Имен и вместе с ним заговорил Мастер Образа:

— Кхто мож-шет сказать, что есть закон?

— Вот стена, — сказал Мастер Травник.

— Корни этой стены не так гхлубоки, как корни моих деревьев.

— Но ты прав, Целитель, мы сейчас вне равновесия, — сказал Куррмекармеррук, и голос его был резок и тверд. — Когда же и где мы свернули с пути? Что мы забыли, к чему повернулись спиной, просмотрели?

Ириан смотрела то на одного, то на другого.

— Кхогда равновесие неверно, поддерж-шивать его не есть гхорошо. Станет лишь гхуже. Пока...

Рисующий Образ сделал странный жест — быстро несколько раз повернул руки то ладонями к земле, то к небу.

— Что может быть более неверным, как вызывать самого себя из мертвых? — спросил Мастер Имен.

— Торион был лучшим из нас — отважное сердце, доблестный разум, — проговорил Мастер Травник почти яростно. — Перепелятник любил его. Как и мы все.

— Его замучила совесть, — сказал Мастер Имен. — Совесть сказала ему, что только он смог бы навести порядок. И чтобы сделать так, он отрицал свою смерть. Этим он стал отрицать свою жизнь.

— И кто встанет против него? — сказал Мастер Образа. — Я мог-ху лишь спрятаться среди лесов.

— А я — в своей башне, — сказал Мастер Имени. — А ты, Травник, и ты, Привратник, вы в Великом Доме точно в ловушке. Мы построили стены, чтобы не пускать зло внутрь. Или наружу, такое тоже ведь может быть.

— Нас четверо против нег-хо одног-хо, — сказал Мастер Образа.

— Их пятеро против нас, — сказал Травник.

— Что же, вот дошло до того, — сказал Мастер Имени, — что мы стоим на опушке леса, посаженного Сегоем, и говорим о том, как нам уничтожить друг друга?

— Да, — сказал Мастер Образа. — То, что долго ж-шивет не изменяясь, убивает тебя. Вечен лес, потому что он умирает и умирает, и тем ж-шив. Но я не позволю мертвой руке коснутся меня. Или дотронуться до короля, что принес нам надежду. Откровение произнесено, я сам его произнес... «ж-шенщина на Гонте»... и я не стану свидетелем, как забудутся эти слова.

— Значит, нам нужно ехать на Гонт? — сказал Травник, захваченный страстью Азвера. — Там Перепелятник.

— Там Тенар, Владеющая Кольцом, — сказал Азвер.

— Может быть, там — наша надежда, — сказал Мастер Имен.

Они постояли в молчании, неловко пытаясь затеплить надежду.

Ириан тоже молчала, но ее надежда таяла, словно снежинка, сменяясь стыдом и осознанием своей никчемности. Рядом стояли храбрые мудрые люди, что искали способ спасти то, что любили, но не знали, как это сделать. Но она не делила с ними мудрости, не принимала участия в решении. Она побрела прочь, и они не заметили ее ухода. Ириан шла все дальше, туда, где Твилбурн выбегает из леса и крохотными водопадами преодолевает пороги. Вода под утренним солнцем слепила глаза и радостно пела. Ириан хотела заплакать, но ей никогда не удавалось заплакать как следует. Она просто стояла и смотрела на воду, и стыд ее понемногу превращался в ярость.

Она вернулась обратно к трем людям и громко сказала:

— Азвер.

Вздрогнув, он повернулся к ней, сделал шаг.

— Почему ты нарушил Правило ради меня? Разве честно ты поступил со мной, если я никогда не стану тем, кто вы есть?

Азвер нахмурился.

— Привратник признал тебя, потому что ты попросила. Я привел тебя в Рощу, потому что листья деревьев шептали мне твое имя еще до тог-хо, как ты появилась здесь. ***Ириан***, говорили они. ***Ириан***. Я не знаю, зачем ты пришла, но со всем не случайно. И Мастер Зова тож-ше знает об этом.

— Может быть, я пришла уничтожить его.

Он смотрел на нее и молчал.

— Может быть, я пришла, чтобы разрушить Скалу.

Его блеклые глаза полыхнули огнем.

— Попробуй!

Она вздрогнула. Она ощущала, что становится больше, чем он, больше, чем сама была раньше, огромной как никогда. Она могла раздавить Азвера одним пальцем. Он стоял перед ней, такой маленький, храбрый человечек с жизнью краткой, словно вздох, смертный и беззащитный. Она глубоко, очень глубоко вздохнула. Потом сделала шаг назад.

Ощущение мощи покидало ее. Она потупилась и с удивлением увидала собственную загорелую руку, закатанный рукав, траву, прохладными и зелеными кольцами обвившую ее ноги в сандалиях. Она вновь подняла взгляд на Мастера Образа, но он по-прежнему казался ей хрупким и беспомощным. И она пожалела его и отдала ему должное. Ей хотелось предупредить его, в какой он опасности. Но слов не было. Тогда она повернулась и ушла к песчаному берегу у небольших водопадов. Там она присела на корточки и закрыла руками лицо, закрыла от себя Азвера, закрыла весь мир.

Голоса беседующих магов казались журчаньем ручьев. Поток говорил свои речи, маги — свои, но никто — ни тот, ни другие — не знали правильных слов.

4. Ириан

Когда Азвер подошел ко всем остальным, на его лице было странное выражение, и поэтому Травник задал вопрос:

— Что такое?

— Не знаю. Мож-шет быть, не следует нам покидать Рок.

— Может быть, мы и не сможем, — сказал Травник. — Если Мастер Ветров запрет все свои ветра...

— Я собираюсь обратно к себе, к своему телу, — вдруг сказал Курремкармеррук. — Мне не нравится, что меня выбросили, точно старый башмак. Я присоединюсь к вам сегодня вечером.

Он ушел.

— А мне бы хотелось погулять под твоими деревьями, Азвер, — с долгим вздохом произнес Травник.

— Хорошо, Дейала. Я буду здесь.

Травник тоже ушел. Азвер сел на скамью, которую смастерила Ириан и прислонился к стене. Он смотрел на нее, как она без движения скорчилась на песке. Негромко блеяли овцы на лугу между ними и Великим Домом. Солнце, спокойное поутру, разгоралось все жарче.

Отец дал ему имя — Знамя Войны. Он ушел на запад, бросив все, он узнал свое настоящее имя у деревьев Рощи и стал Рисующим Образ на Роке. И все эти годы тени, ветви и корни говорили с ним молчаливым языком леса, говорили о разрушении, говорили о преступлении закона, говорили, что все переменится. И он знал: предсказанье сбылось. Предсказание пришло вместе с девушкой.

Она находилась под его опекой, под его заботой, он понял это, как только увидел ее. И хотя она пришла уничтожить Скалу, как и сказала, он должен служить ей. И он согласился с охотой и по собственной воле. Она шла с ним по лесу, высокая, неуклюжая, бесстрашная; она раздвигала колючие кусты куманики крупными и заботливыми руками. И глаза ее цвета темного янтаря, словно вода Твилбурна в тени ив, смотрели на мир; она слушала; она умела сидеть неподвижно. Он хотел защитить ее и знал, что не сможет. Он согрел ее, когда она замерзла. Больше ему нечего было отдать ей. Она пойдет туда, куда должна будет пойти. Опасности она не понимает. У нее нет иной мудрости, кроме невинности, нет иной брони, кроме гнева. «Кто же ты, Ириан?» — спросил он ее, глядя, как она все еще лежит, свернувшись клубком, как зверек.

Из леса вернулся его друг и сел рядом с ним на скамью. Позже днем он пойдет в Великий Дом, согласившись вернуться вместе с Привратником поутру. Они попросят остальных мастеров встретиться в Роще. «Но ***он*** не сможет войти», — сказал Дейала, и Азвер кивнул.

Весь день он держался близ Дома Выдры, присматривая за Ириан, заставив ее немного поесть вместе с ним. Она вошла в дом, но, закончив еду, вновь ушла на берег ручья и сидела там без движения. И он тоже почувствовал, как засыпают его тело и ум. Он почувствовал, как глупеет, и не смог прогнать это ощущение. Он подумал о Мастере Зова и почувствовал холод, несмотря на то что сидел на

солнцепеке. Нами правит мертвец, подумал он. И мысль эта не покидала его.

Он был рад увидеть, как с севера вдоль ручья идет Курремкармеррук. Старик перешел ручей вброд, держа башмаки в одной руке, а второй сжимая длинный посох, он бормотал что-то под нос, оступаясь на мокрых камнях. Затем сел на песок, чтобы высушить ноги, и надел башмаки.

— Когда я вернусь в Башню, — сказал он, — буду ездить. Найму повозку, куплю мула. Я стар, Азвер.

— Заходи в дом, — сказал Мастер Образа и поставил на стол воду и еду для Мастера Имен.

— Где девочка?

— Спит, — Азвер кивнул в ту сторону, где лежала, свернувшись в траве, Ириан.

Дневной жар начал спадать, и тени деревьев легли на траву, хотя Домик Выдры все еще был облит солнечным светом. Курремкармеррук сидел, привалившись спиной к теплой стене, а Азвер расположился на ступеньках.

— Вот мы и подошли к окончанию, — нарушил молчание старик.

Азвер молча кивнул.

— Что привело тебя сюда, Азвер? — спросил Мастер Имен. — Я часто думал о том, чтобы спросить тебя. Ты прошел долгий путь. Кажется, у вас там, в землях Каргов нет магов.

— Нет. У нас есть то, из чего создана маг-хия. Вода, камни, деревья, слова...

— Но не слова Созидания.

— Нет. Не драконов.

— Никогда?

— Только в совсем древних лег-хендах. До тог-хо, как были боги. До тог-хо, как были люди. До людей были люди, они были драконы.

— Как интересно, — сказал старый учитель, сев прямее. — Я говорил, что читал о драконах. Знаешь, ходят слухи, что они летали над Внутренним Морем аж до самого Гонта. Нет сомнений, что Калессин отнес Джеда домой, даже учитывая то, что моряки обычно приукрашивают истории. Но мальчик клянется, что вся их деревня видела, как этой весной над горой Онн летали драконы. А еще я прочел в старой

книге о том, как они прекратили летать на Пендор. А еще в одной прочитал историю, похожую на твою. Что люди и драконы были из одного рода, но поссорились. Часть из них пошла на восток, а часть на запад, и так появилось два рода, и все забыли, что когда-то были едины.

— Мы ушли далеко на восток, — сказал Азвер. — Но знаешь ли ты, как на моем языке называют начальника армии?

— ***Ердан,*** — сказал Мастер Имен и рассмеялся. — Змей. Дракон...

Спустя какое-то время он продолжал:

— Я мог бы заниматься этимологией, даже стоя одной ногой в могиле... Но скажу тебе, Азвер, мы все там стоим. Нам его не победить.

— У него — преимущество, — сухо отозвался Азвер.

— Да, есть. Так что... Так что признаем невероятное, признаем невозможное — если мы победим, если он вернется к мертвым, а нас оставит живым, что мы станем делать? Что будет потом?

Прошло много времени, прежде чем Азвер сказал:

— Нет понятия.

— Твои листья и тени тебе ничего не сказали?

— Изменения, перемены, — ответил Рисующий Образ. — Смена.

Он внезапно поднял голову. Овцы, толкающиеся на водопое, разбежались, кто-то шел по тропе от Великого Дома.

— Группа юношей, — сказал Мастер Травник, запыхавшись. — АрмияТориона. Идут сюда. Чтобы забрать девчонку. Отослать ее прочь.

Он замолчал и перевел дыхание.

— Привратник говорил с ними, а я ушел. Я решил...

— Вот он здесь, — сказал Азвер, и Привратник был здесь, а его мягкое, смуглое лицо как всегда было спокойно.

— Я сказал им, — сообщил он, — что если они сегодня выйдут из Врат Медры, то никогда не вернутся в дом, который знаком им. Тогда некоторые повернули назад. Но Мастер Ветров и Заклинатель уговорили их. Они скоро придут.

В полях к востоку от Рощи послышались голоса.

Азвер быстро прошел туда, где возле ручья лежала Ириан, остальные последовали за ним. Ириан проснулась и встала на ноги, но выглядела еще сонной и не от мира сего. Они

встали вокруг нее, словно стража, когда мимо дома прошла толпа — тридцать или же больше молодых людей. В основном это были старшие ученики, но в толпе виднелись и посохи магов, пять или шесть. Возглавлял всех Мастер Ветров. Его худое лицо с резкими чертами было напряженным и усталым, но он поприветствовал четырех магов согласно их титулам. Они ответили так же, и Азвер взял слово.

— Пойдем в Рощу, Мастер Ветров, — сказал он, — там подож-щдем Девятерых.

— Сначала уладим дело, которое разделяет нас, — откликнулся мастер Ветров.

— Но это дело — краеугольный камень.

— Женщина с вами преступает Правило Рока, — сказал Мастер Ветров. — Ей должно уехать. В гавани ее ждет лодка и ветер, я заверяю вас, будет все время попутный.

— Не сомневаюсь в том, мой г-хосподин, — сказал Азвер, — сомневаюсь, что она уедет.

— Господин мой Рисующий Образ, ты отказываешься подчиниться Правилу, что существовало так долго и все это время удерживало порядок против сил разрушения? Ты, именно ты разобьешь образ?

— Образ — не стекло, его не разбить, — сказал Азвер. — Он — дыхание, он — ог-хонь.

Говорил он с великим трудом.

— Образ не ведает смерти, — сказал он, но сказал на родном языке, остальные его не поняли. Тогда он подошел к Ириан. Почувствовал тепло ее тела. Ириан стояла, смотрела и молчала, как будто не понимала ничьих слов, ни одного из них.

— Господин Торион вернулся из мертвых, чтобы спасти нас, — яростно и отчетливо произнес Мастер Ветров. — Он станет Архимагом. И под его управлением Рок станет таким же, как был. Король получит корону из его рук и станет править, как правил Морред. Ведьмы не будут осквернять священную землю. Драконы не будут угрожать Архипелагу. А будет порядок, безопасность и мир.

Никто не ответил ему. И в этом молчании кто-то сказал:

— Отдайте нам ведьму.

— Нет, — сказал Азвер, но больше сказать не смог ничего.

Он сжал свой посох, но в его руке была лишь деревяшка. Из них четверых только Привратник мог шевелиться и говорить.

Привратник шагнул вперед и внимательно осмотрел молодых людей, одного за другим. И сказал:

— Вы доверились мне, произнеся истинные имена. Доверитесь ли вы мне сейчас?

— Мой господин, — сказал один из юношей с темным красивым лицом и посохом мага в руке, — мы доверяем тебе и поэтому просим тебя отдать ведьму нам, и вернется покой.

Прежде чем Привратник ответил, вперед вышла Ириан.

— Я не ведьма, — сказала она. — У меня нет искусства. Нет знаний. Я пришла научиться.

— Здесь мы женщин не учим, — сказал Мастер Ветров. — Ты это знаешь.

— Ничего я не знаю, — ответила Ириан. Она вновь шагнула вперед и теперь смотрела магу прямо в лицо. — Скажи мне, кто я.

— Женщина, знай свое место, — холодно сказал маг.

— Мое место, — сказала она, медленно подбирая слова, — мое место на вершине утеса. Там, где все таково, каково оно есть. Скажи мертвецу, что мы встретимся там.

Мастер Ветров стоял молча, но люди, пришедшие с ним, зло заворчали, и некоторые из них тоже шагнули вперед. Между ними встал Азвер, слова Ириан освободили его тело и разум от паралича.

— СкажиТориону, что мы встретимся с ним на Скале, — сказал он. — Мы будет там, когда он придет. — И повернулся к Ириан. — Пойдем со мной.

Мастер Имен, Привратник и Травник пошли вслед за ними, и Роща впустила их, положив под ноги тропинку. Но когда некоторые из учеников устремились за ними, тропинка исчезла.

— Вернитесь, — сказал им Мастер Ветров.

Они неуверенно повернули назад. Низкое солнце все еще освещало поля и крышу Большого Дома, но внутри Рощи лежали глубокие тени.

— Ведьмовство, — говорили ученики, — святотатство, кощунство...

— Лучше уйдем, — сказал Мастер Ветров, он был угрюм и печален, в умных глазах скрывалась тревога.

Он направился к Школе, ученики потянулись за ним, все еще споря в расстройстве и гневе.

Они не успели углубиться в Рощу, еще шли вдоль ручья, а Ириан вдруг остановилась, свернула с тропы и присела возле огромного корня ивы, наклонившейся над водой. Четверо магов остались стоять на тропе.

— Она г-ховорила другим дыханием, — заметил Азвер.

Мастер Имен согласно кивнул.

— Так мы должны идти вслед за ней? — спросил Травник.

На этот раз кивнул Привратник. Потом улыбнулся и произнес:

— Похоже на то...

— Хорошо, — сказал Травник. Отошел в сторону и встал на колени, чтобы как следует рассмотреть какую-то травку или завиток мха.

Как всегда в Роще: время словно стояло на месте и все равно уходило, день тихонько угас всего лишь за несколько вздохов, растворился в дрожании листьев, где-то вдали пропела невидимая птица, другая ответила ей — еще дальше. Ириан медленно встала. Она ничего не сказала, лишь взглянула на тропинку и побрела по ней. Четверо мужчин пошли следом.

К вечеру они выбрались на открытое место. Запад еще полыхал, когда они пересекли речку Твилбурн и прошли вдоль полей к Скале, темной, кривой, вонзавшейся в небо.

— Они идут, — подал голос Привратник.

По садам, по тропе от Большого Дома шли люди, множество учеников, почти все маги. Впереди шел Торион, Мастер Зова, высокий, в сером плаще, с длинным посохом из белого, словно кость, дерева, и на конце его посоха слабо горел призрачный огонек.

Там, где обе тропы сливаются, чтобы спиралью подняться вверх на скалу, Торион остановился и подождал их. Ириан шагнула к нему.

— Ириан с острова Путь, — звучным и ясным голосом произнес Мастер Зова, — чтобы покой и порядок вновь вернулись на Архипелаг, ради равновесия мира, я приказываю тебе оставить наш остров. Мы не можем дать тебе то, что ты

просишь, и за это просим прощения у тебя. Но если ты хочешь остаться у нас, то этим теряешь право на прощение и должна узнать, что последует за грехом.

Ириан стояла напротив него, почти такая же высокая, как и он, с такой же прямой спиной. Мгновение она молчала, потом заговорила высоким и резким голосом.

— Пойдем со мной на скалу, Торион, — сказала она.

Не дожидаясь Мастера Зова, оставив его на перекрестке, Ириан пошла вверх по тропе. Но — всего лишь пару шагов. Потом оглянулась и посмотрела на собеседника.

— Что же не пускает тебя на скалу? — спросила она.

Воздух темнел. Только на западе тускло тлела алая полоса, на востоке небо вставало над морем черной стеной.

Мастер Зова смотрел на Ириан. Медленно поднял руки вместе с белым посохом и прочел заклинание на языке, который знали все маги и волшебники Рока, языке их искусства, Языке Творения:

— Ириан, твоим именем я заклинаю тебя и призываю повиноваться мне!

Одно мгновение девушка промедлила, казалось, вот-вот, и она вернется к нему, но она покачала головой и крикнула:

— Я — не Ириан!

И тогда Мастер Зова побежал к ней, вытянув руки, как будто хотел схватить. И в этот миг они оба оказались на вершине скалы. Невероятно, но Ириан словно вознеслась над магом, между ними сверкнул огонь — языки красного пламени во мгле сумерек, отблеск на красно-золотой чешуе, на распростертых крыльях — и вдруг все исчезло, и не было ничего, кроме женщины, стоящей на тропе, и высокого мужчины, склоняющегося у ее ног, медленно опускающегося на землю, лежащего на земле...

Только Травник, целитель, первым осмелился шелохнуться. Он пробежал по тропе и встал на колени возлеТориона.

— Мой господин, — сказал он, — мой друг...

Но под грудой серой ткани его руки нашарили только одежду, сломанный посох и кости. Старые высохшие кости.

— Так будет лучше, Торион, — сказал Травник и заплакал.

Вперед вышел старый Мастер Имен и спросил у женщины на вершине скалы:

— Кто ты?

— Я не знаю другого имени, — сказала она.

Она говорила на том языке, на котором говорил Мастер Имен, на котором она сама говорила с Мастером Зова, на Языке Творения, на языке, на котором говорили драконы. Потом повернулась и начала подниматься на гребень скалы.

— Ириан, — окликнул ее Мастер Образа Азвер, — ты вернешься к нам?

Она остановилась, так чтобы он смог приблизиться к ней.

— Да, если ты позовешь, — сказала она.

Потом протянула руку и коснулась его запястья. Азвер судорожно вздохнул.

— К-худа ты идешь? — спросил он.

— К тем, кто найдет мое имя. В огне, не в воде. К моему народу.

— На запад, — сказал он.

— За пределами запада, — отозвалась она.

Потом отвернулась от Азвера и от всех остальных и пошла вверх по склону в сгущающуюся тьму. И когда она ушла совсем далеко, они все посмотрели ей вслед и увидели спину, облитую золотом чешуи, изгиб игольчатого хвоста, когти, дыхание, превращающееся в огонь. Женщина на гребне холма вновь повернула длинную узкую голову, медленно оглядела Скалу, задержав взгляд на Роще — видимой отсюда лишь темным пятном во мраке. Потом все услышали звук, словно сотрясаются огромные медные листы... и распахнув широкие крылья дракон прыгнул в воздух, сделал круг над островом и исчез.

Жгутик дыма, завиток светлого пламени проплыли в темном небе.

Азвер, Рисующий Образ, левой рукой поддерживал правую, обожженную прикосновением. Он посмотрел на мужчин, молча стоявших у подножья скалы и следивших за драконом.

— Что ж-ш, друзья мои, — произнес он, — что нам делать теперь?

Ответил лишь Привратник. Он сказал:

— Я думаю, нам следует вернуться в наш дом и распахнуть все двери.

Тед Уильямс

Память, горе и терний

Tad Williams

THE BURNING MAN

Перевод с английского Н. Виленской

© Tad Williams, 1998
© Перевод. Н. Виленская, 1999

Граница льдов
Пустынный Холм
ГЕРНИСТИР
АЛЬДГЕОРТЕ
ЭРКИНЛЕНД
Выс. Троеводье
Ср. Троеводье
Оз. Троеводье
Варинстен
Пердруин
НАББАН
Верх. ВРЕН
Ниж. ВРЕН
Остен Ард
N

«Трон из кости дракона» (1988)
«Камень прощания» (1990)
«Зеленая башня Ангела» (1993)

Действие трилогии происходит в Остен-Арде, который простирается от болот Южного Врена до Йиканука, ледового обиталища троллей, но сердце его — это большой замок, называемый Луговой Холм.

Рассказ начинается со смерти Престера Джона, могущественного короля-человека, который владел замком много лет. Он расширил свое государство за пределы Эркинленда и правил почти всеми народами Остен-Арда. После его кончины между королевскими сыновьями разгорается борьба за власть, которая едва не приводит к гибели всего мира, поскольку бессмертный монстр Инелюки использует эту войну в своих целях. Ключевую роль в событиях играют поваренок Симон Белокурый, Мириамель, дочь одного из принцев, тролль Бинабик, таинственная колдунья Гелоэ и ситхи — полубессмертный народ Инелюки, за которых он некогда расстался с живой жизнью.

Инелюки был владельцем Лугового Холма за пятьсот лет до Престера Джона — тогда замок назывался Азуа. Когда смертные осадили его замок, он предпринял последнюю, самоубийственную попытку победить людей путем волшебства. Вспыхнул пожар, Инелюки и его сторонники ушли из мира живых, а замок был почти полностью разрушен. Но люди, оставшиеся в живых, построили новое здание на руинах замка ситхов. На протяжении веков в замке сменилось несколько смертных правителей из разных земель, в том числе Король-Цапля, Святой Король и Король-Рыболов, но до Престера Джона никто не задерживался там надолго.

Явившийся в пламени

Даже многие годы спустя я просыпаюсь среди ночи и вижу перед собой его страдающее лицо. И каждый раз знаю, что бессильна облегчить его страдания.

И я хочу рассказать об этом, чтобы призраки наконец успокоились — если это только возможно в таком месте, где призраков больше, чем живых душ. А вы слушайте внимательно — ведь это такая история, которую даже сама рассказчица понимает не до конца.

Я расскажу вам о господине Сулисе, моем знаменитом отчиме.

Расскажу о том, что напророчила мне колдунья.

Расскажу о своей любви, которую потеряла.

Расскажу о той ночи, когда увидела явившегося в пламени.

Подарки Телларина были скромными, но для меня на свете не было ничего дороже. Мой любимый носил мне сладости и смеялся, глядя, с какой жадностью я их поедаю.

— Ах, малютка Бреда, — не чудо ли, что простой солдат украдкой носит медовые финики королевской дочке! — И он целовал меня, прижимался своими шершавыми щеками к моим и целовал, и это было слаще всех фиников на свете.

Но Сулис не был по-настоящему королем, а я не была ему родной дочерью.

Телларин был прав в одном. Когда я видела моего солдата или слышала его свист под окном, это в самом деле было настоящее чудо.

Мой родной отец, от чресл которого я произошла, погиб в холодных водах Королевского озера, когда я была совсем

еще маленькой. Его спутники рассказали, что большая рыбакопье попалась им в сети и утащила моего отца Риквалда за собой в глубину, но многие шептали, что спутники-то и убили его, а потом утопили, привязав к ногам камни.

Все знали, что мой отец получит штандарт и копье Великого Тана на следующем собрании танов Озерного Народа. И отец его, и дядя были Великими Танами до него, поэтому поговаривали, что Бог недаром его поразил — негоже, мол, одному роду удерживать власть так долго. Говорили еще, что тем, кто был с отцом в лодке, просто уплатили постыдное золото, чтобы они утопили его в пользу какого-то другого рода.

Я все это знаю только по рассказам моей матери Синетриты. После смерти отца она осталась молодой вдовой с двумя детьми — мне не минуло еще и пяти, брат Эльфрик был на два года старше. И мы все переехали жить к отцу моего отца, потому что мы, дети, были последними в его роду, а среди эркилендского Озерного Народа наша кровь ценилась очень высоко. Но этот дом не стал для нас счастливым. Годрик, мой дед, сам был Великим Таном два десятилетия, пока болезнь не одолела его, и возлагал большие надежды на моего отца — но отец умер, и человек из другого рода получил на глазах Годрика копье и штандарт. Все, что бы ни случилось с тех пор на свете, убеждало деда в том, что хорошие времена Эркинленда и Озерного Народа остались позади.

Годрик умер, когда мне еще не исполнилось семи, но и за этот краткий срок успел сделать мою мать несчастной. Он все жаловался и корил ее за то, как она ведет дом и воспитывает нас с Эльфриком. Дед проводил много времени с братом, стараясь сделать из него мужчину, который вернет нашему роду копье и штандарт, но брат был слишком хил и робок — из тех, кто способен управлять только собственным домом. Годрик винил в этом мою мать, говоря, что она испортила сына бабьим воспитанием.

Я деда заботила куда меньше. Он никогда не был жесток со мной — только суров и немногословен, но меня так пугали его белая борода, бранчливый голос и отсутствие нескольких пальцев, что я всегда дичилась его. Это была еще одна из причин, по которым он утратил вкус к жизни, о чем я теперь сожалею.

Да, горьким было время вдовства для моей матери. Из хозяйки собственного дома и жены Великого Тана она сделалась одной из трех взрослых дочерей в доме сурового старца: одна из сестер моего отца тоже лишилась мужа, а младшую так и не выдавали замуж, чтобы она заботилась о старике на склоне его лет.

Мне думается, мать тогда приняла бы руку даже самого бедного рыбака, имей он только свой дом и не будь у него никого из родных. Но вместо этого к ней посватался человек, чье имя заставляло трепетать всех и каждого.

— Какой он, твой отчим? — спросил однажды Телларин. — Расскажи мне о нем.

— Он твой господин и повелитель, — улыбнулась я. — Что еще можно к этому добавить?

— Скажи мне, что он говорит и делает в кругу семьи, у себя за столом. — И лицо Телларина сделалось вдруг по-мальчишески удивленным. — Надо же! Мне кажется кощунственным даже спрашивать об этом.

— Он такой же человек, как и все. — Я закатила глаза. Вольно же людям представлять других большими и важными, а себя — ничтожными козявками. — Он ест, и спит, и пускает ветры. Когда мать была жива, она говорила, что он занимает в постели больше места, чем трое других, вместе взятых, потому что мечется во сне и говорит вслух при этом. — Я нарочно принижала отчима, потому что мне казалось, будто Телларин интересуется им больше, чем мной.

Мой наббанский солдат посерьезнел.

— Как он, должно быть, горевал, когда она умерла. Он, наверное, очень любил ее?

Как будто я не горевала! Я поборола искушение снова закатить глаза и сказала со всей уверенностью юности:

— Я думаю, он вовсе ее не любил.

Мать сказала однажды, что, когда отчим со своими присными впервые появился на луговых землях, держа путь к Королевскому озеру, всем показалось, будто это небесное воинство спустилось на землю. Трубы возвещали об их приближении, и люди сбегались отовсюду, словно к процессии, несущей святую реликвию. Доспехи и копья рыца-

рей сверкали, начищенные до блеска, а на знаменах была вышита золотом цапля — герб их господина. Даже кони наббанийцев были крупнее и горделивее, чем наши эркинлендские лошадки. За воинами шли стада овец и крупного скота, ехали вереницы повозок — поезд был столь велик, что след от него виден на земле и теперь, шесть десятилетий спустя.

Я была тогда ребенком и ничего этого не видела — слышала только, о чем мать с тетками перешептывались за шитьем. К нам прибыл могущественный властелин, говорили они, наббанский вельможа, называемый многими Сулисом-Отступником. Он изгнан из родных краев — говорят, сам Лектор повелел так под угрозой отлучить его от Церкви, ибо Сулис задавал еретические вопросы о жизни Узиреса Эдона, благословенного Спасителя нашего. Но кое-кто говорит, что это был заговор против него. Разозлить церковника — все равно что наступить на змею.

Церковь тогда еще не совсем утвердилась в Эркинленде, и хотя почти всех обратили в веру эдонитов, очень немногие из Озерного Народа доверяли Санселланскому Эдониату. Его называли «поповским ульем» и говорили, что его глава печется не о Боге, а о собственном преуспеянии.

Многие и теперь говорят это — но так, чтобы чужие не слышали.

Сегодня я знаю обо всем этом много больше, чем когда это происходило. Я многое постигла теперь, когда я стара, а тех, о ком я рассказываю, уже нет в живых. Я далеко не первая, кто проделал этот скорбный путь — знание всегда приходит слишком поздно.

Господин Сулис действительно рассорился с Церковью, и в Наббане, где Церковь и государство были связаны очень крепко, это сразу сделало его врагом главы Санселланского Магистрата. Но мой будущий отчим принадлежал к столь знатному и могущественному роду, что его не заточили в тюрьму и не казнили, а лишь настоятельно посоветовали ему покинуть Наббан. Его соотечественники думали, что он выбрал Эркинленд потому, что в нашем захолустье любой вельможа мог стать королем, — но у Сулиса были свои причины, куда более глубокие и странные, чем кто-либо мог предположить. Как бы там ни было, он привел всех своих домочадцев и своих рыцарей и солдат с их женщинами и

детьми — целый маленький город — на берега Королевского озера.

Несмотря на свои острые мечи и крепкие доспехи, наббанийцы обращались с Озерным Народом на удивление учтиво. В первые же недели между их лагерем и нашими селениями завязалась торговля, и многие из наших завели себе друзей среди пришельцев. Эркинлендцы насторожились лишь тогда, когда господин Сулис объявил танам о своем намерении поселиться в заброшенном замке на мысу.

Огромный и пустой, обитель ветра и теней, замок смотрел сверху на наши земли с незапамятных времен. Никто не помнил, кто его построил — то ли великаны, то ли сам волшебный народ. Говорили, что какое-то время им владели северяне из Риммерсгарда, но они давно уже ушли отсюда, изгнанные драконом. Сколько преданий окружало этот замок! В детстве одна из служанок моей матери рассказывала мне, что там живут теперь северные ведьмы и беспокойные духи. Часто ночью я думала, как он стоит, этот замок, на обвеваемом ветрами утесе, всего в половине дня езды от нас, и так боялась, что не могла спать.

Намерение пришельца восстановить разрушенную твердыню привела танов в беспокойство — и не только потому, что они опасались потревожить духов. Замок занимал мощную позицию и был почти непобедим — его стены, даже обветшавшие, могли выдержать любой приступ. Но таны попали в трудное положение. Хотя озерян было больше, чем людей Сулиса, рыцари Цапли были лучше вооружены, а дисциплина наббанийских бойцов славилась повсюду — не прошло и нескольких лет, как императорские Морские Волки числом пол-легиона разбили вдесятеро больше троеводян. Освеард же, новый Великий Тан, был молод и не имел воинского опыта. Поэтому другие таны попросили моего деда Годрика поговорить с наббанийцем и попытаться разгадать его истинные намерения.

Так господин Сулис явился в дедову усадьбу и впервые увидел мою мать.

В детстве мне хотелось верить, что Сулис влюбился в мать с первого взгляда, когда они тихо стояли за стулом сво-

его свекра в большом зале Годрика. Она была красива, я знаю — пока отец был жив, все домочадцы называли ее Лебедью Риквальда из-за ее стройной шеи и белых плеч. Волосы у нее были цвета бледного золота, глаза зеленые, как Королевское озеро летом. Любой мужчина влюбился бы в нее. Но слово «любой» никак не подходит к моему отчиму.

Впервые влюбившись сама и став женщиной, я поняла, что Сулис ее не любил. Как мог любящий муж быть столь холодным и отстраненным? Столь тяжеловесно учтивым? Вздрагивая при одной мысли о Телларине, моем тайном возлюбленном, я понимала, что мужчина, который держал себя с женой таким образом, никак не мог ее любить.

Теперь я уже не так уверена в этом. Столь многое кажется другим, когда смотришь на него моими нынешними глазами. С высоты своих лет я смотрю на свою жизнь, словно с горы, но порой мне кажется, что вижу я лучше.

Сулис был умный человек и не мог не заметить, как мой дед ненавидит Великого Тана, — это проявлялось во всем, что Годрик говорил. Дед даже о погоде не мог упомянуть, не сказав, что лето было теплее, а зима короче в ту пору, когда он сам был Великим Таном, — а если бы, мол, сын сел на его место, то у нас вечно стоял бы месяц май. Видя это, Сулис стал ублажать нравного старика — сперва он тонко льстил ему и дарил подарки, а после посватался к его невестке.

Да, когда дед в достаточной степени проникся уважением к уму этого иноземного вельможи, Сулис нанес решающий удар. Он не только предложил за мою мать — вдову! — выкуп больше, чем за девицу из дома Великого Тана, целое состояние в мечах, наббанских конях и золотой посуде, но вдобавок выразил готовность оставить брата и меня на попечение деда.

Годрик не совсем еще отказался от своих надежд на Эльфрика, и эта мысль привела его в восторг, но во мне он особо не нуждался. И двое мужчин порешили, что матери будет веселее на новом месте, если она возьмет с собой хотя бы одного ребенка.

На том и сговорились, и чужеземец вошел в семью бывшего Великого Тана. Остальным танам Годрик сказал, что намерения у Сулиса самые добрые и что своей женитьбой

он честно доказал свое желание жить в мире с Озерным Народом. С ним есть священники, которые очистят замок от беспокойных духов — Годрик передал танам то, что сказал ему сам Сулис, — и потому водворение Сулиса в замок принесет нашему народу двойную пользу.

Не знаю, что думали об этом Освеард и другие таны. Но, приняв в расчет суждение Годрика и силу пришельца — а быть может, испытывая тайный стыд по поводу смерти моего отца, — они сочли за благо согласиться. И господину Сулису с молодой женой отдали во владение заброшенный замок со всеми его развалинами и призраками.

Любила ли мать своего второго мужа? Об этом я знаю не больше, чем о чувствах Сулиса, и оба они так давно умерли, что не осталось никого, кроме меня, кто бы знал их обоих. Когда она впервые увидела его на пороге Годрикова дома, он, конечно, был на диво хорош. Уже не первой молодости — он, как и мать, успел овдоветь, хотя его жена умерла десять лет назад, тогда как ее утрата была еще свежа, — однако большой человек из величайшего города на свете. Поверх доспехов он носил белоснежную мантию, застегнутую на плече бирюзовой пряжкой в виде его фамильного герба, цапли. Шлем он, входя в дом, взял на сгиб руки, и мать могла заметить, что волос у него осталось мало — так, каемка на затылке и над ушами, так что лоб блестел при свете очага. Он был высок, крепкого сложения, с выбритым квадратным подбородком и крупным широким носом. Сильное, тяжелое лицо имело задумчивый вид и носило отпечаток грусти — такое лицо, сказала мне однажды мать, могло быть у самого Бога в Судный день.

Он и напугал ее, и взволновал — я знаю это по ее рассказам об их первой встрече. Но любила ли она его — тогда и в последующие дни? Не могу сказать. Да и какая кому разница после стольких-то лет!

В доме свекра ей жилось тяжело. Что бы она ни чувствовала в глубине души, я не сомневаюсь, что за Сулиса она шла с радостью.

В тот месяц, когда мать умерла, на моем тринадцатом году, она сказала мне, что Сулис боялся ее полюбить — так она думает. Больше она ничего не объяснила — она была

совсем уже слаба, и ей было трудно говорить — и я до сих пор не знаю, что она хотела сказать.

В предпоследних словах, которые она сказала мне, было еще меньше смысла. Когда слабость в груди так одолевала ее, что она едва могла дышать, она нашла в себе силы произнести: «Я — только призрак».

Быть может, она говорила о своих страданиях, о том, что только цепляется за жизнь — как робкий дух, который не решается отправиться на него и остается в знакомых местах. Ее последняя просьба доказала, что она устала от тягот этого мира. Но я с тех пор часто думала, не было ли в ее словах иного значения. Не хотела ли она сказать, что после смерти моего отца жила призрачной жизнью? Что она стала тенью в собственном доме, тенью, которая блуждала по темным коридорам замка в надежде, что ее оживит взгляд второго мужа — а этот молчаливый, отягощенный тайной думой человек так и не посмотрел на нее?

Бедная моя мать. Бедная наша, преследуемая роком семья!

Я плохо помню первый год замужества матери с господином Сулисом, но не могу забыть того дня, когда мы въехали в наш новый дом. Другие отправились туда раньше нас, чтобы по возможности облегчить нам переезд, — я это знаю, потому что на зеленом Внутреннем Дворе уже разбили большой шатер, где мы и спали первые месяцы. Но моему ребяческому разуму представлялось, что до нас туда не ступала нога ни одного смертного. За каждым углом я ожидала ведьм и людоедов.

Поднявшись на утес по дороге, что шла рядом с Королевским озером, мы добрались до крепостной стены и двинулись в обход самого замка. Люди, посланные вперед, кое-как прорубили тропу в тени стен, так что нам приходилось легче, чем им. Мы ехали по зеленому коридору между стеной и лесом. Лесная растительность подступала вплотную к замку, оплетая корнями и лозами его камни.

У северных ворот замка мы увидели неприглядную вырубку с торчащими пнями и почерневшей от огня травой — оживленный город Эркинчестер, раскинувшийся ныне у подножия замка, никому еще и во сне не снился. Да и не весь подлесок еще вырубили. Зеленые побеги цеплялись за

стены ветхой привратницкой, росли в трещинах каменных столбов, оставшихся от былых ворот, свисали длинными косами в проем.

— Видите? — Господин Сулис простер свои сильные руки так, словно он сам придумал и создал эту пустыню. — У нас будет самый большой и древний дом на свете.

Когда он ввел мою мать через порог в руины замка, она начертала над сердцем знак Древа.

Теперь я знаю многое, чего не знала в тот первый день, когда мы приехали в замок. Знаю, что из россказней о замке было ложью, а что — истинной правдой. Не вызывает никаких сомнений то, что северяне в самом деле здесь жили. За свои годы я нашла много их монет с грубым «Ф», знаком их короля Фингила, и сохранились сгнившие остовы их деревянных хижин во Внешнем Дворе — их обнаружили люди моего отчима, когда работали там. А если северяне были, то легенда о драконе тоже может быть правдой, как и страшное предание о том, как северяне перебили бессмертных обитателей замка.

Но я не нуждалась в таких наглядных доказательствах, как монеты или развалины, чтобы знать, что наш дом полон духов. Это я поняла как нельзя яснее в ту ночь, когда увидела явившегося в огне.

Быть может, кто рос в Наббане или в другом большом городе на юге, был бы не так поражен видом замка, но я была ребенком Озерного Народа. Самым большим зданием, которое я видела до сих пор, была наша городская ратуша — а ее можно было упрятать в любом крыле замка так, что потом никто бы не нашел. В тот день мне стало ясно, что такой замок и правда могли построить только великаны.

Крепостная стена уже поражала детское воображение — в десять моих ростов, сложенная из таких огромных камней, которые, конечно же, лишь руки великанов могли водрузить на место. Но внутренние стены, там, где они еще сохранились, были не только огромны, но и прекрасны. Их построили из блестящего белого камня, отшлифованного, как драгоценный. Сами камни были такой же величины, как во внешней стене, но примыкали друг к другу так плотно, что

каждая стена издали казалась цельным изогнутым бивнем, брошенным на склон холма.

Многие из первоначальных строений замка сгорели или были снесены, а их камни пошли на постройку башни северян — пузатой, как бочка, но очень высокой. В другом месте громадное сооружение людей из Риммерсгарда подавило бы собой все остальное и приковало к себе все мое внимание — но в другом месте не было Башни Ангела.

Тогда я еще не знала, как она называется — да у нее и не было имени, потому что фигура на ее вершине едва виднелась снизу, — но в тот миг, как я увидела ее, я поняла, что такой больше нет на всем свете, и детское суждение в кои-то веки оказалось верным. Вход в нее загораживали груды щебня, который северяне так и не успели убрать, и стены в нижней части кое-где потрескались и обвалились от какого-то невообразимого сотрясения, так что остался только голый камень — но она по-прежнему вонзалась в небо, как большой белый клык, выше всякого дерева, выше всего, что могли построить руки смертных.

Полная восторга, но и страха тоже, я спросила у матери, не свалится ли эта башня на нас. Она попыталась успокоить меня и сказала, что эта башня стоит здесь дольше, чем я могу себе представить — быть может, еще с тех пор, когда на Королевском озере и людей-то не было; но это лишь вызвало у меня новые, еще более странные мысли.

Последние слова, которые сказала мне мать, были:

— Принеси мне коготь дракона.

Сперва я подумала, что перед смертью ее память вернулась к первым дням нашей жизни в замке.

Сказка о драконе из замка, прогнавшем прочь северян, была так стара, что никого уже не пугала, но маленькая девочка все еще принимала ее близко к сердцу. Солдаты моего отчима приносили мне гладко отшлифованные камешки и говорили: «Смотри, это обломки красного драконова когтя. Дракон живет в глубоких подвалах, но по ночам иногда вылезает наружу и вынюхивает маленьких девочек, чтобы съесть их!»

Поначалу я верила. Но потом, когда я подросла и стала не столь впечатлительной, россказни о драконе вызывали у

меня одно лишь презрение. Теперь же, в старости, меня снова преследуют сны о нем. Порой даже наяву. Мне кажется, я чувствую его там, во тьме под замком, чувствую, когда на пару мгновений прерывается его долгий, глубокий сон.

Поэтому в ту ночь, когда умирающая мать попросила меня принести ей коготь дракона, я подумала, что ей вспомнилось нечто в этом роде. Я хотела уже пойти и поискать те старые обломки, но ее сенная девушка Ульса, которую наббанийцы называли горничной или камеристкой, сказала мне, что матери не это нужно. Коготь дракона, объяснила она, — это талисман, который помогает страдальцам умереть легко и быстро. Ульса говорила это со слезами на глазах — мне думается, она была в достаточной степени эдонитка, чтобы осудить эту затею, но оставалась разумной молодой женщиной и не тратила времени попусту, рассуждая, правильно это или нет. Она сказала, что такую вещь можно достать только у Ксаниппы — эта женщина жила в селении, которое выросло за стенами замка.

Я уже вступила в пору созревания, но была совсем еще ребенком, и необходимость даже ненадолго выйти из замка в ночное время пугала меня; но об этом просила мать, а отказ умирающему в его просьбе считался грехом задолго до того, как Церковь начала поучать нас, что хорошо, а что плохо. Я оставила Ульсу с матерью и вышла в дождливую ночь.

Ксаниппа прежде была шлюхой, но потом, состарившись и растолстев, решила сменить ремесло и стала заниматься травами. В ее жалкой хижине, стоявшей за юго-восточной крепостной стеной, у Королевского леса, было дымно и клубились дурные запахи. Волосы Ксаниппы, перевязанные красивой когда-то лентой, были точно воронье гнездо. Ее лицо, в молодости, должно быть, круглое и миловидное, совсем заплыло жиром и походило на выловленную неводом рыбу. Притом она так отяжелела, что не вставала с табурета у огня все время, пока я была там — как и большую часть своего дня, полагаю.

Поначалу она отнеслась ко мне очень подозрительно, но, узнав, кто я, чего я хочу, и разглядев как следует мое лицо, приняла у меня три мелкие монеты и велела подтащить поближе к огню обшарпанный сундучок. Сундучок, как и его хозяйка, явно знавал лучшие времена и когда-то был краси-

во расписан. Ксаниппа водрузила его себе на живот и принялась копаться в нем с большой ловкостью, как-то не вязавшейся с ней.

— Ага, вот он, коготь дракона, — сказала она наконец и показала мне какую-то черную кривулю. Это действительно был коготь, но слишком маленький, по моему разумению, чтобы принадлежать дракону. Ксаниппа, видя мое недоумение, пояснила: — Совиный коготь, дуреха. Он только называется драконьим. — На кончике когтя был крохотный стеклянный шарик. — Смотри не снимай его и не разбей. А лучше вовсе не трогай. Есть у тебя кошелек?

Я показала ей сумочку, которую носила на шнурке вокруг шеи.

— Слишком тонка, — нахмурилась Ксаниппа. Она вытащила какие-то тряпки из кармана своего необъятного платья, завернула коготь, положила его в сумку и запихнула ее обратно мне за корсаж. При этом она сжала мою грудь так сильно, что я ахнула, а она погладила меня по голове. — Риап милосердный, неужто и я была когда-то такой молодой? Так смотри же, будь осторожна, моя сладкая. Кончик когтя смазан ядом с вренских болот. Если уколешься, то так и умрешь девицей — а тебе ведь этого не хотелось бы, верно?

Я попятилась к двери, и Ксаниппа усмехнулась, видя мой испуг.

— И передай своему отчиму от меня вот что. Того, что он ищет, он не найдет у здешних женщин, да и у знахарок Озерного Народа. Скажи, что он может мне верить — ведь если я могла бы разгадать его загадку, то сделала бы это, хотя заставила бы его дорого заплатить. Но нет — придется ему идти к лесной колдунье и задавать свои вопросы ей.

Она засмеялась, а я, открыв дверь, выскользнула наружу. Дождь стал еще сильнее, но я, то и дело оскальзываясь и падая, все-таки бежала всю дорогу до Внутреннего Двора.

В комнате матери уже побывали и священник, и мой отчим, который так и не произнес ни слова, как сказала мне Ульса. Мать умерла вскоре после того, как я ушла. Я подвела ее — она умерла в муках, без единой родной души рядом. Стыд и горе так жгли меня, что не верилось, что это когда-нибудь пройдет. Пока другие женщины готовили мать к по-

гребению, я могла только плакать. Коготь дракона болтался у моего сердца, почти забытый.

Много недель я бродила по замку, несчастная и неприкаянная. Поручение Ксаниппы я вспомнила только через месяц после похорон.

Я нашла отчима на стене, откуда он смотрел на Королевское озеро, и передала ему слова Ксаниппы. Он не спросил меня, почему я служу на посылках у этой женщины — даже не подал виду, что слышит меня. Он смотрел куда-то вдаль — возможно, на рыбачьи лодки, чуть видные в тумане.

Первые годы в разрушенном замке дались тяжело всем, не только мне и матери. Господин Сулис должен был и наблюдать за стройкой — огромная и бесконечно сложная задача, — и поддерживать дух своих людей в первую суровую зиму.

Одно дело — поклясться в порыве благородного негодования, что последуешь за своим господином хоть на край света, и совсем другое — когда твой господин останавливается и следование за ним превращается в изгнание. Когда наббанийские воины стали понимать, что этому холодному эркинлендскому захолустью суждено сделаться их домом навсегда, начались трудности: пьянство, драки между собой и даже столкновения с местными... с нашими, хотя я уже стала забывать, что это мой народ. После смерти матери мне казалось порой, что настоящая изгнанница — это я, окруженная наббанийскими именами, лицами и речью даже у себя на родине.

Да, первая зима не принесла нам радости, но мы пережили ее и принялись заново налаживать свою жизнь — жизнь отверженных. Но если кто и был рожден для такой судьбы, то это мой отчим.

Когда я снова вижу его в своей памяти, когда рисую себе этот широкий тяжелый лоб и суровое лицо, я думаю о нем как об острове, лежащем по ту сторону бурных вод — он близко, но на нем никто не бывает. Я была слишком мала и застенчива, чтобы пробовать докричаться через разделяющий нас поток, но вряд ли это имело значение — Сулис не казался человеком, которого одиночество тяготит. Даже в людной комнате он всегда смотрел не на людей, а на стены, словно видел сквозь камень какое-то лучшее место. Даже в самые счастливые его дни я редко видела, как он смеется, а

его мимолетная улыбка давала понять, что шутки, которые ему нравятся, другим непонятны.

Он не был ни дурным, ни даже трудным человеком, как мой дед Годрик, но мне порой было трудно понять бесконечную преданность, с которой относились к нему солдаты. Телларину, когда он вступил в отряд Авалеса, рассказали, как господин Сулис однажды вынес с поля битвы двух простых раненых латников, одного за другим, и это под тучей троеводских стрел. Если это правда, тогда ясно, за что любили его люди, — но в нашем замке не было места для подобных подвигов.

Когда я была еще мала, Сулис при встрече гладил меня по голове и задавал вопросы, которые должны были выразить отеческую заботу, но на деле показывали только, что он плохо представляет себе, чем я могу увлекаться в свои годы. Когда я подросла, он стал еще более вежлив и хвалил мои туалеты или мое рукоделие в той же заученной манере, как с арендаторами в Эдонмансе, — он запомнил их по книгам сенешаля и, проезжая мимо, называл каждого по имени и желал всем доброго года.

После смерти матери Сулис еще более отдалился от всех, словно ее кончина освободила его от повседневных обязанностей, которые он выполнял столь скрупулезно. Он почти перестал заниматься хозяйственными делами и читал целыми часами — иногда и ночь напролет, кутаясь в плотные одежды от холода. Он жег больше свечей, чем все в доме, вместе взятые.

Книги, которые он привез с собой из большого родового дома в Наббане, были большей частью божественные, но попадались среди них военные и разные другие истории. Он как-то разрешил мне заглянуть в одну из них, но я тогда еще читала по складам и с трудом разбирала чужие имена и названия в описаниях битв. К другим фолиантам он меня вовсе не допускал и запирал их в сундуках. Увидев, как он их прячет, я уже не могла отделаться от этого воспоминания. Что же это за книги, думала я, которые надо держать под ключом?

В одном из сундуков хранились его собственные труды, но это я узнала только два года спустя, незадолго до ночи Черного Пламени.

* * *

В год после смерти матери, когда я нашла его за книгой в тусклом свете тронного зала, господин Сулис посмотрел на меня по-настоящему в первый и единственный раз на моей памяти.

Я робко спросила, что он читает, и он позволил мне посмотреть книгу у него на коленях, красивое иллюстрированное житие пророка Варриса с цаплей Хонсы Сулиса, вытисненной золотом на переплете. Я показала на картинку, где Варриса истязали на колесе, и сказала:

— Бедный, бедный. Как он, должно быть, страдал. А все потому, что остался верен своему Богу. Господь, наверное, с радостью принял его в раю.

Картинка с Варрисом подскочила — так вздрогнул отчим. Я подняла голову — он пристально смотрел на меня своими карими глазами, полными непонятных мне чувств. На миг я испугалась, что он ударит меня. Он в самом деле поднял свою мощную руку, но лишь нежно коснулся моих волос и тут же сжал пальцы в кулак, не сводя с меня горящего взора.

— Они отняли у меня все, Бреда. — В его голосе звучала боль, причину которой я не могла разгадать. — Но я никогда не склонюсь. Никогда.

Я затаила дыхание, растерянная и все еще немного напуганная. Еще миг — и отчим пришел в себя. Он поднес кулак ко рту, притворно кашлянул — не было на свете худшего лицедея, чем он, — и попросил, чтобы я позволила ему продолжить чтение, пока дневной свет еще не угас. Я и по сей день не знаю, кого он разумел под словом «они». Императора и его двор в Наббине? Священников? Или самого Бога с его ангелами?

Я знаю одно: он пытался высказать мне то, что его жгло, но не нашел слов. И мое сердце преисполнилось болью за него.

Мой Телларин однажды спросил меня:

— Как могло случиться, что никто тобой не завладел? Ведь ты так красива и ты королевская дочь.

Но, как я уже говорила, господин Сулис не был ни королем, ни моим родным отцом. А зеркало, принадлежавшее

ранее матери, подсказывало мне, что и красоту мою мой солдат сильно преувеличивает. Мать была светла, светозарна — я черна. У нее была высокая шея, длинные руки и ноги, пышные бедра — я получилась худой, как мальчишка. Где бы мне ни выкопали могилу, много места она не займет.

Но Телларин смотрел глазами любви, а любовь, подобно волшебным чарам, гонит рассудок прочь.

— Зачем тебе мужлан вроде меня? — говорил он. — Как ты можешь любить человека, который не принесет тебе земель, кроме разве что фермы, купленной на солдатское жалованье? Не даст твои детям ни титула, ни благородной крови?

Любовь не умеет считать, следовало бы ответить мне. Любовь сама делает свой выбор и сама отказывается от него.

И если бы он видел себя моими глазами, он не задавал бы вопросов.

Стояла ранняя весна моего пятнадцатого года, когда часовые при первых проблесках рассвета увидели лодки, плывущие через Королевское озеро. Это были не простые рыбачьи суденышки, а барки, в каждой из которых помещалось больше дюжины человек вместе с конями. Жители замка вышли навстречу новоприбывшим.

Вынеся на берег все товары, Телларин и другие воины сели на коней, поднялись на холм и въехали в главные ворота. Створки навесили совсем недавно — они были из грубого, неоструганного дерева, но могли сослужить службу в случае войны. У отчима были причины держаться начеку, что подтвердили прибывшие к нему воины.

Собственно говоря, командовал отрядом друг Телларина Аваллес, всадник и родственник Сулиса, но нетрудно было заметить, кому из двоих солдаты отдают предпочтение. Моему Телларину в ту пору едва минуло двадцать лет. Не из писаных красавчиков, слишком длиннолицый и носатый, чтобы походить на ангелов, нарисованных в книгах отчима, для меня он был лучше всех. Он снял шлем, подставив голову утреннему солнцу, и ветер с озера трепал его золотистые волосы. Даже мой неопытный глаз разглядел, что он слишком молод для воина, но я видела при этом, что его соратники тоже восхищаются им.

Он увидел меня в толпе рядом с отчимом и улыбнулся, как будто узнал, хотя мы встретились впервые. А во мне кровь вспыхнула огнем, но я так мало еще жила на свете, что не распознала любовной горячки.

Отчим обнял Аваллеса, а Телларин и остальные, преклонив колени, поочередно принесли ему клятву на верность. Я уверена, что во время этой церемонии Сулис думал только об одном: как бы поскорее вернуться к своим книгам.

Воинов прислала сюда семья моего отчима в Наббане. Письмо, привезенное Аваллесом, извещало, что при императорском дворе возобновились разговоры о Сулисе и священники-эдониты усиленно этому способствуют. Если бедняк верит на свой лад — это одно дело, писал семейный совет, но когда вельможа с деньгами, землями и громким именем начинает исповедовать собственную веру, влиятельные лица видят в этом угрозу. Опасаясь за жизнь Сулиса, семья шлет ему тщательно отобранных бойцов и советует удвоить бдительность.

Хотя причина прибытия отряда была невеселой, вести с родины всегда желанны, притом многие из новоприбывших сражались рядом с другими воинами отчима, и теперь старые друзья соединились вновь.

Когда Сулис наконец удалился к себе, а Ульса еще не успела загнать меня в дом, Телларин попросил Аваллеса представить его мне. Сам Аваллес был смуглый, тяжелолицый молодой человек с пробивающейся бородкой, всего на несколько лет старше Телларина, но фамильная серьезность делала его чуть ли не пожилым. Он чересчур крепко сжал мне руку и произнес пару неуклюжих комплиментов о прелестных цветках, расцветающих на севере, а потом представили своему другу.

Телларин не стал целовать мне руку, но его ясные глаза показались мне крепче всякого пожатия.

— Я навсегда запомню этот день, госпожа, — сказал он с поклоном. Тут Ульса подхватила меня под локоть и утащила прочь.

Даже в разгаре любовной горячки, которой был отмечен весь мой пятнадцатый год, я не могла не замечать, что пе-

ремены, начавшиеся с отчимом после смерти матери, принимают все более худший оборот.

Сулис теперь почти не выходил из своих комнат, запираясь там со своими книгами и писаниями, — только самое неотложное дело могло выманить его наружу. Беседовал он только с отцом Ганарисом, немногословным капелланом — единственным священником, который приехал с ним из Наббана. Сулис отдал своему старому боевому товарищу свежеотстроенную замковую часовню, и это место оставалось одним из немногих, которые хозяин замка еще посещал. Но его визиты, судя по всему, не доставляли старому капеллану большого удовольствия. Однажды я видела, как они распрощались. Сулис, нагнув голову против ветра, зашагал обратно через двор в наши покои, а Ганарис посмотрел ему вслед хмуро и печально — как человек, чей старый друг смертельно болен.

Возможно, я, если бы постаралась, и сумела бы чем-нибудь помочь отчиму. Возможно, нашлась бы и другая дорога, кроме той, что привела нас к дереву, растущему во тьме. Но я, по правде сказать, хотя и видела ясно все эти обстоятельства, особого внимания на них не обращала. Телларин, мой солдат, начал ухаживать за мной — сначала дело ограничивалось взглядами и приветствиями, потом он стал делать мне маленькие подарки, и все остальное в жизни представлялось мне очень незначительным.

Все изменилось так, будто новое солнце, больше прежнего, взошло над замком, согрев каждый его уголок. Даже самые обыденные дела приобрели новый смысл благодаря моим чувствам к ясноглазому Телларину. Я стала прилежно заниматься катехизисом и чтением, чтобы моему любимому не казалось, что со мной не о чем говорить... кроме тех дней, когда ничем не могла заниматься, мечтая о нем. Я использовала свои прогулки по замку как предлог, чтобы увидеть его, обменяться с ним взглядом через двор или с другого конца коридора. Даже сказки, которые Ульса рассказывала мне за шитьем и которые прежде лишь помогали коротать время, звучали теперь совершенно по-новому. Влюбленные принцы и принцессы были Телларином и мной. Их страдания жгли меня, как огнем, а торжество любви трогало так глубоко, что порой я боялась лишиться чувств.

В конце концов Ульса, которая примечала многое, хотя ничего не знала наверное, перестала рассказывать мне какие бы то ни было истории с поцелуями.

Но тогда у меня уже появилась своя история, и я ею жила. Наш первый поцелуй состоялся, когда мы гуляли в продуваемом ветром садике под сенью башни северян. С тех пор это безобразное сооружение стало казаться мне прекрасным, и мне становилось тепло в самый холодный день, когда я видела эту башню.

— Твой отчим мог бы отрубить мне голову, — сказал мой солдат, касаясь моей щеки своей. — Я предал его доверие и забыл о своем положении.

— Раз уж ты все равно приговорен, — прошептала я, — можешь согрешить еще раз. — И я увлекла его подальше в тень и целовала, пока у меня не заболели губы. Я никогда еще не чувствовала себя такой живой, я сходила с ума. Я голодала без него, без его поцелуев, его голоса.

Он дарил мне мелочи, которых не водилось в унылом, бережливом доме Сулиса, — цветы, сладости, безделушки, покупая их на рынке в новом городке Эркинчестере за воротами замка. Я с трудом заставляла себя есть медовые финики, которые он приносил — не потому, что они были разорительны для его кошелька, хотя так оно и было — он не мог похвалиться богатством, как его друг Аваллес, — а потому, что это были его дары, для меня драгоценные. Съедать их казалось мне чудовищным транжирством.

— Ну так ешь понемногу, — говорил он мне. — Они будут целовать твои губки, когда меня рядом нет.

Нечего и говорить, что я отдалась ему безраздельно. Намеки Ульсы на падших женщин, которые топятся в Королевском озере, на невест, которых с позором отсылают к родителям после первой ночи, даже о незаконных детях, становящихся причиной страшных войн, я пропускала мимо ушей. Я отдала Телларину и сердце свое, и тело. Кто бы не сделал этого на моем месте? И стань я опять той девушкой, вышедшей из мрака своего грустного детства на свет яркого дня, я сделала бы это снова и с той же радостью. Даже теперь, когда я вижу всю глупость содеянного мной, я не могу винить ту девочку. Когда ты молода и жизнь кажется тебе длинной-предлинной, у тебя, как ни странно, совсем нет

терпения — ты не можешь понять, что будет и другой день, другое время, другой случай. Так уж создал нас Бог — кто знает почему?

Вот и для меня в те дни не существовало ничего, кроме жара в моей крови. Когда Телларин стучался ко мне ночью, я укладывала его в свою постель, а когда он уходил, я плакала, но не от стыда. Между тем осень сменилась зимой, но нам и горя было мало — мы построили себе свой собственный теплый мирок. Я ни на миг не могла представить себе жизни без Телларина.

Скажу опять — юность глупа, ведь я столько уж лет живу без него. И в жизни моей с тех пор, как я его потеряла, было немало радостей, но тогда я нипочем бы не поверила в это. И все же я никогда больше не жила так полно и ярко, как в дни своей первой любви. Словно я знала, что нам недолго быть вместе.

Как ни назвать это — судьбой, проклятием или волей небес, — но теперь, оглядываясь назад, я вижу, как нечто неотвратимо вело нас к месту нашего назначения.

В одной ночи в конце месяца фейервера я начала понимать, что отчим не просто чудит — дело гораздо хуже. Я кралась по коридору обратно в свою комнату, проводив Телларина, и ни о чем другом не думала — и вдруг наткнулась на Сулиса. Я пришла в ужас, решив, что мое преступление столь же очевидно, как кровь на белой простыне, и, вся дрожа, ожидала изобличения. Но он лишь заморгал и поднял свечу повыше:

— Бреда? Что ты здесь делаешь, девочка?

Он не называл меня «девочкой» с тех пор, как умерла мать. Его немногие волосы растрепались, словно он сам только что разгуливал где-то, но, судя по его застывшему взгляду, прогулка была не из приятных. Широкие плечи поникли, и он казался таким усталым, что едва мог держать голову прямо. Мужчина, так поразивший мою мать в доме Годрика, изменился почти до неузнаваемости.

Отчим был закутан в одеяло, из-под которого виднелись голые до колен ноги. Неужели это тот самый Сулис, который всегда одевался с тем же тщанием, с каким некогда стро-

ил свои полки на поле боя? Вид бледных ног вызвал во мне невыразимую тревогу.

— Я... Мне не спалось. Захотелось подышать воздухом.

Его взгляд, скользнув по мне, снова ушел во мрак. Он казался не просто растерянным, а испуганным по-настоящему.

— Не надо выходить в такое время. Теперь поздно, а в этих коридорах полно... — Он запнулся. — Полно сквозняков. И очень холодно. Ступай к себе, девочка.

Все в нем внушало мне страх. Я попятилась, но сочла нужным произнести:

— Доброй вам ночи, и да благословит вас Бог.

Он как-то судорожно качнул головой и побрел прочь.

Несколько дней спустя в замок доставили закованную в цепь колдунью.

Я узнала об этом только от Телларина. После любовных ласк мы лежали, пригревшись, под моим одеялом, и внезапно он объявил:

— А господин Сулис велел схватить колдунью.

Я удивилась — обычно в постели мы говорили совсем о другом.

— Какую колдунью?

— Она живет в лесу Альдегеорте, — он произнес эркинлендское название с обычной милой неуклюжестью, — и часто бывает на рынке в городе на Имстрекке, к востоку отсюда. Там ее хорошо знают — она лечит травами, сводит бородавки и все такое. Так говорит Аваллес.

Я вспомнила, что велела мне передать отчиму бывшая шлюха Ксаниппа в ночь смерти моей матери. Было тепло, но я плотнее закутала одеялом наши влажные тела.

— Но зачем она понадобилась господину Сулису?

— Ну, она ведьма — стало быть, идет против Бога. Аваллес с солдатами схватил ее и привез сюда нынче вечером.

— Но на озере, где я выросла, полным-полно знахарок, и под стенами замка они тоже есть. Зачем же ему эта женщина?

— Как видно, он полагает, что она не просто безобидная знахарка. Он велел бросить ее в темницу под тронным залом, скованную по рукам и ногам.

Мне непременно нужно было взглянуть на нее — как из любопытства, так и потому, что состояние рассудка отчима внушало мне тревогу.

Утром, когда господин Сулис еще не встал, я спустилась в темницы. Колдунья была там единственной узницей. Эти подвалы редко использовались по назначению, ибо заточенные в них умерли бы от холода и сырости, не успев послужить примером другим. Стражник с охотой пустил падчерицу хозяина замка поглядеть на ведьму и указал мне дверь последней темницы.

Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть в зарешеченное окошко на двери. Свет шел только от одинокого факела, горевшего на стене позади меня, и колдуньи почти не было видно. На запястьях и щиколотках у нее были цепи, как и сказал Телларин. Она сидела на полу в своей лишенной окон темнице, похожая из-за опущенных плеч на вымокшего под дождем ястреба.

Я смотрела на нее, а она звякнула цепями, не повернув головы, и спросила на удивление низким голосом:

— Чего тебе, дочка?

— Господин Сулис... мой отчим, — проговорила я, как будто это могло служить объяснением.

Она широко раскрыла свои огромные желтые глаза. Сходство с хищной птицей еще усилилось — мне показалось, что сейчас она накинется на меня и раздерет острыми когтями.

— Ты пришла просить за него? Я скажу тебе то же самое, что сказала ему: на его вопрос нет ответа. Я, во всяком случае, не знаю его.

— Что же это за вопрос? — едва дыша, спросила я.

Колдунья, молча поглядев на меня, поднялась. Я видела, что ей это тяжело из-за цепей. Она вышла вперед, и свет из оконца упал на нее. Ее темные волосы были острижены коротко, как у мужчины. Не красавица и не уродка, не высокая и не маленькая, она дышала силой, и немигающие желтые плошки ее глаз притягивали к себе мой взгляд. Я еще не видывала таких, как она, и ничегошеньки в ней не понимала. Говорила она, как обыкновенная женщина, но было в ней что-то дикое, как раскат отдаленного грома, как бег оленя по лесу. Я не могла двинуться с места, точно она меня околдовала.

Наконец она покачала головой:

— Не надо тебе путаться в безумные дела своего отца, дитя.

— Он мне не отец. Он был женат на моей матери.

— Вон оно что, — с похожим на лай смехом сказала она.

Я переминалась с ноги на ногу, по-прежнему прижимаясь лицом к решетке, сама не зная, зачем я говорю с этой женщиной и чего хочу от нее.

— Почему ты закована?

— Потому что они боятся меня.

— А как тебя зовут? — Она хмуро промолчала, и я попыталась еще раз: — Ты правда колдунья?

— Ступай-ка отсюда, дочка, — вздохнула она. — Если ты ничего не знаешь о глупых затеях своего отчима, лучше тебе держаться подальше от всего этого. Не надо быть колдуньей, чтобы видеть, что добром это не кончится.

Ее слова испугали меня, но я не могла оторваться от решетки.

— Не нужно ли тебе чего-нибудь? Еды или питья?

Она снова оглядела меня лихорадочно горящими глазами.

— Отроду не видела такого странного дома. Нет, дитя. Все, что мне нужно, — это открытое небо да мой лес, а этого я не получу ни от тебя, ни от кого другого. Зато я твоему отцу нужна, и голодом он меня морить не станет.

Колдунья повернулась ко мне спиной и опять ушла в угол, волоча за собой цепи. Я поднялась наверх с больной головой: разные мысли — взволнованные, горестные и испуганные — бились в ней, как птицы в запертой комнате.

Месяц маррис сменился аврелем, а отчим все держал колдунью в заточении. Чего бы он ни хотел от нее, она явно на это не соглашалась. Я часто бывала у нее, но она, хотя и была добра по-своему, говорила со мной только о пустяках. Спрашивала, был ли поутру заморозок и какие птицы пели на деревьях — ведь в своем каменном мешке она была отрезана от мира.

Не знаю, почему меня так тянуло к ней. Мне, наверное, казалось, что она владеет ключами от многих тайн — а тайнами для меня были и безумие отчима, и горе моей матери, и мои растущие страхи за свое новообретенное счастье.

Хотя отчим кормил ее исправно, как она и предвидела, и не позволял дурно с ней обращаться, колдунья худела день ото дня, и темные круги легли у нее под глазами, как кровоподтеки. Она тосковала по воле и чахла, как дикий зверь в

клетке. Мне больно было видеть ее, как будто это меня лишили свободы. Каждый раз я находила ее все более слабой и истощенной, и мне вспоминались последние страшные дни моей матери. Выходя из темниц, я всегда искала тихого места, где могла выплакаться. Даже краденые часы с Телларином не облегчали моей грусти.

Я возненавидела бы отчима, если бы он сам не чах день ото дня, словно заточенный в зеркальном подобии сырой колдуньиной тюрьмы. Каким бы ни был вопрос, на который отчим желал получить ответ, он мучил Сулиса так, что этот честный человек лишил женщину свободы, а себя — сна. До самого рассвета он читал, писал или говорил сам с собой в порыве исступления. Я боялась, что этот вопрос в конце концов уморит и его, и колдунью.

Когда я один-единственный раз набралась мужества и спросила отчима, за что он держит колдунью в тюрьме, он посмотрел поверх моей головы на небо, как будто оно внезапно окрасилось в новый цвет, и сказал:

— В этом месте слишком много дверей, девочка. Открываешь одну, потому другую и оказываешься в том же месте, откуда вышел. Я не могу найти дорогу.

Если это был ответ, для меня он смысла не имел.

Я предложила колдунье смерть, а она взамен предсказала мне судьбу.

Часовые на стенах Внутреннего Двора прокричали полночь, когда я поднялась. Легла я уже давно, но сон не шел ко мне. Я завернулась в самый плотный свой плащ и выскользнула за дверь. Из комнат отчима слышался его голос — он говорил, как будто с гостем, и мне стало горько, потому что я знала, что он там один.

В этот час темницы караулил лишь один старый, покалеченный солдат — он крепко спал и даже не шелохнулся, когда я прошла мимо. Факел на стене почти догорел, и я не сразу разглядела колдунью во мраке. Я хотела позвать ее, но не знала как. Мне казалось, что громада спящего замка давит на меня.

Наконец тяжелые цепи брякнули.

— Это ты, дочка? — устало спросила она, встала и подошла ко мне. Даже при этом слабом свете она казалась уми-

рающей. Моя рука потянулась к мешочку на шее. Я помолилась про себя, коснувшись своего золотого Древа, а потом нащупала ту, другую вещь, которую носила при себе с той ночи, когда умерла мать. Мне померещилось, что коготь светится сам по себе, независимо от тусклого света факела. Я протянула его сквозь решетку.

Колдунья, подняв бровь, взяла его у меня, положила на ладонь и печально улыбнулась.

— Отравленный совиный коготь. Очень кстати. Для кого же он — для моих тюремщиков или для меня?

Я беспомощно пожала плечами:

— Ты ведь хочешь быть свободной?

— Но не таким путем, дочка. Во всяком случае, не теперь. Я, собственно, уже сдалась — вернее, заключила сделку. Я дам твоему отчиму то, чего он хочет, в обмен на мою свободу. Я должна увидеть небо еще раз. — И она вернула мне коготь.

Я смотрела на нее, и потребность знать больше одолевала меня, как тошнота.

— Почему ты не хочешь сказать, как тебя зовут?

Та же печальная улыбка.

— Потому что свое настоящее имя я не называю никому, а любое другое было бы ложью.

— Тогда солги.

— Странный дом! Хорошо. На севере меня зовут Валада.

Я попробовала имя на язык.

— Валада. Значит, теперь он освободит тебя?

— Да, если мы оба выполним свою часть договора.

— Что это за договор?

— Скверный. — Она посмотрела мне в глаза. — Не надо тебе знать об этом. Кто-то непременно умрет — я это вижу так же ясно, как твое лицо в окошке.

Сердце у меня в груди обратилось в холодный камень.

— Умрет? Но кто?

У нее было усталое лицо, и я видела, как ей трудно стоять под тяжестью оков.

— Не знаю. Я и так уже сказала тебе лишнее, дочка, — это от слабости. Не твое это дело.

Я ушла еще более несчастная и растерянная, чем явилась сюда. Колдунья будет свободна, но кто-то умрет. Я не сомневалась в ее словах — да и никто бы не усомнился, видя ее пронзительный печальный взор. На обратном пути Внутренний Двор показался мне совершенно новым, странным и незнакомым местом.

Мои чувства к Телларину оставались на удивление сильными, но после предсказания колдуньи я чувствовала себя такой несчастной, что любовь стала для меня скорее огнем, кое-как согревающим холодную комнату, чем солнцем, освещающим каждый уголок, как было прежде.

Холодок внутри превратился в леденящую стужу, когда я случайно услышала разговор Телларина с Аваллесом. Они говорили о тайной задаче, которую поручил им господин Сулис, — она была как-то связана с колдуньей. Трудно было догадаться, о чем идет речь, — мой любимый и его друг сами знали не все, да и говорили они не ради просвещения того, кто подслушивает. Я поняла только, что отчим вычитал из книг о приближении некого важного события. Нужно не то найти, не то развести какой-то огонь. Для этого придется пойти куда-то ночью, но они не говорили, а может быть, сами не знали, в какую ночь это произойдет. И мой любимый, и Аваллес испытывали явное беспокойство по этому поводу.

Если я и прежде боялась, думая об опасности, грозящей моему бедному, повредившемуся отчиму, то теперь я сделалась прямо-таки больна от ужаса. Не знаю, как я дожила до конца дня, так изводила меня мысль, что с моим Телларином может случиться беда. Я роняла свой бисер столько раз, что Ульса в конце концов отняла у меня работу. Я долго не могла уснуть, а проснулась с колотящимся сердцем: мне приснилось, что Телларин горит в огне, а я не могу ему помочь.

Я проворочалась всю ночь. Как мне уберечь любимого? Предостерегать его было бесполезно. Он был упрям и верил только в то, что мог потрогать, он отмахнулся бы от предсказания колдуньи. И даже если бы он поверил мне, что он мог сделать? Отказаться выполнить приказ своего господина по наущению своей тайной любовницы? Нет, бесполезно было бы убеждать Телларина не ходить — он говорил о вер-

ности своему суверену почти столь же часто, как о чувствах ко мне.

Наряду со страхом меня мучило любопытство. Что такое задумал отчим? Что он вычитал в своих книгах, если готов рискнуть не только собственной жизнью, но и жизнью моего любимого?

Я знала, что никто из них ничего мне не скажет. Даже колдунья заявила, что это не мое дело. Эту тайну я могла раскрыть только сама.

Я решила заглянуть в книги отчима, которые он прятал и от меня, и от всех остальных. Раньше это было бы почти невозможно, но теперь, когда Сулис всю ночь читал, писал или разговаривал сам с собой, мне думалось, что днем он будет спать как мертвый.

Я пробралась в его покои рано утром. Слуг своих он давно уже распустил, и никто не осмеливался стучаться к нему без зова. В комнатах не было никого, кроме отчима и меня.

Он лежал поперек кровати, свесив голову за ее край. Не знай я, как он умерен во всем, я могла бы подумать по его хриплому дыханию и по беспорядку на постели, что он напился до бесчувствия, — но Сулис почти не пил вина.

Ключ от сундуков с книгами висел у него на шее. Я вытащила его из-под рубашки и не могла не заметить при этом, насколько счастливее у Сулиса лицо, когда он спит. Морщины на лбу разгладились, челюсти не сжимались больше в привычной угрюмой гримасе. В тот миг, при всем моем возмущении тем, как он поступил с колдуньей Валадой, я пожалела его. Какое бы безумие ни овладело им, на свой лад он был добрым человеком.

Он пошевелился и произнес что-то во сне. С бьющимся сердцем я сняла с него ключ через голову.

Отперев сундуки, я стала вытаскивать и просматривать запретные книги одну из другой, прислушиваясь к дыханию спящего. Большинство этих фолиантов в простых переплетах было написано на незнакомых языках, а кое-где я и буквы не могла распознать. В книгах, понятных мне, содержались либо волшебные сказки, либо рассказы о нашем замке в пору владычества северян.

Прошло больше половины часа, когда я нашла небрежно скрепленную книгу, озаглавленную «Сочинения Варгел-

лиса Сулиса, седьмого преемника Хонсы Сулиса, главы дома Сулисов в изгнании». Поначалу аккуратный почерк отчима плотно заполнял листы, но с годами буквы становились все крупнее и неразборчивее, а последние страницы, можно было подумать, писал ребенок, еще не выучившийся грамоте.

Шум, донесшийся с постели, испугал меня, но отчим только промычал что-то и повернулся на бок. Я стала листать книгу быстро, как только могла. Это был, должно быть, последний том его писаний — впервые записки относились к первому году нашей жизни в замке. Многие страницы были посвящены строительным делам. Имелся там также перечень судебных решений, которые Сулис выносил в качестве владельца замка и сдаваемых в аренду земель. Были и заметки более личного характера, но краткие и сухие. Печальному событию трехгодичной давности он посвятил всего несколько слов: «Синетрита умерла от грудной горячки. Ее похоронят на мысу».

Единственное упоминание обо мне было сделано несколько месяцев назад: «Бреда сегодня счастлива». Я испытала странную боль от того, что мой сумрачный отчим заметил это и записал.

На более поздних страницах почти не говорилось о домашних и хозяйственных делах, ибо Сулис и в жизни потерял к ним интерес. Вместо этого я находила все больше ссылок на книги других авторов: «Плесиннен утверждает, что Бог пожирает жизни, как пламя — сучья и ветви. Как же тогда...» — Дальше было размазано, и я разобрала только слово «гвозди», а дальше как будто «Священное Древо». В другом месте перечислялось несколько «Дверей», найденных неким Ниссом. У каждой из них стояло примечание, которое мне не объясняло ровным счетом ничего. «Переместилась», — дрожащей рукой царапал отчим, или «В пору безвременья», или даже «Встретил Темное».

Лишь на последних двух страницах говорилось о женщине, сидящей в темнице под тронным залом.

«Мне сказали о женщине по имени Валада. Никто больше из живущих к северу от Пердрюина не знает о Черном Пламени. Нужно заставить ее говорить». И чуть ниже, еще более неразборчиво: «Колдунья упорствует, но теперь я не уступлю, как было в канун Элизиамансы. В следующий раз

Голоса под замком будут слышны в Каменную Ночь. Стены будут тонкими. Последняя надежда на то, что она проводит меня к Черному Пламени. Либо ответ, либо смерть».

Я старалась понять смысл всего этого. Что бы ни замышлял мой отчим, это случится скоро: Каменная Ночь — последняя ночь авреля, и до нее всего несколько дней. Я не могла понять из написанного, грозит еще колдунье опасность или нет — намерен ли он убить ее в случае неудачи или только если она попытается нарушить договор, — но не сомневалась, что его поиски Черного Пламени крайне опасны для всех остальных, и в первую голову для моего солдата, Телларина. Отчим снова произнес что-то во сне — жалобно. Я вернула книги на место, заперла их и потихоньку ушла.

Весь день я была рассеянна и вся горела, но на сей раз не от любви. Я боялась за любимого, опасаясь за отчима и Валаду, но не могла никому сказать о своем открытии. Впервые с тех пор, как мой солдат поцеловал меня, я почувствовала себя одинокой. Я была полна тайн, и у меня, в отличие от Сулиса, не было даже книги, которой я могла бы их доверить.

Наконец я решила, что последую за ними. Пойду в то место, о котором пишет отчим: глубоко под замком, где стены тонки и слышны какие-то голоса. Они будут искать свое Черное Пламя, а я — следить за ними. Я спасу их всех, стану их ангелом-хранителем.

И вот настала Каменная Ночь.

Думаю, если бы я даже не прочла записи отчима, то все равно бы догадалась, что роковой час близок — до того рассеян и загадочен сделался мой Телларин. Он ничего не сказал мне, когда мы лежали рядом в моей постели, но я чувствовала, что то, чему суждено случиться этой ночью, очень волнует его. Но он был связан с моим отчимом честью и кровью и не мог выбирать.

Он рявкнул на меня, когда я поцеловала его в ухо и запустила пальцы ему в волосы.

— Оставь меня в покое, дитя.

— Почему это я дитя? — поддразнила я с притворной беззаботностью. — Разве между нами такая уж большая разница? И разве ты не сделал меня женщиной?

Мой солдат был нетерпелив и не разгадал любви за сказанными мною словами.

— Всякая женщина, которая не отстает, когда ее просят, — всего лишь ребенок. А я взрослый, потому что ношу воинский знак и по первому требованию отдам жизнь за своего господина.

Телларин был на пять лет старше меня, и в те годы столь большая разница внушала мне великое уважение, но теперь я думаю, что мужчины всегда бывают моложе своих женщин, особенно когда речь заходит об их чести.

Он смотрел в потолок, и лицо его из сердитого стало задумчивым — я знала, что он думает о предстоящей ночи. Я тоже боялась предстоящего, поэтому поцеловала его опять, совсем легонько, и попросила прощения.

Когда он ушел, придумав какую-то лживую причину, я стала готовиться к собственному путешествию. Я заранее спрятала свой самый теплый плащ и шесть толстых свечей там, где Ульса и другие служанки не могли найти. Одевшись, я коснулась материнского золотого Древа у меня над сердцем и помолилась за всех, кто отправился со мной во мрак.

Каменная Ночь — последняя ночь авреля, канун мая, когда, как говорят, духи блуждают по земле, пока пение петуха не загонит их обратно в могилы. Замок молча затаился вокруг, когда я двинулась вслед за остальными. Казалась, эта каменная громада не просто спит, а ждет, стараясь не дышать.

Под Башней Ангела была лестница — туда-то они и шли. Я поняла это, стоя в своем темном плаще у стены напротив башни. Их было четверо — отчим, Телларин, Аваллес и Валада. Ее руки, несмотря на договор, были все еще скованы. Мне грустно было видеть, что ее ведут в цепях, как зверя.

Рабочие, чинившие башню, положили грубые деревянные половины поверх разрушенного каменного пола, прикрыв многочисленные провалы. Настаивали даже на том, что дыры надо заложить кирпичом, чтобы ничто не могло вылезти из глубин и потревожить сон богобоязненных обитателей замка.

Из-за этих половиц я ждала довольно долго, зная, что отчиму и двум воинам потребуется время, чтобы сдвинуть

доски. Я пряталась в темноте у башни, а по Внутреннему Двору гулял ветер. Я думала об ангеле на верхушке башни, черном от вековой копоти, которую никакой дождь не мог смыть, накренившемся набок, словно вот-вот упадет. Кто он? Один из святых угодников? Быть может, он благословляет меня, видя, что я хочу последовать за Телларином и остальными? Я посмотрела вверх, но в темноте вершины не было видно.

Выждав долгое время, я попробовала дверь башни и увидела, что засов изнутри не задвинут. Возможно, ангел и в самом деле покровительствовал мне.

В башне луна не светила, и я еще на пороге зажгла свою первую свечу от трута, который почти уже догорел. Мои шаги по каменному полу казались оглушительно громкими, но никто не вышел из мрака, чтобы спросить, что я тут делаю. Отчима и остальных не было слышно.

Я задержалась перед винтовой лестницей, ведущей вверх, думая, что же найдут там рабочие, когда расчистят наконец завалы. Я и по сей день спрашиваю себя об этом, ибо кропотливая работа не закончена до сих пор. Должно быть, при жизни я этого уже не узнаю. Что там, наверху — сокровища волшебного народа? Или только их древние кости?

Не будь даже событий той роковой ночи, Башня Ангела все равно торчала бы гвоздем в моих мыслях, как точит она над замком, накрывая его и близлежащие земли своей длинной тенью. Думается мне, смертные никогда не постигнут всех ее тайн.

Когда-то мне снилось, что отчим велел мне вымыть ангела, но я, как ни стараюсь, не могу отскрести с изваяния черную грязь. Отчим говорит, что это не моя вина, что Бог дал бы мне силы, если бы хотел, чтобы лицо ангела стало видно всем, — но я все равно пла́чу.

Я подошла к зияющей в полу трещине и подумала, как могло случиться, что пол разбит вдребезги, а башня стоит, как стояла. Дорога, по которой мне предстояло пройти, была не из легких, но я храбро полезла через каменную осыпь, поставив свечу перед собой, чтобы освободить обе руки. Тогда я в первый раз пожалела, что не надела башмаки покрепче. Сползая вниз, я ободрала себе ноги и порвала платье в не-

скольких местах, пока наконец снова не стала на ровный пол, примерно в полудюжине моих ростов под Внутренним Двором. Среди обломков камня чернела трещина намного шире остальных — ее зазубренная пасть ждала, желая поглотить меня. Подойдя, я услышала в глубине голоса других, но они показались мне незнакомыми.

Камни от входа отодвинули, и открылась лестница — блестящая белая кромка и ступени, уходящие во тьму. Чей-то смеющийся голос снова долетел до меня — я никогда не слышала его прежде.

Даже страхи предыдущих дней не подготовили меня к этому новому испытанию — но я знала, что Телларин там, внизу. Я осенила грудь знаком Древа и ступила на лестницу.

Впереди ничего не было видно.

Свет моей одинокой свечи лишь делал лестницу еще более похожей на черную глотку, готовую меня поглотить, — но страх не мог остановить мое стремление к любимому, он только подгонял меня. Я спустилась уже, как мне казалась, на глубину, равную высоте Башня Ангела, но так и не догнала моих предшественников.

Был ли то обман слуха или ветер, гудящий в пещерах озерных утесов, но я продолжала слышать незнакомые голоса. Некоторые слышались совсем близко — не будь у меня свечи, я протянула бы руку, чтобы коснуться того, кто шептал рядом, но при свете я видела, что лестница пуста. Голоса то бубнили, то пели на приятном печальном языке, которого я не понимала и даже узнать не могла.

По всем статьям я должна была так испугаться, что побежать без оглядки назад, к лунному свету и свежему воздуху, — но я, хоть и боялась бестелесных голосов, чувствовала, что они не хотят мне зла. Если это были призраки, они, наверное, даже не знали, что я здесь. Замок точно говорил сам с собой, как это делает старик, сидящий у огня, вспоминая о давно минувших временах.

Лестница привела меня на площадку с дверьми по обоим концам, и я невольно вспомнила о дверях, упомянутых в книге отчима. Думая, в какую сторону пойти, я разглядывала узоры на стенах, вьющиеся лозы и цветы, подобных которым еще не видывала. Над одной дверью сидел на ветке

соловей. Над дальней тоже виднелась ветка — и я, подняв повыше свечу, поняла, что это ветви одного дерева; оно раскинуло свою крону по потолку так, словно я была стволом. Вокруг ветки над второй дверью обвилась тонкая змея. Вздрогнув, я подалась к двери с соловьем, но тут до меня донеслись голоса:

— ...если ты солгала мне. Я человек терпеливый, но...

Это был отчим — я бы сразу узнала его если не по голосу, то по словам. Он и правда был терпелив. Точно камень, из которых выкладывают круги на вершинах холмов, — твердый, холодный, никуда не спешащий, согревающийся только под солнцем жаркого лета. Порой мне хотелось как следует стукнуть его палкой, только чтобы заставить оглянуться и посмотреть на меня.

Он сделал это один-единственный раз — в тот день, когда сказал, что «они» отняли у него все. Так мне казалось тогда. Теперь я знаю, что был и другой раз, когда он заметил мою улыбку — вероятно, после подарка или поцелуя от любимого — и написал в своей книге: «Бреда сегодня счастлива».

Отчим говорил где-то за другой дверью. Я зажгла вторую свечу, прилепила ее на верхушку первой, догоревшей почти до основания, и пошла в дверь со змеей на голос Сулиса.

Я спускалась все ниже по ведущим под уклон коридорам, перепутанным, как пряжа, вытряхнутая из мешка. Камень стен, хотя и древний, почему-то казался новее того, что наверху. Временами я видела по сторонам залы, покрытые грязью и щебнем, но уж наверное не менее просторные и высокие, чем в наббанских дворцах. Здесь узоры на стенах были так искусны, что не иначе настоящие цветы, деревья и птицы запечатлелись на камне с помощью волшебства, о котором мне так часто рассказывали мать и Ульса.

Странно было думать, что весь этот мир лежал под нами все время, пока мы жили в замке, и много поколений до нас. Я знала, что здесь некогда обитал волшебный народ. Ни сказки, ни даже сама башня не заставили бы меня поверить, как можно преобразить камень — сделать его текучим, как вода, и мерцающим, как лед, или изваять из него своды, тонкие, как ивовые ветви. Неужели северяне перебили их всех? Я впервые поняла, что это значит, и тихое, глубокое

горе охватило меня. Творцы этой красоты убиты, и дом их занят убийцами — неудивительно, что тьма полна беспокойных голосов. Неудивительно, что всякий, кто живет в замке, испытывает необъяснимую тоску. Этот замок стоит на крови, на смерти.

Эта неотвязная мысль соединилась у меня в уме с отрешенным взглядом отчима, с колдуньей, закованной в цепи. Я чувствовала, что из зла не будет добра — разве что через жертву, через кровь, через искупление.

И мой страх возрос.

Мирный Народ исчез, но дом, где они жили, оставался живым.

Спускаясь вниз сквозь прах веков по следу моего отчима, я вдруг поняла, что свернула не туда. Ход уперся в груду камня, а когда я вернулась назад, на перекрестке не оказалось отпечатков ног, и само место показалось мне незнакомым, словно стены каким-то образом переместились. Я закрыла глаза, слушая, не заговорит ли Телларин, — я уверена, что мое сердце расслышит его через весь камень Эркинленда. Но до меня доносился только призрачный шепот, словно осенний ветер, полный шорохов и вздохов.

Я заблудилась.

Впервые мне стало ясно, какую глупость я совершила. Я ушла в запретное место, никто не знает, что я здесь, и когда моя последняя свеча догорит, я буду затеряна во тьме.

На глазах выступили слезы, но я вытерла их. Слезами отца и мать не вернешь и себе не поможешь.

Я очень старалась отыскать обратную дорогу, но знала, что иду наугад, а голоса порхали вокруг, как невидимые птицы. Шепоты и дрожащие тени сбивали меня с толку, и дважды я чуть не провалилась в трещины под ногами. Я столкнула камень в одну из них, и он все падал и падал — у меня просто недостало сил слушать дальше.

Тьма словно смыкалась вокруг меня — я могла бы пропасть в ней навсегда и примкнуть к призрачному хору, но то ли случай, то ли судьба привела меня к другой лестнице, и я услышала идущий снизу голос колдуньи Валады:

— ...Это не войско твое и не слуги, чтобы ты распоряжался ими, Сулис. Жившие здесь давно умерли, но само место живо. Бери то, что тебе дают.

Она точно подслушала мои мысли. Содрогнувшись от такого совпадения, я поспешила на голос, боясь, что он умолкнет и я не услышу больше ни одного знакомого звука.

Мне показалось, что прошел целый час, но я так долго пробыла в этой шепчущей тьме, что не могла судить о времени. Мне представлялось, что те, за кем я шла, тоже стали призраками и плывут передо мной, как пушинки одуванчика — близко, а не поймаешь.

Лестница сходила витками все ниже и ниже, и при свете третьей, а потом и четвертой свечи я видела необозримые пространства вокруг, словно путешествовала по кругам небес, а не спускалась в недра земли. При особенно ярких вспышках мне казалось, что я вижу нечто большее, какую-то тайную жизнь. В такие минуты призрачные голоса становились громче, а тени как будто обретали форму. Когда я прищуривала глаза, мне почти что виделось, как покинутые залы заполняются веселыми, смеющимися людьми.

Как могли северяне посягнуть на такую красоту? И как мог народ, создавший такие чудеса, уступить смертным, пусть даже самым воинственным и кровожадным.

В темноте расцвел красно-желтый свет, от которого блестящие стены лестницы как будто заколебались. Сначала мне подумалось, что это новая игра моего воображения, но тут я услышала голос своего любимого — так близко, что мы могли бы поцеловаться:

— Не верьте ей, господин мой, — с немалым испугом произнес Телларин. — Она снова лжет.

Невыразимо счастливая, но не потерявшая бдительности, я заслонила свечу ладонью и заспешила вниз как можно тише. Голоса стали громче, свет факелов — ярче, и я совсем погасила свечу. Я от души радовалась, что нашла их, но догадывалась, что мое появление им такой радости не доставит.

Я прокралась поближе к свету, но так и не увидела Телларина и остальных: что-то наподобие дымовой завесы отделяло их от меня. Лишь совсем сойдя с лестницы и вступив в какой-то большой зал, я разглядела эти четыре фигуры.

Помещение было таким огромным, что даже факелы в руках Телларина и Аваллеса не могли осветить его доверху. Я по-прежнему неясно видела то, что приняла за дым, хотя факе-

лы горели совсем близко, но теперь мне показалось, что это громадное дерево с черными листьями и стволом. Его окутывал мрак, подобный туману, лежащему на холмах зимним утром, — и все-таки это был не туман, а чернейшая Тьма.

— Решай, кого слушать — меня или молодого солдата, — говорила колдунья моему отчиму. — Повторяю тебе — если ты тронешь хотя бы лист, оно сочтет вас насильниками, и вам не поздоровится. Разве ты сам не чувствуешь?

— А я думаю, что прав Телларин, — сказал Аваллес, но голосу его, в отличие от слов, недоставало уверенности. — Она хочет нас одурачить.

Отчим смотрел то на теневое дерево, то на колдунью.

— Если нельзя наломать веток, зачем тогда ты привела нас сюда? — проговорил он медленно, словно речь стоила ему больших усилий.

В ответе Валады чувствовалась ехидная усмешка.

— Ты держал меня в своем сыром каменном мешке целых две луны, чтобы разрешить свои безумные вопросы. И если ты не веришь, что я знаю то, что знаю, зачем ты заковал меня и привел сюда?

— Но топливо...

— Я не говорила, что здесь нельзя взять дров. Я сказала, что только дурак способен поднять нож или топор на Колдовское Дерево. Внизу полно хвороста, если у вас хватит смелости собрать его.

— Ступай набери дров, племянник, — велел Сулис Аваллесу.

Молодой рыцарь, поколебавшись, отдал свой факел Сулису, пролез под нижние ветви дерева и сразу исчез из вида, но быстро вылез обратно.

— Там ничего не видать. — Его глаза белели каемкой белков. — И кто-то сидит — какой-то зверь, что ли. Он... он дышит. У Телларина глаза получше моих...

«Нет!» — чуть не завопила я. Дерево ждало, закутанное во мрак, неподвластный факелам. Я уже хотела выскочить из укрытия и молить любимого не приближаться к нему, но Сулис, словно услышав мой беззвучный крик, выругался и сунул факел обратно Аваллесу.

— Клянусь Пелиппой и ее чашей! Пойду сам.

Он пролез под ветки, и мне послышалось, будто листья шепчутся, хотя никакого ветра здесь не было. Потом шорох стал громче — видимо, отчим раздвигал ветки. Тянулись долгие минуты, и дерево шуршало все громче. Наконец Сулис вышел пошатываясь — казалось, что под каждой рукой у него зажато по куску тьмы. Телларин и Аваллес хотели помочь ему, но он только потряс головой так, будто его что-то оглушило. Даже в темноте я видела, как он побледнел.

— Ты сказала правду, Валада. Ни ножа, ни топора не понадобилось.

Он велел воинам выложить на полу круг из камней, которые валялись повсюду, положил в середину собранный им хворост, взял из сумки на поясе растопку и зажег факелом Колдовское Дерево. Занялся огонь, и показалось, что в зале стало еще темнее — костер точно впитывал в себя свет факелов. Пламя потянулось ввысь.

Темное дерево больше не шелестело. Все затихло — даже костер не трещал. Я с бьющимся сердцем подобралась поближе, едва не забыв о том, что надо прятаться. Поистине черное пламя горело в этом подземелье — оно мерцало, как всякое пламя, и все же наносило раны живой материи мира, проедало дыры, темные, как беззвездное небо.

Да, поверить в это трудно, но я видела это своими глазами. Что-то виднелось сквозь Черное Пламя — не то, что было по ту сторону костра, но какое-то другое место — сначала казалось, что там пустота, но потом пространство над костром стало обретать цвет и форму, будто самый воздух вывернулся наизнанку.

В огне явилось лицо, и я едва сдержала крик.

Незнакомец, явившийся в пламени, не походил ни на одного виденного мной человека. Что-то было не так с его лицом — подбородок слишком узок, уголки больших глаз приподняты вверх. Несмотря на длинные белые волосы, он не казался старым. Он был обнажен до пояса, и на бледной лоснящейся коже виднелись страшные ожоги — скорее старые, чем свежие, хотя его окружало пламя.

Черное Пламя коверкало все, даже тьму. Она дрожала, точно весь мир вытягивался, как то, что отражается в речной воде.

Казалось, что человек в огне объят сном, но сон этот был тревожен. Человек корчился, извивался, даже закрывал руками лицо, словно защищаясь от чего-то страшного. Глаза его, когда они наконец открылись, оказались черными, как сама ночь, и смотрели они на что-то, чего я не видела, далеко за пределы костра. Рот раскрылся в ужасном беззвучном вопле, и мне, несмотря на его чуждый облик и на собственный страх, показалось, что у меня сейчас разорвется сердце. Если он жив, почему он горит и горит, не сгорая? Если призрак, почему смерть не прекратила его мучений?

Телларин и Аваллес попятились от костра с глазами, полными страха. Аваллес осенил себя знаком Древа.

Мой отчим, глядя на разинутый рот и слепые глаза человека в пламени, сказал Валаде:

— Почему он ничего не говорит нам? Сделай что-нибудь!

Она рассмеялась своим резким смехом.

— Ты хотел встретиться с одним из ситхов, Сулис, — с одним из Мирных. Хотел найти дверь — но некоторые двери открываются не в другое место, а в другое время. Черное Пламя отыскало тебе одного из Мирных во время сна. Он спит, но услышит тебя даже через века. Поговори же с ним! Я исполнила то, что обещала.

Сулис, явно потрясенный, крикнул человеку в огне:

— Эй! Ты меня понимаешь?

Тот снова передернулся, но его темные невидящие глаза обратились на моего отчима.

— Кто здесь? — спросил он, и я услышала его не ушами, а где-то внутри головы. — Кто идет по Дороге Снов? — Призрак поднял руку, словно хотел коснуться нас через года, и удивление на миг согнало страдание с его страшного лица. — Вы смертные? Но зачем вы пришли ко мне? Зачем беспокоите сон Хакатри из дома Танцоров?

— Я Сулис. — Голос у отчима дрожал, словно у древнего старца. — Некоторые называют меня «Отступник». Я рискнул всем, что имею, и провел годы в ученых трудах ради того, чтобы задать вопрос, на который только Мирные могут ответить. Ты поможешь мне?

Человек в огне, казалось, его не слушал. Его рот снова искривился, и на сей раз крик, полный боли, был подавлен. Я хотела зажать уши, но крик звучал у меня в голове.

— Жжет! — простонал горящий. — Кровь червя до сих пор жжет меня — даже когда я сплю. Даже когда иду по Дороге Снов!

— Червя? — опешил отчим. — Уж не дракона ли? О чем ты говоришь?

— Он был как большая черная змея, — простонал Хакатри. — Мы с братом гнали его до самого логова, и сразились с ним, и убили его, но его едкая кровь брызнула на меня, и мне больше не знать покоя. Что за боль, клянусь Садами! — Он захлебнулся и умолк. Потом заговорил опять, и это было как песня: — Мы оба рубили его мечами, но моему брату Инелюки посчастливилось. Он избежал страшного ожога. Черна, черна была она, эта кровь, и горячее, чем пламя Творения! Боюсь, что даже смерть не облегчит этих мук...

— Замолчи! — в ярости и отчаянии вскричал Сулис. — Ведьма, что пользы в твоем колдовстве? Почему он меня не слышит?

— Мое колдовство открыло дверь, только и всего. Хакатри, быть может, пришел к этой двери потому, что кровь дракона жжет его — ничто в мире не сравнится с кровью этих больших змеев. Его раны, должно быть, всегда держат его поблизости от Дороги Снов. Задай ему свой вопрос, наббаниец. Он так же способен ответить на него, как всякий другой из бессмертных.

И тогда я почувствовала, что тайна, приведшая нас всех сюда, держит нас в своих тисках. Я затаила дыхание, разрываясь между ужасом, который выл как зимний ветер у меня в голове, побуждая меня бросить Телларина и бежать, и жгучим любопытством, вопрошающим, что же подвигло моего отчима устроить эту невероятную встречу.

Сулис опустил голову, как будто и теперь, когда время пришло, не знал, что сказать, — и заговорил, сперва нерешительно, но постепенно обретая твердость:

— Наша Церковь учит нас, что Бог явился в мир в образе Узиреса Эдона, который сотворил множество чудес и исцелял больных и увечных, пока император Крексис не велел повесить его на Древе Казни. Известно ли тебе это, Хакатри?

Глаза человека в огне снова обратились к Сулису. Хакатри не отвечал, но казалось, что он слушает.

— Элдон-Искупитель обещал нам, что все ныне живущие встретятся вновь и смерти не будет. Доказательством этому служит то, что он, Бог, воплотился в мире людей и чудеса, которые он совершал. Но я много читал о твоем народе, Хакатри. Все чудеса, совершенные Узиресом Эдоном, мог бы совершить любой из вас, ситхов, или даже любой из полубессмертных существ. — Улыбка Сулиса напоминала оскал черепа. — Даже самые яростные мои противники из числа служителей Церкви согласны с тем, что отцом Узиреса был не человек.

Сулис снова понурил голову, то ли собираясь с силами, то ли подыскивая слова. Я глотнул воздуха, вспомнив, что надо дышать. Страх на лицах Аваллеса и Телларина смешивался с изумлением, лицо Валады скрывала тень.

— Обеих моих жен унесла безвременная смерть, — продолжал отчим. — Первая жена успела подарить мне сына, чудесного мальчика по имени Сареллис, — и он тоже умер, крича от боли, потому что наступил на гвоздь от подковы — на гвоздь! — и подхватил смертельную заразу. Молодых людей, которыми я командовал, убивали сотнями и тысячами, их тела громоздились на поле боя, как груды саранчи, — и все это из-за какого-то клочка земли или из-за чьих-то обидных слов. Мои родители тоже умерли, и между нами осталось так много невысказанного. Всех, кого я искренне любил, отняла у меня смерть.

Его хриплый голос обрел тревожную силу — казалось, он способен сокрушить стены самого Небесного Града.

— Церковь велит мне верить, что я встречусь с ними вновь. Мне говорят: «Взгляни на дела Господа нашего Узиреса и утешься, ибо он пришел доказать нам, что смерть не страшна». Но я не могу быть уверен — я не могу верить просто так! Права ли Церковь? Увижу ли я вновь тех, кого люблю? Будем ли все мы жить вечно? Отцы Церкви объявили меня еретиком и отступником за то, что я сомневался в божественном происхождении Эдона, но я должен знать! Скажи, Хакатри, — не из ваших ли был Узирес? Или сказка о том, что он Бог, придумана лишь для того, чтобы мы оставались счастливыми, а священники богатели? — Сулис сморгнул слезы, и лицо его исказилось от ярости и боли. — Даже

если Бог приговорит меня за это к мукам ада, я должен знать: *правду говорит наша вера или ложь?*

Сулиса сотрясала такая дрожь, что ему пришлось отступить от огня, и он едва не упал. Никто не шелохнулся, кроме человека в огне, который проводил Сулиса своим пустым темным взором.

Я поняла, что тоже плачу, и тихо вытерла слезы. Страдания отчима были мне как нож острый, но этому сопутствовал гнев. И это все? Значит, вот для чего он бросил мою мать в одиночестве, а теперь губит собственную жизнь? Чтобы познать непознаваемое?

Долгое время все молчали, словно камни вокруг нас, и наконец Хакатри произнес:

— Вы, смертные, вечно мучите себя попусту. — Он моргнул, и лицо его при этом стало таким странным, что я отвернулась и не сразу вникла в смысл его слов. — А пуще всего вы мучитесь, когда задаете себе вопросы, на которые ответа нет.

— Как так — нет? — все еще дрожа, вставил Сулис. — Как это возможно?

Человек в огне вскинул свои длиннопалые руки — жестом умиротворения, как я догадывалась.

— Возможно. Дела смертных неведомы зидайям — ведь и вы ничего не можете знать о наших Садах и о том, куда мы уходим, когда покидаем это место. Послушай меня, смертный. Даже если ваш мессия в самом деле был из Детей Рассвета, почему это не могло произойти по воле вашего Бога? И разве это делает слова вашего Спасителя менее правдивыми? — Хакатри покачал головой с чуждой, нечеловеческой грацией озерной птицы.

— Ты просто скажи мне — из ваших Узирес или нет, — хрипло сказал отчим. — Избавь меня от своей философии и скажи прямо! Ибо я тоже горю! Я долгие годы не могу избавиться от этой боли!

Крик Сулиса прокатился по залу, и ситх в своем кольце черного пламени как будто впервые увидел его по-настоящему. Когда он заговорил, его голос был полон печали.

— Мы, задийи, мало что знаем о ваших делах, и есть среди нас такие, что откололись от других, — о них мы тоже не знаем. Я не думал, что ваш Узирес Эдон был из Детей

Рассвета, но большего я не могу сказать тебе, смертный, да и никто из нас не сможет. — Он снова поднял руки, переплетя пальцы странным, непонятным образом. — Мне жаль, но это так.

Дрожь сотрясла тело Хакатри — быть может, это вернулась боль от ожогов, которая почему-то не так мучила его, пока он слушал Сулиса. Отчим, не дожидаясь, что будет дальше, бросился к колдовскому костру и раскидал его ногой, подняв тучу искр, а после пал на колени и закрыл лицо руками.

Явившийся в пламени исчез.

После показавшегося бесконечным молчания колдунья заговорила:

— Так как же, Сулис, выполнишь ты теперь наш уговор? Ты сказал, что освободишь меня, если я приведу тебя к одному из бессмертных. — Она говорила ровно, но с мягкостью, удивившей меня.

Отчим ответил невнятно, махнув рукой:

— Сними с нее цепи, Аваллес. Мне больше ничего от нее не нужно.

Посреди унылой пустыни горя я испытала миг острого счастья, видя, что все — колдунья, мой любимый, даже мой страдалец отчим — пережили эту ночь, несмотря на дурные предчувствия. Аваллес отмыкал оковы колдуньи, и руки у него так тряслись, что он едва удерживал ключ. Я мечтала, что отчим оправится от своего недуга, и вознаградит моего Телларина за храбрость и верность, и мы с любимым поселимся где-нибудь подальше от этого населенного призраками, обдуваемого ветром мыса.

Внезапно отчим испустил пронзительный крик и повалился ничком, содрогаясь от рыданий. Этот припадок горя у сурового, сдержанного Сулиса почему-то испугал меня больше, чем все, что я видела за эту длинную, страшную ночь.

Когда его крик достиг высот громадного зала и теневое дерево зашелестело, другое привлекло мое внимание. Двое боролись там, где только что стояла Валада. Сначала я подумала, что это схватились колдунья и Аваллес, но нет: Валада отошла и следила за боем, удивленно раскрыв блестящие глаза. Это Телларин с Аваллесом дрались, бросив свои факелы. Оцепенев от изумления, я смотрела, как

они катаются по полу. Взвился и упал кинжал, и короткий бой завершился.

— Телларин! — закричала я и бросилась вперед.

Он стоял, отряхивая одежду от пыли и вытаращив на меня глаза. Острие его ножа стало черным от крови, а сам он остолбенел — то ил от страха, то ли от удивления.

— Бреда? Что ты здесь делаешь?

— Почему он напал на тебя? — вскричала я. Аваллес лежал, скрючившись в черной луже. — Он ведь был твоим другом!

Телларин молча поцеловал меня и подошел к Сулису, который все еще корчился на полу в приступе горя. Уперся коленом в спину моего отчима, схватил его за волосы и запрокинул кверху залитое слезами лицо.

— Я не хотел убивать Аваллеса, — пояснил мой солдат то ли мне, то ли Сулису. — Но он сам захотел пойти, боясь, что иначе любимцем его дяди стану я. Жаль, что так случилось. Это тебя я хочу убить, Сулис, и я долго ждал подходящего случая.

Отчим, несмотря на крайне неудобную позу, усмехнулся плотно стиснутыми зубами:

— Который из Санселланов послал тебя?

— Какая разница? В Наббане у тебя врагов больше, чем ты способен сосчитать, Сулис Отступник. Ты еретик и схизматик, и ты опасен. Тебе следовало бы знать, что тебе не позволяет создать свой оплот здесь, в этой глуши.

— Я пришел сюда не затем, чтобы создать оплот, — проворчал отчим. — Я пришел, чтобы найти ответ на свои вопросы.

— Телларин! — вмешался я, тщетно пытаясь понять происходящее. — Что ты делаешь?

Его голос обрел долю прежней мягкости.

— К нам с тобой это не имеет отношения, Бреда.

— Так ты... — Я не могла говорить. Слезы коверкали все вокруг, как Черное Пламя. — Так ты только притворялся, что любишь меня? Чтобы найти способ убить его?

— Нет! Мне не нужно было притворяться — я и без того был одним из его самых доверенных людей. — Он вцепился в отчима еще крепче — я боялась, что он сломает Сулису шею. — У нас с тобой все по-настоящему, малютка Бреда, по-хорошему. Я возьму тебя с собой в Наббан — теперь я

буду богат, и ты станешь моей женой. Увидишь, что такое настоящий город — не то что эта кишащая нечистью куча камней.

— Ты любишь меня? Правда любишь? — Мне очень хотелось верить ему. — Тогда отпусти моего отчима, Телларин!

— Не могу, — нахмурился он. — Мне поручили убить его еще до встречи с тобой, и я должен это исполнить. Он безумец, Бреда! И после ужасов этой ночи, после того, как он вызвал демона с помощью запретной магии, ты сама должна видеть, что его нельзя оставлять в живых.

— Не убивай его! Умоляю тебя!

Он поднял руку, призывая меня к молчанию.

— Я дал клятву моему господину в Наббане. Я должен сделать это, а потом мы оба будем свободны.

Даже именем нашей любви я не могла его остановить. Ошеломленная, не в силах больше спорить с человеком, который доставил мне столько радости, я обратилась за помощью к колдунье — но Валада уже ушла. Она получила свою свободу и предоставила нам убивать друг друга, сколько будет угодно. Мне показалось, что я уловила какое-то движение во мраке, — но это был только призрак, один из многих, взлетевший вверх по лестнице на своих бесшумных крыльях.

Сулис молчал. Он не боролся с Телларином и ждал удара, как старый бык на бойне. Он сглотнул, и кожа у него на шее так натянулась, что у меня из глаз снова хлынули слезы. Мой любимый приставил нож к горлу моего отчима. Сулис все так же молча смотрел на меня. Если какая-то мысль и была в его глазах, она пряталась так глубоко, что я не могла ее разгадать.

— Скажи еще раз, что любишь меня, — попросила я. Глядя на испуганное и все же торжествующее лицо моего солдата, я не могла не думать о замке, построенном на смерти, в чьих мрачных, загадочных глубинах мы находились сейчас. Мне показалось, что призрачные голоса вернулись, потому что в городе шумело, будто там бил прибой. — Скажи еще раз, Телларин. Прошу тебя.

Мой любимый сказал, не отнимая ножа от горла Сулиса:

— Конечно же, я люблю тебя, Бреда. Мы поженимся, и весь Наббан будет у твоих ног. Тебе никогда больше не бу-

дет холодно и одиноко. — Он подался вперед, и красивые, длинные мускулы его спины напряглись под моей рукой. Его заставил замешкаться звон стеклянного шарика, когда тот упал на пол и откатился прочь. — Что... — начал он и выпрямился, схватившись за поясницу, где уколол его коготь. Я, пошатываясь, отступила назад и с плачем упала на пол. Телларин задыхался. Его клинок звякнул о камень.

Я не могла смотреть, но его последний хрип остался со мной навсегда.

Теперь я стара и знаю, что умру здесь, в этом замке. Полагаю, меня похоронят на мысу, рядом с матерью и господином Сулисом.

После той долгой ночи в глубинах замка Король-Цапля, как прозвали озерные жители моего отчима, снова стал похож на себя прежнего. Он правил в замке еще много лет, и даже мой драчливый, завистливый народ признал его своим главой, хотя королевский титул умер вместе с Сулисом.

Мой след в мире будет еще слабее.

Я так и не вышла замуж, а мой брат Эльфрик умер, упав с лошади, и не оставил потомства. Поэтому, хотя Озерный Народ продолжает спорить о том, кому достанется штандарт и копье Великого Тана, человек из моего рода больше не станет во главе. И никто, мне думается, не останется жить в замке после моей смерти — нас и без того здесь мало, и последние домочадцы не уходят только из любви ко мне. Когда меня не станет, даже за могилами ухаживать будет некому.

Не могу сказать, почему я избрала своим домом это мрачное место, как не могу сказать и того, почему предпочла жизнь отчима жизни моего красивого и лживого Телларина. Должно быть, потому, что боялась строить на крови самое для меня дорогое. Потому что любовь не умеет считать — она делает свой выбор, а потом отказывается от него.

Каковы бы ни были причины, я свой выбор сделала.

Отчим вынес меня из подземелья на свет дня и после почти не упоминал о той страшной ночи. До конца своих дней он держался со мной все так же отчужденно и загадочно, но порой я чувствовала в нем покой, которого прежде не было. Не знаю почему.

Когда он уже лежал на смертном одре, слабея день ото дня, я просиживала рядом с ним часами и рассказывала обо всем, что делается в замке — о стройке, которая все продолжалась, об арендаторах, о стадах, — как будто он вот-вот встанет и возьмет бразды правления в свои руки. Но оба мы знали, что этому не бывать.

Перед самой кончиной на его лице появилось выражение спокойного ожидания. Мне трудно описать это чувство, но это был не страх. И когда он испустил свой последний вздох, мне вдруг вспомнилось то, что я прочла в его записях, — и я поняла, что ошибалась тогда.

«Последняя надежда на то, что она проводит меня к Черному Пламени. Либо ответ, либо смерть».

Речь шла не о том, что он убьет колдунью, если она не исполнит обещанного. Он хотел сказать, что, если она не поможет ему найти ответ, ему придется ждать смерти, чтобы узнать истину.

Теперь он наконец получит ответ на вопрос, который мучил его так долго.

Каким бы ответ ни был, Сулис не возвращался, чтобы поделиться им со мной. Теперь я старуха и скоро узнаю все сама. Как ни странно, меня это не слишком тревожит. За один год с Телларином, в месяцы нашей неистовой любви, я прожила целую жизнь. Потом для меня началась другая жизнь, долгая и медленная, где страдания уравновешиваются мелкими радостями. Двух жизней хватит хоть для кого — кому нужна вечность, на которую обречены бессмертные? На примере явившегося в пламени видно, что в вечной боли ничего хорошего нет.

И теперь, когда я рассказала свою историю, даже призраки, порой будившие меня по ночам, покажутся мне скорее старинными друзьями, чем пугалами.

Я сделала свой выбор — и, думается мне, осталась довольна им.

Джордж Р. Мартин

Песнь льда и огня

Север
Ледовый Берег
Стена
Заколдованный лес
Башня Теней
Черный Замок
Восточный Дозор
Тюлений залив
Залив Льдов
Медвежий остров
Последняя река
Кархолд
Волчий лес
Винтерфелл
Дредфорт
N
Торрхенова Поляна
Белый Нож
Кровавая река
Могильники
Белая Гавань
Вдовья Башня
Каяфинов Ров
Перешеек
Зубы
Серые Воды
Три Сестры
Пальцы
Близнецы
Железные о-ва
Страж Моря
Орлиное Гнездо
Аррийская долина
Кровавые Врата
Зеленый Рукав
Синий Рукав
Красный Рукав
Речной
Карту составил Джеймс Синклер

Юг
Три Сестры
Пальцы
Железные о-ва
Страж Моря
Зеленая Рукав
Королевская дорога
Аррийская долина
Орлиное Гнездо
Синий Рукав
Трезубец
Кровавые Врата
Морской Утес
Пайк
Красный Рукав
Камень Препятствия
Речной
Кровавый залив
Харренхал
Божье Око
Золотой Зуб
Королевская дорога
Драгонстон
Кастерли-Рок
Ланнистпорт
Золотая дорога
Королевская Гавань
Черная река
Большая Равнина
N
Королевский лес
Тарт
Морская дорога
Дорога Роз
Мандер
Приют Бурь
Залив Разбитых Кораблей
Хайгарден
Дорнийский кряж
Лес Дождей
Мыс Гнева
Дорнийское море
Старый Город
Старфол
Дорн
Сломанная Рука
Копье Солнца
Пристань
Карту составил Джейкс Синклер

George R.R. Martin
THE HEDGE KNIGHT
Перевод с английского Н. Виленской

© George R.R. Martin, 1998
© Перевод. Н. Виленская, 1999

«Игра престолов» (1996)
«Битва королей» (1998)
«Танец с драконами» (готовится к печати)
«Ветры зимы» (готовится к печати)

Действие самой свежей многотомной саги в жанре фэнтези происходит в Семи Королевствах, где времена года сместились и как лето, так и зима продолжаются годами.

В первой книге рассказывается о заговоре трех знатных семейств с целью свергнуть умалишенного короля и захватить власть над государством. Ланнистеры, Баратеоны и Старки существуют в состоянии неустойчивого равенства, которое нарушается, когда король Роберт Таргариен вызывает из северного города Винтерфелл Неда Старка, чтобы тот помог ему править страной, и дает ему вожделенный титул Руки Короля, то есть второго человека в государстве.

Стараясь раскрыть загадку убийства своего предшественника, Нед вступает в конфликт с королевой и ее братьями, и баланс в заговоре знатных родов нарушается. Борьба за власть становится смертельной, а на севере, за великой ледяной стеной, защищающей области, населенные человеком, приходят в движение еще более зловещие силы.

Стране грозит гражданская война, но Ланнистеры убивают Роберта и делают попытку захватить власть. Ему противостоят только Старки и Баратеоны. Тем временем глава рода Таргариенов, Визерис, отдает руку своей сестры в обмен на войско, которое должно помочь ему отвоевать Семь Королевств.

В последующих книгах серии будет рассказано о дальнейшем развитии и разрешении этого многостороннего конфликта.

Действие повести «Межевой рыцарь» происходит за сто лет до событий, описанных в «Игре престолов»*.

---

* Переводы повести «Межевой рыцарь» и романа «Игра престолов» делались независимо друг от друга, разными переводчиками. Отсюда — неизбежные различия в написании географических названий и имен собственных. — *Примеч. ред.*

Межевой рыцарь
Повесть Семи Королевств

Весенние дожди умягчили почву, и Дунку нетрудно было копать могилу. Он выбрал место на западном склоне небольшого холма — старик всегда любил смотреть на закат. «Вот и еще день прошел, — говорил он, вздыхая, — а завтрашний еще неизвестно что принесет, верно, Дунк?»

Один из завтрашних дней принес дождь, промочивший их до костей, а следующий — порывистый сырой ветер, а следующий за ним — холод. На четвертый день старик сильно ослабел, чтобы держаться в седле, и скоро его не стало. Не прошло и несколько дней, как он, покачиваясь в седле, пел старую песню о тундре в Гуллтауне, только вместо «Гуллтаун» спел «Эшфорд». «В Эшфорде славный будет турнир, хей-хо, хей-хо, — грустно вспоминал Дунк, копая могилу.

Вырыв достаточно глубокую яму, он поднял старика на руки и уложил туда. Покойник был маленький и тощий — без кольчуги, шлема и пояса с мечом он весил не больше мешка с сухими листьями. Дунк же вымахал невероятно высоким для своего возраста — нескладный ширококостный парень шестнадцати или семнадцати лет (никто не знал толком, сколько ему). Ростом он был ближе к семи футам, чем к шести, и этот костяк только начинал еще одеваться плотью. Старик часто хвалил его силу. Старик не скупился на похвалы — больше ведь у него ничего не было.

Дунк постоял немного над могилой. В воздухе снова пахло влагой, и он знал, что нужно засыпать старика, пока не пошел дождь, но ему тяжко было бросать землю на это усталое старое лицо. *Септона бы сюда, он бы прочел молитву — но*

нет никого, кроме меня. Старик обучил Дунка всему, что знал сам о мечах, щитах и копьях, а вот что касается слов...

— Я бы оставил тебе меч, но он заржавеет в земле, — сказал наконец Дунк виновато. — Мне думается, боги дадут тебе новый. Жаль, что ты умер, сьер. — Он помолчал, думая, что бы еще сказать. Дунк не знал целиком ни одной молитвы — старик набожностью не отличался. — Ты был истинный рыцарь и никогда не бил меня без причины, — наконец выпалил парень, — кроме того раза в Мэйденпуле. Это трактирный мальчишка съел пирог вдовы, а не я, я ведь говорил. Но теперь это уже не важно. Да хранят тебя боги, сьер. — Дунк бросил в яму горсть земли и стал кидать во весь мах, не глядя на то, что лежит на дне. Он прожил долгую жизнь, думал Дунк. Ему было ближе к шестидесяти, чем к пятидесяти, а многие ли могут сказать это о себе? И ему довелось увидеть еще одну весну.

Уже вечерело, когда Дунк покормил лошадей. Их было три: две кобылы и Гром, боевой конь, которым старик пользовался только на турнирах и битвах. Большой бурый жеребец был уже не так силен и скор, как бывало, но глаза его еще сверкали и дух не угас — из всего имущества Дунка он представлял собой самую большую ценность. Если я продам Грома и старую Каштанку, у меня наберется достаточно серебра, чтобы... подумал Дунк и нахмурился. Единственной известной ему жизнью была жизнь межевого рыцаря, который кочует от замка к замку, нанимается на службу то к одному барону, то к другому, сражается за своего господина и ест за его столом, пока война не кончится, а потом отправляется дальше. Время от времени, хотя и не столь часто, случаются турниры, а в голодные зимы межевые рыцари порой и разбоем промышляют, хотя старик никогда этого не делал.

«Я мог бы найти другого межевого рыцаря, чтобы ходить за его лошадьми и чистить ему кольчугу, — думал Дунк, — или отправиться в город вроде Ланниспорта или Королевской Гавани и поступить в городскую стражу, или...»

Пожитки старика он собрал в кучу под дубом. В кошельке содержалось три серебряных стага, девятнадцать медных грошей и обрезанный по краям золотой; главное достояние старика, как и у большинства межевых рыцарей, заключалось в лошадях и оружии. К Дунку перешла кольчуга, с ко-

торой он счищал ржавчину не менее тысячи раз. Унаследовал он также железный шлем с широким щитком для носа, пояс из потрескавшейся бурой кожи и длинный меч в ножнах из дерева и кожи. Еще кинжал, бритву и точильный брусок, поножи и латный воротник, восьмифутовое боевое копье из точеного ясеня с железным наконечником — и наконец, дубовый щит с истертым железным ободом, с гербом сьера Арлана из Пеннитри: крылатая чаша, серебряная на буром.

Дунк взял в руки пояс, не сводя глаз со щита. Пояс рассчитан на тощие бедра старика и будет ему мал, как и кольчуга. Дунк прикрепил ножны к пеньковой веревке, обвязал ее вокруг пояса и вынул меч.

Хороший клинок, прямой и тяжелый, из доброй, кованной в замке стали, деревянная рукоять обмотана мягкой кожей, головка эфеса из гладко отшлифованного черного камня. Без финтифлюшек, но Дунку по руке, и он знал, как этот меч остер, поскольку перед сном постоянно точил его и смазывал. Он подходит мне не хуже, чем старику, думал Дунк, а на Эшфордском лугу будет турнир.

У Легконогой ход был мягче, чем у старой Каштанки, но Дунк все-таки порядком устал, когда добрался до гостиницы — высокого, оштукатуренного деревянного здания у ручья. Теплый желтый свет, льющийся из окон, так манил, что он просто не смог проехать мимо. У меня есть три серебряных монеты, сказал он себе, на это можно хорошо поужинать, а эля выпить — сколько влезет.

Когда он спешился, из ручья вылез голый мальчишка и завернулся в грубый коричневый плащ.

— Ты кто, конюх? — спросил его Дунк. Мальчишка был лет восьми-девяти на вид, бледный и тощий, с ногами по щиколотку в прибрежном иле и совершенно лысой головой. — Надо обтереть кобылу, на которой я ехал, и задать овса всем троим. Сделаешь?

— Если захочу, — нахально ответствовал мальчик.

— Ты это брось, — нахмурился Дунк. — Я рыцарь и могу проучить тебя за наглость.

— Что-то не похож ты на рыцаря.

— Разве все рыцари похожи друг на друга?

— Нет, но и на тебя они не похожи. У тебя вон и меч на веревке висит.

— Ничего, держится — и ладно. Займись-ка моими лошадьми. Получишь медяк, если хорошо сделаешь свое дело, и тычок в ухо, если нет. — Дунк не стал дожидаться ответа, а повернулся и прошел в дверь.

Он думал, что в этот час харчевня будет полным-полна, но она пустовала.

Молодой дворянчик в красивом камчатном плаще похрапывал за одним из столов, уронив голову в лужу вина. Кроме него, здесь не было ни души. Дунк нерешительно огляделся, но тут из кухни появилась коренастая женщина и сказала:

— Можете сесть, где пожелаете. Что вам подать — эля или еды?

— И того, и другого. — Дунк сел у окна, подальше от спящего.

— Есть вкусный барашек, зажаренный с травами, и утки — их мой сын настрелял. Что прикажете принести?

Дунк уже с полгода не ел в харчевнях.

— И то, и другое.

— Ну что ж, вы достаточно большой, чтобы управиться с тем и другим, — засмеялась женщина. Она нацедила кружку эля и принесла ему. — Комнату на ночь не желаете?

— Нет. — Дунк очень хотел бы поспать под крышей, на мягком соломенном тюфяке, но деньги приходилось беречь. Ничего, и на земле отлично выспится. — Вот поем, попью и поеду в Эшфорд. Далеко ли до него?

— День пути. Как будет развилка у погорелой мельницы, поезжайте на север. Как там мой мальчишка — смотрит за вашими лошадьми или опять сбежал?

— Нет, он на месте. Маловато у вас гостей, как я погляжу.

— Половина города отправилась на турнир. Мои бы тоже туда подались, кабы я позволила. Когда меня не станет, гостиница перейдет к ним — однако мальчишке все бы с солдатами болтаться, а девчонка вздыхает да хихикает, как только мимо пройдет рыцарь. Хоть убейте, не пойму. Рыцари устроены так же, как все прочие мужчины, и не вижу, почему участие в турнире должно повышать цену на яйца. — Хозяйка окинула любопытным взглядом Дунка: меч и щит гово-

рили ей одно, веревочный пояс и грубый камзол совсем другое. — А вы никак тоже на турнир путь держите?

Дунк хлебнул эля, прежде чем ответить. Тот был сочного орехового цвета и густой — как раз ему по вкусу.

— Да. Хочу одержать на нем победу.

— Вон оно как, — с умеренной учтивостью отозвалась женщина.

Дворянчик поднял голову над столом. Его лицо под шапкой спутанных песочных волос имело желтый, нездоровый оттенок, подбородок зарос светлой щетиной. Юноша вытер рот и сказал Дунку:

— Я видел тебя во сне. — Дрожащий указательный палец нацелился на Дунка. — Держись от меня подальше, слышишь? Как можно дальше.

— Ваша милость? — с недоумением откликнулся Дунк.

— Не обращайте внимания, сьер, — вмешалась хозяйка. — Он только и знает, что пить да толковать о своих снах. Сейчас принесу вам поесть.

— Поесть? — с великим отвращением повторил дворянчик и поднялся на ноги, пошатываясь и придерживаясь за стол, чтобы не упасть. — Меня сейчас стошнит, — объявил он. На его камзоле запеклись красные винные пятна. — Мне нужна женщина, но здесь их нет. Все ушли в Эшфорд. Боги, я должен выпить еще. — Он нетвердой походкой вышел из зала, и Дунк услышал, как он поднимается по лестнице, напевая что-то себе под нос.

Экий оболтус, подумал Дунк. Но с чего он взял, что меня знает? Дунк размышлял об этом, попивая свой эль.

Он в жизни еще не ел такого вкусного барашка, а утка была еще лучше — ее зажарили с вишнями и лимоном, и она не казалась такой уж жирной. Кроме мяса хозяйка подала горошек в масле и овсяной хлеб только что из печи. Вот что значит быть рыцарем, сказал себе Дунк, обгладывая последнюю кость. Хорошая еда, эль и никаких затрещин. Он выпил вторую кружку, пока ел, третью, чтобы запить ужин, и четвертую, потому что никто ему в этом не препятствовал. Когда он расплатился с женщиной серебряной монетой, то получил еще взамен пригоршню медяков.

Когда он вышел наружу, уже совсем стемнело. Живот его наполнился, а в кошельке немного полегчало, но Дунк

отправился на конюшню в преотличном настроении. Внезапно там заржал конь.

— Тихо, парень, — произнес мальчишеский голос, и Дунк, нахмурясь, ускорил шаг.

Мальчишка-конюх сидел на Громе в доспехах старого рыцаря. Кольчуга была длиннее, чем он весь, а шлем пришлось сдвинуть на затылок, чтобы он не налезал на глаза. Мальчик был весь поглощен своей игрой и имел крайне нелепый вид. Дунк со смехом остановился на пороге.

Мальчик, увидев его, покраснел и спрыгнул наземь.

— Ваша милость, я не хотел...

— Воришка, — с напускной суровостью сказал Дунк. — Снимай кольчугу и скажи спасибо, что Гром не огрел тебя копытом по глупой голове. Он боевой конь, а не пони для детских забав.

Мальчишка снял шлем, бросил его на солому и заявил с прежней дерзостью:

— Я могу на нем ездить не хуже тебя.

— Замолчи и перестань дерзить. Быстро снимай кольчугу. Что это взбрело тебе в голову?

— Как же я смогу ответить, если буду молчать? — Мальчишка вылез из кольчуги, как ящерица.

— Если я спрашиваю, можешь открыть рот. Стряхни с кольчуги пыль и положи туда, где взял. Шлем тоже. Ты покормил лошадей, как я велел? И вытер Легконогую?

— Да. — Мальчик стряхивал с кольчуги солому. — Вы ведь в Эшфорд едете, сьер? Возьмите меня с собой.

Хозяйка гостиницы не зря беспокоилась.

— А что скажет твоя мать?

— Мать? — сморщился мальчик. — Ничего не скажет — она умерла.

Дунк удивился: разве малец — не хозяйский сын? Наверное, просто работник. Голова слегка кружилась от эля.

— Ты сирота, что ли? — спросил он.

— А ты?

— Был когда-то. — Да, правда — пока старик не взял его к себе.

— Я могу быть твоим оруженосцем.

— Оруженосец мне ни к чему, — сказал Дунк.

— Каждому рыцарю нужен оруженосец — а уж тебе тем более.

Дунк замахнулся.

— Сдается мне, что ты все-таки получишь по уху. Насыпь мне овса в мешок.

— Я еду в Эшфорд — один.

Если мальчуган и испугался, то не подал виду. Еще миг он постоял с вызывающим видом, скрестив руки, потом повернулся и пошел за овсом.

У Дунка отлегло от сердца. Жаль, что нельзя... но тут ему хорошо живется, куда лучше, чем в оруженосцах у межевого рыцаря. Дунк оказал бы ему дурную услугу, взяв его с собой.

Чувствовалось, однако, что мальчик сильно разочарован. Дунк, сев на Легконогую и взяв за повод Грома, решил приободрить его немного.

— На, парень, держи. — Дунк бросил медную монетку, но мальчик даже не попытался поймать ее, и она упала в грязь между его босыми ногами.

Ничего, поднимет, когда я уеду, решил Дунк и послал кобылу вперед, ведя за собой двух других лошадей. Луна ярко освещала деревья, и безоблачное небо было усеяно звездами. Даже выехав на дорогу, Дунк все еще чувствовал спиной угрюмый взгляд маленького конюха.

Тени уже начали удлиняться, когда Дунк остановился на краю широкого Эшфордского луга. На травяном поле уже стояло больше полусотни шатров, больших и малых, квадратных и круглых, парусиновых и шелковых; но все они были яркие, и длинные флаги колыхались на срединных шестах. Луг пестрел красками, словно полевыми цветами: винно-красными и желтыми, как солнце, бесчисленными оттенками зелени и синевы, густо-черными, серыми и пурпурными.

Старик служил кое с кем из этих рыцарей, других Дунк знал по рассказам, которые слышишь в тавернах и у костров. Хотя искусством чтения и письма Дунк так и не овладел, в геральдике старик натаскивал его беспощадно, даже и в дороге. Соловьи — это герб лорда Карона с Пограничья, столь же искусного в игре на большой арфе, как и в обращении с копьем. Олень в короне — это сьер Лионель Баратеон, Смеющийся Вихрь. Дунк разглядел также охотника рода Тарли, пурпурную молнию Дондарриона, красное яблоко

Фоссовеев. Вот лев Ланнистеров, золотой на багряном поле, вот темно-зеленая морская черепаха Эстермонтов плывет по бледно-зеленому фону. Бурый шатер с вздыбленным красным жеребцом мог принадлежать только сьеру Ото Бракену, которого прозвали Браненским Зверем, когда он три года назад убил лорда Квентина Блэквуда на турнире в Королевской Гавани. Дунк слышал, что сьер Ото нанес своим затупленным топором такой удар, что расколол и забрало, и лицо лорда Блэквуда. Здесь присутствовали и блэквудские знамена — на западном краю луга, подальше от сьера Ото. Марбранд, Маллистер, Каргиль, Вестелинг, Сван, Муллендор, Хайтавер, Флорент, Фрей, Пенроз, Стокворт, Дарри, Паррен, Вильд — казалось, каждый знатный дом запада и юга прислал в Эшфорд хотя бы одного рыцаря, чтобы поклониться королеве турнира и преломить копье в ее честь.

Но как бы красивы ни были эти шатры, Дунк знал, что ему среди них места нет. Поношенный шерстяной плащ — вот и все, чем он располагает для ночлега. Лорды и рыцари обедают каплунами и молочными поросятами, а у Дунка только и есть, что кусок жесткой, жилистой солонины. Он хорошо знал, что, остановившись на этом веселом поле, вдоволь хлебнет и молчаливого презрения, и открытых насмешек. Будут, возможно, и такие, которые проявят к нему доброту, но это в некотором роде еще хуже.

Межевой рыцарь не должен ронять своего достоинства. Без него он не больше чем наемник. *Я должен заслужить свое место среди них. Если я буду сражаться хорошо, кто-нибудь из лордов может взять меня к себе на службу. Тогда я окажусь в благородном обществе, каждый день буду есть благородное мясо в трапезном замке и ставить на турнирах собственный шатер. Но сначала я должен проявить себя в деле.* Дунк неохотно повернулся спиной к турнирному полю и увел своих лошадей в лес.

В окрестностях большого луга, в доброй полумиле от города и замка, он нашел место, где излучина ручья образовала глубокую заводь. Весенняя травка, зеленая, что твой рыцарский стяг, была мягкой на ощупь. Красивое место, и оно никем не занято. Вот тут и будет мой шатер, решил Дунк, — с кровлей из листьев, зеленее, чем знамена Тирреллов и Эстермонтов.

Обиходив первым делом лошадей, он разделся и вошел в пруд, чтобы смыть дорожную пыль. «Истинный рыцарь должен быть чист и телом и душой», — говаривал старик, и они мылись с головы до пят каждую луну, невзирая на то, дурно от них пахло или нет. Теперь, став рыцарем, Дунк поклялся всегда придерживаться этого правила.

Он посидел голый под вязом, обсыхая и наслаждаясь весенним теплом. В тростнике лениво порхали стрекозы. Их еще называют дракончиками, хотя на драконов они ничуть не похожи. Не то чтобы Дунк хоть раз в жизни видел драконов — а вот старик видел. Дунк раз сто слышал от сьера Арлана историю о том, как маленьким мальчиком дед повез его в Королевскую Гавань, и там-то они видели последнего дракона за год до того, как тот издох. Это была самка, маленькая, зеленая и чахлая, с поникшими крыльями. Ни одно ее яйцо так и не проклюнулось. «Говорили, будто ее отравил король Аэгон, — рассказывал старик. — Третий Аэгон — не отец короля Даэрона, а тот, которого прозвали Пагубой Драконов или Аэгоном Неудачливым. Он боялся драконов, потому что видел, как змей его дяди пожрал свою собственную мать. После смерти последнего дракона лето стало короче, а зима длиннее и суровее».

Солнце зашло за деревья, и стало холодать. У Дунка по коже побежали мурашки. Он выбил камзол и штаны о ствол вяза и оделся. Завтра он поищет распорядителя игр и запишется, а вечером он должен заняться другими делами, если надеется участвовать в турнире.

Ему не надо было смотреть в пруд — он и так знал, что не слишком похож на рыцаря, поэтому он повесит щит Арлана за спину, чтобы виден был девиз, спутал лошадей, пустив их пастись на густой зеленой траве под вязом, и пешком зашагал к турнирному полю.

В обычные времена луг служил местом гуляний для жителей города Эшфорда, что стоял за рекой, но сейчас он преобразился. За одну ночь здесь вырос другой, шелковый город, больше и красивее каменного. Дюжины торговцев поставили свои палатки по краю поля — здесь продавались сладости и фрукты, пояса и башмаки, кожи и ленты, посуда и драгоценные камни, пряности, перья и прочие товары. Жонглеры, кукольники и фокусники бродили в толпе, пока-

зывая свое искусство, тут же толклись шлюхи и карманники. Дунк бдительно придерживал свой кошелек.

Он уловил запах шипящих на огне колбас, и у него потекли слюнки. За грош он купил одну колбаску и рог эля, чтобы ее запить. Жуя, он смотрел, как раскрашенный деревянный рыцарь бьется с раскрашенным деревянным драконом. На кукольницу, водившую дракона, смотреть было не менее приятно: высокая, тоненькая, с оливковой кожей и черными волосами дорнийки. Вся точно копье, и грудей почти не видно — но Дунку нравилось ее лицо и то, как ловко она заставляет дракона скакать взад-вперед. Он бросил бы девушке медную монетку, будь у него лишняя — но сейчас ему был нужен каждый грош.

Он надеялся, что среди торговцев есть и оружейники. И верно — один тироши с раздвоенной синей бородой продавал нарядные шлемы в виде разных птиц и зверей, украшенные золотом и серебром. Один кузнец предлагал дешевые клинки, у другого сталь была лучше, но Дунку нужен был не меч.

Потребный ему товар он нашел в самом конце ряда — на столе перед торговцем лежала тонкая кольчужная рубаха и пара перчаток с раструбами.

Дунк осмотрел все это и заметил:

— Хорошая работа.

— Лучше не найдете, — заверил кузнец, коротышка не более пяти футов ростом, но в плечах и в груди такой же широкий, как Дунк. Чернобородый, с огромными ручищами, он держался без всякого подобострастия.

— Мне нужны доспехи для турнира, — сказал Дунк. — Хорошая кольчуга сверху донизу, поножи, воротник и шлем. — Полушлем старика был ему впору, но один носовой щиток не мог защитить лицо как следует.

Оружейник смерил Дунка взглядом.

— У вас большой рост, но я одевал рыцарей и побольше. — Он вышел из-за прилавка. — Станьте-ка на колени, я измерю ширину плеч. А заодно и шею. — Дунк опустился на колени, и оружейник завязанным в узлы ремешком снял нужные мерки, бурча что-то при этом. — Теперь поднимите руку. Нет, правую. Можете встать. — Обмеры ляжки, икры и талии вызвали дальнейшее бурчание. — У меня есть в повозке то, что вам подойдет. Без всяких там золотых и серебряных

финтифлюшек, но сталь хорошая, прочная. Я делаю шлемы, похожие на шлемы, а не на свиней с крыльями да на заморские фрукты, — но мой защитит вас лучше, если вам угодят копьем в лицо.

— Того-то мне и надо. Сколько?

— Восемьсот стагов. Я нынче добрый.

— Восемьсот?! — Это было больше, чем Дунк ожидал. — Я... я могу предложить вам старые доспехи, поменьше... полушлем, кольчугу...

— Железный Пейт продает только то, что делает сам, но металл может мне пригодиться. Если они не слишком ржавые, я одену вас за шестьсот.

Дунк охотно попросил бы Пейта поверить ему доспехи в долг, но он чувствовал, что подобная просьба благоприятного отклика не вызовет. Из своих странствий со стариком он знал, что торговцы крайне недоверчиво относятся к межевым рыцарям, некоторые из которых были немногим лучше разбойников.

— Я дам вам два стага вперед, — сказал Дунк, — а доспехи и остальные деньги принесу завтра.

Пейт пристально посмотрел на него.

— За два стага я придержу для вас доспехи один день — а после продам их другому.

Дунк выудил монеты из кошелька и положил в мозолистую ладонь оружейника.

— Вы получите все. Я намерен стать победителем турнира.

— Да ну? — Пейт попробовал на зуб одну из монет. — А все остальные, выходит, съехались лишь для того, чтобы покричать тебе «ура»?

Луна поднялась уже довольно высоко, когда Дунк направил свои стопы обратно к вязу. Эшфордский луг позади был ярко освещен факелами. Там звучали песни и смех, но Дунку было не до веселья. Он мог придумать только один способ добыть деньги. И если он потерпит поражение...

— Одна победа — вот все, что мне нужно, — сказал он вслух. — Не так уж это и много.

Старик, правда, даже и на это никогда не надеялся. Сьер Арлан ни разу не ломал копья с тех пор, как принц Драгонстонский спе́шил его на турнире в Приюте Бурь много лет назад. «Не каждый может похвалиться тем, что сломал семь

копий в схватке с первейшим рыцарем Семи Королевств, — говорил старик. — На лучшее я уже не способен — значит, незачем и пытаться».

Дунк подозревал, что причиной тут скорее возраст, нежели принц Драгонстонский, но не смел высказать это вслух. Старик берег свою гордость до последнего дня. «Но он всегда говорил, что я скор и силен, — твердил себе Дунк, — и то, что было верным для него, не закон для меня».

Он шел по тропке через высокую траву, перебирая в уме свои возможности, как вдруг увидел сквозь кусты огонек костра. Это еще что такое? Дунк, не раздумывая, выхватил меч и бросился вперед.

С ревом и бранью он выбежал на поляну — и остановился как вкопанный.

— Ты! Что ты тут делаешь?

— Рыбу жарю, — ответил нахальный мальчишка, сидящий у костра. — Хочешь?

— Но как ты сюда попал? Украл лошадь?

— Приехал в повозке человека, который привез барашков к столу лорда Эшфорда.

— Так пойди поищи себе обратную повозку. Ты мне здесь не нужен.

— Никуда я не пойду. Надоела мне эта гостиница.

— Довольно с меня твоей наглости. Сейчас перекину тебя через седло и отвезу домой.

— Тебе пришлось бы ехать до самой Королевской Гавани. Пропустишь турнир.

Королевская Гавань... На миг Дунку показалось, что мальчишка смеется над ним, но не мог же тот знать, что и Дунк оттуда родом. Еще один бедолага из Блошиной Ямы — и кто упрекнет его за то, что он захотел выбраться оттуда?

Дунк почувствовал себя глупо, стоя с мечом в руке над восьмилетним сиротой. Он убрал клинок и свирепо глянул на мальчишку, давая понять, что никаких глупостей не потерпит. Надо бы задать паршивцу хорошую трепку — но малец имел такой жалкий вид, что у Дунка рука не поднималась побить его. Огонь весело трещал, обложенный камнями, лошади были вычищены, одежда сохла над костром на ветке вяза.

— Что это тут за тряпки?

— Я их постирал. И вычистил коней, и развел костер, и поймал эту рыбу. Я бы и шатер поставил, да не нашел его.

— Вот мой шатер. — Дунк указал вверх, где простиралась крона вяза.

— Это просто дерево, — хмыкнул мальчуган.

— Истинный рыцарь в ином шатре не нуждается. Уж лучше спать под звездами, чем в пропахшей дымом палатке.

— А если дождь пойдет?

— Дерево защитит меня.

— Они протекают, деревья-то.

— Верно, — засмеялся Дунк. — По правде сказать, мне не на что приобрести шатер. Ты бы перевернул свою рыбу, иначе она подгорит с одной стороны и останется сырой с другой. Повара из тебя никогда не выйдет.

— Выйдет, если я захочу, — возразил мальчишка, но рыбу перевернул.

— Что это у тебя с головой? — спросил Дунк.

— Лекари обрили меня. — И мальчик, вдруг засмущавшись, натянул на голову капюшон своего темно-бурого плаща.

Дунк слышал, что так иногда делают от вшей или некоторых болезней.

— Стало быть, ты болел?

— Нет. Как тебя зовут?

— Дунк.

Мальчишка залился хохотом, точно в жизни не слыхал ничего смешнее.

— Дунк! Сьер Дунк? Это имя не для рыцаря. Может, это уменьшительное от «Дункан»?

— Может, и так.

Старик все время звал его Дунком, а свою прошлую жизнь он помнил не слишком хорошо.

— Пожалуй. Сьер Дункан из... — У Дунка не было родового имени, не было дома. Сьер Арлан подобрал его в закоулках Блошиной Ямы, и он не знал ни отца, ни матери. Как же назваться? «Сьер Дункан из Блошиной Ямы» звучит не слишком по-рыцарски. Можно сказать, что он из Пеннитри, но что, если его спросят, где это? Сам Дунк никогда не бывал в Пеннитри, а старик о доме почти не рассказывал. Дунк нахмурился и выпалил: — Сьер Дункан Высокий. — Никто не станет оспаривать, что он высок, и это достойное имя.

Но маленький нахал, видимо, был иного мнения.

— Никогда не слышал о сьере Дункане Высоком.

— Ты что, знаешь всех рыцарей в Семи Королевствах?

— Хороших знаю.

— Я не хуже других. После турнира все в этом убедятся. Ну а тебя как звать, воришка?

Мальчик помедлил и сказал:

— Эг*.

Дунк не стал смеяться. Голова у мальчишки и правда как яйцо. Дети бывают жестоки, да и взрослые тоже.

— Эг, мне следовало бы всыпать тебе как следует и отправить назад, но у меня и оруженосца нет, не только шатра. Если поклянешься делать то, что я велю, я разрешу тебе послужить мне на турнире — а там видно будет. Если я решу, что ты чего-то стоишь, то буду кормить тебя и одевать. Одежда, правда, будет домотканая, а есть мы будем соленую рыбу и говядину да изредка оленину, когда лесника поблизости не окажется, но голода можешь не опасаться. И я обещаю не бить тебя без причины.

— Да, ваша милость, — улыбнулся Эг.

— Сьер, — поправил Дунк. — Я всего лишь межевой рыцарь. — Хотелось бы ему знать, смотрит на него сейчас старик или нет. *Я обучу его боевому искусству, как ты учил меня, сьер. Парень он вроде смышленый — глядишь, и из него получится рыцарь.*

Рыба оказалось все-таки малость сыровата внутри, и Эг вынул из нее не все кости, однако она была неизмеримо вкуснее жесткой солонины.

Эг скоро уснул у догорающего огня. Дунк лег на спину, заложив свои большие руки под голову и глядя в ночное небо. С турнирного поля в полумиле от него слышалась далекая музыка. Вверху мерцали тысячи звезд. Вот одна из них ярко-зеленой чертой пересекла небо и пропала.

«Упавшая звезда приносит удачу тем, кто ее видит, — пришло в голову Дунку. — Но все остальные сейчас в шатрах, и над ними шелк, а не звездное небо. Стало быть, вся удача достанется мне одному».

---

* От англ. egg — яйцо.

Утром его разбудило пение петуха. Эг еще спал, свернувшись под вторым по нарядности плащом старика. Не сбежал, выходит, ночью — и то хорошо.

Дунк ткнул его ногой.

— Поднимайся, дело есть. — Мальчишка довольно быстро сел и протер глаза. — Помоги мне оседлать Легконогую.

— А завтрак как же?

— Поедим солонины, как управимся.

— Уж лучше я съем лошадь... сьер.

— Отведаешь моего кулака, если не будешь делать, что велят. Доставай скребницы — они в седельной сумке. Да, в этой самой.

Вместе они расчесали гнедую шерсть Легконогой и вдрузили ей на спину лучшее седло сьера Арлана. Дунк заметил, что Эг работает на совесть, когда хочет.

— Думаю, меня не будет почти весь день, — сказал он мальчику, садясь на лошадь. — Останешься здесь и приберешься в лагере. Да смотри, чтобы *другие* ворюги не совали сюда нос.

— Может, оставите мне меч, чтобы я отгонял их? — Синие глаза Эга, очень темные, почти лиловые, из-за бритой головы казались необычайно большими.

— Довольно будет и ножа. И будь на месте, когда я вернусь, слышишь? Если украдешь что-нибудь и сбежишь, я сыщу тебя с собаками.

— Так ведь у вас нет собак.

— Ничего, для такого случая достану. — Дунк обратил Легконогую к лугу и поехал легкой рысью, надеясь, что его угроза заставит мальчишку вести себя прилично. В лагере осталось все, чем Дунк владел в этом мире, кроме одежды на нем, лошади под ним и старых доспехов в мешке. Дурак я, что так доверился мальчишке — но ведь старик тоже поверил мне, размышлял Дунк. Не иначе как сама Матерь послала парня ко мне, чтобы я мог уплатить свой долг.

Пересекая поле, он услышал стук молотков со стороны реки — плотники ставили там барьеры для турнира и воздвигали большой павильон для зрителей. На лугу прибавилось несколько шатров, а рыцари, прибывшие ранее,

отсыпались после ночной попойки или закусывали у костров. Пахло дымом и ветчиной.

К северу от луга протекала река Кокльсвент, приток могучего Мандора. За бродом располагались город и замок. Дунк, путешествуя со стариком, повидал много рыночных городов, и этот казался красивее многих других: побеленные дома под соломенными крышами смотрели очень приветливо. Когда Дунк был поменьше, он все, бывало, думал, каково это — жить в таком месте: спать каждую ночь под крышей и каждый раз просыпаться в тех же стенах. *Может, скоро я и узнаю, что это за жизнь. И Эг тоже.* Все может статься. На свете и не такое бывает.

Эшфордский замок имел вид треугольника с округлыми башнями тридцатифутовой вышины на каждом углу и зубчатыми стенами между ними. Над ним реяли оранжевые флаги с белым знаком солнца и шеврона, девизом владельца замка. Стражники в оранжево-белых камзолах стояли с алебардами у ворот — видно было, что им больше по душе шутить с хорошенькими молочницами, чем не пускать кого-то. Дунк остановился перед бородатым коротышкой — судя по всему, капитаном — и спросил, где найти распорядителя турнира.

— Это Пламмер, здешний управляющий. Я покажу где.

Во дворе конюх принял у Дунка лошадь. Дунк закинул потертый щит сьера Арлана за плечо и прошел за капитаном в зубчатую башенку. Крутые каменные ступени вывели их на стену.

— Хочешь записать своего господина? — спросил капитан.

— Я сам себе господин.

— Вон как? — Дунку показалось, что капитан ухмыляется. — Вот в эту дверь. Я должен вернуться на свой пост.

Управляющий сидел за столом и писал что-то на листе пергамента — узколицый, с редкими седеющими волосами. Он поднял голову и спросил:

— Чего тебе?

Дунк прикрыл за собой дверь.

— Это вы — Пламмер-управитель? Я пришел, чтобы записаться на турнир.

— На турнир моего лорда принимаются только рыцари, — поджал губы Пламмер. — Вы рыцарь?

Дунк кивнул, боясь, не покраснели ли у него уши.

— Полагаю, у вас и имя есть?

— Дунк. — Ах, угораздило же ляпнуть такое! — Сьер Дункан. Высокий.

— Откуда же вы будете, сьер Дункан Высокий?

— Ниоткуда. Я служил оруженосцем у сьера Арлана из Пеннитри с пяти или шести лет. Вот его щит. Он ехал на турнир, но простудился и умер, и я приехал вместо него. Перед смертью он посвятил меня в рыцари вот этим самым мечом. — Дунк вынул меч и положил на поцарапанный стол. Распорядитель удостоил клинок лишь самого беглого взгляда.

— Да, я вижу, что это меч. Но я никогда не слыхал и о сьере Арлане из Пеннитри. Вы говорите, что были его оруженосцем?

— Он всегда хотел, чтобы я стал рыцарем. Умирая, он попросил подать ему меч, велел мне стать на колени, коснуться сперва моего правого плеча, затем левого, произнес нужные слова и сказал, что теперь я рыцарь.

— Гм-м. — Пламмер потер себе нос. — Это верно, что каждый рыцарь может посвятить в рыцари другого человека — правда, обычно этому предшествует исповедь у священника и бдение. Присутствовали ли при этом какие-нибудь свидетели?

— Только щегол на ветке. Но я помню то, что говорил старик. Он обязал меня быть истинным рыцарем, чтить семерых богов, защищать слабых и невинных, преданно служить моему господину и сражаться за свою страну. Я поклялся во всем этом.

— Не сомневаюсь. — Дунк не мог не заметить, что Пламмер ни разу не назвал его сьером. — Мне нужно посоветоваться с лордом Эшфордом. Быть может, кто-то из славных рыцарей, собравшихся здесь, знал вашего покойного господина?

— Мне помнится, я видел знамя Дондаррионов — пурпурную молнию на черном поле.

— Да, это знамя сьера Манфреда.

— Сьер Арлан служил у его отца в Донре три года назад. Может быть, сьер Манфред вспомнит меня.

— Советую вам поговорить с ним. Если он согласится поручиться за вас, приведите его сюда завтра, в это же время.

— Как вам будет угодно. — Дунк пошел к двери.

— Сьер Дункан, — позвал его Пламмер, и он обернулся.

— Вам известно, что побежденный на турнире отдает победителю оружие, доспехи и коня и должен заплатить за все это выкуп?

— Известно.

— А можете ли вы заплатить такой выкуп?

Теперь уши у Дунка уж точно покраснели.

— Мне платить не придется. — Он молился, чтобы это было правдой. *Все, что мне нужно, — это одна победа. Если я выиграю свой первый бой, то получу доспехи и коня побежденного или его золото, а тогда уж пусть и меня побеждают.*

Он медленно сошел вниз — ему не хотелось делать то, что он задумал. Во дворе он поймал за шиворот одного из конюхов.

— Мне нужен главный конюший лорда Эшфорда.

— Сейчас отыщу его.

В конюшнях царили полумрак и прохлада. Чей-то норовистый серый жеребец попытался куснуть Дунка, а Легконогая тихонько заржала и ткнулась носом в его протянутую руку.

— Умница моя. — Старик говорил, что рыцарь не должен слишком привязываться к лошади, ибо далеко не одной суждено погибнуть под ним, но сам не слишком придерживался этого правила. Часто на глазах у Дунка он тратил последний грош на яблоко для старой Каштанки или овес для Легконогой и Грома. На Легконогой сьер Арлан проделал многие тысячи миль по всем Семи Королевствам. Дунку казалось, что он предает своего старого друга, но что ему оставалось? Каштанка стара, и за нее много не выручишь, а Гром нужен ему для турнира.

Шло время, а главный конюший все не появлялся. Между тем на стене зазвучали трубы и во дворе поднялся крик. Дунк подвел Легконогую к дверям посмотреть, что там творится. Большой отряд рыцарей и конных лучников въезжал в ворота — их было не меньше сотни, и Дунк никогда еще не видывал таких великолепных коней. Какой-то важный господин приехал, подумал Дунк, и поймал пробегавшего мимо конюха.

— Кто они такие?

— Вы что, знамен не видите? — огрызнулся мальчишка, вывернулся и убежал. Знамена... Как раз в этот миг ветер

развернул черный шелковый стяг на длинном древке, и трехглавый дракон дома Таргариенов словно расправил крылья, выдыхая алое пламя. Знамя держал высокий рыцарь в чешуйчатой, белой с золотом броне, и белоснежный плащ ниспадал с его плеч. Двое других всадников тоже были в белом с головы до ног. Королевские гвардейцы и флаг королевский. Вот и лорд Эшфорд с сыновьями выбегает из дверей замка, тут же и дочь, королева турнира, маленькая, с желтыми волосами и круглым розовым личиком. Не такая уж и красавица — кукольница была лучше.

— Брось-ка эту клячу, парень, и займись моей лошадью.

Какой-то всадник спешился перед конюшней, и Дунк понял, что тот обращается к нему.

— Я не конюх, ваша милость.

— Что, недостаточно умен для такой должности? — На всаднике был черный плащ с алой атласной каймой, а одежда внизу переливалась красным, желтым и золотым, как пламя. Среднего роста, но стройный, как клинок, он казался ровесником Дунка. Серебристо-золотые локоны обрамляли точеное, властное лицо: высокий лоб, четкие скулы, прямой нос, бледная, безупречно чистая кожа, густо-лиловые глаза. — Если ты не способен управиться с лошадью, принеси мне вина и приведи бабенку посмазливее.

— Простите, ваша милость, но я не слуга. Я имею честь быть рыцарем.

— Печальные же времена переживает рыцарство. — Но тут подоспели конюхи, и принц отдал им поводья своей кобылы, великолепной гнедой чистокровки. О Дунке он и думать забыл. Тот с большим облегчением улизнул обратно в конюшню. Он и среди рыцарских шатров чувствовал себя достаточно неловко — недоставало еще с принцами беседовать.

В том, что этот красавчик принц, Дунк нимало не сомневался. В Таргариенах течет кровь погибшей Валирии, что далеко за морями, и их сразу можно узнать по серебристо-золотым волосам и лиловым глазам. Принц Баэлор, конечно, гораздо старше, но этот юнец вполне мог быть одним из его сыновей: Валарром, которого часто зовут «молодым принцем» в отличие от отца, или Матарисом, «совсем молодым принцем», как пошутил однажды дурак лорда Свана. Были и другие принцы, кузены Валарра и Матариса. У доброго

короля Даэрона четверо взрослых сыновей, и у троих есть свои сыновья. Некоторое время назад династия королей-драконов едва не вымерла, но похоже, что Даэрон со своими сынами обеспечил ей вечное благополучие.

— Эй, это ты меня спрашивал? — Главный конюший лорда Эшфорда казался еще краснее из-за своего оранжевого камзола и говорил отрывисто. — В чем дело? Мне недосуг...

— Хочу продать вот эту кобылку, — поспешно молвил Дунк. — Хорошая лошадка, крепкая на ногу...

— Говорю тебе — мне недосуг. — Конюший едва удостоил Легконогую взглядом. — Лорду Эшфорду такие не надобны. Сведи ее в город, — может, Хенли даст тебе пару серебряных монет. — И он отвернулся.

— Спасибо, ваша милость, — сказал Дунк, прежде чем тот ушел. — Скажите, это король приехал?

— Хвала богам, нет, — засмеялся конюший. — Довольно с нас нашествия принцев. Где я возьму стойла для стольких коней? А корм? — Он зашагал прочь, покрикивая на конюхов.

Дунк вышел из конюшни. Принцев лорд Эшфорд пригласил в дом, но двое гвардейцев в белом еще мешкали во дворе, разговаривая с капитаном стражи.

Дунк остановился перед ними.

— Господа, я сьер Дункан Высокий.

— Привет вам, сьер Дункан, — сказал один из рыцарей. — Я сьер Роланд Крейкхол, а это мой побратим, сьер Доннел из Дускенделя.

Семеро королевских гвардейцев были лучшими воинами Семи Королевств, уступая разве что самому наследному принцу, Баэлору Сломи Копье.

— Вы намерены участвовать в турнире? — с беспокойством спросил Дунк.

— Не подобает нам выступать против тех, кого мы присягали защищать, — ответил сьер Доннел, рыжеголовый и рыжебородый.

— Принц Валарр выступает как защитник леди Эшфорд, — пояснил сьер Роланд, — а двое его кузенов намерены выступить на противной стороне. Мы, остальные, будем только смотреть.

Дунк с облегчением поблагодарил белых рыцарей за любезность и выехал за ворота замка, пока к нему не прице-

пился еще какой-нибудь принц. Уж эти мне принцы, думал он, направляя кобылу к городу. Валарр — старший сын принца Баэлора, второй на очереди к Железному Трону, но что-то непохоже, чтобы он перенял от отца его знаменитое мастерство в битве на мечах и копьях. О прочих таргариенских принцах Дунк знал и того меньше. *Что я буду делать, если придется выехать против принца? И разрешат ли мне бросить вызов столь высокородной особе?* Дунк и этого не знал. Старик часто говаривал, что он темен, как погреб, и сейчас Дунк это ощущал как нельзя сильнее.

Хенли Легконогая приглянулась — но только до того мига, когда Дунк заявил, что хочет ее продать. Тогда он отыскал в ней множество изъянов и предложил цену: триста серебром. Дунк сказал, что согласен на три тысячи. После жарких споров и ругани сошлись на семистах пятидесяти. Это было ближе к начальной цене Хенли, чем к цене Дунка, и парень чувствовал себя проигравшим этот бой, но лошадник уперся, и оставалось только сдаться. Спор начался сызнова, когда Дунк заявил, что седло в стоимость лошади не входит, а Хенли — что входит.

Наконец и об этом договорились. Хенли пошел за деньгами, а Дунк потрепал гриву Легконогой и велел ей не унывать.

— Если одержу победу, вернусь и выкуплю тебя — обещаю. — Он не сомневался, что все изъяны кобылы завтра же исчезнут и цена ее возрастет вдвое против нынешней.

Лошадник дал ему три золотых, а остальные отсчитал серебром. Дунк попробовал золотую монету на зуб и улыбнулся. Он никогда этого прежде не делал, да и золото в руках не держал. Золотые назывались «драконами», потому что с одной стороны на них был вытиснен трехглавый дракон Таргариенов, а с другой — изображение короля. На двух монетах Хенли был портрет короля Даэрона, третья же, старая и порядком тертая, изображала другого человека. Его имя значилось тут же над головой, но Дунк не мог прочесть буквы. Монета была обрезана по краям, и он указал на это Хенли. Лошадник поворчал, однако добавил еще несколько серебряных монет и пригоршню медяков, чтобы восполнить разницу. Дунк отдал часть меди обратно и сказал, кивнул на Легконогую:

— Это для нее. Пусть ей вечером дадут овса. И яблоко.

Со щитом на руке и мешком, полным старых доспехов, на плече Дунк зашагал по солнечным улицам Эшфорда. Непривычная тяжесть кошелька на боку вселяла в него пьянящее чувство, смешанное с беспокойством. Старик никогда не давал ему в руки больше пары монет. На эти деньги он мог бы прожить целый год. Ну а потом что — Грома продавать? Эта дорожка ведет к попрошайничеству либо разбою. Такой случай больше не повторится — надо рискнуть.

Когда Дунк перешел через брод на южный берег Кокльсвента, утро подошло к концу и на турнирном поле царило оживление. Вино и колбасы шли нарасхват, ученый медведь плясал под выклики своего хозяина: «Медведь, медведь, подходите посмотреть!», жонглеры представляли, деревянные куклы сражались.

Дунк остановился поглядеть, как убивают дракона. Когда кукольный рыцарь снес чудовищу голову и красные опилки посыпались на траву, Дунк засмеялся и бросил девушке два гроша, сказав: «Один за вчерашнее». Она ловко поймала монеты и улыбнулась ему самой милой улыбкой на свете.

Это она просто так улыбается или за деньги? У Дунка никогда еще не было девушки, и он их побаивался. Как-то три года назад старик, получив расчет за полугодовую службу у слепого лорда Флорента, заявил, что сведет Дунка в бордель, где его сделают мужчиной. Но он сказал это спьяну, а когда протрезвел, то все позабыл, Дунк же постеснялся ему напомнить. Притом парню не слишком хотелось иметь дело со шлюхой. Он мечтал если уж не о благородной девице, которая полагалась бы ему как рыцарю, то хотя бы о такой, которой понравился бы он сам, а не его серебро.

— Не желаете ли разделить со мной рог эля? — спросил он у кукольницы, которая запихивала кровавые опилки обратно в дракона. — Или съесть колбаску? Я пробовал вчера — они вкусные, свиные.

— Благодарю, ваша милость, но у нас опять начинается представление. — Девушка убежала к злой толстой дорнийке, водившей кукольного рыцаря, а Дунк остался стоять дурак дураком. Но ему понравилось, как она бегает. Красивая девушка и высокая. Чтобы поцеловаться с такой, на колени становиться не надо. Целоваться Дунк умел. Одна девушка

из таверны научила его в Ланниспорте год назад, но она была так мала, что пришлось ей для этого сесть на стол. От этого воспоминания у Дунка запылали уши. Ну не дурак ли он? Ему надо думать о турнире, а не о поцелуях.

Плотники лорда Эшфорда уже белили деревянные барьеры, через которые будут прыгать всадники. Дунк немного понаблюдал за их работой. Пять дорожек располагались с севера на юг, чтобы никому из участников солнце не светило в глаза. На восточной стороне поля ставили трехъярусный павильон под оранжевым навесом, который защитит лордов и дам от солнца и дождя. Зрители будут сидеть на скамейках, но в середине видны четыре стула с высокими спинками: для лорда Эшфорда, королевы турнира и приехавших в гости принцев.

Тут же на восточном краю поставили столб-кинтану, и с дюжину рыцарей упражнялись, стараясь попасть копьем в подвешенный на нем щит. Дунк посмотрел на Бракенского Зверя и на лорда Карона с Пограничья. Я держусь в седле не так хорошо, как они, с тревогой подумал он.

В других местах пешие рыцари нападали друг на друга с деревянными мечами, а их оруженосцы стояли тут же, выкрикивая забористые советы. Крепкий юноша пытался сдержать натиск мускулистого рыцаря, гибкого и проворного, как дикий кот. У обоих на щитах было красное яблоко Фоссовеев, но щит юноши противник скоро разнес в щепки.

— Это яблочко еще не созрело, — присовокупил победитель, рубанув младшего по шлему. Побежденный Фоссовей был весь в крови и синяках, другой же почти и не запыхался. Подняв забрало, победитель увидел Дунка и позвал:

— Эй, вы, там. Ну да, вы. Рыцарь Крылатой Чаши. Что это у вас — длинный меч?

— Он мой по праву, — вызывающе ответил Дунк. — Я сьер Дункан Высокий.

— А я сьер Стеффон Фоссовей. Не хотите ли сразиться со мной, сьер Дункан Высокий? Не плохо бы для разнообразия скрестить мечи с кем-нибудь другим. Мой кузен еще не дозрел, как видите.

— Соглашайтесь, сьер Дункан, — подзадорил побитый Фоссовей, снимая шлем. — Я, может, и не дозрел, зато мой кузен прогнил до сердцевины. Выбейте-ка из него семечки.

Дунк покачал головой. На что ему мешаться в ссору между этими дворянами?

— Благодарю вас, сьер, но меня ждут дела. — Неуютно это — носить при себе такие деньги. Чем раньше он расплатится с Железным Пейтом и заберет доспехи, тем лучше.

Сьер Стеффон посмотрел на него с презрением.

— Межевого рыцаря ждут дела. — Он посмотрел по сторонам и наметил себе другого противника. — Сьер Гранс, давайте сразимся. Я уже изучил наизусть все убогие приемы моего кузена, а сьеру Дункану надо срочно вернуться на межу. Пойдемте же.

Дунк удалился, красный до ушей. У него самого в запасе было так много приемов, убогих или нет, и он ни с кем не хотел вступать в бой до турнира. Старик всегда говорил, что чем лучше ты знаешь своего противника, тем проще его одолеть. Такие рыцари, как сьер Стеффон, мигом подмечают чужие слабости. Дунк был силен и проворен, имел большой вес и длинные руки, но не льстил себе надеждой, что может сравниться с другими в мастерстве. Сьер Арлан обучил его всему, что знал сам, но старик даже смолоду не входил в число первых бойцов. Прославленные рыцари не скитаются от одной межи к другой и не умирают на большой дороге. Со мной будет по-иному, поклялся про себя Дунк. Я докажу вам всем, что я не просто межевой рыцарь.

— Сьер Дункан, — воскликнул молодой Фоссовей, догнав его. — Мне не следовало уговаривать вас сразиться с моим кузеном. Я рассердился, что он так важничает, а вы такой большой — вот я и подумал... короче, я был не прав. Вы ведь без доспехов. Он мог бы сломать вам руку или колено. Он любит наносить людям увечья в учебных боях, чтобы потом, на турнире, они оказались слабее его.

— Вам он, однако, ничего не сломал.

— Да, но мы ведь родня, хотя он принадлежит к старшей ветви яблони, о чем неустанно мне напоминает. Меня зовут Раймун Фоссовей.

— Рад знакомству. Вы с кузеном оба участвуете в турнире?

— Только он. Я бы тоже хотел, но я пока только оруженосец. Кузен обещал посвятить меня в рыцари, но утверждает, что я еще не дозрел до этого. — У Раймуна было широкое

лицо, вздернутый нос, короткие всклокоченные волосы, но улыбка искупала все изъяны. — А вот вы, я думаю, непременно выйдете на бой. В чей щит вы намерены ударить?

— Мне все равно, — ответил Дунк подобающим образом, хотя ему было далеко не все равно. — Я вступлю в состязание только на третий день.

— Да, к тому времени защитники начнут выходить из строя. Что ж, пусть улыбнется вам Воитель, сьер.

— И вам тоже. — *Он до сих пор оруженосец, а я лезу в рыцари. Кто же из нас дурак?* Серебро в кошельке Дунка позвякивало на каждом шагу, но он знал, что может потерять его в один миг. Даже турнирные правила против него — едва ли ему повезет встретить неопытного или слабого противника.

Турнир мог проводиться на дюжину разных ладов в зависимости от воли лорда-устроителя. Можно устроить потешный бой между двумя отрядами рыцарей или общую свалку, где победителем считается последний, кто устоит на ногах. Можно также провести ряд поединков, где противники подбираются либо по жребию, либо хозяином игр.

Лорд Эшфорд объявил этот турнир в честь тринадцатых именин своей дочери. Девица будет сидеть рядом с отцом, как Королева Любви и Красоты. Пять рыцарей будут выступать как ее защитники. Все остальные могут вызывать их на бой, но всякий, кто победит защитника, становится защитником сам, пока не уступит место другому бойцу. К концу третьего дня состязаний пятеро действующих защитников решат, удержит ли королева турнира свой титул или же он перейдет к другой.

Дунк, глядя на травяное поле и пустые места для зрителей, взвешивал свои возможности. Одна победа — больше ему не нужно. Тогда он сможет объявить себя одним из победителей Эшфордского турнира, хотя бы пробыл таковым только час. Старик дожил чуть ли не до шестидесяти лет, а победителем не бывал ни разу. На одну победу надеяться можно, только бы боги были милостивы. Дунк вспомнил все песни, которые слышал: о слепом Симеоне Звездоглазом, благородном Сервине Зеркальный Щит, принце Аэмоне, Рыцаре-Драконе, о сьере Риаме Редиуне и Флориане-Дураке. Все они побеждали гораздо более сильных врагов. Но все они были герои и благородные мужи, кроме Флориана. *А кто такой я? Дунк из Блошиной Ямы? Или сьер Дункан Высо-*

кий? Скоро он это узнает. Дунк тряхнул мешком с доспехами и направился к торговым рядам искать Железного Пейта.

Эг в лагере потрудился на славу. Дунк остался доволен тем, что его оруженосец не сбежал.

— Ну как, хорошую цену вам дали за кобылу? — спросил мальчик.

— Почем ты знаешь, что я ее продал?

— Вы уехали верхом, а возвращаетесь пешком — но если бы у вас ее украли, вы были бы здорово сердиты.

— Мне хватило, чтобы купить вот это. — Дунк достал новые доспехи. — Рыцарь должен уметь отличать хорошую сталь от плохой. Смотри сюда: это хорошая работа. Кольчуга двойная, каждое звено сцепляется с двумя другими, видишь? Такая защищает лучше, чем одинарная. А шлем Пейт сделал круглый. Меч или топор отскочат от него, а плоский могли бы разрубить. — Дунк надел шлем на себя. — Ну, как?

— У него нет забрала, — заметил Эг.

— Зато есть щели для глаз. Забрало — самое слабое место. — Железный Пейт тоже так сказал. — Знал бы ты, сколько рыцарей получили стрелу в глаз, когда подняли забрало, чтобы глотнуть свежего воздуха!!

— И гребня нет. Он совсем простой.

— Мне такой и нужен. — Дунк снял шлем. — Видишь, как блестит? Поддерживать этот блеск — твое дело. А кольчугу ты умеешь чистить?

— Это делают в бочке с песком, но у нас нет бочки. А шатер вы заодно не купили, сьер?

— Я не настолько много выручил. — Парень чересчур нахален — надо выбить из него для его же блага. Но Дунк знал, что не сделает этого. Дерзость ему нравилась — он и сам хотел бы быть посмелее. *Мой оруженосец не только храбрее, но и умнее меня.* — Ты хорошо поработал, Эг. Завтра я возьму тебя с собой. Посмотришь на турнирное поле. Купим овса лошадям, а себе свежего хлеба. Может, и сыру прихватим, если найдем хороший.

— Но в замок мне не надо будет идти?

— Почему бы и нет? В будущем я сам намерен поселиться в замке и надеюсь перед концом заслужить себе место выше солонки.

Мальчик промолчал. Боится, видно, заходить в господский дом, решил Дунк. Иного от него и ждать не приходится. Ну ничего, с годами пройдет. Дунк снова стал любоваться своими доспехами, гадая, надолго ли сохранит их.

Сьер Манфред был худощавый человек с кислым лицом. Он носил черный камзол с пурпурной молнией Дондарриона, но Дунк и без того бы узнал его по гриве золотисто-рыжих волос.

— Сьер Арлан служил лорду, вашему отцу, когда тот с лордом Кароном выкуривал Короля-Стервятника из Красных гор, сьер, — сказал Дунк, преклонив колено. — Я был тогда мальчишкой, но уже выполнял обязанности оруженосца. Сьер Арлан из Пеннитри.

— Не помню такого. И тебя тоже, мальчик, — нахмурился сьер Манфред.

Дунк показал ему щит старика:

— Вот его девиз — крылатая чаша.

— Лорд, мой отец, повел тогда в горы восемьсот рыцарей и около четырех тысяч пехоты. Не могу же я помнить их всех вместе с их щитами. Может, ты и был тогда с нами, но... — Сьер Манфред пожал плечами.

Дунк на миг онемел. *Старик был ранен на службе у твоего отца — как же ты его не помнишь?*

— Меня не допустят на турнир, если другой лорд или рыцарь не поручится за меня.

— Что мне до этого? Довольно, сьер, я уже уделил вам достаточно времени.

Если он вернется в замок без лорда Манфреда, все пропало. Дунк посмотрел на пурпурную молнию, вышитую на черном шерстяном камзоле сьера Манфреда, и сказал:

— Я помню, как ваш отец рассказывал в лагере о происхождении вашего родового герба. В одну грозовую ночь, когда ваш предок вез послание через дорнийские земли, стрела убила его коня, и он свалился наземь. Из мрака вышли двое дорнийцев в кольчугах и высоких шлемах, его же меч сломался при падении. Ваш предок подумал уже, что он обречен, но когда враги приблизились, чтобы прикончить его, пурпурная молния ударила с неба и поразила дорнийцев в их броне прямо на месте. Вовремя доставленное послание помогло Грозному Королю одержать победу над Дорном, и в награду он

пожаловал гонцу дворянство. Став первым лордом Дондарриона, воин поместил на своем гербе раздвоенную пурпурную молнию, а полем стало черное звездное небо.

Если Дунк полагал, что эта история поразит сьера Манфреда, он горько заблуждался.

— Каждый кухонный мальчишка и конюх, когда-либо служивший у моего отца, знает это предание. Знакомство с ним еще не делает вас рыцарем. Ступайте прочь, сьер.

С тяжелым сердцем вернулся Дунк в замок Эшфорда. Как убедить Пламмера допустить его на турнир? Но в башенке распорядителя не оказалось. Часовой сказал Дунку, что Пламмер, должно быть, в большом зале.

— Может, я здесь подожду? — сказал Дунк. — Долго ли он там пробудет?

— Откуда мне знать? Поступайте, как хотите.

Большой зал был не столь уж большим — впрочем, и замок был невелик. Дунк вошел туда через боковую дверь и сразу увидел распорядителя. Тот стоял с лордом Эшфордом и еще полудюжиной человек в дальнем углу зала. Дунк направился к ним вдоль гобеленов с вытканными на них цветами и фруктами.

— ...говорил бы по-другому, будь это твои сыновья, бьюсь об заклад, — сердито произнес мужчина с прямыми волосами и квадратной бородой — такими светлыми, что они казались белыми в полумраке, но Дунк, подойдя ближе, разглядел, что на самом деле волосы серебристые с золотым отливом.

— Даэрон не в первый раз такое выкидывает, — ответил другой, которого заслонял от Дунка Пламмер. — Не надо было посылать его на турнир. Он здесь не более уместен, чем Аэрис или Раэгель.

— Ты хочешь сказать, что он скорее оседлает шлюху, чем коня, — сказал первый. Плотный, могучего сложения принц — это был явно принц — носил кожаный панцирь с серебряными заклепками под тяжелым черным плащом, подбитым горностаем. Серебристая борода не могла прикрыть целиком оспин на лице. — Нет нужды напоминать мне о недостатках моего сына, брат. Ему всего восемнадцать, и он еще может исправиться. И он исправится, клянусь богами, а если нет, то расстанется с жизнью.

— Не валяй дурака. Даэрон такой, каков он есть, но в нем все же течет наша с тобой кровь. Я не сомневаюсь, что сьер Роланд отыщет его, а заодно и Аэгона.

— Да только турнир к тому времени кончится.

— Здесь Аэрион — и он лучше орудует копьем, чем Даэрон, если тебя только турнир волнует. — Теперь Дунк видел того, кто говорил. Тот сидел на высоком стуле с пергаментными листами в руке. Лорд Эшфорд стоял за его плечом. Даже сидя, этот человек казался на голову выше остальных — это подтверждалось длиной его вытянутых рук. В коротко остриженных темных волосах проглядывала проседь, крепкий подбородок был чисто выбрит. Нос у него явно был сломан, и не один раз. Несмотря на простую одежду — облегающий зеленый камзол, бурый плащ и потертые сапоги, — от него веяло властью и уверенностью.

Дунк смекнул, что ему пожалуй, не следует слушать, о чем тут говорят. Лучше убраться от сюда и зайти попозже, подумал он — но опоздал. Принц с серебристой бородой его заметил

— Кто ты и как смеешь врываться сюда? — резко осведомился он.

— Это тот рыцарь, которого ждет наш добрый управитель, — вмешался сидящий, улыбаясь Дунку так, словно знал о его присутствии с самого начала. — Скорее это мы с тобой, брат, вторглись сюда, а не он. Подойдите, сьер.

Дунк двинулся вперед, не зная, чего ожидать дальше. Он взглянул на Пламмера, но помощи не дождался. Узколицый управитель, напористый вчера, молча глядел в пол.

— Любезные лорды, — сказал Дунк, — я просил сьера Манфреда Дондарриона поручиться за меня, но он отказывается, говоря, что не знает меня. И все же сьер Арлан служил у него, клянусь. У меня остались щит и меч старого рыцаря, и...

— Щит и меч еще не делают рыцаря, — заявил лорд Эшфорд, крупный и лысый, с круглым красным лицом. — Пламмер говорил мне о вас. Даже если эти вещи принадлежат сьеру Арлану из Пеннитри, очень может статься, что вы нашли его мертвым и присвоили их. Быть может, вы имеете еще что-то в подтверждение своих слов — какую-нибудь грамоту или...

— Я помню сьера Арлана из Пеннитри, — сказал человек на стуле. — Насколько я знаю, он никогда не побеждал на турнирах, но всегда сражался с честью.

Шестнадцать лет назад в Королевской Гавани он повалил в общей стычке лорда Стокворта и бастарда Харренхальского, а еще раньше в Ланниспорте спешил самого Седого Льва. Тогда, правда, этот лев еще не был сед.

— Да, он мне об этом много раз рассказывал, — сказал Дунк. Сидящий пристально посмотрел на него.

— Тогда вы должны знать настоящее имя Седого Льва.

В голове у Дунка образовалась полная пустота. Ведь старик же тысячу раз говорил... лев, лев, как же его звать? Дунк был близок к отчаянию, и тут его осенило.

— Сьер Дамон Ланнистер! Седой Лев! Теперь он — лорд Кастерли-Рок.

— Верно, — приветливо сказал высокий, тряхнув своими бумагами, — и завтра он выходит на поле.

— Как ты можешь помнить какого-то межевого рыцаря, который когда-то случайно спешил Дамона Ланнистера? — нахмурился принц с серебристой бородой.

— Я взял за правило знать о моих противниках все.

— Как это тебя угораздило выбрать себе в противники межевого рыцаря?

— Это было девять лет назад, в Приюте Бурь. Лорд Баратеон устроил турнир в честь рождения внука, и мне в первом поединке по жребию достался сьер Арлан. Мы сломали четыре копья, прежде чем я наконец спешил его.

— Семь копий, — поправил Дунк, — и он тогда сражался с принцем Драгонстонским. — И тут до него дошло. Дунк-чурбан, темный, как погреб, явственно послышалось ему.

— Так оно и было, — ласково улыбнулся принц со сломанным носом. — Истории с годами приукрашиваются. Не думайте плохо о своем наставнике, но боюсь, что сломали мы все-таки четыре копья.

Хорошо, что в зале стоял полумрак — Дунк чувствовал, как горят у него уши.

— Ваша милость. — Нет, не так. — Ваше высочество... Конечно, их было четыре, и я вовсе не хотел... — Дунк упал на колени и склонил голову. — Старик, сьер Арлан, всегда говорил, что я темен, как погреб, и туп, как зубр.

— Вы и сильны, как зубр, судя по виду, — сказал Баэлор Сломи Копье. — Ничего страшного не случилось, сьер. Встаньте.

Дунк встал, думая о том, должен ли он держать голову склоненной или, может, смотреть прямо на принца. *Я говорю с Баэлором Таргариеном, принцем Драгонстонским, Рукой Короля и наследником Железного Трона Аэгона Завоевателя.*

О чем может межевой рыцарь говорить с такой персоной?

— Я... я помню, вы вернули ему коня и доспехи, не взяв выкупа, — промямлил Дунк. — Старик... сьер Арлан говорил, что вы душа рыцарства и что когда-нибудь Семь Королевств расцветут в ваших руках.

— Я молюсь, чтобы это случилось как можно позже.

— О, конечно. — Дунк ужаснулся и чуть было не ляпнул, что вовсе не желал смерти королю, но вовремя остановился. — Прошу прощения, ваша милость... то есть ваше высочество.

Дунк с запозданием сообразил, что сребробородый называл принца Баэлора братом. *Значит, он тоже из рода дракона, чтоб мне пусто было, дураку.* Это, конечно же, принц Маэкар, младший из четырех сыновей короля Даэрона. Принц Аэрис — книжник, а принц Раэгель хвор, и с головой у него неладно. Никто из них двоих не поехал бы в такую даль ради турнира, а вот Маэкар, говорят, воин хоть куда, хотя и уступает старшему брату.

— Вы хотите участвовать в турнире, так? — спросил принц Баэлор. — Решение зависит от хозяина игр, но я не вижу причин вам отказывать.

— Как будет угодно вашему высочеству, — склонил голову распорядитель. Дунк забормотал слова благодарности, но принц Маэкар махнул на него рукой:

— Отлично, сьер, мы понимаем, как вы благодарны принцу. А теперь ступайте.

— Простите моего благородного брата, сьер, — сказал принц Баэлор. — Два его сына пропали, не доехав сюда, и он за них опасается.

— Ручьи и реки вздулись из-за весенних дождей, — сказал Дунк. — Быть может, принцы просто задержались в пути.

— Без советов межевого рыцаря я уж как-нибудь обойдусь, — заявил Маэкар брату.

— Вы можете идти, сьер, — доброжелательно произнес принц Баэлор.

— Да, ваша милость. — Дунк повернулся, чтобы уйти, но принц окликнул его:

— Еще одно, сьер. Вы ведь не родственник сьеру Арлану?

— Да... то есть нет, не родственник.

Принц указал на потертый щит с изображением крылатой чаши.

— По закону только сын, рожденный в браке, может унаследовать рыцарский герб. Вам нужно придумать себе новый девиз, сьер, свой собственный.

— Хорошо. Примите мою благодарность и за это, ваше высочество. Я буду сражаться храбро, вот увидите. — «Храбро, как Баэлор Сломи Копье», как часто говорил старик.

Виноторговцы и колбасники бойко отпускали свой товар, и продажные женщины открыто таскались между палатками. Среди них попадались и миловидные, особенно одна рыженькая. Дунк не мог не глазеть на ее груди, которые шевелились под сорочкой. В кошельке еще осталось немало серебра, и он думал: «Я мог бы иметь ее. Купить ее за звонкую монету. Мог бы отвести ее в свой лагерь и пробыть с ней всю ночь, если б захотел». Он ни разу еще не был с женщиной, и очень возможно, что его убьют в первом же бою. Турниры — дело опасное... впрочем, и шлюхи тоже, старик его об этом предостерегал. Девка может ограбить его, пока он будет спать... и что тогда делать? В итоге, когда рыжая оглянулась через плечо, Дунк потряс головой и зашагал прочь.

Эга он нашел около кукольников — тот сидел на земле, поджав ноги и натянув капюшон на свою плешивую голову. Мальчишка не захотел идти в замок — Дунк приписал это робости. Парнишка, конечно, стесняется лордов и дам, не говоря уж о принцах. Дунк тоже был таким в детстве. Мир за пределами Блошиной Ямы казался ему столь же пугающим, сколь и притягательным. Со временем Эг освоится, а пока что Дунк счел за лучшее дать ему несколько медных монет и предоставить развлекаться в свое удовольствие. Не тащить же парня в замок насильно.

Сегодня кукольники представляли сказку о Флориане и Жонкиль. Толстая дорнийка водила Флориана в его разномастных доспехах, а высокая девушка — Жонкиль.

— Никакой ты не рыцарь, — говорила она, а кукла открывала и закрывала рот в лад ее словам. — Я тебя знаю — ты Флориан-Дурак.

— Так и есть, госпожа моя, — отвечал Флориан, преклонив колени. — Свет еще не видал такого дурака — и такого славного рыцаря.

— Как — и дурак, и рыцарь? Никогда о таком не слыхивала.

— Прекрасная госпожа, все мужчины и дураки, и рыцари, когда дело касается женщин.

Представление было хорошее, грустное и веселое вместе. В конце произошел отменный бой на мечах, и кукольный великан был сделан на славу. Доиграв сказку, толстуха стала обходить зрителей, собирая монеты, а девушка — убирать кукол. Дунк, прихватив Эга, подошел к ней.

— Ваша милость, — сказала она с мимолетной улыбкой. Она была на голову ниже Дунка, но все-таки выше всех девушек, которых он встречал до сих пор.

— Хорошая работа, — выпалил Эг. — Мне нравится, как вы их водите — Жонкиль, и дракона, и других. Куклы, которых я видел в прошлом году, уж очень дергались, а ваши движутся плавно.

— Спасибо, — вежливо ответила девушка.

— И куклы у вас хорошие, — добавил Дунк. — Особенно дракон — страшный зверюга. Вы их сами делаете?

— Да. Дядя выстругивает их, а я раскрашиваю.

— А мой щит не раскрасите? Деньги у меня есть. — Дунк снял щит с плеча и повернул к девушке. — Мне надо нарисовать что-нибудь поверх этой чаши.

— Что же вы хотите нарисовать?

Дунк об этом еще не думал. Если не чаша, то что? В голове было пусто. Эх ты, Дунк, темный, как погреб.

— Н-не знаю, — промямлил он, и уши у него запылали. — Я вам, наверно, кажусь полным дураком?

— Все мужчины дураки, и все они рыцари, — улыбнулась она.

— А какие краски у вас есть? — спросил он, надеясь, что это наведет его на мысль.

— Я могу смешивать их и получать любые цвета.

Бурый щит старика всегда казался Дунку унылым.

— Пусть поле будет как закат, — сказал он внезапно. Старик любил закаты. — А девиз...

— Вяз, — подсказал Эг. — Большой вяз... и падучая звезда над ним. Сможете нарисовать все это?

Девушка кивнула:

— Оставьте мне щит. Ночью я его раскрашу, а утром верну вам.

Дунк отдал ей щит.

— Меня зовут сьер Дункан Высокий.

— А меня Тансель, — засмеялась она. — Тансель Длинная, как дразнят меня мальчишки.

— Вовсе вы не длинная, — выпалил Дунк. — Вы как раз подходите... — Тут он спохватился и побагровел.

— Да чего? — спросила Тансель, склонив голову набок.

— Чтобы кукол водить.

Занялся первый день турнира, ясный и солнечный. Дунк накупил целый мешок провизии, и они славно позавтракали гусиными яйцами, поджаренным хлебом и ветчиной, но Дунк еще во время стряпни обнаружил, что есть не хочет. Живот у него затвердел, как доска, хотя он и не собирался сражаться сегодня. Право первого вызова принадлежит высокородным, прославленным рыцарям — лордам, их сыновьям и победителям прошлых турниров.

Эг за едой все время болтал, обсуждая достоинства тех и других бойцов. Он не соврал, сказав, что знает всех рыцарей в Семи Королевствах. Дунку казалось унизительным слушать столь внимательно какого-то жалкого оборвыша, но сведения Эга могли пригодиться ему при столкновении с одним из этих рыцарей.

Луг был полон народа, и все старались протолкаться вперед, чтобы лучше видеть. Дунк умел работать локтями не хуже других, а ростом был повыше очень многих, поэтому ему удалось пробиться к пригорку в шести ярдах от изгороди. Эг пожаловался, что видит одни зады, и Дунк посадил его себе на плечи. Павильон по ту сторону поля заполнялся высокородными лордами и дамами наряду с толикой богатых горожан и парой десятков рыцарей, решивших не выходить сегодня на поле. Принца Маэкара не было видно, но Дунк сразу узнал принца Баэлора рядом с лордом Эшфордом. Золотые застежки его плаща и легкая корона сверкали на солнце, но, если не считать этого, он был одет гораздо проще большинства лордов. Он даже на Таргариена не по-

хож со своими темными волосами, подумал Дунк и поделился своей мыслью с Эгом.

— Говорят, он пошел в свою мать, дорнийскую принцессу, — ответил мальчик.

Пятеро защитников поставили свои шатры на северном конце ристалища, у самой реки. На двух оранжевых, что были поменьше остальных, висели щиты с белым знаком солнца и шеврона — они принадлежали сыновьям лорда Эшфорда Эндроу и Роберту, братьям королевы турнира. Дунк никогда не слышал, чтобы их особенно хвалили — скорее всего, они выйдут из строя первыми.

Рядом с оранжевыми стоял намного более высокий темно-зеленый шатер с золотой розой Хайгарденов — она же была изображена на зеленом щите у входа.

— Это Лео Тирелл, лорд Хайгарден, — сказал Эг.

— Без тебя знаю, — раздраженно бросил Дунк. — Мы со стариком служили у Хайгарденов, когда ты еще не родился. — Дунк и сам плохо помнил тот год, но сьер Арлан часто говорил о Лео Длинном Шипе, как его иногда называли, — несравненном бойце, несмотря на седину в волосах. — Должно быть, это сам лорд Лео у палатки — тот стройный рыцарь с седой бородой, в зеленом с золотом наряде.

— Да, — подтвердил Эг. — Я как-то видел его в Королевской Гавани. С ним вам лучше не выходить на бой, сьер.

— Тебя не спросили.

Четвертый шатер был сшит из бубновых тузов, красных и белых вперемешку. Дунк не знал, чьи это цвета, но Эг сообщил, что они принадлежат рыцарю из Арринской долины, по имени сьер Хамфри Хардинг.

— Он вышел победителем из свалки на Мэйденпулском турнире прошлого года, сьер, а на ристалище победил сьера Доннела из Дускендаля и лордов Аррина и Ройса.

Последний павильон принадлежал принцу Валарру. Он был из черного шелка, и заостренные алые вымпелы свисали с его кровли, как языки пламени. На черном лаковом щите красовался трехглавый дракон дома Таргариенов. Рядом стоял один из королевских рыцарей, блистая белыми доспехами на черном фоне шатра.

Дунку хотелось бы знать, осмелится кто-нибудь из рыцарей коснуться копьем щита с драконом. Валарр как-никак внук короля и сын Баэлора Сломи Копье.

Дунку недолго пришлось беспокоиться. Затрубили рога, вызывая охотников сразиться и подавая знак защитникам королевы выйти на поле. Толпа взволнованно загудела, когда противники показались один за другим на южном конце ристалища. Герольды поочередно выкликали имена каждого из рыцарей. Те останавливались перед павильоном, чтобы склонить копья, воздавая честь лорду Эшфорду, принцу Баэлору и королеве, а затем ехали в северный конец поля, чтобы выбрать себе соперника. Седой Лев из Кастерли-Рок ударил в щит лорда Тирелла, а его златокудрый наследник сьер Тибольт Ланнистер вызвал старшего сына лорда Эшфорда. Лорд Тулли из Риверрана выбрал расписанный бубнами щит сьера Хамфри Хардинга. Сьер Абеляр Хайтавер коснулся щита Валарра, а младшего Эшфорда вызвал сьер Лионель Баратеон по прозвищу Смеющийся Вихрь.

Затем рыцари-охотники снова отъехали в южный конец поля, чтобы там дождаться своих противников: сьер Абеляр в цветах серебра и дыма, с каменной башней, увенчанной пламенем, на щите; двое Ланнистеров в багряном, с золотом льва Кастерли-Рока; Смеющийся Вихрь в золотой парче, с черным оленем на груди и щите и железными оленьими рогами на шлеме; лорд Тулли в красно-синем полосатом плаще с застежками в виде серебряных форелей. Они подняли вверх свои двенадцатифутовые копья, и вымпелы заполоскались на ветру.

На северном конце поля оруженосцы подвели защитникам коней в ярко разукрашенной броне. Рыцари надели шлемы и взяли в руки копья и щиты, не уступая великолепием своим соперникам. Эшфорды щеголяли оранжевыми шелками, сьер Хамфри — красно-белыми бубнами, белый конь лорда Лео был покрыт зеленой атласной попоной с узором из золотых роз. Конь Валарра Таргариена, Молодого Принца, был черен как ночь, в цвет доспехам, копью, щиту и попоне. На шлеме у всадника распростер крылья трехглавый дракон, покрытый ярко-красной эмалью; такой же смотрел с блестящего черного щита. Каждый из защитников имел на руке повязку из оранжевого шелка — знак служения королеве.

Защитники выехали на позицию, и Эшфордский луг затих. Затем протрубил рог, и тишина в тот же миг сменилась гомоном. Десять пар позолоченных шпор вонзились в бока

скакунов, тысячи голосов завопили разом, сорок кованых копыт взрыли траву, десять копий опустились. Поле словно содрогнулось, и пять пар рыцарей сшиблись под оглушительный треск дерева и стали. Еще миг — и все противники разъехались, повернув на другой заход. Лорд Тулли пошатнулся, но удержался в седле. Зрители, увидев, что все десять копий сломаны, разразились одобрительным ревом. Это был добрый знак для начала турнира и свидетельство высокого мастерства участников.

Оруженосцы подали рыцарям новые копья взамен сломанных, и шпоры снова вонзились в конские бока. Дунку показалось, что земля дрогнула у него под ногами. Эг наверху вопил во всю глотку и размахивал тощими ручонками. Молодой принц промчался рядом с ними. Дунк видел, как черное копье Валарра ткнулось в сторожевую башню на щите противника, соскользнуло и задело грудь, а копье сьера Абеляра разбилось о панцирь принца. Серый жеребец в серой с серебром попоне при столкновении взвился на дыбы, и сьер Абеляр Хайватер, потеряв стремена, грянулся наземь.

Лорд Тулли тоже упал, сбитый сьером Хамфри Хардингом, но тут же вскочил и выхватил меч, а сьер Хамфри отбросил оставшееся целым копье и сошел с коня, чтобы продолжать бой пешим. Сьер Абеляр упал не столь успешно. Оруженосец подбежал, снял с него шлем, позвал на помощь, и двое служителей, взяв оглушенного рыцаря под руки, повели его обратно к шатру. Шесть рыцарей, оставшихся в седле, повернули на третий заход. Копья хрустнули снова, и на сей раз лорд Лео Тирелл нацелился столь удачно, что сбил шлем с головы Седого Льва. Лорд Кастерли-Рок, оставшись с открытым лицом, поднял руки и спешился, сдавшись сопернику. Сьер Хамфри тем временем тоже вынудил лорда Тулли сдаться, проявив с мечом не меньшее мастерство, чем с копьем.

Тибольт Ланнистер и Эндроу Эшфорд сшибались еще трижды, пока сьер Эндроу не проиграл бой, упустив разом щит и стремена. Младший Эшфорд продержался еще дольше, сломав не менее девяти копий о Смеющегося Вихря. На десятый раз оба вылетели из седла, но продолжили бой с палицей против меча.

Сьер Роберт Эшфорд под ударами палицы вскоре признал себя побежденным, но его отец при этом не выказал ни малейшего удовольствия. Хотя оба сына лорда Эшфорда и выбыли из числа защитников, они проявили себя достойно в борьбе с лучшими рыцарями Семи Королевств.

Но я должен проявить себя еще лучше, подумал Дунк при виде того, как победитель и побежденный, обнявшись, вместе уходят с поля. Мне недостаточно сразиться храбро и с честью проиграть. Я должен выиграть хотя бы первый бой, иначе я потеряю все.

Сьер Тибольт Ланнистер и Смеющийся Вихрь заняли места среди защитников, заменив побежденных ими рыцарей. Оранжевые шатры уже разбирались. Молодой Принц отдыхал на походном стуле перед своей черной палаткой, сняв шлем. В его темных, как у отца, волосах сверкала серебряная прядь. Слуга поднес ему кубок, и принц выпил глоток. Если он умен — это вода, подумал Дунк, если нет — вино. Пока непонятно, то ли принц унаследовал все же толику боевой мощи своего отца, то ли просто достался слабый противник.

Трубы возместили о появлении на поле еще трех охотников. Герольды выкликнули: «Сьер Пиэрс из дома Каронов, владетелей Пограничья». На щите этот рыцарь носил серебряную арфу, на камзоле же были вышиты соловьи.

«Сьер Джосет Маллистер из Сигарда». В крылатом шлеме и с серебряным орлом на индиговом щите. «Сьер Гавен Сван, владетель Стонхельма на Мысе Гнева». В гербе этого рыцаря сражались два лебедя, черный и белый, а его плащ, доспехи и убранство коня также представляли собой смешение черного и белого, вплоть до полос на ножнах и копье.

Лорд Карон, арфист, певец и прославленный воин, коснулся копьем розы лорда Тирелла. Сьер Джосет ударил в бубновый щит сьера Хамфри Хардинга, а черно-белый рыцарь, лорд Гавен Сван, вызвал черного принца, охраняемого белым стражем. Дунк потер подбородок. Лорду Гавену лет еще больше, чем старику, а старика уже нет в живых.

— Эг, кто самый слабый из рыцарей-охотников? — спросил он мальчишку у себя на плечах, который, похоже, знал все на свете.

— Лорд Гавен, — тут же ответил Эг. — Противник Валарра.

— Принца Валарра, — поправил Дунк. — Оруженосец должен выражаться учтиво.

Трое охотников заняли свои места, а трое защитников сели на коней. Зрители в толпе заключали пари и громко подбадривали тех, на кого ставили, но Дунк смотрел только на принца. На первом заходе он нанес по щиту лорда Гавена скользящий удар, как и в случае со сьером Абеляром Хайтавером, только теперь тупой наконечник копья ушел мимо, в воздух. Лорд Гавен же попал принцу прямо в грудь, и тот с трудом удержался в седле.

На второй раз принц направил копье влево, целя противнику в грудь, но попал в плечо. Тем не менее старый рыцарь выронил копье, замахал рукой, стараясь удержать равновесие, и упал. Молодой Принц соскочил с седла, выхватывая меч, но упавший остановил его выразительным жестом, поднял забрало и прокричал:

— Я сдаюсь, ваше высочество. Это был славный удар.

— Славный удар! Славный удар! — подхватили лорды в павильоне для зрителей, а Валарр, опустившись на колени, помог седовласому рыцарю встать.

— Никакой он не славный, — заявил Эг.

— Молчи, не то отправишься снова в лагерь.

Сьера Джосета Маллистера между тем унесли с поля без чувств, а рыцарь арфы и рыцарь розы колошматили друг друга затупленными топорами к восторгу ревущей толпы. Дунк так засмотрелся на Валарра Таргариена, что почти не замечал этого. Он неплохой боец, но не более того. С ним я мог бы сладить, говорил себе Дунк. По милости богов я мог бы даже спешить его, а в пешем бою мой вес и сила решили бы дело.

— Бей его! — вопил Эг, ерзая на плечах у Дунка. — Бей его! Вот так! Давай! — Похоже, он подбадривал лорда Карона. Арфист играл музыку особого рода, звеня сталью о сталь и шаг за шагом тесня лорда Лео. Толпа разделилась надвое, и приветственные крики смешивались с руганью. Щепки и краска летели со щита лорда Лео — лорд Пиэрс сшибал лепестки с его золотой розы один за другим, и наконец щит раскололся. Но при этом топор лорда Карона на миг завяз в

дереве и лорд Лео рубанул по его рукояти, раздробив ее в каком-нибудь футе от руки противника. Отбросив разбитый щит, лорд Лео перешел в наступление, и рыцарь арфы сдался, припав на одно колено.

Все утро и большую часть дня турнир шел тем же порядком: охотники выезжали на поле по двое и по трое, а то и по пять раз. Трубы трубили, герольды выкликали имена, толпа ревела, копья ломались, как прутья, и мечи звенели о шлемы и кольчуги. Зрелищем наслаждались все — и лорды, и простолюдины. Сьер Хамфри Хардинг и сьер Хамфри Бисбери, храбрый молодой рыцарь в черных с желтым цветах и с тремя ульями на щите, сломали не меньше дюжины копий в славном бою, который после стали называть «битвой двух Хамфри».

Сьер Тибольт Ланнистер, спешенный сьером Джоном Пенрозом, сломал при падении меч, но одержал победу, действуя одним щитом, и остался в рядах защитников. Одноглазый сьер Робин Раслинг, поседелый в боях рыцарь с бородой цвета соли с перцем, потерял шлем при первом столкновении с лордом Лео, но отказался сдаться. Они сшибались еще три раза, и ветер развевал волосы сьера Робина, а острые обломки копий так и свистели вокруг его лица — это было тем примечательнее, что сьер Робин, по словам Эга, лишился глаза как раз от такого вот обломка не далее как пять лет назад. Лео Тирелл был слишком благороден, чтобы целить копьем в незащищенную голову противника, но Дунка все же поразила отвага (или глупость) Раслинга. В конце концов лорд Хайгарден ударил в панцирь сьера Робина над самым сердцем, и тот кубарем вылетел из седла.

Сьер Лионель Баратеон тоже одержал несколько значительных побед. Если противник был слабее его, он разражался смехом, как только тот касался его щита, и продолжал смеяться, садясь на коня, бросаясь в атаку и вышибая другого из седла. Если противник носил фигурный шлем, сьер Лионель норовил сбить этот шлем и швырнуть в толпу. Гребни на шлемах бывали из резного дерева или тонко выделанной кожи, позолоченные, покрытые эмалью, а порой даже из чистого серебра, поэтому пострадавшие рыцари не одобряли такой привычки, зато простой люд радовался напропалую. Со временем сьера Лионеля стали вызывать только

рыцари в простых шлемах. Но как громко ни смеялся он над побежденными, Дунк склонялся к мысли, что героем дня должен стать сьер Хамфри Хардинг, поборовший четырнадцать вполне достойных рыцарей.

А Молодой Принц посиживал себе около черного шатра, попивая из серебряного кубка и время от времени садясь в седло, чтобы победить какого-нибудь рыцаря поплоше. Он одержал девять побед, но Дунку казалось, что все они подстроены. Он бьет стариков и недавних оруженосцев, да еще высокородных, но малоискусных лордов. По-настоящему опасные противники проезжают мимо его щита, словно в упор его не видят.

Ближе к вечеру фанфары возвестили о появлении на поле нового охотника.

Он выехал на большом рыжем коне, на котором сквозь прорези в черной броне мелькали желтые, багряные и оранжевые цвета. Когда он остановился, чтобы отсалютовать павильону, Дунк через поднятое забрало увидел его лицо и узнал принца, с которым встретился на конюшне лорда Эшфорда.

Эг стиснул ногами шею Дунка.

— Прекрати, — рявкнул тот, разведя их в стороны. — Ты что, удушить меня хочешь?

— Принц Аэрион Огненный, — объявил герольд, — из Красного замка в Королевской Гавани, сын Маэкара, принца Саммерхальского, из дома Таргариенов, внук Даэрона Доброго, Второго этого имени, короля вандалов, ройнаров и Первых Людей, правителя Семи Королевств.

У Аэриона на щите тоже был трехглавый дракон, но в гораздо более ярких тонах, чем у Валарра: одна голова оранжевая, другая желтая, третья красная, и все они выдыхали золотое пламя. Камзол на принце был цвета огня и дыма, а вороненый шлем венчали языки красного эмалевого пламени.

Очень быстро, почти небрежно склонив копье перед принцем Баэлором, он поскакал к северному концу поля, пронесся мимо шатров лорда Лео и Смеющегося Вихря и придержал коня лишь у шатра принца Валарра. Валарр встал, выпрямившись, у своего щита, и Дунк был почти уверен, что Аэрион вызовет его... но тот со смехом проехал мимо и стукнул копьем прямо в бубны сьера Хамфри Хардинга.

— Выходи, маленький рыцарь, — пропел принц громким, звучным голосом, — настала пора сразиться с драконом.

Сьер Хамфри чопорно склонил голову в ответ и уже не смотрел на принца, садясь на коня, застегивая шлем и принимая копье и щит. Зрители притихли, когда оба рыцаря разъехались по местам. Дунк услышал лязг — это принц Аэрион опустил забрало. Пропел рог.

Сьер Хамфри тронулся с места медленно, набирая скорость, но принц сильно пришпорил своего рыжего скакуна и ринулся вперед. Эг снова напряг ноги и заорал:

— Убей его, вот он, убей его, убей! — Дунк не совсем понимал, которому рыцарю он кричит.

Перелетев через барьер, принц опустил свое копье с золотым наконечником, раскрашенное в красные, оранжевые и желтые полосы. Слишком низко, прикинул Дунк. Так он вместо всадника попадет в коня. Надо бы приподнять копье. Но тут Дунк с растущим ужасом стал понимать, что принц не намерен этого делать. *Неужели он...*

В последний миг скакун сьера Хамфри отпрянул от летящего навстречу острия, но было слишком поздно. Копье Аэриона пронзило коня над самым краем доспехов, прикрывающих грудь, и вышло из холки со струей яркой крови. Лошадь с пронзительным ржанием рухнула набок, разломав на куски деревянный барьер. Сьер Хамфри хотел соскочить, но его нога застряла в стремени, и все услышали его крик, когда ее зажало между конем и изгородью.

На Эшфордском лугу поднялся крик. Люди бросились на помощь сьеру Хамфри, но конь в агонии бил копытами, не давая никому подойти. Аэрион, ускакавший в конец поля, галопом вернулся обратно. Он тоже кричал, но Дунк не разбирал слов из-за почти человеческих воплей умирающей лошади. Соскочив с седла, Аэрион вынул меч и приблизился к поверженному противнику. Его собственные оруженосцы вместе с оруженосцем сьера Хамфри пытались оттащить его прочь. Эг съежился на плечах Дунка.

— Сними меня. Несчастный конь... сними меня.

Дунку и самому было тошно. *Что бы я делал, если бы такое случилось с Громом?* Стражник с топором прикончил коня, прекратив его мучения. Дунк повернулся и стал проталкиваться назад. Выбравшись на открытое место, он по-

ставил Эга на землю. Капюшон свалился у мальчугана с головы, и глаза покраснели.

— Да, зрелище жуткое, — сказал Дунк, — но оруженосец должен быть стойким. На турнирах тебе и не такое придется увидеть. Всякие случаи бывают.

— Это не случай, — дрожащими губами проговорил Эг. — Аэрион сделал это нарочно. Ты сам видел.

Дунк нахмурился. Ему тоже так показалось, но не хотелось думать, что рыцарь может быть способен на подобную низость — особенно рыцарь из рода дракона.

— Я видел только, как желторотый юнец неверно наклонил кольцо, — упрямо сказал он, — и больше не желаю об этом слушать. Думаю, сегодня состязаний больше не будет. Пошли.

Дунк не ошибся. Когда суматоха на поле улеглась, солнце опустилось совсем низко, и лорд Эшфорд объявил, что первый день турнира окончен.

Вечерние тени поползли через луг, и в торговом ряду зажглись факелы.

Дунк купил рог эля себе и половину рога мальчугану, чтобы взбодрить его немного. Они прогулялись под залихватский мотив, исполняемый флейтами и барабанами, и посмотрели кукольное представление о Нимерии, королеве-воительнице, имевшей десять тысяч кораблей. Кораблей у кукольников было всегда два, однако морской бой они изобразили на славу. Дунку хотелось спросить Тансель, раскрасила ли она его щит, но она была занята. Подожду, пока они не закончат представлять, решил он. Может, она тогда захочет выпить со мной.

— Сьер Дункан, — позвал кто-то сзади. И опять: — Сьер Дункан. — Дунк не сразу понял, что зовут его. — Я видел вас в толпе народа с мальчишкой на плечах, — с улыбкой сказал Раймун Фоссовей. — Вас двоих трудно было не заметить.

— Мальчик — мой оруженосец. Эг, это Раймун Фоссовей. — Дунк вытолкнул Эга вперед, но тот потупился и чуть слышно промямлил что-то.

— Очень приятно, юноша, — весело сказал Раймун. — Отчего вы не пошли смотреть на галерею, сьер Дункан? Там привечают всех рыцарей.

Дунку среди слуг и простолюдинов было в самый раз — с лордами, дамами и состоятельными рыцарями он чувствовал бы себя куда хуже.

— Последний поединок мне не хотелось бы наблюдать со слишком близкого расстояния.

— Мне тоже, — скорчил гримасу Раймун. — Лорд Эшфорд объявил сьера Хамфри победителем и вручил ему коня принца Аэриона, но рыцарь больше не сможет сражаться — нога у него сломана в двух местах. Принц Баэлор послал к нему своего личного лекаря.

— Заменят ли сьера Хамфри новым защитником?

— Лорд Эшфорд хотел оказать эту честь лорду Карону или другому сьеру Хамфри, который столь храбро сражался с Хардингом, но принц Баэлор заявил, что не годится убирать с поля щит и шатер сьера Хамфри при таких обстоятельствах. Видимо, турнир будет продолжаться с четырьмя защитниками вместо пяти.

Четверо защитников, Лео Тирелл, Лионель Баратеон, Тибольт Ланнистер и принц Валарр. В первый день Дунк насмотрелся на них достаточно, чтобы понять, как мало у него вероятности победить первых трех. Остается только...

Но не может же межевой рыцарь вызвать принца. Валарр — второй на очереди наследник Железного Трона. Он сын Баэлора Сломи Копье, в нем течет кровь Аэгона Завоевателя, Молодого Дракона и принца Аэмона, Драконова Рыцаря — а Дунка старик подобрал около горшечной лавки в Блошиной Яме.

У Дунка даже голова разболелась от этих мыслей.

— А кого намерен вызвать ваш кузен? — спросил он Раймуна.

— Сьера Тибольта скорее всего. У них равные силы. Однако кузен пристально следит за каждым поединком. Если завтра кто-то будет ранен или выкажет признаки усталости, Стиффон мигом ударит его в щит, можете быть уверены. Его нельзя обвинить в избытке благородства. — И Раймун беззлобно засмеялся, желая смягчить свои язвительные слова. — Не хотите ли распить со мной чашу вина, сьер Дункан?

— Сожалею, но у меня здесь дело. — Дунку не хотелось принимать угощение, на которое он не мог ответить.

— Я мог бы подождать и забрать ваш щит, когда представление кончится, сьер, — предложил Эг. — Они потом

будут показывать про Симеона Звездоглазого, и бой с драконом тоже будет.

— Вот ваше дело и улажено, а вино ждет, притом арборское, не какое-нибудь. Теперь-то вы мне не откажете? — настаивал Раймун.

Дунк не сумел придумать другого предлога и последовал за ним, оставив Эга смотреть представление. Флаг с яблоком Фоссовеев развевался над шатром из золотистой ткани, где жил Раймун вместе с кузеном. Позади на костре двое слуг жарили козленка с медом и травами.

— Вот и ужин поспевает, — заметил Раймун, придержав для Дунка входное полотнище. Жаровня с углями приятно согревала шатер. Раймун наполнил две чаши вина. — Говорят, что принц Аэрион в ярости от того, что лорд Эшфорд отдал его коня сьеру Хамфри, — но бьюсь об заклад, что так решил дядя нашего принца. — Он подал чашу Дунку.

— Принц Баэлор — человек чести.

— Не то что племянник, верно? — засмеялся Раймун. — Не смотрите с такой тревогой, сьер Дункан, мы здесь одни. Ни для кого не секрет, что Аэрион — дрянной малый. Хвала богам, что ему вряд ли доведется нами править.

— Вы думаете, что он убил коня намеренно?

— Можно ли в этом сомневаться? Будь принц Маэкар здесь, он вел бы себя по-другому. При отце Аэрион, если верить слухам, само благородство и сама добродетель, но когда отца нет...

— Да, я заметил, что место принца Маэкара пустует.

— Он уехал на поиски своих сыновей вместе со сьером Роландом Крейкхолом, королевским рыцарем. Разнесся слух, что в округе бесчинствуют разбойники, но мне думается, что принц напился, как всегда.

Вино было славное — Дунк такого еще не пробовал. Он посмаковал его, проглотил и спросил:

— О каком принце вы говорите?

— О наследнике Маэкара. Его зовут Даэроном, в честь короля, а за спиной у отца кличут Даэроном-Пьяницей. Младший сын тоже с ним. Они покинули Саммерхол вместе, но до Эшфорда так и не доехали. — Раймун допил свою чашу и отставил ее. — Бедный Маэкар.

— Бедный? Это королевский-то сын?

— *Четвертый* сын — не такой храбрый, как принц Баэлор, не такой умный, как принц Аэрис, не такой мягкосердечный, как принц Раэгель. И как он должен страдать, сравнивая своих сыновей с их двоюродными братьями. Даэрон глуп, Аэрион жесток и тщеславен, третий столь безнадежен, что его отдали в Цитадель учиться на лекаря, а самый младший...

— Сьер! Сьер Дункан! — Эг, задыхаясь, ворвался в шатер. Капюшон свалился у него с головы, и большие темные глаза сверкали при свете жаровни. — Бегите скорее! Он ее обижает!

Дунк в растерянности вскочил на ноги:

— Кто кого обижает?

— Аэрион! Девушку-кукольницу! Скорее! — И Эг метнулся обратно.

Дунк устремился за ним, но Раймун удержал его за руку.

— Сьер Дункан, — сказал он. — Аэрион — принц крови. Будьте осторожны.

Дунк знал, что это хороший совет. Старик сказал бы то же самое, да что толку. Дунк вырвался от Раймуна и выскочил из шатра. Близ торгового ряда слышались крики. Эг едва виднелся впереди, и Дунк побежал за ним. У мальчика ноги были короткие, а у Дунка длинные, и он быстро преодолел разрыв.

Около кукольников собрался народ. Дунк растолкал зевак, не обращая внимания на ругань. Стражник в королевском мундире заступил ему дорогу, но Дунк так пихнул его в грудь, что тот шлепнулся задом в грязь.

Ширма кукольников валялась на боку. Толстая дорнийка плакала, сидя на земле. Один стражник держал в руках кукол, изображающих Флориана и Жонкиль, другой поджигал их факелом. Еще трое выбрасывали кукол из сундуков и топтали ногами. Повсюду валялись части дракона — голова, крыло, разломанный натрое хвост. Посреди всего этого стоял принц Аэрион, очень красивый в своем красном бархатном камзоле с длинными манжетами, и обеими руками выкручивал руку Тансель. Девушка на коленях молила его о пощаде, но он не слушал. Вот он зажал в кулак один из ее пальцев. Дунк только смотрел, не веря своим глазам. Потом раздался треск, и Тансель закричала.

Один из людей Аэриона попытался схватить Дунка и отлетел прочь. Дунк в три прыжка оказался рядом с принцем, сгреб его за плечо и повернул к себе. Он забыл и о мече, и о кинжале, забыл все, чему учил его старик. Дунк кулаком сбил принца с ног и двинул его ногой в живот. Аэрион схватился за нож, но Дунк наступил ему на руку и пнул еще раз, прямо в рот. Дунк мог бы запинать принца до смерти, но тут на него насели стражники. Двое повисли на руках, третий лупил Дунка по спине. Как только Дунк стряхнул одного, на его место явились двое других.

Наконец Дунка повалили, прижав ему руки и ноги. Аэрион поднялся с земли и ощупал разбитый рот.

— Ты расшатал мне зуб, — объявил он. — За это мы выбьем тебе все твои. — Он откинул волосы с глаз. — А ты мне как будто знаком.

— Вы приняли меня за конюха.

— Да, помню. — Аэрион улыбнулся кровавыми губами. — Ты отказался заняться моей лошадью. За что ты так глупо отдал свою жизнь? За эту потаскушку? — Тансель скорчилась на земле, прижимая к груди пострадавшую руку. Принц ткнул ее в бок сапогом. — Она того не стоит, изменница. Дракон не должен терпеть поражение.

Он сумасшедший, подумал Дунк, однако он принц и намерен убить меня. Дунк прочел бы молитву, если бы помнил хоть одну до конца, но времени на это не было. Времени не оставалось даже на то, чтобы испугаться как следует.

— Вам нечего сказать? — продолжал Аэрион. — Скучно с вами, сьер. — Он снова ощупал свой рот. — Возьми молоток и выбей ему все зубы, Вейт, — а потом взрежь ему брюхо и покажи, какого цвета у него требуха.

— Нет! — вскричал мальчишеский голос. — Не трогай его!

О боги, это мальчишка, храбрый дурачок мальчишка. Дунк рванулся, но стражники держали крепко.

— Придержи язык, парень. Беги отсюда, пока цел!

— Еще чего. — Эг подошел поближе. — Кто меня тронет, ответит перед моим отцом. И перед дядей. Вейт, Йоркель, вы меня знаете. Отпустите его.

Руки, державшие Дунка, мало-помалу разжались. Он не понимал, что происходит. Стражники пятились от него прочь, а один даже стал на колени. Толпа раздалась, пропустив Рай-

муна Фоссовея, в кольчуге и шлеме, с мечом на боку. Его кузен сьер Стеффон, идущий следом, уже обнажил клинок, и рыцарей сопровождало с полдюжины вооруженных людей со знаком красного яблока на груди.

Принц Аэрион даже не посмотрел на них.

— Наглый маленький проныра, — сказал он, сплюнул кровью под ноги мальчику. — Что такое с твоими волосами?

— Я их сбрил, братец. Не хочу быть похожим на тебя.

Второй день турнира выдался ненастным, с запада дул резкий ветер. В такой день и народу соберется меньше, размышлял Дунк. Им было бы легче найти место поближе к загородке, чтобы посмотреть на турнир вблизи, Эг мог бы сесть на изгородь, а Дунк стоял бы сзади.

Но нет, Эг будет сидеть в павильоне, разодетый в шелк и меха, Дунк же будет любоваться четырьмя стенами башни, куда заключили его люди лорда Эшфорда. Здесь было окно, смотрело оно не в ту сторону. Однако Дунк, как только взошло солнце, все же устроился на подоконнике и стал глядеть на город, поле и лес. У него забрали веревочный пояс вместе с мечом и кинжалом и все его серебро. Он надеялся, что Эг или Раймун позаботятся о Громе и Каштанке.

— Эг, — прошептал Дунк себе под нос. Его оруженосец, оборвыш, подобранный на улицах Королевской Гавани. Можно ли рыцарю быть таким дураком? Дунк-чурбан, темный, как погреб, и тупой, как зубр.

Ему не разрешили поговорить с Эгом после того, как стража лорда Эшфорда забрала их всех с луга. Ни с кем не дали поговорить: ни с Раймуном, ни с Тансель, ни с самим лордом Эшфордом. Кто знает, увидит ли кого-то из них снова. Похоже на то, что его вознамерились держать здесь взаперти до самой смерти. Ну а ты чего ждал? — горько спрашивал себя Дунк. Не надо было сшибать с ног принца и бить его ногой по лицу.

Под этим серым небом наряды родовитых дворян и знаменитых рыцарей покажутся не столь великолепными, как вчера. Стальные шлемы с отделкой из золота и серебра уже не будут блистать на солнце. И все-таки Дунк жалел, что не увидит турнира. Для межевых рыцарей в простых кольчугах, на конях без брони, такой день как раз хорош.

Зато слышать он по крайней мере мог. Трубили рога герольдов, и рев толпы время от времени говорил ему о том, что кто-то упал, или встал, или совершил нечто выдающееся. Слышался также стук копыт, а порой лязг мечей или треск сломанного копья. Дунк морщился при этом звуке: это напоминало ему об Аэрионе, сломавшем палец Тансель. Были и другие звуки, поближе: шаги за дверью, конский топот во дворе, голоса на стенах замка. Иногда они заглушали шум турнира — возможно, и к лучшему.

«Межевой рыцарь — это самый настоящий рыцарь и есть, — сказал ему когда-то старик. — Другие рыцари служат лордам, которые их содержат или жалуют их землей, а мы служим кому хотим, делу, в которое верим. Каждый рыцарь дает обет защищать слабых и невинных, но мы, сдается мне, исполняем его лучше других». Странная штука память. Дунк совсем позабыл эти слова — да и сам старик скорее всего тоже.

Утро перешло в день, и шум турнира стал слабее. Потом башню наполнили сумерки, а Дунк все сидел у окна, стараясь не думать о пустом желудке.

Но вот послышались шаги и звяканье ключей. Дунк слез, и дверь открылась. Вошли двое стражников, один с масляной лампой. Следом слуга тащил поднос с едой. Замыкал шествие Эг.

— Оставьте лампу, поднос и уходите, — приказал он.

Все послушно удалились, оставив, однако, тяжелую дверь приоткрытой. Запах съестного напомнил Дунку, как он проголодался. Здесь был горячий хлеб и мед, миска гороховой похлебки и вертел с жареным мясом и луком. Дунк сел перед подносом, разломил хлеб и запихнул кусок в рот.

— Ножа нет, — заметил он. — Они, видимо, боятся, что я зарежу тебя?

— Мне они этого не говорят. — На Эге был черный облегающий камзольчик с длинными, подбитыми красным атласом рукавами и вышитым на груди трехглавым драконом Таргариенов. — Дядя сказал, что я должен смиренно просить у тебя прощения за свой обман.

— Дядя — это принц Баэлор?

— Я не хотел тебе врать, — с несчастным видом сказал мальчик.

— Однако соврал. Взять хотя бы твое имя. Никогда не слыхивал о принце Эге.

— Это сокращенное от Аэгона. Так меня звал брат Аэрион. Теперь он в цитадели, учится на лекаря. Даэрон тоже иногда зовет меня Эгом, и сестры.

Дунк взял вертел и впился зубами в мясо. Козлятина с какими-то чудодейственными, незнакомыми ему специями. Жир потек по подбородку.

— Ну, конечно, Аэгон. Как тот, Дракон. Сколько Аэгонов были королями?

— Четверо.

Дунк прожевал и отломил себе хлеба.

— Зачем ты это сделал? Хотел подшутить над глупым межевым рыцарем?

— Нет. — Глаза мальчика наполнились слезами, но он мужественно удержал их. — Я должен был служить оруженосцем Даэрону. Он самый старший из моих братьев. Я выучил все, что полагается знать хорошему оруженосцу, но Даэрон — не слишком хороший рыцарь. Он не хотел сражаться на турнире, поэтому мы, выехав из Саммерхола, оторвались от эскорта, но назад не вернулись. Он поехал дальше на Эшфорд, думая, что там нас не будут искать. Это он обрил мне голову. Он ведь знал, что отец пошлет за нами людей. У Даэрона волосы обыкновенные, темно-русые, а у меня — такие же, как у отца и Аэриона.

— Кровь дракона. Серебристо-золотые волосы и лиловые глаза — это всем известно. — *Темен ты, Дунк, как погреб.*

— Ну да. Вот Даэрон меня и обрил. Он хотел, чтобы мы скрывались, пока турнир не кончится. А потом ты принял меня за конюха, ну и... — Эг опустил глаза. — Мне очень хотелось стать оруженосцем. У Даэрона или у кого-то другого, мне все равно. Я сожалею, сьер. Правда сожалею.

Дунк задумчиво посмотрел на него. Он знал, что это такое, когда хочешь чего-то так сильно, что готов лгать напропалую.

— Я думал, ты такой же, как я. Может, так оно и есть — только по другой причине.

— Мы ведь правда оба из Королевской Гавани, — с надеждой сказал мальчик.

Дунк не удержался от смеха.

— Да, только ты с вершины Аэгенского холма, а я снизу.

— Не такое уж это большое расстояние, сьер.

Дунк набил рот жареным луком.

— Как же мне теперь тебя называть — ваша милость или ваше высочество?

— Только при дворе — а в другое время зови меня Эгом, если хочешь... сьер.

— Что со мной сделают, Эг?

— Мой дядя хочет тебя видеть. Когда покушаете, сьер.

Дунк отодвинул поднос и встал:

— Я уже поел. Одного принца я уже пнул в лицо, незачем заставлять ждать другого.

Лорд Эшфорд предоставил свои покои принцу Баэлору. Туда-то Эг — нет, Аэгон, надо привыкать — и препроводил Дунка. Баэлор читал при свете восковой свечи, и Дунк опустился перед ним на колени.

— Встаньте, — сказал принц. — Хотите вина?

— Как будет угодно вашему высочеству.

— Налей сьеру Дункану сладкого дорнийского, Аэгон, — распорядился Баэлор. — Да не пролей на него — ты и так уже много ему навредил.

— Он не прольет, ваше высочество, — вступился Дунк. — Он хороший мальчик и славный оруженосец. Я знаю, он не хотел причинить мне вред.

— Не обязательно хотеть — довольно и того, что он это сделал. Аэгон должен был прийти ко мне, когда увидел, что его брат вытворяет с теми кукольниками. А он побежал к вам, и ничего хорошего из этого не вышло. На вашем месте, сьер, я, возможно, поступил бы так же... но я принц, а не межевой рыцарь. Не стоит бить королевского внука, каким бы праведным ни был ваш гнев.

Дунк угрюмо кивнул. Эг подал ему серебряный кубок, полный до краев, и он отпил большой глоток.

— Ненавижу Аэриона, — с жаром произнес Эг. — Мне поневоле пришлось бежать к сьеру Дункану, дядя, — замок слишком далеко.

— Аэрион — твой брат, — твердо сказал принц, — а септоны учат, что мы должны любить наших братьев. Оставь

нас теперь, Аэгон, я хочу поговорить со сьером Дунканом наедине.

Мальчик поставил штоф с вином и церемонно поклонился:

— Как угодно вашему высочеству. — Он вышел и тихо прикрыл дверь за собой.

Принц Баэлор пристально посмотрел Дунку в глаза:

— Сьер Дункан, позвольте спросить вас, насколько вы хороший рыцарь? Насколько искусно владеете оружием?

Дунк не знал, что ему сказать.

— Сьер Арлан научил меня владеть мячом и щитом, а также попадать копьем в кольца и щиты на кинтанах.

Баэлора, видимо, не совсем удовлетворил этот ответ.

— Мой брат Маэкар вернулся в замок несколько часов назад. Своего наследника он нашел пьяным в некой гостинице, в одном дне езды к югу отсюда. Маэкар никогда бы в этом не сознался, если бы не надеялся втайне, что его сыновья на турнире перещеголяют моих. Вместо этого они оба его опозорили, но что ему остается делать? Родная кровь. Маэкар сердит, ему нужно на кого-то излить свой гнев, и он выбрал вас.

— Меня? — сокрушенно отозвался Дунк.

— Аэрион уже успел напеть отцу в уши. И Даэрон тоже хорош. Чтобы оправдать собственную трусость, он сказал отцу, что будто Аэгона похитил какой-то здоровенный рыцарь-разбойник. Боюсь, что он имел в виду вас. По словам Даэрона, он все эти дни разыскивал похитителя, чтобы вернуть брата.

— Но Эг должен сказать им правду, то есть Аэгон.

— Эг-то скажет, в этом я не сомневаюсь — но он уже один раз солгал, в чем вы имели возможность убедиться. Которому из сыновей поверит мой брат? Что до кукольников, то Аэрион представил их чуть ли не изменниками. Дракон — эмблема королевского дома, и представлять, как его убивают, как из него сыплются красные опилки... все это, конечно, совершенно невинно, но весьма неразумно. Аэрион выдает это за подспудные намеки на дом Таргариенов, за подстрекательство к бунту, и Маэкар скорее всего согласится с сыном. Брат раздражителен по натуре и все свои надеж-

ды возлагает на Аэриона, поскольку Даэрон горько его разочаровал. — Принц отпил глоток вина и отставил кубок. — Но поверит мой брат или не поверит, одно остается бесспорным. Вы подняли руку на отпрыска дракона, и за это вас следует судить, приговорить и покарать.

— Покарать? — Дунку очень не понравилось это слово.

— Аэрион потребует вашей головы, с зубами или без оных. Ее он не получит, это я вам обещаю, но в суде над вами я ему отказать не могу. Поскольку мой августейший отец находится за сотни лиг отсюда, судьями будем мы с братом, а также лорд Эшфорд, ибо это его владения, и лорд Тирелл из Хайгардена, как его вассал. В последний раз человека, которого судили за нанесение побоев члену королевского дома, приговорили к отсечению преступной руки.

— Так мне отрубят руку? — в ужасе вскрикнул Дунк.

— И ступню тоже. Вы ведь и ногой его ударили, верно?

Дунк онемел.

— Я, конечно, приложу все усилия, чтобы склонить суд к милосердию. Я Рука Короля и наследник трона, так что мое слово имеет некоторый вес. Но и слово моего брата тоже — вот в чем опасность.

— Я... ваше высочество, я... — «Никакая это не измена, а просто деревянный дракон, и никакого намека на королевский дом в нем никогда не содержалось», — хотел сказать Дунк, но слова не шли на язык. Он никогда не отличался красноречием.

— Однако есть и другой выбор, — сказал принц Баэлор. — Не знаю уж, что для вас лучше, но позволю напомнить вам, что любой рыцарь, обвиненный в преступлении, вправе требовать испытания поединком. Поэтому я снова спрашиваю вас, сьер Дункан Высокий — насколько вы хороший рыцарь? Если по правде?

— Битва семерых, — с улыбкой произнес принц Аэрион. — Полагаю, я в своем праве.

Принц Баэлор хмуро забарабанил пальцами по столу, лорд Эшфорд слева от него медленно кивнул, а принц Маэкар спросил сына:

— Но почему? Ты боишься встретиться с этим межевым рыцарем один на один и предоставить богам рассудить вас?

— Боюсь? Это его-то? Полно, отец. Просто я подумал о моем возлюбленном брате. Сьер Дункан причинил вред и Даэрону, который также вправе требовать его крови. В испытании семерых мы могли бы оба сразиться с обидчиком.

— Обо мне не хлопочи, брат, — пробормотал Даэрон Таргариен. Вид у старшего сына Маэкара был еще хуже, чем когда Дунк видел его в гостинице. Теперь он, видимо, протрезвел, и на черно-красном камзоле не было винных пятен, но его глаза налились кровью, и лоб блестел от испарины. — Я охотно ограничусь зрелищем того, как ты убьешь негодяя.

— Ты слишком добр, дорогой брат, — все так же с улыбкой ответил Аэрион, — но я проявил себялюбие, лишив тебя права доказать на деле правдивость твоих слов. Я настаиваю на испытании семерых.

— Ваше высочество, господа судьи, — растерянно обратился Дунк к сидящим на помосте, — я не понимаю. Что это за испытание семерых?

Принц Баэлор беспокойно шевельнулся на стуле.

— Разновидность испытания поединком, старинная и редко применяемая ныне. Она пришла к нам через узкое море с андалами и их семью богами. Во всяком единоборстве обвинитель и обвиняемый просят богов рассудить их. Андалы верили, что если с той и другой стороны сразятся семь бойцов, боги будут более милостивы и уж верно вынесут справедливый приговор.

— Может статься, они просто были охотники до драки, — с язвительной улыбкой вставил сьер Лео Тирелл. — Однако сьер Аэрион в своем праве. Семеро так семеро.

— Так я должен сражаться против семерых? — в отчаянии спросил Дунк.

— Не в одиночку, сьер, — нетерпеливо бросил Маэкар. — Не разыграйте дурака, это вам не поможет. Вы сразитесь всемером против семерых. Вам нужно найти еще шесть рыцарей, которые будут биться на вашей стороне.

Шесть рыцарей. С тем же успехом с него могли потребовать собрать шесть тысяч. У него нет ни братьев, ни кузенов, ни старых друзей, которые сразились бы с ним бок о бок. Разве согласятся шестеро незнакомых людей поддержать межевого рыцаря против двух принцев, рискуя при этом жизнью?

— Ваше высочество, господа судьи — а что, если никто не захочет выйти на поле вместе со мной?

Маэкар Таргариен смерил Дунка холодным взглядом.

— Если дело ваше правое, сторонники найдутся. Если же вы не сумеете собрать таковых, то лишь потому, что виновны, — это как будто ясно.

Дунк никогда еще не чувствовал себя таким одиноким, как в тот миг, когда вышел из ворот Эшфордского замка и решетка со скрежетом закрылась за ним. Шел легкий дождь, мягкий, как роса, но Дунка от него пробирала дрожь. За рекой светились яркими красками те немногие шатры, где еще горел огонь. Время, по расчету Дунка, перевалило за полночь. Через несколько часов придет рассвет — а с ним и смерть.

Ему вернули меч и серебро, но Дунк перешел через брод в самом мрачном настроении. Может, они думают, что он сядет на коня и сбежит? Он мог бы, если б захотел. На этом его рыцарству, конечно, настал бы конец — он превратился бы в человека вне закона, и наконец какой-нибудь лорд схватил бы его и отсек ему голову. Лучше уж умереть рыцарем, чем жить отверженным, твердил себе Дунк. Мокрый до колен, он побрел через пустое турнирное поле. В большинстве шатров было темно — их хозяева давно спали, — но кое-где еще горели свечи. Из одной палатки слышались тихие стоны и вскрикивания. А вот ему, видно, суждено умереть, так и не познав женщины.

Потом фыркнула лошадь — и Дунк почему-то сразу понял, что это Гром. Он пустился бегом — и точно, Гром вместе с Каштанкой стояли привязанные у круглого шатра, откуда шел мягкий золотистый цвет. Намокший флаг вяло свисал с шеста, но Дунк все-таки различил на нем темный круг фоссовеевского яблока. Это было как надежда.

* * *

— Испытание боем, — тяжело выговорил Раймун. — Помилуй нас боги, Дункан, но ведь это острые копья, булавы, боевые топоры... и мечи не будут затуплены, понимаешь?

— Раймун Боязливый, — с насмешкой произнес его кузен сьер Стеффон. Его желтый плащ скрепляла застежка в виде яблока из золота и гранатов. — Можешь не опасаться, кузен, — это поединок рыцарей, а ты не рыцарь, стало быть, твоей шкуре ничего не грозит. Ничего, сьер Дункан, один Фоссовей у вас уже есть — притом спелый. Я видел, как Аэрион поступил с кукольниками, и стою за вас.

— Я тоже, — сердито бросил Раймун. — Я хотел только...

— Кто еще будет сражаться за нас, сьер Дункан? — перебил Стеффон.

Дунк беспомощно развел руками:

— Я больше никого здесь не знаю. Кроме разве что сьера Манфреда Дондарриона — но он не захотел даже поручиться за меня, а жизнью и подавно рисковать не станет.

Сьера Стеффона это не слишком обеспокоило.

— Тогда нам нужны еще пятеро бойцов. К счастью, друзей у меня гораздо больше. Лео Длинный Шип, Смеющийся Вихрь, лорд Карон, Ланнистеры, сьер Ото Бракен... ага, и еще Блэквуды, хотя Блэквуд и Бракен сроду не сражались на одной стороне. Пойду потолкую с ними.

— Они не обрадуются, если ты их разбудишь, — возразил Раймун.

— Вот и хорошо. Чем больше они обозлятся, тем лучше будут биться. Можете положиться на меня, сьер Дункан. Кузен, если я не вернусь до рассвета, возьми мои доспехи и позаботиться, чтобы Гнева оседлали и одели в броню. Встретимся на месте для рыцарей-охотников. Думаю, этот день надолго запомнят, — засмеялся Стеффон и вышел прочь почти веселый.

С Раймуном дело обстояло по-иному.

— Пять рыцарей, — молвил он мрачно, когда кузен ушел. — Не хотелось бы лишать тебя надежды, Дункан, но...

— Если твой кузен сможет привести тех, о ком говорил...

— Лео Длинного Шипа? Бракенского Зверя? Смеющегося Вихря? — Раймун встал. — Он-то их знает, не сомневаюсь, но я не столь уверен в том, что кто-то из них знает его. Стеффон видит в этом случай прославиться, но речь-то идет о твоей жизни. Лучше бы ты сам поискал себе сторонников. Я тебе помогу. Пусть у тебя лучше будет избыток бойцов, чем недостача. — Тут снаружи раздался шорох. — Кто идет? — окликнул Раймун, и в шатер нырнул мальчик, а за ним — худощавый мужчина в промокшем черном плаще.

— Эг? — Дунк поднялся на ноги. — Что ты тут делаешь?

— Я ведь твой оруженосец. Должен же кто-то помочь вам вооружиться, сьер.

— А знает ли принц, твой отец, что ты ушел из замка?

— Помилуй нас боги — надеюсь, что нет, — сказал Даэрон Таргариен, расстегнув плащ и сбросив его с худых плеч.

— Вы? Рехнулись вы, что ли, раз вздумали прийти сюда? — Дунк выхватил нож. — Ткнуть бы вам в живот, и вся недолга.

— Возможно, так было бы лучше, — согласился Даэрон. — Но я предпочел бы чашу вина. Поглядите на мои руки. — Он вытянул одну вперед — она дрожала.

Дунк гневно шагнул к нему.

— Плевать мне на ваши руки. Вы меня оболгали.

— Надо же мне было сказать что-то, когда отец спросил, куда подевался мой младший брат. — Принц сел, не обращая внимания на Дунка и его нож. — По правде говоря, я даже не знал, что Эг сбежал. На дне моей чаши его не было, а поскольку я никуда больше не смотрел... — Даэрон вздохнул.

— Сьер, мой отец намерен присоединиться к семи обвинителям, — вмешался Эг. — Я умолял его не делать этого, но он не послушал. Сказал, что это единственный способ обелить честь Аэриона и Даэрона.

— Я никого не просил защищать мою честь, — уныло молвил Даэрон. — По мне, так пусть ее забирает кто угодно. Но делать нечего. Скажу сразу, сьер Дункан: меня вы можете не бояться. Единственное, что я люблю еще меньше лошади, — это меч. Они такие тяжелые и ужасно острые. Во время первой атаки я постараюсь выказать храбрость, но потом... можете стукнуть меня как следует по шлему. Так, чтобы зазвенело, но не слишком громко — понимаете? Мои братья превосходят меня во всем — в бою, в танцах, в учено-

сти, но никто из них не сможет так красиво повалиться без чувств в грязь.

Дунк смотрел на него во все глаза, подозревая, что принц над ним насмехается.

— Зачем вы пришли сюда?

— Предостеречь о том, что вас ожидает. Мой отец приказал королевским рыцарям участвовать в бою.

— Королевским рыцарям? — ужаснулся Дунк.

— Да — тем троим, что находятся здесь. Благодарение богам, остальных четырех дядя Баэлор оставил в Королевской Гавани у короля, нашего деда.

— Сьер Роланд Крейкхол, сьер Доннел из Дускенделя, сьер Виллем Вильд, — перечислил Эг.

— У них нет выбора, — пояснил Даэрон. — Они поклялись защищать короля и его семью, а мы с братьями в нее входим, помоги нам боги.

Дунк сосчитал по пальцам:

— Получается шесть. Кто же седьмой?

— Аэрион найдет кого-нибудь, — пожал плечами Даэрон. — Если надо будет, то и за деньги. Золота у него хватает.

— А на вашей стороне кто? — спросил Эг.

— Кузен Раймуна, сьер Стеффон.

— И все? — поморщился Даэрон.

— Сьер Стеффон пошел договариваться со своими друзьями.

— Я могу достать людей, — сказал Эг. — Рыцарей. Правда могу.

— Эг, я буду драться с твоими братьями, — напомнил Дунк.

— Ну, Даэрону ничего не будет. Он ведь сказал, что упадет сам. А уж Аэрион... когда я был маленький, он приходил по ночам ко мне в спальню и тыкал меня ножом между ног. Говорил, что у него слишком много братьев и когда-нибудь он сделает из меня сестричку — тогда он сможет жениться на мне. И это он бросил моего котенка в колодец. Сказал, будто не он, но это ложь.

— Эг правду говорит, — устало пожал плечами Даэрон. — Аэрион — настоящее чудовище. Считает себя драконом в человеческом образе. Потому он так и накинулся на этих кукольников. Жаль, что он не родился Фоссовеем — тогда он

считал бы себя яблоком и всем было бы намного легче. — Даэрон, нагнувшись, поднял свой плащ и отряхнул его от влаги. — Надо пробраться обратно в замок, пока отец не хватился, почему я так долго точу меч, но прежде я хотел бы перемолвиться с вами словом наедине, сьер Дункан. Выйдем?

Дунк посмотрел на принца с подозрением и убрал кинжал в ножны.

— Как будет угодно вашему высочеству. Мне все равно нужно забрать свой щит.

— А мы с Эгом пойдем собирать рыцарей, — объявил Раймун.

Даэрон завязал плащ вокруг шеи и натянул капюшон. Дунк вышел за ним под моросящий дождь, и они двинулись к повозкам торговцев.

— Я видел вас во сне, — сказал принц.

— Вы уже говорили. В гостинице.

— Вот как? Ну что ж. Мои сны не такие, как у вас, сьер Дункан. Мои сбываются. Они пугают меня. Как и вы. Мне снились вы и мертвый дракон — здоровенный змей, с крыльями такими широкими, что они могли бы покрыть этот луг. Он рухнул на вас — однако вы были живы, а он мертв.

— Я убил его?

— Этого я не могу сказать — однако вы были там оба. Когда-то мы, Таргариены, повелевали драконами. Теперь их больше нет, но мы остались. Мне все равно, умру я сегодня или нет. Одни боги знают почему, но мне все равно. Однако вы уж сделайте мне одолжение и убейте лучше моего брата Аэриона.

— Я тоже готов умереть, — сказал Дунк.

— Ну, я-то вас убивать не стану, сьер. Кроме того, я откажусь от своего обвинения, но это не поможет, ибо Аэрион от своего не откажется. — Даэрон вздохнул. — Быть может, я уже убил вас — своей ложью. Если так, то простите. Я все равно обречен попасть в ад — в такой, где не дают вина. — Он содрогнулся, и они с Дунком расстались под легким прохладным дождем.

Торговцы поставили свои повозки на западном краю луга, у рощи, где росли береза и ясень. Дунк стоял под деревьями и беспомощно озирался, глядя на пустое место, где недавно

стоял фургон кукольников. Уехали. Этого он и боялся. *Я бы тоже уехал, не будь я таким тупицей.* Как же ему быть теперь без щита? Деньги еще есть — можно купить новый, если у кого-то найдется щит на продажу...

— Сьер Дункан, — позвал кто-то из мрака, и Дунк, оглянувшись, увидел Железного Пейта с фонарем. Оружейник накинул короткий кожаный плащ прямо на голое тело. Его широкая грудь и могучие руки поросли густым черным волосом.

— Если вы за щитом, то она оставила его у меня. — Он смерил Дунка взглядом. — Руки-ноги на месте — я сосчитал. Стало быть, будет поединок?

— Семеро против семерых. А вы откуда знаете?

— Вас, конечно, могли расцеловать и сделать лордом, но я подумал, что вряд ли такое случится. А если бы приговор был другой, вы бы недосчитались пары конечностей. Пойдемте со мной.

Фургон Пейта легко было отличить по мечу и наковальне, нарисованными сбоку. Дунк вслед за Пейтом вошел внутрь. Оружейник повесил фонарь на крюк, скинул плащ и натянул через голову холщовую рубаху. Потом откинул от стены доску на петлях, служившую столом, и сказал, кивнув на низкий табурет:

— Садитесь.

Дунк сел.

— Куда она уехала?

— В Дорн. Ее дядя умный человек. С глаз долой — из сердца вон. А останешься — глядишь, дракон и припомнит. Потом, он не хотел, чтобы она видела, как вы умрете. — Пейт прошел в дальний конец повозки, порылся там в темноте и достал щит. — Его обод был из старой дешевой стали, хрупкой и проржавевшей. Я сделал вам новый, вдвое толще, да и сзади щит укрепил. Теперь он будет тяжелее, зато крепче. А девушка его расписала.

Она сделала это даже лучше, чем Дунк надеялся. Яркие краски заката даже при свете фонаря радовали глаз, а дерево вышло высоким, стройным и очень внушительным. Падающая звезда прочертила яркий след по дубовому небу. И все же Дунк, взяв щит в руки, подумал, что выбрал себе плохую

эмблему. Звезда-то падает — что же это за девиз? Не суждена ли ему такая участь?

А закат предвещает ночь.

— Надо было оставить чашу, — посетовал Дунк. — У нее хотя бы крылья были, а сьер Арлан говорил, что она наполнена верой, дружескими чувствами и другими хорошими вещами. Прямо надгробие какое-то, а не щит.

— Но я-то живой, — заметил Пейт. — Видите, как зелены его листья? Такие бывают только летом. Мне доводилось видеть щиты с черепами, волками и воронами, даже с повешенными и с кровавыми головами. Однако служили они исправно, вот и ваш послужит. Знаете старую присказку? «Дуб и железо, храните меня...»

— «...От смерти и адова огня», — закончил Дунк. Он совсем позабыл этот стишок, которому научил его старик. — Сколько хотите за новый обод и все остальное?

— С вас-то? — Пейт почесал бороду. — Давайте грош.

Дождь почти перестал, когда на востоке занялся рассвет, но он успел сделать свое дело. Люди лорда Эшфорда убрали барьеры, и турнирное поле представляло собой сплошную бурую топь из грязи и вывороченной травы. Туман стлался по земле белыми змейками, когда Дунк направился обратно к ристалищу. Железный Пейт пошел с ним.

Павильон понемногу заполнялся. Лорды и дамы кутались в плащи на утреннем холоде. Простой народ тоже собирался — вдоль изгороди стояло уже несколько сот человек. Сколько народу пришло поглазеть, как я умираю, подумал Дунк, — но оказался неправ. Какая-то женщина пожелала ему удачи. Старик вышел вперед, чтобы пожать ему руку, и сказал: «Пусть боги придадут вам сил, сьер». Нищенствующий монах в потрепанной бурой рясе благословил его меч, девушка поцеловала в щеку. *Они все за меня.*

— Почему? — спросил Дунк Пейта. — Что я для них?

— Рыцарь, который помнит свои обеты, — ответил кузнец.

Раймуна они нашли на южном конце поля — он ждал там с конями своего кузена и Дунка. Гром беспокойно переминался под тяжестью подбрадника, намордника и кольчужной попоны. Пейт осмотрел конские доспехи и похвалил их,

хотя и не он их ковал. Дунк был благодарен тому, кто ссудил ему эту броню.

Потом он увидел остальных: одноглазого воина с бородой цвета соли с перцем и молодого рыцаря в полосатом черно-желтом камзоле и с ульями на щите. Робин Раслинг и Хамфри Бисбери, с изумлением узнал их Дунк. И сьер Хамфри Хардинг тоже. Хардинг сидел на рыжем коне Аэриона, облаченном теперь в красно-белые бубны нового хозяина.

— Сьеры, я ваш должник, — сказал Дунк.

— Это Аэрион наш должник, — ответил сьер Хамфри Хардинг, — и мы получим свой долг сполна.

— Я слышал, у вас нога сломана.

— Верно, сломана. Ходить мне нельзя, но коли я могу сидеть на коне, то и драться могу.

Раймун отвел Дунка в сторону.

— Я надеялся, что Хардинг захочет еще переведаться с Аэрионом, — так оно и вышло. А другой Хамфри, как оказалось, его шурин. Эг привлек сьера Робина, которого знает по другим турнирам. Так что вас теперь пятеро.

— Нет, шестеро, — удивленно произнес Дунк. К ним шел еще один рыцарь, и оруженосец вел за ним коня. — Смеющийся Вихрь! — Сьер Лионель, на голову выше Раймуна, почти с Дунка ростом, явился в парчовом камзоле с коронованным оленем Баратеонов на нем, а под мышкой нес свой рогатый шлем. Дунк поймал его руку. — Сьер Лионель, не могу выразить, как я благодарен вам за то, что пришли, — и сьеру Стеффону за то, что привел вас.

— Сьер Стеффон? — удивился рыцарь. — Ко мне пришел оруженосец — мальчик, Аэгон. Мой парень хотел его прогнать, но тот прошмыгнул у него между ног и опрокинул штоф с вином мне на голову. — Сьер Лионель рассмеялся. — Известно ли вам, что битвы семерых не назначали уже сто лет? Не могу упустить случая сразиться с королевскими рыцарями и расквасить нос принцу Маэкару в придачу.

— Шесть, — радостно сказал Дунк Раймуну, когда сьер Лионель присоединился к остальным. — Уверен, твой кузен приведет последнего.

Толпа взревела, и на северном конце показались из речного тумана рыцари. Первыми ехали трое королевских гвардейцев, похожие на призраков в своей белой эмалевой броне

и длинных белых плащах. Даже щиты у них были белые, пустые и чистые, как свежевыпавший снег. За ними следовали принц Маэкар и его сыновья. Аэрион сидел на сером в яблоках коне, сквозь броню которого сквозили оранжево-красные цвета. Гнедой конь его брата, чуть пониже ростом, был одет в черную с золотом чешую. На шлеме у Даэрона трепетал зеленый шелковый плюмаж. Но наиболее грозным выглядел их отец. На его плечах, на шлеме и на спине торчал гребень из черных драконьих зубов, а у седла висела огромная, утыканная шипами булава — самое смертоносное оружие, какое Дунк когда-либо видел.

— Да ведь их только шесть, — внезапно воскликнул Раймун.

Верно, убедился Дунк. Трое черных рыцарей и трое белых. У них тоже недостает одного. Возможно ли, чтобы Аэрион не нашел седьмого? И как же быть теперь — сражаться вшестером против шести?

К озадаченному Дунку подбежал Эг:

— Сьер, пора надевать доспехи.

— Хорошо, оруженосец. Приступим.

Железный Пейт пришел на подмогу. Кольчуга, воротник, наголенники, перчатки, чепец, щиток, прикрывающий пах, — Дунка облекли в сталь, трижды проверив каждую застежку. Сьер Лионель точил меч о брусок, оба Хамфри тихо переговаривались, сьер Робин молился, а Раймун расхаживал взад-вперед, недоумевая, куда подевался его кузен.

Дунк был совсем готов, когда наконец появился сьер Стеффон.

— Раймун, — позвал он, — мою кольчугу, будь любезен. — На нем был стеганый камзол, какой надевают под доспехи.

— Сьер Стеффон, — сказал Дунк, — а что же ваши друзья? Нам нужен еще один рыцарь.

— Боюсь, что вам нужны еще два, — сказал Стеффон. Раймун застегивал на нем кольчугу.

— Как то есть — два? — не понял Дунк.

Стеффон надел перчатку из тонкой стали, сгибая и разгибая пальцы.

— Я насчитал пятерых. — Раймун застегнул на нем пояс с мечом. — Бисбери, Раслинг, Хардинг, Баратеон и вы.

— Вы шестой.

— Нет, седьмой, — улыбнулся Стеффон, — только для другой стороны. Я буду сражаться за принца Аэриона.

Раймун, собравшийся подать кузену шлем, остановился как вкопанный.

— Нет.

— Думаю, сьер Дункан меня поймет, — пожал плечами Стеффон. — Долг обязывает меня повиноваться принцу.

— Ты сказал Дункану, что он может положиться на тебя, — побледнел Раймун.

— Разве? — Стеффон взял шлем у него из рук. — Что ж, тогда я, несомненно, говорил искренне. Подай мне коня.

— Сам возьми. Если ты думаешь, что я буду тебе помогать, ты столь же туп, сколь и низок.

— Низок? Придержи язык, Раймун. Мы с тобой — яблочки с одного дерева, и ты мой оруженосец. Или ты забыл свою клятву?

— А ты, часом, не забыл свои рыцарские обеты?

— К концу дня я стану из рыцаря лордом. Лорд Фоссовей! Мне нравится, как это звучит. — Улыбаясь, он натянул вторую перчатку и зашагал к своему коню. Другие защитники провожали его презрительными взглядами, и никто не попытался остановить.

Дунк, глядя, как сьер Стеффон ведет коня в другой конец поля, сжал кулаки. В горле так пересохло, что Дунк не мог говорить. Впрочем, разве такого проймешь словами?

— Посвяти меня в рыцари. — Раймун взял Дунка за плечо и повернул к себе. — Я займу место моего кузена. Посвятите меня в рыцари, сьер Дункан. — Он преклонил колено.

Дунк нерешительно взялся за рукоять меча.

— Лучше не надо, Раймун.

— Надо. Без меня вас будет только пятеро.

— Парень прав, — сказал сьер Лионель. — Сделайте это, сьер Дункан. Любой рыцарь может посвятить в рыцари кого угодно.

— Ты сомневаешься в моем мужестве? — спросил Раймун.

— Нет, дело не в этом, но...

В тумане протрубили фанфары. Подбежал Эг:

— Сьер, лорд Эшфорд зовет вас.

Смеющийся Вихрь нетерпеливо тряхнул головой.

— Ступайте, сьер Дункан. Я сам посвящу оруженосца Раймуна в рыцари. — Он вынул меч из ножен и отодвинул Дунка в сторону. — Раймун из дома Фоссовеев, — начал он торжественно, коснувшись клинком правого плеча оруженосца, — именем Воителя обязую тебя быть храбрым. — Меч лег на левое плечо. — Именем Отца обязую тебя быть справедливым. — Снова на правое. — Именем Матери обязую тебя защищать юных и невинных. — Левое плечо. — Именем Девы обязую тебя защищать всех женщин...

Дунк ушел, испытывая облегчение, смешанное с чувством вины. И все-таки одного не хватает, подумал он, когда Эг подвел ему Грома. Где же его взять? Он медленно поехал к павильону, где стоял в ожидании лорд Эшфорд. С северного конца поля навстречу Дунку выехал Аэрион.

— Сьер Дункан, — весело сказал принц, — у вас, как я вижу, только пять бойцов?

— Шесть. Сьер Линнель посвящает в рыцари Раймуна Фоссовея. Мы будем драться вшестером против вас семи. — Дунк знал, что победы одерживались и не при таком превосходстве противника. Но лорд Эшфорд покачал головой:

— Нет, сьер, это не разрешается. Если вы не можете найти себе еще одного рыцаря, вы должны признать себя виновным в совершенных вами преступлениях.

Виновным. *Я виновен в том, что повредил ему зуб, и за это должен умереть.*

— Дайте мне еще минуту, ваша милость.

— Хорошо.

Дунк медленно поехал вдоль изгороди. Павильон был битком набит рыцарями.

— Господа, — обратился к ним Дунк, — не помнит ли кто-нибудь из вас сьера Арлана из Пеннитри? Я был его оруженосцем. Мы служили многим из вас. Мы ели за вашим столом и жили в ваших замках. — Дунк увидел Манфреда Дондарриона — тот сидел на самом верху. — Сьер Арлан получил рану на службе у лорда, вашего отца. — Рыцарь, не глядя на него, беседовал с сидящей рядом дамой. Дунк проехал дальше. — Лорд Ланнистер, сьер Арлан спешил вас однажды на турнире. — Седой Лев разглядывал свои руки в перчатках, не поднимая глаз. — Он был хорошим человеком и научил меня быть рыцарем. Эта наука касалась не только

меча и копья, но и чести. Рыцарь должен защищать невинных, говорил он. Это самое я и сделал. Мне нужен еще один рыцарь, чтобы сразиться за меня. Один-единственный. Лорд Карон? Сван?

Карон шепнул что-то на ухо Свану, и тот рассмеялся.

Дунк остановился перед сьером Ото Бракеном и понизил голос:

— Сьер Ото, все знают, какой вы славный воин. Прошу вас, сразитесь за нас, во имя всех старых и новых богов. Ведь правда на моей стороне.

— Возможно. — Бракенский Зверь снизошел хотя бы до ответа. — Но это твоя забота, не моя. Я тебя не знаю, мальчик.

Дунк в тоске повернул Грома и стал гарцевать перед этими равнодушными людьми. Отчаяние побудило его крикнуть:

— НЕУЖЕЛИ СРЕДИ ВАС НЕТ НИ ОДНОГО ИСТИННОГО РЫЦАРЯ?

Молчание было ему ответом.

Принц Аэрион в отдалении засмеялся и заявил:

— Дракона посрамить нельзя.

Тогда послышался чей-то голос:

— Я буду сражаться за сьера Дункана.

Из тумана возник черный конь с черным всадником. Дунк увидел дракона на щите и красный эмалевый гребень шлема с тремя ревущими головами. *Молодой Принц. Милосердные боги, неужели это он?*

Лорд Эшфорд допустил ту же ошибку.

— Принц Валарр?

— Нет. — Черный рыцарь поднял забрало. — Я не собирался участвовать в Эшфордском турнире, ваша милость, поэтому не взял с собой доспехов. Мой сын любезно ссудил мне свои. — В улыбке принца Баэлора сквозила печаль.

Обвинители пришли в замешательство, и принц Маэкар послал своего коня вперед.

— Брат, в своем ли ты уме? — Он наставил одетый в кольчугу палец на Дунка. — Этот человек напал на моего сына.

— Этот человек защищал слабых, как подобает истинному рыцарю. Пусть боги решают, прав он или виноват. — Баэлор повернул черного Валаррова коня и поехал рысью в южный конец поля.

Дунк на Громе поравнялся с ним, и прочие защитники собрались вокруг: Робин Раслинг и Лионель и оба Хамфри. Все хорошие воины, но достаточно ли они хороши?

— А где Раймун?

— Сьер Раймун, будьте любезны. — Фоссовей подъехал в шлеме с перьями, с угрюмой улыбкой на лице. — Прошу прощения, сьер. Мне пришлось внести небольшие изменения в свой герб, чтобы меня не принимали за моего бесчестного кузена. — Он показал всем свой блестящий золотой щит — яблоко Фоссовеев осталось на нем, но из красного стало зеленым. — Боюсь, что я еще не дозрел... но лучше быть зеленым, чем червивым, верно?

Сьер Лионель рассмеялся, Дунк тоже не сдержал усмешки, и даже принц Баэлор как будто одобрил эту мысль.

Септон лорда Эшфорда стал перед павильоном и воздел ввысь свой кристалл, призывая к молитве.

— Послушайте меня все, — тихо сказал Баэлор. — В первую атаку обвинители пойдут с боевыми копьями — ясеневыми, восемь футов длиной. Древка у них укреплены, а наконечники такие острые, что на скаку способны пробить любые доспехи.

— Мы будем вооружены так же, — заметил Хамфри Бисбери.

Септон между тем молил Семерых воззреть на этот бой, разрешить спор и даровать победу правым.

— Нет, — возразил Баэлор. — Мы возьмем турнирные копья.

— Но ведь они сразу ломаются — их такими и делают, — сказал Раймун.

— Помимо этого, в них двенадцать футов длины. Если мы ударим первыми, противники нас уже не коснутся. Цельтесь в шлем или в грудь. На турнире считается почетным сломать копье о щит противника, но здесь это может привести к гибели. Если мы сумеем спешить их, а сами останемся в седлах, преимущество будет за нами. В случае, если сьер Дункан будет убит, будет считаться, что боги осудили его, и сражение остановится. Если оба его обвинителя будут убиты или возьмут свои обвинения назад, произойдет то же самое. При всяком ином обороте событий все семеро бойцов с той или другой стороны должны погибнуть или сдаться, чтобы бой прекратился.

— Принц Даэрон не станет драться, — сказал Дунк.

— Боец из него в любом случае неважный, — засмеялся сьер Лионель. — Зато на их стороне трое Белых Мечей.

— Мой брат совершил ошибку, приказав королевским рыцарям сражаться за своего сына, — спокойно заметил Баэлор. — Присяга запрещает им причинять вред принцу крови — а я, к счастью, отношусь к таковым. Не допускайте ко мне остальных, а с королевскими рыцарями я управляюсь.

— Но рыцарский ли это поступок, мой принц? — спросил Лионель Баратеон.

Септон как раз завершил молитву.

— Пусть боги судят, рыцарский он или нет.

Глубокая, полная ожидания тишина опустилась на Эшфордский луг.

На расстоянии восьмидесяти ярдов серый жеребец Аэриона в нетерпении рыл копытом мокрую землю. Гром по сравнению с ним казался спокойным. Он был постарше, побывал в полусотне битв и знал, что от него требуется. Эг подал Дунку щит:

— Да пребудут с вами боги, сьер.

Вяз и падающая звезда придали Дунку отваги. Он продел левую руку в крепление и стиснул пальцы. «Дуб и железо, храните меня от смерти и адова огня». Железный Пейт подал копье, но Эг настоял на том, чтобы самому вложить его в руку Дунка.

Остальные защитники тоже вооружились копьями и растянулись в длинную линию. Принц Баэлор стал справа от Дунка, сьер Лионель — слева, но Дунк в свою узкую глазную щель мог видеть только то, что перед ним. Исчез и павильон, и простой народ, толпящийся за изгородью, — осталось только грязное поле, бледный туман, город с замком на севере да Аэрион на сером коне, с языками пламени на шлеме и драконом на щите. Вот оруженосец подал принцу боевое копье, длиной восемь футов и черное, как ночь. *Он пронзит им мое сердце, если сможет.*

Протрубил рог.

Все пришло в движение, только Дунк на миг замер, как муха в янтаре. Панический страх прошил его насквозь. Я все забыл, подумал он в смятении. Я все забыл, сейчас я опозорюсь и проиграю бой.

Его спас Гром. Большой бурый жеребец знал, что нужно делать, даже если его всадник этого не знал. Гром пустился вперед медленной рысью. Дунк, вспомнив уроки старика, тронул коня шпорами, взял копье наперевес и прикрыл щитом левую часть тела. Щит он держал под углом, чтобы отражать удары. «Дуб и железо, храните меня от смерти и адова огня».

Шум толпы стал глухим, как далекий прибой. Гром перешел в галоп, и у Дунка лязгали зубы. Он стиснул коня ногами, слившись с ним воедино. Я — это Гром, а Гром — это я, мы одно существо, мы едины. Воздух внутри шлема успел уже так нагреться, что стало трудно дышать.

Будь это турнир, противник приближался бы слева, и Дунку полагалось направить копье поперек шеи Грома. Под таким углом оно вернее сломается от удара. Но нынче игра шла не на жизнь, а на смерть. На поле не было барьеров, и кони неудержимо неслись навстречу друг другу. Вороной принца Баэлора шел куда быстрее Грома, и Дунк увидел в свою щель, как принц вынесся вперед. Других он скорее чувствовал, чем видел. Это ничего. Главное сейчас — Аэрион.

Дунк видел, как приближается дракон. Комья грязи летели из-под копыт его скакуна, и ноздри серого раздувались. Черное копье все еще смотрело вверх. Рыцарь, который держит копье отвесно и опускает его в самый последний миг, рискует направить его слишком низко, говорил Дунку старик. Сам Дунк нацелился острием принцу в грудь. Мое копье — часть моей руки, говорил он себе. Это мой палец, деревянный палец. Все, что мне нужно, — это коснуться врага своим длинным деревянным пальцем.

Он старался не смотреть на острие черного копья Аэриона, которое с каждым шагом делалось все больше. Смотри только на дракона, твердил он себе. Вот он, дракон, на щите — красные крылья и золотое пламя. Нет, не туда — смотри в место, куда хочешь ударить, напомнил себе Дунк, но его копье уже отклонилось от цели. Дунк попытался поправить его, но опоздал. Острие ударило в щит Аэриона меж двух драконьих голов, попав в язык нарисованного пламени. Раздался глухой треск, Гром содрогнулся от столкновения, и в следующий миг что-то со страшной силой двинуло Дунка в бок. Кони столкнулись, лязгнув броней, и копье вылетело из руки

Дунка. Он промчался мимо врага, цепляясь за седло в отчаянном усилии удержаться. Гром поскользнулся в грязи, и его задние ноги поехали куда-то. Они скользили, крутились, и наконец жеребец хлопнулся крупом наземь.

— Вставай! — взревел Дунк, вонзив в него шпоры. — Вставай, Гром! — И старый боевой конь каким-то образом снова утвердился на ногах.

Дунк чувствовал острую боль под ребром, и левую руку тянуло вниз. Копье Аэриона пробило и дуб, и шерсть, и сталь: из бока торчал трехфутовый обломок ясеневого древка. Дунк ухватил его правой рукой чуть выше наконечника, стиснул зубы и дернул что есть мочи. Сквозь кольца кольчуги хлынула кровь, окрасив камзол. Мир завертелся колесом, и Дунк чуть не упал. Сквозь дымку боли он слышал голоса, зовущие его по имени. От красивого щита не было больше никакого толку. Дунк отбросил прочь и вяз, и падающую звезду, и сломанное копье. Он вытащил меч, но боль не давала размахнуться как следует.

Развернув Грома кругом, он попытался разглядеть, что происходит на поле. Сьер Хамфри Хардинг, как видно, раненый, вцепился в шею коня. Другой сьер Хамфри лежал неподвижно в кровавой грязи, и сломанное копье торчало у него из паха. Принц Баэлор промчался мимо, все еще с копьем, и вышиб одного королевского рыцаря из седла. Другого белого рыцаря и Маэкара спешили еще раньше. Третий бился на мечах со сьером Робином.

Но где же Аэрион? Топот копыт позади заставил Дунка резко повернуть голову. Гром взвился на дыбы и беспомощно забил копытами, когда серый жеребец Аэриона врезался в него на полном скаку.

На этот раз усидеть было невозможно. Меч выпал из руки Дунка, и земля устремилась ему навстречу. Он грохнулся так, что кости задребезжали, и его прошила боль, такая сильная, что он заплакал. Он мог только лежать и больше ничего. Во рту стало солоно от крови. Дунк-чурбан вздумал податься в рыцари. Он знал, что должен встать, иначе ему конец. Со стонами Дунк приподнялся на четвереньки. Ни дышать, ни видеть он не мог — глазную щель залепило грязью. Вслепую поднявшись на ноги, он соскреб грязь пальцем в кольчужной перчатке.

Он увидел летящего на него дракона и булаву на цепи — а после его голова разбилась на кусочки.

Он открыл глаза и понял, что снова лежит, растянувшись на спине. Вся грязь со шлема осыпалась, но теперь один глаз залепило кровью. Вверху не было ничего, кроме серого неба. Лицо саднило, и сырой металл холодил щеки и виски. Он разбил мне голову, и я умираю... А еще хуже то, что вместе со мной погибнут Раймун, принц Баэлор и остальные. Я подвел их, я никакой не боец, я даже не межевой рыцарь. Я ничто. Он вспомнил похвальбу принца Даэрона — никто, мол, не может валяться без чувств в грязи так, как я. Видел бы он Дунка-чурбана! Стыд был еще хуже боли.

Над Дунком навис дракон.

С тремя головами и крыльями яркими, как огонь — желто-красно-оранжевыми. Дракон смеялся.

— Жив еще, межевой рыцарь? — спрашивал он. — Проси пощады и признай свою вину — тогда я, быть может, ограничусь рукой и ногой. Да, еще зубы — но что такое зубы? Такой, как ты, годами может жить на гороховой похлебке. Не хочешь? Тогда отведай вот этого. — Утыканный шипами шар взвился в небо и обрушился на голову Дунка, как упавшая звезда.

Но Дунк откатился в сторону.

Он не знал, откуда у него взялись силы, но откуда-то взялись. Он подкатился под ноги Аэриону, обхватил одетой в сталь рукой ляжки принца, повалил его в грязь и навалился сверху. Пусть-ка помашет теперь своей проклятой булавой. Принц попытался двинуть Дунка по голове краем своего щита, но шлем выдержал удар. Аэрион был силен, но Дунк был сильнее, выше и тяжелее. Он ухватился за щит обеими руками и крутанул так, что крепления порвались. Тогда Дунк стал долбить принца щитом по шлему снова и снова. Эмалевое пламя разлетелось вдребезги. Щит был толще, чем у Дунка, — крепкий дуб, окованный железом. Принц уже лишился своих огненных языков, а Дунк еще только вошел во вкус.

Аэрион выпустил ставшую бесполезной булаву и схватился за кинжал на бедре. Он вынул его из ножен, но Дунк стукнул принца щитом по руке, и кинжал выпал в грязь.

Принц мог бы победить сьера Дункана Высокого, но не Дунка из Блошиной Ямы. Старый рыцарь обучил Дунка приемам конного боя и фехтованию, но драться так, как теперь, Дунк научился еще раньше, в темных переулках у городских виноделен. Он продолжал бить щитом и сшиб забрало со шлема Аэриона.

Забрало — самое слабое место, как верно сказал Железный Пейт. Принц почти уже не боролся, и его лиловые глаза были полны ужаса. Дунк испытал внезапное искушение схватить один глаз и сжать его, как виноградину, между двумя стальными пальцами — но это было бы не по-рыцарски.

— СДАВАЙСЯ! — заорал он.

— Сдаюсь, — прошептал дракон, едва шевеля бледными губами. Дунк заморгал, не сразу поверив своим ушам. Стало быть, все? Он повертел головой из стороны в сторону, все еще плохо видя из-за удара, повредившего левую сторону его лица. Принц Маэкар с булавой пытался пробиться к сыну. Баэлор Сломи Копье сдерживал его.

Дунк, шатаясь, поднялся на ноги и потянул за собой принца Аэриона. Оборвал застежки своего шлема и отбросил его прочь. На него тут же хлынули картины и звуки: рычание, ругань, крики толпы. Один конь визжал, другой скакал по полю без седока. Повсюду сталь лязгала о сталь. Раймун с кузеном, оба пешие, вовсю рубились перед павильоном. От щитов с яблоками, красным и зеленым, летели щепки. Один из королевских рыцарей уносил с поля своего раненого собрата. Они были похожи, как близнецы, в своих белых доспехах и белых плащах. Третий белый рыцарь упал, и Смеющийся Вихрь примкнул к Баэлору против принца Маэкара. Булава, топор и меч лязгали о щиты и шлемы попеременно. Маэкар получал три удара на один свой, и Дунк видел, что он скоро выдохнется. *Надо положить этому конец, пока еще кого-нибудь не убили.*

Аэрион внезапно нагнулся за своей булавой, но Дунк лягнул его, повалил ничком наземь, а после ухватил за ногу и поволок через поле. Доехав таким манером до павильона, где сидел лорд Эшфорд, Огненный Принц стал черен, как чушка. Дунк поставил его на ноги и встряхнул, закидав грязью лорда Эшфорда и королеву турнира.

— Скажи ему!

Аэрион Яркое Пламя выплюнул грязь и траву изо рта.
— Я отказываюсь от своего обвинения.

После Дунк не мог вспомнить, ушел он с поля сам или ему помогли. У него болело все — одно больше, другое меньше. Неужто я теперь и вправду рыцарь? — думал он при этом. И победитель к тому же?

Эг помог ему снять поножи и воротник. Были тут и Раймун, и Железный Пейт — Дунк плохо различал их. Он только чувствовал их пальцы и слышал голоса.

— Поглядите, что он сделал с моими доспехами, — жаловался Пейт. — Все помятые, поцарапанные. Ну, мне-то что? Я свое получил. А вот кольчугу с него придется срезать.

— Раймон, — поспешно произнес Дунк, схватив друга за руку, — как там остальные? Кто-нибудь погиб?

— Бисбери. Его убил Доннел из Дускенделя при первой атаке. Второй сьер Хамфри тоже тяжело ранен. Остальные отделались синяками — кроме тебя, конечно.

— А обвинители?

— Сьера Виллема Вильда унесли с поля без памяти, а я, кажется, сломал моему кузену пару ребер. Надеюсь, во всяком случае.

— А принц Даэрон? Он жив?

— Когда сьер Робин сбил его с коня, он остался лежать там, где упал. Может быть, у него нога сломана — на нее наступил его собственный конь.

Дунк, несмотря на туман в голове, испытал огромное облегчение.

— Значит, его сон о мертвом драконе не сбылся. Если только Аэрион не умер — но ведь он жив?

— Жив, ты ведь пощадил его, — сказал Эг. — Не помнишь разве?

— Как сказать. — Воспоминания о битве тоже заволокло туманом. — Мне то кажется, что я пьян, то делается так больно, будто я умираю.

Его уложили на спину и совещались над ним, а он смотрел в хмурое серое небо. Ему казалось, что теперь все еще утро. Он не знал, сколько времени продолжался бой.

— Боги, как глубоко вдавилась кольчуга в тело, — сказал Раймун. — Это же адские муки...

— Дать ему выпить и полить кольчугу кипящим маслом, — предложил кто-то. Так лекари делают.

— Вином, — поправил чей-то звенящий металлом голос. — Не маслом, это его убьет, а кипящим вином. Я пришлю к нему мейстера Йормвеля, когда тот закончит с моим братом.

Над Дунком стоял черный рыцарь в помятых, поцарапанных черных доспехах. Принц Баэлор. Алый дракон на его шлеме лишился головы, обоих крыльев и большей части хвоста.

— Ваше высочество, — сказал Дунк, — я хочу служить вам. Вам одному.

— Хорошо. — Черный рыцарь оперся на плечи Раймуна. — Мне нужны хорошие рыцари, сьер Дункан. И стране тоже. — Голос принца звучал как-то невнятно, точно он прикусил язык.

Дунк очень устал, и его одолевал сон.

— Я ваш, — пробормотал он.

Принц повел головой из стороны в сторону.

— Сьер Раймун... мой шлем, будьте так добры. Забрало... оно треснуло, а пальцы у меня как деревянные.

— Сию минуту, ваше высочество. — Раймун взялся за шлем принца обеими руками и крякнул. — Помоги-ка, мастер Пейт.

Железный Пейт подтащил скамейку, с которой садились на коня.

— Слева на затылке вмятина, ваше высочество, и шлем вклинился в воротник. Хорошая сталь, коли она выдержала такой удар.

— Братнина булава скорее всего, — проговорил Баэлор. — Он очень силен. — Принц поморщился. — Какое-то странное чувство...

— Сейчас, ваше высочество. — Пейт снял покореженный шлем. — О боги. О боги, будьте милостивы к нам...

Дунк видел, как из шлема выпало что-то красное и мокрое, и кто-то испустил страшный, тонкий крик. На сером небе качался высокий-высокий принц в черных доспехах и только с одной половиной черепа. На месте другой виднелась красная кровь, белая кость и что-то еще, голубовато-серое и мягкое. Странное недоуменное выражение набежало на лицо Баэлора, как облако набегает на солнце. Он поднял руку и легонько, двумя пальцами, потрогал затылок. А потом упал.

Дунк подхватил его. Потом ему говорили, что он сказал принцу:

— Вставай. — Словно Грому. — Вставай, вставай. — Но Дунк этого не помнил, а принц не встал.

Баэлор из дома Таргариенов, принц Драгонстонский, Рука Короля, Защитник Державы, наследник Железного Трона Семи Королевств Вестероса, был сожжен во дворе Эшфордского замка на северном берегу реки Кокльсвент. Другие знатные семьи зарывают своих покойников в сырую землю или топят в холодном зеленом море — но Таргариены ведут свой род от дракона, и их хоронят в огне.

Он был первейшим рыцарем своего времени, и многие настаивали на том, что он должен отправиться в вечность одетый в кольчугу и панцирь, с мечом в руке. Но король распорядился по-иному — Даэрон II был человек мирный. Дунк, доковыляв до погребального ложа, увидел Баэлора в черном бархатном камзоле с алым трехглавым драконом, вышитым на груди, с тяжелой золотой цепью на шее. Меч в ножнах лежал сбоку, но шлем на принца все-таки надели — легкий золотой шлем с поднятым забралом, чтобы все могли видеть его лицо.

Валарр, Молодой Принц, стоял в ногах. Он был чуть пониже, постройнее, покрасивее своего отца и еще не обзавелся сломанным носом, придававшим Баэлору не столько величие, сколько человечность. Каштановые волосы Валарра пересекала яркая серебристо-золотая прядь. Она напомнила Дунку об Аэрионе — но это, пожалуй, зря. Волосы у Эга, отрастая, делались такими же, как у брата, а Эг для принца довольно славный парнишка.

Когда Дунк стал неуклюже выражать свои соболезнования, пересыпая их словами благодарности, принц Валарр прищурил на него холодные голубые глаза.

— Отцу было всего тридцать девять лет. Он должен был стать великим королем, самым великим после Аэгона Дракона. Почему же боги взяли его, а вас оставили? Ступайте отсюда, сьер Дункан. Ступайте.

Не найдя слов, Дунк захромал из замка в свой лагерь у зеленого пруда. Ему нечего было ответить Валарру, да и себе самому тоже. Мейстеры и кипящее вино сделали свое дело —

рана заживала, не гноясь, хотя между левой рукой и соском должен был остаться большой бугристый шрам. Дунк не мог смотреть на рану, не думая при этом о Баэлоре. *Он спас меня сначала мечом, а потом советом, хотя сам уже тогда был не жилец.* Нет смысла в мире, если прославленный принц погибает, а межевой рыцарь остается жить. Дунк сел под вязом, уныло глядя в землю.

Когда однажды к вечеру в лагерь явились четверо стражников в королевских мундирах, Дунк проникся уверенностью, что они пришли его убить. Слишком слабый и усталый, чтобы хвататься за меч, он сидел спиной к вязу и ждал.

— Наш принц желал бы поговорить с вами наедине.

— Принц? — насторожился Дунк. — Который?

— Вот этот, — ответил Маэкар Таргариен, выйдя из-за вяза.

Дунк медленно поднялся на ноги. *Чего еще ему надо от меня?*

Маэкар сделал знак, и стражники исчезли столь же внезапно, как и появились. Окинув Дунка пристальным взглядом, принц отошел и стал у пруда, глядя на свое отражение.

— Аэриона я отправил в Лис, — отрывисто сообщил он. — Быть может, несколько лет в Вольных Городах изменят его к лучшему.

Дунк никогда не бывал в Вольных Городах и потому не знал, что сказать. Он был рад, что Аэрион уехал из Семи Королевств, и надеялся, что принц никогда не вернется, но отцу о сыне так говорить не полагается. Дунк промолчал, а принц Маэкар обернулся к нему лицом.

— Люди, конечно, будут говорить, что я убил своего брата намеренно. Боги видят, что это ложь, но пересуды будут преследовать меня до смертного часа. И я не сомневаюсь, что это моя палица нанесла ему смертельный удар. Кроме меня, он сражался только с королевскими рыцарями, а им присяга дозволяет только защищаться. Значит, это был я. Странно, но я даже не помню удара, которым проломил ему череп. Что это — милость или проклятье? Должно быть, и то и другое.

Принц посмотрел на Дунка так, словно ждал ответа.

— Не знаю, что сказать, ваше высочество. — Дунку, пожалуй, следовало бы возненавидеть принца Маэкара, но он почему-то сочувствовал этому человеку. — Да, палицу дер-

жали вы, но погиб принц Баэлор из-за меня. Значит, и я его убийца — не меньше, чем вы.

— Да, — признал принц. — Вас тоже будут преследовать пересуды. Король стар. Когда он умрет, Валарр взойдет на Железный Трон вместо своего отца. И каждый раз, когда будет проиграна битва или случится неурожай, дурачье будет говорить: «Баэлор такого не допустил бы, но межевой рыцарь убил его».

Дунк, что это правда.

— Если бы я не вышел на бой, вы отрубили бы мне руку. И ступню. Иногда я, сидя здесь под вязом, смотрю на свою ногу и спрашиваю себя: не мог бы я обойтись без нее? Разве стоит моя нога жизни принца? И оба Хамфри тоже были славные мужи. — Сьер Хамфри Хардинг скончался от ран прошлой ночью.

— Что же отвечает вам ваше дерево?

— Если оно и говорит что-то, то я не слышу. Но старик, сьер Арлан, каждый вечер повторял: «Что-то принесет нам завтрашний день?» Он не знал этого — и мы тоже не знаем. Может, настанет такой день, когда эта нога мне пригодится? Может, она и Королевствам понадобится — больше даже, чем жизнь принца?

Маэкар, поразмыслив, стиснув челюсти под серебристой бородой, делавшей его лицо квадратным.

— Черта с два, — бросил он наконец. — В Королевствах столько же межевых рыцарей, сколько и межей, и у всех у них ноги на месте.

— Не найдется ли у вашего высочества ответа получше?

Маэкар нахмурился.

— Быть может, боги любят жестоко подшутить над нами. А может, их вовсе нет, богов. Может, все это ничего не значит. Я спросил бы верховного септона, но в последний раз, когда я был у него, он сказал, что промысел богов человеку недоступен. Может, ему следовало бы поспать под каким-нибудь деревом. — Маэкар скорчил гримасу. — Мой младший сын, похоже, привязался к вам, сьер. Ему уже время поступить в оруженосцы, но он сказал, что будет служить только вам и больше никому. Он непослушный мальчишка, как вы сами могли заметить. Согласны вы взять его к себе?

— Я? — Дунк открыл рот, закрыл и снова открыл. — Эг... то есть Аэгон, он, конечно, хороший парнишка, и я понимаю, что для меня это честь, но... ведь я только межевой рыцарь.

— Это можно поправить. Аэгон вернется в мой замок в Саммерхоле. Там и для вас найдется место, если захотите. Вы поступите ко мне на службу, принесете присягу, и Аэгон станет вашим оруженосцем. Вы будете учить его, а мой учитель фехтования придаст блеск вам самим. Не сомневаюсь, что ваш сьер Арлан сделал для вас все, что мог, но вам еще есть чему поучиться.

— Я знаю, ваше высочество. — Дунк посмотрел на траву, на тростник, на высокий вяз, на солнечную рябь пруда. Над водой снова кружила стрекоза — быть может, та самая. Ну так что же, Дунк? Стрекозы или драконы? Еще несколько дней назад он знал бы, что ответить. Это было все, о чем он мечтал, но теперь мечта, став осуществимой, почему-то пугала его. — Перед самой смертью принца Баэлора я поклялся, что буду служить ему.

— Весьма смело с вашей стороны. И что же он ответил?

— Что стране нужны смелые рыцари.

— Это верно. Ну и что же?

— Я возьму в оруженосцы вашего сына, но не в Саммерхоле. Год-другой по крайней мере нас там не увидят. На мой взгляд, он довольно пожил в замке. Я возьму его только в том случае, если он отправится со мной в дорогу. Он будет ездить на моей лошади, — Дунк кивнул на старую Каштанку, — носить мой старый плащ, точить мой меч и чистить мою кольчугу. Мы будем ночевать в гостиницах и на конюшнях, а временами в замке какого-нибудь богатого рыцаря или мелкого лорда — да и под открытым небом, когда придется.

Маэкар посмотрел на него недоверчиво.

— Уж не повредились ли вы умом после суда? Аэгон — принц крови, потомок дракона. Принцы не созданы для того, чтобы спать в канавах и есть жесткую солонину. Вы хотите сказать еще что-то, но боитесь? Выкладывайте смело, сьер.

— Бьюсь об заклад, что Даэрон никогда не спал в канаве, — очень тихо сказал Дунк, — Аэрион всю жизнь ел только самое свежее, нежное и сочное мясо.

Маэкар Таргариен, принц Саммерхольский, посмотрел на Дунка из Блошиной Ямы долгим взглядом, медленно двигая челюстями под серебристой бородой, а затем повернулся и пошел прочь, не сказав ни слова. Дунк услышал, как он уехал со своими людьми — и единственным звуком стал гул крылышек стрекозы, летающей над водой.

Мальчик явился на следующее утро, как только взошло солнце — в старых сапогах, бурых штанах, буром шерстяном камзоле и поношенном дорожном плаще.

— Отец сказал, что я поступаю к тебе на службу.

— На службу к вам, сьер, — поправил Дунк. — Для начала можешь оседлать лошадей. Каштанка твоя — обращайся с ней хорошо. И не смей садиться на Грома без моего разрешения.

Эг пошел за седлами.

— А куда мы едем, сьер?

Дунк подумал немного.

— Я никогда не бывал за Красными горами. Не хочешь ли отправиться в Дорн?

— Я слыхал, там хорошие кукольники, — с усмешкой ответил Эг.

Энн Маккэффри

Перн

Anne McCaffrey
RUNNER OF PERN
Перевод с английского Н. Виленской

© Anne McCaffrey, 1998
© Перевод. Н. Виленская, 1999

Трилогия «Погонщики драконов»:

«Полет дракона» (1969)
«Путь дракона» (1971)
«Белый дракон» (1978)

Трилогия «Цех арфистов»:

«Песнь дракона» (1976)
«Певец драконов» (1977)
«Барабаны драконов» (1978)

Другие романы о Перне:

«Морета, погонщица драконов» (1983)
«История Нерилки» (1986)
«Утро дракона» (1988)
«Изменники Перна» (1989)
«Все вейры Перна» (1991)
«Хроники Перна» (1992)
«Дельфины Перна» (1994)
«Драконсея» (1996)
«Арфист Перна» (1998)

Сотни колонистов, недовольные жизнью на технически развитой Земле, отправляются через космическое пространство к звезде Рукбат, чья система состоит из шести планет. Пять из них имеют постоянные орбиты, шестая петляет вокруг остальных. Третья планета оказывается пригодной для жизни, и колонисты селятся на ней, дав ей название Перн. Они жертвуют своими кораблями, чтобы получить нужный материал, и начинают строиться.

Перн — идеальное место для колонизации, если не считать одной вещи. Шестая планета через неправильные промежутки времени приближается к нему и осыпает его мириадами микорризоидных спор, которые пожирают всю

органическую материю и оставляют землю голой на долгий срок. Колонисты ищут способы борьбы с этими спорами, или с Нитью. В поисках защиты они обращаются к драконеткам, маленьким летучим ящерицам, которых приручили сразу же после высадки. Способность этих рептилий выдыхать огонь очень пригодилась людям во время последнего Нитепада. Путем генетического отбора и инженерии на протяжении многих поколений колонисты выводят вид настоящих, крупных драконов.

Благодаря совместным усилиям драконов и их погонщиков поселенцы успешно боролись с Нитью и окончательно утвердились на планете. Они создали квазифеодальное сельскохозяйственное общество, построили холды для крестьян, цехи для ремесленников и вейры для драконов с погонщиками.

Многие пернские романы повествуют о жизни холдов и вейров в период между Нитепадами. Общий период действия серии — двадцать пять веков, от высадки первых колонистов до обнаружения их потомками корабельного компьютера много столетий спустя.

Действие первого романа о Перне, «Полет дракона», как раз и происходит через двадцать пять веков после прибытия первых поселенцев. Нить не выпадала вот уже четыре века, и люди начинают относиться скептически к предостережениям предков. Трое погонщиков, Лесса, Флар и Фнор, верят, что Нить еще вернется, и пытаются мобилизовать оборону планеты. Лесса, зная, что драконов на Перне недостаточно, чтобы справиться с Нитепадом, отправляется в прошлое на четыреста лет, в те времена после последнего Нитепада, когда тогдашние погонщики начали скучать от недостатка деятельности. Лесса уговаривает их отправиться с ней и сразиться с Нитью в ее времени. Они соглашаются и побеждают Нить.

Вторая книга, «Путь дракона», начинается через семь лет после конца первой. Отношения между Старожилами, как прозвали погонщиков из прошлого, и нынешним поколением становятся напряженными. После сражения с одним из старых погонщиков Фнора отправляют на Южный Континент оправляться от ран. Там он обнаруживает личинку, которая обезвреживает Нить после того, как та зарывается в

землю. Понимая, что нашел новое мощное орудие против Нити, он начинает придумывать способы рассева таких личинок по обоим континентам.

Тем временем неожиданный Нитепад становится поводом для поединка между Фларом, главой Бенденского вейра, и Троном, предводителем Старожилов. Флар побеждает и изгоняет всех погонщиков, не признающих его главенства. Изгнанники отправляются на Южный Континент. Личинок начинают разводить для расселения по всей планете, на чем и кончается книга.

Третья книга, «Белый дракон», рассказывает о приключениях юного Джексома, который выращивает единственного на Перне белого дракона, генетическую аномалию. Джексом встречается с предрассудками и презрением других погонщиков, поскольку его дракон мельче остальных. В ходе повествования его ставят во главе одного из старейших холдов Перна, и многие сомневаются в его способности управлять. Но Джексом и его дракон Рут успешно справляются с трудностями и доказывают, что тот, кто больше, не обязательно лучше. Джексом руководит своим холдом, встречает любимую девушку, и все кончается хорошо.

Трилогия «Цех арфистов» («Песнь дракона», «Певец драконов» и «Барабаны драконов») предназначена для юных читателей. В ней рассказывается о девочке Менолли, нежеланной дочери, которая впоследствии становится странствующей арфисткой и разводит огненных ящериц.

Во многих последующих романах и в приводимой здесь повести Маккэффри рассказывают о различных сторонах пернской жизни, начиная с первых времен его колонизации человеком.

Скороходы Перна

Тенна преодолела подъем и остановилась перевести дыхание, упершись руками в колени, чтобы дать отдых мускулам спины. Потом, как ее учили, она походила по небольшой ровной площадке, дрыгая ногами и дыша ртом, пока дыхание не стало ровным. Она сняла с пояса фляжку и позволила себе отпить глоток, оросив сначала пересохший рот. Выплюнув воду, она сделала еще глоток, тонкой струйкой пропустив его в горло. Ночь была прохладная, и Тенна не слишком вспотела. Но долго стоять все равно нельзя, иначе можно простудиться.

Дыхание она восстановила быстро и осталась довольна собой. Она в хорошей форме. Тенна подрыгала ногами еще, чтобы снять напряжение, вызванное бегом в гору. Потом поправила пояс, проверила почтовую сумку и пустилась вниз с холма быстрым шагом. Для бега было слишком темно — Белиор еще не взошел над равниной и не осветли склон. Эту часть пути Тенна знала только понаслышке, а не по опыту. Она бегала всего только второй Оборот и уже проделала бóльшую часть своего первого Перехода, с легкостью покрывая короткие дистанции. Скороходы заботились друг о друге, и ни один станционный смотритель не стал бы перегружать новичка. Если повезет, на следующей седьмице она уже доберется до Западного моря. Так она выдержит свое первое испытание, как скороход. Осталось только пересечь Западный кряж — и она добежит до холда Форт.

На середине спуска она поняла, что миновала перевал, и, по привычке проверив сумку, сдвинула колени и понес-

лась вниз длинными прыжками, представлявшими собой гордость пернского скорохода.

Конечно, легендарные «прыгуны», те, что преодолевали по сотне миль за день, давно уже вымерли, но память о них все еще жила. Их выносливость и преданность делу служили примером всякому, кто бегал по пернским трассам. Первых скороходов, согласно легенде, было немного, но это они основали почтовые станции, когда во время первого Нитепада возникла потребность в быстрой доставке писем. «Прыгуны» обладали способностью впадать в своего рода транс, что позволяло им не только бегать на самые длинные дистанции, но и не замерзать в метель и в мороз. Они проложили также первые трассы, которые теперь разрослись в сеть, охватывающую весь континент.

Только старосты холдов и цеховые мастера могут себе позволить содержать верховников для своих почтовых нужд — обычные же люди свободно могут послать письмо любому цеху, или родственникам, или друзьям в почтовой сумке, которую передают от станции к станции. Посторонние иногда называют эти поселения холдами, но сами скороходы всегда говорят «станции». Станции, как и смотрители, — это неотъемлемая часть их ремесла. Барабаны хорошо передают короткие вести, если погода подходящая и ветер не мешает слышать дробь, — но пока люди будут писать письма, будут и скороходы, которые эти письма носят.

Тенна часто с гордостью думала о традиции, которую продолжала. В долгих одиноких пробегах была своя прелесть. Сейчас ей бежалось особенно хорошо: почва, хотя и твердая, пружинила под ногами благодаря покрытию, которое тщательно поддерживалось на трассах со времен первых бегунов. Упругий мох не только облегчал бег, но и обозначал дорогу. Бегун или бегунья сразу почувствует разницу, если ненароком собьется с трассы.

Белиор, медленно поднимаясь за спиной у Тенны, все лучше освещал дорогу, и девушка прибавила шаг. Она бежала легко, дыша без усилий, руки на уровне груди, локти прижаты к бокам. Незачем оставлять «рычаги», как говорил ее отец, которые цепляют ветер и тормозят бег. В такие време-

на, как теперь, когда дорога хорошая, света достаточно и погода прохладная, кажется, будто можешь бежать вечно. Пока не упрешься в море.

Тенна бежала, видя горы вокруг себя. Дорога опять пошла под уклон, и Белиор светил в полную силу. Завидев впереди ручей, она предусмотрительно сбавила скорость, хотя ей говорили, что дно там прочное, галечное. Она преодолела брод по щиколотку в холодной воде, взбежала на другой берег и слегка отклонилась к югу, узнав трассу по ее пружинистой поверхности.

Теперь она где-то на полдороги до холда Форт и к рассвету должна быть там. Это торная дорога — она ведет на юго-запад вдоль побережья в другие холды. Почти все, что Тенна несла с собой, предназначалось для жителей Форта — это будет конечная станция и для сумки, и для нее. Она столько наслышалась об удобствах Форта, что не совсем верила слухам. Бегуны склонны скорее преуменьшать, чем преувеличивать. Если бегун говорит тебе, что трасса опасная, этому веришь! Но о Форте рассказывали просто чудеса.

Тенна происходила из семьи бегунов: отец, дядьки, кузены, оба деда, братья, сестры, две тетки — все бегали по трассам, пересекающим Перн от мыса Нерат до Дальнего Плеса, от Бендена до Болла.

— Это у нас в роду, — говорила мать своим младшим детям. Сесила управляла большой почтовой станцией у Лемоса, в северном конце Керунской равнины, где растут большие небесные метлы. Странные это деревья — больше на Перне их нигде нет. В детстве Тенна думала, что на них отдыхают драконы Бенденского вейра, когда летают через континент. Сесила над этим смеялась.

— Пернские драконы в отдыхе не нуждаются, милая. Они летят, куда хотят, без остановки. Может, ты просто видела, как они охотятся — раз в неделю им надо поесть.

В бытность свою бегуньей Сесила совершала девять полных Переходов за один Оборот, пока не вышла за другого бегуна и не начала производить на свет будущих скороходов.

— От природы мы почти все худые и длинноногие, с объемистыми легкими и крепкими костями. Есть и такие, в

которых главная черта быстрота, а не выносливость, — они хороши на Собраниях, где пересекают финишную черту, пока другие топчутся на старте. В мире мы значим не меньше, чем холдеры или даже вейровцы. Каждый занимается своим делом — ткач и красильщик, фермер и рыбак, кузнец и скороход.

— В Песне Долга поется не так, — заметил младший братишка Тенны.

— Может, и не так, но я пою ее на свой лад, и ты так делай. Вот ужо поговорю с первым же арфистом, который к нам зайдет. Пусть изменит слова, если хочет, чтобы его письма доставлялись куда надо. — Сесила выразительно потрясла головой, давая понять, что разговор окончен.

Когда дети бегунов подрастали, их испытывали, чтобы проверить, способны ли они бегать сами. У Тенны ноги перестали расти, когда ей минуло полных пятнадцать Оборотов. Тогда ее представили бегуну из другого рода. Тенна очень волновалась, но мать, окинув свою долговязую дочку долгим понимающим взглядом, сказала в своей обычной небрежной манере:

— Девять детей я родила Федри, твоему отцу, и четверо уже бегают. Ты тоже побежишь, не бойся.

— А Седра?

— Да, твоя сестра вышла замуж и рожает детей, но она сделала два Перехода до того, как встретила своего суженого. Поэтому она тоже считается. Чтобы рожать хороших бегунов, надо самой быть бегуньей. — Сесила помолчала и продолжила, видя, что Тенна ее больше не прерывает: — В моем холде было двенадцать таких родов. Ты побежишь, девочка, можешь не сомневаться. Ты побежишь. — И мать засмеялась. — Весь вопрос в том, долго ли ты будешь бегать.

Тенна давно уже — с тех самых пор, как ей доверили нянчить младших, — решила, что лучше будет бегать, чем рожать бегунов. Будет бегать, пока ноги несут. Одна ее тетка так и не вышла замуж и бегала, пока не стала старше Сесилы, а тогда стала управлять соседней с ними станцией по пути на Иген. Тенна тоже была не прочь содержать станцию, если придется уйти на покой. Мать вела свою образцово, все-

гда имела наготове горячую воду для усталых бегунов, хорошую еду, мягкие постели, а лечебную помощь могла оказать не хуже, чем в холде. На станции не бывает скучно — никогда ведь не знаешь, кто прибежит сегодня и куда он направится дальше. Бегуны регулярно пересекали континент, принося новости со всего Перна. Они рассказывали много поучительного о трудностях на трассе и о том, как с ними справляться. От них узнавали о жизни холдов, цехов и единственного вейра, а также о том, что касается одних скороходов; каковы условия на дороге и где трасса нуждается в починке после сильных дождей или оползня.

Тенна испытала большое облегчение, когда отец сказал, что попросил Маллума с Телгарской станции ввести ее в бегуны. С ним она уже встречалась, когда он пробегал через Керунскую равнину. Как и другие скороходы, он был долговяз, длиннолиц и седеющие волосы связывал позади.

Родители Тенны не сказали, когда ждут Маллума, но в одно ясное утро он явился с сумкой на боку. Его прибытие отметили на доске у двери, и он с трудом доковылял до ближайшего сиденья.

— Ушиб пятку. Надо будет снова очистить южную трассу от камней. Могу поклясться, с каждым Оборотом на ней прорастают новые. — Он промокнул лоб оранжевой повязкой и поблагодарил Тенну, подавшую ему чашу с водой. — Сесила, сделаешь мне свою волшебную припарку?

— А то как же. Я поставила чайник, как только увидела, как ты плетешься по трассе.

— Я не плелся — просто старался не наступать на пятку.

— Не пытайся меня надуть, охромевший одер. — Сесила обмакнула мешочек с травами в кипяток и попробовала воду пальцем.

— Кто побежит дальше? Есть письма, которые надо срочно доставить на юг.

— Я их возьму. — Федри вышел из своей комнаты и закрепил повязку на голове. Скороходский пояс висел у него через плечо. — Насколько они срочные? У меня есть и другие, пришли утром с восточного перегона.

— Надо бы успеть к Игенскому Собранию.

— Ха! Туда-то я успею. — Федри взял сумку и добавил туда другие письма, прежде чем продеть в нее пояс. Сдвинув сумку на поясницу, он записал на доске время обмена. — До скорого.

Он вышел за дверь и устремился на юг аллюром, рассчитанным на долгую дистанцию, как только его ноги коснулись моховой дорожки.

Тенна, зная, что от нее требуется, уже поставила Маллуму под ноги скамеечку. Он кивнул, и она сняла с него правый башмак из отменно хорошей кожи. Маллум сам шил себе обувь, делая красивые, прочные швы.

Сесила опустилась на колени рядом с дочерью и склонила набок голову, разглядывая ушиб.

— Ого. С утра пораньше стукнулся, да?

— Да. — Маллум со свистом втянул в себя воздух, когда Сесила шлепнула припарку ему на пятку. — О-ох! Слушай, она у тебя не слишком горячая?

Сесила только фыркнула, ловко привязывая припарку к ноге.

— Это и есть твоя дочка, которую надо испытать? — Гримаса на лице Маллума постепенно разгладилась. — Самая красивая из всего выводка, — сказал он, усмехнувшись Тенне.

— С лица воду не пить. Ноги — вот что главное, — заявила Сесила. — Ее Тенной зовут.

— Ну, красота тоже не помешает. Я вижу, эта дочка в тебя пошла.

Сесила снова фыркнула, но Тенна заметила, что мать не возражает против таких слов. Сесила и правда была красива: все еще гибкая и стройная, с изящными руками и ногами. Тенне хотелось бы еще больше походить на мать.

— Хорошая нога, длинная. — Маллум сделал Тенне знак подойти поближе и осмотрел ее мускулы, потом попросил показать ступню. Скороходы много ходят босиком, а некоторые даже и бегают. — Хорошие кости и линии правильные. Мякоти бы только побольше, девочка, — не то ведь замерзнешь зимой. — Это была старая скороходская шуточка, но веселость Маллума ободряла, и Тенна радовалась, что это он ее экзаменует. Он всегда был очень мил во время своих кратких посещений станции 97. — Пробежимся немного завтра, когда ноге полегчает.

Прибыли новые бегуны, и Сесила с Тенной занялись делом, принимая почту, сортируя письма для обмена, подавая еду, грея воду для ванн, леча пострадавшие ноги. Была весна, а скороходы, как правило, надевали гетры только в сильные холода.

Довольно много народу осталось на ночь, так что было с кем поболтать, и Тенне недосуг было беспокоиться о завтрашнем дне.

Поздно ночью прибыла бегунья, следующая на север. Несколько ее писем следовало передать на восток. Маллуму стало намного легче, и он решил, что возьмет их.

— Как раз сгодится для испытания, — сказал он и велел Тенне прицепить почтовую сумку к поясу. — Я побегу налегке, девочка. — Это делалось больше для виду — сумка весила немногим больше, чем кожа, из которой была сделана. — Теперь покажи, как ты обута.

Она показала ему башмаки — самую важную часть снаряжения бегуна. Тенна пользовалась особыми фамильными маслами для смягчения кожи и кроила обувь по колодке, которую для нее сделал дядя — он обеспечивал ими всю семью. Швы у Тенны получались аккуратные, но не такие красивые, как у Маллума. Она намеревалась добиться большего совершенства, но и эти башмачки были неплохи и сидели на ноге как перчатки. Шипы были средней длины ввиду сухого сезона. Почти все бегуны на длинные дистанции брали с собой вторую пару с более короткими шипами для более твердой почвы, особенно весной и летом. Тенна сейчас трудилась над зимней парой, надеясь, что она ей понадобится. Зимние сапожки доходили до половины икры и требовали утепления — но даже они были легче обуви, которую носили холдеры. Поступь у холдеров, как правило, тяжелая, и кожа им нужна гораздо более толстая, чем бегунам.

Маллум, осмотрев башмаки, одобрительно кивнул. Потом проверил, достаточно ли плотно затянут пояс, чтобы не натирать поясницу на бегу, не давят ли ногу короткие штанишки и хорошо ли прикрывает спину безрукавка — она должна быть гораздо ниже талии, иначе можно простудить почки. Если ты слишком часто останавливаешься справить нужду, ритм бега нарушается.

— Что ж, пошли, — сказал Маллум, удостоверившись, что Тенна снаряжена как надо.

Сесила постояла в дверях, провожая дочь, а Тенна с Маллумом свернули на восточную трассу. Сесила испустила особый скороходский переливчатый крик, и они остановились. Она указывала на небо — там летели клином драконы, редкостное зрелище по нынешним временам.

Увидеть драконов в небе — лучшая из примет. Они скрылись из виду, и Тенна улыбнулась. Жаль, что скороходы не могут передвигаться столь же быстро, как драконы. Маллум, словно читая ее мысли, с усмешкой повернулся в нужную сторону, и все беспокойство Тенны как рукой сняло. Она догнала его на третьем шагу, и он опять одобрительно кивнул ей.

— Бегать — это не просто пятками сверкать, — говорил Маллум, не отрывая глаз от трассы, хотя должен был знать ее не хуже Тенны. — Прежде всего надо научиться соизмерять свой шаг. Надо знать поверхность дорожки, по которой бежишь. Надо уметь беречь силы, чтобы выдержать самый долгий перегон. Надо знать, когда перейти на шаг, когда попить и поесть, чтобы не слишком отяжелеть. Надо знать наикратчайшие способы Переходов и погоду, которая ждет тебя в пути... а на северных трассах приходится бежать и на лыжах. Полезно также вовремя спрятать в укрытие и дать непогоде пройти стороной. Так ты доставишь свою почту намного быстрее.

Тенна согласно кивала в ответ. Она все это слышала уже много раз от всех своих родственников и от каждого бегуна, бывавшего на станции. Но Маллума стоило выслушать еще раз. При этом она наблюдала за ним, чтобы посмотреть, не беспокоит ли его ушибленная пятка. Он заметил это и усмехнулся:

— Не забывай брать с собой вашу припарку на длинные перегоны, девочка. Никогда не знаешь, когда она может понадобиться. Вот и я не знал. — Он скорчил гримасу, напомнив Тенне, что даже самый лучший бегун может оступиться.

Все скороходы бегают налегке, но длинной оранжевой головной повязкой можно забинтовать растянутые связки. В промасленном мешочке не больше ладони хранится лоскут, пропитанный соком немейника, который одновремен-

но очищает царапины и унимает боль. Простые средства от наиболее частых повреждений. К этому можно добавить и мешочек с припаркой — она стоит своего веса.

Тенна преодолела перегон без труда, даже когда Маллум прибавил ходу на ровном месте.

— С красивой девушкой и бежать легче, — сказал он, когда они остановились ненадолго передохнуть.

Напрасно он столько говорит о ее красоте. Красота не поможет Тенне осуществить свою мечту — стать одной из первых бегуний.

Когда они к середине дня добрались до станции Ирмы, Тенна даже не запыхалась. Зато Маллум, перейдя на шаг и начав опираться на пятку, заметно захромал.

— Гм-м. Ну что ж, я могу переждать здесь денек и поставить еще припарку. — Он показал Тенне пакетик, достав его из кармашка на поясе. — Видишь — очень удобно.

Тенна с улыбкой похлопала по собственному карману.

Старая Ирма вышла к ним с усмешкой на иссушенном солнцем лице.

— Ну как, Маллум, годится она? — спросила старуха, дав обоим напиться.

— Еще как годится. Делает честь своему роду, да и бежать с ней не скучно, — весело заявил Маллум.

— Так я принята, Маллум? — спросила Тенна — ей нужен был прямой ответ.

— О да, — засмеялся он, прохаживаясь и подрыгивая ногами. Тенна делала то же самое. — Можешь не беспокоиться. Есть кипяток для припарки, Ирма?

— Сейчас закипит. — Вскоре Ирма вынесла из дому миску с кипятком и поставила ее на длинную скамью, непременную принадлежность каждой станции. Свес крыши защищает ее от солнца и дождя, а бегунов хлебом не корми, дай посмотреть, кто приближается по трассе, а кто отбывает. Длинная скамья, отполированная целыми поколениями задов, позволяла видеть все четыре дороги, сходящиеся у Ирминой станции.

Тенна по привычке достала из-под лавки ножную скамеечку, сняла с Маллума правый башмак и приложила размоченную в воде припарку к ушибу, а Ирма подала ей бинт, разглядывая между тем синяк.

— Еще денек, и все пройдет. Хорошо бы и на утро ее оставить.

— Ну нет. Когда еще представится случай пробежаться с такой красавицей.

— Эх, мужчины, — махнула рукой Ирма.

Тенна зарделась. Она начинала верить, что он не просто дразнится. Никто еще не говорил ей, что она красива.

— Этот перегон для испытания не подходит, Ирма. Он почти весь ровный, и покрытие хорошее, — сказала она, застенчиво улыбаясь Маллуму.

— Скажешь тоже! Не хватало еще по горам бегать.

— Найдется у тебя что-нибудь для Тенны на обратный путь? Чтобы она уж полную ходку сделала.

— Найдется. — Ирма подмигнула Тенне, как бы принимая ее в ряды пернских скороходов. — А пока можете поесть... суп готов, и хлеб тоже.

— Не возражаю. — Маллум ерзал от горячей припарки, которая пробирала даже его загрубевшую подошву.

Когда Тенна слегка перекусила, прибыли еще двое бегунов: незнакомый ей мужчина издалека, из Битры, с письмами для передачи на запад, и один из сыновей Ирмы.

— Я могу доставить это на девяносто седьмую, — сказала Тенна — такой номер носила их семейная станция.

— Вот и хорошо. — Мужчина отдувался после долгого пробега. — Только смотри, письма срочные. Как тебя зовут?

— Тенна.

— Дочь Федри? Хорошо, мне этого довольно. Готова отправиться в дорогу?

— Конечно. — Она протянула руку, скороход снял свою сумку, отметил на крышке время передачи и отдал ей. — А ты кто? — Тенна пристегнула сумку к поясу и передвинула за спину.

— Массо. — Он принял от Ирмы чашу с водой и махнул Тенне, чтобы отправлялась. С благодарностью помахав на прощание Маллуму, она побежала на запад, а Маллум проводил ее традиционным скороходским «йо-хо».

Домой она добежала быстрее, чем до Ирмы. На станции как раз оказался один из ее братьев, Силан. Он одобрительно хмыкнул, посмотрев на время передачи, сделал собственную пометку и понес сумку дальше на запад.

— Ну вот ты и принята, девочка, — обняла ее мать. — А потеть вовсе не обязательно, правда?

— Не всегда бывает так легко, — сказал со скамейки отец, — но ты показала хорошее время и хорошо начала. Я думал, ты вернешься только к вечеру.

Все лето, а потом и зиму Тенна бегала на короткие дистанции вокруг станции 97, закаляя себя для длинных перегонов. Ее уже знали на всех окрестных станциях. Самую долгую свою ходку она совершила в Серые Камни, на побережье, незадолго до сильной метели. Она одна находилась на станции 18, когда прибыл измученный скороход со срочными депешами, и пришлось ей сделать еще два перегона на север. Рыбачий баркас не мог прийти в порт, пока не поставят новую мачту, — между тем судно там ждали, и доставленное Тенной письмо оказалось очень кстати.

Такие срочные известия следовало бы передавать барабанным боем, но сильные ветры лишили бы послание всякого смысла. Трудной выдалась эта пробежка по приморским низинам — холод, ветер и снег. Тенна передохнула часок в одном из убежищ против Нити, часто встречавшихся на трассе, и все-таки покрыла дистанцию за короткое время, за что на ее поясе прибавилось еще несколько стежков — знак повышения.

Путешествие в холд Форт добавит ей еще два стежка, если она опять покажет хорошее время. И Тенна была уверена, что покажет... старые бегуны говорят, что такая уверенность приходит ко всем, кто бегает по трассам сколько-нибудь долго. Тенна научилась определять, сколько она пробежала, по собственным ногам. Сейчас в них нисколько не чувствовалось свинцовой тяжести, признака истинной усталости, и она по-прежнему бежала легко. Если судорога не схватит, она запросто добежит до станции 300 в Форт в том же хорошем темпе. Судорога всегда грозит бегуну, и настигает она без предупреждения. Тенна всегда носила с собой пастилки, которые жуют в таких случаях. А по возможности прихватывала и пригоршню целебных трав.

Не надо бы позволять своим мыслям так блуждать, но в такую хорошую ночь, когда бежится легко, трудно думать только о работе. Иное дело, если погода дурная или свет плохой. А местность здесь слишком людная для подземных

змей, которые бегуну опаснее всего — обычно эти твари выползают поохотиться на рассвете или в сумерки. Изменники встречаются, конечно, реже подземных змей, зато они опаснее — это ведь люди, а не животные. Впрочем, как сказать. Но бегуны редко носят при себе деньги, поэтому их не подкарауливают так, как верховых гонцов или других одиноких путников. Тенна не слышала, чтобы изменники нападали на кого-то так далеко на западе, но порой они бывают так злы, что способны задержать бегуна из одной вредности. За последние три Оборота было два случая, в северном Лемосе и Битре, когда скороходам подрезали поджилки просто так, ни за что.

Иногда, в особо суровую зиму, стая изголодавшихся вериев может напасть на бегуна в открытой местности, но такое случается редко. Змеи — вот самая вероятная опасность, особенно в середине лета, когда вылупляется молодняк.

Отец Тенны пострадал от них в позапрошлое лето. Он говорил, что просто удивительно, как быстро движется взрослая змея, если ее потревожить. Вообще-то они вялые, и только голод придает им проворство. Но он вступил прямо в гнездо, и змееныши поползли у него по ногам, кусаясь при этом — до самого паха добрались. (Тут мать подавила смешок и сказала, что тут не только отцова гордость могла пострадать.) На отце есть шрамы и от когтей, и от зубов.

В такие вот лунные ночи бегать одно удовольствие — прохладный воздух сушит потные лицо и грудь, тропа пружинит под ногами, и видно далеко. И можно думать о разном.

В Форте скоро будет Собрание — Тенна несла письма некоторым расположенным там цехам. Если бежишь в место Собрания или из него, сумка всегда тяжелеет — ремесленники, которые не могут присутствовать, извещают об этом старшину цеха. Может быть, если Тенне повезет, она сможет остаться на Собрание. Она давно уже на них не бывала, а ей надо купить хорошо выделанную кожу для новой пары беговых башмаков. На ее счету достаточно денег, чтобы уплатить хорошую цену: Тенна проверила это по книгам матери. Многие цеховики охотно принимают бирки почтовых станций, а у Тенны такая бирка лежит в поясном кармашке. Если попадется хорошая кожа, можно будет сторговаться даже за большую сумму, чем указано в бирке.

Притом на Собраниях всегда весело. Тенна хорошо танцевала и мастерски исполняла подлеталку — если находился

хороший кавалер. Форт — хороший холд, и музыка в нем должна быть отменная, поскольку там расположен цех арфистов.

Мелодии арфы звучали у Тенны в голове, хотя петь на бегу она не могла.

Дорожка описывала длинный поворот вокруг скопления скал — обычно трассы прокладывались по возможности прямыми, — и Тенна вернулась мыслями к насущным делам. Как раз за этой кривой трасса должна повернуть направо, в глубь суши, к Форту. Нужно быть внимательной, чтобы не пришлось потом возвращаться.

Внезапно земля под ногами задрожала, хотя Тенна не видала ничего за окружающей дорожку растительностью. Она насторожила уши и услышала «пуфф-пуфф», становившееся все громче. Это побудило ее сдвинуться влево с середины дорожки, где она могла бы получше разглядеть, что это такое пыхтит и сотрясает землю. Это почтовая трасса, а не проезжая дорога, но ни один бегун не мог издавать таких звуков и так топотать. На Тенну надвинулась какая-то темная громада, и она нырнула в кусты, а верховик вместе с всадником промчались на какой-нибудь палец от нее. На Тенну пахнуло ветром и запахом животного.

— Дурак! — прокричала она вслед. В рот ей набились листья и ветки, в руки вонзились колючки. Она поднялась на ноги и стала отплевываться. Листья оставляли горький, вяжущий вкус: неотвязка! Она упала в кусты неотвязки. В это время года у них на ветках появляются волосяные шипы — расплата за вкусные ягоды, поспевающие осенью.

А всадник даже не остановился, не вернулся посмотреть, не пострадала ли она. Не мог же он ее не заметить, не услышать ее крик. И как он смеет, прежде всего, скакать по почтовой трассе? Чуть севернее есть хорошая проезжая дорога.

— Ну, погоди ты у меня! — воскликнула Тенна в досаде, грозя кулаком.

Она вся тряслась, пережив такую опасность. Постепенно до нее стало доходить, что руки, ноги и грудь у нее покрыты царапинами — даже на щеке остались две метки. Топнув ногой от ярости, Тенна достала из кармашка платок с немейником и промокнула ссадины. Снадобье сильно щипало, Тенна даже зашипела сквозь зубы, но делать нечего:

нельзя, чтобы ядовитый сок попал в кровь, да и занозы оставлять нельзя. Из рук Тенна их выбрала, постоянно смачивая кожу немейником. Но занозы чувствовались и позади, между локтем и плечом... Тенна удалила, что могла, и прижимала к ранкам платок, пока не выжала из него всю влагу. Хорошо, если удастся избежать заражения, а вот от насмешек на станции ее уже ничто не спасет. Бегуны должны крепко стоять на ногах и сохранять равновесие. Но, с другой стороны, всаднику нечего делать на трассе. Что ж, легче будет отыскать виновника — он должен быть известен своей наглостью. И если она не сможет лично дать ему в глаз, ее, возможно, выручит другой скороход. Бегуны не стесняются обратиться с жалобой к старосте холда, если кто-то нарушает их права.

Сделав все, что можно, Тенна поборола гнев: он не поможет ей доставить сумку по назначению. И нельзя, чтобы гнев возобладал над рассудком. Она была на волосок от гибели, а отделалась пустяками. Подумаешь, поцарапалась! Однако ей было трудно снова набрать темп — а она так хорошо бежала, и конец перегона был так близок.

Верховник мог бы убить ее, растоптать при той скорости, с которой они оба бежали. Если бы она не догадалась свернуть вбок, хотя, кстати сказать, имела полное право бежать посередине... если бы не ощутила топота подошвами своих башмаков и не услышала, как пыхтит верховник... Тогда ее письма задержались бы надолго — или вовсе пропали бы.

Ноги у нее отяжелели, и она с трудом передвигала их. Наконец она поняла, что былой скорости не вернешь, и решила беречь силы.

Рассвет, забрезживший позади, не доставил Тенне ожидаемого удовольствия, и это привело ее в еще большее раздражение. Ничего, она еще узнает, кто этот лихой наездник! Еще скажет ему пару слов. Хотя вряд ли она, конечно, с ним встретится. Он ведь скакал ей навстречу. Раз он так торопился, то, может статься, вез письмо куда-нибудь далеко. Старосты холдов могут позволить себе такие услуги, и у них повсюду содержатся свежие верховники для подмены. Но гонец не должен был ехать по трассе для скороходов. Для верховых существуют дороги! Подковы могут повредить покров беговой дорожки, и смотритель станции часами будет

восстанавливать ущерб, нанесенный копытами. Трассы проложены только для бегунов. Негодующая Тенна постоянно возвращалась к этой мысли. Остается надеяться, что и другие бегуны на трассе услышат наездника вовремя! Вот почему нужно думать только о беге, Тенна. Если даже не подозреваешь ничего дурного. Ты думала, что находишься наедине с лунной ночью — а вышло по-иному.

Почтовая станция помещалась сразу же за главным входом в Форт. История гласила, что именно здесь бегуны появились впервые — они носили письма на короткие расстояния сотни и сотни Оборотов назад, еще до того, как построили барабанные башни. В Форте бегуны использовались для многих целей, особенно во время Нитепада, когда они сопровождали в качестве курьеров спасательные отряды. Даже постройка барабанных башен и распространение верховников не вывело бегунов из употребления. В этом узловом холде и станция была больше всех на Перне. Тенне говорили, что в ней три этажа и глубокие подвалы, врезанные в камень. А купальное помещение — одно из лучших на континенте: горячая вода сама бежит в глубокие ванны, веками снимающие с бегунов боль и усталость. Сесила настоятельно рекомендовала Тенне завернуть в Форт, когда та окажется на крайнем западе. И вот Тенна здесь. Скоро она оценит местные удобства.

Она очень устала и не просто сбилась с ритма — каждый шаг по широкой улице отдавался болью во всем теле. Руки жгло, и она надеялась, что в них больше не осталось заноз. Но даже рукам было далеко до ног.

Скотоводы, поднявшиеся рано, чтобы накормить животных, весело махали ей и улыбались — это вернуло Тенне частицу бодрого настроения. Ничего хорошего не будет, если она впервые явится на эту станцию не только поцарапанной, но вдобавок и надутой.

Здешний смотритель как будто чуял бегунов издалека — двойные двери распахнулись перед Тенной, как только она остановилась перед ними и взялась за шнур звонка.

— То-то я слышу — кто-то бежит. — Смотритель, приветливо улыбаясь, поддержал Тенну обеими руками. Это был один из самых старых людей, известных ей: лицо все в

морщинах и рытвинах, но глаза даже в столь ранний час ясные и смотрят весело. — Да еще и новенькая, хотя с виду ты как будто мне знакома. Приятно посмотреть на красивое личико в такое чудесное утро.

Отдышавшись в достаточной степени, чтобы назвать себя, Тенна вошла в большую переднюю. Там она сняла с пояса сумку, не переставая разминать ноги.

— Я Тенна и бегу с двести восьмой. Несу восточные письма, все для Форта.

— Добро пожаловать на трехсотую, Тенна. — Старик взял у Тенны сумку и тут же отметил ее прибытие мелом на тяжелой старой доске слева от двери. — Все сюда, говоришь? — Он подал ей воды, прежде чем открыть сумку и посмотреть на адреса.

Тенна с чашей в руке опять вышла наружу, потряхивая ногами. Для начала она прополоскала рот и выплюнула воду на булыжник, а потом уж отпила глоток. Это была не просто вода, а освежающее питье, увлажняющее пересохшие ткани.

— Я гляжу, этот перегон нелегко тебе дался. — Старик, выйдя на порог, указал на ее ссадины. — На что это ты налетела?

— На неотвязку, — сквозь зубы ответила она. — Верховник налетел на меня там, где кривая идет вокруг холма... всадник скакал по трассе, хотя должен был знать, что это запрещено. — Тенна сама удивилась злости, с которой это выпалила — она собиралась говорить строго по-деловому.

— Не иначе как Халигон, — нахмурился смотритель. — Я видел, как он помчался в загон для верховников около часа назад. Я предупреждал его, чтобы не ездил по нашим трассам, — а он говорит, что так он сбережет полчаса времени. Это, говорит, экс-пе-ри-мент.

— Он чуть не убил меня. — Тенна разозлилась еще пуще.

— Скажи ему это сама. Может, хорошенькая бегунья и вобьет ему что-то в башку — а то, сколько он ею ни стукается, все без толку.

Поведение старика уверило Тенну в том, что гневается она справедливо. Одно дело — злиться в одиночку, другое — получить подтверждение, что имеешь на это право. Она почувствовала себя отомщенной. Хотя неясно, почему хоро-

шенькой проще свести с кем-то счеты. Она может залепить оплеуху не хуже самого безобразного бегуна.

— Тебе надо долго отмокать с твоими-то занозами. Ты ведь их обработала там, на месте? — Тенна кивнула, раздраженная тем, что он принимает ее за дурочку, а старик добавил: — Пришлю жену поглядеть на твои царапины. Теперь не то время Оборота, чтобы падать в неотвязку. — Тенна усердно закивала. — Тем не менее ты добежала сюда от двести восьмой за короткое время. Мне нравится это в молодых. Показывает, что у тебя есть не только смазливое личико. Теперь ступай наверх, свернешь по коридору направо, четвертая дверь слева. Остальные еще не вставали. Полотенца на полках. Одежду оставь там: к вечеру ее выстирают и высушат. Тебе надо будет хорошо подкрепиться после ночного пробега, а потом выспаться как следует. Все к твоим услугам, бегунья.

Тенна поблагодарила, направилась к лестнице и попыталась поднять по ней деревянные колоды, в которые превратились ее ноги. Хорошо, что ступеньки были покрыты ковром — иначе она бы попортила дерево шипами. Впрочем, этот дом и выстроен для бегунов, у которых шипы на подошвах.

— Четвертая дверь, — повторила она про себя, толкнула эту дверь и оказалась в самой просторной из виденных ею купален. Пахло здесь приятно и свежо. Такой даже в Керунском холде не водилось. У задней стены стояло пять ванн, снабженных занавесками. Еще здесь находились два мягких массажных стола, а под ними на полках помещались масла и мази. От них-то, наверное, и пахло так хорошо. В комнате было жарко, и Тенна снова вспотела — так, что все ссадины зачесались. Справа от двери размещались кабинки для переодевания, и громадные полотенца лежали стопкой выше ее головы, а Тенна была не из маленьких. На полках лежали также короткие штаны и рубашки для всякой погоды, и толстые носки, греющие усталые ноги. Тенна взяла полотенце, мягкое и ворсистое, большое, как одеяло.

В ближней к ваннам кабинке она разделась, с привычной аккуратностью сложив вещи. Повесила полотенце на крючок у ванны и погрузилась в теплую воду. Ванна была

выше ее — когда Тенна стала ногами на дно, над головой осталось еще на ладонь воды. Чудеса!

Настоящая роскошь. Почаще бы бегать в холд Форт. От воды ссадины защипало, но это было ничто по сравнению с покоем, который ванна давала усталым мускулам. Тенна наткнулась на изогнутый карниз в нескольких дюймах под водой и сообразила, что на него можно положить голову и плавать на поверхности в свое удовольствие. Она не знала, что купание может быть таким восхитительным. Каждый мускул в теле размяк, и Тенна блаженствовала.

— Тенна! — позвал женский голос ласково, словно боясь испугать одинокую купальщицу. — Я Пенда, жена Торло. Он послал меня к тебе. У меня есть травы для ванн, которые помогут заживить царапины. В эту пору лучше неотвязку не задевать.

— Я знаю. И буду благодарна за помощь. — На самом деле Тенне не хотелось открывать глаз, но из вежливости она переместилась к краю ванны.

— Дай-ка я посмотрю, нет ли у тебя ранок поглубже. Плохо это дело весной, когда соки бродят. — Пенда подошла к ванне странной кособокой походкой — видимо, когда-то она повредила себе бедро, но давно приспособилась к своему увечью. — Да ты просто красавица, — улыбнулась она Тенне. — Хорошенько задай Халигону, когда увидишь его опять.

— Но как я его узнаю? — спросила Тенна резко, хотя сама очень желала такой встречи. — И какая разница, красивая я или нет?

— Халигон любит красивых девушек, — подмигнула Пенда. — Мы позаботимся, чтобы ты задержалась у нас подольше и могла увидеться с ним. Может, хоть ты чего-нибудь добьешься.

Тенна засмеялась и по знаку Пенды выставила наружу руки.

— Гм-м. Большей частью мелкие ссадины, но на ладонях есть занозы. — Пенда провела по ладоням Тенны до странности мягкими пальцами, и девушка содрогнулась от неприятного ощущения. — Мокни подольше — это полезно. Так их легче будет извлечь. Неотвязка — хитрое растение, так и впивается в тебя, но вот это нам поможет. — Пенда извлекла из глубокого кармана передника пригоршню пу-

зырьков и выбрала один. — Ничего нельзя оставлять на волю случая, — продолжала она, отмерив двадцать капель в ванну. — И воду вычерпывать не надо. Она сама сойдет, и когда в ванну сядет кто-то другой, вода будет чистая. Я выну занозы, когда ты отмокнешь. Растереть тебя потом? Или сначала поспишь?

— Да, можно растереть, спасибо. А после уж лягу.

— Я принесу тебе поесть.

Тенна вспомнила купальню на родительской станции и усмехнулась. Никакого сравнения с этой, хотя Тенна всегда гордилась тем, какая у них длинная ванна: даже самые высокие бегуны в ней помещаются. Но под котлом все время нужно поддерживать огонь, чтобы нагреть воду в нужном количестве. Не то что тут, где вода уже горячая и в ванну можно залезть сразу. Травы придавали воде аромат, смягчая ее, и Тенна опять расслабилась.

Она почти уже спала, когда вернулась Пенда с подносом, содержащим клаг, свежевыпеченный хлеб, горшочек с вареньем из неотвязки и миску каши.

— Письма уже вручены адресатам, так что можешь спать спокойно — ты сделала свое дело.

Тенна подчистила все до последней крошки. Пенда тем временем смешала массажные масла, испускавшие густой аромат. Потом Тенна легла на стол, а Пенда принялась извлекать щипчиками занозы — всего девять. Она втерла в кожу еще какие-то снадобья, и зуд совершенно прошел. Тенна вздохнула, и Пенда стала разминать ее мускулы и связки нежной, но твердой рукой. При этом она обнаружила новые занозы на тыльной стороне рук и ног, которые успешно и удалила. И снова мягкие, успокаивающие касания.

— Ну вот. Теперь ступай в третью дверь слева, Тенна.

Девушка, преодолев приятное оцепенение, туго обмоталась полотенцем. Грудь у нее, как и у большинства бегуний, была маленькая, но это и к лучшему.

— Не забудь вот это. — Пенда подала ей беговые башмаки. — Одежда твоя будет чистой и сухой, когда проснешься.

— Спасибо, Пенда, — от души сказала Тенна. Надо же, какая она сонная — чуть не забыла свои драгоценные башмаки!

Она прошлепала по коридору в толстых носках, которые надела ей Пенда, открыла третью дверь и при свете, падающем сзади, рассмотрела, где стоит кровать. Потом прикрыла дверь, добралась в темноте до своего ложа, сбросила полотенце, нашарила одеяло, сложенное в ногах, натянула его на себя и тут же уснула.

Чей-то веселый смех и шаги в коридоре разбудили ее. Кто-то наполовину приоткрыл световую корзинку, и Тенна увидела свою одежду, чистую, сухую и аккуратно сложенную на табурете, под который она бросила свои башмаки. Тенна спохватилась, что, ложась, даже носков не сняла. Она пошевелила в них пальцами — ничего, не болят. Кисти рук затекли, но жара в них не чувствовалось — значит, Пенда вынула все занозы. Однако кожа на левой руке и ноге как будто онемела, и Тенна откинула одеяло, чтобы осмотреть их. Она ничего не увидела, но левая рука сзади у плеча была подозрительно горячей, так же обстояло и с правой ногой. Тенна обнаружила пять больных мест и только потом заметила, что на ногах появились красные вздутия — две на бедре, одно на левой икре и еще две на правой, около берцовой кости. Она пострадала сильнее, чем ей казалось. Занозы неотвязки способны въедаться сквозь мясо в кровь. Если какая-нибудь попадет в сердце, человек может умереть. Тенна со стоном поднялась с постели и потрясла ногами — мускулы, благодаря Пенде, не болели. Она оделась, сложила одеяло и вернула его на прежнее место.

Идя к лестнице, она миновала купальню, где слышались мужские голоса и смеялась женщина. Снизу пахло жареным мясом, и в животе у Тенны заурчало. Коридор, ведущий в общую комнату, освещался узким окошком, и она поняла, что проспала большую часть дня. Может быть, ее ссадины следует показать лекарю, но Пенда знает, что делать, не хуже цехового врача... а может, и лучше, поскольку она жена смотрителя станции.

— Ага, как раз к ужину поспела, — сказал Торло и тем привлек к Тенне внимание бегунов, собравшихся в комнате. Он представил ее остальным. — Ранним утром она столкнулась с Халигоном, — добавил он, и Тенна по кивкам и гримасам поняла, что этот наглый малый известен всем.

— Я говорил старосте Грогху, что несчастье непременно случится, — сказал бегун средних лет, — и что он тогда будет делать? Так я ему и сказал. Непременно, мол, кто-нибудь пострадает оттого, что какой-то неслух не желает считаться с нашими правами. Ты не единственная, кто с ним сталкивался, — сказал мужчина Тенне. — Ты разве не слышала, как он скачет?

— Она говорит, что это произошло на кривой, — ответил за Тенну Торло.

— Да, скверное место. Бегун не видит, что у него впереди, — сочувственно закивал второй мужчина. — Ты, я вижу, поцарапалась? А Пенда полечила тебя? — Тенна кивнула. — Ну, тогда все в порядке. Мне сдается, я видел твою родню на трассах. Ты ведь дочка Федри и Сесилы, верно? — Бегун торжествующе улыбнулся остальным. — Ты лучше нее, а она была красивая женщина.

Тенна решила не обращать внимания на комплимент и подтвердила, что она действительно дочь своих родителей.

— А вы бывали на девяносто седьмой станции? — спросила она.

— Как же, бывал пару раз. — Пояс этого бегуна был весь испещрен стежками.

Торло, подойдя к Тенне, осмотрел ее левую руку сзади, где ей самой было не видно, и заметил:

— Занозы.

Бегуны тоже подошли посмотреть, а удостоверившись, вернулись на места.

— Иногда я спрашиваю себя, стоят ли эти ягоды зловредных весенних заноз, — сказал ветеран.

— Худшее время Оборота, чтобы упасть в эти кусты, — снова сообщили Тенне.

— Мислер, сбегай-ка к лекарям, — велел Торло.

— Не думаю, что это необходимо, — сказала Тенна. Лекарям надо платить, и ей может не хватить на кожу.

— Раз на тебя наскочил верховик старосты, староста за это и заплатит, — подмигнул Торло — он понял причину ее колебаний.

— Когда-нибудь ему и пеню придется платить, коли он не укротит Халигона и не заставит его убраться с наших

трасс. Что, копыта здорово попортили дорожку? — спросил Тенну другой скороход.

— Нет, — пришлось сознаться ей. — Покрытие не пострадало.

— Ну что ж, так и надо — оно ведь пружинистое.

— Все равно нельзя допускать, чтобы Халигон носился по трассам, точно они для него построены.

Мислер отправился, куда ему велели. Каждый из присутствующих назвал Тенне свое имя и станцию, и ей налили вина. Она замялась, но Торло заявил:

— Сегодня ты никуда не бежишь, девочка.

— Но мне надо закончить свой Первый переход, — жалобно сказала Тенна, взяв стакан и сев на свободное место.

— Непременно закончишь, девочка, — заверил ее первый бегун, Гролли, подняв бокал в ее честь. Остальные последовали его примеру.

Решив, что ни царапины, ни занозы не помешают ей достигнуть западного побережья, Тенна пригубила вино.

Купальщики спустились вниз, и им тоже налили. Тут вернулся Мислер, а за ним вприскочку поспешал человек в одежде лекаря.

Лекарь сказал, что его зовут Бевени, и пригласил Пенду присоединиться к нему — это понравилось Тенне, и она сразу прониклась уважением к этому человеку. Консилиум проходил прямо здесь, в общей комнате, поскольку пострадали открытые части тела. Бегуны же, искренне заинтересованные, предлагали свои советы — многие из них знали, какие травы следует применять и как эти средства подействовали в таком-то случае. Бевени только улыбался — он уже привык к скороходским подковыркам.

— Мне думается, вот здесь и в двух местах на ноге еще остались занозы, — сказал наконец он. — Но припарка за ночь все вытянет, я уверен.

Зрители важно закивали и заулыбались. Обсудили, какую припарку следует применить, и выбрали нужную. Тенну тем временем усадили на удобный мягкий стул и поставили ей под ноги скамеечку. Вокруг нее еще в жизни так не хлопотали, но она видела, как отец и мать заботятся о занемогших бегунах на своей станции. То, что она оказалась в центре внимания, да еще на станции Форда, до крайности смущало

Тенну, и она всячески пыталась показать, что раны у нее пустячные. Впрочем, она показала пакетик с материнской припаркой, и трое бегунов высказались в пользу лекарства Сесилы — но оно предназначалось для лечения ушибов, а не от заражения, и лекарь посоветовал Тенне приберечь его.

— Надеюсь, конечно, что оно тебе не понадобиться, — улыбнулся он, запаривая в кипятке, принесенном Пендой, ароматную смесь, одобренную всеми присутствующими.

Сознавая, что она должна проявить как скромность, так и терпение, Тенна приготовилась к лечебной процедуре. Горячие припарки, при всей своей целебности, вещь неудобная. Бевени между тем ловко приложил горячую смесь — каждая порция была не больше ногтя большого пальца — ко всем больным местам. Он рассчитал верно — припарки оказались не слишком горячи. На каждую он наложил лоскуток и завязал бинтами, которые дала ему Пенда. Тенна чувствовала каждую из десяти припарок, но это ощущение не было неприятным.

— Завтра я посмотрю твои ранки, Тенна, но думаю, что беспокоиться больше не о чем. — Бевени сказал это с таким убеждением, что Тенне сразу полегчало.

— О чем же беспокоиться на станции Форт, когда лекарский цех под рукой. — Торло учтиво проводил лекаря до двери и еще постоял на пороге, пока тот не ушел. — Славный он парень. — И смотритель улыбнулся Тенне. — А вот и еда.

Очевидно, ужин задержали ввиду лечения Тенны — теперь Пенда сразу ввела в зал слугу, несущего блюдо с жарким, а за ним шли другие с дымящимися мисками.

— Роза, — сказала Пенда одной из бегуний, — дай-ка доску. А ты, Спация, возьми вилку и ложку для Тенны — ей надо вставать с места. Гролли, ее стакан пуст... — Сама хозяйка, раздавая поручения, резала жареное мясо с ребрышками. — Остальные подходите ко мне.

Тенна смутилась заново, хотя Роза и Спация прислуживали ей с полной охотой. Она всегда сама прислуживала другим и не привыкла к обратному. Но скороходы всегда готовы помочь друг другу — просто ей еще не доводилось испытать это на себе.

Тем временем с юга и с востока прибыли новые бегуны. Когда они искупались, им тоже рассказали о том, как Хали-

гон согнал Тенну с дорожки и как сильно она из-за этого занозилась — даже лекаря пришлось вызвать. У Тенны создалось впечатление, что почти все здесь имели дело с этим негодяем Халигоном — или знали тех, кто имел. После того как эту историю поведали всем и каждому, разговор перешел на Собрание, которое начиналось через три дня.

Тенна только вздохнула про себя. Три дня? К тому времени она совсем поправится, и придется ей бежать дальше. Уж очень ей хотелось получить несколько стежков за первый Переход. Это важнее Собрания, даже если оно происходит в Форте. Впрочем, как сказать. Пусть это не последнее Собрание в ее жизни, в холд Форт она может больше не попасть.

Для обеих девушек эта станция была родной. У Розы из-под шапки тугих темных кудряшек выглядывало бойкое личико с озорными глазами. Спация с длинными светлыми волосами, связанными по-скороходски сзади, имела более серьезный вид, но молодых бегунов задирала почем зря. Для Тенны спели несколько новых песен, сочиненных арфистами. Роза вела, Спация вторила, и еще двое мужчин подпевали им, а третий подсвистывал. Вечер получился очень приятным — отчасти и оттого, что Гролли и Торло то и дело подливали Тенне вина.

Роза и Спация помогли ей подняться наверх, поддерживая с обеих сторон: чтобы бинты не размотались, сказали они. Девушки обсуждали, что они наденут на Собрание и с кем будут танцевать.

— Завтра мы бежим, — сказала Роза, когда они довели Тенну до постели, — так что нас, вероятно, уже не будет, когда ты встанешь. Авось припарки тебе помогут.

Девушки пожелали Тенне доброй ночи. Голова у нее кружилась, но приятно, и она быстро погрузилась в сон.

Торло принес ей завтрак, как только она проснулась.

— Ну как, сегодня уже не так болит?

— Все бы ничего, но вот нога... — Тенна откинула одеяло, чтобы он мог посмотреть.

— Гм-м. Надо будет еще полечить. Под углом вошло. Позову Бевени.

— О-о... стоит ли? Ведь Пенда знает, что назначил лекарь.

— Знать-то она знает, но нужно, чтобы именно лекарь заявил о твоих ранениях старосте Грогху.

Тенни испугалась. Бегуны не обращаются к старостам без веских причин — а ее увечья не столь уж серьезны.

— Не спорь, молодая бегунья, — погрозил ей Торло. — Я, как смотритель, говорю тебе, что мы пойдем с этим к старосте, чтобы впредь такого не случалось.

Бевени посоветовал подольше полежать в ванне и снабдил Тенну вяжущим, чтобы добавить в воду.

— Я оставлю Пенде травы для припарки. Надо вытянуть эту последнюю занозу. Видишь? — И он показал Тенне тоненькие, почти невидимые волоски, вышедшие из руки. — Надо, чтобы их дружок тоже вышел, а не оставался в тебе.

Бевени аккуратно переложил все три подушечки с занозами стеклянными пластинками и связал их вместе.

— Мокни не меньше часа, Тенна. Нельзя, чтобы волосок ушел еще глубже в тело.

Тенна содрогнулась при одной мысли об этом.

— Не беспокойся. К вечеру он выйдет. И ты еще потанцуешь с нами.

— Но я должна буду бежать, как только смогу.

— Что? Хочешь лишить меня удовольствия танцевать с тобой? — усмехнулся Бевени. И заявил серьезно, по-лекарски: — Я пока не могу разрешить тебе бежать. Надо, чтобы ранки сначала зажили. Особенно на голени — туда может попасть пыль, и воспаление возобновится. На первый взгляд они не кажутся страшными, но я лечил многих бегунов и знаю, что им может грозить.

— Хорошо, — покорилась Тенна.

— Вот и славно. — Бевени потрепал ее по плечу. — Ты еще завершишь свой первый Переход — а теперь отдыхай. Вы, бегуны, — особая порода.

И он ушел, а Тенна отправилась в купальню.

Роза, Спация, Гролли — словом, все бегуны станции Форт — сновали туда-сюда. Им все время приходилось разносить срочные послания, которые шли невесть откуда и цеховикам, и старосте, и арфистам.

— Ты на нас не смотри, — сказала Роза Тенне, когда та сочла, что и ей пора внести свою лепту. — Перед Собраниями всегда так бывает, и мы всегда ворчим, но Собрание все искупает. Да, кстати! Тебе ведь и надеть нечего!

— О, не беспокойся за меня...

— Чепуха, — сказала Спация. — Почему бы не побеспокоиться? — Оглядев длинную Тенну, она покачала головой. — Из нашего тебе ничего не подойдет. — Обе девушки были ниже Тенны на целую голову и при всей своей стройности имели более крепкое сложение.

Но вот они повернулись друг к другу, щелкнули пальцами и хором вскричали:

— Сильвина!

— Пошли. — Спация схватила Тенну за руку. — Ведь ты уже можешь ходить?

— Да, но...

— Тогда вперед, бегунья. — Роза подхватила Тенну под другую руку и помогла ей встать. — Сильвина — старшина цеха арфистов, и у нее всегда что-то есть под рукой.

— Но я... — И Тенна умолкла, видя по решительным лицам двух бегуний, что спорить бесполезно.

— Вы ведете ее к Сильвине? — спросила Пенда, показавшись из кухни. — Вот и хорошо. У меня ничего нет для нее, а она должна предстать во всем блеске перед этим негодником Халигоном.

— Почему? — насторожилась Тенна. Зачем надо быть в полном блеске, чтобы задать кому-то взбучку?

— Чтобы поддержать репутацию станции Форт, — с лукавой усмешкой пояснила Роза. — У нас своя гордость. Ты, может, и не здешняя, но гостишь у нас и потому должна выглядеть прилично.

— Ты и теперь хороша, — поспешно вставила Спация, чуть более тактичная, чем Роза, — но мы хотим, чтобы ты стала еще лучше.

— Как-никак, это твое первое Собрание в Форте...

— И ты почти закончила свой первый Переход.

Им невозможно было противиться, да Тенна и правда не могла появиться на Собрании в наряде скорохода, а больше у нее ничего не имелось.

В этот вечерний час Сильвина занималась ежедневными счетами и очень обрадовалась, что к ней пришли. Она отвела девушек в гардеробную в подвалах цеха.

— Мы всегда держим наготове несколько платьев на случай, если певица захочет надеть цвета арфистов. Ты ведь не против голубого цвета? — Сильвина прошла ко второй запертой двери. — На мой взгляд, голубое будет тебе очень к лицу. — У нее был такой приятный голос, что Тенна больше прислушивалась к нему, чем к словам. — И одно платье должно тебе подойти.

Сильвина открыла шкаф и достала длинное платье с пышными рукавами и такой красивой вышивкой, что все три девушки так и ахнули.

— Что за прелесть. Я не могу надеть такую дорогую вещь, — воскликнула Тенна, попятившись.

— Вздор. — И Сильвина жестом велела Тенне скинуть скороходскую безрукавку.

Тенна осторожно накинула платье, и нежное прикосновение ткани к коже вызвало в ней особое чувство. Она попробовала покружиться, и длинная юбка закрутилась вокруг ее ног, а рукава вздулись. Ни одно платье еще так не шло ей, и она внимательно изучала его покрой на будущее, когда наберет побольше денег и сможет сшить себе собственное платье для Собраний. То, что осталось дома, с этим даже сравниться не могло. Неужели она будет танцевать в таком чудесном наряде? А вдруг она что-нибудь на него прольет?

— Прямо не знаю... — начала она, глядя на подруг.

— А что тут знать-то? — вознегодовала Роза. — Темно-голубое так идет к твоей коже и глазам... они тоже голубые или кажутся такими из-за платья? А сидит, как будто на тебя сшито!

Тенна опустила глаза на декольте. Та, для кого это шили, в груди была немного полнее. На Тенне лиф топорщился.

Сильвина порылась в ящике, извлекла оттуда две накладки и так ловко пристроила их на Тенну, что та и слова поперек не успела сказать.

— Вот так-то лучше, — хихикнула Спация. — Я тоже подкладываюсь. Но нам, бегуньям, лишние выпуклости ни к чему.

Тенна осторожно пощупала свою исправленную фигуру, посмотрелась в зеркало и увидела, что вырез теперь выглядит гораздо лучше и она стала более... более... словом, платье лучше сидит. Ткань такая гладкая — приятно чувствовать ее на себе. И этот голубой цвет...

— Да ведь это цвет арфистов, — с удивлением сказала она.

— Ну конечно, — засмеялась Сильвина. — Только это пустяки. Наденешь скороходскую эмблему... хотя сейчас ты не похожа не бегунью, уж извини за откровенность.

Тенна не могла не признать, что ее фигура изменилась к лучшему после этой маленькой поправки. Платье облегало ее тонкую талию, а юбка придавала пышность слишком узким бедрам.

— А эти подушечки... они не выпадут, когда я буду танцевать?

— Сними платье, и я пришью их на место, — сказала Сильвина. Она сделала это в один миг и тут же перекинула платье через руку Тенны.

— А туфли-то! — сказала Спация. — Не может же она надеть башмаки на шипах!

— На Собрание являются такие увальни, что с ними шипы будут в самый раз, — заметила Роза. — К ней не один Халигон будет подкатываться.

Сильвина окинула взглядом длинные, узкие ступни Тенны и достала с одной из полок коробку.

— Что-то должно подойти даже на узкую ногу бегуньи. — И она извлекла пару мягких, до щиколотки, черных замшевых сапожек. — Вот примерь-ка.

Эта пара не подошла, но четвертая, темно-красная, оказалась лишь чуточку великовата.

— Наденешь толстые носки, и все будет в порядке, — заявила Спация.

Тенна бережно донесла платье до станции, а сапожки и нижнюю юбку, добавленную Сильвиной, Роза и Спация взяли на себя.

Последняя заноза вышла на следующее утро, и Бевени добавил ее к остальным, вручив весь пакет с уликами Торло. Тот удовлетворенно усмехнулся:

— Это докажет старосте, что наша жалоба вполне законна. — Смотритель выразительно кивнул Тенне. Она хотела возразить, и он добавил: — Но это будет уже после Собрания — сейчас он слишком занят, чтобы нас принять. А если Собрание пройдет удачно, то и настроение у старосты будет лучше. Поэтому тебе придется задержаться у нас.

— Но на короткие-то дистанции я ведь могу бегать?

— М-м-м, ну что ж... если такой пробег подвернется... Не любишь сидеть без дела, да, девочка? А ты, лекарь, что скажешь?

— Короткие пробежки по ровному месту допускаются. Там, где Халигон уже никак не может оказаться. — Бевени лукаво улыбнулся и ушел.

Ближе к полудню, когда Тенна сидела на наружной скамье и смотрела, как ставят палатки к Собранию, Торло окликнул ее:

— Сбегай-ка в порт, ладно? Барабаны только что передали о прибытии корабля с грузом для Собрания. Надо взять у них декларацию. — Он подвел Тенну к большой карте холда Форт и его окрестностей и показал ей дорогу. — Трасса прямая. До порта бежишь все время под горку, а обратно не слишком круто.

Хорошо было пробежаться снова, и хотя в последние дни похолодало, Тенна быстро согрелась. Капитан с радостью вручил ей декларацию. Корабль разгружался, и моряку хотелось доставить груз в Форт до начала Собрания и получить оплату за фрахт. Тенна пообещала отдать декларацию в надлежащие руки еще до обеда.

У капитана имелась также целая сумка писем с восточного побережья, адресованных в Форт, так что Тенна отправилась назад с увесистой ношей. Дорога шла немного в гору, но девушка не сбавляла шага, хотя правая голень и побаливала немного.

Теплая купель в одной из замечательных ванн снимает боль — а завтра начнется Собрание.

Ночью на станции стало полным-полно народу — бегуны с других станций прибывали на Собрание. Тенна ночевала в одной комнате с Розой и Спацией, и к ним поставили четвертую кровать для Дельфи, бегуньи с юга. Комната была

фасадная, с окном, и в нее доносился шум уличного движения, но Тенна так крепко спала, что ничего не слышала.

— Твое счастье — по дороге всю ночь ходили и ездили, — сказала ей Роза. — Давай поедим снаружи — тут столько народу. — И девушки устроились завтракать на скамейке у входа.

За столом были свободные места, но там бы им пришлось сидеть отдельно — уж лучше поесть на свежем воздухе. Пенда и ее работницы совсем захлопотались, разливая клаг и раздавая хлеб, сыр и кашу.

Сидеть снаружи было гораздо интереснее. Тут столько всего происходило! Повозки с двух сторон въезжали на предназначенное для них поле. Палатки, еще вчера представлявшие собой голые щиты и доски, украсились цветами и эмблемами разных цехов, а на широком дворе перед ратушей ставились новые. Посередине сооружался помост для танцев и другой — для арфистов. У Тенны дух захватывало от восторга. Она ни разу еще по-настоящему не видела Собрания... особенно в таком большом холде, как Форт. Пробежавшись вчера, она уже не беспокоилась так из-за того, что не спешит закончить свой первый Переход. Зато она видела драконов над Фортом.

— Как они прекрасны, — сказала она. Роза и Спация тоже смотрели, как грациозные существа слетают вниз и как спешиваются нарядные погонщики.

— Да, — как-то странно ответила Роза. — Только бы перестали толковать о том, что Нить может вернуться. — Она содрогнулась.

— Ты думаешь, этого не будет? — Тенна уже несколько раз бегала на станцию Бенден и знала, что вейрцы уверены в неизбежности Нитепада. Разве Красная Звезда не показалась в Скальном Оке на зимнее солнцестояние?

— Все может быть, — пожала плечами Роза, — но это очень затруднит нашу работу.

— Я заметила, что все нитеубежища около Бендена починены, — сказала Тенна.

— Конечно — ведь глупо было бы рисковать, — заметила Спация. — Вот уж не хотелось бы мне застрять в одной из этих будок, когда кругом падает Нить. Шкаф в гардеробной у Сильвины и то больше. А вдруг убежище прохудится, и

туда попадет Нить, и я не смогу выбраться? — Спация изобразила на лице ужас и отвращение.

— Ну, до этого не дойдет, — уверенно сказала Роза.

— Но староста Грогх убрал всю зелень вокруг ратуши, — указала Спация.

— Столько же из-за Собрания, сколько по настоянию погонщиков драконов, — беззаботно бросила Роза. — Ага, вон скороходы из Болла! — Она вскочила и стала махать бегунам, которые клином приближались по южной дороге.

Они бежали без усилий, в лад, точно отрепетировали это заранее. Как красиво, подумала Тенна, и в груди у нее стало тесно от гордости.

— Наверное, они отправились в дорогу ночью, — сказала Роза. — Ты не видишь Клива, Спация?

— В третьем ряду сзади. Уж его-то проглядеть нельзя! — Спация подмигнула Тенне и шепнула ей на ухо: — Она убедила себя, что его не будет... Ха!

Тенна усмехнулась: теперь-то она поняла, почему Розе захотелось завтракать снаружи и почему она послала Спацию за новой порцией клага.

И Собрание, словно прибытие бегунов послужило знаком, как-то сразу началось. Все палатки оделись тканью, и первая смена арфистов на помосте приготовилась играть. Роза указала на широкие ступени ратуши — там появились староста с супругой, оба в коричневых праздничных одеждах. Они сходили вниз, чтобы торжественно открыть Собрание. Их сопровождали погонщики драконов и родственники старосты, молодые и старые. Роза уже говорила, что у Грогха большая семья.

— Давай поглядим на открытие, — сказала Спация Тенне. Роза последовала за Кливом на станцию, чтобы помочь Пенде подать боллцам завтрак.

Со скамьи было отлично видно, как староста с женой обходят площадь.

— Вот Халигон, — показала вдруг Спация.

— Где?

— Вон тот, в коричневом.

— Их там полно, и все в коричневом.

— Он идет как раз позади старосты.

— Не он один.

— У него голова кудрявая.

Таких было двое, но Тенна решила, что Халигон — тот, что пониже ростом. Уж очень бойко, вразвалочку, шагал этот молодой человек. Довольно красив, хотя Тенне больше понравился тот, что повыше: у него улыбка была приятнее. А Халигон, наверное, считает себя невесть кем — вон как важничает.

Ничего, сейчас она ему задаст.

— Пошли переоденемся, пока все наши не повалили наверх, — сказала Спация.

Теперь Тенна видела Халигона — пора принять парадный вид. Спация усердно помогала ей — она распушила Тенне волосы, красиво обрамив лицо, подобрала помаду для губ и оттенила глаза.

— Так твои глаза будут казаться голубыми, хотя на самом деле они серые, правда?

— Смотря что на мне надето. — Тенна поворачивалась перед большим зеркалом, и косая юбка крутилась вокруг ее лодыжек. Сапожки, как и говорила Спация, на толстых носках сидели плотно, и ноги в них казались меньше. Тенна осталась вполне довольна собой и не могла не признать, что она и вправду красива.

Спация стала рядом — ее желтое платье красиво оттеняло Теннино голубое.

— Надо найти тебе нашу эмблему, не то тебя примут за арфистку.

Но эмблемы не нашлось, хотя Спация перевернула все ящики.

— А пускай принимают, — сказала Тенна. — Так я смогу разделаться с Халигоном прежде, чем он что-то заподозрит.

— Ты знаешь, это хорошая мысль.

В комнату ворвалась Роза и стала поспешно скидывать с себя одежду.

— Помощь нужна? — спросила Спация, когда Роза сорвала с крючка свое розовое, в цветочек платье.

— Нет. Ступай лучше вниз и отгоняй Фелишу от Клива. Она твердо вознамерилась заполучить его. Заявилась, когда он еще не кончил есть, и повисла у него на руке, как будто они уже женаты. — Голос Розы слышался глухо из-под накинутого на голову платья. Потом раздался легкий треск, и

она закричала, замерев: — Ой, нет! Где я порвала? Что теперь делать? Вам видно?

Шов слегка разошелся, и Спация вдела нитку в иголку, чтобы поправить дело, но Роза так волновалась при мысли о сопернице, что Тенна вызвалась спуститься вниз.

— А ты знаешь, который Клив? — всполошилась Роза. Тенна кивнула и вышла.

Фелишу она узнала по Кливу. Девушка, вся в черных кудряшках, флиртовала с высоким бегуном напропалую. Он улыбался ей довольно мило, хотя и чуточку рассеянно, и все время посматривал на лестницу. Роза может не беспокоиться, усмехнулась про себя Тенна. Кливу явно не по себе от умильных взглядов Фелиши и от того, как она перебрасывает волосы через плечо, задевая его по лицу.

— Клив? — спросила Тенна, подойдя. Фелиша посмотрела на нее сердито и сделала красноречивое движение головой, предлагающее удалиться.

— Да. — Клив отодвинулся от Фелиши, которая тут же взяла его под руку собственническим жестом, вызывавшим в нем заметное раздражение.

— Роза сказала мне, что ты тоже сталкивался с Халигоном?

— Было дело. — Клив ухватился за эту тему, пытаясь при этом освободиться. — Он наскочил на меня около Болла шесть седьмиц назад, и я растянул связки. Роза говорила, что тебя он столкнул в неотвязку и ты здорово занозилась. Это случилось на кривой у холма, верно?

Тенна подняла руки ладонями вверх, показав все еще заметные ссадины.

— Вот ужас! — неискренне посочувствовала Фелиша. — У этого парня ветер в голове.

— Да уж. — Тенне эта девушка совсем не нравилась, хотя и улыбалась приветливо. Для бегуньи она тяжела, а буйная грива закрывает ленту ее цеха или холда, если на ней и есть такая. Тенна сказала Кливу: — Спация говорит, ты хорошо разбираешься в здешних кожах, а мне нужны новые башмаки.

— Разве в твоих местах кожи не выделывают? — ехидно осведомилась Фелиша.

— Ты ведь с девяносто седьмой, верно? — усмехнулся Клив. — Пойдем — я и сам хотел поглядеть на кожи, а чем

больше ярмарка, тем проще сторговаться, так ведь? — Он освободился от Фелиши, взял под руку Тенну и направил ее к двери.

Тенна повиновалась, мельком глянув на разъяренную Фелишу, и они благополучно сбежали.

— Спасибо, Тенна, — со вздохом облегчения сказал Клив, сворачивая на рыночную площадь. — Эта девица — просто чума.

— Она тоже бегунья из Болла? Она не представилась.

— Нет, она из цеха ткачей, но наша станция доставляет письма ее старшине, — скорчил гримасу Клив.

— Тенна! — окликнул с порога Торло, и они остановились подождать старика. — Тебе кто-нибудь уже показал Халигона?

— Да, Роза и Спация. Он шел за старостой. Я скажу ему пару слов, как только мы встретимся.

— Вот и молодец. — Торло крепко стиснул ей руку и вернулся на станцию.

— Правда скажешь? — удивленно раскрыл глаза Клив.

— Еще как скажу и посчитаюсь с ним вдобавок. Поступлю с ним так же, как он со мной.

— Так ты вроде бы в неотвязку упала? Здесь на площади она не растет.

— Мне довольно будет, если он растянется посреди этой самой площади. — В такой толпе, наверное, нетрудно будет поставить подножку. Она пообещала, что даст Халигону наглядный урок, и даже лекарь Бевени поддержал ее — надо держать слово. Тенне не хотелось, чтобы на станции перестали ее уважать. Она набрала в грудь воздуха. Достаточно ли будет сбить его с ног? Хотя бы для того, чтобы свести с ним личные счеты? Ведь на него еще и жалобу подадут на основе заверенных лекарем доказательств. Из-за своих ранений она не бегала три дня и ничего не заработала.

— Ох! — воскликнула она, увидев выставку тканей в палатке ткацкого цеха: цветы, полоски, тона и яркие и приглушенные — на любой вкус. Тенна спрятала руки за спину, борясь с неодолимым искушением пощупать образцы.

— Это товары цеха Фелиши, — сморщил нос Клив.

— Вон та красная просто чудо...

— Да, у них хороший цех.

— Несмотря на Фелишу? — фыркнула Тенна.

— Ага, — осклабился Клив.

Они прошли палатку стекольного цеха: зеркала в нарядных и простых деревянных рамах, кубки, бокалы и кувшины всех форм и расцветок.

Тенна поймала свое отражение в зеркале. Она не узнала бы себя, если бы Клив не шел рядом. Она расправила плечи и улыбнулась незнакомке.

Следующим был портняжный цех с всевозможным готовым платьем, юбками, рубашками, панталонами и более интимными частями туалета. Покупатели уже облепили этот соблазнительный прилавок.

— Где там Роза застряла? — спросил Клив, оглядываясь через плечо. Станция была видна и отсюда.

— Ради тебя ей хочется быть особенно красивой.

— Она и так красивая, — усмехнулся Клив и покраснел до ушей.

— К тому же очень добрая и заботливая, — искренне добавила Тенна.

— Вот мы и пришли. — Клив указал на выставку кож в углу площади. — Но мне думается, это не единственная палатка. Многие цехи съезжаются на Собрания в Форт. Надо везде посмотреть. Ты как, хорошо торгуешь? Если нет, предоставим это Розе. Вот уж мастерица. И продавцы знают, что спорит она правильно. А ты им незнакома, вот они и заломят почем зря.

— Я намерена получить лучшее за свои деньги, — с хитрой улыбкой заверила Тенна.

— Что ж, не буду учить скорохода бегать, — стушевался Клив.

Тенна улыбнулась ему и, как бы не глядя, пошла мимо кожевенного прилавка. Тут их догнала Роза, чмокнув Тенну в щеку, хотя не прошло и пятнадцати минут, как они расстались. Клив обнял Розу за плечи, шепнул ей что-то, и она хихикнула. Они трое загородили дорогу, и вокруг толкались другие покупатели. Тенна, пользуясь случаем, делала вид, что не смотрит на кожи, а кожевник за прилавком притворялся, что не замечает ее. Заодно Тенна следила, не покажется ли где Халигон.

Не успели они сделать первый круг по площади, как толпа сделалась до того плотной, что не пройти. Но без толпы нет и Собрания, и трое бегунов наслаждались атмосферой праздника. Ведь они столько часов проводили одни на трассах, часто и в те часы, когда все остальные заканчивают работу и возвращаются к семье. Ты, конечно, чувствуешь удовлетворение оттого, что делаешь важное дело, но об этом как-то не думаешь, когда бежишь под холодным дождем или против жесткого ветра. А думаешь как раз о том, чего ты лишен.

В палатках с закусками продавались всевозможные напитки и вкусности. Завершив круг, трое друзей накупили себе всякой всячины и уселись за стол около танцевального помоста.

— Вот он! — сказала вдруг Роза, указав на ту сторону площади, где несколько молодых людей разглядывали проходящих мимо разряженных девушек. Входило в обычай подбирать себе спутницу на время Собрания — на день, на ужин, на танцы, смотря какой будет уговор. Рамки общения следовало ограничить сразу, чтобы потом не было недоразумений.

Вот идеальный случай для того, чтобы посрамить Халигона. Он с друзьями стоял у края дороги, пыльной и усыпанной навозом животных, везущих повозки. Хорош он будет, растянувшись там в своем праздничном наряде! И если повезет, он вываляется не только в пыли.

— Прошу прощения, — Тенна поставила свой стакан, — мне надо свести кое-какие счеты.

— Ого! — Роза широко раскрыла глаза, однако проводила Тенну бодрым «йо-хо», когда та двинулась напрямик через доски.

Халигон, по-прежнему в компании парня повыше, смеялся над чем-то и пялил глаза на девушек, которые нарочно прогуливались вдоль этой стороны площади. Да, самое время отомстить ему за свое падение.

Тенна подошла к нему и хлопнула его по плечу. Он обернулся, и его игривая улыбочка сменилась выражением неподдельного интереса при виде Тенны, а в глазах зажегся огонь. Он так засмотрелся, что не заметил, как Тенна сжала кулак, развернулась и двинула его в подбородок, вложив в удар весь свой вес. Он рухнул как подкошенный, хлопнулся на спину и лишился чувств. Упал он прямо в кучу навоза.

Тенна, хотя удар сотряс все ее тело, удовлетворенно отряхнула руки, повернулась на каблуках своих красных сапожек и вернулась назад.

Она уже прошла полпути, когда услышала, что кто-то быстро ее догоняет, и не удивилась, когда ее схватили за руку.

— В чем дело? — с искренним удивлением спросил ее высокий парень в коричневом. Он тоже глаз не мог оторвать от ее голубого платья.

— Пусть узнает на себе, каково приходится от него другим, — сказала Тенна и пошла дальше.

— Погоди. Что он тебе такого сделал? Я никогда раньше не видел тебя в Форте, а он никогда не говорил, что встречался с девушкой вроде тебя. Если бы встречался, непременно сказал бы!

— Да ну? — Тенна склонила голову набок. Они были почти одного роста. — Так вот, он столкнул меня в кусты неотвязки. — Она показала ему ладони, и на его лице отразилось искреннее сочувствие.

— Неотвязка? Она очень опасна в эту пору.

— Я знаю это по опыту, — язвительно ответила она.

— Но где это было? Когда?

— Не имеет значения. Я уже свела с ним счеты.

— Да уж, — с немалым уважением усмехнулся юноша. — Но ты уверена, что это был мой брат?

— А ты что, знаешь всех друзей Халигона?

— Халигона? — Парень заморгал, быстро прикинул что-то в уме и ответил: — Я думал, что знаю. — Он издал нервный смешок и жестом дал понять Тенне, что она может продолжать путь. Она видела, что он старается не раздражать ее, и это доставило ей еще большее удовлетворение.

— Думаю, Халигон рассказывает далеко не обо всем, — сказала она, — большой сорванец.

— А ты, стало быть, решила поучить его уму-разуму? — Он закрыл рукой рот, но Тенна видела, что его глаза искрятся смехом.

— Кто-то должен был это сделать.

— Да? Но что он, собственно, тебе сделал? Он... Халигон... не часто растягивается в пыли. Разве ты не могла преподать ему свой урок в менее людном месте? Ты испортила его праздничный костюм.

— А я нарочно выбрала такое место. Пусть почувствует, каково это, когда тебя внезапно сбивают с ног.

— Да, конечно. Но где же вы все-таки повстречались?

— Он скакал по беговой трассе, галопом, среди ночи.

— О-о. — Он замер на месте со странным, почти виноватым видом. — Когда это было? — уже вполне серьезно спросил он.

— Четыре ночи назад, на кривой у холма.

— И что же?

— Мне пришлось нырнуть в неотвязку. — С этими словами Тенна задрала юбку, чтобы показать красные пятнышки от заноз на правой ноге, а заодно еще раз предъявила свободную руку.

— Ранки воспалились? — Он спрашивал с искренней заботой и, видимо, знал об опасных свойствах неотвязки.

— Я сохранила занозы, — заявила она. — Лекарь Бевени предъявит их как доказательство. Я не могла работать и пролежала три дня.

— Мне жаль это слышать. — Он, видимо, не кривил душой, говорил серьезно и улыбался чуть настороженно, но по его глазам было видно, что Тенна ему нравится. — Я тебе что-то скажу, только не бей меня, ладно? Ты совсем не похожа на тех бегуний, которых я встречал до сих пор. — Он на миг задержал взгляд на ее декольте и тут же закашлялся. — Пойду-ка посмотрю, не пришел ли Халигон в себя.

Тенна едва удостоила взглядом кучку людей, собравшихся вокруг ее жертвы, благосклонно кивнула своему провожатому и вернулась к Розе и Кливу.

Они сидели бледные и растерянные.

— Ну вот! Честь восстановлена, — сказала она, садясь на свое место.

Те двое переглянулись, и Роза положила руку Тенне на плечо.

— Не совсем. Ты повалила вовсе не Халигона.

— Как же так? Ты сама мне его показала. И он в коричневом...

— Халигон тоже. Халигон — это тот, что провожал тебя через площадь, а ты с ним болтала и даже не думала задать ему взбучку.

— О-о. — Тенна бессильно откинулась на спинку стула. — Так я ударила не того?

— Угу, — хором произнесли Роза и Клив.

— Вот ужас. — Тенна хотела встать, но Роза поспешно удержала ее.

— Кого же я тогда уложила?

— Думаю, извинения тут не помогут.

— Хорона, его брата-близнеца. Этот тоже хорош, но на свой лад.

— Да, похоже — по масленому взгляду, которым он меня одарил. — Тенну утешало то, что ее жертва по крайней мере заслуживает наказания.

— Хорон грубиян, и хорошие девушки с ним не связываются — особенно на Собрании. — Роза хихикнула, прикрыв рот рукой. — Мы видели, как он на тебя уставился. Думали, ты за это и съездила ему.

Тенна, вспомнив силу своего удара, потерла ноющие костяшки.

— Кое-кто должен сказать тебе спасибо, — усмехнулся Клив. — Удар был знаменитый.

— Это меня братья научили, — ответила Тенна рассеянно, следя за тем, что происходит на той стороне площади. Ей немного полегчало, когда Хорону помогли подняться, — и стало приятно при виде того, как его шатает. Потом она увидела, что Халигон направился к станции. — Ого! Зачем он туда идет?

— Не волнуйся. — Роза поднялась с места. — Уж Торло не упустит случая напомнить ему обо всех пакостях, которые он устраивал бегунам.

— Даже не таким красивым, как ты, — добавил Клив. — Пойдем посмотрим твои кожи.

Они отнесли пустые стаканы обратно в палатку. Тенна еще раз оглянулась на станцию, но не увидела ни Халигона, ни Торло, хотя входило и выходило много народу, как всегда на Собрании. Может, ей придется уложить также и Халигона, чтобы отомстить за всех бегунов? Это будет не так-то просто — он уже и тогда, во время их разговора, держался настороже.

Они обошли площадь во второй раз и наконец решили приценяться. С первым кожевником, которого звали Ли-

ганд, говорил в основном Клив, чтобы не выдать, кто настоящий покупатель.

— Голубую для певицы? — тут же раскусил их Лиганд. — Я ведь видел, как ты разглядывала мой товар.

— Я бегунья.

— Просто голубое ей идет больше всего, — поспешно вставила Роза, избавив Тенну от необходимости сознаваться, что это платье ей одолжили.

— И верно идет, — согласился Лиганд. — В жизни бы не подумал, что она бегунья.

— Это почему же? — возмутилась Роза.

— Да потому, что она в голубом, — примирительно молвил Лиганд. — Ну, так какой же цвет вам по нраву в этот чудесный денек?

— Темно-зеленый. — Тенна указала на стопку кож этого оттенка, которые лежали на полке позади продавца.

— Хороший выбор для бегуньи. — И Лиганд ловко шлепнул тяжелую кипу на прилавок, а сам переместился в другой конец, где двое холдеров разглядывали пояса.

— Мы в Болле предпочитаем красновато-коричневые, — сказал Клив. — Такая у нас там почва. А моховое покрытие в наших жарких краях не так удобно, как на севере.

— В Игене трасса хорошая, — отозвалась Тенна, которой довелось там побывать.

— Да, верно. Мне вот эта нравится. — Клив указал на одну из кож в кипе. — Такая густая изумрудная зелень.

Тенна согласилась с ним.

— Но тут и на сапоги хватит, а мне ведь летняя пара нужна. А резать он ее не захочет.

— Ну что, нашли себе по вкусу? И цена сходная. — Лиганд, как видно, замечал все, что происходит у него в палатке. — Он взглянул на метку на обратной стороне кожи. — Всего-то девять марок.

— Пять — и то уже грабеж, — ахнула Роза. И спохватилась — ведь покупательница Тенна, а не она.

— Согласна с тобой. — У Тенны было только четыре. Она еще раз пощупала кожу, мило улыбнулась Лиганду и отошла, а ее спутники поспешно последовали за ней.

— Лучшей выделки нигде не найдете, — крикнул им вслед Лиганд.

— Качество и правда хорошее, — тихо сказала Тенна, отойдя подальше. — Но мой предел — четыре марки.

— За эти деньги можно подыскать кожу поменьше — ну, может, и не такого красивого оттенка, — сказала Роза.

Они обошли площадь в третий раз и пересмотрели все зеленые кожи, но не нашли больше ни такого цвета, ни такой мягкой выделки.

— Пяти марок у меня просто нет, даже если мы и сойдемся на них, — сказала Тенна. — Та, бурая, что в третьей палатке, тоже подойдет. Может, попробуем?

— Ого, — произнесла вдруг Роза, в тревоге застыв на месте.

Клив тоже остановился. Тенна не сразу поняла, в чем дело, но тут дорогу им заступил высокий, седовласый мужчина — Тенна помнила его по утренней церемонии и узнала в нем старосту Грогха.

— Бегунья Тенна? — официально осведомился он, но глаза его смотрели приветливо.

— Да, — ответила она, чуть приподняв подбородок. Уж не хочет ли он ее проучить за то, что вздула его сына Хорона? Не может же она признаться, что стукнула не того.

— Не посидеть ли нам вот здесь вместе с твоими друзьями? — Староста указал на свободный стол, взял Тенну за локоть и мягко направил туда, в сторону от толпы.

Тенна успела сообразить, что ни в тоне его, ни в выражении лица нет ничего угрожающего. Староста обращался с ней неожиданно любезно. Плотный, с мясистым, начинающим обвисать лицом, он улыбался всем и каждому, пока они шли к столу — в любопытных взглядах недостатка не было. Встретившись глазами с виноторговцем, он поднял вверх четыре пальца. Тот кивнул и поспешил обслужить их.

— Я должен извиниться перед тобой, бегунья Тенна, — сказал Грогх тихо, чтобы слышали только они четверо.

— Извиниться... — начала Тенна и добавила, поймав испуганный взгляд Розы: — Староста?

— Мне стало известно, что мой сын Халигон сшиб тебя четыре ночи назад, отчего ты серьезно пострадала и долго не могла бегать. — Грогх хмуро свел брови, но было видно, что гневается он не на Тенну. — Должен признать, до меня уже доходили жалобы на то, что он ездит по беговым трас-

сам. Смотритель Торло рассказал мне о нескольких случаях, когда несчастья едва не случилось. Можете быть уверены, что отныне Халигон будет держаться подальше от трасс, которые построили для себя скороходы. Ты с девяносто седьмой станции, что у Керунского холда, не так ли?

Тенна молча кивнула, не веря своим ушам. Староста холда извиняется перед ней!

— Халигон не знал в ту ночь, что едва не задавил тебя. Он, может, и сорванец, — староста улыбнулся с немалой долей снисхождения, — но сознательно зла никому не чинит.

Роза пихнула Тенну локтем, и та поняла, что должна воспользоваться случаем не только для себя, но и для всех бегунов.

— Староста Грогх, я... мы все, — она указала на Розу и Клива, — благодарны вам за то, что отныне можем бегать без опасений. Я ведь в последний миг заметила, что кто-то скачет мне навстречу. Трасса скрывалась за холмом, а ветер глушил звуки. Я могла пострадать куда более серьезно. Вы ведь знаете, трассы у нас неширокие. — Староста кивнул, и Тенна смело повела речь дальше: — И они предназначены для бегунов, а не для верховых. Думаю, станция Форт будет вам признательна, если вы запретите всадникам ими пользоваться. — Тенна не знала, что еще сказать, и умолкла, выжидательно улыбаясь.

— Я получил достойный ответ, бегунья Тенна. — Староста тоже улыбнулся ей, скользнув глазами по ее вырезу. — Ты очень красивая девушка, и голубое тебе к лицу. — Он потрепал ее по руке и встал. — Я уже сказал Торло, что нарушений больше не будет. — И староста своим обычным громким голосом добавил: — Веселитесь, скороходы, и пейте вино.

Он ушел, раздавая на ходу кивки и улыбки, а трое бегунов остались сидеть, как громом пораженные. Роза оправилась первая и хлебнула хороший глоток вина.

— Торло был прав — ты добилась успеха, — сказала она. — А вино-то отменное.

— Старосте плохого не подадут. — Клив украдкой придвинул стакан Грогха к своему — староста почти ничего не выпил. — Давайте разделим его порцию.

— Не могу поверить, что староста извинился передо мной, перед Тенной. — Девушка потрясла головой, прижав руку к груди.

— Но ты ведь пострадала, не так ли? — сказала ей Роза.

— Да, но...

— А откуда староста узнал все это? — подхватил Клив.

— Ну, мы же видели, как Халигон пошел на станцию. — Роза еще раз попробовала вино и закатила глаза в немом восхищении. — Но староста Грогх — порядочный человек, хотя и считает женщин слабоумными. И он тоже заметил, что ты красива, — хихикнула Роза, — видишь, это помогло. У Халигона все девушки красивые, и старосте они тоже нравятся, хотя он только смотрит.

Бегуны так заговорились, что не заметили, как подошел Халигон. Они спохватились, лишь когда он развернул перед Тенной зеленую кожу из палатки Лиганда.

— Я прошу простить меня, бегунья Тенна. Я не знал тогда, что на кривой у холма кто-то есть. — Халигон учтиво поклонился, не сводя глаз с Тенны, и покаянное выражение его лица сменилось печалью. — Смотритель станции отчихвостил меня на славу, и отец тоже.

— Ты что ж, не веришь Тенне? — дерзко спросила Роза.

— Как я мог не поверить, когда она показала мне свои ссадины? — И Халлигон сделал знак хозяину палатки.

Клив жестом пригласил его сесть.

— А... как там твой брат? — спросила Тенна. Старосте она не решилась задать этот вопрос. Глаза Халигона зажглись весельем.

— Должен сказать, врезала ты ему на совесть.

— Обычно я не сбиваю людей с ног, — сказала Тенна и снова получила тычок от Розы. — Только когда они в этом нуждаются. — Она отодвинулась подальше от подруги. — Тот удар предназначался тебе.

— Хорошо, что он мне не достался. — Халигон потер подбородок. — Когда мастер Торло сказал мне, что ты не могла бегать три дня, я осознал свою вину. О других бегунах он тоже сказал. Согласна ли ты принять в возмещение эту кожу вместе с моими извинениями?

— Твой отец уже принес мне извинения.

— А я приношу свои, бегунья Тенна, — выразительно произнес Халигон.

— Я принимаю их, но... — Тенна хотела отказаться от кожи, но Роза снова ткнула ее в бок. Этак у нее скоро синяки будут на ребрах. — И подарок принимаю.

— Вот и хорошо. Без твоего прощения Собрание для меня было бы испорчено. — Халигон просветлел, поднял только что поданный стакан и выпил. — Ты оставишь для меня один танец?

Тенна притворилась, что раздумывает, хотя вопрос втайне польстил ей. Халигон, несмотря ни на что, очень ей нравился. На всякий случай она отклонилась от Розы, чтобы избежать очередного тычка.

— Я надеялась, что смогу протанцевать подлеталку, — начала она и добавила, когда Халигон уже загорелся: — Но моя правая нога еще не совсем окрепла.

— Но для медленных-то танцев она годится? Ты нисколько не прихрамываешь, когда ходишь.

— Да, ходить мне нетрудно, — Тенна снова помедлила, — и мне хотелось бы найти себе кавалера. — Это давало понять, что он может рассчитывать не только на один танец.

— Значит, все плавные за мной?

— Не забудь, Бевени тебя тоже приглашал, — напомнила Роза.

— А когда начнутся танцы? — спросила Тенна.

— После ужина, когда совсем стемнеет, — ответил Халигон. — Ты согласишься поужинать со мной?

Тенна услышала, как Роза затаила дыхание, но она и правда находила Халигона очень милым. Почему бы и не принять приглашение?

— Буду очень рада, — учтиво ответила девушка.

На том и порешили. Халигон в честь их уговора допил вино до дна, поклонился всем троим и ушел.

— Йо-хо, Тенна, — прошептала Роза, глядя, как его высокая фигура исчезает в толпе.

Клив усмехнулся:

— Чистая работа. Скорее бы ты предприняла свой новый Переход, чтобы снова разрешить наши задачи.

— Беги ты прочь! — весело бросила Тенна и только теперь позволила себе потрогать темно-зеленую кожу. — Следил он за нами, что ли? Откуда он узнал?

— Ну, Халигона дурачком не назовешь, — сказала Роза, — хотя он и любит скакать по беговым трассам.

— Я думаю, он сам рассказал обо всем отцу, — заметил Клив, — а это показывает, что парень он честный. Глядишь, он еще и понравится мне в конце концов.

— Да, молодец. Хотя раньше он никогда не сознавался, что ездит по трассам, как Торло его ни уличал. — Роза усмехнулась Тенне. — Правду говорят, что красавица привлекает больше внимания, чем дурнушка вроде меня.

— Ты не дурнушка, — вознегодовал Клив и только тогда понял, что Роза ловко поймала его, напросившись на комплимент.

— Правда? — кокетливо заулыбалась она.

— Ах ты! — покачал головой попавшийся на удочку Клив и засмеялся, а потом поровну разлил по стаканам вино, оставленное Грогхом. — Такому добру пропадать нельзя.

Тенна вернулась на станцию, чтобы спрятать свою красивую кожу. Бегуны наперебой поздравляли ее, и она получила множество приглашений на танцы и на ужин.

— Ну вот, я же говорила! — воскликнула Пенда, улыбаясь от уха до уха. — Красивую девушку всегда выслушают.

— И Халигон не будет больше ездить по трассам, — засмеялась Тенна.

— Так обещал его отец, однако поживем — увидим.

— Я позабочусь об этом, — весело пообещала Тенна и вернулась на площадь. Никогда еще она так чудесно не проводила время.

У ям, где жарилось мясо, уже собирались люди на ужин, и Тенна подумала, уж не подшутил ли над ней Халигон. Он как-никак сын старосты! Но тут он появился рядом, предложил ей руку и сказал:

— Я не забыл.

Благодаря привилегированному положению Халигона мясо им подали гораздо раньше, чем Кливу и Розе, а вино, заказанное им, оказалось еще лучше того, что Тенна пробовала днем, поэтому к началу танцев она совсем развеселилась.

Первый танец она отдала Гролли — он пригласил ее раньше всех, хотя даже не надеялся, что она согласится, — и ее удивило, что Халигон не пошел танцевать с другой. Он ждал

за столом, пока запыхавшийся Гролли не привел Тенну обратно. Этот мотив был довольно веселый, хотя и не столь быстрый, как подлеталка. Следующий танец оказался помедленнее, и она подала руку Халигону, хотя вокруг них столпилась добрая половина всех бегунов.

Халигон ловко привлек ее к себе, прижавшись к ее щеке своей. Он был чуть выше ее, и они приспособились друг к другу без усилий. Всего один круг — и Тенна вверилась ему полностью.

Поскольку они танцевали щека к щеке, она почувствовала, что он улыбается, а он внезапно прижал ее к себе.

— Ты уже знаешь, когда побежишь снова?

— Я уже сделала одну короткую пробежку — в порт. Как раз хватило, чтобы разогреться.

— Как это у тебя получается — пробегать такие расстояния? — Он слегка отодвинул ее, чтобы видеть ее лицо при свете фонарных корзинок. Он в самом деле хотел знать.

— Отчасти потому, что меня этому учили, отчасти потому, что у нас это в крови.

— И ничем другим ты заняться не могла?

— Могла, но мне нравится бегать. В этом есть... какое-то волшебство. Иногда тебе кажется, что ты весь мир можешь обежать. И я люблю бегать ночью. Чувствуешь себя так, будто ты одна жива, и не спишь, и движешься.

— Так оно и есть — если ты считаешь недоумков, которые носятся верхом по трассам. Давно ли ты бегаешь?

Он спрашивал с искренним интересом, и она подумала, что зря, пожалуй, развела столько сантиментов вокруг такого простого занятия, как бег.

— Скоро будет два Оборота. Это мой первый Переход.

— А я — тот полоумный, который его прервал, — сокрушенно сказал Халигон. Тенну уже смущало его затянувшееся раскаяние.

— Сколько можно повторять, что я тебе простила? — сказала она ему на ухо. — Из этой зеленой кожи выйдут отличные башмаки. Кстати, откуда ты узнал, что я именно эту кожу хотела? Ты шел за нами?

— Отец сказал, что я должен как-то возместить ущерб, не предлагая тебе денег...

— Неужели ты дал кожевнику Лиганду, сколько он запросил? — Тенне не хотелось, чтобы Халигон потратился больше, чем это необходимо. Задав свой вопрос, она отстранилась от него, чтобы видеть его лицо.

— Я не скажу тебе, сколько заплатил, Тенна, но сделка была честная. Вся беда в том, что он знал, что мне позарез нужна эта кожа. Об этом все Собрание толкует.

Да, это, видимо, правда. Тенна надеялась, что успеет рассказать всю историю родным сама, прежде чем до них дойдут слухи, которые всегда все преувеличивают.

— Этого следовало ожидать, — сказала она вслух. — Из этого куска выйдут целых две пары летних башмаков, и я буду вспоминать тебя всякий раз, как их надену.

— Договорились. — Довольный, он снова привлек ее к себе. — Другие кожи тебе как будто не нравились, и я отделался легче, чем полагал. Я не знал, что бегуны сами шьют себе обувь.

— Так гораздо удобнее. И некого упрекать, кроме себя, если набьешь себе мозоли.

— Мозоли? Неприятная, должно быть, штука.

— Почти такая же, как занозы от неотвязки.

— Неужели это никогда не забудется? — простонал он.

— А ты старайся. — Быть может, он протанцует с ней всю ночь. Лучшего кавалера у нее еще не бывало. Она никогда не испытывала в них недостатка — и все-таки он немного другой. Он знает много сложных па, и приходится держаться начеку, чтобы не сбиться с ноги, когда с ним танцуешь. Быть может, это потому, что он сын старосты.

— Быть может, это потому, что ты бегунья, — сказал он, и она вздрогнула, как будто он подслушал ее мысли, — но ты необычайно легка на ногу. — Он обнял ее еще крепче и прижал к себе ближе некуда.

Оба умолкли, целиком сосредоточившись на танце. Тенне показалось, что музыка кончилась чересчур скоро. Ей не хотелось отпускать Халигона — как и ему ее. Они разжали руки, но остались на месте. Музыка заиграла чуть более быстрый мотив, и Халигон, подхватив Тенну, тут же пустился в пляс. Теперь им приходилось не только следить за своими па, но и стараться не столкнуться с другими кружащимися парами.

Так они проплясали три танца подряд, а во время смены музыкантов Халигон увел Тенну с помоста под предлогом того, что надо освежиться. Взяв охлажденного белого вина, он увел ее в тень пустой палатки.

Тенна приготовилась отшить его половчей, если понадобится.

— Ты совсем не хромаешь, Тенна, — заметил он. — Не зря же смотритель уже сгонял тебя в порт. Может быть, все-таки станцуем подлеталку?

Его слова раззадорили ее.

— Там видно будет.

Пауза.

— Итак, завтра ты побежишь?

— Будь это так, я не пила бы столько вина, — ответила она рассудительно.

— И ты доберешься отсюда до моря за один перегон?

— Очень возможно. Теперь весна, и на перевале нет снега.

— А если бы был, ты все равно бы побежала?

— На станции никто не говорил, что на перевале снег.

— Держишь ушки на макушке, да?

— Бегун всегда должен знать, каковы условия на трассе, — строго ответила она.

— Понял, понял. Умолкаю.

— Вот и хорошо.

Пауза.

— А ты оказалась совсем не такой, как я ожидал, — сказал он уважительно.

— То же самое я могу сказать о тебе, Халигон.

Новые музыканты проиграли первый такт, чтобы танцоры могли приготовиться.

Когда Халигон обнял Тенну за плечи, она не стала противиться. Как и потом, когда он обнял ее обеими руками и нашел ее губы. Это был чудесный поцелуй, совсем не слюнявый и умелый — Халигон явно знал толк в этом деле. И обнимал он ее уверенно, но не тиская без нужды. С уважением, подумала она... а после ответила на его поцелуй и ни о чем уже больше не думала.

Халигон завладел ею на весь вечер, и весьма ловко, как отметила она, — он каждый раз уводил ее подальше от возможных кавалеров. Между танцами они целовались. Она

не ждала, что он будет вести себя так образцово, и сказала ему об этом.

— С твоим-то кулачком, девочка, — ответил он, — ты можешь прозакладывать последнюю марку, что я не захочу пойти по стопам своего брата.

И теперь он угощал ее только прохладительными напитками, а не вином — Тенна оценила и это. Особенно когда заиграли подлеталку и на помосте осталось всего несколько смелых пар.

— Ну что, пойдем? — Он усмехнулся — и Тенна не устояла.

Правая нога почти уже не давала о себе знать — а главное, Тенна успела проникнуться к Халигону доверием, иначе она не польстилась бы на его уговоры.

В этом танце девушек подкидывают как можно выше, и самые умелые успевают еще перевернуться в воздухе, прежде чем упасть в объятия кавалера. Довольно опасная игра, но очень веселая. Старший брат научил Тенну этому искусству, и переворачиваться она тоже навострилась. На востоке парни охотно приглашали ее, зная, как она легка и как хорошо танцует.

После первого же броска она поняла, что ее прежним кавалерам далеко до Халигона. Публика разразилась криками, когда она сделала в воздухе два полных оборота, прежде чем он ее поймал. Когда они кружились, он шепотом дал ей наставления относительно последнего броска. И она проявила себя во всем блеске, зная, что он не даст ей упасть. Однако этого чуть не случилось, и зрители ахнули, когда Халигон подхватил ее в какой-нибудь ладони над полом. Другой девушке не столь повезло, но она пострадала больше от стыда, чем от ушиба.

Клив, Роза, Спация и почти все бегуны со станции столпились вокруг них, поздравляли с успехом. Им предлагали напитки, пирожки с мясом и прочие вкусности.

— Вы достойно поддержали честь станции, — провозгласил Клив. — Ну и холда, конечно, — великодушно добавил он, поклонившись Халигону.

— Лучшей дамы, чем Тенна, у меня еще не было, — чистосердечно заявил Халигон, вытирая пот с лица.

Тут сквозь толпу пробился Торло и хлопнул Тенну по плечу:

— Завтра ты бежишь, Тенна.

— На побережье?

— Да, как ты и хотела.

— Я провожу тебя на станцию, — предложил Халигон.

Арфисты снова заиграли медленный танец. Роза и Спация пристально смотрели на Тенну, но она не могла разгадать, что означают их взгляды, — притом она знала свой долг.

— Последний танец, и пойдем, — сказала она, взяв Халигона за руку.

Халигон прижал ее к себе, и она целиком подчинилась ему. В ее жизни еще никогда не было такого Собрания. Пожалуй, ей надо радоваться, что он налетел на нее тогда на трассе — иначе эта ночь не прошла бы так чудесно.

Они молчали, полностью отдавшись танцу и мелодичной музыке. Когда музыканты доиграли мотив, Халигон взял Тенну за правую руку и повел к станции, над дверью которой светилась корзинка.

— Итак, бегунья Тенна, ты завершаешь свой первый Переход — но он у тебя не последний, верно? — спросил Халигон, когда они остановились на самой границе светового круга. Его рука легонько погладила ее локоны.

— Вряд ли последний. Я намерена бегать, пока ноги носят.

— И ты будешь предпринимать Переходы довольно часто, правда? — Она кивнула. — Тогда, может быть, со временем, когда у меня будет свое хозяйство... Я собираюсь разводить бегунов... я о верховиках говорю, — поспешно поправился он, и она чуть не рассмеялась. — Сейчас я подбираю породу, которую буду выращивать. Потому и испытывал скакунов на трассах — там ведь самое лучшее покрытие. Так вот, может быть, ты... изыщешь возможность бегать в эту сторону почаще?

Тенна склонила голову набок, дивясь внезапной хрипоте в его приятном голосе.

— Может быть, — улыбнулась она. Он сам еще не знает, как приворожил ее.

Он улыбнулся ей в ответ, уже с вызовом.

— А там видно будет, да?

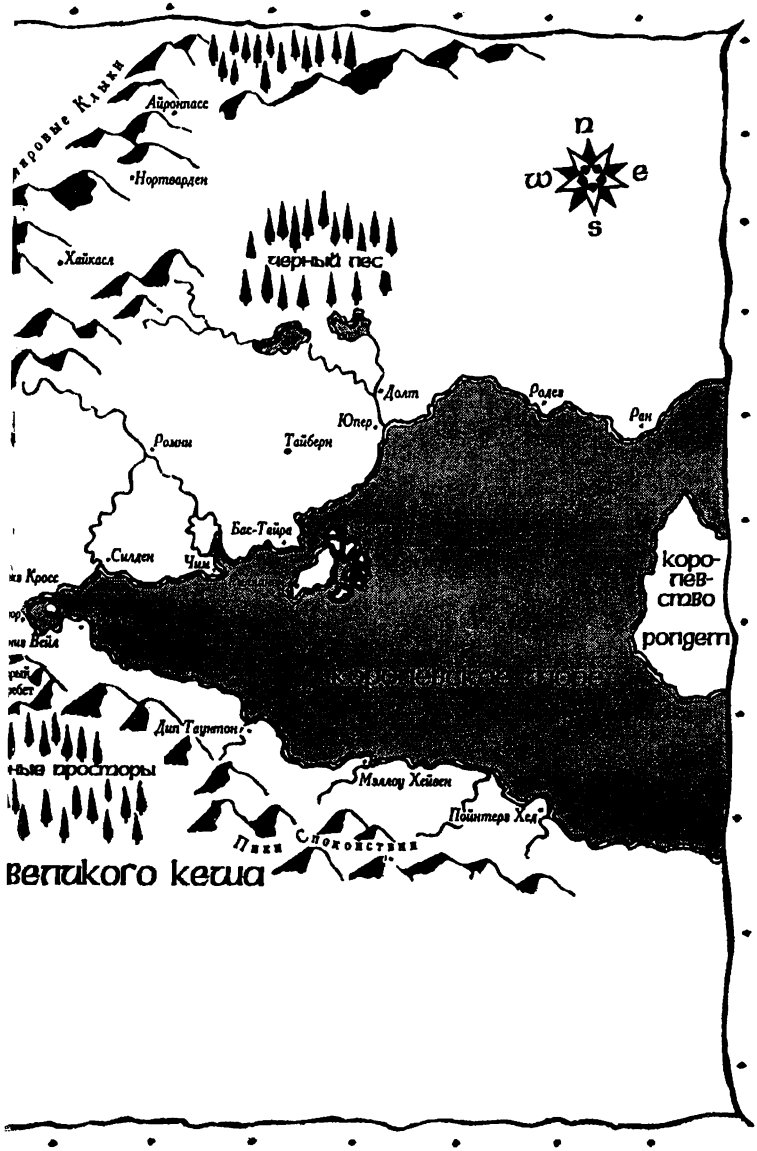
— Наверное.

Сказав это, она поцеловала его в щеку и нырнула в дверь, опасаясь добавить что-нибудь лишнее. Слишком уж мало они знакомы. Но, пожалуй, выращивать бегунов на западе — как четвероногих, так и двуногих — было бы совсем неплохо.

Раймонд Фейст

Сага о войне со змеями

Большие Северные Горы
СЕВЕРНЫЕ ЗЕМЛИ
Каменная Гора
небесное озеро
Эльвандар
Тир-Сог
Джайбон
ВЫСОКАЯ ПУС
Крайли
пес зеленое сердце
Лориль
Ла-Мут
Серые Башни
Зюн
коро-
Валинор
Хоке Холлоу
Илит
Нэталь
Квестбэр Вью
Карс
Джонрил
Хюш
Тьюлан
Бордон
Сарт
Сетанов
БОЛЬШОЙ ВЕ
Дарк
Кронлор
Илариаль
Рейнам
Шамата
ДОЛИНА ГРЕЗ
(СПОРНАЯ ГРАНИЦА)
ПУСТЫНЯ
ДЖАЛ-ПУР
Каралиан
Тролльи Горы
Звездные Столпы
ИМПЕР
ТИДКЕЛЛИЯ

n
w
e
s
Айронпасс
Нортварден
Хайкасл
Черный пес
Долт
Юпер
Тайберн
Бас-Тейра
Силден
Чим
Дип-Тауптон
Мэллоу Хейвен
Пойнтерз Хед
Пики Спокойствия
Великого Кеина
коро-
лев-
ство
Ронгем

Raymond E. Feist
THE WOOD BOY
Перевод с английского
М. Гальпериной и К. Россинского

© Raymond E. Feist, 1998
© Перевод. М. Гальперина и К. Россинский, 1999

Предисловие

Серия Раймонда Фейста о Войне Провала начинается с приключений двух мальчиков, Пуга и Томаса, которые мечтали вырасти и вырваться из своей серой, будничной жизни. Пуг мечтал стать магом, а Томас — великим воином. Оба они благодаря своим врожденным способностям, хотя и не без помощи потусторонних сил, добились того, что мечты их стали явью. Во время Войны Провала Пуг был похищен, и у него были выявлены магические силы, которые оставалось лишь развивать. Томас случайно наткнулся на умирающего дракона, который дал ему волшебные доспехи, и превратился в легендарного воина.

Когда Пуг и Томас начинают лучше управлять своими новыми силами, сюжетная линия переключается на противостояние двух миров, между которыми не утихает война, известная как Война Провала. Мидкемия — это молодая планета, на которой все еще очень зыбко и непрочно. Келеван — мир древний, но от этого не менее противоречивый. Воинственные цуранцы вторглись в Островное Королевство на Мидкемии, стремясь расширить свои владения и захватить металлы, распространенные в Мидкемии, но редкие на родине захватчиков. Между двумя мирами открыт магический Провал, и сквозь этот портал захватчики проникают в Королевство. Постепенно Томас узнает, что он наделен силой валхеру, мистических существ, о которых сохранились только легенды в Мидкемии. Повелители Драконов были могущественны, как боги, и даже вступили в войну с самими богами. В третьей книге трилогии наступает кульминационный момент, когда Томасу удается обуздать древнюю магию, которая стремится овладеть им, а Пуг возвращается в дом своей молодости.

«Трилогия об Империи» переносит нас в родной мир цуранцев, где мы имеем возможность узнать, что творится «по ту сторону Провала». Леди Мара, которой в первой книге всего семнадцать лет, оказывается втянута в опаснейшую политическую игру, но ее талант и способность к импровизации помогают ей выходить победительницей в этой игре, отражая все атаки недоброжелателей. При поддержке своих верных друзей, среди которых есть тот, кого она любит больше жизни — раб из Королевства по имени Кевин, — она становится правительницей Империи Цураннуанни.

Последняя серия, «Сага о войне со змеями», это история Эрика, незаконнорожденного сына барона, и его друга Ру — уличного мальчишки. Королевству вновь угрожают захватчики, но на этот раз из-за моря. История жизни двух молодых людей разворачивается на фоне спешных приготовлений Королевства к грядущей войне и противостояния огромной армии завоевателей, ведомых Изумрудной Королевой. Война перерастает в битву между добром и злом, и Пуг с Томасом вновь принимают в ней участие.

Фейст воспринимает Мидкемию как объективный виртуальный мир, хотя и вымышленный. Романы о Мидкемии он пишет как исторические. «Дровяной мальчик» — это история из первых дней Войны Провала, когда в Королевство вторглись цуранцы.

Дровяной Мальчик. История времен Войны Провала

Герцог поднял голову.

Командующий Западной Армией Боррик, герцог Крайди, посмотрел на капитана, который стоял на пороге командирской палатки. Капитан спросил:

— Ваша светлость, вы не могли бы выйти на минутку?

Боррик поднялся, в очередной раз позавидовав своему старинному другу Брукалу, который в эту минуту наверняка греется у камина где-нибудь в Ла-Муте, в то время как герцог забрасывает принца Кондорского жалобами на плохое снабжение.

Шла к концу уже вторая военная зима, и лагерь Боррика располагался в десяти милях от линии фронта. Герцог был опытным воином, еще с детства привыкшим к сражениям с гоблинами и Братством Темного Пути — темными эльфами, — и каждой клеточкой тела чувствовал, что эта война будет долгой.

Он закутался в теплый плащ и вышел из палатки. Глазам его предстала странная картина.

В отдалении маячили какие-то фигуры, едва различимые сквозь густые хлопья снега. Они двигались к лагерю, и по мере приближения их силуэты обретали форму. Вскоре в них уже можно было узнать патруль, сопровождающий какого-то незнакомца.

Солдаты шли медленно, потому что человек, которого они вели в лагерь, тащил тяжелые сани, на которых лежала большая кладь. Когда они подошли еще ближе, Боррик увидел, что сани тащит деревенский мальчик. Он тянул их за

собой с удивительным упорством, пока наконец не остановился прямо перед командующим Западной Армией Королевства.

Приглядевшись к мальчику, Боррик понял, что тому выпало тяжелое испытание. Голова его была непокрыта, и в белокурых волосах поблескивали снежинки. Шея и нижняя часть лица парнишки были обернуты грубым шарфом. Он был одет в толстую рубаху и штаны, а на ногах у него были тяжелые крепкие башмаки. На куртке темнели пятна крови.

В санях, которые он приволок, лежал необычный груз. На большом мешке лежало два тела. Мертвые глаза мужчины смотрели в небо, и на ресницах застыли слезы. Судя по тому, что на нем были кожаные доспехи, он был воином. На боку у него висели пустые ножны, и одной рукавицы не хватало. Рядом лежала девушка, укрытая одеялом, и казалось, что она просто спит. При жизни она была просто красива, но смерть сделала ее личико почти совершенным в своей фарфоровой белизне и прозрачности.

— Кто ты, малыш?

— Я Дровяной Мальчик, — еле слышно ответил тот. Глаза его ничего не выражали, словно он смотрел внутрь себя, хотя и не отводил взгляда от Боррика.

— Что ты сказал? — переспросил герцог.

Мальчик попытался собраться с мыслями.

— Сэр, мое имя Дирк. Я слуга лорда Паула из усадьбы «Белые Холмы». Это в трех днях ходьбы отсюда, на той стороне Долины Какисоу. — Он указал на запад. — Я ношу дрова.

Боррик кивнул:

— Я знаю эту усадьбу. Я много раз приезжал туда к лорду Паулу. До нее тридцать пять миль, двадцать из которых приходятся на оккупированную врагом территорию. — Он показал на сани. — Что здесь?

— Это сокровища моего хозяина, — устало проговорил мальчик. — Это его дочь. Этот мужчина — убийца. Когда-то он был моим другом.

— Пожалуй, лучше нам войти внутрь, и тогда ты мне все расскажешь, — сказал Боррик и сделал солдатам знак взять у мальчика веревки, в которые он впрягался, как в лямку, и оттащить сани с дороги.

Герцог отвел мальчика в свою палатку и распорядился, чтобы тому принесли горячего чаю и чего-нибудь из еды. Когда они остались одни, Боррик сказал:

— Итак, Дирк, рассказывай все по порядку.

С весной пришли цуранцы. В прошлом году они объявились в горах Серые Башни, и правители Королевства вместе с самыми влиятельными нобилями и купцами Вольных Городов предупредили всех о возможном вторжении врага на прилежащие территории. Но сопровождавшие эти сообщения россказни о том, что грозные воины появляются из ниоткуда, были встречены недоверием. И казалось, что бои, идущие высоко в горах между солдатами Боррика, пигмеями и захватчиками, слишком далеко, чтобы как-то повлиять на жизнь мирного населения.

Но вот сразу вслед за предупреждением рейнджеров из Наталя — которые быстро умчались предупредить других — в усадьбу «Белые Холмы» вошла колонна низкорослых людей в ярких цветных доспехах.

Лорд Паул приказал охране быть наготове, но не оказывать никакого сопротивления, если пришельцы сами не спровоцируют побоище.

Дирк вместе со всей челядью стоял позади хозяина и вооруженной стражи. Он смотрел на своего господина, который стоял на шаг впереди всех. Дочь его осталась в доме, и Дирк удивлялся, неужели хозяин считает, что за стенами дома девушка будет в большей безопасности.

Дирку казалось, что его господин держится великолепно. С самого начала войны ходили слухи о жестокости цуранцев, а Вольные Города целиком зависели от армии Королевства. Все усадьбы вокруг Валинора были предоставлены самим себе. И тем не менее лорд Паул стоял твердо, не проявляя ни малейших признаков страха, в торжественной алой мантии с горностаевой опушкой. С тех пор как Империя Великого Кеша в прошлом веке отказалась от своих северных колоний, никому больше не присваивались титулы, но те семейства, кому они достались по наследству, носили их с гордостью. Подобно другим нобилям Вольных Городов, лорд с презрением относился к тем, кто стремился получить титул, хотя сам весьма дорожил своим.

Когда захватчики спокойно подошли к дому, стало очевидно, что им ничего не стоит подавить любое сопротивление. У Паула был личный телохранитель и несколько наемных солдат, которые обычно сопровождали его в путешествиях, но что могла сделать горстка головорезов против отряда хорошо обученных воинов? На цуранцах были яркие оранжево-черные доспехи, сделанные, очевидно, из дерева и толстой дубленой кожи, совсем непохожие на металлическую броню, которую носили офицеры из Наталя.

Паул повторил приказ не оказывать сопротивления, и когда командир цуранцев представился ему, лорд учтиво отдал ему честь. После этого командир через переводчика, одетого в черный мундир, принялся перечислять свои требования. Вся собственность Белых Холмов, равно как и окрестных деревень, отныне переходит в руки цуранцев, в частности, подразделения, называемого Минванаби. Интересно, подумал Дирк, Минванаби — это имя или название местности? Впрочем, он был слишком напуган, чтобы задать этот вопрос вслух.

Командир цуранцев, которые все как один были невысокими и коренастыми, отличался от своих солдат только украшением на шлеме, сделанным, по всей вероятности, из хвоста какого-то животного. Черный плюмаж свисал до самых плеч.

Дирк пытался угадать, какое положение занимает человек в черном мундире: с ним обходились подчеркнуто вежливо, пока он переводил.

Офицера звали Чапка, а что означал его ранг, Дирк так толком и не понял.

Он отдал приказ, и человек в черном сказал:

— Оружие имеет право носить только господин этого дома и его личный человек. — Дирк понял так, что это означает телохранителя. Тогда это будет Хэмиш. — Остальным положить оружие сюда.

Солдаты лорда посмотрели на своего господина. Лорд Паул кивнул. Тогда они вышли вперед и медленно сложили оружие в кучу.

— У кого еще осталось оружие? — спросил человек в черном.

Один из солдат, переглянувшись с товарищем, достал из-за голенища маленький нож, кинул его в общую кучу и вернулся в строй.

Офицер что-то прокричал своим воинам, и с десяток цуранцев побежали обыскивать разоруженных наемников. Один цуранец поднял над головой нож, который нашел в сапоге у солдата, и офицер велел провинившемуся выйти вперед. Человек в черном, выслушав офицера, перевел:

— Этот человек ослушался. Он спрятал оружие. Он будет наказан.

— Что вы с ним сделаете? — медленно спросил лорд Паул.

— Смерть от меча слишком почетна для непослушного раба. Он будет повешен.

Солдат побледнел.

— Но это же совсем маленький ножик! Я просто забыл, что он у меня есть.

В этот момент его сильно ударили сзади, и он потерял сознание. Завороженный страшным зрелищем, Дирк смотрел, как два цуранца волокут солдата, о котором Дирк знал лишь, что его зовут Джексон, к амбару. Там из маленькой дверцы, ведущей на сеновал, свисала веревка, с помощью которой поднимали наверх сено. Оглушенного солдата, накинув ему шею петлю, быстро вздернули. Он даже не успел прийти в сознание. Тело его дважды дернулось, вытянулось и повисло неподвижно.

Дирку приходилось и раньше видеть мертвецов. На городок Валинор, в котором он вырос, порой совершали набеги разбойники или Темные Братья, а однажды он наткнулся на пьяницу, который замерз до смерти на задворках постоялого двора. Но эта казнь заставила его желудок сжаться, и он знал, что это не от жалости к Джексону, а от страха за собственную шкуру.

Человек в черном мундире сказал:

— Любого раба с оружием мы повесим.

Офицер отдал приказ, и цуранцы начали обыск: одни отправились в господский дом, другие — во флигели, а несколько человек — в амбар и кладовые. С проворством, которое поразило Дика, они снова вернулись к командиру с докладом. Дик не понимал ни слова, но по тому, как быстро они тараторили, догадался, что солдаты перечисляют вещи,

которые увидели. Из амбара и кладовых цуранцы вернулись нагруженные всякой утварью. Офицер через переводчика принялся расспрашивать лорда Паула о назначении тех или иных предметов, и после того, как хозяин усадьбы объяснял, для чего служат такие обычные вещи, как бурдюк или кастрюля, офицер велел складывать их в ту или иную из двух куч. Если встречалось два одинаковых предмета, один немедленно попадал в одну кучу, а другой, после некоторого размышления, клался отдельно или тоже летел туда же.

Когда два цуранских солдата сгребли бóльшую из образовавшихся куч и унесли ее, старый Вильям, садовник и сторож, сказал:

— Посмотри-ка!

— Что такое? — чуть слышно прошептал Дирк.

— Они не носят железа, — так же тихо ответил старик и многозначительно кивнул на цуранцев: — Погляди на их латы и оружие.

Дирк пригляделся, и то, что он увидел, его поразило. На цуранцах не было ни одного металлического предмета. Их оружие и доспехи были сделаны из толстой кожи или особым способом обработанного дерева. Ни клинков, ни даже застежек Дирк не увидел. Начиная от плетеных сандалий и кончая деревянными шлемами, на цуранцах не было ничего металлического.

— Что это значит? — прошептал Дирк.

— Не знаю, но скоро мы это выясним, — ответил старик.

Цуранцы продолжали обшаривать владения лорда Паула почти до захода солнца, а потом приказали всем собрать вещи и перебираться в амбар или на кухню. Сами они заняли комнаты прислуги. К удивлению Дирка, цуранский офицер поселился вместе со своими солдатами, оставив Паула с дочерью одних в большом доме.

Это был первое, что поразило Дирка, начало длинной череды удивлений, которые ждали его в этом году.

Алекс, скорчившись от боли, лежал на земле, а Хэмиш кричал:

— Только не вставай!

Цуранский солдат, который ударил Алекса в живот, навис над ним, готовый выхватить меч. Алекс застонал, и Хэмиш вновь закричал ему, чтобы он не двигался.

Вместе с другими слугами Дирк стоял у входа в амбар и смотрел, что будет дальше, ожидая самого худшего. За эти два месяца цуранцы проявили себя строгими, но справедливыми хозяевами, но иногда, когда им казалось, что их честь задета кем-то из обитателей Белых Холмов, случались такие расправы. Старый крестьянин по имени Самюэль месяц назад напился пьяным и наткнулся на цуранца, когда возвращался домой. Самюэля избили до бесчувствия и повесили на глазах у испуганных жены и детей.

Алекс продолжал стонать, но не делал попытки подняться, пока цуранский солдат не удалился, удовлетворенный его поведением. Уходя, он пробурчал что-то на своем языке и с презрением плюнул на лежащего юношу.

Хэмиш, немного поколебавшись, подошел к Алексу и с помощью Дирка поднял его.

— Что случилось? — спросил Дирк.

— Не знаю, — сказал Алекс. — Я просто на него посмотрел...

— Все дело в том, ка́к ты на него посмотрел, — сказал Хэмиш. — Ты буравил его взглядом. Если б ты на меня так посмотрел, я бы тебя тоже побил. — Старый солдат оглядел Алекса. — В армии мне приходилось вышибать дурь из таких сопляков. Изображай уважение, когда рядом эти убийцы, парень, а то в один прекрасный день они тебя вздернут просто ради забавы.

Потирая бок, Алекс пробормотал:

— Честное слово, больше так не буду.

— Посмотрим, как ты не будешь, — сказал Хэмиш и подозвал старшего из стражников, Дрогена: — Скажи всем, что эти ублюдки слишком чувствительны. Может, у них на фронте дела неважные. Одним словом, пусть все держат себя вежливо и делают, что им прикажут.

Дроген кивнул и убежал. Хэмиш снова принялся ощупывать Алекса, а потом сказал:

— Повезло тебе, парень. Еще поживешь.

Дирк помог Алексу подняться на крыльцо.

— Похоже, что, как на них ни гляди, любви от них не дождешься.

— Тогда, я думаю, лучше всего вообще на них не смотреть.

Дирк ничего не ответил. Он страшно боялся цуранцев и поэтому и так на них не смотрел. Оказалось, что это самое разумное поведение.

— Не разнесешь дрова? — спросил Алекс.

— Конечно, — кивнул Дирк, и только потом до него дошло, что дрова придется нести туда, где поселились цуранцы. Он поднял большую вязанку и, с усилием закинув ее за спину, понес к дверям. У входа в пристройку он на мгновение замедлил шаг, потом поправил вязанку и решительно толкнул дверь.

Дверь приоткрылась чуть-чуть. Дирк распахнул ее ударом ноги и, войдя внутрь, поморгал, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Шестеро цуранцев сидели на кроватях. Они тихо переговаривались, занятые чисткой оружия и доспехов. Увидев Дирка, они замолчали. Дирк подошел к камину и опустил рядом с ним свою ношу.

Цуранцы наблюдали за ним без всякого выражения. Дирк поспешно выскочил из комнаты. Закрывая за собой дверь, он с трудом верил, что всего лишь пару недель назад кровать в дальнем углу была его собственной. Теперь он и остальные работники спали в амбаре, кроме тех, кто работал на кухне. Они ночевали там же, устроившись на полу.

Ночи стояли теплые, и поэтому дрова были нужны только для приготовления пищи. Цуранцы готовили на каминном огне свою странную еду, наполняющую окрестности необычным, но аппетитным запахом.

Дирк постоял минутку, глядя по сторонам и вспоминая, какими были Белые Холмы раньше, до прихода цуранцев. Теперь на всем лежала их тень. Двое влюбленных, Микия и Торрен, которые обручились за неделю до праздника середины лета, рука об руку вышли из коровника, и казалось, что для них не существует никаких захватчиков. Из кухни доносились голоса и звон кастрюль, возвещавший о том, что скоро обед, и Дирк вдруг понял, что проголодался. Но прежде чем идти есть, он должен был разнести еще несколько вязанок по разным помещениям и решил не тянуть с этим делом. Поворачивая к дровяному сараю, он краем глаза увидел солдата в черно-оранжевых доспехах, который направлялся к амбару. Дирк лениво подумал, уйдут ли они

когда-нибудь из Белых Холмов. Впрочем, надежда на это была слабой. С фронта не поступало никаких известий, и цуранцы так прочно засели в Белых Холмах, словно никогда не собирались уходить отсюда.

Обойдя сарай, Дирк увидел Алекса, который колол дрова.

— Можешь уносить, парень, — сказал ему Алекс. — Я поколю.

Дирк кивнул и наклонился за следующей порцией поленьев. Как самому младшему из слуг ему постоянно давали самую черную работу, и при этом он еще должен был всем помогать.

До того, как он попал в Белые Холмы, Дирк был ничем, младшим сыном каменотеса, у которого уже ходили в подмастерьях два старших сына. Его отец поставлял камень для усадьбы и воспользовался этим, чтобы пристроить Дирка. В будущем Дирк мог бы стать здесь пастухом или стражником, а то и получить клочок земли и отдавать часть урожая в качестве платы за аренду. Он даже мог бы добиться такого положения, как Франклин, у которого была своя земля. Дирк даже осмеливался мечтать, что когда-нибудь встретит девушку, женится на ней, будет растить своих сыновей, дочерей, и, наверное, несмотря на цуранцев, у него оставалась такая возможность.

Напомнив себе, что ему есть за что благодарить судьбу, он подхватил очередную вязанку и понес ее во флигель, где разместились захватчики.

С наступлением осени погода резко изменилась. Дни стояли солнечные, но холодные, и ночью тоже было холодно. В этом году выдался богатый урожай яблок, и давильные прессы работали почти круглые сутки. Цуранцам очень понравился яблочный сок, и они заказали себе большое количество. Сок выставляли на двор, чтобы он перебродил, а из кухни чудесно пахло теплыми пирогами.

Дирк уже привык относить дрова цуранцам, а теперь в его обязанности входило следить за тем, чтобы у каждого камина всегда лежали дрова. Алекс занимался лишь колкой. Все стали называть Дирка «дровяной мальчик», а как его зовут по имени, уже никто и не вспоминал. Чем холоднее становились ночи, тем больше у него прибавлялось работы. К тому же он должен был помогать всем готовить усадьбу к

зиме. Надо было подправить загон для овец, которых держали ближе к усадьбе, поскольку зимой с гор спускались голодные волки, и пригнать с высокогорных лугов коров и бычков.

Еще предстояло укрепить погреба и стены в кладовках. В предгорья Джайбона зима приходила быстро, и часто после первого же снегопада все покрывалось сугробами до самой весны.

Дирк много работал и радовался тем нечастым минутам, когда мог отдохнуть, посмеяться со старшими ребятами и молодыми парнями и поговорить с Литией, старухой, которая раньше присматривала за телятами и ягнятами. Она была добра к этому неловкому мальчику и рассказывала Дирку вещи, которые помогали ему понять этот изменчивый мир.

Теперь Дирк понял, что впереди у него не такой уж богатый выбор. До прихода цуранцев еще оставалась надежда выучиться на скотника или стать фермером, встретить девушку и завести семью. Можно было бы попытаться накопить денег и стать торговцем. Дирк имел представление об искусстве каменотеса и мог бы найти работу по этой части.

Но сейчас он боялся, что его удел — до конца жизни остаться слугой. Ему давно никто не платил за работу. Цуранцы забрали все сокровища лорда Паула, хотя ходили слухи, что около двух третей он сумел спрятать. Но даже если эти слухи были правдивы, лорд Паул не собирался платить какому-то слуге, рискуя быть повешенным.

И в имении не было ни одной ровесницы Дирка, если не считать дочери лорда.

Раньше на праздник середины зимы можно было встретиться с девушками из города или ближайших усадеб, но цуранцы запретили всем покидать Белые Холмы на праздник середины лета, и Дирк сомневался, что на сей раз они отменят этот запрет.

Домочадцы лорда Паула отмечали Банапис в своем кругу, без особого веселья, поскольку еда и напитки оставляли желать лучшего, и одиночество тоже не могло согреть их сердца.

Но похоже, думал Дирк, зимой праздник пройдет веселее, поскольку осенью заготовлено много сидра. Потом он вспомнил, каким страшным становился его отец, когда на-

пивался; он усомнился в том, что это украсит праздник. Хэмиш славился своим умением допиваться до темной слепой ярости, и, как правило, это случалось зимой.

Дирк отбросил грустные мысли и занялся своими делами. Он считался в усадьбе самым работящим, хотя и самым непримечательным мальчиком из всех младших слуг.

Праздник был бледной тенью прежних торжеств.

Обычно в этот день все переворачивалось вверх дном и все, кто жил в усадьбах неподалеку от города, отправлялись на праздник туда. Из горожан выбирался человек, который играл роль старика Зимы и въезжал в город на санях, запряженных волками — как правило, их изображала пестрая свора собак, и все помирали со смеху. Он раздавал детишкам сладости, а взрослые обменивались подарками. Потом наедались до отвала, а вино и эль просто лились рекой.

И много свадеб играли после этого праздника.

В этом году цуранцы запретили гуляния, и Дирк стоял во дворе среди кучки слуг, глядя, как Микия и Торрен вступают в брак в присутствии лорда Паула и его дочери. Цуранцы позволили Дирку сходить в храм Дайлы за жрецом, чтобы венчание прошло по всем правилам. Несмотря на присутствие нежеланных гостей, молодые выглядели счастливыми, и большой костер, который Дирк вместе с остальными слугами сложил во дворе, тоже внес некоторое оживление в праздник. Пламя ревело, и стоящим рядом было тепло, но в остальном это был холодный и унылый денек для свадьбы. С гор задувал резкий ветер, и низкое небо было свинцового цвета.

К столу было подано все самое лучшее, что можно было придумать в таких обстоятельствах. Дирк впервые в жизни напился, но вскоре обнаружил, что его желудок не может вместить столько, сколько желудки его друзей. Остальные парни с изумлением смотрели на Дирка, который стоял, привалившись к стене амбара. Его тошнило, в голове у него все плыло, и кровь тяжело стучала в висках.

Каким-то чудом он забрался на сеновал, где теперь ночевали слуги. Как самому младшему ему досталось худшее место, рядом с люком для поднимания сена, и поэтому ночью он ужасно мерз. Если бы Дирк спал здесь один, то замерз бы до смерти. Среди ночи его разбудил крик,

донесшийся снаружи из темноты. Дирк заворочался, а его сосед, Хэмми, полусонно пробормотал:

— Что это?

Дирк открыл люк нараспашку и в лунном свете увидел пьяного Хэмиша, который размахивал мечом, держа в другой руке кувшин с сидром.

Он выкрикивал какие-то слова, которых Дирк не мог разобрать, а Хэмми сказал:

— Наверное, он вспоминает какую-то старую битву.

Вдруг Алекс воскликнул:

— Цуранцы! Если Хэмиш разбудит их своими воплями, они его убьют. Надо увести его и постараться заткнуть ему рот.

— Если не боишься разговаривать с ним, когда у него в руках меч, валяй, — сказал Хэмми. — Я уж лучше останусь здесь. Я его уже видел пьяным. Он становится сумасшедшим.

— Надо же что-то делать, — сказал Дирк.

— Что? — спросил Хэмми.

— Не знаю, — признался Дирк.

Из флигеля выбежали два цуранца и остановились, увидев в лунном свете пьяного старого вояку.

— Вы, вонючие ублюдки! — орал Хэмиш. — Идите сюда, и я покажу вам, как надо пользоваться мечом.

Цуранцы медленно вытащили оружие и о чем-то зашептались. Один из них кивнул другому и отошел назад, убрав меч. Потом он повернулся к флигелю и убежал.

— Пошел за подмогой, — прошептал Дирк, боясь, что второй цуранец его услышит.

— Может, они просто заставят его отдать меч и отправят спать? — предположил Хэмми.

— Может, — эхом отозвался Дирк.

Потом они увидели шестерых цуранцев. Впереди шел их офицер. Офицер заорал на Хэмиша, а тот по-волчьи оскалился и крикнул в ответ:

— Идите сюда! Спойте мне песенку, собачьи дети!

Казалось, цуранского офицера раздражает то, что его вытащили на улицу в такой поздний час. Он что-то быстро сказал своим людям, после чего развернулся и, не оглядываясь, ушел.

— Может, они оставят его в покое, — сказал Хэмми.

Вдруг из темноты вылетела стрела и вонзилась в грудь старому Хэмишу. Он изумленно посмотрел на нее, упал на

колени, а потом завалился на бок, так и не выпустив ни меча, ни кувшина с сидром.

— Боги! — прошептал Дирк.

Цуранцы как по команде повернулись и пошли прочь, оставив мертвого телохранителя валяться в снегу.

— Что будем делать? — прошептал Дирк старшим мальчикам.

— Ничего, — ответил Алекс. — Пока цуранцы не прикажут нам его похоронить, ничего нельзя делать.

— Но это же неправильно, — сказал Дирк, изо всех сил пытаясь удержаться от слез.

— В наши дни все неправильно, — произнес Хэмми, закрывая люк.

Дирк лежал на чердаке, ежась от холода, который был гораздо страшнее зимней стужи.

— Давай я тебе помогу, — сказал Дроген, видя, как Дирк пытается ногой захлопнуть дверь кухни. Снаружи завывал ветер, и Дирк уже в пятый раз ходил за дровами.

— Закрой, пожалуйста, дверь, — сказал Дирк. Новый телохранитель лорда Паула выполнил его просьбу, и Дирк поблагодарил: — Спасибо. Я должен отнести дрова в большой зал.

Сгибаясь под тяжестью вязанки, он вошел в зал, где обедали лорд Паул и его дочь Аника.

Дирк был очень рад необходимости принести им дрова, поскольку это давало ему возможность украдкой взглянуть на Анику. Она была на год младше Дирка. На прошлый Банапис ей исполнилось пятнадцать, и для юного слуги она была воплощением совершенства. У нее были тонкие черты лица, губы сердечком, широко расставленные голубые глаза и волосы цвета бледного золота. Ее кожа летом покрывалась легким загаром, а зимой щечки ее пылали цветущим румянцем. Фигура ее только-только оформилась, и хотя она была не такой пышной, как у кухарок, грация Аники заставляла сердце Дирка биться быстрее.

Дирк понимал, что она даже не знает его имени, но мечтал, что когда-нибудь он добьется славы и высокого положения и завоюет ее любовь. Образ ее дни напролет стоял у него перед глазами.

— Что-то не так, Дровяной Мальчик? — спросил лорд Паул.

— Нет, сэр, — ответил Дирк и, выпрямляясь, ударился головой о каминную полку. Аника засмеялась и изящно прикрыла ладошкой рот, а Дирк отчаянно покраснел. — Я просто принес дрова, сэр.

— Тогда ступай обратно на кухню, — сказал лорд.

До прихода захватчиков лорд Паул был представителем города. Он принимал участие в голосовании по важным вопросам и однажды входил в совет представителей Вольных Городов Наталя. Как ни крути, он был самым богатым человеком в округе. Его корабли бороздили Горькое Море, и по всему Западному Княжеству были разбросаны его фермы и земельные владения. К тому же у него была собственность в Островном Королевстве и в Империи Великого Кеша.

И теперь Дирк безнадежно влюбился в его дочь.

Не важно, что она не знала имени Дирка и даже не замечала его присутствия, — он все равно продолжал думать о ней. В последние две недели после смерти Хэмиша он ловил себя на том, что только и делает, что вспоминает Анику — ее улыбку, то, как она двигается, ямочку у нее на подбородке и взгляд, когда она слушает своего отца.

Она носила только самые лучшие платья, и ее волосы неизменно были скреплены гребнем из светлой кости или из раковин Горького Моря. Она всегда была вежлива, даже со слугами, и такого нежного голоса, как у нее, Дирк никогда не слышал.

Когда он вернулся на кухню, старая дородная кухарка, которую звали Дженна, сказала:

— Ну что, мы опять пялились на девушку, а?

Дроген засмеялся, и Дирк снова покраснел. Его влюбленность в дочку лорда была постоянным предметом шуток на кухне. Дирк молил богов, чтобы Дженна ничего не рассказала другим мальчишкам, потому что тогда его и без того нелегкая жизнь превратилась бы в настоящий ад.

— Красивая девушка, — сказал Дроген, улыбнувшись Дирку. — Многие мужчины не отказались бы на нее посмотреть.

Дирку нравился Дроген. Пока цуранцы не убили старого Хэмиша, он был просто одним из стражников лорда Паула. После этого он был переведен в дом, и Дирку несколько раз удавалось с ним поговорить. В отличие от Хэмиша, который

был подвержен приступам дурного настроения, Дроген был спокойным парнем, который говорил мало, если его не спрашивали о чем-то прямо. Он легко сходился с людьми и имел репутацию одного из лучших фехтовальщиков в Вольных Городах. Его красота была мрачноватой, но Дирк слышал, что не одна служаночка мечтала бы сойтись с ним поближе, а девушки в тавернах с нетерпением ждали его следующего визита. Дирк считал его славным малым, хотя Дженна не раз отпускала в его адрес едкие замечания, считая, что на уме у него одни бабы.

Дирк поднялся и сказал:

— Я должен отнести цуранцам еще дровишек.

Выйдя из теплой кухни на холод, он сильно пожалел, что пришлось это сделать, и побежал к дровяному сараю.

Дирк закинул за спину большую вязанку и поспешил к первому из трех флигелей. Цуранцы занимались тем же, чем и обычно: молча сидели, отдыхая между караулами или после каких-то дежурств, на которые иногда отправлялось сразу полгарнизона. Случалось, что они приходили израненные. Отдыхали они так: спали, чинили свои странные оранжево-черные доспехи и тихо переговаривались. Иногда они играли в игру, напоминающую обычные кости, а некоторые даже в подобие шахмат.

В тот день в Белых Холмах их было меньше дюжины, остальные были в походе вместе с командиром. Когда Дирк вошел, они взглянули на него с безразличием. Он вышел и отправился таскать другие вязанки. Закончив, он с облегчением вздохнул. Сколько бы раз он ни заходил во флигель цуранцев, воспоминания об их жестокости приводили его в такое состояние, что он был готов сломя голову бежать оттуда. Теперь до следующего вечера ему не нужно было здесь появляться, и Дирк на некоторое время почувствовал себя в безопасности.

Покончив со всеми делами на этот вечер, Дирк вернулся на кухню и съел скудный ужин — жесткое мясо и кусок черствого хлеба. Все лучшее из того, что оставалось после того, как захватчики забирали еду себе, подавалось лорду Паулу и его дочери. Дирк как-то раз услышал, как Аника жаловалась отцу на плохую пищу, а тот ответил ей, что могло быть и хуже. А по сравнению с тем, чем приходилось

довольствоваться Дирку, это был просто пир. Дроген и домашняя прислуга получали целую кучу объедков, но никто не делился с Дровяным Мальчиком.

Дирк вернулся в амбар и постарался не замечать стонов, доносящихся из-под одеяла в углу. Микия с Торреном не обращали внимания на то, что они тут не одни. Дирк решил, что это потому, что Торрен скотник, а она — молочница. Он давно заметил, что деревенские жители ближе к природе и у них иные представления о скромности, нежели у городских.

В другом углу сидела Лития, дрожа от холода. Дирк помахал ей, и она ответила беззубой улыбкой. Он наклонился к ней и спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Сносно, — ответила она слабым голосом.

Дирк был уверен, что старуха не переживет зиму, но всем было на нее наплевать. Старики всегда умирают, повторяли они.

— О чем нынче сплетничают? — спросила Лития.

Единственное, что составляло радость ее жизни, были слухи и новости. Дирк всегда старался услышать побольше, чтобы хоть чем-то порадовать свою приятельницу.

— К сожалению, сегодня никаких новостей, — ответил он. Неожиданно она спросила его с усмешкой:

— Ну что, хозяйская дочь уже удостоила тебя хотя бы взглядом, мой юный повеса?

Дирк вспыхнул:

— Не знаю, о чем ты говоришь, Лития!

— Еще как знаешь, — хихикнула она и шутливо его ущипнула. — Так и должно быть, парень. Она здесь единственная твоя ровесница, и было бы странно, если бы ты на нее не поглядывал. Если эти мерзавцы, которые спят сейчас на наших кроватях, разрешат нам весной навестить соседей, первая же девчонка, которую ты встретишь на ферме, выбьет у тебя из головы это порочное чадо нашего лорда.

— Порочное? — переспросил Дирк. — Что ты имеешь в виду?

— Ничего, милый мальчик, — ответила Лития. — Она — своенравная девчонка, которая всегда получала то, что хотела, а тебе нужна хорошая сильная девушка с широкими бедра-

ми, которая нарожает тебе детей, чтобы, когда ты состаришься, они о тебе заботились.

Хоть Дирк и был еще совсем юн, от него не ускользнула горечь, прозвучавшая в этих словах. Он знал, что единственный сын Литии несколько лет назад погиб и теперь не осталось никого, кто бы о ней позаботился.

Дирк сказал:

— Завтра постараюсь принести тебе из усадьбы еще одно одеяло.

— Не стоит ради меня наживать себе неприятности, — сказала Лития, но по ее лицу было видно, что она ему благодарна.

Дирк забрался по лестнице на чердак, где ночевали парни помоложе. Среди них он был самым младшим, поскольку дети слуг жили со своими родителями. Алекс, Ханс и Леонард уже спали. Хэмми и Петер еще не вернулись. Дирку самому не помешало еще одно одеяло, но он полностью зависел от тех, кто был старше него. Только прижавшись к Хэмми, можно было греться то одним, то другим боком, поэтому всю ночь Дик вертелся.

А до весны еще оставалось целых два месяца. Хэмми и Петер вскарабкались на чердак, и Дирк, завернувшись в свое единственное одеяло, провалился в сон.

Его разбудил непонятный звук. Только потом Дирк сообразил, что кто-то кричал. Звук был приглушенный, но это явно был крик. С минуту Дирк прислушивался, но было тихо, и он попытался снова уснуть.

Только он задремал, как внизу послышался какой-то скрип и звук шагов. Странное бульканье заставило Дирка приподняться на локте и вслушаться в темноту. Он напряг слух, но вновь стало тихо. Решив, что это опять Микия с Торреном, Дирк улегся назад и опять попытался заснуть. Им уже овладела дремота, когда он почуял неладное. Он поднял голову и увидел, что на него быстро надвигается что-то большое и темное. Дирк сел и невольно отпрянул в сторону.

В одно мгновение произошло сразу две вещи. Кто-то ударил его мечом, разрезав рубашку прямо под воротником, и Дирк, отшатнувшись, ударился спиной о люк сеновала. Он закричал, от ужаса не в силах произнести что-то внятное. Раздался вопль, на него рухнуло чье-то тело, и Дирк почувствовал, что летит. Он упал в сугроб, а сверху на него свалился еще кто-то, и Дирк потерял сознание.

Когда он очнулся, на востоке небо уже светлело. Дирк замерз и едва мог дышать. У него заплыл левый глаз, и какая-то тяжесть придавливала Дирка к земле.

Он попробовал пошевелиться и обнаружил, что на нем лежит Хэмми.

— Эй, слезай, — хотел сказать Дирк, но голос не слушался, а горло пронзила такая боль, что он застонал.

Ноги у него занемели от холода: он пролежал в сугробе несколько часов. Дирк поерзал, уселся и только тогда понял, что Хэмми мертв. У него было перерезано горло и лицо было совсем белым. Ужас так подстегнул Дирка, что он сумел спихнуть с себя труп и даже встать на непослушных ногах.

Он стал стряхивать с себя снег, и все его мышцы заныли от боли. Выбравшись из сугроба, Дирк увидел, что он весь в крови, и это кровь Хэмми.

— Что случилось? — потрясенно прошептал Дирк.

Он побрел к амбару. Через час должно было взойти солнце. Ноги у него подкосились; он прислонился к стене амбара и, подняв голову, увидел, что люк, через который поднимают сено, открыт. На негнущихся ногах Дирк обошел амбар и увидел, что дверь распахнута настежь. Посмотрев на снег перед дверью, он заметил странную вещь. Там, где обычно никто не ходил, можно было различить цепочку следов, а рядом — борозды от полозьев. Кто-то тащил отсюда тяжело груженные сани. Лошадей в усадьбе давно не было — цуранцы съели их еще прошлой зимой.

Дирк вошел внутрь и увидел Микию и Торрена, которые лежали в объятиях друг друга с перерезанными глотками. Старая Лития валялась в луже собственной крови, и глаза ее были широко открыты. Повсюду, куда бы ни посмотрел Дирк, он видел смерть.

«Кто это сделал? — в панике спрашивал себя Дирк. — Неужели цуранцы вдруг помешались и всех перебили? Но если это они, должны быть и обратные следы, а след только один». К тому же он знал, что почти все они были где-то в походе и в усадьбе их оставалось всего несколько человек.

Потом Дирк взглянул на господский дом

— Аника! — хрипло прошептал он.

В предрассветной мгле он вбежал на кухню и увидел, что дверь открыта. Онемев от ужаса, Дирк смотрел на следы рез-

ни, учиненной в комнате, где спала прислуга. Все до одного были убиты, как и те, кто ночевал в амбаре.

Дирк взбежал по лестнице наверх и без стука ворвался в комнату Аники. Ее постель была пуста. Дирк заглянул под кровать, подумав, что она могла заползти туда и умереть, но потом вдруг понял, что в комнате нет следов крови.

Вскочив, Дирк бросился в комнату ее отца. Лорд Паул лежал на залитой кровью кровати, и Дирк даже не стал проверять, жив он или мертв. Потайная дверь за кроватью, замаскированная под кусок стены, была распахнута настежь. Дирк заглянул в тайник и понял, что именно здесь его хозяин прятал свое сокровище. Захватчики потребовали сдать им все золото, все серебро и даже медь, хотя всем было известно, что у них нет даже представления о том, что такое богатство. Дирк вспомнил о слухах, что лорд Паул утаил две трети своего состояния. Может быть, цуранцы узнали, что он их провел, и решили наказать за это всех? Когда цуранцы приходят в ярость...

Нет, сам себе возразил Дирк. Цуранцы повесили бы всех, не удостоив ударом меча. Тот, кто устроил эту резню, действовал тайно и наверняка опасался поднять тревогу. Убийца был вооружен...

Дроген!

Только у Дрогена и у самого лорда Паула было оружие. Дирк закрыл потайную дверь. Он был слишком потрясен, чтобы оценить, как хитро она сделана. Когда дверь была закрыта, ее невозможно было отличить от стены.

Дирк сбежал вниз, в столовую, и увидел над камином два меча. Он уже хотел взять один, но вспомнил, что если цуранцы поймают его с мечом, то повесят без долгих слов. Тогда Дирк вернулся на кухню и взял с разделочного стола большой нож. Ему не раз доводилось держать его в руках, и сейчас знакомая рукоятка придала Дирку уверенности.

Надо было как-то найти Анику, но Дирк понятия не имел, как это сделать. Дроген, должно быть, прихватил ее вместе с золотом. Дирк снова побежал в амбар, посмотреть, не остался ли все-таки кто-то еще в живых, но уже через минуту ему стало ясно, что, кроме него самого и Аники, никто не спасся.

Ну и конечно, цуранцев.

Дирка охватила паника. Он понимал, что, стоит кому-нибудь из них увидеть его, он будет немедленно повешен за

то, что взял нож, и никаких объяснений слушать никто не станет.

Дирк сунул нож за пазуху и забрался на сеновал. Там он нашел свой холщовый мешок, который служил ему кладовкой. Скинув с себя свою единственную куртку, он увидел, что она распорота под воротником. Дроген ударил его первым, заметив, что он не спит, и, видимо, не сомневался в верности своего удара. Дирк понимал, что лишь темнота и падение с чердака спасли ему жизнь. Если бы он не упал, Дроген наверняка захотел бы удостовериться, что Дирк мертв.

Дирк натянул на себя еще одну рубашку, чтобы было теплее, не обращая внимания на кровь, сочащуюся из подбородка. Теперь для него было самое главное не замерзнуть. Он даже хотел снять куртку с одного из мертвецов, но не осмелился.

Дирк вновь натянул свою куртку и достал из мешка рукавицы и большой шерстяной шарф, который ему связала Лития. Надев и то, и другое, он заглянул в мешок, но больше там не было ничего, что могло бы ему пригодиться.

Теперь у него было только одно желание: догнать убийцу. Дроген. Надо найти Дрогена, спасти Анику и вернуть ей золото ее отца. Дирк понимал, что без этого золота девушка станет нищей и будет зависеть от щедрости родственников или друзей. Но он был так перепуган, что не мог двинуться с места.

Вдруг Дирк услышал крик со двора. Проснулись цуранцы, и один из них что-то заметил. Голоса приближались. Дирк понял, что они вот-вот войдут в амбар.

Он едва успел забиться в самый темный и самый дальний от двери угол, как почти сразу появились солдаты. Они быстро переговаривались на своем странном наречии. Один прошел мимо Дирка и даже бросил на него взгляд, но, видимо, принял его за мертвеца, потому что ничего не сказал своим товарищам. Другой полез на чердак, что-то крикнул оттуда. Потом он спустился, и все вышли. Дирк дождался, пока их шаги затихнут, подкрался к двери и выглянул наружу. Со своего наблюдательного пункта он увидел, как один из цуранцев отдает остальным приказ прочесать округу.

Не зная, что делать дальше, Дирк выжидал. Цуранцы рассматривали следы полозьев. Было видно, что их одолевают

сомнения. Они заспорили. Тот человек, который отправлял остальных на поиски, видимо, хотел пустить за убийцей погоню. Другой, который был, очевидно, выше его по рангу, что-то произнес начальственным тоном, и первый, слегка поклонившись, ушел. Дирк догадался, что преследовать Дрогена никто не собирается. Он может так и уйти безнаказанным, перебив два десятка человек, забрав Анику и украв все золото лорда Паула. Да, цуранским солдатам явно не было дела до тех, кого они считали ниже себя.

Дирк понял, что если кто-то еще может спасти Анику, то только он. Выскользнув из амбара, Дирк убедился в том, что его никто не заметил, спустился с холма и углубился в лес. Он долго петлял между березами и соснами, пока не наткнулся на санный след.

Дирк пробирался по лесу, утопая в снегу. Ноги у него заледенели, он устал и проголодался, но не утратил решимости настигнуть Дрогена. Вокруг царили два цвета: зеленый и белый. Ветви сосен и елей были густо усыпаны снегом. Позади осталась березовая роща, и Дирк понял, что он уже вышел за границу владений лорда Паула.

Убийца двигался с хорошей скоростью, несмотря на то что ему приходилось волочить тяжелые сани. Поднимаясь на холм, Дирк выигрывал время, но, спускаясь с него, снова терял.

Дирк остановился, чтобы передохнуть, и задумался. Наконец он пришел к выводу, что выследить убийцу проще всего будет ночью, когда Дроген разожжет костер. Он понятия не имел, сколько прошло времени, но видел, что серое небо начинает темнеть и скоро опустятся сумерки.

Над одним из сугробов высунулся кролик и принюхался. Дирк пожалел, что у нет лука и нет времени ставить силки, а то бы он с удовольствием съел жареной крольчатины. Постаравшись забыть о мясе, он пошел дальше.

Повалил снег, и тут же стало темно. Вместе со следом саней пропали все планы Дирка продолжать преследование ночью. Это была самая темная ночь в его жизни, и Дирк дрожал не только от холода, но и от страха.

Отыскав несколько деревьев, чьи ветви образовали шатер, он забрался туда и, слепив из снега стену, чтобы защититься от ветра, задремал.

Его разбудил какой-то тихий звук. Высунув голову из-под веток, Дирк увидел, что снег за ночь возвел над ним купол. Выбравшись из укрытия, он отыскал следы там, где снегу помешали ветви деревьев, и снова устремился в погоню.

На закате он увидел огонь костра. Дроген направлялся в Наталь. Там не было цуранцев, и оттуда он мог преспокойно добраться до Илита, а из Илита — куда угодно: в Королевство, в Кеш или даже в Квег. Как он надеялся пересечь границу, Дирк не знал, но не сомневался, что у Дрогена уже готов план. Может быть, он просто считал, что цуранцы зимой не выставляют больших дозоров, а держатся возле костров. Насколько Дирк слышал, сейчас, из-за снегопадов, почти не велись бои между захватчиками и Вольными Городами.

Дирк поплелся на свет костра.

На минутку он остановился там, откуда можно было как следует осмотреть окрестности, а потом, стараясь двигаться бесшумно, начал все ближе подбираться к костру, возле которого сидел человек. Судя по тому, что он не принял никаких мер предосторожности, Дроген не подозревал о погоне. В ногах у него, на куче мехов, лежала Аника. Эти меха Дирк выколачивал каждую осень, после того как доставал их из сундуков, и знал, что они очень теплые. Аника спала — наверное, устала от страха, подумал Дирк.

Ему стало не по себе, и он остановился. Он никак не мог придумать, что делать дальше. В голове у него один за другим возникали планы, которые он тут же отбрасывал. Дирк не представлял себе, как напасть на опытного воина, закаленного в сражениях.

Он увидел, что костер потихоньку гаснет. Дроген начал есть, а Дирк все стоял без движения. От холода, голода и страха на глаза у него наворачивались слезы.

Потом Дроген подбросил в огонь хворосту и закутался в одеяло. Он лег на снег между санями и Аникой. Девушка пошевелилась во сне, но не проснулась. Он собирается спать!

Дирк понял, что единственная возможность спасти Анику — это напасть на Дрогена, когда он заснет, и убить его во

сне. По этому поводу у него не возникло никаких угрызений совести: Дроген сам убил таким образом всех, кого Дирк знал с тех пор, как покинул родительский дом, и заслужил эту смерть. Дирк лишь боялся случайно его разбудить.

Дирк заставил себя пойти вперед и внезапно понял, как безопаснее всего подойти к костру. На негнущихся ногах он делал шаг за шагом, а руки у него так тряслись, что он едва не выронил нож, доставая его из-под куртки.

Знакомая рукоятка внезапно показалась Дирку совершенно чужой, она словно сопротивлялась усилиям его замерзших пальцев, и он никак не мог ухватить ее поудобнее.

Дирк зашел с другой стороны саней, чтобы напасть на Дрогена с головы.

Он высоко поднял нож и, пригнувшись, медленно обошел сани, стараясь производить как можно меньше шума. Когда до Дрогена оставалось всего несколько футов, тот вдруг пошевелился, плотнее закутываясь в одеяло. Аника спала крепко.

Страх охватил Дирка. Он знал, что если сейчас не двинется с места, то не сделает этого уже никогда. Дирк направил лезвие вниз и изо всех сил вонзил его в плечо Дрогена.

Дроген закричал от боли и дернулся, едва не вырвав нож из руки Дирка. Дирк вытащил свое оружие и снова ударил Дрогена, когда тот попытался встать. Удар опять пришелся в плечо, и Дроген взвыл.

Проснувшаяся Аника завопила и, раскидав меха, вскочила, пытаясь понять, что происходит. Дирк приготовился к третьему удару, но Дроган сшиб его с ног.

Дирк покатился по снегу, а Дроген прыгнул на него и придавил всей тяжестью.

— Ты? — вскричал он, узнав Дирка при свете костра. Он на мгновение замешкался, и Дирк потянулся к нему ножом и ударил в лицо. Дроген качнулся назад, закрывая рукой порез на щеке, и закричал от боли. Дирк действовал не раздумывая. Он тяжело размахнулся и всадил нож Дрогену прямо под ребра. Дроген повалился на Дирка, и в глазах его застыло безграничное изумление. Правой рукой он вцепился в куртку Дирка, словно хотел о чем-то его спросить, а потом медленно упал на спину.

Под тяжестью Дрогена Дирк не мог встать. Он начал яростно выдирать куртку из его пальцев. Бок у него болел от удара. Он увидел окровавленную рукоятку, и в голове у него помутилось. Упираясь руками в снег, Дирк выполз из-под Дрогена и в полубреду услышал рыдающий голос:

— Нет!

Словно в тумане, Дирк нагнулся и вытащил нож из тела Дрогена. Он снова услышал возглас Аники:

— Нет! — и обернулся. — Ты убил его! — вскричала Аника и бросилась на Дирка. Он растерялся, не понимая, что происходит. Перед глазами у него все плыло, в голове гудело.

— Я... — начал он, но в это мгновение Аника налетела на него.

— Ты убил его! — снова закричала она. Дирк отступил, споткнулся о тело Дрогена и упал. Аника, внезапно потеряв равновесие, рухнула на него.

Дирк увидел, как глаза ее на мгновение расширились. Она оттолкнулась от него и посмотрела вниз.

Дирк проследил ее взгляд и увидел, что по-прежнему держит в руке нож. Аника упала прямо на лезвие. Теряя сознание, она поглядела ему в лицо и прошептала:

— Дровяной Мальчик?

Дирк отстранил ее, но продолжал ее обнимать. Она смотрела в небо остекленевшим взглядом, а Дирк нежно прижимал ее к себе. Потом он почувствовал обжигающую боль в боку и понял, что нож каким-то образом вонзился ему в бок. Он коснулся раны, и боль пронзила все его тело. Понимая, что не сможет идти с ножом, застрявшим в боку, Дирк снова ухватился за рукоятку. Собрав последние силы, он вытащил нож из раны. Через некоторое время боль утихла и стала не острой, а ноющей. Дирк понял, что ему не суждено умереть. Он медленно встал и посмотрел на девушку.

Потом он пошел прочь.

Боррик сказал:

— Она помогла ему убить собственного отца и всех остальных?

— Я так не думаю, сэр, — печально сказал Дирк. — Мне кажется, он обманом уговорил ее бежать с ним и открыть секрет тайника. Она была невинной девушкой, а он — опыт-

ный сердцеед. Если он убил всех, не разбудив ее, а потом отнес сразу в сани, она могла ничего не увидеть. А после того, как они уехали бы из Вольных Городов, она бы уже никогда ничего не узнала. — Казалось, Дирк сейчас заплачет, но он удержался от слез. — Она наткнулась на мой нож, так и не узнав, что случилось дома. Иначе бы она не горевала так о смерти Дрогена, я в этом уверен. Она погибла случайно, но все-таки я виноват в этом.

— В этом нет твоей вины, парень. Ты же сам сказал, что это произошло случайно. — Боррик помолчал и кивнул. — Да, будем считать, что так все и было. Малыш, почему ты пришел сюда?

— Я не знал, куда мне еще пойти, и решил, что, если Дроген шел сюда, мне тоже нужно идти этой дорогой. Цуранцы отняли бы у меня золото, а потом бы повесили.

— Ты правильно поступил, — тихо произнес Боррик.

Дирк поставил чашку на стол и сказал:

— Как хорошо. Спасибо вам, сэр. — Он неловко шевельнул рукой и поморщился.

— Тебе больно?

— Я перевязал раны, как сумел, сэр.

Боррик вызвал адъютанта и велел ему отвести мальчика к лекарю. Когда Дирк вышел, капитан сказал:

— Ничего себе история, ваша светлость.

Боррик кивнул:

— Да, мальчику не занимать отваги.

— Как вы думаете, девушка знала? — спросил капитан.

— Конечно, знала, — ответил Боррик. — Я знавал этого Паула из Белых Холмов. Бывал у него в имении, и он бывал у меня в Крайди. Я знаю его дочь. — Боррик вздохнул, словно очень устал. — Она ровесница моей Карлины, но они всегда были такими разными... Аника была прирожденной интриганкой. — Он снова вздохнул. — Я не сомневаюсь, что это она все придумала, хотя мы никогда не узнаем, с ее ли согласия были совершены все эти убийства. Может быть, она просто предложила телохранителю украсть золото и сбежать. Если ее отец остался бы в тылу цуранцев, то с этим золотом она могла бы стать весьма значительной фигурой в Крондоре или даже в Рилланоне. Она легко могла рассчитывать на помощь телохранителя — кто бы на его месте стал

отказываться. А если бы до нас дошли слухи об убийстве, мы бы решили, что цуранцы перерезали челядь в знак предупреждения. — Боррик помолчал и добавил: — Нутром чую, что за всем этим стояла девчонка. Но ведь мы никогда не узнаем наверняка.

— Никогда, ваша светлость, — согласился капитан. — Что делать с трупами?

— Похоронить их. Мы же не можем отвезти девушку в Элинор.

— Я велю солдатам копать могилу. На таком морозе это займет много времени. — Потом он спросил: — А как быть с золотом?

— Мы его конфискуем, — сказал Боррик. — Цуранцы все равно бы забрали его себе, а мне нужно кормить армию. Пошлите его под охраной к Брукалу в Ла-Мут. — Он помолчал немного, а потом добавил: — И пошлите туда же парня. Я напишу Брукалу записку, чтобы он пристроил его на службу при казармах. Из него выйдет толк. И к тому же ему больше некуда идти.

— Будет исполнено, ваша светлость.

Капитан хотел уже уйти, но Боррик его остановил:

— И еще.

— Да, ваша светлость?

— Все, что я сказал, держите при себе. Мальчику ни к чему об этом знать.

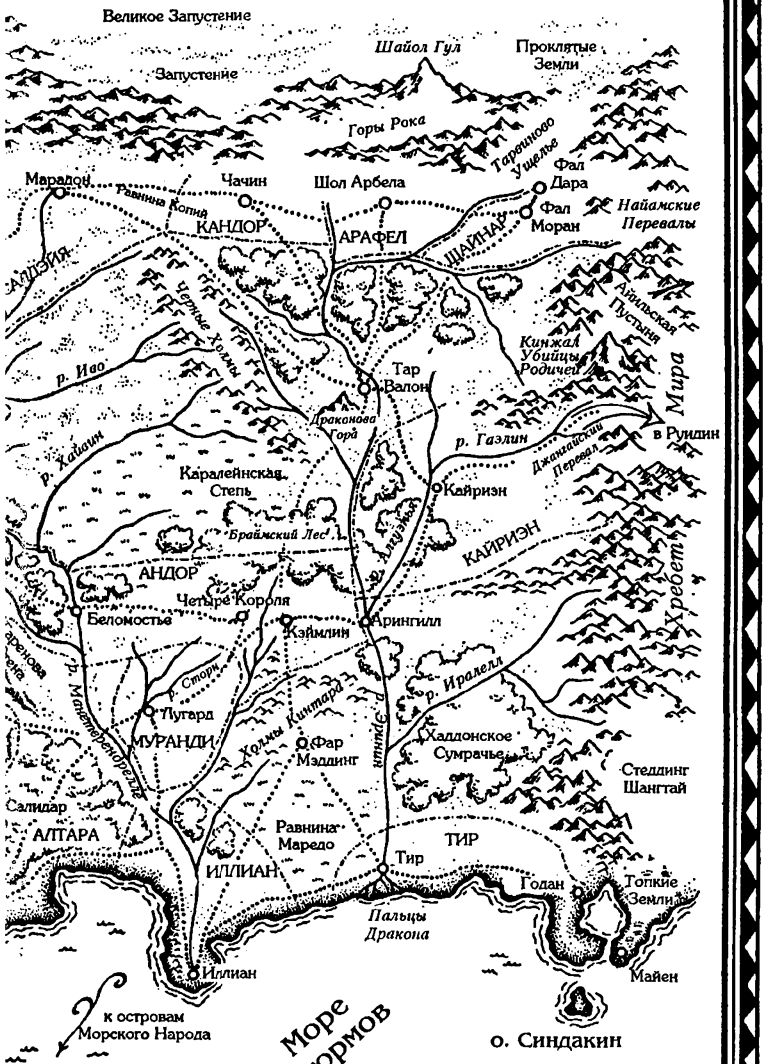
— Как скажете, ваша светлость, — кивнул капитан и вышел.

Боррик сел и постарался снова сосредоточиться на делах, но из головы не выходила эта история. Он попытался представить себе, что испытывал Дирк, один, вооруженный только кухонным ножом, — и испугался. Боррик был опытным воином, но помнил, как тяжело избавиться от неуверенности в себе. То, что сделал этот мальчик, было настоящим подвигом. Образ влюбленного мальчика, испуганного, пробирающегося ночью сквозь заснеженный лес, чтобы напасть на убийцу и вырвать у него из рук возлюбленную, стоял у герцога перед глазами, и Боррик решил, что лучше оставить мальчику его иллюзии насчет этой девушки: по крайней мере это он заслужил.

Роберт Джордан

Колесо Времени

Мертвое
море
о-ва
Айл Дашар
Океан
Арит
Бандар
Эбан
р. Дагон
АРАД
ДОМАН
Акуум
Катар
Горы Тумана
Мыс Томан
Фалме
Равнина
Алмот
Байрлон
Изумрудный
Луг
Океан
Арит
р. Андахар
Танчико
ТАРАБОН
Джеханна
Элмора
Амадор
АМАДИЦИЯ
Шария
Берег Тени
о. Тремалкин
Палец
Замерзшего
под Ветром
Эбу Д
о. Куайм

Великое Запустение
Шайол Гул
Проклятые Земли
Запустение
Горы Рока
Тарвинское Ущелье
Фал Дара
Маредон
Равнина Копий
Чачин
Шол Арбела
КАНДОР
АРАФЕЛ
Фал Моран
ШАЙНАР
Найамские Перевалы
АЙЗИЯ
Черные Холмы
Айильская Пустыня
Кинжал Убийцы Родичей
р. Иво
Тар Валон
Драконова Гора
Мира
р. Хайдин
р. Гаэлин
Джиндалинский Перевал
в Рудин
Каралейнская Степь
Кайриэн
Брайнский Лес
р. Алгиза
КАЙРИЭН
Хребет
АНДОР
Четыре Короля
Беломостье
Каэмлин
Аринтилл
р. Сторн
р. Иралелл
Пугард
МУРАНДИ
Холмы Кинтара
Фар Мэддинг
Халдонское Сумрачье
Стеддинг Шангтай
Салидар
АЛТАРА
Равнина Маредо
ТИР
Тир
ИЛЛИАН
Годан
Топкие Земли
Пальцы Дракона
Майен
Иллиан
к островам Морского Народа
Море Штормов
о. Синдакин

Robert Jordan
NEW SPRING
Перевод с английского Т. Велимеева

© Robert Jordan, 1998
© Перевод. Т. Велимеев, 1999

Колесо Времени

В прошлое и в будущее простирается мир, созданный Робертом Джорданом в цикле «Колесо Времени», мир королей, королев и Айз Седай — женщин, способных касаться Истинного Источника и пользоваться Единой Силой, которая вращает Колесо Времени и движет Вселенную: мир, где каждый день идет война между Светом и Тенью.

В миг Творения Создатель изолировал Темного от мира людей, но свыше трех тысяч лет назад Айз Седай — тогда в их числе были и мужчины, и женщины, — сами не ведая о том, пробили отверстие в узилище Темного, находящееся вне пределов времен. И тот получил возможность прикоснуться к миру, пусть и незначительно, пусть со временем дыра была запечатана, но касание Темного оставило пятно порчи на *саидин*, на мужской половине Силы. И эта порча страшным образом сказалась на мире: вскоре все мужчины Айз Седай впали в безумие и вызвали Разлом Мира — грандиозную катастрофу, погубившую цивилизацию и неузнаваемо изменившую лик земли: горы канули в морские пучины, а место прежних морей заняла земная твердь.

Ныне лишь женщины носят звание Айз Седай. Возглавляемые Амерлин и объединенные в семь Айя, поименованных по различным цветам, они правят огромным островным городом Тар Валон, где находится Белая Башня. И связаны Айз Седай Тремя Клятвами, и скреплены слова обетов посредством *саидар* — женской половины Силы. Клятвы эти таковы: не произносить ни слова неправды, не создавать оружия для убийства человека человеком и никогда не использовать Единую Силу как оружие — только против Отродий Тени или в качестве крайнего средства при защите собственной жизни, жизни своего Стража или другой сестры.

Но по-прежнему на свет рождаются мужчины, которые способны научиться направлять Силу или — что много страшнее — которые однажды неизбежно станут направлять, причем не важно, стремятся они к тому или нет. Их, кого порча Темного на *саидин* обрекла на безумие, разрушение и смерть, выслеживают Айз Седай. И, обнаружив таких мужчин, Айз Седай их укрощают, отсекают от Силы, оберегая таким образом мир от ужасных бед. Но ни один мужчина по своей воле не согласится на укрощение — ведь даже если им удастся остаться в живых после подобной охоты, редко кто живет долго после укрощения.

На протяжении более чем трех тысячелетий, когда возвышались и гибли страны и империи, ничто не приводило мир в больший ужас, чем мужчина, наделенный способностью направлять Силу. Но все эти три тысячи лет существовало Пророчество о Драконе — о том, что печати на узилище Темного со временем ослабеют и тот вновь коснется мира, и о том, что Дракон, некогда запечатавший отверстие, возродится, дабы сразиться с Темным. Дитя, рожденное на склонах Драконовой горы в виду Тар Валона, вырастет и станет Драконом Возрожденным — единственной надеждой рода человеческого в Последней Битве, — мужчина, способный направлять. Мало кому ведомо большее, чем обрывки Пророчеств, и еще меньше найдется тех, кому хочется знать больше.

Это мир королей и королев, государств и войн, где Белая Башня правит лишь Тар Валоном, но даже короли и королевы остерегаются интриг Айз Седай. Мир, где страшатся как Тени, так и Пророчеств.

Настоящий рассказ начинается до событий первой книги цикла. Последующие тома нужно читать по порядку.

Новая весна

В воздухе Кандора ощутимо пахло новой весной, и Лан возвращался на север, туда, где ему — он всегда знал это — суждено умереть. Ветви деревьев обметало рыжими хлопьями набухших, готовых вот-вот лопнуть почек, и там, где снежные заплаты уползли в тень, в бурой прошлогодней траве виднелись редкие луговые цветы. Но солнце грело слабо, совсем не так, как на юге, а резкие порывы ветра пробирались под куртку, и серые облака предвещали отнюдь не дождь. «Почти дома», — подумал Лан. Почти.

За сотни поколений широкую дорогу утоптали до каменной твердости, не уступавшей окрестным скалам, и пыли почти не было, хотя к Канлууму двигался целый поток запряженных быками телег — это фермеры спешили с утра на рынки. К высоким городским стенам медленно стекались и купеческие обозы; высокие фургоны окружали конные охранники в стальных шапках и в разрозненных доспехах. Кое-где глаз замечал цепочки на груди — знак принадлежности к гильдии кандорских купцов, а их собратьев по ремеслу из Арафела отличали маленькие колокольчики. Там сверкнул красовавшийся в ухе у мужчины рубин, здесь тускло блеснула жемчужная брошь на груди у женщины, но в большинстве своем одежда торговцев была столь же неброска, как их сдержанные манеры. Купцу, склонному к роскоши, не видать выгодных сделок, а значит, и барышей. Фермерский же люд, направлявшийся в город, напротив, свой достаток выставлял напоказ. Мешковатые штаны размашисто шагавших селян украшала богатая вышивка, ничем не уступая в этом женским нарядам; хлопали на ветру яркие плащи. Можно было подумать, что все они принарядились к праздничному

застолью и танцам близкого уже Бэл Тайн. Однако деревенские косились на чужаков с той же настороженностью, что и купеческие охранники; те мимоходом кидали взгляды исподлобья да перехватывали поудобнее копья или топоры. Тревожно ныне в Кандоре, да и во всех Пограничных Землях. Разбойников за минувший год развелось не меньше, чем сорняков, и Запустение хлопот доставляло не в пример обычному. Ходили даже слухи, будто появился мужчина, способный направлять Единую Силу. Чего-чего, а таких слухов всегда хватало.

Лан вел своего коня в поводу и, шагая в сторону Канлуума, почти не обращал внимания на взгляды, какими путники окидывали его самого и его товарища, и на хмурый вид и недовольное бурчание Букамы. Букама воспитывал Лана с колыбели — Букама и еще другие, кого теперь уже нет в живых, — и Лан не помнил на его обветренном лице иного выражения. Даже когда Букама произносил слова похвалы, лицо его оставалось хмурым. На сей раз ворчал он потому, что лошадь сбила камнем копыто и ему пришлось идти пешком. Ну, если бы не копыто, сыскалось бы что другое.

Неудивительно, что на них оглядывались — двое очень высоких мужчин в изрядно поношенной простой одежде, припорошенной дорожной пылью, шагали рядом с верховыми лошадьми, ведя в поводу еще и вьючную, с парой видавших виды плетеных корзин. Однако об упряжи и своем оружии их владельцы явно заботились. Один в летах, второй — помоложе, у обоих — волосы до плеч и прихвачены плетеным кожаным шнуром. Именно *хадори* притягивало взоры. Особенно здесь, в Пограничных Землях, где кое-кто еще не забыл, что значит эта кожаная лента на голове.

— Вот дурни, — пробурчал Букама. — Неужели принимают нас за разбойников? Думают, мы их всех ограбим тут, на проезжей дороге, средь бела дня?

Он глянул по сторонам и поправил у бедра меч, отчего несколько охранников немедленно уставились на Букаму. Коренастый фермер отвел свою запряженную волами телегу подальше от греха и от двух чужеземцев.

Лан промолчал. За теми Малкири, кто все еще носил *хадори*, укрепилась репутация чуть ли не разбойников, однако напоминание об этом наверняка заставит Букаму с чер-

ным юмором отозваться о нынешних временах. Он и так-то ворчит о том, каковы их шансы сегодня вечером улечься в приличную кровать, и при этом не на пустой желудок. Букама редко жаловался, хотя подчас и впрямь приходилось ночевать под открытым небом или без еды; обычно он лишь сокрушался об упущенных возможностях да сетовал по мелочам. Он мало чего ожидал от жизни, а надеялся и на того меньшее.

Мысли Лана занимали совсем не еда и не ночлег, хотя дорога выдалась длинной. То и дело он поворачивал голову и смотрел на север. И еще он не пропускал ни одной подробности, ни одного человека, особенно тех, кто глядел на него больше одного раза; он слышал звон упряжи и поскрипывание седел, стук копыт и хлопанье болтающихся на ветру парусиновых покрышек фургонов. Обращай внимание на любой необычный звук, услышанный на дороге, — таков был первый урок, который Букама с товарищами вбили Лану еще в детстве: даже во сне ты обязан знать все, что происходит вокруг. Лишь мертвому дозволено забытье. Лан так и поступал, тем более что на севере лежало Запустение — там, за холмами, в милях пути отсюда, и он чувствовал его, ощущал его порчу.

Пусть то было лишь в воображении Лана, какая разница! Запустение напоминало о себе, когда Лан был на юге, в Кайриэне и в Андоре, даже в Тире, почти в пяти сотнях лиг от него. Два года проведены вдали от Запустения — тогда он отложил свою личную войну ради другой, и с каждым днем незримый тяж становился крепче. Для большинства людей Запустение означало гибель. Смерть и Тень, гниющая земля, испоганенная дыханием Темного, где убивает все. Где все меняется, стоит лишь отойти на несколько шагов. Запустение напирало на рубежи четырех стран, но свою войну Лан вел по всей границе с Запустением, протянувшейся от Океана Арит до Хребта Мира. И не все ли равно, где встретить смерть? Он уже почти дома. На пути в Запустение.

Стену Канлуума обегал ров — шириной в пятьдесят шагов и глубиной в десять; через него в город вели пять широких каменных мостов со сторожевыми башнями по обе стороны рва, и высотой эти башни не уступали тем, что оберегали городскую стену. Троллоки и Мурддраалы в своих

набегах из Запустения зачастую проникали в Кандор куда дальше Канлуума, но за эти стены еще не прорвался ни один. Над всеми башнями развевался стяг с изображением Алого Оленя. А он заносчив, этот лорд Вэран, Верховная Опора Дома Маркасив, — над самим Чачином королева Этениелле не поднимает столько своих знамен.

У внешних башен стояли стражники в шлемах с гребнями в виде рогов, какие носили все солдаты Вэрана, и с эмблемой Алого Оленя на груди; они заглядывали внутрь фургонов и лишь затем пропускали их на мост. Изредка стражники знаком просили кого-нибудь из проходивших сдвинуть капюшон с лица. Хватало одного лишь жеста — во всех городах и селах Пограничных Земель закон запрещал скрывать лицо, и вряд ли кому-нибудь захотелось бы, чтобы его по ошибке приняли за Безглазого, вознамерившегося пробраться в город. Пока Лан и Букама шли по мосту, стража провожала их суровыми взглядами. Лиц эти двое не скрывали. Как не прятали и свои *хадори.* Тем не менее в настороженных глазах стражников не промелькнуло и тени того, что они узнали Лана и Букаму. Для Пограничья два года — долгий срок. За два года могли погибнуть очень многие.

Лан заметил, что Букама умолк — недобрый знак, — и потому предостерег своего спутника.

— Из-за меня неприятностей не будет, — огрызнулся Букама, но пальцы его по-прежнему поглаживали рукоять меча.

На стене над распахнутыми воротами, обитыми железом, прохаживались часовые; они, как и солдаты на мосту, из доспехов носили лишь кирасы и панцири, но бдительны были не меньше, особенно к двум Малкири с подвязанными волосами. Букама с каждым шагом все больше поджимал губы.

— Ал'Лан Мандрагоран! Храни вас Свет, мы слышали, что вы погибли в сражении с Айил у Сияющих Стен! — воскликнул молодой стражник, тот, что был выше остальных; ростом он ненамного уступал Лану. Да и возрастом он был всего на год или два младше Лана, однако этот срок казался пропастью размером в десятилетие. Если не в целую жизнь. Стражник низко поклонился, положив левую ладонь на колено. — *Тай'шар Малкир* — Истинная кровь Малкир. — Я готов, ваше величество.

— Я не король, — тихо произнес Лан. Малкир давно погибла. Осталась только война. Для него — по крайней мере.

Букама же заговорил во весь голос.

— Ты готов, мальчик? А *к чему?* — Тыльной стороной ладони Букама хлопнул стражника по груди, чуть выше Алого Оленя на кирасе, отчего юноша выпрямился и отступил на шаг. — А что у тебя с волосами? Вон как коротко ты их подрезал! — Каждое слово Букама будто выплевывал. — Ты присягнул кандорскому лорду! По какому праву ты смеешь называть себя Малкири?

Молодой стражник краснел, тщетно пытаясь ответить. Другие стражники двинулись было к этой паре, но остановились, когда Лан выпустил из руки звякнувшую уздечку. Большего им было не нужно, его имя они уже знали и так. Стражники смотрели на гнедого жеребца, который, глядя на солдат столь же настороженно, как они на него, стоял неподвижно позади хозяина. Боевой конь — оружие грозное, и откуда им знать, что Дикий Кот обучен в лучшем случае наполовину.

Впереди, за воротами, образовался свободный пятачок — люди торопливо отходили подальше и только потом оборачивались на шум, а на мосту уже скопилась небольшая толпа. С обеих сторон раздавались крики: кому-то не терпелось узнать, что там мешает проходу. Букама и бровью не повел, он не сводил сурового взора с покрасневшего как рак молодого стражника. В руке Букама по-прежнему сжимал уздечки вьючной лошади и своего светло-чалого мерина.

Из каменной караулки за воротами показался офицер, шлем с гребнем он держал под мышкой, но рука в латной перчатке лежала на эфесе меча. Этого с виду грубовато-добродушного седеющего мужчину с двумя белесыми шрамами на лице звали Алин Сероку, и за плечами у него были сорок лет армейской службы на границе с Запустением, но и у старого солдата при виде Лана слегка округлились глаза. Судя по всему, до него тоже доходили слухи о смерти Лана.

— Да осияет вас Свет, лорд Мандрагоран. Мы всегда рады приветствовать сына эл'Ленны и ал'Акира, да благословит Свет их память! — Букаму офицер окинул коротким взглядом, и отнюдь не приветливым.

Сероку остановился в воротах. По обе стороны вполне могли проехать по пять всадников, но он, как того и добивался, преградил путь. Ни один из стражников не двинулся с места, но у всех как по команде ладони легли на рукояти мечей. У всех — кроме молодого стражника, тот горящим взглядом в упор смотрел на рассерженного Букаму.

— Повеление лорда Маркасива — всем соблюдать спокойствие, — продолжал Алин Сероку, отчасти извиняющимся тоном. — Город едва не бурлит. Мало нам слухов о мужчине, способном направлять Силу, так в прошлом месяце на улицах уже людей стали убивать. Да еще средь бела дня! Не говоря уж о странных несчастных случаях. Люди шепчутся, будто по городу разгуливают Отродья Тени.

Лан чуть заметно кивнул. Запустение совсем рядом, а потому люди всегда вспоминают об Отродьях Тени, когда не могут чему-то подыскать объяснения, будь то внезапная смерть или неурожай. Тем не менее поводьев Дикого Кота в руку не взял.

— Мы хотим отдохнуть здесь несколько дней, а потом двинемся на север.

На миг ему показалось, что Сероку изумлен. Неужели он ожидал обещаний соблюдать мир? Или извинений за поведение Букамы? И то, и другое теперь лишь опозорило бы Букаму. Жаль, если его война кончится здесь. Лану не хотелось погибнуть, убивая кандорцев.

Его старый друг отвернулся от молодого стражника, который стоял, дрожа и прижав стиснутые кулаки к бокам.

— Во всем лишь моя вина, — бесстрастным голосом заявил в никуда Букама. — Я был неправ. Клянусь именем своей матери, что буду блюсти спокойствие лорда Маркасива. Именем моей матери клянусь, я не обнажу меча в стенах Канлуума.

У Сероку отвисла челюсть, и Лану самому с трудом удалось скрыть потрясение.

Помешкав секунду, шрамолицый офицер шагнул в сторону, поклонившись и коснувшись сперва рукояти меча, затем левой стороны груди.

— Здесь всегда рады приветствовать Лана Мандрагорана Дай Шан, — церемонно промолвил он. — И Букаму Маре-

неллина, героя Салмарны. Да обретете вы когда-нибудь оба покой.

— Покой — лишь в последнем объятии матери, — столь же церемонно откликнулся Лан, в свою очередь коснувшись пальцами рукояти меча и груди.

— Да примет она нас когда-нибудь, — закончил формальное приветствие Сероку. Конечно, никто не стремится в могилу, но могила — единственное место, где в Пограничных Землях можно обрести покой.

С лицом, выражавшим не больше, чем железная чушка, Букама зашагал вперед, потянув за собой Солнечного Луча и вьючную лошадь. Не дожидаясь Лана. Недобрый знак.

Канлуум являл собой город из камня и кирпича, вокруг высоких холмов вились мощеные улицы. Айильское вторжение не затронуло Пограничных Земель, но отголоски войн всегда далеко раскатываются от полей сражений, сокращая торговлю, и теперь, когда окончились и битвы, и зима, в городе было полно народу чуть ли не из всех стран. Хотя Запустение притаилось едва ли не под самыми городскими стенами, Канлуум процветал — в окрестных холмах рудокопы добывали самоцветы. И благодаря еще, как ни странно, лучшим в мире часовщикам. Даже поодаль от рыночных площадей гомон толпы прорезали пронзительно-зазывные крики уличных торговцев и лавочников. На каждом перекрестке выступали ярко разодетые музыканты, жонглеры, акробаты. В массе людей, фургонов, повозок и тележек с трудом продвигалось несколько — по пальцам можно счесть — лакированных экипажей; сквозь толпу пробирались лошади, сверкая отделанными золотом и серебром седлами и уздечками, а одежды всадников, украшенные с пышностью не меньшей, чем конская сбруя, были оторочены мехом лисы, куницы или горностая. Столпотворение такое, что яблоку негде упасть. Лан даже приметил нескольких Айз Седай — женщин с суровыми, безвозрастными лицами. Прохожие узнавали их и по виду, и по тому смятению, с каким им давали дорогу. Перед ними расступались кто из уважения или осторожности, кто из благоговения или страха, но даже король или королева не сочли бы зазорным отступить в сторону с дороги Айз Седай. Когда-то даже в Пограничных Землях можно было год-два не встречать сестру из этого своеобразного ордена,

но вот уже несколько месяцев, с тех пор как умерла их прежняя глава, занимавшая Престол Амерлин, Айз Седай появились как будто повсюду. Возможно, причиной тому слухи о способном направлять Силу мужчине, и если слухи не врут, то долго ему на свободе не бывать — сестры не позволят. Лан старательно отводил взор от Айз Седай. Если какая из сестер подыскивает себе Стража, то *хадори* вполне может привлечь ее внимание.

Как ни странно, но лица многих женщин скрывали кружевные вуали. Тонкие — через них видны были их глаза, да и о Мурддраале женского пола еще никто и никогда не слыхал, однако Лан и предположить не мог, что закон пойдет на уступки веяниям моды. Того и гляди тут еще удумают погасить фонари вдоль улиц, чтобы ночью стало темно. Больше всего потрясло Лана, что Букама смотрит на этих женщин и... молчит. И рта не раскрывает! Букама даже не моргнул, когда мимо него прошел Назар Кьюренин. Тот юный стражник у ворот наверняка появился на свет после того, как Запустение поглотило Малкир, но Кьюренин был вдвое старше Лана. И волосы у него были коротко стрижены, он носил раздвоенную бородку, хотя годы и не стерли совсем следов *хадори* со лба. Кьюренин был не один такой, и, увидев его, Букама должен был взорваться от гнева. Лан встревоженно посматривал на своего старого друга.

Двигались они к центру города, и улицы вели их к самому высокому холму, носящему название Олений, на вершине которого располагался похожий на крепость дворец лорда Маркасива, а на террасах ниже виднелись дворцы и особняки лордов и леди помельче. На пороге любого из них ал'Лана Мандрагорана ожидает теплый прием, балы и выезды на охоту, и всякий благородный, кто живет по меньшей мере в пятидесяти милях от города, сочтет за честь пригласить его в гости. Нет сомнений, не будет недостатка и в приглашениях из Арафела. Люди с жадным блеском в глазах будут слушать рассказы о его «приключениях». Молодежь вызовется сопровождать его в вылазках в Запустение, а старики примутся сравнивать рассказы Лана с событиями своего боевого прошлого. Женщины готовы разделить ложе с мужчиной, которого — как утверждают глупые слухи — не может убить Запустение. Порой Кандор и Арафел так же невыносимы,

как южные края, к тому же кое-кто из этих женщин наверняка замужем. И наверняка встретятся мужчины вроде Кьюренина, которые стараются загнать подальше в глубину памяти воспоминания о погибшей Малкир, и женщины, которые больше не украшают свой лоб *ки'сайн* — как принято было скреплять клятву, что их сыновья до последнего вздоха будут противостоять Тени. Лан мог не замечать их фальшивых улыбок, когда они именовали его ал'Лан Дай Шан, увенчанным диадемой битвы и некоронованным королем страны, что пала из-за предательства, когда Лан еще лежал в колыбели. Букама же, в своем нынешнем настроении, мог запросто и убить. Или же случится нечто похуже, памятуя клятву, данную им у ворот. Он мог сдержать свое слово ценой жизни.

— Вэран Маркасив со всеми этими церемониями задержит нас не меньше чем на неделю, — заметил Лан, сворачивая на улицу поуже. Вела она в сторону от Оленьего Холма. — Мы здесь столько уже наслышались о разбойниках и тому подобном, что он будет просто счастлив, если я не стану надоедать ему со своими поклонами.

Что ж, в этом была доля правды. Лану однажды, несколько лет назад, довелось встречаться с Верховной Опорой Дома Маркасив, но он помнил его как человека всецело поглощенного своими обязанностями.

Букама последовал за Ланом, не проронив ни единого слова сожаления о ночлеге во дворце или пиршественных яствах. Очень тревожный признак.

В нижней части города у северной стены дворцов не было и в помине, лишь лавки и таверны, гостиницы, конюшни и фургонные дворы. Возле длинных складов царила суматоха, но на колясках тут не ездили, да и на большинстве улиц едва удалось бы развернуть телегу. Однако народу здесь оказалось не меньше, чем на широких центральных улицах, и так же оглушал шум. Местные уличные артисты ветошь своих нарядов старались возместить луженными глотками, от них не отставали и покупатели с продавцами — эти орали во всю мочь, будто хотели, чтобы их услыхали на следующем перекрестке. В этакой толкотне наверняка шастает уйма карманников и других охотников на чужие кошельки — кто из них уже завершил свои дела в верхнем городе, а кто только сна-

рядился на дневной промысел. Удивительнее было бы обратное — ведь в городе, куда съехалось столько купцов и торговцев, раздолье для всякой воровской шатии. Когда в толчее невидимые пальцы во второй раз легонько скользнули по куртке, Лан засунул свой кошель под рубашку. Любой банкир ссудит его суммой куда большей, под залог шайнарского имения — его владельцем Лан стал после совершеннолетия, — но лишиться сейчас наличности означало бы, что придется воспользоваться гостеприимством Оленьего Холма.

В первых трех гостиницах — крытые шифером серокаменные кубы с яркими вывесками над дверями — хозяева не могли предложить путникам даже чуланчика. До самых чердаков в них набились купеческие охранники и мелкие торговцы. Букама начал бурчать, что можно устроиться на ночлег и на сеновале, но ни словом не обмолвился о пуховых матрасах и свежих простынях, какие ждали бы их на Оленьем Холме. Полный решимости найти какой-никакой ночлег, пусть даже на поиски у него уйдет весь оставшийся день, Лан вошел в четвертую гостиницу, «Синяя роза», оставив лошадей под присмотром конюха.

В переполненной гостинице, где в гомоне и смехе почти тонула песня, которую, аккомпанируя себе на цитре, пела стройная девушка, в центре общего зала царственно возвышалась хозяйка — седая красивая женщина. Вокруг потолочных балок вился табачный дым, из кухни вкусно пахло жареным барашком. Увидев Лана и Букаму, хозяйка гостиницы одернула свой передник в синюю полоску и решительно зашагала к ним. Ее темные глаза сверкали.

Лан не успел и рта раскрыть, как она схватила его товарища за уши, потянула его голову вниз и крепко поцеловала Букаму. Кандорских женщин застенчивыми не назовешь, но поцелуй тем не менее вышел на славу, к тому же на глазах у стольких людей. По столикам пробежала волна смешков и улыбок.

— Я тоже рад тебя видеть, Раселле, — со слабой улыбкой пробормотал Букама, когда та наконец отпустила его. — Не знал, что у тебя тут есть гостиница. Как ты думаешь... — Он опустил взгляд, чтобы, как требует вежливость, не смотреть ей прямо в глаза. Это оказалось ошибкой. Раселле от души

врезала ему в челюсть — Букама аж пошатнулся, мотнув головой.

— Шесть лет — и ни весточки, — рявкнула Раселле. — Шесть лет!

Вновь схватив Букаму за уши, она еще раз поцеловала его и на этот раз не отпускала подольше. И держала крепко, пресекая все попытки Букамы высвободиться, так что ему пришлось сдаться и позволить Раселле поступать, как ей вздумается. Ладно, раз она его целует, значит, нож в сердце не вонзит. По крайней мере пока.

— По-моему, для Букамы у госпожи Аровни комната найдется, — раздался за спиной Лана знакомый мужской голос. — И для тебя, пожалуй, тоже.

Повернувшись, Лан пожал руку мужчине, единственному в общем зале ростом под стать ему и Букаме. Это был Рин Венамар, старейший его друг, не считая Букамы. Хозяйка все еще разбиралась с Букамой, и Рин повел Лана к маленькому столику в углу. Рин, пятью годами старше Лана, тоже происходил из народа Малкири, но волосы его были заплетены в две длинные косицы, украшенные колокольчиками. Такие же серебряные колокольчики тихонько звенели на отворотах его сапог и на рукавах желтой куртки. Нельзя сказать, что Букама недолюбливал Рина, но сейчас еще больше испортить настроение Букаме мог лишь вид Назара Кьюренина.

Лан с Рином уселись на скамьи, и служанка в полосатом переднике тотчас же принесла горячего вина с пряностями. По-видимому, Рин успел заказать питье, едва заметив Лана. Темноглазая девушка с пухлыми губками, поставив кружку перед Ланом, откровенно оглядела его с головы до пят. Потом шепнула ему на ухо: «Меня зовут Лайра», и пригласила провести вместе ночь, если он остановится в гостинице. Лану хотелось только одного — как следует выспаться, поэтому он, потупив взор, начал бормотать, что она оказывает ему слишком большую честь. Лайра не дала ему договорить. С хриплым смешком она склонилась к Лану и укусила за ухо, а потом громко заявила, что до завтрашнего восхода ему такую честь окажет, что он на ногах держаться не будет. За столиками рядом раздались взрывы хохота.

Рин не дал Лану даже слова вымолвить — он швырнул девушке толстую монету и увесистым шлепком пониже спи-

ны отправил красотку восвояси. Засовывая монету в вырез платья, Лайра расплылась в улыбке, отчего на щечках у нее появились ямочки, но, уходя, она то и дело кидала на Лана томные взгляды. Тому оставалось лишь вздохнуть. Вздумай он сейчас сказать «нет», на подобное оскорбление с нее вполне станется ответить ударом ножа.

— А с женщинами тебе везет по-прежнему. — В смехе Рина послышались раздраженные нотки. Возможно, у него самого имелись на Лайру виды. — Свету ведомо, не считают же они тебя красавцем — с каждым годом ты все уродливей. Наверно, мне стоит прикинуться скромником, пусть меня женщины за нос поводят!

Лан открыл было рот, но вместо ответа отхлебнул вина. Объяснений не требовалось, ведь отец Рина увез сына в Арафел в тот год, когда Лану исполнилось десять. Рин носил единственный меч у бедра, а не два за спиной, но до кончиков ногтей был арафелцем. Он и в самом деле заговаривал с женщинами первым. Лана же воспитали в Шайнаре Букама и его товарищи, и его окружало очень мало тех, кто придерживался малкирских обычаев.

Кое-кто из сидящих в общем зале поглядывал на столик Лана и Рина — искоса, поверх кубков и кружек. Пухленькая меднокожая женщина, в платье несколько более плотном, чем обычно носят доманийки, ничуть не скрывала своего интереса, возбужденно переговариваясь с типом с закрученными усами и крупной жемчужиной в ухе. Вероятно, пыталась угадать, будут ли из-за Лайры неприятности. Или гадала, правда ли, что мужчина с *хадори* на голове способен убить за оброненную булавку.

— Не ожидал встретить тебя в Канлууме, — промолвил Лан, поставив на стол кружку с вином. — Купеческий караван охраняешь?

Букамы и хозяйки гостиницы нигде не было видно.

Рин поежился.

— Да, из Шол Арбелы. Говорят, самый удачливый торговец в Арафеле. Точнее, говорили. Вот и договорились. Мы прибыли вчера, и прошлой ночью в двух кварталах отсюда грабители перерезали ему горло. Так что за эту поездку денег мне не видать. — Он мрачно улыбнулся, сделал большой глоток из своей кружки, возможно, в память о купце, а воз-

можно, жалея, что не получит вторую половину платы. — Чтоб мне сгореть, если я думал свидеться тут с тобой.

— Не слишком верь слухам, Рин. С тех пор как я отправился на юг, меня, можно сказать, и не ранили. — Если для них отыщется комната, тогда, решил Лан, нужно обязательно поинтересоваться у Букамы, заплатил ли уже тот и каким образом. Глядишь, от негодования забудет про свою угрюмость.

— Айил, — фыркнул Рин. — По-моему, *им* ты не по зубам. — Разумеется, с Айил Рину сталкиваться не доводилось. — Я думал, ты вместе с Эдейн Аррел. Слышал, сейчас она в Чачине.

Едва прозвучало это имя, как Лан резко повернулся к Рину.

— А почему я должен быть возле леди Аррел? — негромко спросил он. Негромко, но особо выделив ее титул.

— Ну-ну, полегче, — произнес Рин. — Я вовсе не хотел... — С его стороны было благоразумно оставить прежний тон. — Чтоб мне сгореть, неужели ты ничего не слышал? Она подняла знамя с Золотым Журавлем. Разумеется, от твоего имени. Едва год начался, как она отбыла из Фал Морана в Марадон, а теперь возвращается. — Рин покачал головой, колокольчики, вплетенные в косицы, тихонько звякнули. — Здесь, в Канлууме, нашлось сотни две-три, готовых последовать за нею. То есть за тобой. Назвать некоторых, так ты не поверишь. Старый Кьюренин заплакал, когда услышал ее речи. И все готовы вырвать Малкир из лап Запустения.

— Что погибло в Запустении, того больше нет, — устало промолвил Лан. В душе он ощущал ледяной холод. Теперь удивление Сероку, услышавшего, что Лан собирается отправиться на север, внезапно обрело новый смысл, как и нежданное заявление юного стражника. Даже взгляды, которыми Лана окидывали в общем зале, показались ему иными. И со всем этим связана Эдейн. Она всегда любила бури и грозы. — Пойду за лошадью своей присмотрю, — сказал Лан Рину, со скрипом отодвигая скамью.

Рин что-то сказал вслед, мол, неплохо бы вечерком прошвырнуться по окрестным тавернам, но Лан его не слушал. Он торопливо миновал кухню, окунувшись в горячий от раскаленных железных жаровен, пышущих жаром каменных печей и открытых очагов воздух, и вышел в прохладу коню-

шенного двора, где смешались запахи лошадей, сена и дыма. На крыше конюшни щебетал серый жаворонок. Весной серые жаворонки прилетают раньше малиновок. Тогда в Фал Моране, когда Эдейн впервые обожгла его ухо жарким шепотом, тоже пели серые жаворонки.

Лошадей уже завели в стойла, на дверцах стойл висели попоны, поверх них лежали уздечки и седла. Вьючных корзин Лан не заметил. Очевидно, госпожа Аровни дала знать конюхам, что Букама и Лан останутся ночевать у нее в гостинице.

В сумрачной конюшне он увидел всего одного конюха — худощавая сурового вида женщина сгребала навоз. Не прекращая своего занятия, она молча смотрела на Лана, он похлопал Дикого Кота по шее, проведал и двух других лошадей. Так же не проронив ни слова, женщина смотрела, как Лан принялся расхаживать туда-сюда по конюшне. Меряя шагами усыпанный соломой земляной пол, он пытался размышлять, но в голове крутилось лишь имя Эдейн. Лицо Эдейн, в обрамлении черных шелковистых волос, что спускались ниже талии, прекрасное лицо с огромными темными глазами, из-за которых, пусть даже полных властности, иссохнет душа любого мужчины.

Вскоре женщина-конюх, коснувшись пальцами губ и лба, что-то пробормотала в его сторону и поспешно вывезла из конюшни полупустую тележку. Косясь через плечо на Лана, женщина чуть задержалась, затворяя дверь, и Лан остался один. Сумрак прорезали косые солнечные лучи, что пробивались в щели приоткрытых люков, ведущих на сеновал. В бледно-золотых полосах света плясали пылинки.

Лан поморщился. Неужели она испугалась мужчины с *хадори* на голове? Решила, что в том, как он ходит тут, таится угроза? Вдруг Лан поймал себя на том, что его пальцы пробегают по длинной рукояти меча, на том, как напряжено лицо. А как он ходит? Да нет, он не просто ходит, а повторяет шаги боевой связки под названием «Леопард в высокой траве», которую используют, когда со всех сторон тебя окружают враги. Ему нужно успокоиться.

Лан уселся, скрестив ноги, на охапку соломы, мысленно представил себе язычок пламени и отправил туда все свои эмоции, ненависть, страх, всё до последней крупицы, пока в конце концов не окружил себя коконом пустоты. После мно-

голетней практики для достижения *ко'ди*, единения, потребовалось совсем мало времени — лишь один удар сердца. Мысли и даже собственное тело казались чем-то далеким, но в этом состоянии Лан воспринимал все окружающее лучше обычного, он стал един с охапкой соломы, на которой сидел, с конюшней, с мечом в ножнах позади себя. Лан «чувствовал» лошадей, жующих сено в своих кормушках, и мух, жужжащих в углах. Они все были частью его, он слился с ними. Особенно с мечом. Впрочем, именно такой бесстрастности он сейчас и искал.

Из кошеля на поясе Лан достал тяжелое золотое кольцо-печатку с вырезанным на нем летящим журавлем и принялся вертеть его в пальцах. Кольцо королей Малкири, его носили мужчины, которые сдерживали Тень более девяти сотен лет. Неизвестно, сколько раз кольцо перековывали, когда металл истирался, но всякий раз старое кольцо расплавляли, чтобы оно стало частью нового. Наверняка что-то в этом кольце помнило еще и руки правителей Рамдашара, существовавшего до Малкир, и властителей Арамелле, что была прежде Рамдашара. Этот кусочек металла олицетворял собой более чем трехтысячелетнюю битву с Запустением. Кольцом Лан владел всю свою жизнь, но никогда не надевал его. Обычно даже прикоснуться к кольцу он не мог без внутренней борьбы, но каждый день заставлял себя вновь и вновь смотреть на него, относясь к этому как к своеобразному упражнению воли. Сегодня же, без погружения в пустоту, он вряд ли сумел бы сделать это. Только пребывая в *ко'ди*, где мысль плавает свободно, а всякое чувство — далеко, на самом горизонте.

Еще в колыбели Лан получил четыре дара. Кольцо на руку и медальон, что сейчас висел у него на шее, меч у бедра и клятву, данную от его имени. Самым ценным из даров был медальон, самым тяжелым — клятва. «Стоять против Тени, пока крепко железо и тверд камень. Защищать народ Малкир до последней капли крови. Отомстить за то, что нельзя защитить». И тогда его помазали благовонным маслом и нарекли Дай Шан, назвали следующим королем Малкир и вывезли из страны, обреченной на гибель. Двадцать человек отправились в опасный путь; до Шайнара добрались пятеро.

Защищать уже было нечего, оставалось только мстить за родную страну, и Лана готовили к этому с первых его шагов. С подарком матери на груди, с отцовским мечом в руках, с кольцом, обжигавшим ему душу, он мстил за Малкир с шестнадцати лет. Но никогда он не вел никого с собой в Запустение. Да, с ним отправлялся Букама и другие, но Лан не вел их. Его война — война в одиночку. Мертвого не оживить, а тем более не вернуть к жизни погибшую страну. А именно это пыталась теперь сделать Эдейн Аррел.

Ее имя эхом зазвучало в окружавшей Лана пустоте. На краю пустоты холодными предрассветными горами проступили разнообразные чувства, но Лан отправил их в пламя, чтобы все вновь обрело прежнее спокойствие. И вновь сердце его стало биться медленно, будто вторя копытам стоявших в стойлах лошадей, и биение мушиных крылышек зазвучало контрапунктом размеренному дыханию Лана. Эдейн была его *карнейрой*, первой женщиной в его жизни. Об этом едва ли не кричали тысячи лет обычаев, как бы он ни окружал себя коконом пустоты.

Ему исполнилось пятнадцать, а Эдейн была более чем вдвое старше, когда она запустила руки в его волосы, все еще вольно свисавшие до пояса, и шепотом заявила ему о своих намерениях. Тогда женщины еще называли его красивым и довольно смеялись, увидев, как он смущенно краснеет, и полгода она находила удовольствие в том, чтобы ходить с ним под ручку и завлекать его в свою постель. Так было, пока Букама и другие воины не вручили Лану *хадори*. Когда на десятый день рождения ему дали в руки меч, по обычаю Пограничья он стал считаться мужчиной, хоть и был еще слишком мал для меча. Но у Малкири плетеная кожаная лента имела огромное значение, ведь с того мига, как мужчина впервые повязывал ее себе на голову, он один вправе решать, куда он идет, когда и зачем. И мрачная песнь Запустения стала стоном, заглушившим все прочие звуки. Негромко произнесенная клятва, запечатленная в сердце Лана, направила его шаги.

Минуло почти десять лет с той поры, как Лан верхом покинул Фал Моран и Эдейн смотрела ему вслед. А когда он вернулся, ее уже не было. Но Лан ясно помнил ее лицо — куда лучше, чем лица тех женщин, которым с тех пор случа-

лось делить с ним ложе. Больше он не мальчик, чтобы думать, будто она любит его просто потому, что решила стать его первой женщиной, однако у малкирских мужчин бытовало присловье: *«Твоя карнейра навсегда уносит с собой частицу твоей души и носит ее точно ленту в волосах»*. И обычаи порой требуют от человека большего, чем закон.

Скрипнула открывающаяся дверь, и на пороге конюшни появился Букама — без куртки, рубаха будто второпях заправлена в штаны. Без меча он казался голым. Словно бы в нерешительности, он осторожно распахнул обе створки и только потом вошел внутрь.

— Ну, что ты собираешься делать? — в конце концов спросил он. — Раселле рассказала мне о... о Золотом Журавле.

Лан спрятал кольцо, высвободился из объятий пустоты. Эдейн будто смотрела на него со всех сторон, но ускользая от его взгляда.

— Рин мне сказал, что даже Назар Кьюренин готов выступить в поход, — оживленно отозвался Лан. — Не хочешь полюбоваться на этакое зрелище? — Целая армия может погибнуть, пытаясь одолеть Запустение. И не одна армия уже погибла в подобных бесплодных попытках. Но память о Малкир уже исчезает. И скоро сама страна превратится в воспоминания, как это уже случилось с захваченной Запустением землей. — Тот мальчик у ворот отпустит волосы и попросит у отца *хадори*. — Люди уже забывают о Малкир, стараются забыть. Когда не станет последнего мужчины, который перевязывает волосы, когда не станет последней женщины, которая наносит на лоб цветную точку, неужели тогда в самом деле исчезнет и Малкир? — Глядишь, и Рин избавится от своих косиц. — Из голоса Лана пропала всякая тень веселья, когда он добавил: — Но такой ценой? Хотя кое-кто считает, что оно того стоит.

Букама хмыкнул, но не сразу. Возможно, он-то как раз так и считал.

Подойдя к стойлу с Солнечным Лучом, он принялся перебирать упряжь своего чалого, словно забыв, что собирался сделать.

— Для всего есть цена. Всегда, — произнес Букама, не поднимая глаз. — Но есть цена и цена. Леди Эдейн... — Он коротко взглянул на Лана, потом повернулся к нему. — Она

всегда была такой — заявляла о всех правах, на которые могла претендовать, и требовала исполнения малейших обязательств. Обычай связал тебя с ней, и, что бы ты ни решил, она станет направлять тебя, как коня — поводьями. Если, конечно, ты как-то не вывернешься.

Медленно Лан заткнул большие пальцы за ремень, на котором висел меч. Букама вывез Лана из Малкир, посадив за спину и привязав к себе. Последний из тех пятерых. Букама вправе свободно говорить с ним, пусть даже речь идет о *карнейре* Лана.

— И как, по-твоему, я могу уклониться от своих обязательств и не навлечь на себя позора? — спросил Лан куда резче, чем хотел. Глубоко вздохнув, он продолжил тоном поспокойней: — Ладно, не будем об этом. Кстати, в общем зале пахнет лучше, чем тут. Рин предлагал вечером прошвырнуться по кабакам. Если только госпожа Аровни тебя отпустит. Кстати, в какую цену нам встали комнаты? Они хорошие? Надеюсь, не слишком дорогие.

Заливаясь краской, Букама двинулся вместе с Ланом к дверям.

— Нет, не очень дорого, — торопливо сказал он. — Тебе достался соломенный тюфяк на чердаке, а я... э-э... А я буду в комнате у Раселле. Я бы пошел с вами, но, кажется, Раселле... Я не к тому, что она меня не отпус... Я... Ах ты, щенок! — прорычал Букама. — Ничего, тут есть одна служанка-милашка, Лайра. Вот и посмотрим, удастся ли тебе сегодня поспать на том тюфяке. Да и даст ли она тебе *вообще* поспать! Так что не думай, будто...

Букама умолк, когда они с Ланом вышли на солнечный свет, слишком яркий после сумрака конюшни. Серый жаворонок по-прежнему выводил свою весеннюю песню.

Шестеро мужчин шагали через опустевший конюшенный двор. Шесть обыкновенных мужчин с мечами на поясе, ничем не отличающиеся от людей на городских улицах. Но Лан все понял еще до того, как двинулись их руки, до того, как их взгляды устремились на него, а шаги ускорились. Он не мог не понять — слишком часто он встречался с теми, кто хотел его убить. И рядом был Букама — связанный клятвой, не позволявшей ему взяться за меч, даже будь при нем оружие. Если Лан с Букамой попытаются спрятаться в ко-

нюшне, те шестеро доберутся до них раньше, чем они успеют затворить двери. Время замедлилось, потекло как застывший мед.

— В конюшню! И заложи двери! — бросил Лан, а рука его метнулась к эфесу. — Исполняй приказ, солдат!

Ни разу в жизни Лан не приказывал Букаме, и тот на миг замешкался, потом церемонно поклонился и хрипло произнес:

— Моя жизнь — твоя, Дай Шан. Будет исполнено.

Когда Лан двинулся навстречу нападающим, то услышал, как в конюшне с глухим стуком опустился засов. Чувство облегчения было далеким-далеким. Он пребывал в *ко'ди* един с мечом, плавно выскользнувшим из ножен. Един с бросившейся к нему шестеркой. По утрамбованной земле глухо топали сапоги, блеснула обнажаемая сталь.

Вперед вырвался один, худой как цапля, и Лан сделал первый шаг в боевой стойке. Время точно застывший мед. Пел серый жаворонок, и худой закричал, когда «Рассечением облаков» ему отрубило правую кисть у запястья, и Лан продолжал движение, чтобы остальные не набросились на него все разом. «Дождик на закате» до кости рассек толстяку лицо и лишил левого глаза, а рыжеволосый юнец полоснул Лана по ребрам «Черными камушками на снегу». Только в сказаниях герой выходил из схватки против шестерых без единой царапины. «Распускающаяся роза» отсекла лысому левую руку, а рыжий кончиком меча нанес Лану рану у глаза. Только в сказаниях можно в одиночку сразиться с шестерыми и остаться в живых. Лан знал об этом с самого начала. Долг — как гора, а смерть — перышко, и долгом Лана был Букама, который вывез ребенка у себя на спине. Но ради этого мига Лан жил, ради этого сражался — пиная рыжего в голову, кружась юлой и получая раны, истекая кровью и ступая по лезвию бритвы, — в танце между жизнью и смертью. Время точно застывший мед, и Лан менял позиции и приемы, но конец мог быть лишь один. Мысли были далеко. Смерть — лишь перышко. «Одуванчик на ветру» раскроил горло уже потерявшему глаз толстяку — страшная рана на лице остановила того всего на несколько мгновений, — и малый с раздвоенной бородкой, плечистый, точно кузнец, удивленно охнул, когда «Поцелуем гадюки» клинок Лана пронзил ему сердце.

И вдруг Лан понял, что стоит он один, а по всему двору валяются шесть тел. Рыжеволосый судорожно вздохнул, в последний раз, взрыв землю, дернул ногами, и вот из семерых людей здесь живым остался только Лан. Он стряхнул кровь с клинка, наклонился и обтер последние красные капли о чересчур дорогую куртку «кузнеца», потом четким движением, будто на уроке у Букамы, вложил меч в ножны.

Внезапно из гостиницы высыпали люди — повара, конюхи, служанки, народ из общего зала. Все кричали, пытаясь понять, что тут за шум, и изумленно таращась на распростертых на земле мертвецов. Самым первым, с мечом в руках, выбежал Рин. Побледневший, он подошел к Лану.

— Шестеро, — пробормотал Рин, разглядывая тела. — Проклятие, у тебя и впрямь везение самого Темного.

Подбежавший Букама и опередившая его на считанные мгновения темноглазая Лайра занялись ранами Лана. Они стали осматривать его, осторожно раздвигая окровавленные края разрезов в одежде. Девушка то и дело слегка вздрагивала, но голос у нее был на удивление спокойный, совсем как у Букамы, когда она посоветовала послать лучше за Айз Седай, чтобы та исцелила его, и посетовала, что придется столько швов накладывать. Потом заявила, что с иголкой и ниткой справится и сама, отогнав Букаму, порывавшегося заняться тем же. Появилась и госпожа Аровни; она, приподняв юбки, обходила кровавые лужицы, сердито оглядываясь на трупы, замусорившие двор ее конюшни, во весь голос ругая стражников: разбойники, видать, совсем распоясались, и злодеи не посмели бы шляться по городу средь бела дня, если б стража баклуши не била. С ней громко согласилась доманийка — та самая, которая разглядывала Лана в общем зале. И доманийке-то, к ее неудовольствию, трактирщица велела сбегать за стражниками, заодно и поторопив тычком. Последнее в полной мере свидетельствовало о потрясении госпожи Аровни — в противном случае она никогда не стала бы так обращаться со своими клиентами. А о шоке, испытываемом всеми, говорило то, что доманийка без всяких возражений кинулась исполнять поручение. Хозяйка, ворча на обнаглевших грабителей, принялась распоряжаться, чтобы мертвецов убрали с глаз долой.

Рин переводил непонимающий взгляд с Букамы на конюшню и обратно — впрочем, он действительно ничего не понимал.

— Вряд ли это грабители. — Он указал на малого, походившего на кузнеца. — Вот этот слушал речь Эдейн Аррел, когда та была тут, и ее слова ему явно по душе пришлись. Кажется, с ним был и еще кто-то из этих. — Рин качнул головой, тихо звякнули колокольчики. — Очень странно. Впервые о том, чтобы поднять знамя с Золотым Журавлем, она заговорила тогда, когда дошел слух, что ты убит под Сияющими Стенами. Твое имя привлечет людей, но, раз ты погиб, она могла бы стать эл'Эдейн. — В ответ на взгляды Лана и Букамы Рин только развел руками и торопливо добавил: — Я никого ни в чем не обвиняю. И никогда бы я не посмел обвинить в подобном леди Эдейн. Уверен, она преисполнена женского сострадания и самых благих намерений.

Госпожа Аровни крякнула, точно от удара кулаком, а Лайра еле слышно пробормотала, что этот красавчик из Арафела мало что смыслит в женщинах.

Лан покачал головой. Эдейн, если это отвечает ее намерениям, могла решить убить его, могла приказать действовать, коли слухи окажутся неверными, но даже это не причина вслух связывать ее имя с происшествием, особенно в окружении стольких чужаков.

Пальцы Букамы замерли, раздвинув края разреза на рукаве Лана.

— Куда мы направимся? — тихо спросил он.

— В Чачин, — ответил Лан после секундного раздумья. Выбор есть всегда. Другое дело, что иногда сам выбор не радует. — Придется тебе оставить Солнечного Луча. В путь отправимся с первым светом. — На нового коня для Букамы золота хватит.

— Шестерых, это надо же! — пробормотал Рин, с силой вгоняя свой меч в ножны. — Пожалуй, поеду-ка я с вами. Возвращаться в Шол Арбелу мне лучше не спешить. Неровен час, Сейлин Нореман станет винить меня в смерти своего мужа. Пусть все уляжется. Да и хорошо бы увидеть, как вновь развевается стяг с Золотым Журавлем.

Лан кивнул. Взять знамя в свои руки и забыть обещания, данные самому себе столько лет назад. Или, если полу-

чится, остановить ее. Так или иначе, предстоит встреча с Эдейн. Хотя Лан предпочел бы встретиться с Запустением.

Не прошло и месяца, как Морейн решила, что в поисках, в которые ее вовлекло пророчество, очень мало приключений, а вот натертых седлом ссадин куда больше. И еще разочарований. От данных ею Трех Клятв кожу до сих пор будто стягивало. Ветер ударил ставнями, и она поерзала на жестком деревянном стуле; потом, скрывая свое нетерпение, отпила неподслащенного чая. В Кандоре, в доме, где соблюдают траур, об уюте и удобствах пекутся в последнюю очередь. Морейн не удивилась бы, увидев иней на резной мебели или изморозь на металлических часах над погасшим камином.

— Это все было так странно, миледи, — вздохнула госпожа Надзима и в десятый раз прижала к себе дочерей. Звали их Колар и Эзелле, и лет им было, наверное, тринадцать-четырнадцать. Девочки стояли вплотную к сидевшей на стуле матери, и у них, как и у нее, были длинные черные волосы и большие голубые глаза, в которых еще не угасла боль потери. Глаза их матери тоже казались большими на осунувшемся от горя лице, а простое серое платье висело на госпоже Надзиме мешком. — Джосеф всегда осторожно обращался в конюшне с фонарями, — продолжала она, — и никогда не зажигал открытого огня. Должно быть, мальчики принесли Джерида, посмотреть, как работает отец, и... — Еще один тяжелый вздох. — И все оказались в ловушке. Как могло случиться, чтобы огонь так быстро охватил всю конюшню...

— Многое вообще трудно понять, — успокаивающе промолвила Морейн, поставив чашку на столик сбоку. Она сочувствовала собеседнице, но та уже начала повторяться. — Нам не всегда очевидны объяснения, но мы можем утешиться тем знанием, что объяснение есть. Колесо Времени вплетает нас в Узор по своему усмотрению, но Узор есть творение Света.

Слушая себя, Морейн с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться. Эти бы слова да подкрепить авторитетностью и величественным видом, которых им не могла придать ее мо-

лодость. Если бы время шло быстрее! Хотя бы следующие пять лет. Пять лет — и она обретет полную силу, и вид у нее будет соответствующий ее званию. Ей всегда недоставало значительности. Но тогда печать безвозрастности, какую накладывает многолетняя работа с Единой Силой, сделала бы ее нынешнюю задачу гораздо сложнее. Менее всего Морейн желала, чтобы кто-нибудь углядел связь между ее визитами и Айз Седай.

— Как скажете, миледи, — вежливо пробормотала госпожа Надзима, хотя неосмотрительно брошенный на Морейн взгляд светлых глаз выдал ее мысли. Эта чужестранка — глупое дитя. Скромный голубой камень кесайры, на тонкой цепочке висевший на лбу Морейн, и ее темно-зеленое платье всего с шестью цветными полосами на груди — хотя по титулу она вправе носить гораздо больше их число — заставили госпожу Надзиму считать ее обыкновенной кайриэнкой благородного происхождения, одной из многих, кого айильцы, разорившие Кайриэн, вынудили покинуть родной кров. Особа пусть и знатная, но из какого-то захудалого Дома, носящая имя Элис, а вовсе не Морейн, вызывала сочувствие — ведь она скорбит по своему королю, убитому дикими айильцами. Придерживаться этой выдумки труда не составляло, хотя о дяде Морейн ни капельки не горевала.

Вероятно, почувствовав, что чем-то выдала свое отношение к чужестранке, госпожа Надзима вновь зачастила:

— Просто Джосефу всегда так везло, миледи. Все об этом твердили. Дескать, если Джосеф Надзима свалится в яму, то на дне уж точно опалы найдет. Когда он по призыву леди Карейл отправился сражаться с айильцами, я очень тревожилась, но он ни царапинки не получил. Лагерной лихоманкой не захворали ни дети, ни мы с ним. Без труда он добился расположения леди Карейл. Тогда казалось, будто сам Свет осиял нас. Благополучно родился Джерид, война кончилась, все шло хорошо, а когда мы вернулись в Канлуум, миледи за верную службу наградила Джосефа, подарила ему конюшню, и... и... — Она с трудом сдержала рыдания. Колар заплакала, и мать крепче прижала ее к себе, шепотом утешая девочку.

Морейн встала. Опять все снова. Здесь ей больше нечего делать. Джуринэ тоже встала — не самая высокая женщина,

но все же выше Морейн почти на ладонь. И обе девочки могли бы, не поднимая головы, смотреть Морейн в глаза. Покинув родной Кайриэн, Морейн уже свыклась с подобным обстоятельством. Заставив себя не торопиться, она тихо проговорила слова соболезнования и, пока девочки ходили за ее перчатками и подбитым мехом плащом, попыталась сунуть в руки госпожи Надзимы замшевый кошель. Маленький кошелек. За наличными деньгами нужно обращаться к банкирам, а это — явный след. Дело не в том, что после набега айильцев еще несколько лет доходы с ее поместий будут не слишком-то велики. И не в том, что кто-то ищет ее. Тем не менее следов лучше не оставлять — если ее раскроют, хорошего в этом будет мало.

Гордо выпрямившись, кандорка отказалась от кошелька, и Морейн рассердилась. Впрочем, Морейн понимала, в чем причина ее гнева. Она сама знала, что такое гордость, и, кроме того, леди Карейл позаботилась о верных ей людях. Настоящей причиной гнева Морейн было ее собственное желание поскорее уйти. В одночасье, в огне пожара, Джуринэ Надзима потеряла мужа и троих сыновей, но ее Джерид родился милях в двадцати от нужного места. Поиски продолжаются. Морейн не нравилось, что из-за смерти ребенка она испытывает чувство облегчения. Но это было именно так.

Выйдя за порог, под серое небо, Морейн закуталась в плащ. Она давно научилась простому приему, позволявшему не замечать холода, но всякий, кому вздумается расхаживать по улицам Канлуума в плаще нараспашку, непременно окажется в центре внимания. Во всяком случае, любой чужестранец, если это не явно Айз Седай. Кроме того, не позволить себе мерзнуть еще не значит забыть о холоде. А местный люд говорит «снова пришла весна», и без тени насмешки!

Хотя по крышам стелился пронизывающий до костей ветер, на изгибавшихся дугой улицах было полно народу, и Морейн с трудом пробиралась в сутолоке людей, повозок, фургонов. Будто весь мир собрался в Канлууме. Торопливо промолвив извинение, мимо протолкнулся тарабонец с густыми усами, темнокожая уроженка Алтары покосилась на Морейн, потом встретился иллианец — с бородкой, но с выбритой верхней губой. Можно сказать, красавчик, и не слишком высок.

В другой день, в другом городе она с удовольствием поглазела бы на этого парня. Сейчас же она едва заметила его. Сейчас ее больше волновали женщины — Морейн кидала на них настороженные взгляды, особенно на тех, кто был хорошо одет — в шелк или тонкую шерсть. Плохо, что тут столько женщин в вуалях. Дважды в толпе она замечала уверенно шагавших Айз Седай — ни ту, ни другую Морейн прежде не встречала. Ни одна не взглянула в сторону Морейн, но она, пригнув голову, держалась противоположной стороны улицы. Надо было бы надеть вуаль. Мимо прошла коренастая женщина, черты ее лица скрадывали кружева. Да в такой вуали и с десяти шагов саму Сайрин Вайю не узнаешь!

При этой мысли, сколь бы нелепой она ни казалась, Морейн вздрогнула. Если новая Амерлин пронюхает, что у нее на уме... Влезть в тайные планы, непрошенно и втихомолку, — такое безнаказанным не останется. И не важно, что Амерлин, начавшая их осуществлять, умерла во сне, а ныне на Престоле Амерлин восседает другая. Самое меньшее — Морейн сошлют в уединение на какую-нибудь ферму до тех пор, пока поиски не будут завершены.

Это несправедливо. Морейн вместе со своей подругой Суан помогали составлять список женщин, которые родили ребенка в те дни, когда Айил подступили к самому Тар Валону. Они вдвоем, скрывая свою принадлежность к Айз Седай, предлагали этим женщинам свою помощь. Из всех, кому было поручено собирать эти сведения, лишь Морейн да Суан знали, какова подлинная цель. Именно они, вычеркнув ненужные имена, вручили Тамре получившийся список. На самом деле интерес представляли лишь дети, родившиеся вне городских стен, хотя, разумеется, обещанную помощь получили все найденные матери. Но главное в ведущихся поисках — мальчики, родившиеся на западном берегу реки Эринин, мальчики, которые могли родиться на склонах Драконовой горы.

За спиной Морейн раздался пронзительно-злой женский крик, и она отскочила в сторону, лишь потом сообразив, в чем дело. Возница, размахивая бичом, отгоняла прочь не слишком поворотливого торговца мясными пирогами, загромоздившего ей проезд своей тележкой. О Свет! Нет, самое меньшее, на что она смеет рассчитывать, это ферма в глуши!

Несколько мужчин хрипло засмеялись над столь явным испугом Морейн, а один, смуглолицый тайренец в полосатом плаще, отпустил грубую шутку, что холодный ветер, мол, у нее под юбками шарит. Остальные засмеялись еще громче.

Морейн, с пылающим лицом и одеревенелой спиной, зашагала дальше, пальцы стиснули серебряную рукоять поясного ножа. Неосознанно она обняла Истинный Источник, и Единая Сила хлынула в нее дарящим жизнь потоком. Ей хватило одного короткого взгляда через плечо: ее наполнял *саидар*, и запахи стали намного явственнее, а краски ярче. Тайренец хохотал вовсю, откинув за спину плащ — Морейн могла бы пересчитать нити основы в тяжелой ткани плаща. Она направила крохотные струйки Силы — тонкие жилы Воздуха, и вдруг узлы завязок распустились и мешковатые штаны весельчака свалились на отвороты сапог. Взревев как бык, он запахнулся в плащ, а хохот вокруг вспыхнул с новой силой. Пусть на своей шкуре испытает холодный ветер и грубые шуточки!

Но стоило отпустить Источник, и удовольствия как не бывало. Морейн всегда подводили вспыльчивый характер и несдержанность. Любая способная направлять женщина, окажись она неподалеку, могла бы заметить плетение Морейн, могла бы увидеть окружившее ее сияние *саидар*. Даже эти мизерные потоки самая слабая в Башне сестра почувствовала бы в тридцати шагах. И это называется скрытность!

Ускорив шаг, Морейн заторопилась прочь от места происшествия. Слишком поздно спешить, но большего она сделать не могла. Она дотронулась до маленькой книжечки в поясном кошеле, стараясь сосредоточиться на своей задаче. Но, как выяснилось, одной рукой придерживать обе полы плаща невозможно — плащ забился на ветру, и, мгновение поколебавшись, Морейн открыла себя пронизывающему холоду. Глупы те сестры, которые на каждом шагу сами казнят себя за оплошности, но порой наказание может сослужить добрую службу. Например, напомнит о том, о чем забывать нельзя. Если не проявлять осторожности, то проще теперь же вернуться в Белую Башню и приняться за прополку грядок с репой.

Мысленно Морейн зачеркнула имя Джуринэ Надзима. Многие имена в книжечке уже были зачеркнуты чернилами.

Матери пятерых мальчиков, родившихся в ином месте. Матери трех девочек. Айильцам у Сияющих Стен противостояла почти двухсоттысячная армия, но Морейн до сих пор поражало, сколько за солдатами шло женщин, сколько из них было беременных. У сестры постарше нашлось бы объяснение этому явлению. Война была долгой, и мужчины, знавшие, что завтра могут погибнуть, хотели оставить что-то после себя. Женщины, которые знали, что их мужчины завтра могут погибнуть, хотели что-то сохранить после них.

В интересующие ее десять дней от бремени разрешились сотни женщин, а в том войске, где оказались солдаты чуть ли не из всех земель, очень редко знали о точном месте или времени рождения ребенка. А когда война окончилась, Коалиция распалась, а армия разошлась по домам, тогда лишь по слухам было известно, откуда были родители ребенка. Слишком много оказалось записей вроде этой: «Сэйра Деосин. Муж — Эйдвин. Из Муранди. Сын?» Всего пара имен, а для поисков — целая страна, и никакой уверенности, что родился мальчик. Или, например, такая: «Кари ал'Тор. Из Андора? Муж — Тэмлин, Второй Капитан иллианских Спутников, ушел в отставку». Эта пара могла уйти куда глаза глядят — ищи по всему миру! К тому же есть сомнения, был ли у нее ребенок. Подчас в список попадало лишь имя матери, вдобавок — шесть или восемь вариантов названия ее родной деревни, а в какой стране — непонятно, выбирай из двух или трех. Список тех, кого можно найти без труда, сокращался быстро.

Но найти ребенка необходимо. Того младенца, который, выросши и возмужав, способен будет владеть запятнанной мужской половиной Истинного Источника. Вот потому-то поиски ведутся в такой тайне, потому-то Тамра постаралась как можно дольше держать в стороне Морейн и Суан, которые, еще будучи Принятыми, случайно узнали о рождении ребенка. Такое дело не для Принятых, а для искушенных сестер. Но кому она могла довериться, получив Предсказание о рождении Дракона Возрожденного, и более того, зная, что тот где-то уже сосет материнскую грудь? Снились ли ей те же кошмары, от каких Морейн и Суан часто просыпались в холодном поту? Но этот мальчик, став мужчиной, должен спасти мир — ибо так гласят Пророчества о Драконе. Если

только его не отыщет Красная сестра — ведь Красная Айя в первую очередь обязана выискивать мужчин, способных направлять, и Морейн нисколько не сомневалась, что Тамра ни одной из них не доверяла, пусть даже речь идет о ребенке. Нельзя полагаться на Красных — они могут забыть, что в нем спасение человечества, но легко вспомнят, кто он такой. От последней мысли Морейн прошиб озноб.

Комнатку Морейн снимала в гостинице под названием «Небесные врата», самой лучшей и самой большой гостинице Канлуума. Широкое каменное здание в четыре этажа под зеленой крышей окружали лавки, а позади виднелись на холме особняки знати. Морейн ни за что не остановилась бы тут, но во всем городе она не сумела отыскать свободной комнаты. Глубоко вздохнув, она решительно шагнула внутрь. Ее сгорбленные плечи не распрямили ни охватившее разом тепло от огня, жарко пылавшего в четырех больших каминах, ни доносящиеся с кухни дразнящие ароматы.

Все столики в просторной общей зале с выкрашенными в алый цвет потолочными балками были заняты. В основном просто одетыми купцами, среди которых богатой вышивкой ярких блуз и платьев выделялись состоятельные ремесленники. Их Морейн едва удостоила взглядом. В «Небесных вратах» поселились не меньше пяти Айз Седай, и все они сейчас сидели в общей зале. У хозяина гостиницы, мастера Хэлвина, всегда найдется комната для Айз Седай, даже если для этого понадобится потеснить прочих постояльцев. Сестры держались на особицу, почти не глядя друг на дружку, и даже те, кто по облику не сразу признавал в них Айз Седай, ясно понимали, что лучше держаться от них подальше. Мест за столиками не хватало, но рядом с Айз Седай если кто и сидел, так только ее Страж, который со стороны мог показаться обычным человеком, но достаточно было одного взгляда суровых глаз, чтобы понять свою ошибку. Одна из сидевших в одиночестве сестер была из Красной Айя — Стражей у Красных не было.

Заткнув перчатки за пояс и перекинув плащ через руку, Морейн двинулась к каменной лестнице в дальнем конце залы. Не спеша, но и не мешкая. Глядя прямо перед собой. Ей незачем было видеть безвозрастные лица или блеск золотого кольца в виде змея, глотающего собственный хвост.

Каждый раз, проходя рядом с другой сестрой, она чувствовала в женщине способность направлять Силу, ощущала ее мощь. Здесь никто не сравнится с ней. Морейн могла чувствовать их способность, но и они могли почувствовать ее. Они провожали ее взглядами, а Морейн казалось, будто они касаются ее пальцами. Никто ее не остановил. Никто не заговорил с нею.

Но стоило Морейн дойти до лестницы, как позади раздался женский голос:

— Ну и ну! Вот так сюрприз!

Быстро повернувшись, Морейн с трудом сохранила на лице спокойствие и тут же присела в реверансе — как и положено не слишком родовитой даме приветствовать Айз Седай. Точнее, двух Айз Седай. Встреча с любой из этих одетых в неяркие шелка женщин в намерения Морейн никак не входила. А тут — что за невезение — наткнулась разом на двух!

Белые пряди в длинных волосах меднокожей Ларелле Тарси придавали особую строгость ее элегантному облику. Морейн хорошо ее помнила — Ларелле не раз занималась с нею, и когда Морейн ходила в послушницах, и когда уже стала Принятой. И еще Ларелле славилась умением задать такой вопрос, услышать который тебе хотелось менее всего. Еще хуже — толстуха Мериан Редхилл, ее седеющие волосы были собраны в узел на затылке, и безвозрастные черты скрадывало по-матерински строгое выражение лица. При Тамре она была Наставницей Послушниц и, если надо было, всегда узнавала то, что больше всего хотелось утаить. Ларелле по сравнению с ней показалась бы просто слепой. Обе красовались в вышитых виноградными лозами шалях, и шаль Мериан была украшена голубой бахромой. Морейн тоже принадлежала к Голубой Айя. Это могло иметь значение. А могло и не иметь никакого значения. Странно было видеть их вместе — у Морейн сложилось впечатление, что друг дружку они не особенно любят.

К несчастью, по Силе обе Айз Седай превосходили Морейн, хотя со временем она и станет сильнее их, но из-за существующей разницы ей придется если и не подчиниться им, то считаться с ними. Впрочем, они не вправе ставить ей препоны — что бы она ни делала. В этом отношении обычай соблюдали строго. Если только они не участвуют в поисках,

начатых Тамрой, и та не рассказала им о Морейн. Приказы Амерлин должны исполняться прежде всего, они превыше всех неписаных правил. Но стоит прозвучать здесь неверному слову, как среди сидящих в зале сестер разойдется весть, что Морейн Дамодред почему-то путешествует под чужим именем, и слух как пить дать быстро дойдет до ненужных ушей, и уж наверняка яду в этих шепотках будет предостаточно. Уж таков мир. А потом — и очень скоро — Морейн получит распоряжение возвратиться в Тар Валон. Она открыла рот, решив опередить события, но кто-то заговорил раньше нее.

— Ни к чему ее проверять, — обернувшись к двум Айз Седай, скрипучим голосом произнесла сестра, сидевшая за столиком одна. Стройную русоволосую сестру из Коричневой Айя звали Фелана Бевайн, именно она приметила Морейн, едва та появилась в гостинице, и затеяла разговор. — Говорит, ей не хочется отправляться в Башню. Упрямая, хоть кол на голове теши. Да и скрытная к тому же. Можно подумать, всем известно о каком-то дичке, вдруг выросшем в захолустном кайриэнском Доме! Но это дитя ни с кем не желает делиться своей тайной.

Ларелле с Мериан посмотрели на Морейн: Ларелле — выгнув задумчиво тонкую бровь, а Мериан явно пряча улыбку. Большинство сестер недолюбливали дичков, или дикарок, — женщин, которые самостоятельно, без помощи в Белой Башне, научились направлять Силу и остались при этом в живых.

— Истинно так, Айз Седай, — осторожно промолвила Морейн, чувствуя облегчение от того, что кто-то другой начал разговор. — У меня нет никакого желания становиться послушницей.

Фелана не мигая уставилась на Морейн, но вновь обратилась к двум сестрам:

— Говорит, будто ей двадцать два, но бывало, это правило обходили. Женщина говорит, что ей восемнадцать, и тогда ее берут на обучение. Конечно, если возраст не слишком явно бросается в глаза, а эта девочка...

— Наши правила лучше не нарушать, — отрезала Ларелле, а Мериан добавила напряженным тоном:

— По-моему, эта молодая женщина не станет врать о своем возрасте. Она не хочет становиться послушницей, Фелана. Пусть идет своей дорогой.

Морейн едва не испустила вздох облегчения.

Хотя Фелана и была слабее двух других Айз Седай, она явно не желала смириться с тем, что ее перебили. Очевидно, Фелана намеревалась продолжить спор и привстала было, но, когда она взглянула на лестницу позади Морейн, глаза ее расширились и Коричневая сестра вдруг уселась обратно, уставясь в свою тарелку с черным горохом и луком с таким видом, будто больше ничего в жизни ее не интересовало. Мериан и Ларелле подтянули шали, по серой и голубой бахроме пробежала рябь. Вид у обеих был такой, словно им очень хотелось оказаться где-нибудь в другом месте, а самих в то же время будто гвоздями к полу прибили.

— Значит, эта девочка не желает быть послушницей, — раздался на лестнице женский голос. Его Морейн слышала лишь однажды, два года назад, но не забудет никогда. Считанные женщины были сильнее обладательницы этого голоса, но ныне сравниться с нею в Силе могла в лучшем случае одна. Невольно Морейн кинула взгляд через плечо.

Чуть ли не все считали, что Кадсуане Мелайдрин, удалясь на покой, давным-давно умерла, но она появилась с началом Айильской Войны, и, наверно, немало сестер пожалели, что та и в самом деле не упокоилась в тихой могиле. Кадсуане была особой легендарной, а очень неуютно чувствуешь себя, когда рядом стоит живая легенда и смотрит на тебя. Ее деяния, по слухам, казались совершенно невероятными, а остальные были и того хлеще, хотя многому имелись подтверждения. Однажды король Тарабона, когда открылось, что он способен направлять Силу, попросту исчез из дворца и был вывезен в Тар Валон для укрощения, а по пятам гналась армия, которая не поверила такому о своем правителе и жаждала вызволить его. Король Арад Домана и королева Салдэйи — *оба* были похищены и тайно увезены, и когда Кадсуане в конце концов освободила их, неминуемая, казалось бы, война сама собой затухла. Поговаривали, что закон Башни ей не указ, на обычаи она плевала, шла своим путем и подчас тащила за собой других.

— Благодарю Айз Седай за заботу обо мне, — начала было Морейн, но умолкла под взглядом Кадсуане. Ее взгляд был не просто суровым. Безжалостным. По слухам, многие годы даже восседавшие на Престоле Амерлин с опаской от-

носились к Кадсуане. Шептались, будто однажды она накинулась на Амерлин чуть ли не с кулаками. Что, разумеется, невозможно — ее бы наверняка казнили! Морейн сглотнула комок в горле и попыталась заговорить снова, но опять не смогла вымолвить ни слова.

Спускаясь по лестнице, Кадсуане сказала Ларелле и Мериан:

— Приведите девушку.

Не оглядываясь, она двинулась через общий зал. Купцы и мастеровые, кто в открытую, кто искоса, посматривали на нее, как и Стражи, но все сестры сидели, не поднимая глаз от столешниц.

Лицо у Мериан вытянулось, Ларелле шумно вздохнула, но обе Айз Седай подтолкнули Морейн вслед за покачивающимися золотыми украшениями в прическе Кадсуане. Делать нечего, нужно подчиниться. Хорошо хоть, Кадсуане не из тех, кому давала поручение Тамра: после того памятного появления в начале войны она в Тар Валон не возвращалась.

Кадсуане провела всех в одну из отдельных гостиных, где в камине, выложенном черным камнем, пылал огонь, а на стенах, отделанных красными панелями, висели серебряные лампы. Возле камина грелся высокий кувшин, и на лакированном подносе, стоявшем на маленьком резном столике, блестели серебряные кубки. Мериан с Ларелле устроились в обитых цветастой тканью креслах, но, когда Морейн, положив плащ на стул, собралась было сесть, Кадсуане остановила ее.

— Встань сюда, перед сестрами, дитя мое, — велела она.

Еле удержавшись, чтобы не вцепиться пальцами в юбку, Морейн встала, как было сказано. Подчиняться кому бы то ни было она никогда не умела. До того, как в шестнадцать лет попасть в Башню, Морейн мало кому повиновалась. Почти все повиновалось ей.

Кадсуане принялась медленно ходить, обошла трех женщин по кругу, потом сделала второй круг. Мериан и Ларелле удивленно переглянулись, и Ларелле открыла было рот, но, бросив взгляд на Кадсуане, так ни слова и не сказала. Обе Айз Седай напустили на себя бесстрастно-спокойный вид — глядя со стороны, можно было подумать, что им совершенно ясно, что тут происходит. Иногда Кадсуане посматривала на них, но в основном она смотрела на Морейн.

— Большинство новоиспеченных сестер, — вдруг заговорила легендарная сестра, — шали почти не снимают, разве что когда спать ложатся или в ванну залезают. А ты здесь без шали и без кольца, да еще в таком опасном месте — опаснее лишь в самом Запустении. Почему?

Морейн заморгала. Вопрос задан без обиняков, в лоб. Кадсуане и в самом деле наплевать на условности и обычаи, когда они ее не устраивают. Морейн постаралась придать голосу живости.

— Новоиспеченные сестры еще и Стража себе ищут. — Почему Кадсуане так с ней обращается? — А у меня Стража еще нет. Мне говорили, что из мужчин Пограничья получаются превосходные Стражи.

Зеленая сестра одарила ее таким пронзительным взглядом, что у Морейн мелькнула мысль, не чересчур ли легкомысленно она говорила.

Остановившись за спиной Ларелле, Кадсуане положила ладонь на плечо Серой сестры.

— Что тебе известно об этой девочке?

Каждая из учениц Ларелле считала ее образцом сестры, и каждую страшила эта холодность. Все они боялись ее, и все хотели походить на нее.

— Морейн была прилежной ученицей, все схватывала на лету, — задумчиво произнесла Ларелле. — Быстрее всего в Башне учились она да Суан Санчей. Но вам это наверняка известно. Ну, что еще... На язык невоздержанна и чересчур вспыльчива была, пока мы ее не уняли — насколько нам удалось. Их с подружкой, той самой Суан, вечно на проделки тянуло. Но испытание на Принятую обе прошли с первого раза и шаль получили сразу. Ей, разумеется, необходима выдержка, закалка, но со временем из нее может получиться нечто толковое.

Кадсуане встала позади Мериан и задала тот же вопрос, прибавив:

— Ларелле сказала, ее вечно тянуло... на проделки. Трудный ребенок?

Мериан с улыбкой покачала головой. Никто из девочек не хотел быть Мериан, но все знали, к кому идти, чтобы выплакаться или чтобы попросить совета, когда нельзя и лучшей подруге довериться. Многие девочки бывали у Ме-

риан по своей воле и не в пример чаще, чем их отправляли к ней для наказания.

— Нельзя сказать, что трудный, — сказала Мериан. — Скорее неугомонный. Ни одна из учиненных Морейн проказ не была злой, но было их предостаточно. И послушницей, и Принятой ее отправляли ко мне в кабинет много чаще, чем любых трех девочек вместе. Не считая разве что ее закадычной подружки Суан. Разумеется, очень часто бывает, что подруги в чем-то замешаны вместе, но эту парочку одну без другой ко мне не присылали. Последний раз это случилось тем самым вечером, когда они прошли испытание на право носить шаль. — Улыбку Мериан сменила нахмуренность, которую Морейн помнила по тому вечеру. Она не сердилась, скорей не верила, что молодые женщины способны выкинуть эдакий номер. И еще на лице ее тогда читалась еле заметная заинтересованность. — Вместо того чтобы провести вечер в раздумьях и медитации, они попытались подложить мышей в постель одной сестры, Элайды а'Ройхан. Вот за этим их и поймали. По-моему, не было еще женщины, которая получила звание Айз Седай и которой после последнего посещения Наставницы Послушниц приходилось бы с опаской садиться. С неделю, пока в них закреплялись Три Клятвы, им требовалось подушечку подкладывать.

Морейн удалось сохранить непроницаемое выражение лица, усилием воли она удержала пальцы, готовые сжаться в кулаки, но ничего не сумела поделать с заполыхавшими щеками. И эта печально-заинтересованная нахмуренность, как будто Морейн все еще Принятая. Значит, ей нужна выдержка? Ну, наверное, немного выдержки не помешает, но все-таки... И распространяться о той дружбе!

— По-моему, вы знаете обо мне все, что нужно знать, — напряженным голосом заявила Морейн Кадсуане. Никого не касается, как тесно дружили Суан и Морейн, только их двоих. Ни к чему рассказывать о наказаниях, да еще и в подробностях. Ученицы Элайду не любили — она, когда бы ни появлялась в Башне, всегда придиралась, требовала, чтобы все ее задания выполнялись без сучка и задоринки. — Мне пора. Я уезжаю в Чачин.

Морейн едва не застонала и прикусила язык, сообразив, что с него сорвалось. Ну вот опять! Стоит гневу взять над

нею верх, как язык мелет невесть что. Если Ларелле и Мериан участвуют в поисках, то у них наверняка имеется хотя бы часть списка из записной книжечки Морейн. В том числе и Джуринэ Надзима, и леди Инес Демайн из Чачина, и Авинэ Сахира, которая «живет в деревне на проезжей дороге между Чачином и Канлуумом». Чтобы укрепить подозрения, остается еще сказать, что после она собирается ненадолго посетить Арафел, а потом — и Шайнар.

Кадсуане неприятно улыбнулась.

— Ты уедешь, дитя мое, когда я разрешу. И помалкивай, пока тебя не спросят. Вон там в кувшине вино с пряностями. Налей-ка нам.

Морейн задрожала. «Дитя мое»! Она давно не послушница. Кадсуане не вправе приказывать ей уходить-приходить. Как и помалкивать. Но Морейн не стала протестовать. Она подошла к камину — впрочем, несколько деревянной походкой, — и взяла длинногорлый серебряный кувшин.

— Кажется, Кадсуане, тебя заинтересовала эта молодая женщина, — промолвила Мериан, чуть повернувшись и глядя, как Морейн разливает вино. — Нам о ней ничего знать не нужно?

Ларелле улыбнулась с еле заметной издевкой — или скорее всего лишь с намеком на насмешку, ведь рядом стояла Кадсуане, — и заметила:

— Неужели у кого-то было Предсказание, будто в один прекрасный день она станет Амерлин? Лично я ничего такого не замечаю, но вообще-то у меня нет таланта к Предсказанию.

— Я могу прожить еще лет тридцать, — сказала Кадсуане, протянув руку за предложенным Морейн кубком. — Или же три года. Кто возьмется сказать?

Глаза Морейн округлились, и она пролила горячее вино себе на запястье. Мериан тихо охнула, а у Ларелле был такой вид, точно ей в лоб заехали булыжником. Всякая Айз Седай скорей плюнет на стол, чем упомянет о своем возрасте или о возрасте кого-либо из сестер. Но Кадсуане — это не всякая Айз Седай.

— В следующий раз, дитя мое, будь чуточку поосторожнее, когда наливаешь вино, — невозмутимо, как ни в чем не бывало, промолвила Кадсуане. Морейн отошла к камину, не

сводя с нее глаз, а Кадсуане продолжила: — Мейлин куда старше. Когда меня и ее не станет, тогда самой сильной останется Кирене. — Ларелле вздрогнула. — Тебя что-то беспокоит? — Заботливый тон Кадсуане вряд ли кого-нибудь ввел в заблуждение, и она продолжала, не дожидаясь ответа: — Если мы умалчиваем о возрасте, это еще не значит, что людям неведомо, что мы живем дольше них. Ха! А после Кирене — резкое падение к следующим пяти. Пять — если это дитя и та девочка Санчей разовьют свой потенциал. К тому же одной из пятерых столько же лет, сколько и мне, и она уже подумывает, не пора ли ей на покой.

— Какой в этом смысл? — спросила Мериан слабым, точно от дурноты, голосом.

Ларелле прижимала ладони к животу, лицо у нее посерело. Они едва взглянули на предложенное Морейн вино и знаком отказались, и она так и держала кубок в руке, хотя вряд ли сумела бы сделать хоть глоток.

Кадсуане нахмурилась — зрелище не из тех, что радуют сердце.

— За тысячу лет в Башню не пришла ни одна, кто сравнился бы со мною. За почти шестьсот лет — никого, сравнимого с Мейлин или Керене. Тысячу лет назад нашлось бы по меньшей мере пятьдесят сестер, кто по силе стоял бы выше этой девочки. А глядишь, через сотню лет она сама будет в числе первых. Возможно, конечно, что к тому времени отыщется кто-то посильнее, но вовсе не пятьдесят. Скорей всего вообще никого. Мы вырождаемся.

— Ничего не понимаю, — отрывисто сказала Ларелле. Судя по всему, она взяла себя в руки и злилась на себя за выказанную слабость. — Нам всем об этом известно, но при чем тут Морейн? По-твоему, ей суждено привести в Башню много девушек, и вдобавок с большим потенциалом? — Громким хмыканьем она ясно дала понять, что думает о подобной перспективе.

— Будет жаль, если впустую пропадет такой талант, причем раньше, чем сама она поймет, что к чему. Башня не имеет права потерять ее из-за ее собственного неведения. Взгляните на нее. Хорошенькая куколка, благородная малышка-кайриэнка. — Кадсуане указательным пальцем приподняла подбородок Морейн. — Если хочешь подыскать себе

Стража, то скорей найдешь разбойника, которому захочется пошарить в твоем кошеле. Вот он и пустит стрелу тебе в сердце. Или громила, который при одном только виде спящей сестры млеет, проломит тебе черепушку, и очнешься ты в каком-нибудь закоулке, лишившись золота и, возможно, еще кое-чего. Сдается мне, Стража ты будешь выбирать с той же придирчивостью, как и своего первого мужчину.

Морейн отшатнулась, кипя от возмущения и сбивчиво что-то бормоча. Сначала говорили о ней и Суан, а теперь еще об этом! Есть же вещи, о которых говорить можно и о которых говорить совершенно не стоит!

На ее вспышку Кадсуане не обратила ровным счетом никакого внимания. Спокойно прихлебывая вино, она вновь повернулась к Ларелле и Мериан:

— Пока она не найдет себе Стража, который будет оберегать ее спину, лучше будет оберечь ее от собственной восторженности. Если не ошибаюсь, вы вдвоем собирались в Чачин. Вот с вами она и поедет. Надеюсь, из виду ее вы не упустите.

Морейн наконец обрела дар речи, но толку ее заявления возымели не больше, чем ее негодование. Ларелле с Мериан тоже принялись шумно возражать. За Айз Седай, пусть даже вчера получившей звание полноправной сестры, ни к чему «присматривать». У них и своих дел по горло. Что это за дела, Ларелле с Мериан не распространялись — да и мало какая сестра о том вслух станет говорить, — но ясно было, что попутчиц им и даром не надо. Кадсуане же не слышала того, чего слышать не желала, и настаивала, что Мериан с Ларелле должны поступать так, как угодно ей, а стоило им дать слабину, сразу же этим воспользовалась. Очень скоро парочка ерзала на сиденьях и отговаривалась, что повстречались они лишь вчера и вряд ли им по дороге. Так или иначе, но обе намеревались пробыть в Канлууме дня два-три, а Морейн собиралась уехать сегодня же.

— Девочка останется тут до вашего отъезда, — решительно заявила Кадсуане. — Ладно, тогда с этим все. Уверена, вы обе хотите заняться тем делом, что привело вас в Канлуум. Не буду вас задерживать.

Кадсуане столь бесцеремонно указала Айз Седай на дверь, что Ларелле недовольно поддернула шаль, потом направи-

лась к выходу, ворча, что Морейн горько пожалеет, если будет путаться под ногами или хоть на час задержит ее на пути в Чачин. Мериан восприняла все куда проще, даже сказала, что присмотрит за Морейн как за родной дочерью. Правда, приятного ее улыбка не обещала.

Когда Ларелле с Мериан ушли, Морейн, не веря своим глазам, смотрела на Кадсуане. Ничего подобного она раньше не видывала. За исключением лавины. Теперь Морейн оставалось одно — держаться тише воды ниже травы, пока не подвернется случай улизнуть незаметно для Кадсуане и остальных. Разумней не придумаешь.

— Я ни с чем не согласна, — холодно промолвила Морейн. Очень холодно. — Что, если у меня есть в Чачине неотложные дела? Что, если я не стану ждать здесь два или три дня? — Пожалуй, Морейн и в самом деле стоит подучиться держать свой язык на привязи.

Кадсуане задумчиво рассматривала дверь, закрывшуюся за Ларелле и Мериан, но сразу повернулась и устремила пронзительный взор на Морейн.

— Ты носишь шаль всего пять месяцев, и у тебя уже есть неотложные дела? Ха! Ты до сих пор не усвоила первого урока: получение шали означает, что ты готова по-настоящему учиться. Второй урок — осторожность. Я слишком хорошо знаю, каково оно, когда ты молода, *саидар* наготове, а весь мир у твоих ног. Как тебе кажется. — Морейн пыталась вставить хоть слово, но это было все равно что оказаться на пути лавины. — В жизни тебе еще не раз придется многим рисковать — если проживешь достаточно долго. Ты и так уже очень рискуешь, не подозревая о том. Слушай меня внимательно. И делай так, как я скажу. Вечером я проверю твою кровать, и если она окажется пуста, я тебя отыщу и ты горько пожалеешь о тех мышах. А потом сможешь утереть слезы шалью, которая, по-твоему, делает тебя непобедимой. В этом ты заблуждаешься.

Уставясь на закрывшуюся за Кадсуане дверь, Морейн вдруг сообразила, что в руке у нее кубок с вином, и залпом выпила его до дна. Нет, эта женщина просто... устрашающая! Обычаями не позволено применять физическое насилие к другой сестре, но Кадсуане ни на волос не отступала от своих угроз. Она сказала об этом напрямую, значит, со-

гласно Трем Клятвам, именно это и имела в виду. Невероятно. Совпадение ли, что она упомянула Мейлин Арганья и Керене Нагаши? Они были среди тех, кому поручила розыски Тамра. А может, Кадсуане тоже из их числа? Так или иначе, она приостановила поиски Морейн не меньше чем на неделю. Если и в самом деле придется отправиться вместе с Ларелле и Мериан. Но почему всего лишь на неделю? Если Кадсуане сама участвует в поисках... Если Кадсуане узнала о ней и Суан... Если... Что толку стоять тут и вертеть в руках пустой кубок! Морейн подхватила свой плащ.

Несколько человек оглянулись на нее, когда она спустилась в общий зал, — кое-кто с сочувствием. Несомненно, пытались представить себе, на что это похоже — оказаться в центре внимания трех Айз Седай, и не сомневались, что ничего приятного подобное не сулит. Ни у одной из сестер сострадания на лицах и в помине не было. Фелана довольно улыбалась — верно, предвкушала, как имя леди Элис вписывают в книгу послушниц. Ни Кадсуане, ни двух других Айз Седай нигде видно не было.

Потрясенная, Морейн пробиралась между столиками. Столько вопросов — и ни единого ответа! Ей захотелось, чтобы рядом была Суан: та головоломки щелкала точно орешки и не растерялась бы ни перед какой загадкой.

В дверь с улицы заглянула молодая женщина, сразу исчезнув из виду, и Морейн чуть не споткнулась. Если чего-то очень хочется, того и жди, что оно тебе почудится. Женщина заглянула вновь, капюшон плаща откинут на узелок за спиной, и это в самом деле была Суан, решительная и красивая, в простом синем платье со следами долгого пути. На этот раз она заметила Морейн, но не кинулась радостно навстречу, а кивком указала на улицу и снова исчезла.

С сердцем, стучавшим у самого горла, Морейн запахнулась в плащ и выскочила из гостиницы. Суан уже шла в уличной толчее, оборачиваясь через каждые два шага. Морейн заторопилась следом, тревога ее росла.

Суан должна была находиться за сотню миль отсюда, в Тар Валоне. Ее оставила при себе помощницей Сеталия Деларме, возглавлявшая сеть соглядатаев Голубой Айя. Об этой тайне Суан, сетуя на свою судьбу, как-то ненароком обмолвилась. Когда подруги были послушницами и Принятыми,

Суан не переставала делиться мечтами о том, как отправится в мир, поглядит на него, но в тот день, когда девушкам вручили шали, Сеталия отвела Суан в сторонку, и с того вечера новоиспеченная Айз Седай стала разбирать приходящие изо всех стран послания мужчин и женщин. Там, где другие не замечали ничего, Суан благодаря складу своего ума видела связь событий и нащупывала скрытые пружины. По Силе Сеталия не уступала Мериан, и должно пройти еще года три-четыре, прежде чем Суан посмеет сказать Сеталии, что оставляет свой пост. Скорей в День Солнца снег пойдет, чем Сеталия отпустит Суан на год раньше. И в Канлууме Суан могла оказаться только по одной причине... Морейн глухо застонала, и лопоухий парень, продававший вразнос булавки, окинул ее озабоченным взглядом; Морейн ответила ему таким яростным взором, что бедняга аж попятился.

Похоже, что Сайрин послала Суан вернуть Морейн и что на долгом пути тревога ни на минуту не оставляла Суан. Сайрин отличалась суровостью, и жалости у нее не было ни на унцию. В день избрания от новой Амерлин ожидают, что она дарует прощения и смягчит наказания; Сайрин же приказала выпороть двух сестер, а еще трех — на год изгнать из Башни. И с нее станется сказать Суан, какому наказанию она решила подвергнуть виновницу. Морейн содрогнулась. Весьма вероятно, Сайрин сумеет придумать сочетание Труда, Бедности, Умерщвления Плоти и вдобавок — Смирения Духа.

В сотне шагов от гостиницы Суан опять обернулась, обождала немного, чтобы подруга наверняка ее увидела, а потом юркнула в переулок. Морейн ускорила шаг и последовала за ней.

Рослая Суан расхаживала между незажженными масляными фонарями, что цепочкой протянулись вдоль всего узкого пыльного закоулка. Ничто не могло испугать Суан Санчей, дочь рыбака из самых опасных кварталов Тира, но сейчас в ее острых голубых глазах читался страх. Морейн открыла было рот, чтобы спросить, не подтвердились ли ее собственные страхи о Сайрин, но подруга заговорила первой.

— Морейн, скажи мне, что ты нашла его! Скажи, что это мальчик Надзимы! Мы передадим его Башне под присмотр сотни сестер, и на этом — все.

Сотня сестер?

— Нет, Суан, — ответила Морейн. Откуда в голосе подруги такая дрожь? Совсем непохоже на Суан. — А что случилось?

Суан заплакала. Суан, у которой сердце льва, которая позволяла скатиться слезинке, лишь выйдя из кабинета Мериан. Обхватив Морейн руками, Суан крепко обняла ее. Она вся дрожала.

— Они все мертвы, — пробормотала Суан. — Айша и Керене, Валира, и Людис, и Мейлин. Сказали, что Айшу со Стражем убили в Муранди разбойники. Керене, по слухам, во время бури упала с корабля в Аргуэнью и утонула. А Мейлин... Мейлин...

Морейн обняла подругу, что-то успокаивающе шепча. И оцепенело глядя поверх плеча Суан. Они узнали о пяти женщинах, которых Тамра отрядила на поиски, и все пять мертвы.

— Мейлин была... очень немолода, — медленно промолвила Морейн. Она не была уверена, что сумела бы вообще произнести подобные слова, если бы на эту тему в открытую не заговорила Кадсуане. Суан испуганно вздрогнула, и Морейн через силу продолжила: — Да и остальные, особенно Керене... — Даже для Айз Седай возраст под двести лет не назовешь молодостью. — И несчастные случаи бывают. И разбойники попадаются. И бури случаются.

Она и сама с трудом верила своим словам. *Все* сразу?

Суан отстранилась.

— Ты не понимаешь! Мейлин... — Морщась, она яростно вытерла глаза. — Рыбий потрох! Попробую пояснее. Возьми себя в руки, дура проклятая! — Последние слова она прорычала себе самой. Мериан, да и другим, пришлось немало постараться, чтобы обуздать склонный к ругательствам язык Суан, но едва шаль оказалась на ее плечах, как все вернулось снова. Подведя Морейн к перевернутой бочке, она усадила подругу. — Присядь-ка лучше, а то на ногах не устоишь, когда услышишь, что я тебе скажу. Будь я проклята, меня и саму ноги бы не держали.

Подтащив поближе разбитый ящик, Суан устроилась на нем. Она разглаживала юбки, всматривалась в створ улицы, ворча на заглядывавших в переулок прохожих. Ее явное нежелание говорить ничуть не успокаивало Морейн. Как, впрочем, и саму Суан. Когда она заговорила снова, то ей пришлось сглотнуть, точно ее мутило.

— Мейлин вернулась в Башню почти месяц назад. Почему, я не знаю. Она ничего не сказала, ни где была, ни куда собирается. Просто собиралась остаться на несколько месяцев. Я... О Керене я услышала утром того дня, когда вернулась Мейлин, а о других еще раньше. Поэтому я решилась поговорить с Мейлин. И не смотри так на меня! Я знаю, что значит быть осторожной! — Уж что-что, а слово «осторожная» в понимании Морейн никак не было приложимо к Суан. — Я пробралась тайком в ее апартаменты и спряталась под кроватью. И слуги не увидели меня, когда перестилали постель. — Суан горестно хмыкнула. — Там я и уснула. Меня разбудило солнце, но постель была не смята. Тогда я выскользнула за дверь и спустилась на завтрак, ко второй смене. И вот ем я овсянку, и появляется Чесмал Эмри и... Она... Она сказала, что ночью Мейлин умерла в своей постели, — торопливо докончила Суан и тяжело вздохнула, глядя на Морейн.

Морейн порадовалась тому, что сидит, иначе колени у нее обязательно подломились бы. Она выросла в центре *Даэсс Дей'мар*, Великой Игры, — так называли интриги и заговоры, которые наскозь пронизывали жизнь Кайриэна, когда в каждом слове искали скрытый смысл, а в каждом поступке видели часть хитроумного плана. Но сейчас было не до смысловых оттенков. Произошло убийство.

— Красная Айя? — в конце концов предположила Морейн. Красные Айя могли бы убить женщину, заподозренную ими в защите мужчины, способного направлять Силу.

Суан фыркнула.

— На теле Мейлин не было ни царапинки, а Чесмал наверняка обнаружила бы яд, или удушение, или... А это, Морейн, означает только одно — Силу. Пойдут ли даже Красные на это? — В голосе Суан звучала ярость, но она скинула со спины мешок, положила на колени и прижала к себе. Казалось, она что-то прячет за ним. Однако, судя по сердитому лицу, гнева в ней теперь было больше, чем страха. — Пораскинь мозгами, Морейн. Считается, что Тамра тоже умерла во сне. Только мы знаем, что в случае с Мейлин дело нечисто, и какая разница, где ее нашли. Сначала Тамра, а потом умирают остальные. Вот в чем смысл: кто-то заметил, как она вызывает к себе сестер, и решил узнать, в чем причина. Причем

захотел настолько, что рискнул допрашивать саму Амерлин. Значит, им есть что скрывать, раз они пошли на такое. И они рискнули всем, лишь бы их тайна оставалась нераскрытой. Они убили ее, скрыв ее смертью, что они наделали, а потом решили убить остальных. А это означает, что они не хотят, чтобы мальчика нашли, нашли живым. Им не нужен Дракон Возрожденный для Последней Битвы. Вот так, как ни крути. Иные объяснения — все равно что выплеснуть против ветра ведро с помоями и надеяться себя не обрызгать.

Не осознавая, Морейн всматривалась в конец переулка. Мало кто из прохожих хотя бы раз оглядывался на двух сидящих женщин. Никто не останавливался. Никому не было до них никакого дела. О некоторых вещах проще говорить, когда ничем не выделяешься. «Амерлин» была допрошена; «она» была убита. Не Тамра — это имя вызвало бы в памяти знакомое, преисполненное решительности лицо. «Кто-то» убил ее. «Они» не хотят, чтобы нашли Дракона Возрожденного. Убийство посредством Силы, несомненно, означает нарушение Трех Клятв, даже для... для тех, чье имя Морейн хотелось произносить не больше, чем Суан.

Усилием воли придав лицу бесстрастное выражение, а голосу — спокойствие, Морейн с трудом вымолвила:

— Черные Айя.

Суан дернулась, потом, зло сверкнув исподлобья глазами, кивнула.

Любая сестра неминуемо разгневалась бы, услышав предположение, что существует тайная Айя, скрытая среди остальных и всецело предавшаяся служению Темному. Большинство сестер попросту отказались бы слушать. Белая Башня стоит на стороне Света более трех тысяч лет. Но были сестры, которые не отметали с порога существование Черных Айя. Некоторые полагали, что в этом есть доля правды. Считанные единицы, в разговоре с другой сестрой, признали бы существование Черной Айя, однако Морейн не хотелось признаваться в этом даже себе.

Суан потеребила завязки своего мешка и бодро заговорила:

— Вряд ли им известны наши имена: Тамра не считала, что мы участвуем в этих поисках. Иначе со мной тоже произошел бы «несчастный случай». Перед уходом я подсунула под дверь Сайрин записку со своими подозрениями. Только

я не знаю, насколько можно ей доверять. И кому — Амерлин! Я писала левой рукой, но так дрожала, что никто не признал бы моего почерка, даже если бы я писала правой. Чтоб у меня печенка сгорела! Даже знай мы, кому доверять, у нас не доказательства, а какая-то трюмная водичка.

— Мне и этого достаточно. Если им все известно, имена всех, кого выбрала Тамра, то, наверно, никого и не осталось, только мы. Нам нужно пошевеливаться, у нас еще есть надежда первыми отыскать мальчика. — Морейн тоже старалась говорить энергичным тоном. Хорошо, что Суан ограничилась лишь кивком. Сколько бы Суан ни твердила, что вся дрожит, она ни за что не отступит. И ей даже в голову не придет, что Морейн способна сдаться. И это радовало больше всего. — Может, они узнают о нас, а может, и нет. Или решили двух молоденьких сестер оставить напоследок. Так или иначе, полагаться мы можем лишь на самих себя. — Кровь отхлынула от лица Морейн. — О Свет! Ты знаешь, Суан, с кем я встретилась в гостинице?

Морейн попыталась припомнить каждое слово, каждый нюанс встречи, с того самого момента, как заговорила Мериан. Суан слушала, устремив взгляд куда-то вдаль, взвешивая все и раскладывая по полочкам.

— Да, Тамра могла поручить Кадсуане поиски ребенка, — согласилась Суан, когда Морейн закончила рассказ. — А может, Кадсуане — из Черной Айя. — На этих страшных словах она даже не запнулась. — А может, она просто пытается убрать тебя с дороги, а потом избавится от тебя, не возбуждая подозрений. Вся беда в том, что все может оказаться и так, и этак. — Подавшись вперед, Суан положила ладонь на колено Морейн. — Сумеешь незаметно вывести лошадь из конюшни? У меня лошадь хорошая, но я не уверена, свезет ли она нас обеих. Нужно побыстрей сматывать удочки. Когда через несколько часов нас хватятся, мы будем уже далеко.

Морейн невольно улыбнулась. Она очень сомневалась, что лошадь вообще хороша. Лошадей ее подруга умела выбирать не лучше, чем сидеть в седле, а бывало, Суан падала наземь, когда животное и с места-то двинуться не успевало. Поездка на север оказалась для нее сущим мучением. Да и страху она немало натерпелась.

— Суан, никто не знает, что ты здесь, — сказала Морейн. — Лучше, если и не узнают. Твоя записная книжка

при себе? Хорошо. Если я останусь до утра, то в запасе у меня будет целый день, а не несколько часов. Ты же отправляйся в Чачин сейчас. Вот, возьми немного денег. — Судя по платью Суан, в конце пути ей приходилось ночевать под кустом. А у дочери рыбака нет имений, откуда присылают золото. — И сразу начинай искать леди Инес. В Чачине я тебя нагоню.

Конечно, убедить Суан оказалось непросто — упрямства в ней было как воды в широкой Эринин. Не говоря уж о том, что и послушницей, и Принятой в их паре верховодила всегда дочь рыбака, а не племянница короля; это обстоятельство порой изумляло Морейн, пока в конце концов это не стало иногда казаться ей совершенно естественным. Суан на роду написано руководить другими.

— Да у меня самой хватит, — заворчала Суан, но Морейн поделила пополам содержимое своего кошеля и все-таки настояла на своем, напомнив подруге о клятве, данной еще в первые месяцы в Тар Валоне: что принадлежит одной, принадлежит и другой. Суан на это пробурчала: — Мы еще обещали, что найдем прекрасных юных принцев и свяжем их узами, а потом и выйдем замуж. Девочки вечно чушь всякую порют. Ладно, ты сама будь поосторожнее. Оставишь меня одну все расхлебывать, я тебе шею сверну.

Обнявшись на прощание, Морейн почувствовала, как тяжело ей расставаться с подругой. Час назад она тревожилась, не отправят ли ее на ферму, а самым страшным наказанием казались розги. А теперь... Черные Айя. Морейн замутило. Как бы ей хотелось быть такой же отважной, как Суан. Глядя на Суан, шагающую по переулку и поправляющую узел за спиной, Морейн пожалела, что не выбрала Зеленую Айя. Только Зеленые связывали себя узами с несколькими Стражами, и Морейн очень бы не помешало, чтоб ее прямо сейчас оберегали не меньше трех-четырех Стражей.

Шагая по улице, Морейн не переставая косилась на прохожих, на мужчин и на женщин. Если в дело замешаны Черные Айя — при этой мысли у нее всякий раз все внутри сжималось, — то наверняка не обойдется и без заурядных Приспешников Темного. Никто не говорил, что их нет, и в надежде на вожделенную награду те, кто уверовал, что Темный одарит их бессмертием, готовы были не только на убий-

ство, но и на любое злодейство. А коли любая сестра могла обернуться Черной, то всякий встречный вполне мог на поверку оказаться Приспешником Темного. Оставалось лишь надеяться, что и Суан этого не забывает.

Когда Морейн подходила к «Небесным вратам», в дверях гостиницы показалась сестра Во всяком случае, Морейн разглядела руку и бахромчатую шаль. Только что вышедший из гостиницы высокий мужчина с заплетенными в две косички волосами повернулся к Айз Седай и что-то коротко сказал, но, подчинившись властному жесту руки с шалью, с хмурым видом двинулся прочь и прошел мимо Морейн. Она не обратила бы на происшедшее особого внимания, но в голове у нее вертелись мысли о Черной Айя и о Приспешниках Темного. Хотя что тут такого — Свету ведомо, Айз Седай разговаривает с мужчиной, некоторые сестры с ними не только разговаривают. Но думала-то Морейн о Приспешниках Темного. И о Черных сестрах. Жаль, не сумела разглядеть цвет бахромы. Морща в раздумье лоб, она торопливо прошла последние тридцать с лишком шагов.

Возле двери, отдельно от прочих, сидели вместе Мериан и Ларелле, на обеих были шали. Немногие сестры носили шали, разве что напоказ или же на официальных церемониях. Обе женщины смотрели на Кадсуане. Та направлялась в отдельную гостиную, следом за ней шагала пара седоволосых мужчин, обликом напоминавших многолетние дубы. На плечах Кадсуане тоже красовалась шаль — белая эмблема Пламени Тар Валона сияла на спине. Кто из троих? Это могла быть любая. Кадсуане могла искать себе еще одного Стража — кажется, Зеленые всегда высматривают себе новых Стражей. Морейн не знала, есть ли Стражи у Мериан и у Ларелле. Насупленный же вид незнакомца можно объяснить: например, ему сказали, что он не подходит в Стражи. Найдется сотня возможных причин, потому Морейн выбросила мужчину из головы. И без того опасностей хватает, к чему выдумывать новые?

Не успела Морейн пройти и трех шагов по общему залу, как появившийся будто из-под земли мастер Хэлвин — смахивающий на бочонок лысый толстяк в фартуке в зеленую полоску — преподнес еще один неприятный сюрприз. У него в гостинице остановились еще три Айз Седай, и потому он

вынужден потеснить своих постояльцев. Несомненно, в таких обстоятельствах леди Эмис не будет возражать против соседки? Госпожа Палан весьма приятная женщина.

В голосе Хэйзел Палан, торговки коврами из Муранди, явственно слышался говор Лугарда. И когда Морейн переступила порог комнатушки, что совсем недавно принадлежала ей одной, то через пару минут она поняла, что госпожой Палан она сыта по горло. Одежда Морейн перекочевала из шкафа на настенные крючки, а на умывальнике вместо ее гребешка и щетки лежали гребень и щетка госпожи Палан. Эта толстушка могла бы робеть перед «леди Эмис», но с какой стати тушеваться перед дичком, о которой все говорят, что утром она отказалась стать послушницей в Белой Башне. Она прочитала Морейн целую лекцию об обязанностях послушниц — причем все переврала. До обеда она не отходила от Морейн ни на шаг, а потом собрала вокруг стола знакомых купчих, и каждая горела желанием поведать той все, что им известно о Белой Башне. Хотя ни одна не знала ровным счетом ничего, это не мешало товаркам Палан делиться уймой подробностей. Морейн надеялась отделаться от обременительной компании, пораньше отправившись спать, однако едва она успела снять платье, как появилась госпожа Палан, и болтала она, пока не заснула.

Ночь выдалась неспокойная. Кровать была узкой, а локти Хэйзел Палан — острыми и ноги — холодными, хоть одеяла были толстыми и под кроватью стояла маленькая печка. Собиравшаяся весь день гроза наконец-то разразилась ливнем, и ветер, под аккомпанемент грома, несколько часов громыхал ставнями. Морейн сомневалась, что вообще сумеет уснуть — сон отгоняли мысли о Приспешниках Темного и Черных Айя. Ее мысленному взору представали картины, как спящую Тамру стаскивают с кровати и куда-то волокут по полу, как женщины, владеющие Силой, подвергают ее пыткам. Иногда в лицах этих женщин угадывались черты Мериан, Кадсуане, Ларелле, иногда — других известных Морейн сестер. А иногда вместо лица Тамры она видела свое лицо.

Когда в серых утренних сумерках со скрипом медленно отворилась дверь, Морейн мгновенно обняла Источник. Ее наполнил *саидар* — до того порога, где радость и восторг переходят в боль. Не очень много Силы — через год она

заметно прибавит, а через пять будет намного сильнее, но зачерпни еще на волосок больше, и либо ее способность направлять будет выжжена навсегда, либо она просто погибнет. Первое ничем не лучше второго, но Морейн хотелось зачерпнуть еще, и вовсе не потому, что Сила всегда пробуждала подобное желание.

Кадсуане просунула голову в комнату. Морейн совсем позабыла и об ее обещании, и об ее угрозе. Несомненно, Кадсуане заметила свечение и ощутила, сколько Силы зачерпнула Морейн. Но, обронив лишь: «Глупая девчонка!», Айз Седай сразу ушла.

Медленно Морейн сосчитала до ста, потом выпростала ноги из-под одеял. К чему тянуть, можно и сейчас. Госпожа Палан перевернулась на бок и захрапела. Направив Огонь, Морейн зажгла лампу и торопливо оделась. На сей раз — платье для верховой езды. Без всякого желания она решила оставить седельные сумки и все те вещи, без которых могла обойтись. Любой, кто ее увидит, ничего особенного не подумает, хоть и час еще ранний, но коли она попадется на глаза с седельными сумками на плече... А много ли уложишь во внутренние карманы плаща? Ну, сорочку на смену, пару запасных чулок... Когда Морейн затворила за собой дверь, госпожа Палан продолжала похрапывать.

Небо только начало сереть, и тощий ночной конюх вздрогнул и изумленно уставился на Морейн, но серебряный пенни заставил его встрепенуться и кинуться седлать гнедую кобылу постоялицы. Морейн было жаль бросать свою вьючную лошадку, но даже «взбалмошной леди» — она краем уха уловила бормотание конюха — не взбредет в голову брать на утреннюю прогулку вьючную лошадь. Взобравшись в седло Стрелы, Морейн вместо второго пенни одарила парня холодной улыбкой и медленно выехала на промозглые пустынные улицы. Просто на прогулку, пусть и на раннюю. День обещал быть погожим. Дождь кончился, а легкий ветерок уже разгонял тучи.

На улицах и в переулках ярко горели фонари, но среди слабых теней людей почти не было, только мерно вышагивали патрули Ночной Стражи и вооруженные Фонарщики совершали обход, проверяя, не погасли ли где лампы. Поразительно, как люди живут в такой близи Запустения, что

Мурддраал способен шагнуть из любой густой тени? Но в Пограничных Землях люди по ночам из домов стараются не выходить.

Потому-то Морейн и удивилась, обнаружив, что она не первая у западных ворот. Трое очень высоких мужчин, с вьючной лошадью, привязанной позади трех верховых. Придержав поводья Стрелы, Морейн остановилась поодаль от них. Эта троица то и дело поглядывала на запертые ворота, перебрасываясь изредка словечком-другим со стражниками. На Морейн они лишь раз посмотрели. В свете фонарей она отчетливо видела их лица. Седой мужчина в летах и юноша с суровым лицом носили на голове плетеные кожаные ленты. Малкири? Морейн вроде бы помнила, что означает эта повязка. Третьим оказался арафелец с колокольчиками в косичках — тот самый, кого она видела выходящим из «Небесных врат».

К тому времени, когда ярко вспыхнул краешек восходящего солнца и створки наконец распахнулись, у ворот уже выстроилось несколько купеческих обозов. Первыми из города выехали те трое мужчин, но Морейн пропустила караван из дюжины запряженных восьмерками лошадей фургонов и лишь вслед за громыхающими колымагами миновала мост и двинулась по дороге меж холмов. Тем не менее из виду ту троицу она не теряла — в конце концов, направлялись они в ту же сторону, что и сама Морейн.

Ехали они быстро — видно, всадники были опытные и почти не пользовались поводьями, но этот темп устраивал Морейн. Чем дальше от Кадсуане, тем лучше. Купеческие фургоны давно исчезли из виду, когда незадолго до полудня показалась первая деревня — крохотную гостиницу на лесистом склоне холма обступал десяток каменных домов с черепичными крышами. Морейн задержалась здесь ненадолго, расспросила, не знает ли кто женщину по имени Авинэ Сахира. Никто о ней не слыхал, и она галопом поскакала дальше, придержав кобылу, лишь когда впереди на дороге заметила трех всадников, ехавших прежним размеренным аллюром. Возможно, кроме имени сестры, с которой говорил арафелец, они ничего не знают, но Морейн пригодится любая мелочь, касающаяся Кадсуане или двух других Айз Седай.

Как бы получше обратиться к ним? Поразмыслив немного, Морейн отвергла все придуманные планы. От троих

мужчин, встретивших на глухой лесной дороге одинокую молодую женщину, можно всего ожидать, особенно если они именно те, кого боялась Морейн. Если дело обернется совсем худо, то справиться с ними труда не составит, но она хотела избежать такого оборота. На лесных прогалинах появлялись редкие фермы — и снова прятались за густыми перелесками. Паривший в выси орел превратился в неясное пятно на фоне клонящегося к закату солнца.

В конце концов, когда на дорогу впереди легла ее длинная тень, Морейн решила на время забыть о всадниках и поискать место для ночлега. Если повезет, вскоре встретится какая-нибудь ферма, а за пару серебряных монет если и не на перину уложат, то на сеновал пустят.

Всадники впереди остановились, коротко посовещались, потом один взял повод вьючной лошади и свернул в лес. Оставшиеся, пришпорив своих коней, погнали их галопом.

Морейн проводила их взглядом. Одним из ускакавших был арафелец, но он вполне мог сказать спутнику о своей встрече с Айз Седай. А если действовать осмотрительно, то с одним мужчиной хлопот будет явно меньше, чем с тремя. Подъехав туда, где всадник и вьючная лошадь скрылись в лесу, Морейн спешилась.

Обычно на охоте добычу для леди выслеживают егеря и ловчие, но Морейн заинтересовалась следопытством еще в те годы, когда ей одинаково интересно было и лазать по деревьям, и заявляться домой перемазанной с головы до пят в земле и глине. Обломанные веточки и взбитая прошлогодняя листва оставили след, который без труда отыскал бы и младенец. Сотня шагов в лес, и сквозь деревья она разглядела в низинке пруд. Тот малый уже расседлал и стреножил гнедого коня — кстати, прекрасное животное, — и вьючное седло лежало на земле. Это оказался младший из Малкири. Вблизи он казался еще внушительней. Сняв пояс с мечом, он сел лицом к пруду, положив меч перед собой, ладони опустил на колени. Он глядел как будто куда-то вдаль, поверх воды, мерцавшей между вечерними тенями. Он не шевелился, словно замерев.

Морейн задумалась. Очевидно, его оставили разбить лагерь. Спутники его скоро вернутся. Но долго ли задать пару вопросов? А если его чуток вывести из себя — скажем, пря-

мо перед собой он вдруг увидит женщину, — то он ответит, не успев и задуматься. Намотав уздечку Стрелы на низкую ветку, Морейн подобрала плащ и юбки и как можно тише двинулась вперед. Она взошла на кстати подвернувшийся позади мужчины небольшой бугорок — прибавить немного росту не помешает. Он-то очень высокий. И неплохо, если она предстанет перед ним с ножом в одной руке, а его меч будет у нее в другой. Направив Силу, Морейн потянула к себе ножны с мечом. Чтобы как можно больше потрясти его воображение...

Он действовал стремительно, такого она не ожидала. Едва ее пальцы сомкнулись на ножнах, как он вскочил на ноги, развернулся, одной рукой схватил ножны, а другой — сгреб в горсть перед ее платья. Морейн даже подумать не успела о том, чтобы направить Силу, как ноги ее оторвались от земли и она куда-то полетела. Ей еще хватило времени увидеть приближающуюся гладь пруда, нечленораздельно что-то закричать, и крик разом оборвался, когда, подняв тучу брызг, Морейн шумно шлепнулась в воду. Вода была *обжигающе* холодна! От потрясения она отпустила *саидар*.

Отплевываясь, Морейн кое-как встала на ноги — по пояс в ледяной воде, влажные волосы залепили лицо, мокрый плащ тяжело обвис на плечах. Обуреваемая гневом, она резко повернулась лицом к обидчику, в ярости вновь обняла Источник. Испытание на шаль требовало от претендентки умения направлять Силу, сохраняя абсолютное спокойствие в самых сложных условиях, не чета этому нежданному купанию. Она повернулась, готовая уложить нахала на землю и оттолошматить, пока тот не заверещит!

Он стоял и качал головой, рассматривая бугор, на котором совсем недавно стояла Морейн — в добром шаге от того места, где сидел несколько мгновений назад. Когда же он наконец соизволил заметить ее, то подошел и протянул Морейн руку.

— Не очень мудро с вашей стороны пытаться отнять у мужчины меч, — сказал он и, коротко глянув на цветные полосы на ее платье, добавил: — Миледи.

На извинение эти слова походили мало, и он старательно отводил в сторону свои поразительно голубые глаза. Если ему вздумалось смеяться!..

Ворча под нос, Морейн неуклюже прошлепала к нему, взялась обеими руками за его протянутую руку... и со всей силы дернула на себя. Крайне трудно не замечать текущую по спине ледяную воду, и коль она промокла, не худо бы, чтобы и ему тоже досталось, и для этого не обязательно воспользоваться...

Он выпрямился и одним движением вытянул из воды повисшую на его руке Морейн. Она в немом изумлении смотрела на него, пока ее ноги не коснулись земли и он не сделал пару шагов назад.

— Я разведу костер и повешу одеяла, чтобы вы могли обсушиться, — промолвил он, по-прежнему стараясь не встречаться с ней взглядом.

Слова с делом у него не разошлись, и к возвращению двух его спутников Морейн стояла возле небольшого костерка, со всех сторон завешанного извлеченными из седельных вьюков одеялами. Ей, разумеется, все это было ни к чему. Надлежащим плетением Воды она до последней капли высушила и волосы, и одежду. Хорошо, что он этого не видел. А тепло от костра ей тоже не помешает. Так или иначе, Морейн намеревалась оставаться за одеялами — пусть он думает, что огонь ей нужен, чтобы обсохнуть. И, разумеется, *саидар* она не отпускала.

Из-за деревьев появились двое других мужчин, их интересовало одно — свернула ли «она» в лес следом за ними. Откуда они узнали? В такие времена люди остерегаются разбойников — возможно, и эти заметили одинокую женщину и решили, что она следит за ними? Это подозрительно.

— Кайриэнка, да, Лан? Думаю, кайриэнок в чем мама родила ты повидал! А я — нет.

Эта фраза зацепила ухо Морейн, и до слуха ее, обостренного Силой, донесся и другой звук. Шорох стали по коже. Так меч выходит из ножен. Приготовив несколько плетений, которыми можно остановить всех троих, Морейн выглянула в щелку между одеялами.

К ее изумлению, мужчина, искупавший ее — надо полагать, упомянутый Лан, — стоял спиной к висящим на ветвях одеялах. Именно в его руках был меч. Арафелец, что стоял напротив него, выглядел удивленным.

— Ты не забыл, как выглядит Тысяча Озер, Рин, — холодно произнес Лан. — Неужели нужно оберегать женщину от твоего нескромного взора?

На мгновение ей показалось, что Рина не остановит обнаженный меч в руке Лана, но мужчина постарше, седой и явно многое в жизни испытавший, уладил дело. Он отвел обоих в сторонку, говоря что-то о какой-то игре под названием «семерки». Судя по всему, весьма необычная игра. Лан с Рином повернулись лицом друг к другу и сели на землю скрестив ноги, оружие обоих было в ножнах; потом, без всякого предупреждения, мелькнули обнаженные клинки, застыв на волосок от горла противника. Старший мужчина указал на Рина, те двое опять спрятали мечи в ножны, и все повторилось вновь. Пока Морейн смотрела, так и продолжалось. Возможно, Рин был не настолько самоуверен, каким казался.

Выжидая за одеялами, она припомнила, что ей известно о стране с названием Малкир. За исключением истории, известно было немного. Рину напомнили о Тысяче Озер, значит, он тоже из народа Малкири. И еще что-то о том, что недостойно докучать женщинам. Ну, раз она уже с ними, ничто не мешает ей оставаться с ними и выведать все, что нужно.

Когда Морейн вышла из-за одеял, она уже решила, как себя держать.

— Я объявляю о своем праве одинокой женщины, — церемонно обратилась она ко всем троим. — Я направляюсь в Чачин и прошу защиты ваших мечей. — С этими словами Морейн вложила каждому в ладонь по серебряной монете. Она не была до конца уверена в этом нелепом «праве женщины», но серебро отвлечет их внимание. — И еще по две я заплачу в Чачине.

Отреагировали мужчины не совсем так, как ожидала Морейн. Рин принялся вертеть в руке и разглядывать монету. Лан, бросив короткий взгляд на свою, хмыкнул и засунул ее в карман. И тут до Морейн дошло, что она дала им три из немногих оставшихся у нее тарвалонских марок, но ведь серебро, отчеканенное в Тар Валоне, ходит по всему миру, как и монеты любой другой страны.

Седой мужчина, которого звали Букама, поклонился Морейн, левую ладонь положив на колено.

— Честь служить вам, миледи, — сказал он. — До Чачина — мой меч в вашей власти.

Глаза у него тоже были голубые, и он тоже старался не встречаться взглядом с Морейн. Она понадеялась, что он не Приспешник Темного.

Вызнать же что-нибудь оказалось нелегко. Просто невозможно. Сначала мужчины разбивали лагерь, потом возились с лошадьми, разжигали большой костер. Видимо, им не хотелось без хорошего костра встречать ночь новой весны. За скромным ужином Букама с Ланом едва перемолвились словом-другим. Морейн же набросилась на дорожный хлеб и вяленое мясо, стараясь скрыть свой волчий голод, — ведь за весь день у нее во рту и крошки не было. Рин был даже мил, а когда улыбался, на щеках у него появлялись ямочки, но болтал он без умолку, и Морейн не подвернулось возможности упомянуть ни о «Небесных вратах», ни об Айз Седай. Когда же она наконец ухитрилась хотя бы спросить, зачем он едет в Чачин, Рин погрустнел.

— Где-то же суждено человеку умереть, — тихо произнес он и, забрав свои одеяла, ушел устраиваться на ночлег.

Первым караулить взялся Лан. Он уселся, скрестив ноги, рядом с Рином, и когда Букама, потушив костер, расстелил свои одеяла возле Лана, Морейн сплела вокруг каждого из троих малого стража из Духа. Потоки Духа она могла удерживать и во сне, и если кто-то из ее спутников ночью двинется с места, малый страж разбудит ее незаметно для них. Это означало, она будет просыпаться всякий раз, как они будут сменяться на часах, но тут уж ничего не попишешь. Одеяла Морейн лежали в стороне, и когда она укладывалась, Букама что-то проворчал. Его слов Морейн не слышала, но ответ Лана долетел до ее ушей.

— Я скорей Айз Седай доверюсь, Букама. Спи и не тревожься.

Пламя гнева, которое Морейн старательно гасила в себе, вспыхнуло вновь. Он швырнул ее в ледяной пруд и не извинился! И он еще... Она направила Силу, сплетя вместе Воздух и Воду, прибавив и чуток Земли. Толстый столб воды поднялся над прудом, вытягиваясь вверх и сверкая в лунном сиянии, выгнулся аркой. И обрушился на глупца, посмевшего распустить свой язык!

Букама и Рин, кляня все на свете, вскочили на ноги, но Морейн не успокоилась, пока не досчитала до десяти, и лишь тогда остановила поток. Высвобожденная вода расплескалась по лагерю. Морейн ожидала увидеть мокрого, полузамерзшего мужчину, которому требуется преподать урок. Действительно, он промок до нитки, рядом на земле бились рыбки. Но он стоял на ногах. И в руке его сверкал обнаженный меч.

— Исчадья Тени? — не веря своим словам, воскликнул Рин, а Лан громко ответил:

— Возможно! Защищай женщину, Рин! Букама, возьми запад, восток — мой!

— Нет, это не Исчадия Тени! — остановила Морейн мужчин. Они изумленно уставились на нее. Жаль, что в лунном свете ей плохо видно выражение их лиц, но неверные тени облаков в подспорье — прибавят ей таинственности. Морейн постаралась придать своему голосу как можно больше холодного спокойствия Айз Седай. — Мастер Лан, крайне неразумно выказывать к Айз Седай нечто иное, чем уважение.

— Айз Седай? — прошептал Рин. Несмотря на сумрак, на его лице ясно читалось благоговение. Или же то был страх?

Больше никто не промолвил ни слова, лишь Букама с ворчанием перенес свою постель подальше от размокшей земли. Рин с четверть часа молча перетаскивал свои одеяла, мелко кланяясь всякий раз, стоило Морейн повернуть голову в его сторону. Лан, тот и не пытался обсохнуть. Он начал было подыскивать себе другое место, но потом сел там же, где и сидел прежде, прямо в грязную лужу. Морейн сочла бы это знаком покорности, если бы не взгляд Лана, брошенный на нее, — на сей раз он почти встретился с ней глазами. Если это называется покорностью, то людей смиреннее королей на земле не сыщешь.

Морейн не забыла вновь сплести вокруг мужчин малых стражей. Что, вообще говоря, после раскрытия своего звания было просто необходимо. Но уснула она не сразу — нужно было о многом подумать. Первое — ни один из троих не поинтересовался, *почему* она ехала за ними. И он успел встать! Когда же Морейн сморил сон, размышляла она, как ни странно, о Рине. Какая жалость, что Рин ее боится. Он обаятелен, и она ничего против него не имеет. Лишь бы другим не болтал о своем желании увидеть ее без одежды.

* * *

Лан понимал, что эта поездка в Чачин будет из тех, которые ни за что не забудешь, и подозрения оправдались. Дважды налетала гроза, холодные струи хлестали вперемешку с ледяной крупой, и это еще было не самое худшее. Букама сердился, потому что Лан отказался дать положенную клятву этой коротышке, объявившей себя Айз Седай, но Букама понимал, в чем причина, и не настаивал. Просто ворчал всякий раз, когда Лан оказывался поблизости: мол, Айз Седай она или нет, приличный человек должен вести себя подобающим образом. Можно подумать, он не разделял соображений Лана. Рин сидел как на иголках, смотрел на нее круглыми глазами, то суетился, то принимался шутить и сыпать комплиментами вроде «кожа как белоснежный шелк» и «глубокие омуты ее глаз» — словно льстивый придворный, увивающийся за дамой. В общем, вел себя так, будто не мог решить, то ли он очарован, то ли испуган, вот и метался между двумя крайностями, что не укрылось от ее глаз. Ничего хорошего в этом не было, но Рин прав: кайриэнок Лан повидал и в одежде, и без, и каждая пыталась втянуть его в какую-нибудь интригу, вовлечь в заговор, а то и не в один. Как-то он провел десять особенно незабываемых дней на юге Кайриэна, и его тогда раз шесть едва не убили и дважды чуть не женили. Кайриэнка и впридачу Айз Седай! Хуже не придумаешь!

Назвалась она Элис, и в том, что имя это настоящее, Лан сомневался не меньше, чем в кольце Великого Змея, которое она продемонстрировала, тем паче что потом вновь запрятала кольцо в свой поясной кошель со словами, что никто не должен знать, что она Айз Седай. И характер у этой особы еще тот... Обычно Лану было все равно, вспыльчив человек или, наоборот, холоден с ним, будь то мужчина или женщина. Но у этой Элис сердце точно кусок льда. В первую ночь он сел в лужу в знак того, что осознает свою вину. Раз уж им продолжать путь вместе, лучше все раздоры закончить сейчас же и с честью. Пусть видит, что он готов примириться. Только вот она об этом и думать не желала.

Ехали они быстро, в деревнях надолго не задерживались и ночевали больше под звездами — заплатить за ночлег в гостинице никто из путников не мог, тем более за четверых, да

еще с лошадьми. Лан спал, когда получалось, да и то урывками. Всю вторую ночь она сама не сомкнула глаз до рассвета и ему не дала. Стоило Лану клюнуть носом, как на него обрушивались резкие удары розог. На третью ночь в его одежду и в сапоги каким-то неведомым образом густо набился песок. Что сумел, Лан вытряс, но потом весь день песчинки скрипели на зубах и царапали кожу. А на четвертую ночь... Он никак не мог понять, как она сумела напустить ему под белье муравьев и как ей удалось заставить их всех кусать его разом. Нет сомнений, все это ее рук дело. Когда он открыл глаза, она стояла над ним и, кажется, удивилась, что он не закричал. Понятно, она ожидала от него чего-то, какой-то реакции, но он не понимал, чего именно. Наверняка не обещания защиты. Хватило бы и клятвы Букамы, да и кроме того, она дала им денег. Она, видно, не понимала, что предложение заплатить все равно что оскорбление.

Когда они впервые заметили ее позади своего маленького отряда — она обогнала купеческий караван, сопровождаемый охраной, — Букама высказал предположение, с какой стати одинокая женщина едет за тремя мужчинами. Если шестеро вооруженных мужчин днем не сумели убить одного, то, наверное, на это способна одна женщина под покровом ночного мрака. Разумеется, об Эдейн Букама и словом не обмолвился. По правде говоря, его предположение не оправдалось, потому что тогда Лан был бы мертвым, а не мокрым или искусанным муравьями; но Элис не удосужилась объяснить погоню, сколько Букама ни ждал от нее объяснений. Эдейн могла подослать женщину с поручением следить за Ланом, решив, что с ней он будет более беспечен. Поэтому Лан не спускал глаз с Элис. Но ничего подозрительного Лан за ней не замечал, разве что одно, да и то с натяжкой: когда их отряд проезжал через деревни, Элис принималась о чем-то расспрашивать местных жителей, причем держалась подальше от Лана и его товарищей и умолкала, когда они оказывались поблизости. Впрочем, в двух днях пути от Чачина она прекратила расспросы. Возможно, узнала, что хотела, на рынке в деревне под названием Равинда, но даже если и так, то радости Элис не испытывала. Вечером того дня она обнаружила возле лагеря куст волдырника, и Лан, к своему стыду, едва не потерял терпение.

Если Канлуум именовали порой городом в холмах, то Чачин можно было назвать городом в горах. Три самых высоких, пусть и со срезанными вершинами, пика возносились почти на милю, и в лучах солнца сверкали многоцветные черепичные крыши и выложенные изразцами стены дворцов. А на самом высоком пике выше всех зданий красовался Дворец Айздайшар, и над самым большим куполом над алозелеными стенами гордо реял стяг со вставшим на дыбы Красным Конем. Город окружали три кольцевых вала, перед каждым — ров шириной в сотню шагов, переброшенную через рвы дюжину мостов сторожили массивные башни. Движение по мостам было не в пример Канлууму оживленнее, в ворота и из ворот текли людские потоки и тянулись вереницы повозок, и поскольку Запустение отстояло от города гораздо дальше, то стражники в плащах с Красным Конем оказались куда менее придирчивыми, чем в Канлууме. Однако прошло еще немало времени, пока четверо путников пересекли Мост Восхода.

Едва миновав городские ворота, Лан сразу же потянул поводья.

— Вот мы и в стенах Чачина, — сказал он спутнице. — Обещание исполнено. Деньги оставьте себе, — прибавил Лан, когда она потянулась за кошелем.

Рин тут же напустился на него, мол, негоже так разговаривать с Айз Седай, начал с виноватой улыбкой извиняться перед ней, а Букама глухо заворчал, что у некоторых людей манеры просто-таки свинские. Женщина воззрилась на Лана с ничего не выражающим лицом; может, она и в самом деле та, за кого себя выдает? Если такое заявление — неправда, то она многим рискует. А если правда, то...

Развернув Дикого Кота, Лан галопом поскакал по улице, взбирающейся на гору; испуганные прохожие, как и кое-кто из верховых, шарахались в стороны. Букама и Рин нагнали Лана, когда он одолел уже полпути к Айздайшарскому дворцу. Если Эдейн в Чачине, то она там. Букама и Рин хранили молчание — весьма мудро с их стороны.

На плоской вершине, полностью заняв площадь гайдов в пятьдесят, раскинулась сверкающая громада куполов, галерей и переходов, напоминая небольшой городок. Украшенные эмблемой Красного Коня огромные бронзовые

ворота под красной аркой были распахнуты, и когда Лан назвал себя — Лан Мандрагоран, а не ал'Лан, — стоявшие в суровой неподвижности стражники с улыбками поклонились. Прибежали слуги в красно-зеленых ливреях, приняли поводья лошадей и проводили каждого гостя в подобающие его положению апартаменты. Букаме и Рину предоставили по небольшой комнате на верхнем этаже одной из казарм. Лану же отвели три комнаты, стены которых были обиты шелком и украшены гобеленами; окна спальни выходили во внутренний дворцовый садик. В распоряжении Лана также оказались две широколицых горничных и долговязый паренек на посылках.

Несколько ненавязчивых вопросов слугам, и ситуация прояснилась. Королева Этениелле совершала поездку в глубь страны, но Брис, Принц-Консорт, находился в резиденции. Как и леди Эдейн Аррел. Упомянув о последней, женщины улыбнулись: они знали, каким будет его первое желание.

Умылся Лан сам, но одели его горничные. Незачем обижать их из-за того, что они слуги. У Лана была с собой одна белая шелковая рубашка, с виду не очень ношеная, и вполне приличная черная шелковая куртка; на ее рукавах золотилась вышивка — розы-кровавки, окруженные крючковатыми шипами. Розы-кровавки — в напоминание об утрате. Потом Лан выпроводил женщин в коридор сторожить его дверь, а сам уселся и стал ждать. С Эдейн он должен встретиться на людях, причем чем больше их будет рядом, тем лучше.

Она посылала за ним, звала к себе в апартаменты. На приглашение Лан не ответил. Учтивое обхождение с гостем требовало дать ему время отдохнуть с дороги, но, как показалось Лану, прошло немало времени, прежде чем его позвал Брис. С приглашением явилась *шатайян*, седая, величественная, словно королева, женщина — она распоряжалась всеми дворцовыми слугами, и Лану оказывали честь, поручив ей лично проводить его. К тому же без провожатого любой гость мог запросто заблудиться во дворце. Меч Лан оставил на лакированной стойке возле двери. От оружия не будет никакого толку, кроме того, он нанесет оскорбление Брису, появившись перед ним с мечом.

Лан предполагал, что предстоящая встреча с Брисом будет носить частный характер, однако *шатайян* ввела гостя в

колонный зал, полный людей. В толпе неслышно сновали слуги, разносившие вино с пряностями. Они предлагали кубки кандорским лордам и леди, красовавшимся в шелковых одеждах с вышитыми эмблемами Домов, и выборным от наиболее влиятельных гильдий — судя по цеховым эмблемам на их одеждах из тонко выделанной шерсти. Впрочем, были тут и другие. Лан заметил нескольких мужчин с *хадори*, которые они не надевали по меньшей мере лет десять — это Лан знал наверняка. У женщин с коротко — до плеч и выше — подрезанными волосами Лан разглядел нанесенные на лоб круглые пятнышки *ки'сайн*. Завидев Лана, они склонялись в поклонах и глубоких реверансах — все эти мужчины и женщины, которые решили вспомнить о Малкир.

Взглянув на принца Бриса, коренастого, словно вытесанного из скалы мужчину средних лет, можно было сказать, что доспехи смотрелись бы на нем естественней, чем шелковые зеленые одежды, однако принц был привычен и к тому, и к другому. Брис носил титул Носящего Меч при королеве Этениелле, командовал ее армией и был ее консортом. Принц приобнял Лана за плечи, не дав ему поклониться.

— Нет-нет, Лан! Человек, дважды спасавший мне жизнь в Запустении, не должен кланяться, — засмеялся Брис. — Кроме того, ты, по-видимому, поделился своим везением с Дайриком. Этим утром он свалился с балкона, а это добрых пятьдесят футов, и ухитрился ничего не сломать. — Принц коротко взмахнул рукой, и вперед выступил его второй сын, красивый темноглазый мальчик лет восьми, в такой же куртке, как у отца. Сбоку на голове мальчика виднелся крупный кровоподтек, и двигался Дайрик немного скованно — явно сказывались и другие ушибы, — но он учтиво поклонился, чуточку подпортив церемонность широкой ухмылкой.

— Ему бы сейчас уроки учить, — сообщил Брис, — но он так хотел с тобой встретиться, что совсем позабыл о своих занятиях. Даже о собственный меч порезался.

Насупившись, Дайрик стал возражать, что такого с ним никогда не бывало.

На приветствие мальчика Лан ответил с не меньшей учтивостью, а затем ему пришлось выстоять под целым водопадом вопросов. Да, он сражался с айильцами, на юге и на шайнарских рубежах, но они такие же люди, хоть и смер-

тельно опасны, и никак не десяти футов росту. И вуалями они лица закрывают, перед тем как устремиться на врага, но своих мертвых они не едят. Нет, Белая Башня высотой вовсе не с гору, хотя и выше любого здания, возведенного людьми, какие доводилось видеть Лану, выше даже Тирской Твердыни. Дай пареньку волю, он не отстал бы от Лана, пока не выспросил бы все и об Айил, и о чудесах и диковинах огромных городов на юге, таких как Тар Валон и Фар Мэддинг. Судя по всему, ему не верилось, что по размерам Чачин им обоим ничуть не уступает.

— Попозже Лорд Мандрагоран расскажет тебе обо всем, что пожелаешь, — сказал Брис сыну. — Ему здесь еще кое с кем нужно встретиться. Ступай к госпоже Тувал и садись за книги.

Эдейн была такой же, какой ее помнил Лан. Пусть старше на десять лет, с поседевшими прядями на висках и новыми морщинками у глаз, но эти большие темные глаза захватили его. Ее *ки'сайн* по-прежнему был белого вдовьего цвета, и ее волосы черными волнами ниспадали ниже талии. Эдейн облачилась в красное шелковое платье в доманийском стиле, облегающее и почти прозрачное. Она была прекрасна — и даже не пыталась этого скрывать.

Какое-то мгновение Эдейн просто смотрела на кланяющегося ей Лана, холодно и оценивающе.

— Было бы... проще, если бы ты пришел ко мне, — тихо произнесла она. Ее будто не волновало, что эти слова слышал Брис. А потом Эдейн грациозно опустилась на колени перед потрясенным Ланом и взяла его ладони в свои. — Именем Света, — громким чистым голосом заговорила она, — я, Эдейн ти Гемаллен Аррел, клянусь в верности ал'Лану Мандрагорану, Лорду Семи Башен, Лорду Озерному, истинному Клинку Малкир. Да рассечет он Тень!

Даже Брис выглядел ошеломленным. В оглушительной тишине Эдейн поцеловала пальцы Лана, затем со всех сторон раздались приветственные кличи. Кричали «Золотой Журавль!» и даже «Кандор вместе с Малкир!».

От криков Лан очнулся, высвободил руки и поднял Эдейн на ноги.

— Миледи... — начал он срывающимся голосом.

— Пусть свершится то, что должно, — промолвила она, приложив ладонь ему к губам. А затем растворилась среди

тех, кто радостно кинулся к Лану с поздравлениями — тех, кто, позволь им Лан, готов был немедленно принести ему клятву верности.

Лана выручил Брис. Взяв его за локоть, принц увлек Лана на длинную, обрамленную каменными перилами галерею. Внизу, сотнях в двух футов, виднелись городские крыши. На эту галерею Брис удалялся, когда хотел уединиться или побеседовать с кем-то с глазу на глаз, всем это было известно, и поэтому никто не осмелился идти следом. На галерею вела одна-единственная дверь, окна сюда не выходили, и из дворца не доносилось ни звука.

— Что ты будешь делать? — без околичностей спросил Брис.

— Не знаю, — ответил Лан. Она выиграла поединок, но легкость одержанной ею победы оглушила его. Грозный противник — женщина, которая носит в прическе частицу твоей души.

Потом Брис с Ланом негромко поговорили об охоте, о разбойниках, о том, скоро ли сменится затишьем прошлогодняя вспышка активности Запустения. Брис высказал сожаление, что вынужден был отвести свою армию и потому не принял участие в войне с Айил, но другого выхода не было. Они обсудили также расплодившиеся слухи о том, что появился некий мужчина, способный направлять Силу, причем, где именно он находится, рассказывали разное. Брис считал, что все это — досужие басни, еще один болотный огонек, и Лан с ним согласился. Еще молва твердила, что ныне повсюду встречаются Айз Седай, а что тому причиной, никто не знает. В своем письме Брису Этениелле сообщила, что в одной деревне, которую она миновала на своем пути, две сестры поймали женщину, выдававшую себя за Айз Седай. Она могла направлять, но ничего это ей не дало. Две настоящие Айз Седай плетками прогнали ее через всю деревню, заставив признаться в своем преступлении всем жившим там мужчинам и женщинам. Потом одна из сестер увезла обманщицу в Тар Валон, где ее и ждет настоящее наказание — что бы последнее ни значило. Если Элис соврала, назвавшись Айз Седай, то ей придется несладко.

Лан еще тешил себя надеждой, что до конца дня ему удастся избегать встречи с леди Эдейн, но, когда гостя проводили в его апартаменты, она уже была там — сидела на

позолоченном стуле, устало откинувшись на спинку. Слуг Лан не заметил.

— Боюсь, сладкий мой, красавцем тебя уже не назовешь, — сказала она вошедшему Лану. — Думаю, с годами ты станешь даже уродливей. Но больше, чем твое лицо, мне всегда нравились твои глаза. И твои руки.

Лан стоял у порога, так и не отпустив дверную ручку.

— Миледи, и двух часов не прошло, как вы клялись...

Она перебила его.

— И я послушна моему королю. Но и король — не король, оставшись наедине со своей *карнейрой*. Я принесла твой *даори*. Подай его мне.

Невольно он посмотрел, куда она указала, — на столике возле двери стояла плоская лакированная шкатулка. Крышку он приподнял так, будто весила она с добрый булыжник. Внутри, свернутый кольцами, лежал плетеный волосяной шнурок. Лан до мельчайших подробностей помнил утро после их первой ночи, когда она привела его на женскую половину Королевского дворца в Фал Моране и на глазах придворных дам и служанок обрезала его волосы по плечи. Она даже объяснила всем, что сие означает. Все женщины были заинтригованы и принялись шутить, когда он сел у ног Эдейн и начал плести для нее *даори*. Да, Эдейн блюла древние обычаи, но на свой манер. Волосы на ощупь были мягкими и гладкими, должно быть, она каждый день смазывала их бальзамом.

Медленно подойдя к Эдейн, Лан опустился перед ней на колени и, держа *даори* двумя руками, протянул ей.

— В знак того, чем я обязан тебе, Эдейн, всегда и навеки. — Если в его голосе и не слышалось трепета того первого утра, она вряд ли удивится.

Она не приняла шнур. Вместо этого принялась рассматривать Лана.

— Я знала, что даже за столь долгое отсутствие ты не забудешь наших обычаев, — наконец промолвила Эдейн. — Идем.

Поднявшись, она схватила его за запястье и увлекла за собой к окнам. Окна отстояли от земли локтей на двадцать и выходили в сад. Двое слуг поливали сад водой из ведер; по дорожке из сланцевых плит шла молодая женщина в голубом платье, таком же ярком, что и ранние цветы, распустившиеся возле деревьев.

— Это моя дочь, Изелле. — На миг голосу Эдейн придали теплоту материнская гордость и любовь. — Помнишь ее? Теперь ей семнадцать. И она еще не нашла себе *карнейру*. — Молодых мужчин выбирали их будущие *карнейры*, и таким же правом обладали и молодые женщины. — Но, по-моему, ей все равно пора замуж.

Лан смутно припомнил ребенка-непоседу, за которым было не угнаться слугам, отраду материнского сердца, но мысли его в те времена были заняты лишь одной Эдейн.

— Красотой она похожа на мать, — вежливо заметил Лан, вертя в руках *даори*. Пока этот волосяной шнурок у него, преимущество на ее стороне, но она должна забрать у него *даори*. — Эдейн, нам нужно поговорить.

Она не обратила на его слова никакого внимания.

— Да и тебе, сладкий мой, пора жениться. И раз уж никого из твоих родственниц нет в живых, значит, этим придется заняться мне.

Лан от удивления открыл рот, поняв, к чему клонит Эдейн. Поначалу он не поверил своей догадке.

— *Изелле*? — охрипшим голосом произнес он. — *Твоя* дочь? — Она держалась обычаев по-своему, но это предложение было просто вызывающе. — Никакой уздой, Эдейн, меня не втянуть в это постыдное дело. Никому, и тебе тоже! И это вот не поможет!

Он потряс перед ней *даори*, но Эдейн лишь взглянула на шнурок и улыбнулась.

— Конечно, сладкий мой, никто тебя ни во что не втянет. Ты ведь мужчина, а не мальчик. Однако ты блюдешь обычаи, — проворковала она, проведя пальцем по волосяному шнурку, дрожащему в руках Лана. — Наверное, нам и в самом деле нужно поговорить.

Но увлекла она его лишь в постель.

Большую часть дня Морейн провела, обходя с осторожными расспросами гостиницы в пользующихся самой дурной славой кварталах Чачина, где ее шелковое дорожное платье притягивало взгляды как завсегдатаев таверн, так и самих трактирщиков. Какой-то жилистый малый, на чьем лице будто навсегда застыло плотоядное выражение, сказал

ей, что его заведение не для нее, и предложил проводить в местечко поприличней. Круглолицая косоглазая женщина прокашляла, что «ночные работнички» этакую юную красотку без соли слопают, если она поскорей не уберется отсюда. Один добродушный с виду старик с румяными щеками и веселой улыбкой порывался угостить ее вином с пряностями — но Морейн не поручилась бы, что он туда чего-нибудь не подсыпал. Оставалось лишь стиснуть зубы и продолжать поиски. В подобные места любила захаживать Суан, когда подруг-Принятых изредка отпускали гулять по Тар Валону, — в дешевые заведения, куда почти не заходили Айз Седай, но ни в одном из них не останавливалась голубоглазая тайренка. Холодный день клонился к закату, грозя смениться еще одной ледяной ночью.

Тени стновились длиннее. Морейн вела Стрелу шагом, с подозрением косясь на шевелящиеся в переулке тени, и раздумывала, не хватит ли на сегодня расспросов, и тут к ней сзади подбежала Суан.

— Так и думала, что ты где-то здесь искать станешь, — сказала Суан, взяв подругу за локоть, и заставила ее ускорить шаг. — Идем, пока мы совсем не замерзли. — Она тоже бросила взор на тени в переулке и машинально потрогала висящий на поясе нож, как будто с помощью Силы не справилась бы с десятком злодеев. Правда, тогда пришлось бы обнаружить себя. Наверно, и в самом деле лучше поторопиться. — Эти кварталы не для тебя, Морейн. Проклятие, тут такой народец! Съедят тебя и не подавятся, а ты и не сообразишь, что тебя уже потрошат. Ты что, смеешься или кашляешь?

Как оказалось, Суан остановилась в самой респектабельной гостинице под названием «Вечерняя звезда»; ее облюбовали купцы средней руки, особенно она пришлась по вкусу женщинам, которые не желали, чтобы их тревожили шум в общем зале или какая-нибудь драка. Парочка широкоплечих парней ясно давала понять, что ничего подобного здесь не потерпят. Комнатка Суан оказалась не слишком-то просторной, зато в ней было тепло, и худощавая хозяйка гостиницы, которая всем своим видом показывала, что шутить она не любит, не стала возражать против того, чтобы Морейн подселилась к Суан. Лишь бы платили за двоих.

Пока Морейн вешала плащ на крючок, Суан уселась скрестив ноги на неширокую кровать. После Канлуума в нее будто новые силы вдохнули. Когда Суан имела перед собой цель, она всегда горела энтузиазмом.

— Ну и поездка была, Морейн. Эта дурацкая лошадь меня чуть не уморила, пока я сюда добиралась. Людям Создателем предназначено ходить пешком или на лодках плавать, а не трястись невесть на чем. Судя по тебе, та женщина, Сахира, — пустой номер, не то ты носилась бы точно нерестящаяся краснохвостка. Инес Демайн я нашла почти сразу, но мне до нее не добраться. Она недавно овдовела, но сын у нее точно есть. Назвала его Рахиен, потому что видела тогда встающую над Драконовой горой зарю. Так молва утверждает. Все говорят, что глупей причины дать ребенку такое имя не слыхали.

— Сын Авинэ Сахиры родился на неделю раньше и в тридцати милях от Драконовой горы, — промолвила Морейн, когда Суан остановилась перевести дыхание. На мгновение Морейн охватила дрожь. Увидеть зарю над горой вовсе не значит, что ребенок родился на горе. В комнате не было ни стула, ни табурета — для них просто не нашлось бы места, — поэтому Морейн села в изножье кровати.

— Суан, если ты нашла Инес и ее сына, то почему тебе до них не добраться?

Выяснилось, что леди Инес живет во Дворце Айздайшар, куда Суан может попасть только как Айз Седай, а иначе — лишь нанявшись во дворец служанкой.

Дворец Айздайшар.

— Об этом подумаем утром, — вздохнула Морейн. Придется пойти на риск, но расспросить леди Инес надо обязательно. Ни одна из найденных Морейн женщин при рождении ребенка даже не видела Драконову гору. — А... Черные Айя ничем не проявляли себя? — Похоже, придется привыкнуть произносить это название.

Суан отвечать не спешила. Она уставилась на колени, провела пальцами по юбке.

— Морейн, это странный город, — в конце концов промолвила она. — Фонари на улицах, женщины дерутся на дуэлях, даже если все это отрицают. Сплетен столько, сколько не услышишь от десятка упившихся элем мужчин. Есть и

интересные слухи. — Она подалась вперед и положила ладонь на колено Морейн. — Все толкуют о молодом кузнеце. Две ночи назад его нашли мертвым, с переломанным хребтом. С месяц тому назад он, чего от него никто не ждал, вдруг заделался оратором. Убедил свою гильдию собрать деньги в помощь бежавшим в город от разбойников беднякам. Хотел помочь тем, кто не связан ни с цехами, ни со знатными Домами.

— Суан, Света ради, о чем...

— Погоди, послушай, Морейн. Он сам собрал немало серебра. Когда его убили, шел он, судя по всему, в гильдию, хотел сдать то ли шесть, то ли восемь мешков с деньгами. Глупец сам серебро понес. Но дело в том, Морейн, что ни одной монетки не тронули. И на теле не было ни царапины, лишь позвоночник сломан.

Женщины молча уставились друг на друга. Потом Морейн покачала головой.

— Не пойму, как это увязать с Мейлин либо с Тамрой. При чем тут кузнец? Суан, мы спятим, если везде будем видеть Черных сестер.

— А если не будем о них думать, то погибнем, — ответила Суан. — Ну ладно. Может, им в сети попадут вовсе не ленивые караси, а щуки-серебрянки. Только не забывай, что на рыбном рынке и щук-серебрянок продают. Как нам быть с леди Инес? Что ты придумала?

Морейн рассказала подруге свой план. Суан он не очень-то понравился, и немалую часть ночи ее пришлось убеждать. По правде говоря, Морейн была бы не против, если б Суан уговорила ее попробовать что-нибудь другое. Но леди Инес видела зарю над Драконовой горой. Хорошо хоть, Айз Седай, советница при Этениелле, отправилась в поездку с королевой.

Утро выдалось суматошное и малоприятное. Морейн добилась, чего хотела, но на горло собственной песне ей пришлось наступить. Суан на нее ворчала. Заспорила было по-новой с Морейн, как будто не доспорила вчера. Суан не нравилось, когда кто-то брал над ней верх в споре. Ей не нравилось, что рисковать во всем придется Морейн. Медведь с больным зубом, и то компания приятнее! Даже тот малый, Лан!

За золотом Морейн с Суан с утра пораньше заявились в банкирскую контору. Но деньги они получили лишь после того, как сурового вида женщина придирчиво прочитала вексель и тщательно изучила через лупу печать кайриэнского банкира внизу листа. Через лупу! Подумаешь, чернила немного расплылись из-за купания в том злосчастном пруду! Госпожа Ноаллин, не скрывая удивления, смотрела, как пришедшие к ней две женщины стали рассовывать кошели по внутренним карманам дорожных плащей.

— Неужели в Чачине нет закона? И двух женщин могут ограбить средь бела дня? — вежливо поинтересовалась у нее Морейн. — Думаю, с нашим делом мы закончили. Пусть ваш человек проводит нас к выходу. — При каждом шаге они с Суан тихонько позвякивали.

Выйдя за порог особняка банкирши, Суан пробормотала, что ее навьючили, будто мула, и что даже тот кузнец споткнулся бы под такой тяжестью. Но сломать себе хребет он и в этом случае не сумел бы. Так что без Черных Айя не обошлось. Неясно, правда, зачем им сдался кузнец? Уловив такие слова, какая-то представительная женщина, чью прическу украшали гребни из драгоценной поделочной кости, вздрогнула, а потом подхватила юбки до колен и так припустила бегом, что двум ее оторопевшим слугам пришлось вприпрыжку догонять хозяйку. Суан вспыхнула, но держалась как ни в чем не бывало.

Худощавая заносчивая белошвейка сообщила Морейн, что без труда исполнит ее заказ. Наверное, к концу месяца. Очень многие леди желают заказать себе новые наряды. Ведь Айздайшарский дворец посетил король. Король Малкир!

— Госпожа Дорелмин, последний король Малкир умер двадцать пять лет назад, — сказала Морейн, кинув на конторку тридцать золотых крон. Силенэ Дорелмин алчным взглядом ласкала тяжелые монеты, и глаза ее засверкали еще пуще, когда ей сказали, что она получит еще столько же, когда платья будут готовы. — Но из тех тридцати за каждый день просрочки я удержу по шесть монет.

И вдруг выяснилось, что платья скорей всего будут готовы раньше, чем к концу месяца. Гораздо раньше.

— Ты видела, как одета эта костлявая шлюха? — спросила Суан, едва они с Морейн вышли за порог мастерской. —

Платье с нее вот-вот свалится. Вот и заказала бы себе такие же. Может, тебе понравится, как на тебя будут пялиться мужчины, когда ты свою глупую голову на плаху понесешь.

Морейн заставила себя выполнить упражнение, какому обучают послушниц, — представила себе бутон розы, распускающийся навстречу солнцу. Как всегда, после этого она успокоилась. Неровен час еще зуб себе сломала бы, так челюсти стискивала.

— Другого выхода нет, Суан. Как по-твоему, не одолжит нам хозяйка гостиницы своего вышибалу? — Ишь ты, король *Малкир*. О Свет, эта белошвейка ее, видно, круглой дурой считает!

Утром на третий день, как Морейн приехала в Чачин, сверкающая желтым лаком карета, которой правил кучер с широкими как у быка плечами, подкатила к Айздайшарскому дворцу. Позади кареты были привязаны две лошади — гнедая с высокой шеей и длинноногая мышастая. Леди Морейн Дамодред, на чьем темно-голубом платье горизонтальные цветные полосы спускались от глухого ворота до колен, приняли со всем подобающим ее высокому званию почетом. Если не имя Морейн, то Дом Дамодред был известен, и поскольку короля Ламана не было в живых, то на Солнечный Трон мог взойти любой из рода Дамодред. Если, конечно, какой-нибудь другой Дом не захватит трон раньше. Гостье отвели соответствующие апартаменты — окна трех комнат смотрели на северные пики, увенчанные снежными шапками, а внизу виднелись городские улицы. Присланные служанки кинулись распаковывать окованные медью дорожные сундуки, принесли горячую цветочную воду, чтобы леди освежилась с дороги. На горничную леди Морейн, Зуки, кроме служанок, никто и не взглянул.

— Ну хорошо, ты права, — промолвила Суан, когда служанки наконец ушли и оставили ее с Морейн вдвоем в гостиной. — В этом наряде я и впрямь стала невидимкой. — Ее простое темно-серое платье, сшитое из тонкой шерсти, было украшено лишь по вороту и манжетам цветами Дома Дамодред. — А ты в глаза бросаешься, точно Благородный Лорд Тира с веслом в руках. О Свет, я чуть язык не проглотила, когда ты спросила, есть ли во дворце Айз Седай. Я так нервничаю, что даже голова кружится. И дыхание спирает.

— Это все из-за высоты, — объяснила подруге Морейн. — Ничего, привыкнешь. Все гости обычно спрашивают про Айз Седай, и слуг этим не удивишь. — Впрочем, сама она дыхание затаила, пока не услышала ответа на свой вопрос. Окажись во дворце хоть одна сестра, все сразу бы изменилось. — И почему я тебе должна все время повторять одно и то же? Запомни, королевский дворец это тебе не гостиница. Здесь никого не устроит: «Зовите меня леди Элис». Это не мое мнение, а просто факт. Я должна быть сама собой. — Три Клятвы позволяли говорить то, что сестра считает правдой, даже если не может этого подтвердить, точно так же, как позволяли ходить вокруг да около истины; с языка не могли сорваться лишь заведомо лживые слова. — Будем надеяться, что с помощью своей невидимости ты разузнаешь о леди Инес. Мне очень хочется убраться отсюда как можно быстрее.

Лучше всего — завтра, это никого не оскорбит и не вызовет досужих разговоров. Суан права. Во дворце во все глаза будут смотреть на чужеземку благородного звания из Дома, который развязал Айильскую Войну. Любая Айз Седай, едва появившись в Айздайшарском дворце, сразу о ней узнает. Суан права: Морейн будто бы взобралась на пьедестал, превратившись в видимую всем цель, притягивая стрелы и ни сном ни духом не ведая, где таится лучник. Да, лучше всего покинуть дворец завтра, пораньше с утра.

Суан выскользнула за дверь, но очень скоро вернулась, и с худыми вестями. Леди Инес в уединении оплакивает своего мужа.

— Он умер за завтраком десять дней назад. Упал лицом в тарелку, — сообщила Суан, плюхнувшись на стул в гостиной и закинув руку на спинку. Получив шаль, она частенько забывала о хороших манерах. — Мужчина уже пожилой, но она, как видно, любила его. В южной части дворца ей предоставили десять комнат и садик. Ведь ее муж был близким другом принца Бриса.

Инес намеревалась носить траур месяц и не видеться ни с кем, за исключением ближайших родственников. Служанки же покидали отведенные леди Инес покои лишь при самой крайней необходимости.

— Айз Седай она во встрече не откажет, — вздохнула Морейн. Даже скорбящая по любимому мужу женщина примет сестру.

Суан вскочила с места.

— Ты что, спятила? И так уже все на леди Морейн Дамодред оглядываются! Морейн Дамодред Айз Седай — все равно что глашатаев разослать! Я уж думаю, не улизнуть ли нам из дворца раньше, чем кто-нибудь за его стенами узнает, что мы вообще тут были!

В этот миг вошла служанка с известием, что прибыла *шатайян*, дабы проводить Морейн к принцу Брису, и оторопело захлопала глазами, увидев, как Зуки, сурово стоя над госпожой, чуть ли не тыкает в нее пальцем.

— Передай *шатайян*, что я сейчас буду, — спокойно велела Морейн изумленной служанке. Та присела в реверансе и, пятясь, удалилась. Морейн поднялась, чтобы не смотреть на рослую Суан снизу вверх. — А что ты предлагаешь? Остаться тут на две недели, дожидаясь, пока она выйдет из своих комнат? Это ничуть не лучше. И со служанками ее тебе дружбы не свести, раз они тоже не выходят.

— Их могут послать с каким-нибудь поручением. А потом, Морейн, я напрошусь к ним в гости.

Морейн завела было речь, что одно случится не раньше, чем другое, но Суан, крепко взяв ее за плечи, повернула подругу кругом, критически разглядывая с головы до ног.

— Как полагается, горничная леди должна удостовериться, что ее хозяйка одета надлежащим образом, — сказала Суан, а потом подтолкнула Морейн к двери. — Ступай. Тебя ждет *шатайян*. И если повезет, Зуки будет ждать молодой лакей по имени Кэл.

Шатайян и впрямь ждала. Это была красивая статная женщина, преисполненная холода и достоинства — поскольку ее заставили ждать. Взгляд ее орехово-карих глаз мог заморозить вино. С *шатайян* не станет ссориться даже королева, если она не дура, поэтому Морейн держалась с почтительной любезностью. Дорогой ей вроде бы удалось слегка растопить ледок отчужденности, но полностью на этом Морейн сосредоточиться не могла. Что за молодой лакей? Она не знала, был ли у Суан когда-нибудь мужчина, но чтобы таким образом добраться до слуг Инес!.. Только не лакей!

Вдоль увешанных гобеленами коридоров выстроились статуи, причем большинство из них Морейн не ожидала увидеть в Пограничных Землях. К ее удивлению, высеченные

из мрамора фигуры изображали женщин с цветами или играющих детей, а на шелковых полотнищах были вытканы цветущие луга и живописные сады. Среди гобеленов Морейн заметила лишь несколько с изображениями охотничьих сценок и ни одного — с картиной сражений. Арочные окна выходили в сады, которых оказалось куда больше, чем предполагала Морейн, и на мощеные дворики, где иногда журчали в мраморных бассейнах фонтаны. Бросив взгляд в одно из окон, она увидела то, что сразу же отодвинуло на задний план мысли о Суан и лакее.

В неприметном дворике, без фонтана или галереи с колоннами, вдоль ограды выстроились ряды мужчин. Они смотрели на двух обнаженных по пояс бойцов, которые бились друг с другом учебными мечами. Рин и Букама. Хоть и учебный, но то был настоящий бой — она явственно слышала удары оружия по телу. Все удары доставались Рину. Ей нужно будет держаться в стороне от этих двоих, и от Лана тоже, если он тоже тут. Он нисколько не скрывал своих сомнений, и с него станется спросить о том, чего Морейн боялась услышать. Кто она, Морейн или Элис? Или того хуже: она Айз Седай или прикинувшаяся ею дикарка? Об этом уже через день начнут судачить на улицах, слухи дойдут до ушей какой-нибудь сестры, и ту скорей всего заинтересуют странные события. К счастью, вряд ли Морейн встретится во дворце с кем-то из этих трех бродячих солдат.

В просторной комнате, отделанной алыми и золотистыми панелями, Морейн радушно приветствовал принц Брис, крепкий зеленоглазый мужчина. Ей представили двух замужних сестер принца и их мужей, потом — сестру Этениелле с мужем; мужчины были облачены в шелковые одежды приглушенных тонов, а женщины носили яркие цветные наряды с поясом под самой грудью. Слуги в ливреях подали засахаренные фрукты и орехи. Морейн подумала, что у нее скоро заноет шея: самая низкорослая из женщин оказалась выше Суан, и Морейн приходилось высоко держать голову. Свои гордые шеи они — и мужчины, и женщины — немного склонили перед Айз Седай, но леди Морейн они считали себе ровней.

Беседа текла неспешно, говорили то о музыке и о самых искусных музыкантах из придворных, то о трудностях путе-

шествия, потом о том, верны ли слухи о появлении способного направлять мужчины, и о том, отчего так много ныне в мире появилось Айз Седай, и Морейн обнаружила, что ей не так-то легко поддерживать непринужденно-остроумный разговор. Тяги к музыке она не испытывала, тем более ее не интересовали музыканты — в Кайриэне их нанимали, а назавтра о них забывали. Всем известно, что в дороге подстерегают трудности, когда не знаешь, ждет ли тебя вечером постель и приличная еда после двадцати—тридцати миль пути, да и то если стоит погожая погода. Очевидно, кто-то из сестер намеревается проверить слухи о том мужчине, другие, похоже, решили напомнить тронам и Домам об их обязательствах перед Башней, подзабытых было за Айильскую Войну. Напомнить как прилюдно, так и наедине. Если Айз Седай еще не прибыли в Айздайшарский дворец, то подобного визита нужно в скором времени ждать. Морейн старалась гнать от себя эту мысль, мешавшую вести беззаботную болтовню. И еще ей не давало покоя другое — причина, почему столько сестер покинули Башню. Мужчины как будто не заметили ее скованности, однако Морейн показалось, что женщины сочли ее если не тупоголовой, то наверняка скучной собеседницей.

При появлении детей Бриса Морейн испытала громадное облегчение. Раз их собираются ей представить, значит, она принята в число домочадцев и гостей принца, кроме того, это означало окончание аудиенции. Старший сын, наследник престола Антол, отправился на юг вместе с Этениелле, и за него осталась миленькая зеленоглазая девчушка двенадцати лет по имени Джарен. Она и представила сестру и четырех братьев, как и предписывал этикет, — по старшинству. Впрочем, по правде говоря, двое младших едва вышли из пеленок и их принесли няньки. Горя от нетерпения узнать, что же удалось разнюхать Суан, Морейн похвалила поведение детей, пожелала успехов в занятиях. Должно быть, они, как и взрослые, сочли ее туповатой. Вовсе не интересной гостьей.

— И как, милорд Дайрик, вы заслужили эти синяки? — спросила она, краем уха вслушиваясь в неторопливый рассказ мальчугана. Пока...

— Миледи, отец сказал, что раз я не убился, то мне везет, как Лану, — сказал Дайрик, сбившись с формально-рассуди-

тельного тона на свойственный мальчику его лет. — Лан — это король Малкир и самый везучий человек в мире. И лучше всех мечом владеет. Не считая моего отца, конечно.

— Король Малкир? — удивленно заморгала Морейн. Дайрик энергично закивал и принялся взахлеб рассказывать о подвигах Лана в Запустении, о Малкири, собравшихся в Айздайшарском дворце и готовых последовать за ним. Но отец знаком велел ему замолчать.

— Лан — король, если он того захочет, миледи, — заметил Брис. Очень странные слова, и прозвучали они тем более странно, что были сказаны тоном, полным сомнения. — Он нечасто покидает свои апартаменты, — это, похоже, тоже волновало Бриса, — но вы с ним встретитесь, до того как... Миледи, что с вами? Вам плохо?

— Нет, ничего, — ответила ему Морейн. Она надеялась на встречу с Ланом Мандрагораном, готовилась к ней, планировала, но не здесь же! Внутри у нее все сжалось. — Прошу прощения, но, возможно, я и сама несколько дней проведу в своей комнате.

Разумеется, Брис не стал возражать, и все с сожалением заметили, что ее общества им будет не хватать, посочувствовали, что на ней так сказалась тяжесть путешествия. Впрочем, Морейн уловила, как одна из женщин проворчала об изнеженности южан.

В коридоре Морейн ожидала молодая светловолосая женщина в ало-зеленом платье, звали ее Элиза и ей поручили проводить гостью обратно в ее комнаты. Всякий раз, обращаясь к Морейн, Элиза склонялась в реверансе, но языком молола без умолку. Ей уже сказали о «слабости» Морейн, и каждые двадцать шагов она спрашивала, не желает ли Морейн присесть и передохнуть, не распорядиться ли принести смоченные холодной водой полотенца в ее комнаты, не нужны ли нагретые кирпичи под ноги, или нюхательные соли, или еще какое-нибудь верное средство от «головокружений». В конце концов Морейн просто велела Элизе замолчать. Глупая девчонка надулась, но дальше по коридору шла молча.

Морейн нисколько не волновало, обиделась та или нет. Ей сейчас хотелось одного — чтобы Суан явилась с добрыми вестями. А лучше всего — держа на руках ребенка, родившегося на Драконовой горе, и с его матерью, уже снаряженной

в путь. Но больше всего ей хотелось исчезнуть из дворцовых переходов, пока она не нарвалась на Лана Мандрагорана.

Обеспокоенная этим, Морейн свернула за угол следом за служанкой и нос к носу столкнулась с Мериан. Ее шаль с голубой бахромой свободно висела на плечах. Сопровождала Мериан сама *шатайян*, а позади сестры вился целых шлейф служанок. Одна несла красные перчатки для верховой езды, другая — подбитый мехом плащ Айз Седай, третья — ее темную бархатную шляпку. Вьюки и плетеные корзины, на которые хватило бы и по одному носильщику, тащили по двое слуг, другие держали большие охапки цветов. Айз Седай принимают с куда большим почетом, чем обыкновенную леди, сколь бы знатен ни был ее Дом.

Завидев Морейн, Мериан прищурила глаза.

— Вот так сюрприз! И ты здесь, — медленно произнесла она. — Судя по наряду, ты отказалась от своей маскировки? Но нет — кольцо-то так и не надела.

Морейн была так изумлена внезапным появлением Мериан, что едва ли расслышала ее слова.

— Ты одна? — вырвалось у Морейн.

На миг глаза Мериан превратились в щелочки.

— *Ларелле решила отправиться своей дорогой. Если не* ошибаюсь, на юг. Большего я не знаю.

— Я имела в виду Кадсуане, — сказала Морейн, удивленно моргнув. Чем больше она думала о Кадсуане, тем большую чувствовала уверенность, что та должна быть Черной Айя. Удивила же ее Ларелле. Судя по всему, настроена Ларелле была самым решительным образом и намеревалась добраться в Чачин не мешкая. Бывает, планы меняются, но Морейн вдруг поняла очевидную вещь. Черные сестры могут лгать. Это невозможно — Клятвы нельзя нарушить! — однако иначе быть не могло.

Мериан двинулась к Морейн, а когда та отступила на шаг, вновь шагнула к ней. Морейн держалась прямо, но все равно была ей по подбородок.

— Тебе так не терпится свидеться с Кадсуане? — спросила Мериан, глядя на Морейн сверху вниз. Голос у нее был ласковый, на лице написана доброжелательность, но в глазах сверкало холодное железо. Неожиданно оглянувшись на слуг, Мериан, видимо, сообразила, что они с Морейн не

одни. Сверкание железа в ее взоре приугасло, но не исчезло. — Знаешь, а Кадсуане была права. Молодая женщина, которая думает, будто много знает, может угодить в очень большую беду. Мой тебе совет: держись тихо и помалкивай, пока мы с тобой не поговорим.

Властным жестом она велела *шатайян* продолжать путь, и величественная женщина беспрекословно подчинилась. Подобная безапелляционность со стороны короля или королевы надолго испортили бы их отношения с *шатайян*, но только не с Айз Седай.

Морейн долго глядела вслед Мериан, пока та не свернула за угол. Все только что сказанное Мериан могла сказать и посланница Тамры. Черные сестры способны лгать. Неужели Ларелле передумала и не поехала в Чачин? Или же погибла, как Тамра и другие? Неожиданно Морейн поймала себя на том, что разглаживает юбки. Прекратить нервные движения оказалось легче, чем унять охватившую ее мелкую дрожь.

Элиза с раскрытым ртом и округлившимися глазами смотрела на Морейн.

— Так вы тоже Айз Седай! — пропищала служанка, потом вздрогнула, заметив, как поморщилась Морейн. — Я никому и словечка не скажу, Айз Седай! — горячо зашептала Элиза. — Светом клянусь и могилой отца! — Как будто сопровождавшие Мериан служанки не слышали того, что услышала она. Вот они-то не станут язык за зубами держать.

— Веди меня в комнату Лана Мандрагорана, — велела служанке Морейн. Что было правдой на восходе, неузнаваемо изменится к полудню, и значит, необходимо действовать. Она вытащила из поясного кошеля кольцо Великого Змея и надела на правую руку. Иногда приходится рисковать.

После долгой прогулки по дворцовым коридорам — к счастью, в молчании, — Элиза постучала в красную дверь и заявила открывшей на стук седоволосой женщине, что леди Морейн Дамодред Айз Седай желает говорить с королем ал'Ланом Мандрагораном. Кое-что к сказанному ей Морейн Элиза прибавила от себя. Надо же, король! Ответ был потрясающим: лорд Мандрагоран не имеет желания беседовать ни с одной Айз Седай. Седоволосая женщина выглядела шокированной, но тем не менее решительно захлопнула дверь.

Элиза большими глазами взирала на Морейн.

— Теперь я могу проводить миледи Айз Седай в ее апартаменты, — неуверенно промолвила служанка, — если... — Она испуганно пискнула, когда Морейн толкнула дверь и шагнула через порог.

Седоволосая служанка и еще одна, немногим моложе, сидевшие за штопкой, вскочили с мест. Расположившийся подле камина худой парень неуклюже поднялся на ноги и поглядывал на женщин, ожидая от них распоряжений. А те просто смотрели на Морейн, пока она не приподняла вопросительно бровь. Потом седоволосая указала на одну из двух дверей, ведущих во внутренние покои.

Эта дверь вела в гостиную, мало чем отличающуюся от гостиной Морейн, но здесь все позолоченные стулья были придвинуты к стенам, а ковер с цветными узорами скатан. И посреди комнаты Лан, обнаженный по пояс, упражнялся с мечом. На шее при каждом движении покачивался небольшой золотой медальон, клинок слился в размытый круг. Пот струился по телу, на котором было столько шрамов, что Морейн едва поверила глазам: ведь он очень молод! Хватало и не до конца заживших ран, зашитых темными нитками. Прервав упражнение, Лан ловко развернулся к Морейн лицом, уперев меч кончиком в плитки пола. Он, как и прежде, избегал взгляда Морейн — что это у них с Букамой за странная манера? Влажные пряди волос, хоть их и удерживала кожаная лента, свисали на лицо, но дыхание Лана не было сбито.

— Ты, — прорычал он. — Значит, сегодня ты Айз Седай, а в придачу еще и Дамодред. У меня нет времени для твоих игр, кайриэнка. Я жду кое-кого. — Холодный взор голубых глаз двинулся к двери за спиной Морейн. Но странно, посмотрел он, кажется, на плетеный волосяной шнурок, сложным узлом повязанный на ручку двери. — Ей не понравится, если она увидит здесь другую женщину.

— Твоей даме сердца не стоит меня опасаться, — язвительно заметила Морейн. — С одной стороны, ты слишком высок, а с другой — я предпочитаю мужчин хотя бы чуточку красивых. И с хорошими манерами. Мне нужна твоя помощь. С Войны Ста Лет держат данную некогда клятву, что все Малкири откликнутся на призыв Белой Башни. Я — Айз Седай, и я призываю тебя!

— Ты ведаешь, сколь высоки холмы, но не то, как они лежат, — пробормотал он, будто бы цитируя какую-ту [illegible]

кирскую поговорку. Пройдя в дальний угол комнаты, Лан поднял ножны и с силой вогнал в них меч. — Я помогу тебе, если ты ответишь на один вопрос. Я много лет задавал его Айз Седай, но они точно гадюки ускользали от ответа. Если ты Айз Седай, ответь мне.

— Отвечу, если ответ мне известен. — Она вновь не сказала ему, кто она такая, но обняла *саидар* и выдвинула один из золоченых стульев в центр комнаты. Она не сумела бы поднять такую тяжесть, но стул легко скользил на потоках Воздуха, даже будь он вдвое тяжелее. Усевшись, Морейн закинула ногу на ногу и сцепила руки на колене, чтобы выставить напоказ золотое кольцо Змея, блестевшее на пальце. Тот, кто выше, имеет преимущество, если собеседники стоят, но если один сидит, а другой стоит, то первый должен чувствовать себя так, будто его судят, особенно если сидит Айз Седай.

Но он вообще не чувствовал никакой неловкости. Впервые с того момента, как они встретились, он прямо смотрел ей в глаза. И во взгляде его был холод голубого льда.

— Когда Малкир погибла, — тихо, но со стальными нотками сказал он, — Шайнар и Арафел прислали людей. Им не под силу было остановить поток троллоков и Мурддраалов, но они пришли. Были отряды из Кандора и даже из Салдэйи. Они опоздали, но они пришли. — Голубой лед обратился в голубое пламя. Голос его не изменился, но пальцы, сжимавшие меч, побелели. — Девять сотен лет мы откликались на призыв Белой Башни, но где была Башня, когда погибала Малкир? Если ты Айз Седай, ответь мне!

Морейн заколебалась. Он задал вопрос, ответ на который был тайной, Запечатанной Башней, — об этих событиях Принятые узнавали на уроках истории, но другим о них запрещалось говорить. Но что значит наказание в сравнении с тем, что она должна сделать?

— Больше сотни сестер былы отправлены в Малкир, — сказала Морейн со спокойствием, дававшимся ей с трудом. Уже за одни эти слова она должна сама попросить о наказании — так ее учили много лет. — Но даже Айз Седай не умеют летать. Они пришли слишком поздно. — Когда явилась первая, то бесчисленные орды Отродий Тени разгромили армии Малкир, а оставшиеся в живых люди бежали. Гибель Малкир была жестокой и кровавой — и быстрой. — Это произошло еще до моего рождения, но мне очень жаль,

что так случилось. И я сожалею, что Башня решила сохранить свои усилия в тайне. — Лучше, чтобы думали, будто Башня и пальцем не пошевелила, чем позволить узнать, что Айз Седай попытались что-то сделать и потерпели неудачу. Неудача — удар по престижу Айз Седай, а загадочность — броня, в которой нуждалась Башня. У Айз Седай свои причины поступать так или иначе или не делать ничего, и эти причины ведомы лишь Айз Седай. — Большего ответа я дать не могу. Я и так сказала больше, чем могла. Большего, думаю, не говорила ни одна из сестер. Этого достаточно?

Какое-то время он просто смотрел на нее, огонь в глазах медленно угасал, превращаясь снова в лед. Лан опустил взгляд.

— Я почти поверил, — в конце концов пробормотал он, не сказав, во что именно он почти поверил. Потом горько рассмеялся. — Как я могу помочь тебе?

Морейн нахмурилась. Надо побольше времени провести наедине с этим мужчиной, чтобы подчинить его, но с этим можно обождать.

— Во дворце есть еще одна сестра. Мериан Редхилл. Мне нужно знать, куда она ходит, что делает, с кем встречается.

Лан моргнул, но не стал задавать напрашивающихся вопросов. Возможно, понимал, что ответов не получит, но молчание было хорошим знаком.

— Последние несколько дней я провел у себя в комнатах, — сказал он, опять взглянув на дверь. — Не знаю, много ли я сумею узнать.

Не желая того, Морейн фыркнула. Пообещал ей помощь, а потом заволновался о своей даме. Может, он не тот человек, каким она его считала. Но другого у нее нет.

— Не ты, — сказала Лану Морейн. Вскоре о ее визите узнают во всем дворце, коли эта весть уже не облетела Айз-дайшар, и если заметят, что он шпионит за Мериан... Это будет катастрофой, даже если та невинна как младенец. — Полагаю, лучше, чтобы ты попросил кого-нибудь из Малкири. Из тех, кто собрался здесь, откликнувшись на твой призыв. Кого-нибудь с зорким глазом и неболтливым языком. Все нужно сделать в абсолютной тайне.

— Я никого не звал, — резко сказал Лан, вновь кинув взгляд на дверь. Вдруг он показался крайне усталым. Нет, плечи у него не поникли, но он подошел к камину и поста-

вил рядом меч с осторожностью усталого человека. Стоя спиной к Морейн, Лан произнес: — Я попрошу Букаму и Рина последить за ней, но обещать за них не берусь. Вот и все, что я могу для тебя сделать.

Морейн подавила досадливый вздох. Мог он сделать большее или нет, у нее не было никакого рычага, чтобы воздействовать на него.

— Букаму, — сказала она. — Только его. — Судя по тому, как себя вел Рин с Морейн, он будет хлопать глазами на Мериан и вряд ли что-нибудь увидит или услышит. И то, если во всем не признается в тот же миг, когда Мериан взглянет на него. — И не говори ему зачем.

Лан резко обернулся к Морейн, но чуть погодя согласно кивнул. И вновь он ни о чем не спросил, хотя большинство людей на его месте обязательно начали бы задавать вопросы. Потом Морейн объяснила, что связаться с ней можно, передав записку ее камеристке, Зуки. Теперь Морейн оставалось надеяться, что она не допустила роковой ошибки.

Вернувшись в свои апартаменты, Морейн убедилась, как быстро новости облетают Айздайшарский дворец. В гостиной ее глазам предстала такая картина: Суан, держа в руках блюдо со сластями, склонилась возле высокой девушки, одетой в светло-зеленый шелк. Волосы пухлогубой незнакомки, еще почти девочки, были цвета воронова крыла и ниспадали ниже талии; на лбу, там, где у Морейн висел голубой камешек кесайры, был нанесен голубой краской маленький кружок. Лицо Суан оставалось непроницаемым, но в голосе, когда она представила гостью как леди Изелле, послышалось напряжение. Почему, очень скоро стало понятно.

— Во дворце все говорят, что вы — Айз Седай, — с недоверием разглядывая Морейн, сказала девушка. Она даже не соизволила встать, хотя бы из вежливости, не говоря уж о том, чтобы приветствовать Айз Седай реверансом. — Если так, то вы должны мне помочь. Я хочу отправиться в Белую Башню. А мать хочет выдать меня замуж. Я не против, чтобы Лан стал моим *карнейрой*, если, конечно, мать сама не выбрала его. Но когда я женюсь, он будет одним их моих Стражей. Я выберу Зеленую Айя. — Она слегка нахмурилась, посмотрев на Суан. — Не вертись тут, девочка. Отойди-ка в сторонку, пока тебя не позовут.

Суан послушно отошла к камину. Но настоящая служанка никогда в жизни не встала бы, как она: выпрямившись и сложив руки на груди, и не стала бы хмуриться, как она. Однако Изелле больше не обращала на нее внимания.

— Присаживайтесь, Морейн, — продолжила девушка с улыбкой. — И я скажу, что мне от вас нужно. Если, конечно, вы — Айз Седай.

Морейн изумленно смотрела на Изелле. Предлагать сесть в ее собственной гостиной! Эта глупая девчонка высокомерием не уступит Лану. Вот уж два сапога пара! Ее *карнейра?* На Древнем Языке это означает «первый» или «первая», а здесь, несомненно, есть и еще какой-то смысл. Или она имеет в виду?.. Быть не может! Уж на что чудны эти Малкири, но не это же!..

Усевшись на стул, Морейн сухо заметила:

— С выбором Айя лучше подождать. Мне нужно хотя бы проверить, есть ли вообще смысл посылать тебя в Башню. Несколько минут, и будет ясно, способна ли ты научиться направлять Силу. Заодно узнаем, каков твой потен...

Девчонка беспечно перебила Морейн:

— Ой, да меня уже проверяли! Несколько лет назад. Айз Седай сказала, что я буду очень сильной. Я сказала, что мне пятнадцать лет, но она узнала правду. Не понимаю, почему мне нельзя было отправиться в Башню в двенадцать лет, когда мне этого захотелось. Мать в ярость пришла. Вечно она твердит, что когда-нибудь я стану королевой Малкир. Но ведь тогда я должна выйти замуж за Лана, а я не хочу. Пусть даже матушка и не была бы его *карнейрой.* Когда вы скажете ей, что забираете меня в Башню, ей придется уступить. Ведь всем известно, что Айз Седай могут забрать на обучение любую девушку, и никто не станет ее останавливать. — Она пожевала пухлыми губками. — Вы ведь Айз Седай, да?

Морейн выполнила упражнение с бутоном розы. Потом сказала:

— Если хочешь отправиться в Тар Валон, скатертью дорога. Лично у меня нет времени сопровождать тебя. В Тар Валоне ты наверняка встретишь сестер, которые, несомненно, будут Айз Седай. Зуки, будь добра, проводи леди Изелле. Она собралась в дорогу, и я уверена, что она не хочет медлить. А то как бы матушка ее не поймала.

Девчонка, разумеется, была возмущена до глубины души, но Морейн желала лишь одного — как можно скорее увидеть спину Изелле, и Суан чуть ли не вытолкала несносную девчонку в коридор.

— Эта девица, — заметила Суан, возвращаясь и отряхивая руки, — не продержится и месяца, пусть даже она и ровня Кадсуане. — Башня точно железными тисками готова была ухватиться за женщину, если есть самый малый шанс, что она получит шаль. Но те, кто не мог или не желал учиться, очень скоро оказывались за воротами Башни, а умение направлять Силу — не самое главное в обучении послушниц и Принятых.

— Да пусть Сайрин самолично скинет ее с верхушки Башни, мне-то что? — огрызнулась Морейн. — Ты что-нибудь узнала?

По-видимому, узнала Суан, что юный лакей умеет целоваться — подобное откровение даже не заставило ее покраснеть! — а кроме этого, больше ничего существенного. Как ни удивительно, но Суан больше обеспокоило не появление во дворце Мериан, а то, что Морейн обратилась за помощью к Лану.

— Сдерите с меня шкуру и засолите, но что за идиотский риск, Морейн! Девять раз дурень тот, кто претендует на трон погибшей страны. Да он в эту минуту языком треплет направо-налево! Проклятие! Если Мериан узнает, что ты наладила за ней слежку... Чтоб мне сгореть!

— Может, он и не девять раз дурень, Суан, но, по-моему, он не из тех, кто «языком треплет направо-налево». И кто, как не ты, вечно твердила мне присловье своего отца: «Ничего не выиграешь, коли хотя бы медяком не рискнешь»? Иного выбора нет, надо рисковать. А раз тут Мериан, то времени у нас почти не осталось. Как можно скорее ты должна добраться до леди Инес.

— Сделаю, что смогу, — пробурчала Суан и вышла за дверь, расправляя плечи, словно борец для схватки, и в то же время нервно разглаживая юбки на бедрах.

Уже давно минули сумерки и стояла ночь, и Морейн пыталась читать при свете лампы, когда Суан вернулась. Морейн отложила книгу; она чуть ли не час смотрела на одну и ту же страницу. На сей раз Суан пришла с новостями, которыми тут же не преминула поделиться, копаясь в платьях и сорочках, сшитых госпожой Дорелмин.

Сначала Суан поворчала, что ее на обратном пути в апартаменты Морейн поймала «какая-то старая грымза», поинтересовавшаяся, не ее ли зовут Зуки. Потом Суан сказала Морейн, что Мериан чуть ли не весь день провела с принцем Брисом, а вечером отправилась отдыхать в свои покои. Никакой ниточки. Что более важно, Суан сумела как бы невзначай упомянуть имя Райхиена в разговоре с Кэлом. Когда родился мальчик, лакея при леди Инес не было, но он знал, в какой день это случилось — на следующий день, как Айил начали отступление от Тар Валона. При этом известии Морейн и Суан обменялись долгими взглядами. На следующий день, как Гайтара Моросо Предсказала Возрождение Дракона и, потрясенная своими словами, упала замертво. Рассвет над горой, и срок вписывается в те десять дней до внезапной оттепели, когда растаял весь снег. Гайтара особо упоминала снег.

— Все равно, — продолжала Суан, принявшись укладывать в узел белье и чулки, — я убедила Кэла, что меня выгнали со службы. Мол, я пролила вино на твое платье. И он предложил мне переночевать вместе со слугами леди Инес. Он даже собирался добиться для меня места при своей госпоже. — Суан хмыкнула, потом, поймав взгляд Морейн, еще раз хмыкнула, но уже погрубее. — Морейн, он же мне не свою постель предлагал. А даже если и свою — он очень обходительный, и у него премиленькие карие глаза. Ты таких в жизни не видела. Вот наступит скоро день, ты и сама решишься на что-то большее, чем мечты о мужчине. Надеюсь, мимо меня это не пройдет!

— Не мели ерунды! — сказала ей Морейн. Перед ними стоит такая важная задача, куда уж тут подружкам о мужчинах болтать. Тем паче не о том, к чему клонит Суан. Значит, Мериан весь день провела с Брисом? И шагу не сделала к комнатам леди Инес? Для избранницы Тамры или Черной сестры это лишено смысла, но Морейн была твердо убеждена, что Мериан — либо та, либо другая. Морейн с тревогой чувствовала: что-то она упустила. Чего-то она не знает, и это незнание может погубить ее. И что страшнее всего, это незнание может погубить Возрожденного Дракона еще в колыбели.

Лан скользил по коридорам Айздайшарского дворца, применяя все те умения, которым его научило Запустение. Лишь

бы не попасть кому-нибудь случайно на глаза. Теперь его служанки сначала выполняли распоряжения Эдейн и только потом слушались его. Видно, считали это одним из обычаев Малкири. Наверное, она им так сказала. Лан опасался, что любой в Айздайшаре, кто носит ливрею, непременно сообщит Эдейн, где его найти. Ему казалось, что он знает, где очутился. Хотя Лан и бывал во дворце, без проводника он уже дважды заблудился. С мечом на боку он чувствовал себя круглым дураком. В этой битве стальной клинок — не помощник.

Вдруг он уловил какое-то движение и тут же вжался в стену позади статуи — женщина, окутанная облаками, и в руках у нее охапка цветов. И вовремя. Из поперечного коридора впереди вышли две женщины и остановились, о чем-то тихонько разговаривая. Изелле и та Айз Седай, Мериан. Лан замер неподвижно, как камень, за которым он прятался.

Ему не очень-то нравилось прятаться, но до того, как Эдейн развязала узел на его *даори*, которым на два дня буквально посадила его под замок, она ясно дала понять, что намерена объявить о скором его бракосочетании с Изелле. Букама оказался прав. Эдейн воспользовалась его *даори*, точно уздой, и Лан не сомневался, она вряд ли угомонится лишь потому, что он женился на ее дочери. Когда сталкиваешься с противником, одолеть которого тебе не под силу, единственный выход — бегство. И Лану очень хотелось так поступить.

Мериан резко взмахнула рукой, Изелле энергично закивала и скрылась в том коридоре, откуда они пришли. Какое-то время Мериан глядела ей вслед, спокойное лицо Айз Седай оставалось непроницаемым. Потом, как ни странно, она тоже двинулась в ту же сторону, двигаясь с грациозностью, рядом с которой походка Изелле показалась бы неуклюжей.

Лан не стал терять время и размышлять, что у Мериан на уме, как не озадачивался тем, почему за ней хотела следить Морейн. Простому человеку недолго и с ума сойти, пытаясь разгадать головоломки Айз Седай. В том, что Морейн — Айз Седай, нет сомнений, иначе Мериан уже давно гоняла бы ее, ревущую и причитающую, по дворцовым коридорам. Выждав достаточно, чтобы парочка ушла подальше и его не заметили, Лан бесшумно двинулся к пересечению коридоров и заглянул за угол. Ни Изелле, ни Мериан он не увидел, поэтому поспешно двинулся дальше. Сегодня Айз Седай не его забота. Ему нужно поговорить с Букамой.

Бегство из дворца означало бы конец всей затеи Эдейн с женитьбой. Если удастся подольше не попадаться Эдейн, со временем она подыщет для Изелле другого мужа. Бегство означало бы конец всем мечтаниям Эдейн о восстановлении Малкир: когда узнают, что Лана нет, ее никто не станет поддерживать, все исчезнет, точно туман под полуденным солнцем. Бегство из дворца означало бы конец очень многим мечтаниям. Но у человека, который вывез на своей спине ребенка, есть право на мечту. Долг — как гора, но Лан должен нести эту ношу.

Впереди тянулся длинный широкий пролет лестницы, огражденной каменными перилами. Лан повернулся, чтобы спуститься, и вдруг понял, что падает. Он едва успел выставить вперед руку, как кубарем покатился по ступеням и в конце концов растянулся у подножия лестницы на мозаичном полу. От удара из легких выбило весь воздух. Перед глазами плыли круги. Лан силился вздохнуть, силился встать.

Отовсюду появились слуги, с охами и ахами помогли Лану подняться на ноги; раздавались удивленные восклицания, как ему повезло не убиться насмерть при таком падении, спрашивали, не послать ли за Айз Седай для Исцеления. Лана шатало, он, нахмурившись, смотрел на лестницу, бормотал что-то в ответ — лишь бы окружившие его доброхоты убрались восвояси. Он подумал, что синяков и ссадин насажал, как никогда в жизни, но царапины и ушибы заживут, а сейчас ему менее всего хотелось встречаться с Айз Седай. Большинство людей после такого падения могли бы назвать себя счастливчиками, если бы им повезло не свернуть себе шею, а лишь переломать все кости. Что-то дернуло Лана за лодыжки. Что-то толкнуло в спину. Это могло быть лишь одно, сколь бы невероятным оно ни было. Его пыталась убить Айз Седай.

— Лорд Мандрагоран! — Подбежавший коренастый мужчина в полосатом камзоле дворцовой стражи едва не упал, пытаясь разом и остановиться, и поклониться. — Мы вас повсюду ищем, милорд! — тяжело дыша, произнес он. — Там ваш человек, Букама! Идемте скорей, милорд! Может, он еще жив!

Выругавшись, Лан побежал следом за стражником, поторапливая его. Но было уже поздно. Поздно для того, кто вывез на своей спине младенца. Поздно для мечтаний.

Узкий проход вел на небольшой дворик, где обычно занимались солдаты. Сгрудившиеся у входа стражники расступились, пропуская Лана. Букама лежал ничком, хлынувшая изо рта кровь растеклась лужицей, а из спины торчала простая деревянная рукоять кинжала. Ткань вокруг кинжала потемнела от крови. В невидящих глазах застыло удивление. Лан опустился на колени, закрыл старому другу глаза и пробормотал молитву. Пусть примет Букаму последнее объятие земли.

— Кто его нашел? — спросил Лан, но едва ли слышал нестройные ответы о том, кто, когда и где. Он надеялся, что Букама возродится в мире, где реет в поднебесье Золотой Журавль и несокрушимо высятся Семь Башен, а Тысяча Озер сверкают в лучах яркого солнца драгоценным ожерельем. Как Букама подпустил к себе кого-то так близко? Букама же *чувствовал* сталь рядом с собой, даже если она пряталась в ножнах. Но одно Лан знал наверняка: Букама погиб потому, что Лан впутал его в интриги Айз Седай.

Встав, Лан бросился бежать. Но не наугад, лишь бы уйти отсюда. Он знал, куда бежит. И Лана уже не волновало, кто его увидит.

Приглушенный стук распахнутой двери в переднюю и возмущенные крики служанок заставили Морейн встать — она в ожидании сидела на стуле в гостиной. Ждала чего угодно, но не этого. Обняв *саидар*, Морейн двинулась к двери, но успела сделать лишь два шага. Дверь распахнулась настежь. Лан стряхнул с рук вцепившихся в него служанок, захлопнул дверь перед их носом и привалился к ней спиной, глядя на удивленную Морейн в упор, прямо в глаза. На его лице наливались пурпуром кровоподтеки, и двигался он так, словно ему крепко досталось в драке. За дверью все затихло. Чтобы он ни задумал, служанки были уверены: Морейн с этим справится.

Как ни странно, Морейн поймала себя на том, что пальцы ее обхватили рукоять ножа на поясе. На ее стороне была Сила, и с Ланом, сколь бы рослым и мощным он ни был, она справится с той же легкостью, что и с ребенком, и все же... Его глаза больше не сверкали былым огнем. Морейн едва не отшатнулась от него. Не огонь, но смерть выжгла их мертвенным холодом. И в самый раз сейчас была ему эта

черная куртка с вышитыми на ней жестокими шипами и холодно-золотыми цветками.

— Букама мертв. Его убили ножом в сердце, — бесстрастно произнес Лан. — И не прошло еще и часа, как кто-то пытался убить меня Единой Силой. Сначала я решил, что это Мериан, но когда я видел ее в последний раз, она шла за Изелле. Даже если она заметила меня и захотела проучить, у нее не хватило бы времени. Мало кто сумеет заметить меня, когда я этого не хочу, и вряд ли она меня видела. Значит, остаешься ты.

Морейн поморщилась, и причиной этого была не только звучавшая в его голосе убежденность. Вот что она упустила: глупая девчонка и в самом деле отправилась прямиком к Мериан.

— Ты удивился бы, узнав, сколь мало на свете вещей, которые можно скрыть от Айз Седай, — сказала Морейн Лану. Особенно от той из сестер, которая преисполнена *саидар*. — Наверное, не стоило мне просить, чтобы Букама следил за Мериан. Она очень опасна. — Мериан из Черной Айя; теперь Морейн была убеждена в этом. Сестры могут очень сурово наказать тех, кто вздумает совать нос в их дела, но убивать... На такое не пошла бы ни одна из них. Ну и что теперь делать? Уверенность — не доказательство, тем более — перед Престолом Амерлин. А если еще и сама Сайрин — Черная... Чего волноваться, все равно тут ничего не поделать. Но с чего бы это Мериан понапрасну теряет время с Изелле? — Если ты тревожишься о девушке, мой тебе совет: отыщи ее поскорее и уведи подальше от Мериан.

Лан хмыкнул.

— Все Айз Седай опасны. А Изелле сейчас ничего не грозит. Я видел ее по пути сюда, она спешила куда-то вместе с Брисом и Дайриком. Почему погиб Букама? Ответь мне, Айз Седай. Во что я его впутал из-за тебя?

Морейн коротким взмахом руки велела ему помолчать и где-то в глубине души изумилась, когда он подчинился. Но мысли ее неслись яростным галопом. Мериан с Изелле. Изелле с Брисом и Дайриком. Мериан пыталась убить Лана. Внезапно кусочки головоломки сложились в цельную картину, в узор, совершенный во всех своих линиях. Хотя все это было немыслимо, невероятно, Морейн ничуть не сомневалась в верности своей догадки.

— Дайрик сказал мне, что ты — самый везучий человек в мире, — промолвила она, подавшись к Лану, — и ради самого Дайрика я надеюсь, что он прав. Куда обычно уходит Брис, чтобы побыть наедине с собой? Такое место, где ему никто не мешает?

— На западной стороне дворца есть галерея, — медленно произнес Лан, потом заговорил быстрее. — Если Брису грозит опасность, я должен вызвать стражу.

Он уже повернулся, рука легла на ручку двери.

— Нет! — остановила его Морейн. Она по-прежнему не отпускала Силу и готова была удержать Лана при помощи плетения Воздуха. — Вдруг окажется, что Мериан просто разговаривает с принцем Брисом? Вряд ли ему понравится, если во время их беседы к ним ворвутся стражники.

— А если окажется, что она не просто разговаривает? — спросил Лан.

— У нас нет против нее никаких доказательств, Лан. Подозрения — против слова Айз Седай. — Лан сердито вскинул голову и прорычал что-то об Айз Седай, что Морейн предпочла пропустить мимо ушей. — Проведи меня на эту галерею, Лан. Предоставь Айз Седай разобраться с Айз Седай. И лучше поторопиться. — Если Мериан и станет тратить время на слова, то разговор у нее, как подозревала Морейн, надолго не затянется.

Лан мешкать не стал, его длинные ноги так и мелькали. Морейн лишь оставалось подобрать юбки повыше и припустить за ним, не обращая внимания на изумленные взгляды и ворчание слуг и прочего люда в коридорах и вознося хвалу Свету, что Лан не обгоняет ее. На бегу она открыла себя потоку Силы, пока сладость и удовольствие не подобрались вплотную к грани боли. Еще она старалась прикинуть, как поступит, что вообще она может сделать против женщины, существенно превосходящей ее потенциалом, женщины, которая стала Айз Седай за столетия до рождения прабабушки Морейн. Ей очень не хотелось чувствовать себя такой испуганной. И еще она пожалела, что рядом нет Суан.

Сумасшедшая погоня вела Морейн через сверкающие величественные покои, через высокие коридоры, мимо рядов мраморных статуй, и внезапно дворцовый шум стих позади, и Морейн, вслед за Ланом, оказалась на длинном просторном балконе двадцати шагов шириной, откуда открывался

незабываемый вид на городские кварталы. За каменными перилами, далеко внизу, виднелись крыши домов. Грозовыми порывами налетал холодный ветер. И здесь была Мериан, ее окружало свечение *саидар*. И здесь же были Брис с Дайриком — они стояли возле парапета, тщетно стараясь освободиться от пут и кляпов, сотканных из потоков Воздуха. Изелле, нахмурясь, смотрела на Бриса и его сына, и, как ни странно, поодаль стоял Рин, зло сверкавший глазами.

— ...И как бы мне удалось привести к вам лорда Дайрика без отца, — капризным тоном говорила Изелле. — Конечно, больше никто не знает, но зачем?..

Сплетя щит из Духа, Морейн обрушила его на Мериан, вложив в бросок всю свою Силу, что сумела собрать, в отчаянной попытке отсечь ее от Источника. Щит ударил и... раскололся. Мериан оказалась слишком сильна, и Силы она зачерпнула почти до пределов своих возможностей.

Голубая — нет, Черная, — сестра и бровью не повела.

— Это хорошо, Рин, что ты убил шпиона, — безмятежно промолвила она, одновременно заткнув Изелле рот сплетенным из Воздуха кляпом и стянув девушку невидимыми путами. Та даже пошевелиться не могла и лишь вращала выпученными глазами. — Посмотрим, справишься ли ты на этот раз с юнцом. Не ты ли говорил, что твой меч — лучший?

Все случилось будто в одно мгновение. Ощерившись, Рин кинулся вперед, колокольчики в его косицах тихонько тренькнули. Лан едва успел обнажить свой меч, встречая атаку. И еще сталь не зазвенела о сталь, как Мериан ударила Морейн тем же плетением, которое использовала та, но куда более мощным. С ужасом Морейн поняла, что у Мериан достаточно сил, чтобы отсечь ее, хотя она и зачерпнула столько *саидар*, сколько сумела. Лихорадочно она принялась рубить Воздухом и Огнем, и Мериан охнула, когда отбитые потоки, отлетев обратно, задели ее. Воспользовавшись кратким мгновением, Морейн попыталась рассечь потоки, которыми были связаны Дайрик, Брис и Изелле, но прежде, чем ее плетение коснулось плетения Мериан, Черная сестра сама резанула потоки противницы. И на сей раз край щита Мериан коснулся Морейн раньше, чем она успела отбить его. Желудок у Морейн будто в узлы затянулся.

— Что-то, Морейн, ты зачастила к нам, — промолвила Мериан, словно бы они вели пустую болтовню. Да и вид у

Черной сестры был такой же — безмятежный и по-матерински спокойный; казалось, она ничуть не взволнована. — Боюсь, придется спросить тебя, почему и зачем. — Морейн только-только исхитрилась рассечь плетение Огня, которое иначе спалило бы на ней одежду и наверняка обожгло бы все тело. Мериан улыбнулась — так мать лукаво улыбается дочери, когда той случается влипнуть в какую-нибудь историю. — Не беспокойся, дитя мое. Я исцелю тебя, чтобы ты ответила на мои вопросы.

Если у Морейн и оставались сомнения в том, что Мериан из Черной Айя, последнее плетение из Огня начисто уничтожило их. В следующие мгновения она получила и другие подтверждения — от новых плетений Мериан по платью Морейн забегали искры, а волосы ее встали дыбом; очередная атака Черной сестры заставила Морейн судорожно глотать вдруг исчезнувший воздух. Иных Морейн не могла распознать, но эти плетения, доберись они до нее, наверняка переломали бы ей кости или пустили кровь, не сумей она рассечь их...

Когда удавалось, Морейн раз за разом пыталась перерезать узы на Дайрике и других, пыталась отсечь Мериан от Источника, даже старалась оглушить ее. Она ясно понимала, что сражается за свою жизнь: если верх возьмет Мериан, то ее неминуемо ждет смерть — либо сейчас, либо после допроса Черной сестрой. И хотя Клятвы уже не ограничивали Морейн, она не могла действовать без оглядки. У нее самой найдется, о чем спросить Мериан, и от ее ответов зависит судьба всего мира. К несчастью, Морейн могла лишь защищаться, да и то с превеликим трудом. Внутри у нее все скрутило еще больше. Удерживая связанными трех человек, Мериан тем не менее на равных боролась с ней, а может, даже была сильнее. Если бы только Лану удалось отвлечь ее...

Кинув быстрый взгляд в его сторону, Морейн поняла, насколько тщетны были ее надежды. Лан и Рин танцевали один вокруг другого, вихрем кружились мечи, но если у кого и было на волосок преимущество, то у Рина. По щеке Лана струилась кровь.

С мрачной решимостью Морейн продолжала свои усилия, собрав всю свою волю до крупицы, всю себя в один кулак. Дрожа, она ударила Мериан, защитилась и вновь ударила, парировала и снова ударила. Если получится измотать ее или...

— Что-то это затягивается. Как по-твоему, дитя мое? — сказала Мериан. Дайрик взмыл в воздух и медленно поплыл к парапету, напрасно стараясь высвободиться из невидимых пут. Брис изогнул шею, следя взглядом за сыном; губы его яростно скривились за невидимым кляпом.

— Нет! — крикнула Морейн. В отчаянном порыве она выбросила потоки Воздуха, чтобы подхватить мальчика. Мериан рубанула по ним в тот самый миг, как освободила его от своих пут. Дайрик упал с громким воплем, и в голове Морейн будто взорвалась ослепительная молния.

Она открыла глаза, стихающий крик мальчика эхом отдавался у нее в ушах, а сознание будто окутывал какой-то туман. Она лежала навзничь на каменном балконе, голова кружилась. Пока в голове не прояснится, у Морейн столько же шансов обнять *саидар*, сколько у кошки запеть. Да теперь нет никакой разницы. Она видела тот щит, которым ее отгородила от Источника Мериан: такой щит, когда он поставлен, по силам удержать даже самой слабой женщине. Морейн попыталась встать, не смогла и упала, потом приподнялась на локте.

Прошли считанные мгновения. Лан и Рин под звон стали все так же двигались в смертельном танце. Брис застыл в своих путах, глядя на Мериан с такой неукротимой ненавистью, что казалось — еще немного, и сила его ярости освободит его. Изелле била крупная дрожь, по щекам текли слезы, она шмыгала носом и круглыми от ужаса глазами смотрела, куда упал мальчик. Куда упал Дайрик. Морейн заставила себя вспомнить имя мальчика, вздрогнула при воспоминании, какая радостная была у него улыбка. Но всего на мгновение.

— Думаю, с тобой мы закончим чуть позже, — заметила Мериан, отворачиваясь от Морейн. Брис взмыл в воздух. На лице коренастого мужчины не дрогнул ни единый мускул, он не отрывал полыхающего ненавистью взора от Мериан.

Морейн, пошатываясь, встала на четвереньки. Направлять она не могла. У нее не осталось ни храбрости, ни сил. Только решимость. Брис поплыл над парапетом. Морейн сумела встать, хотя колени подгибались, и ее шатало. Решимость. Не издав ни звука, с лицом, горящим ненавистью, Брис упал за парапет. Это нужно остановить. В воздух поднялась Изелле. Девушка судорожно извивалась, горло дергалось в тщетной попытке протолкнуть крик через кляп. Нужно оста-

новить! Споткнувшись, Морейн вонзила свой поясной нож в спину Мериан; горячая кровь брызнула на руки.

Они обе упали на каменные плиты. Мериан умерла, окружавшее ее сияние погасло, и щит, отсекший Источник от Морейн, пропал. Закричала Изелле — путы Мериан исчезли, и теперь девушка едва удерживала равновесие на каменном парапете, судорожно размахивая руками, чтобы не сорваться. Привстав и заставив себя двигаться, Морейн перелезла через труп Мериан и схватила Изелле за руку в тот момент, когда туфли девушки соскользнули с опоры.

От сильного рывка Морейн швырнуло животом на камень парапета. Девушка висела над темной бездной, а Морейн скользкими от крови руками вцепилась в ее запястье. Могла она одно — изо всех сил стараться не разжать руки. Если она попробует втащить девушку на балкон, то они обе свалятся в пропасть. Лицо Изелле исказилось, застыло в маске ужаса. Рука ее потихоньку выскальзывала из хватки Морейн. Заставив себя успокоиться, Морейн потянулась к Истинному Источнику, и... у нее ничего не вышло. При взгляде на крыши домов далеко внизу вновь закружилась голова. Она еще раз потянулась к Источнику, но это было все равно что черпать воду растопыренной пятерней. Но надо спасти хоть одну из троих, пусть и толку от нее чуть. Борясь с дурнотой, Морейн упрямо потянулась к *саидар*. И тут рука Изелле выскользнула из окровавленных пальцев Морейн. Ей оставалось лишь смотреть, как падает девушка. Рука ее была вытянута, словно она надеялась, что кто-то все-таки спасет ее.

Чья-то рука оторвала Морейн от парапета.

— Не надо видеть чужую смерть, — сказал Лан, поставив Морейн на ноги.

Его правая рука висела плетью, разорванный рукав насквозь пропитался кровью. Кроме этой раны, были и другие, по лицу стекала струйка крови — у Лана была рассечена кожа на голове. Рин лежал навзничь в десяти шагах в стороне, с навеки застывшим в глазах удивлением уставясь в небо.

— Черный день, — пробормотал Лан. — Чернее я не видел.

— Подожди немного, — сказала ему Морейн. Голос ее прерывался. — Я далеко не уйду, очень голова кружится.

На подламывающихся ногах она подошла к телу Мериан. Да, никаких ответов ей уже не дождаться. Черная Айя, как и прежде, останется под покровом тайны. Нагнувшись,

Морейн выдернула свой нож и вытерла клинок юбками предательницы.

— Ты безжалостна, Айз Седай, — бесстрастно заметил Лан.

— Я безжалостна, насколько должна, — ответила она ему. Крик Дайрика по-прежнему звучал у нее в ушах. А перед глазами падала Изелле, запрокинув к ней лицо. — Похоже, Рин, хоть и Приспешник Темного, сильно ошибся. Ты оказался лучше него.

Лан слегка качнул головой.

— Нет, он был лучше. Но он думал, что со мной все кончено, раз я ранен и рукой двинуть не могу. Он никогда не понимал, что раньше смерти сдаваться нельзя.

Морейн кивнула. Раньше смерти сдаваться нельзя. Да, это верно.

Прошло немного времени, в голове у нее прояснилось, и она сумела вновь обнять Источник. Лана больше тревожило, что нужно сообщить *шатайян* о гибели Бриса и Дайрика, пока ее не известили о страшной находке на городских крышах. Судя по всему, Лану не слишком-то хотелось являться к леди Эдейн с известием о гибели дочери. Что вполне понятно. Морейн тоже тревожило, что время летит очень быстро, хотя причина ее беспокойства была иной. Как только Айз Седай сумела обнять *саидар*, она сразу же исцелила Лана. Он потрясенно охнул, когда сложное плетение Духа, Воздуха и Воды соединило края ран, срастило их, разгладив кожу и не оставив даже намека на шрам. Как и всякий после исцеления, он испытывал слабость, ему даже пришлось опереться на парапет и отдышаться. Какой уж из него в эту минуту гонец.

Морейн аккуратно приподняла тело Мериан, завела его за парапет, опустила поближе к голому горному склону. Потом сплела потоки Огня, и Черную сестру объяло пламя, столь жаркое, что горело оно без дыма, лишь слышалось тихое потрескивание и иногда приглушенно лопался от жара камень.

— Что ты?.. — промолвил было Лан, но потом спросил по-другому: — Почему?

Морейн заставила себя ощутить волны жаркого пламени — точно она стояла у разверстого горнила.

— Нет никаких доказательств, что она из Черной Айя. Только одно — она Айз Седай. — Белой Башне вновь понадобится покров тайны, куда более плотный, чем после гибели Малкир, но Морейн не имела права говорить об этом

Лану. Пока еще рано. — Я не могу солгать о том, что здесь произошло, но я могу ничего не говорить. Ты будешь молчать или сделаешь за Тень ее работу?

— Ты очень жестокая женщина, — в конце концов произнес Лан. Больше в ответ он не сказал ничего, но и этого было достаточно.

— Я жестока настолько, насколько должна, — сказала она ему. Крик Дайрика. Лицо Изелле. Еще надо избавиться от тела Рина и от кровавых следов. Жестока, насколько должна.

Следующее утро было в Айздайшаре утром скорби. На всех шпилях колыхались белые стяги, все слуги выше локтя повязали длинные белые ленты. По городу уже расползались слухи о дурных знамениях, возвещающих о смертях, о кометах в ночи, об огнях в небесах. Таково людское обыкновение — во всем они видят то, что им известно, то, во что они хотят поверить. Во всеобщем горе осталось незамеченным исчезновение Айз Седай, не говоря уже о пропавшем простом солдате.

Морейн возвращалась из покоев Мериан, где она уничтожила все ее имущество — после тщательного обыска, так и не давшего ни единой ниточки к другим Черным сестрам, — когда ей встретилась Эдейн Аррел. Айз Седай шагнула в сторону, пропуская медленно идущую по коридору женщину в белом длинном одеянии, с неровно обрезанными волосами. По слухам, леди Эдейн собиралась удалиться от мира, и Морейн решила, что это уже произошло. Глаза ввалились, взгляд казался разом постаревшим и чем-то очень напоминал Айз Седай взгляд Изелле.

Увидев вошедшую в комнату Морейн, Суан вскочила со стула. Казалось, минула не одна неделя, как Морейн виделась с подругой.

— У тебя такой вид, будто ты сунула руку за наживкой, а тебя вдруг цапнула клык-рыба, — проворчала Суан. — Ничего удивительного. Мне и самой не нравятся дни траура. Впрочем, нам тут делать нечего. Мы можем уезжать, как только ты будешь готова. Райхиен родился на ферме, что почти в двух милях от Драконовой горы. Из-за траура Мериан к нему не попадет. А имея лишь подозрения, она, будь даже и Черной, зла ему не причинит.

Не тот. Что ж, подобного Морейн ожидала.

— Мериан больше никому зла не причинит. А сейчас, Суан, давай-ка разберемся с этой головоломкой. — Усевшись на стул, Морейн начала рассказ с конца и по-быстрому изложила подруге события минувшей ночи, невзирая на ее удивленные восклицания и требования подробностей. Морейн будто заново пережила ту ночь. Немного легче ей стало, когда она заговорила о том, что привело к ночному противостоянию. — Суан, больше всего она желала смерти Дайрика — и его она убила первым. И она пыталась убить Лана. А общее между ними — везение. Дайрик отделался ушибами и царапинами, хотя должен был разбиться насмерть. И все вокруг твердят, что Лан — самый везучий из ныне живущих людей, иначе Запустение убило бы его несколько лет назад. Все это складывается в некий узор, но я никак не могу его осознать. Просто мозги набекрень! Может, и тот твой кузнец — часть этого узора. И сдается мне, Джосеф Надзима из Канлуума — тоже. Он ведь тоже слыл везучим. Если сумеешь, Суан, разгадай эту задачку. Я чувствую, здесь кроется нечто важное, но мне не уловить что.

Суан принялась расхаживать по комнате туда-сюда, подбивая ногами юбки, теребя подбородок, бормоча то «везунчики, значит», то «вдруг откуда-то кузнец», то еще что-то, чего Морейн не разобрала. Вдруг Суан застыла на месте как громом пораженная и промолвила:

— Морейн, она ни сном ни духом не знала о Рахиене. Черным Айя известно, что Дракон Возродился, но будь я проклята, им же не известно *когда!* Может, Тамра не выдала этого, может, они переусердствовали и она умерла раньше, чем они сумели все выпытать. Должно быть, именно так! — Внезапно ее горячность обернулась ужасом. — О Свет! Они решили убить всех мужчин и мальчиков, которые *могут* иметь способность направлять Силу! Чтоб мне сгореть, Морейн, но ведь тогда погибнут тысячи. Десятки тысяч!

Каким бы жутким и ужасающим ни был вывод Суан, но смысл в нем был. Мужчины, способные направлять Силу, редко понимали, что они делают, по крайней мере вначале. На первых порах им как будто просто везло. Благоприятно складывались события, и очень часто, как тот кузнец, они нежданно-негаданно обретали известность. Суан права. Черные Айя решили устроить бойню.

— Но им неизвестно, что искать надо младенца, — заметила Морейн. Твердо, как и должна. — В маленьких мальчиках этот дар ничем себя не проявляет. — Самое раннее — в шестнадцать лет. Раньше, судя по архивным записям, не начинал направлять Силу ни один мужчина, и очень немногие — спустя десять лет после этого срока. — У нас больше времени, чем мы полагали. Но это не повод для беспечности. Любая сестра может оказаться Черной. Как Кадсуане, по-моему. Им известно, что поиски ведут и другие. Если кто-то из выбранных Тамрой отыщет мальчика, а Черные Айя найдут их обоих, или если они решат сначала ее допросить, а не убить сразу, как подвернется случай... — Суан молча смотрела на подругу. — Нам нужно продолжать, — сказала ей Морейн.

— Понимаю, — медленно произнесла Суан. — Просто я никогда не задумывалась... Ладно, коли надо работать, так пора тянуть сети и потрошить рыбу. — Но словам ее недоставало прежней напористости. — До полудня мы уже будем на пути в Арафел.

— Ты возвращаешься в Тар Валон, — сказала Морейн. Вдвоем они будут вести поиски не быстрее, чем Морейн в одиночку, а коли им нужно разделиться, то для Суан не придумать лучшего места, чем помощница при Сеталии Делармe, в чьи обязанности входит просматривать сообщения всех «глаз и ушей» Голубой Айя. Голубая была маленькой Айя, но поговаривали, что у каждой Голубой сестры сеть соглядатаев куда больше, чем у любой из прочих. Пока Морейн ищет мальчика, Суан будет в курсе происходящего во всех странах и, зная, что искать, сумеет обнаружить любые следы Черной Айя или Дракона Возрожденного. Обычно Суан прислушивалась к голосу разума, нужно было лишь предоставить неопровержимые доводы, однако на сей раз Морейн пришлось потратить немало сил и времени, чтобы ее убедить, и с подругой Суан согласилась с весьма кислой миной.

— Сеталия мной дырки начнет затыкать за то, что я убежала без спросу, — ворчала Суан. — Чтоб мне сгореть! Да она меня в Башне вывесит коптиться! Морейн, политика эта такая штука, что с тебя в трескучий мороз семь потов сойдет! Как я ее ненавижу! — Но сама уже принялась рыться в сундуках, прикидывая, что возьмет с собой в дорогу до Тар Валона. — Думаю, ты не забыла предупредить того парня,

Лана. Мне кажется, предостеречь его не помешает, а уж поможет ли это... Слышала, он уехал с час назад, отправился в Запустение. Ну, коли он там не погибнет... Куда это ты?

— Мне с ним еще надо одно дельце закончить, — только и ответила ей Морейн. В первый же день, как познакомилась с ним, она приняла решение и теперь твердо собиралась исполнить задуманное.

В конюшне, где оставалась Стрела, Морейн швыряла серебряные марки точно пенни, и в два счета кобыла была оседлана и взнуздана. Морейн вскочила в седло, ничуть не беспокоясь, что юбки задрались выше колен. Ударив лошадь каблуками, Айз Седай галопом вылетела из ворот Айздайшарского дворца и поскакала через город на север. Испуганные прохожие кидались врассыпную, а когда какой-то возница, замешкавшись, не успел убраться с дороги, Морейн послала Стрелу вперед, и та лихо перескочила через пустую телегу. Позади раздавались суматошные крики, кое-кто грозил кулаком вслед лихой всаднице.

На дороге, ведущей на север, она, придержав лошадь, расспросила ехавших навстречу возчиков, не видели ли они мужчину, с виду Малкири, на гнедом жеребце. Услышав первое «да», Морейн почувствовала нечто большее, чем облегчение. Миновав мост через ров, Лан мог отправиться куда угодно, в любую сторону. И обогнав ее на целый час... Она нагонит его во что бы то ни стало, даже если ей придется отправиться в Запустение!

— Малкири? — Костлявый купец в темно-синем плаще был явно озадачен. — Ну да, охранники говорили, что видели его вон там. — Повернувшись на козлах, он указал на травянистый холм в сотне шагов от дороги. На самом виду, на гребне, стояли две лошади, одна — вьючная, и на утреннем ветерке вился дымок от костра.

Когда Морейн спешилась, Лан едва поднял на нее взгляд. Стоя на коленях, он длинной веткой ворошил пепел погасшего костерка. Странно, но в воздухе явственно ощущался запах сгоревших волос.

— Я надеялся, мы с тобой больше не увидимся, — сказал Лан.

— И напрасно, — ответила ему Морейн. — Сжигаешь свое будущее? Многие станут горевать, если ты сгинешь в Запустении.

— Сжигаю свое прошлое, — сказал он, вставая. — Сжигаю воспоминания. Страну. Золотой Журавль больше не взлетит. — Лан принялся ногой засыпать пепел, потом помедлил, наклонился, сгреб полные горсти влажной земли и медленно, почти церемонно, высыпал ее на кострище. — Никто не станет горевать обо мне, когда я умру, потому что те, кто мог, уже мертвы. К тому же все смертны.

— Лишь глупцы хотят умереть раньше срока. Я хочу, чтобы ты, Лан Мандрагоран, стал моим Стражем.

Он не мигая уставился на нее, потом покачал головой.

— Как я сам не догадался, что дойдет до этого. У меня своя война, Айз Седай, и у меня нет желания помогать тебе опутывать мир тенетами Белой Башни. Поищи кого другого.

— Я сражаюсь в той же войне, что и ты, — в войне с Тенью. Мериан была Черной Айя. — И она рассказала ему все, начиная с Предсказания Гайтары Моросо, которое услышали Амерлин и две Принятые, и кончая теми выводами, к каким пришли они вдвоем с Суан. Для кого другого Морейн многое бы оставила недоговоренным, но между Стражем и Айз Седай почти не бывает тайн. Для кого другого Морейн смягчила бы суровую правду, но она не верила, что его испугают скрывающиеся в неизвестности враги, пускай они даже и Айз Седай. — Так говоришь, ты сжег свое прошлое. Оставим былому пепел прошлого. Это та же война, Лан. Даже самая важная битва в этой войне. И в ней ты можешь победить.

Несколько долгих минут он стоял и молча смотрел на север, в сторону Запустения. Морейн сама не знала, как ей быть, если он откажется. Она рассказала ему многое — столько она могла сказать только своему Стражу.

Вдруг Лан повернулся к ней, сверкнул меч, и на миг Морейн показалось, что он хочет напасть на нее. Вместо этого он как подрубленный пал перед ней на колени, обнаженный меч лежал у него на ладонях.

— Именем моей матери клянусь — я обнажу его, когда ты скажешь «обнажи», и спрячу в ножны, когда ты скажешь «спрячь». Именем моей матери клянусь — я приду, когда ты скажешь «приди», и уйду, когда ты скажешь «уходи». — Лан поцеловал клинок и выжидающе посмотрел на нее. Он стоял на коленях, но любой король на троне показался бы рядом с

ним образчиком смирения. Ради его же блага ей придется обучить его покорности. Иначе обмелеет немало прудов.

— И кое-что еще, — сказала она, возлагая руки ему на голову.

Плетение Духа было одним из самых сложных, известных Айз Седай. Оно окружило Лана, опутало его, слилось с ним и исчезло. И сразу она почувствовала его — как чувствуют своих Стражей Айз Седай. Его эмоции будто свернулись маленьким клубочком где-то в глубине ее сознания — твердая как сталь решимость, отточенная будто клинок меча. Она осознавала притупившуюся боль его старых ран. Если понадобится, она может почерпнуть у него сил, может отыскать его, сколь бы далеко он ни находился. Отныне они связаны узами.

Лан медленно, плавным движением поднялся, вкладывая меч в ножны и рассматривая ее.

— Те, кого там не было, называют ее Битвой у Сияющих Стен, — неожиданно промолвил он. — Те же, кто был там, называют ее Кровавым Снегом. И все. Они знают, что это за битва. Утром первого дня я вел за собой почти пять сотен воинов. Кандорцев, салдэйцев, доманийцев. К вечеру третьего дня половина либо погибла, либо была ранена. Прими я какие-то другие решения, некоторые из погибших были бы живы. Но где-то в другом месте погибли бы другие. На войне ты молишься за погибших и скачешь дальше, потому что за горизонтом всегда ждет новое сражение. Помолись за погибших, Морейн Айз Седай, и едем.

Ошеломленная, она чуть рот не раскрыла от изумления. У нее совсем вылетело из головы, что узы действуют в обе стороны. Он тоже чувствовал ее состояние и, видимо, разобрался в ее чувствах куда лучше, чем она — в его. Мгновение спустя она кивнула, хотя и не ведала, сколько нужно молитв, чтобы забыть о прошлом.

Протянув Морейн уздечку Стрелы, Лан сказал:

— Куда мы отправимся сначала?

— Обратно в Чачин, — промолвила Морейн. — Потом в Арафел, и... — Осталось так мало имен тех, кого легко разыскать. — А дальше, если надо, — по всему миру. Либо мы победим в этой битве, либо погибнет мир.

Бок о бок всадники спустились с холма и направились на юг. Позади них под рокот грома наливалось свинцовым мраком небо — еще одна поздняя гроза накатывалась из Запустения.

Содержание

Предисловие 7

Стивен Кинг ***Темная Башня*** 13
Смиренные сестры Элурии 18
Глава первая 18
Глава вторая 30
Глава третья 36
Глава четвертая 45
Глава пятая 54
Глава шестая 65

Терри Пратчетт ***Плоскомирье*** 79
Море и рыбки 84

Терри Гудкайнд ***Меч Истины*** 129
Долги предков 135

Орсон Скотт Кард ***Альвин Созидатель*** 209
Человек с ухмылкой на лице 214

Роберт Силверберг ***Маджипур*** 247
Седьмое святилище 254

Урсула Ле Гуин ***Земноморье*** 319
Ящерка 326
1. Ириа 326
2. Слоник 333
3. Азвер 355
4. Ириан 380

Тед Уильямс ***Память, горе и терния*** 389
Явившийся в пламени 394

Джордж Р. Мартин ***Песнь льда и огня*** 441
Межевой рыцарь. Повесть семи королевств 446

Энн Маккэффри ***Перн*** 525
Скороходы Перна 530

Раймонд Фейст ***Сага о войне со змеями*** 581
Дровяной Мальчик. История времен Войны Провала 587

Роберт Джордан ***Колесо Времени*** 613
Новая весна 619

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д.14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д.18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д.132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д.17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Легенды

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Это — книга-сенсация!

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров.
Стивена Кинга, создавшего мир «Темной башни».
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир «Земноморья».
Роберта Джордана, создавшего мир «Колеса времен».
Терри Гудкайнда, создавшего мир «Меча Истины».
И многих, многих других — тех, что не просто пишут романы-фэнтези, а, подобно демиургам, полетом фантазии творят миры. Тех, которым нет равных. Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников попутешествовать по этим мирам еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны СПЕЦИАЛЬНО для антологии.

ISBN 5-17-005255-3
9 785170 052554